

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

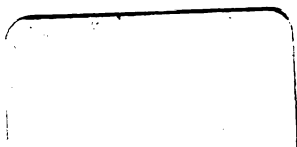
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51w 22.14

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ФЕВРАЛЬ

1880

ДѢЛО

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

№ 2. ✓

СОДЕРЖАНІЕ.

1. КРУТЫЯ ГОРКИ. Романъ. (Часть I. Гл. VIII—XV.). Я. И. ПОЛОНСКАГО.
2. ИЗЪ „ЗИМНИХЪ ПѢСЕНЬ“. Стихотвореніе. И. В. БЫКОВА.
3. КОМИСИЯ УЛОЖЕНІЯ И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II. (Ст. вторая). С. С. ШАНКОВА.
4. МНѢ ЖАЛЬ ТЕБЯ! Стихотвореніе. С—КАГО.
5. ХАМЕЛЕОНЪ. Историческій романъ. (Гл. XI—XVI.) Перев. съ испанскаго. ПЕРЕСА ГАЛДОСА
6. КОНТРАСТЫ. Стихотвореніе. С—КАГО.
7. ИЗНАНКА ЦИВИЛИЗАЦІИ. Дѣти въ большихъ городахъ. (Окончаніе). Л. И. МЕЧНИКОВА.
8. ДОЧЬ ІЕЗАВЕЛИ. Романъ. (Часть I. Гл. VIII—XVI.) Перев. съ англійскаго. УИЛЬКИ КОЛИНЗА.

(См. на оборотѣ.)

9. ПАУТИНА. Сцены. (Продолженіе.) . Н. Н. НАУШОВА.
 10. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ТИПЫ XVIII-ГО
 ВѢКА П. УГРЮМОВА.
 11. МОЛИТВА. Стихотвореніе. (Изъ Дран-
 мора.) М. П. ШЕЛГУНОВА.
 12. ДВА БРАТА. Романъ. (Часть I. Гл.
 IV—X.) К. И. СТАНЮКОВИЧА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

13. ГНИЛЫЕ КОРНИ. (Ст. первая.) . . . Н. НИКИТИНА.
 Недавнее.—Въ ожиданіи лучшаго.—Первая борьба.—Баритонъ.—В. Кре-
 стовскаго (псевдонимъ).
 14. БѢДНОСТЬ РУССКОЙ МЫСЛИ. . . Н. В. ШЕЛГУНОВА.
 Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг.
 Издалъ Михайлъ Боткинъ. Съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб., 1880 г.
 15. ИЗСЛѢДОВАНІЯ СТРАНЫ, ГДѢ
 РАКИ ЗИМУЮТЪ. S. S.
 Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Auf der Veranstaltung des
 Vereins für die deutsche Nordpolarfahrt in Bremen untergenommen mit
 D-r A. E. Brehm und Karl Graf von Waleburg-Zeil-Trauchburg von
 D-r O. Finsch. Mit 56 Illustrationen. Uebersichtskarte und 3 Kartenskizzen.
 213. Berlin. 1879.—А. Норденшельдъ. Экспедиція къ устьямъ Енисея, въ
 1875 и 1876 гг., Спб. 1880.—О торговыхъ сношеніяхъ Сибири морскимъ
 путемъ съ иностранными портами. Спб., 1879.
 16. ЕСТЬ-ЛИ О ЧЕМЪ ВСПОМИНАТЬ НАМЪ? . . Г. Б.
 „Изъ дальнихъ лѣтъ воспоминаній“ Т. П. Пассекъ.
 17. НОВЫЯ КНИГИ
Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Очеркъ изъ малороссій-
 ской поэзіи. А. Боровиковскаго. Спб., 1879. — **Земскій Ежегодникъ за**
1877 годъ. Спб., 1879. — **Записки Сибирскаго Неврода.** Охотничьи
 рассказы Н. Г. Шледова. Спб., 1880. — **Приключенія Гаспара ванъ-**
деръ-Гоммъ. Тайны Берлина. Романъ, соч. Тиссо и Америко. Изд. редак-
 ція журнала „Библиотека для Чтенія“. Спб., 1880. — **Парижскіе нравы.**
 (Жизнь и размышленія Фридриха Томаса Грендоржа.) Н. Тэна. Переводъ
 съ французскаго. Москва. 1880. — **Матеріалы для исторіи земской дѣ-**
тельности по народному образованію въ Вологодской губерніи. Уездъ во-
 логодскій. Съ приложеніемъ карты грамотности. Составили Н. Полиев-
 товъ и А. Ивановъ. Вологда, 1879.
 18. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ П. Ш.
 Наши международныя торговля отношенія.—Какъ выгодно совершаемъ мы
 обмѣвъ и что получаемъ отъ иностранцевъ за наше масло, хлѣбъ, мясо,
 ленъ, пеньку и другіе предметы первой необходимости?—Какъ иностранцы
 овладѣли нашими рынками не только со стороны Европы, но и со сторо-

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

№ 2.

Б. И. С.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САМАРСКОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39
1880.

59-16

A

PSUV 236.4 (14, No. 2)

65-4...

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 февраля 1880 года.

КРУТЫЯ ГОРКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА VIII.

Петя многимъ казался вялымъ, несообщительнымъ мальчикомъ; невзгоды семейной жизни, въ особенности жизнь и смерть его матери, сдѣлали его на видъ угрюмымъ и несообщительнымъ. Онъ былъ юношей крѣпкаго тѣлосложенія, но нервы его были уже разстроены и онъ нерѣдко страдалъ бессонницей. Онъ сталъ чутокъ ко всѣмъ явленіямъ жизни...

Мутной, далеко некристальной волной текла его молодая жизнь, и, не будь простодушной Мавры, чѣмъ-то острожнымъ вѣяло-бы на него отъ этой некомфортабельной, пыльной, тусклой квартирки, съ окнами на дворъ, съ подъѣздомъ, занесеннымъ снѣгомъ, и съ старой, ни разу при немъ неподновленной мебелью. Любящее сердце Пети не вѣрило ни въ любовь отца, ни въ любовь сестры, и это недовѣрчивое чувство къ нимъ мало-по-малу, невольно, перенесъ онъ и на своихъ школьныхъ товарищей. Онъ давно уже пересталъ съ ними драться и ссориться, но такъ-какъ лучшіе изъ нихъ хотѣли, во что-бы то ни стало, быть умнѣе его, и относились иронически къ его бреднямъ и къ его брезгливому вѣломудрiю, то Петя не находилъ между ними ни одного постоянного друга, ни одного наперсника. Ознобинъ, до своего отъѣзда въ Псковъ, былъ едва-ли не единственный человѣкъ, съ которымъ онъ пускался въ откровенности; но ранняя юность не-

постоянна, — и, цѣлый годъ не встрѣчаясь съ Ознобинимъ, Пета успѣлъ-таки порядкомъ отвыкнуть отъ этого чудака, друга его матери и наставника.

Ознобинъ былъ естествоиспытатель, — астрономъ, геологъ, антропологъ, физиологъ, — и, къ удивленію многихъ, считалъ себя человекомъ вѣрующимъ. Въ сущности-же, онъ вѣрилъ въ одно: въ науку, — да только не въ современную и всѣмъ доступную науку, со всѣми ея задачами, открытіями и выводами, а въ ту науку будущаго, которая фактами докажетъ намъ, что есть духъ, есть разумная, конечная цѣль нашего земного бытія, и что мы безсмертны... (Можетъ быть, и не всѣ, прибавлялъ онъ, — а только тѣ, которымъ оно нужно, которые сами жаждутъ этого безсмертія.)

И не разъ Ознобинъ, наединѣ съ Петей, пускался въ слѣдующія разсужденія:

„Вотъ, видите, муха; бьется она въ стекло, хочется ей пролетѣть насквозь, и она бьется... но почему бьется? Да потому, что видитъ она свѣтъ, а о плотности стекла, какъ прозрачнаго тѣла, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Если вы отворите окно, муха и о той силѣ, которая отворила его, тоже не будетъ имѣть никакого понятія; но если-бы она разсуждала, какъ мы разсуждаемъ, то все это показалось-бы ей какимъ-то ни чѣмъ необъяснимымъ чудомъ. Но чудо-ли это для насъ съ вами? Нисколько... Такъ чудесное для насъ — вовсе не чудесно для того, кто, положимъ, знаетъ бы природу вещей во 100 разъ или въ 1,000 разъ больше, чѣмъ знаетъ самый ученѣйшій изъ нашихъ ученыхъ. О творческихъ силахъ, которыя все создаютъ, пересоздаютъ, строятъ и перестраиваютъ, у которыхъ и позади, и впереди цѣлая вѣчность — мы имѣемъ только кой-какія понятія или представленія; но будетъ время, когда“...

И Ознобинъ начиналъ пророчествовать, что наука, въ высшей стадіи своего развитія, будетъ именно тѣмъ духомъ-утѣшителемъ, о ниспосланіи котораго пророчилъ намъ Христосъ...

— Э... Понимаете? кончалъ онъ вопросомъ.

— Понимаю, говорилъ Пета и проникался любовью къ науцѣ, которая будетъ для всего человѣчества духомъ-утѣшителемъ, ибо самъ онъ сильно нуждался въ этомъ утѣшеніи, быть можетъ такъ-же, какъ и Ознобинъ.

Изучая древніе языки, — ихъ грамматику, синтаксисъ и даже метрику, — Петя никакъ не могъ понять — къ чему ведетъ это ученіе; но толчекъ и къ этому ученію былъ данъ ему все-таки не школой, а тѣмъ-же нѣскольکو мистическимъ, на половину вѣрующимъ Оздобинимъ.

Петя съ первыхъ классовъ постоянно получалъ хорошіе балы по предметамъ закона божія, т. е. изъ священной исторіи, катехизиса и церковной исторіи; но напрасно думаютъ иные воспитатели, что уроки священнаго писанія могутъ создавать вѣрующіхъ или воспитывать юные умы въ духъ христіанства и православія: для этого нужны не только уроки, но и люди, — люди, святость которыхъ и евангельскій духъ любви — сіялъ-бы и очамъ, и сердцамъ юнаго поколѣнія съ такою-же очевидностью, съ какою свѣтитъ солнце.

А отецъ Филиппъ произвелъ на нервнаго юношу не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе.

Петя, хотя и ѣлъ пироги у сестры съ такимъ-же аппетитомъ, какъ и другіе, хотъ и былъ озадаченъ предположеніемъ сестры, что отецъ ихъ — богачъ, которому ничего не стоитъ дать ей десять тысячъ, все-таки, уходя домой, никакъ не могъ отдѣлаться отъ вопроса: язычникъ онъ или не язычникъ? Онъ-ли правъ или правъ отецъ Филиппъ?

Вернувшись домой въ глубокія сумерки, онъ не засталъ отца и, чтобы отогрѣться, сталъ, топя ногами, ходить по всѣмъ комнатамъ. Шоколадъ и кусокъ пирога помогли ему ждать и не торопиться съ обѣдомъ, и только часу въ седьмомъ, не дождав-шись родителя, онъ принялся за щи и жаренаго поросенка. Мавра, подгорюнясь, глядѣла — кака онъ ѣсть; а онъ и ѣлъ, и рассказывалъ, какъ нашелъ сестру свою и каковъ у нея мужъ.

— Мужъ — ничего, такъ себѣ, говорилъ онъ, — не хорошъ, но... и не очень дуренъ... Авось какъ-нибудь сживутся...

— Какъ-нибудь сживутся, повторила старуха.

— Богатства не видать, но... кое-какія деньжонки, должно быть, водятся: мебель новая, и кухня чище, чѣмъ у насъ, и посуда... тоже новая...

— А вотъ хотъ-бы ты сказалъ отцу, что у насъ вострюли надо вылудить, — не лужены давно.

— Не лужены? Скверно! Еще, пожалуй, животы заболятъ. Скажи ему, если не лужены... Онъ тебя лучше слушаетъ.

— Слушаетъ! Онъ никого, окромѣ себя, не слушаетъ.

— Ну, вотъ!

Петя всталъ изъ-за стола и пошелъ къ себѣ въ комнату. Лицо Духова, — лоснившіяся щеки, вздернутый носъ, очки и напряженное выраженіе глазъ въ ту минуту, когда онъ ему подмигивалъ, — живо пронесли въ его воображеніи...

„Учитель, какъ есть учитель!! Ничего поэтического!“ подумалъ Петя, принимаясь за тетради и книги.

Въ девять часовъ Мавра принесла ему стаканъ жидкаго чаю и два сухаря.

Петя указалъ ей на свѣчу свою, которой осталось не болѣе, какъ вершка полтора. Какъ быть!?.

Мавра знала, что Петѣ давалась всего только одна свѣча на два вечера. Въ долгіе, зимніе вечера, при долгихъ, усиленныхъ занятіяхъ, — для Пети этого было мало. Мавра иногда, на всякій случай, сберегала ему огарки; но на этотъ разъ, какъ кажется, кромѣ свѣчки въ запертомъ кабинетѣ Егора Антоновича, не было въ домѣ ни единого огарочка.

— Ложись ты лучше спать, сказала она Петѣ. — Чего расписался... Пишешь, пишешь, а что толку-то?.. Все равно, помремь...

И она вышла, унеся съ собой пустой стаканъ и чайную мельхиоровую ложечку.

„Помремь“, повторилъ Петя и, раньше чѣмъ погасъ огарокъ, около полуночи, ощутилъ въ себѣ такой приливъ тоски или грусти, что уже не могъ работать.

Онъ раздѣлся и сѣлъ на кровати. При колеблющемся свѣтѣ пылающей бумаги, которою подвернута была свѣча, еще видны были стѣны съ растрескавшимися обоями, вколоченные гвозди и все то, что было на нихъ развѣшано: башлыкъ, въ видѣ колпака съ длинными тупыми концами, полотенце, дорожная сумка съ стальнымъ замочкомъ, подаренная ему крестной матерью, какой-то пучекъ веревокъ, какіе-то пузыри. Но Петя находился въ состояніи полу-бреда или мистическаго созерцанія. Низенькій потолокъ, озаренный голубоватымъ заревомъ умирающаго огонька, не мѣшалъ ему видѣть небо, звѣзды, и тамъ, въ темныхъ безднахъ,

за предѣлами міра, другіе міры, плавающіе въ видѣ смутно свѣтящихся пятенъ.

„Ну развѣ все это постижимо!? воскликнулъ онъ про себя, закидывая голову и приподнимая руки. — Господи! Если ты и всадъсущъ, и безконеченъ, если ты и здѣсь, и тамъ, — въ этой конурѣ, и въ той дали, — то какой-же образъ или видъ я могу придать тебѣ!?. Нѣтъ, ты непостижимъ, и никто, никто, никогда не можетъ постичь тебя!!“

Петѣ захотѣлось молиться, и человѣческой образъ въ видѣ Спасителя заслонилъ собою и эти темныя бездны міра, и эти тайны вселенной. Никакого другого образа не могъ и вызвать передъ собою несчастный Пета, всѣми силами отчаявшейся души своей старавшійся представить себѣ Творца вселенной. Онъ поднималъ плечи, нагнулъ голову и закрылъ лицо свое горячими ладонями.

„Это Христосъ! подумалъ онъ. — Только его я и могу вообразить себѣ. Богъ, какъ всевѣдущій, знаетъ, что мы не въ силахъ представить себѣ безконечнаго, и является намъ въ конечныхъ, человѣческихъ формахъ: это намъ по силамъ и это намъ дано въ образѣ Сына Божія“.

Помолясь и перекрестясь съ чувствомъ глубоко вѣрующаго, Пета ощущалъ свою подушку, легъ и закрылся одѣяломъ. Мозгъ его былъ утомленъ не совсѣмъ обычнымъ для него возбужденіемъ; но Петю успокоила мысль, что онъ не язычникъ и что незнакомый ему священникъ напрасно такъ обозвалъ его.

„Впрочемъ, продолжалъ онъ думать, — пусть я буду казаться невѣрующимъ, это лучше, это гораздо лучше: по крайней мѣрѣ, никто не назоветъ меня дуракомъ“...

Такія думы и такіе молитвенные экстазы находили на Петю очень рѣдко, но онъ никогда никому не говорилъ объ нихъ. Вставая на другой день, онъ уже не думалъ ни о чемъ, кромѣ своихъ уроковъ, стакана чаю, булки или того — какова погода, который часъ, и успѣеть-ли онъ пѣшкомъ дойти до гимназіи. Гимназія была не близко, и ради того, чтобы придти туда вовремя, онъ долженъ былъ просыпаться рано.

ГЛАВА IX.

Весьма немногіе—можетъ быть, Померанскіе, Ознобинъ, да еще кто-нибудь—знали домашнюю, семейную жизнь Клина. Въ послѣдніи пять-шесть лѣтъ Егоръ Антоновичъ самъ упрасивалъ своихъ старыхъ знакомыхъ и пріятелей не дѣлать ему визитовъ и несообщать имъ своего адреса: онъ всѣхъ увѣрялъ, что его съ утра до ночи нѣтъ дома и что напрасно ѣхать къ нему—къ чорту на кулички.

Самъ-же онъ, если не работалъ при свѣчахъ и газовыхъ лампахъ въ департаментѣ, то непремѣнно засѣдалъ гдѣ-нибудь въ гостяхъ, игралъ въ преферансъ, разумѣется, осторожно и по-маленькой, слушалъ городскія сплетни, велъ дѣловыя разговоры, и, надо отдать ему справедливость, рѣдко любезничалъ съ дамами. Вообще, внѣ дома, онъ былъ остороженъ—тише воды, ниже травы,—и только изрѣдка рѣшался, не безъ чувства собственного достоинства, присаживаться къ клавишамъ и играть. Онъ все еще игралъ довольно бойко, *en artiste*, и не отказывался играть въ обществѣ, особенно послѣ сытнаго ужина, трюфелей, портеру и шампанскаго.

По большей части, слушающіе игру Клина немного смыслили въ музыкѣ, и Клинь зналъ это, но ему все-таки было пріятно вѣрить ихъ похваламъ, улыбкамъ и рукопожатіямъ.

Принявъ и проводивъ замужнюю дочь свою, Клинь былъ дня два-три въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, ходилъ изъ угла въ уголь, потирая руки, не придирался къ Петѣ и нерѣдко, за обѣдомъ, шутилъ съ Маврой. Шутки его всегда отзывались нѣкоторою циничностью. Вообще этою циничностью выраженій Клинь никогда особенно не смущался,—ни при покойной женѣ, ни при взрослой дочери, — а теперь, при Петѣ, старшій артистъ, разумѣется, и совсѣмъ пересталъ церемониться.

Но потомъ пустота и тишина квартиры, когда Мавра уходила на базаръ, а Петя въ гимназію, и когда некому было запереть двери за Клиномъ, если-бы онъ вздумалъ куда-нибудь отправиться, иногда наводили на него хандру, страхъ и даже злость. Но злиться было не на кого. Ужь нельзя было призвать Аниуту, дать ей пришить пуговицу или починить галстухъ, разбранить,

напугать ее и затѣмъ велѣтъ ей подать шубу и запереть за нимъ двери.

Разъ онъ очутился въ отчаянномъ положеніи. Ему нужно было везти къ „его превосходительству“ какія-то бумаги, которыя слѣдовало доставить непременно къ двѣнадцати часамъ, и что-же? пройдясь по своей квартирѣ, онъ убѣдился, что все пусто, что даже дверь изъ кухни на черную лѣстницу не замкнута!.. Несмотря на физическую возможность уйти, Клинь былъ похожъ на рыкающаго льва, запертаго въ клѣткѣ: не было никакой нравственной возможности покинуть домъ свой на жертву ворами, которые часто снились Клину, или на жертву всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей.

Въ это тяжелое для него утро откуда-то вернувшаяся Мавра чуть не была сброшена съ лѣстницы, а его превосходительство, начальникъ департамента, узналъ, что у Клина сбѣжала дочь и вышла замужъ безъ родительскаго позволенія. Все это было впервые высказано самимъ Клиномъ, какъ-бы въ оправданіе того, что онъ опоздалъ на цѣлые три четверти часа, и, дѣйствительно, этой новостью онъ умилостивилъ строгаго начальника, даже навелъ на него нѣкоторый страхъ за участь всѣхъ вообще родителей и за распушенность дочерей, воспитанныхъ, повидимому, въ самыхъ строгихъ правилахъ.

Съ этого непріятнаго дня Клинь сталъ вставать раньше, и такъ-какъ въ это время было темно, то онъ зажигалъ огарокъ и отправлялся въ комнату къ сыну, который нерѣдко долженъ былъ умываться и одѣваться ощупью въ сумеркахъ декабрьскаго утра, если ни у него, ни у Мавры не случалось подъ утро ни свѣчи, ни огарка. Петя-же утромъ вставалъ около семи часовъ, тотчасъ-же надѣвалъ свою вѣтромъ подбитую шинель, повязывался башлыкомъ сверху кепи, пакидывалъ за спину кожаную сумку съ книгами и тетрадами и отправлялся въ гимназію. Клинь замыкалъ всѣ двери и выходилъ со двора не раньше возвращенія Мавры, которая уже не смѣла—возвращаться съ базара позднѣе десяти часовъ.

Петя тоже, хотя и не грустилъ о томъ, что Анна покинула домъ, но все-таки чувствовалъ ея отсутствіе, особенно въ долгіе зимніе вечера, оставаясь совершенно одинъ или самъ другъ съ Маврой, которая вѣчно была въ одномъ и томъ-же настроеніи

духа: казалось, она и тогда была въ духѣ, когда голодала или когда, вернувшись съ мороза, разувалась и оттирала холодными руками застывшія ноги.

За то читать, мечтать, припоминать первую любовь свою, начинать и по-своему философствовать настало для Пети самое удобное время. Ознобинъ, который со дня своего возвращенія, раза два или три посѣтилъ его, былъ тоже въ какомъ-то особенно-мечтательномъ настроеніи, больше обыкновеннаго тянулъ рѣчь свою и, наконецъ, признался, что онъ скоро женится. — Когда? На комъ? Что за особа его невѣста? не безъ участія спрашивалъ Петя и получалъ слѣдующіе отвѣты:

— Когда — не знаю; а не знаю потому, что я еще не сватался. На комъ — это я могу вамъ сказать: на дѣвушкѣ, которая... э... можетъ съума свести, если захочетъ; на дѣвушкѣ, которая напоминаетъ мнѣ типъ вашей покойной матери... э... этишь, я думаю, все связано.

Для Пети этими словами ничего не было сказано.

— Да, какъ-же зовутъ ее? Какъ ея фамилія?

— А вотъ... э... я какъ-нибудь васъ къ ней сведу и познакомлю. Вамъ будетъ даже очень полезно такое знакомство...

— Почему?..

— Есть дѣвушѣи, которыя настраиваютъ нашу душу на все хорошее, высокое и праздничное. Женственности въ нихъ много, а женственность — это... э... сила, безъ которой ничто же бытъ, еже бытъ... Всѣмъ міромъ она заправляетъ! Вотъ что такое женственность.

— Познакомьте, непременно познакомьте, говорилъ Петя, и въ глубинѣ души своей завидовалъ Ознобину.

Но дня за два до Рождества, а именно съ того дня, когда ученики всѣхъ школъ бываютъ распущены по домамъ, Ознобинъ пропалъ, точно въ воду кануль.

ГЛАВА X.

Было 24 декабря; наступилъ поздній вечеръ. Обыкновенно въ это время, кромѣ поскрипыванія пера въ комнатѣ Пети, постукиванья мятника въ столовой да похрапыванья задремавшей Мавры

въ кухнѣ никакихъ иныхъ звуковъ въ квартирѣ Клина не раздавалось.

Но на этотъ разъ въ кухнѣ у Мавры слышались голоса, хлопанье двери и чьи-то мужскіе шаги; словомъ, чувствовалось присутствіе въ кухнѣ гостей.

Петя, одинъ-одинехонекъ, лежалъ, вытянувъ ноги, на диванчикѣ въ той самой гостиной, гдѣ мы въ первый разъ познакомились съ нимъ. Полный мѣсяцъ серебрилъ стекла оконъ, освѣщала вѣсь пустыне подоконники и даже захватывалъ часть крашенаго, недавно мытаго пола. Въ столовой было такъ-же темно, какъ и въ передней; отца не было дома.

Петя хандрилъ. На этотъ разъ хандра его нашла себѣ пищу въ нѣсколько оскорбленномъ самолюбіи.

Предполагая, что въ этотъ вечеръ у Померанскихъ елка, Петя съ утра ждалъ пригласительной записки. Такъ-какъ уже нѣсколько лѣтъ онъ проводилъ этотъ сочельникъ въ семьѣ у своей крестной матери, въ той семьѣ, гдѣ прожила свои послѣдніе годы родная мать его, то онъ былъ увѣренъ, что и на этотъ разъ пригласятъ его. Но приглашенія не было, и, наконецъ, онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что о немъ забыли. Это его огорчало и онъ въ этотъ вечеръ втрое сильнѣе чувствовалъ свое сиротство и одиночество.

„Да и зачѣмъ ей, моей крестной, приглашать меня? У ней своихъ много. Что я такое для нихъ, что-бы меня помнить? Спасибо и за то, что призрѣли мать мою, дали ей уголокъ въ своемъ домѣ... Чего еще?! Только этотъ Володька почему-то задралъ носъ; думаетъ, что студентъ, такъ ему и чортъ не братъ... Положимъ, Алексѣй малый дѣльный, тому не до меня; а что этотъ Володька то о себѣ воображаетъ?! Туда-же—принципъ равенства проповѣдовалъ, искусство въ грязь топталъ, латинскіе книги сжегъ... хорошо! И Варя стала такой щепетильной, такой „не тронь меня“, что боаясь какъ-нибудь задѣть ее, — чего добраго разсыплется! Моя крестная добрѣ ихъ всѣхъ... Ну, да чортъ ихъ возьми совсѣмъ! Что это они лѣзутъ мнѣ въ голову? Стоять-ли и думать-то о нихъ!“

Такъ выражалъ про себя свою злую досаду нашъ одинокій юноша, и хотя дошелъ до сознанія, что думать объ этомъ не стоитъ, но все-таки никакъ не могъ не вспомнить прошлогодняго вечера подѣ

Рождество и не вообразить себѣ сегодняшней елки у Померанскихъ. Не могъ онъ не вспомнить, какъ въ этотъ вечеръ, послѣ елки, бывало, мать звала его къ себѣ въ комнатку, цѣловала, дарила ему книги, чулки, вязанные ею самой изъ красной шерсти, карандаши, тетради и всякую всячину. Онъ вспомнилъ, какъ, бывало, ночевалъ въ домѣ Померанскихъ и какъ, на другой день, мать поила его своимъ кофе и спрашивала его объ Аннѣ, которая обыкновенно проводила вечера подъ Рождество среди своихъ подругъ, — у Радольеновыхъ.

Часу въ десятомъ Петя почувствовалъ, что затылокъ его, все время упиравшійся въ деревянную ручку дивана, заболѣлъ отъ нажима. Онъ всталъ, зацѣпился за столъ и такъ толкнулъ его, что зазвенѣла лампа, потянулся поглядѣть въ окно и подумалъ: какая свѣтлая, однакожъ, ночь! Настоящая рождественская! Пойду, похожу по улицамъ, куда глаза глядятъ... А что если вдругъ я встрѣчу ея? Узнаю я ее или не узнаю? Обрадуется она мнѣ или не обрадуется? Что, если вдругъ случится что-нибудь романтическое, необыкновенное?..

По темному полу застучали сапоги Пети, онъ пошелъ позвать Мавру; но, отворивъ дверь въ кухню, остановился не безъ нѣкотораго изумленія.

На деревянномъ столѣ, между окномъ и очагомъ, стояла маленькая елочка, въ видѣ рогульки, съ прилѣпленными къ ней желтыми восковыми, только-что зажженными свѣчками. Около стола, на лавкѣ и свамьяхъ, сидѣли гости: бородатый мужикъ въ армякѣ, — повидимому чей-то кучеръ; жена старшаго дворника — въ шерстяной косынкѣ, косая и вѣчно съ какимъ-нибудь ребенчekomъ на рукавъ или у подола; какой-то пожилой, длинный человекъ, вродѣ отставнаго солдата, въ партикулярномъ сюртукѣ, въ крахмальной манишкѣ и въ поружѣломъ черномъ галстукѣ; горничная-племянница Мавры, и ея внучка, дѣвочка лѣтъ восьми, завитая, съ пунцовой лентой поверхъ черныхъ волосъ, блѣдная, какъ воскъ, черноглазая и одѣтая въ лѣтнее кисейное платьице съ коротенькими рукавчиками.

Дѣвочка сидѣла на первомъ мѣстѣ, подъ образами, и когда, при входѣ Пети, всѣ привстали, она одна осталась неподвижной, только подняла на него большіе глаза свои, мягкіе и черные, какъ черный бархатъ. — Она глядѣла хозяйкой или маленькой

феей посреди этого кухоннаго общества. Только передъ ней одной стояла тарелка съ пряниками, изюмомъ и леденцами, тогда какъ передъ другими стояли пивныя бутылки, два стакана и глиняная кружка.

У очага гудѣлъ самоваръ съ наставленной длинной и неуклюжей трубой, на плитѣ стоялъ чайникъ съ отбитымъ кончикомъ носа, желѣзный подносикъ съ чашками; пахло пивомъ и какой-то гарью.

Петя хотѣлъ тотчасъ-же уйти, но Мавра обратила къ нему свое темное сморщенное лице, весело ухмылявшееся, и заговорила:

— Ай, баринъ, голубчикъ! Мы кутимъ; добро пожаловать; не хочешь-ли пряничковъ? А то и чайку съ нами напейся. Чего стоишь, садись, садись...

Петя присѣлъ на кончикъ скамейки.

— А вотъ поглядико-сь, какая у меня внучка то, продолжала Мавра.—Ты что думаешь?.. Она у меня барышня: тапцовать и по французскому тоже учится. Вотъ какъ!.. А ты что про насъ думаешь?.. Такъ-то!..

Дѣвочка даже не улыбнулась, только перевела на Мавру свои большіе, спокойные глаза. А Мавра была на высотѣ своего земнаго благополучія; къ ней пришли родные и нанесли ей всякихъ лакомствъ, внучка-же привезла ей платокъ и маленькую елку, которую и зажгла у нея въ кухнѣ.

Не въ первый разъ Петя видѣлъ эту странную, черноглазую дѣвочку, но впервые обратилъ на нее вниманіе. Онъ слышалъ мелькомъ, что у Мавры есть какая-то внучка, дочь швейцара, что она живетъ у какого-то генерала и воспитывается вмѣстѣ съ маленькой дочерью, что ее привозятъ къ бабушкѣ и увозятъ обратно на генеральскихъ пошевняхъ,—саняхъ стараго покроя,—и что генералъ этотъ тоже старикъ и живетъ гдѣ-то около смоленскаго кладбища...

Петя сѣлъ два мятныхъ пряника и сказалъ:

— У тебя весело, Мавра, только, ради Бога, выпусти меня на улицу.

— А зачѣмъ тебѣ на улицу? Сиди съ нами, чего тебѣ?.. Вотъ, Ефимъ тебѣ пивца нальетъ, а я, пожалуй, пѣсенку спою, про милаго дружка... А?

Но Петя сказалъ, что онъ только пройдетъ и тотчасъ же придетъ домой чай пить.

— Холодно на дворѣ или нѣтъ? обратился онъ съ вопросомъ къ почтенной компаніи.

— Ничего, сказалъ кучеръ:—жить можно.

— Ни чуточки не холодно, протянула косая дворничиха. Была мятель, да и та прошла.

— Мѣсячно... свѣтло... и путь санный... чай много господъ на тройкахъ катается, замѣтилъ верзила въ манишкѣ и ржешь галстукѣ.

— Не озабнете, баринъ, усмѣхалась краснощекая горничная.

— Да куда-же ты пойдешь? А?.. Дитяtko ты мое?!.. А?..

„Ужь точно, что дитяtko“! съ горечью подумалъ Петя, всталъ и позвалъ запереть за нимъ дверь на крючекъ и задвижку.

По сугробамъ свѣжаго, еще рыхлаго снѣга, сверкавшаго при свѣтѣ мѣсяца, Петя перешелъ черезъ улицу по 14 линіи и пошелъ по направленію къ набережной. Онъ и самъ не зналъ—куда идти, зачѣмъ идти.

Морозу было не больше трехъ или четырехъ градусовъ, но, отъ того-ли что Петя только-что вышелъ изъ теплой кухни или отъ того, что нервы его были такъ настроены, ему показалось свѣжо, и онъ ускорилъ свои шаги.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже стоялъ на томъ мѣстѣ, откуда раскрывается просторъ, который ночью кажется еще необъятнѣе,—просторъ, заключающій въ себѣ и ледяную ширь Невы, и куполь Исакія, и Николаевскій мостъ, и безчисленные огоньки фонарей, идущахъ и вправо, и влѣво и въ видѣ золотыхъ линій теряющихся, наконецъ, въ той буровато-темной мглѣ, въ которой тонутъ стройныя очертанія каменныхъ массъ, домовъ и чертоговъ.

Петя остановился и окинулъ глазами знакомый ему просторъ, какъ-бы ища, нѣтъ-ли въ немъ чего-нибудь, особеннаго, праздничнаго... Но ничего праздничнаго не нашелъ онъ въ этомъ холодномъ и блестящемъ просторѣ, можетъ быть, потому, что и въ душѣ его не было ничего праздничнаго. Одно казалось ему: что въ эту ночь непременно случится съ нимъ что-то необыкновенное, не то страшное, не то пріятное...

Идя по слѣдамъ какой-то дѣвушки въ черномъ капотѣ, кото-

рая показалась ему при блескѣ газоваго фонаря идеально хорошенъкой, онъ дошелъ почти до 3 линіи. Дѣвушка вошла въ кондитерскую; онъ послѣдовалъ за нею. Въ карманѣ у него не было ни одной копѣйки, но онъ все-таки сталъ осматривать разложенныя бонбоньерки, кучи конфетъ и печеній, цѣлую полку шоколадныхъ плитокъ, уложенныхъ крестъ на крестъ въ видѣ столбиковъ, круглыя бисквитныя пироги съ узорами изъ фруктовъ и сахару и выставленную на показъ, увѣшанную цвѣтными стежками фонариками елку. Пока онъ все это разглядывалъ, онъ убѣдился, что вошедшая съ нимъ дѣвушка не только не она, но и вовсе не идеально-хорошенъкая, — кондитерша, голубоглазая нѣмочка со вздернутымъ носикомъ и съ такими ямками на щекахъ, что когда она улыбалась, онъ казались маленькими, алаго цвѣта провалами, обратилась къ нему, рекомендуя „очень хорошенъкую“ бонбоньерку.

— Миѣ въ другомъ родѣ... процѣдилъ Петя сквозь зубы, поешился и подумалъ: „Дернула меня нелегкая заходить“.

— Ну, вотъ, не выберете-ли изъ этихъ, — предложила кондитерша, выкладывая передъ нимъ разнаго рода кардонныя, бронзовыя, деревянныя и кожаныя издѣлія, въ видѣ пресъ-папье, звѣрей, корзинокъ и ящичковъ съ музыкой и безъ музыки.

Петя косился на все это и слегка пожималъ плечами.

— А что стоитъ эта елка? спросилъ онъ ее, засунувъ руку въ карманы своихъ панталонъ.

Но нѣмочка, какъ видно, потеряла съ нимъ всякое терпѣніе; вмѣсто отвѣта она поглядѣла на него съ подозрительнымъ равнодушіемъ и обратилась къ другимъ покупателямъ.

Петя поправилъ коши и, нѣсколько сконфуженный, вышелъ на улицу.

Но не успѣлъ онъ пройти и пяти шаговъ, какъ сзади легла на его плечо чья-то тяжелая рука. Петя вздрогнулъ и оглянулся.

— Ты зачѣмъ былъ въ кондитерской? послышался хриплый голосъ; это былъ голосъ отца его.

Петя тотчасъ-же узналъ его лохматую шапку, изъ-подъ которой выглядывали глаза, тупой носъ съ горбинкой и знакомыя, слишкомъ знакомыя черты лица.

— Захотѣлъ погрѣться; озябъ, отвѣтилъ Петя.

— А гдѣ ты былъ, а?

— Нигдѣ не былъ.

— Такъ гдѣ-же ты былъ?

— Я сейчасъ изъ дому и сейчасъ домой... скучно стало, я и вышелъ.

— За юбками, чай, за дѣвченками побѣгать?.. Рано, братъ... Еще на какую нарвешься. Смотри!

— Ни на какую я не нарвусь, потому что... Я-же говорю тебѣ, что стало скучно, и я вышелъ для того, чтобы пройтись на свѣжемъ воздухѣ: цѣлый день дома сидѣлъ, работалъ...

Вѣроятно, отцу его было тоже скучно. Онъ повѣрилъ сыну и сказалъ нѣсколько дрогнувшимъ, даже ласковымъ голосомъ:

— Пойдемъ, Петя, вѣстѣ...

Они пошли и долго оба молчали. Сынъ старался не перегнать отца и сдерживалъ шаги свои; отецъ шелъ своей обыкновенной ровной походкой, нѣсколько перекачиваясь впередъ, какъ-бы слегка кланаясь, лѣвую руку засунувъ въ правый рукавъ шубы, а правую въ лѣвый.

— Чего ты струсилъ, когда я остановилъ тебя. А?

— Струсилъ...

— Чего-же ты струсилъ?

— Думалъ, начальство... Спросили-бы билетъ, за то, что я кеги не снялъ и такъ прошелъ... А у меня съ собой и билета нѣтъ...

— Гм!

Наконецъ, они подошли къ дому, гдѣ квартировали, и вошли въ ворота.

— Пройдемъ черезъ кухню, сказалъ отецъ.

— Да тамъ гости...

— Какіе гости?

— Внучка пріѣхала къ Маврѣ, вонъ и сани стоятъ; нынче у нея елка; пряниковъ, орѣховъ нанесли ей... Она счастливая...

— Гм!

— Что-же, мы только помѣшаемъ ей...

Петя сталъ подниматься по чистой лѣстницѣ. Странно ему было, что отецъ не разсердился и послушно пошелъ за нимъ. Странно показалось и Маврѣ, что молодой баринъ вернулся не одинъ, а самъ другъ съ старымъ баринкомъ.

— Ты что тамъ, никакъ елку затѣяла, дура? Глупости затѣваешь! сказалъ ей Клинь, снимая шубу и откашливаясь.

— Была елка да потухла; пряничками, коли не съѣли, могу поподчивать.

— Да ты не пьяна?

— А, можетъ быть, и пьяна. Внучка у меня. — воспитанница генеральская, — слава тебѣ Господи...

— Давай намъ чаю, перебилъ ее Клинь, — да зажги свѣчи. Гнѣ, вѣчно у тебя спичекъ нѣтъ!.. Хочу я съ Петей тоже Рождество встрѣчать... Петя, куда ты? остановилъ онъ сына, выходя изъ передней. — Давай Рождество встрѣчать...

ГЛАВА XI.

У Мавры самоваръ уже давно кипѣлъ, и даже чай былъ заваренъ; оставалось только принести два стакана и бутылочку рому.

Егоръ Антоновичъ выпилъ свой чай съ подбавкою ямайскаго, повидимому, съ особеннымъ удовольствіемъ; но хандра, хандра безъимянная, никакому анализу не поддающаяся, притаилась на днѣ души его, какъ свернувшійся клубкомъ ежъ, и не оставляла въ покоѣ накопившуюся желчь. Бесѣдуя съ сыномъ, онъ думалъ: „лишь, старая корга! Какая-то тамъ внучка — дѣвчонка и такъ ее балуетъ! Меня, небось, никто не побалуетъ“...

— Петя! сказалъ онъ вдругъ, поднимая голову. — Хотя бы ты меня чѣмъ-нибудь побаловалъ...

— Чѣмъ-же я могу побаловать тебя?

— Вотъ зажги свѣчи у рояля, да сыиграй мнѣ, знаешь, мою любимую сонату Мендельсона... Чай, ты еще не забылъ ее...

— Да вѣдь я не съумѣю, какъ-нибудь совру, и ты рассердишься. Право, лучше не играть, папа.

— Играй...

— Давно ужъ я не игралъ ее.

— Играй...

И пока Петя зажигалъ стеариновые огарки, воткнутые въ два низенькихъ подсвѣчника и уже потемнѣвшіе отъ пыли и времени, Клинь ходилъ по комнатѣ и бормоталъ:

— Вотъ ты-бы послушалъ: нынче, у Тютина, консерваторка одна, дѣвчонка,—такъ, на видъ головастикъ какой то, а какъ играла! Фу! Сила, блескъ, трескъ, роскошь, и такая, братъ, механика, что на славу! Удивительно, право, сколько ихъ нынче развелось, этихъ... гм... артистокъ... Да!—Вотъ, думалъ я, мы съ тобой увидимъ вселенную, а ты и того,—и подгулялъ, братъ.

Старикъ остановился и, пока Петя раскладывалъ ноты, глядѣлъ на него, сильно щурясь, точно мысленно все еще упрекалъ его за то, что, несмотря на всѣ старанія и даже побои со стороны отца, онъ не артистъ и не можетъ удивить вселенную.

Петя проигралъ сонату съ чувствомъ, съ тактомъ и ни разу не ошибся. Отецъ, усѣвшійся въ сторонѣ, остался доволенъ его игрой.

— Спасибо и за то, что не спалъ, проговорилъ онъ. Только въ одномъ мѣстѣ ты немножко смазалъ: *стокатто* это у тебя не вышло... Но спасибо, спасибо...

— Не стоитъ благодарности, отвѣчалъ сынъ съ повеселѣвшими глазами.—Онъ никакъ не ожидалъ, что отецъ останется доволенъ игрой его, и едва-ли не впервые отъ роду слышалъ изъ устъ его „спасибо“.

— Ну, ты меня подразнилъ: теперь я тебѣ что-нибудь сыгравъ,—сказалъ отецъ и, согнавъ Петю, сѣлъ на его мѣсто.

Съ строгимъ, почти злымъ, лицомъ посидѣлъ онъ съ минуту надъ клавишами, потомъ сталъ играть. Клинь, казалось, самъ былъ пораженъ игрой своей. Петя замеръ... Усѣвшись въ уголокъ, около стола, онъ смотрѣлъ то на отца, то въ темный коридоръ, откуда выглядывали Мавра и ея внучка, личико которой бѣлѣлось на темномъ фартугѣ бабушки, какъ на черномъ фонѣ. Очевидно, дѣвочка по собственной охотѣ слушала эту музыку, потому что Мавра не была охотница до фортепианной игры, которой она, разумѣется, не понимала... Но неужели внучка ея понимала эту игру?.. Вотъ, выставилось впередъ ея личико, и какое вниманіе, какая чуткая неподвижность старухи!..

Пѣса, которую разыгрывалъ наизусть старый Клинь, была какого-то фантастическаго содержанія: въ ней слышались то звуки колокола, то заунывная пѣсня, то какой-то легкій, воздушный, точно порхающій танецъ, и все это завершалось торжественнымъ хоромъ и громовыми акордами.

Казалось, это была лебединая пѣсня Клина. Окончивъ игру, онъ опустилъ руки, опустилъ голову. Среди наступавшей тишины послышался въ коридоръ шорохъ, и блѣдное личико дѣвочки, промелькнувъ, исчезло... Петя всталъ и подошелъ къ отцу.

— Ты нынче такъ игралъ, сказалъ онъ—такъ игралъ, что я давно не слышалъ ничего подобнаго!..

Петя конечно зналъ, что отецъ его любитъ похвалу и что ничего не сказать ему—значить огорчить его.

— Ну, да что! вздохнувъ, произнесъ Клинь. Моя пѣсенка спѣта... Ученики мои, и тѣ говорятъ, что будто-бы моя метода устарѣла... И кто-же мнѣ это говоритъ? Фатиска, дрянъ, который о музыкѣ имѣетъ такое-же понятіе, какъ я о китайской грамматикѣ... Поступилъ къ министру, расчесалъ баки, надѣлъ бѣлыя перчатки, отвезъ букетъ къ Пати, и думаетъ, что онъ можетъ судить и о контрапунктѣ, и объ оркестровкѣ, и о мелодіи, и обо всемъ... Ну, да чертъ ихъ возьми! Налей-ка еще рюмочку коньяку. Мнѣ давно уже не было такъ по себѣ, какъ сегодня... Очень я радъ, что ушелъ отъ Тютяна. Эдакій шутъ! Хочеть, чтобъ я... чтобъ я съума сошелъ; увѣряеть, что... эдакую глупость онъ мнѣ сморозилъ... Ну, Петя, какъ ты думаешь: могу я понравиться женщинѣ? А?

— Не знаю, можешь-ли, совершенно искренно отвѣтилъ юноша, свѣсивъ не много на бокъ свою волосатую голову, какъ-бы въ раздумьѣ и сомнѣваясь.

— Нѣтъ, ты скажи: могу я понравиться какой-нибудь эдакой сублильной дамѣ?.. А?

— Все бываетъ на свѣтѣ... Можетъ быть...

Егоръ Антоновичъ выпилъ еще пол-рюмки коньяку. Носъ его покраснѣлъ; выпуклые, сѣрые глаза сдѣлались если не свѣтлѣе, то пронзительнѣе: въ нихъ загорѣлся какой-то маленькій, очень маленькій лучъ, и этотъ лучъ такъ и мелькалъ всякій разъ, когда старикъ поглядывалъ на Петю и когда приэтомъ говорилъ ему:

— Это правда: все бываетъ, все бываетъ... Знаешь, Петя, однажды со мной была необыкновенная, необыкновенная исторія... Я уже былъ женатъ тогда, а вѣришь-ли, все, что было мною скоплено,—шесть тысячъ восемьсотъ рублей,—я взялъ да и прокутилъ въ какія-нибудь двѣ-три недѣли... Такъ все и проку-

тиль, и разбросаль, и чортъ знаетъ, какія я тогда штуки видѣ-
лываль: небу было жарко!..

— И мама это видѣла? спросилъ Петя.

— Чорта съ два! Какъ она могла видѣть?.. Я уѣхаль въ
Москву, потомъ въ Нижній, участвовать тамъ въ одномъ кон-
цертѣ, и подняль цѣлую бурю: пьяные вущы вынесли меня на
рукахъ...

Клинъ помолчалъ подъ наплывомъ воспоминаній, потомъ опять
заговорилъ:

— Никогда ни одной бабѣ не говорилъ я и не скажу, много-
ли у меня денегъ! И мамѣ твоей никогда не говорилъ... И ты,
если когда-нибудь будешь богатъ, молчи, повуда не увидишь, что
баста, — есть чѣмъ ослѣпить глупыхъ людей, а умныхъ заставить
поклониться тебѣ въ ножки... Будь я богатъ въ тѣ поры, когда
начиналь мою карьеру, ты думаешь, я не одолѣль-бы моихъ вра-
говъ, не заставилъ-бы ихъ понять, что я такое?.. Ты думаешь,
я-бы поступилъ въ стракулисты, въ чиновники?.. Вонъ, Мейер-
беръ: взяль да на свой счетъ и поставилъ въ Парижѣ своего
„Роберта Дьявола“... Ему сказали, что нѣтъ денегъ на поста-
новку его оперы: такъ и не нужно, говорить, чортъ васъ
возьми, у меня своихъ много... Взяль да и поставилъ... Слава,
трескъ, громъ и всякая всячина!.. Петъ! Потуши свѣчи... Ну,
вотъ, мы и встрѣтили праздникъ. Пстой... отчего ты не у сест-
ры? Я думаль, ты къ сестрѣ пойдешь.

— Да, пойду я въ мятель, за тридевять земель, киселя ѣсть...
Да и почему я знаю, что она сегодня дома? Чай, тоже у кого
нибудь на елкѣ.

— А у Померанскихъ?

— Э! Богъ съ ними, съ ихъ елкой, очень миѣ нужно...

Это восклицаніе Пети въ особенности успокоило Клина, такъ-
какъ онъ терпѣть не могъ этихъ Померанскихъ, предполагая, что
покойная жена его, жившая у нихъ, должна была изображать его
и его характеръ не иначе, какъ въ самыхъ черныхъ краскахъ.

О чемъ-то раздумывая, Клинъ походилъ по столовой, пошарилъ въ боковомъ карманѣ и маленькимъ ключикомъ отперъ дверь
своего кабинета, гдѣ было бюро и за ширмою стояла кровать его.
Петя, нѣсколько озадаченный всѣмъ, что видѣль и слышалъ въ
этотъ вечеръ, размышляль — возможное-ли дѣло, чтобы отецъ мой

прокутилъ когда-то шесть слишкомъ тысячъ? Онъ такъ скупъ, что иногда не давалъ женѣ денегъ на самое необходимое, не хотѣлъ сдѣлать дочери теплаго платья на зиму, такъ-что Анята только послѣ смерти матери перешла себѣ старый салонъ ея... Онъ, наконецъ, вѣчно жаловался, что у него нѣтъ денегъ, и вдругъ, этотъ человѣкъ говорить, что ему ничего не стоило прокутить шесть тысячъ въ какія-нибудь двѣ недѣли? Не вздоръ-ли это? Не просто-ли фантазія старика, возбужденнаго тремя рюмками коньяку? думалъ Петя, сидя въ столовой на стулѣ, и понуривъ голову.

Въ кабинетѣ затеплилась свѣчка.

— Петъ, поди-ка сюда.

— Пора тебѣ спать, сказалъ Петя отцу, входя въ его комнату.

— Вотъ тебѣ десять рублей... Я ихъ намедни въ карты выигралъ... На, братъ: купи на праздникахъ или купи себѣ что-нибудь, какой-нибудь подарокъ...

— Зачѣмъ это? Тебѣ самому деньги нужны.

Клинь, не выпуская изъ руки депозитки, пристально поглядѣлъ на Петю.

— Деньги всѣмъ нужны; бери, произнесъ онъ тономъ ниже.

— Если отъ души ты мнѣ даешь, то...

Глаза старика загорѣлись и тотчасъ-же прищурились.

— А ты думаешь, у меня и души нѣтъ?! гнѣвно заговорилъ онъ. Ты... что ты хотѣлъ этимъ сказать?.. Говори, калмыцкая рожа!

— Я то и сказалъ, что хотѣлъ сказать. Если отъ души, любя меня, ты даешь, то я возьму.

— Ничего ты не получишь... Болванъ, тварь неблагодарная!.. Ишь, вздумалъ условія мнѣ предлагать, вздумалъ еще кабаниться. „Если“, „если“!.. И души-то у меня нѣтъ, и любить-то я не могу!.. Знаю я, кто это напѣлъ тебѣ, негодяй! Видно, еще не выдохлось... та-же фанаберія и въ тебѣ... Въместо того, чтобъ обрадоваться, на шею ко мнѣ броситься... Пошелъ вонъ!

— Папа, прости меня! задрожавъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣвъ, произнесъ Петя.

— Вонъ, пошелъ, говорятъ тебѣ!.. вонъ, вонъ, чтобъ я не видалъ тебя, вонъ!!!

Старикъ затопалъ ногами... Петя, какъ съумасшедшій, выбѣжалъ за порогъ двери, прибѣжалъ къ себѣ въ комнату, ничкомъ бросился къ себѣ на кровать и спряталъ въ подушку свою голову, точно спасаясь отъ какого-то страшнаго, занесеннаго надъ нимъ удара.

— Вотъ какъ мы встрѣтили праздникъ! проговорилъ онъ и слезы, горячія слезы готовы были хлынуть изъ глазъ его.

Далеко за полночь, когда уже все въ домѣ спало мертвымъ сномъ, Петя въ темнотѣ поднялъ свою голову и глухо простоналъ:

— Матушка, милая матушка, хоть ты благослови меня!

ГЛАВА XII.

На другой день, въ первый день Рождества, старшій Клинь и юный сынъ его встали поздно. Мавра была у обѣдни. Барина и барченка стерегла дворничиха: она заперлась въ кухнѣ и въ ожиданіи еухарки ставила самоваръ и разводила плиту.

Сѣрый и тусклый денекъ глядѣлъ въ окно, когда около 10 часовъ проснулся Петя. Заложивъ руки подъ затылокъ, онъ не двигался и глядѣлъ въ одну точку, ничего не замѣчая и, Богъ его знаетъ, о чемъ думая. Глаза его были сухи и холодный покой лежалъ на утомленномъ лицѣ его.

Около него, на стулѣ, лежало чистое бѣлье, которое не отличалось ни тониной, ни бѣлизной; и на полу стояли вычищенные кое-какъ кривые и стоптанные сапоги; на письменномъ столѣ, гдѣ возвышался глобусъ, былъ будничныи безпорядокъ; но Петя ничего не замѣчалъ, глядѣлъ въ одну точку и не двигался.

Онъ пошевелился не раньше, какъ часы въ столовой пробили одиннадцать.

„И въ такую минуту, въ такую минуту, когда я думалъ, что онъ меня хоть немного да любитъ, когда я чуть было не повѣрилъ, что сойду съ нимъ по-человѣчески, — онъ, какъ лакея, прогналъ меня!... Нѣтъ, сегодня-же я объяснюсь; сегодня-же вызову его на объясненіе!.. Вотъ что онъ думалъ, когда переменялъ бѣлье, мылъ лицо и руки надъ рукомыльникомъ, въ комнатѣ, гдѣ прежде жила сестра. Затѣмъ, напививъ на себя, вмѣсто халата, форменную шинельку, онъ сѣлъ за столъ и машинально хватался то за перо, то за книги.

Пришла Мавра звать его къ отцу чай пить.

— Скажи, что я ничего не хочу, отвѣчалъ Петя.

— Ничего не хочешь! удивилась старуха. — Да ты что, боленъ что-ли? Что ты Господь съ тобой!

— Ничего не хочу...

— Ну вотъ! Поди и скажи ему самъ, что ты ничего не хочешь, съ сердцемъ сказала Мавра, показывая пальцемъ на дверь. — Ишь ты! Стану я для праздника божія да на всякую брань напрашиваться!

Старая кухарка, какъ видно, была съ тактомъ. Не даромъ она бывала дерзка только въ такія минуты, когда инстинктивно чувствовала, что это сойdetъ ей съ рубъ, и недаромъ съумѣла она прожить десять лѣтъ у почтеннаго Егора Антонныча, который, по ея-же словамъ, былъ „не оченьто золъ и не оченьто добръ“. Видя упрямство Пети, она затрясла головой и проговорила:

— Вотъ, Богъ святъ, уйду, покину васъ, благо внучка зоветъ къ себѣ гостить.

Петя поглядѣлъ на старуху съ тревожнымъ недоумѣніемъ. Неужели и она уйdetъ? Что-жъ будетъ тогда, если и она ихъ оставитъ? Петя и самъ не подозрѣвалъ, до какой степени онъ былъ привязанъ къ этой Маврѣ съ лицомъ старой вѣдьмы, съ душею же любвеобильной, неподкупной и преданной ему.

Онъ бросилъ на столъ книгу.

— Ну, ужъ если ты уйдешь, такъ и я уйду... Ну!..

— Петъ! Иди чай пить, хриповатымъ голосомъ позвалъ его Влинь, который тоже заходилъ зачѣмъ-то въ Анютину комнату и, быть можетъ, слышалъ изъ коридора послѣднее восклицаніе Пети.

Петя поднялся съ кресель и, запахнувшись шинелью, вышелъ въ коридоръ въ ту минуту, когда отецъ его въ туфляхъ и старомъ халатишкѣ входилъ въ столовую.

— Я еще не одѣтъ, сказалъ Петя.

— Иди неодѣтый, отозвался отецъ, не поворачивая головы. — Ну, что? Проспался? обратился онъ къ сыну, слегка кривя ротъ и усаживаясь за самоваръ.

Въ эту минуту какъ-бы что-то ударило въ окно и отдалось глухимъ деревяннымъ стукомъ.

— Вона, — пушка! Двѣнадцать, значить... Часики-то наши

на тринадцать минутъ отстали. Ты чего ихъ не провѣряешь? Подвинь стрѣлку.

Петя влѣзъ на стулъ и переставилъ стрѣлку.

„Точно ничего и не было! подумалъ онъ. — Неужели отецъ забылъ, что было вчера и какъ онъ оскорбилъ меня?“

Затѣмъ они долго, молча, пили чай и закусывали свѣжими бубликами съ анисомъ. Отецъ сидѣлъ съ открытой шеей и красной грудью; черноволосая, давно нестриженная голова сына; казалась взъерошенной копной; лице его было блѣдно, брови не много сдвинуты.

— За что ты вчера прогналъ меня? началъ, наконецъ, Петя, довольно спокойнымъ голосомъ, но не поднимая головы и не глядя на своего родителя.

Клинъ опустилъ на блюдечко горячій стаканъ, отъ котораго пахло ромомъ, и поглядѣлъ на сына.

— А ты, рожа, за что вчера оскорбилъ меня?

— Я не хотѣлъ оскорбить тебя... напротивъ...

— Безсребренникомъ вздумалъ приблудиться!.. Даютъ ему деньги... а онъ... Впередъ, братъ, умѣе будь... Ужь если нашла на меня такая добрая минута,—пользуйся, не раздражай!

— Ты, папа, не понимаешь меня, рѣшился выговорить сынъ, какъ-бы робѣя и еще ниже опускаая голову.

— Я тебя не понимаю?!

— Не понимаешь... Не хочу я пользоваться твоей минутой; что мнѣ твоя минута? Минута — пустяки... Хоть сто тысячъ предложи мнѣ — не возьму. Но я и за гривенникъ скажу тебѣ спасибо, если ты дашь мнѣ его отъ души, любя меня... Вотъ ты узнай, какой я. А если ты меня не любишь, договорилъ Петя дрогнувшимъ голосомъ, — лучше прогони меня: что за охота жить съ человѣкомъ, котораго не любишь.

„Точно жена; — ея слова!..“ подумалъ про себя Клинъ, пристально поглядѣлъ на сына и, какъ-бы не желая выходить изъ того шутиваго тона, съ какимъ онъ началъ съ нимъ бесѣдовать, повторилъ:

— Ишь какой безсребренникъ! Вонъ сестра твоя, — та-бы взяла, не стала-бы артачиться. Ты этакъ, пожалуй, и на службу поступишь, — не станешь взятокъ брать?

— Не стану.

— Ну, а приношеній за труды?

— И приношеній за труды брать не стану.

— Этакъ, братъ, не разбогатѣешь.

— Не всёжъ же быть богачами. Вѣдь вотъ ты-же не разбогатѣлъ?

При этомъ Петя поднялъ голову и уставилъ на отца черные глаза свои.

На лицѣ Клина показалась краска, на лобъ набѣжала морщина, а ноздри его расширились.

— А, можетъ быть, я и разбогатѣлъ, медленно, какъ-бы раздумывая, произнесъ Клинь и затѣмъ, раскрывши ротъ, поглядѣлъ на сына, будто спрашивая: „ну, что ты на это скажешь?“

— Этому я не вѣрю, мотнувъ плечомъ, отрѣзалъ Петя и потупился.

— Ты думаешь, началъ говорить старикъ, сморщивъ носъ, — ты думаешь, я даромъ бѣгалъ по урокамъ, даромъ возился съ подрядчиками, даромъ загубилъ талантъ и во всемъ себѣ отказывалъ? Пятнадцать лѣтъ ношу одну и ту-же шапку, самъ себѣ чищу платье... Ты думаешь, что это я... такъ... для плезиру... или по глупости?..

Сердце Пети дрогнуло: въ голосъ отца уже слышались тѣ зловѣщія нотки, которыя были очень хорошо ему извѣстны и не предвѣщали ничего добраго.

— Положимъ, не даромъ, отвѣтилъ Петя; — но и расходовъ у тебя не мало. Квартира, обѣдъ, прачки; мы тоже чего-нибудь да стоили...

Чтобъ не разсердить отца, лучшаго отвѣта въ эту минуту, казалось, нельзя было и выдумать, и, дѣйствительно, этотъ осторожный отвѣтъ нисколько не разсердилъ Егора Антонича.

— Да, отозвался Клинь болѣе спокойнымъ голосомъ, отвернувшись отъ самовара и глядя въ сторону. — Жизнь не дешева, все дорожаетъ, меньше какъ на два, на три рубля и дня прожить нельзя, какъ ни экономичай... Бери три рубля въ сутки, выйдетъ тысяча-девяносто-пять рублей въ годъ. Да еще воспитанье ваше, одежда, тетради, книги, да и мало-ли чего... фу! А все-таки я ухитрюсь и берегаю на черный день малую-толику... Я это тебѣ говорю, потому что ты не Анна, не суешь своего носа туда, куда тебѣ совать его не слѣдуетъ. Я прямо

говору тебѣ: было время, любилъ я славу, хотѣлъ знаменитостью, артистомъ быть, понималъ, что мнѣ безъ денегъ нельзя сдѣлаться знаменитостью, и полюбилъ деньги... И люблю ихъ, и коплю ихъ, и не хочу, чтобъ кто-нибудь на старости въ грязь, въ лужу затопталъ меня.

Клинъ при этомъ, какъ-бы разгораясь, приподнялъ ногу и топнулъ въ полъ.

— Я буду богатъ, и если самъ не успѣю насладиться дарами жизни, то, по крайней мѣрѣ, ты не будешь нищимъ. Будетъ послѣ чѣмъ помянуть меня. Гм!.. Вотъ и теперь у меня есть случай, да колетса... Не знаешь, какъ и ухватиться за него, — вотъ что... Ну, да это еще бабушка на двое сказала; это еще неизвѣстно; помеломъ на водѣ писано...

И Клинъ, сильно прищурившись, сталъ смотрѣть въ одну и ту-же сторону, какъ-бы разглядывая что-то неясное, носящееся не то въ тусклой комнатѣ, не то въ собственной головѣ его.

Такъ почти до трехъ часовъ дня мирно пробесѣдовали отецъ и сынъ. Наконецъ, Клинъ сказалъ, что онъ дома не обѣдаетъ и ушелъ одѣваться.

Въ странномъ расположеніи духа, какъ-бы озадаченный, вернулса Петя въ свою комнату. Предположеніе сестры, что отецъ могъ-бы дать ей десять тысячъ, уже не казалось ему фантастическимъ. Тайнственные намеки на какой-то случай, который можетъ почему-то улучшить или поправить обстоятельства отца его, тоже не могли не заинтриговать его. Неужели онъ хочетъ еще жениться, и на богатой? думалъ онъ, соображая вчерашній и сегодняшній разговоръ свой съ родителемъ.

Во всякомъ случаѣ, Петѣ казалось, что онъ лучше чѣмъ когда нибудь понималъ своего отца, несмотря на всю загадочность его рѣчей и намековъ.

ГЛАВА XIII.

— Вы что сегодня вечеромъ дѣлаете? спросилъ Петю Ознобинъ, входя къ нему въ неприбранную комнату и заставъ его съ перомъ въ рукахъ, несмотря на сумерки.

— Что дѣлаю? Кучу, отвѣчалъ Пети.—Всю эту недѣлю сидѣлъ и спины не разгибалъ.

— Да эдакъ вы головную боль наживете или что-нибудь еще хуже, возразилъ Ознобинъ, пожимая своей холодной рукою теплую руку Пети.

— Теперь все рѣшилъ, все покончилъ, сдѣлалъ переводы, цѣлыя страницы по-гречески наизусть выдолбилъ, и наконецъ...

Петя хотѣлъ сказать, что наконецъ принялся онъ сочинять нѣчто вроде разказа или повѣсти, но Ознобинъ перебилъ его.

— Молодецъ вы.

— А сегодня вечеромъ, я у этихъ... у Померанскихъ. У нихъ елка, и я встрѣчаю новый годъ у нихъ.

— Вотъ какъ! А не хотите встрѣтить новый годъ у моей невѣсты?..

— Какъ?!

— Да такъ... э... мнѣ вдругъ сегодня пришло въ голову: почему-бы вамъ съ ней и не познакомиться; я-же о васъ съ ней говорилъ... Она живетъ въ *chambres garnies*, нанимаетъ маленькую комнатку, э... на Малой Морской.

— Вѣдь и вы на Малой Морской?

— Нѣтъ, я... въ Бирничномъ...

— И часто видите? А?

— Почти-что каждый день, отвѣчалъ Ознобинъ, помолчавъ.

— Какъ-же мнѣ быть? Не могу-же я не быть у своей крестной матери; то есть, быть можетъ, я-бы и не пошелъ, да приглашенъ,—понимаете...

— Да, вы должны быть, вы должны, вы должны быть... э... это я понимаю... Ну... когда-нибудь...

— Не хочу я „когда-нибудь“: или никогда, или сегодня. Заѣзжайте за мной или заходите.

— Къ Померанскимъ?

— Да, часовъ въ десять эдакъ... Я у нихъ обѣдаю въ шесть, потомъ елка, потомъ, въ десять, я думаю, можно мнѣ будетъ и удрать. Только не будетъ-ли это поздно?

— Нѣтъ... э... это еще рано въ десять! Ливанида Александровна въ театрѣ сегодня и вернется не раньше одиннадцати. Я, такъ, около одиннадцати и заѣду за вами. Ну, прощайте; мнѣ

еще дѣло есть, съ озабоченнымъ лицомъ, протягивая руку, проговорилъ Ознобинъ.

— Посидите еще. Я все одинъ, все одинъ, и иногда мнѣ кажется, что я начинаю съума сходить.

— Съума вы никогда не сойдете.

— Почему?

— Да потому, что у васъ есть призваніе. Вы нужны... Впрочемъ, пять минутъ я еще посижу у васъ.

Вмѣсто пяти минутъ, Ознобинъ просидѣлъ у Пети слишкомъ часъ. Разумѣется, разговоръ ихъ вертѣлся на томъ, что въ эти минуты больше всего интересовало Петю, и о чемъ Ознобину хотѣлось говорить. Несмотря на то, что Пета, судя по лѣтамъ, еще и не годился ему въ наперсники, Ознобинъ былъ о немъ самаго высокаго мнѣнія. Онъ вообще былъ всегда самаго высокаго мнѣнія о тѣхъ лицахъ, къ которымъ былъ расположенъ, и самаго низкаго о тѣхъ, кто почему-либо не пользовался его расположеніемъ.

— Э, васъ это удивляетъ, говорилъ, между прочимъ, Ознобинъ, а я все таки считаю ее своей невѣстой, хоть я и не сватался... И все-таки она будетъ женой моей. Такъ ужъ самимъ Господомъ Богомъ подстроено: ей безъ меня дѣваться не куда, а мнѣ безъ нея тоже не жить... Э... это васъ удивляетъ, потому что вы многого не знаете, не можете знать... А что вы думаете, что она за меня не пойдетъ только потому, что... э... у меня ни мѣста, ни денегъ нѣтъ, — такъ я-бы гроша, выѣденаго яйца, не даль-бы за нее, если-бы она испугалась моей бѣдности. Есть мѣсто или нѣтъ, богатъ или не богатъ тотъ человѣкъ, котораго любишь, э... этого вопроса даже и не должно быть у порядочной женщины... Каковъ я емь, такимъ и полюби меня, а что будетъ, то будетъ!.. А гдѣ я съ ней познакомился? Гмъ! Я съ ней еще въ псковскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, познакомился; тамъ часто видѣлись... Я для нея и въ Петербургъ вернулся; не хотѣлъ одну отпускать; провожать поѣхалъ...

— И по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ ѣхали?

— Гмъ; ну да, и по желѣзной дорогѣ вмѣстѣ ѣхали.

— И она тоже забла?

— И она тоже. Впрочемъ, я ей ноги своимъ пледомъ укутывалъ.

— И сами чуть не замерзли?

— Что значить „чуть“?.. Не замерзъ, значить, и не замерзъ. На все судьба... Не судьба мнѣ остаться холостякомъ, и... э... что хотите, батюшка вы мой, дѣлайте, холостякомъ не останусь... Постоите, дайте мнѣ адресъ вашей сестры; мнѣ надо побывать у ней.

— Зачѣмъ?

— Надо побывать... Вотъ, кстати вспомнилъ; пишите адресъ.

Петя взялъ со стола карандашъ и на клочкѣ бумаги сталъ писать адресъ Духовой.

— У васъ все судьба, на все судьба; хоть-бы мнѣ объяснили, что это такое по-вашему—судьба!

— Э! Это ясно и безъ всякаго объясненія... Принимали ли вы когда-нибудь... хоть содовые порошки?.. Ну вотъ, всыпьте въ одинъ стаканъ *acidi tartarici*, въ другой — *natri bicarbonici*, размѣшайте съ водой и слейте оба стакана въ одинъ стаканъ. Что произойдетъ? Вода зашипитъ и... и... можетъ ли она не зашипитъ? Не можетъ: ужъ такая судьба у нея. Такъ, если я съ вами знакомъ, а вы знакомы со мной, изъ этого знакомства произойдетъ нѣчто такое, чего не избѣжать ни мнѣ, ни вамъ... Вотъ я... э... настроилъ васъ на любопытство, вы меня настроили на откровенность; а что изъ этого выйдетъ, мы не знаемъ.

— Можетъ быть и ничего не выйдетъ, замѣтилъ Петя.

— Этого не можетъ быть; потому что все въ мѣрѣ воздѣйствуетъ одно на другое, и въ этомъ тайна всѣхъ явленій... э... естественныхъ, историческихъ и психологическихъ. Словомъ, судьба... э... это извѣстные и неизвѣстные намъ законы природы или самаго Господа Бога. И я, и вы, и расы, и народы, и государства, зачастилъ Ознобинъ уже безъ всякихъ „э“, — подчинены имъ такъ-же неизбѣжно, какъ неизбѣжно замерзаетъ вода, когда термометръ стоитъ ниже точки замерзанія... Вѣдь если этого не случится, то есть, если она не замерзнетъ, такъ вѣдь это всемирный переворотъ! Поймите вы... Для меня все это ясно, какъ дважды два — четыре. А такъ-какъ мнѣ все это ясно, то мнѣ и сомнѣваться нечего въ томъ, любятъ меня или не любятъ. Должны любить... должны! кончилъ онъ, вставая, улыбаясь и какъ-бы обращая въ шутку слова свои: — ну-съ, значить, заѣду за вами къ Померанскимъ.

— Если не помѣшаетъ судьба?

— Разумѣется, серьезно сказалъ Ознобинъ, — если не помѣшаетъ судьба!

— Хорошо... А если меня просто-на-просто не пустятъ?

— Пустятъ; кто можетъ не пустить. Впрочемъ, если вамъ тамъ будетъ очень весело, то можно будетъ и въ другое время. Но прощайте, я спѣшу. У меня еще дѣло есть.

— Куда-же вы? Къ Маврѣ?

— Да, я пришелъ и уйду черезъ кухню. Помните, Петя: въ первый разъ, когда я былъ у васъ, я пришелъ черезъ кухню; съ тѣхъ поръ я, по большей части, этой дорожки и держусь... А помните, разъ зашелъ я черезъ парадную и... э... во-первыхъ, едва дозвонился, а потомъ что? Засталъ вашу мать въ слезахъ, а васъ въ постели... Нѣтъ ужъ, подумалъ я тогда-же, лучше я буду черезъ кухню ходить, такъ видно лучше.

Какое-то неприятное, какъ физическая боль, воспоминаніе слегка покоробило Петю.

— А вы все еще суевѣрны? спросилъ онъ.

— А что такое суевѣріе? Я не суевѣренъ, я... просто наблюдателенъ. Вѣдь, если я, выйдя отъ васъ, случайно пойду налѣво, вмѣсто того, чтобъ пойти направо, я не приду туда, куда хочу придти.

— Отъ чего-же? — Можно.

— Пожалуй, что и можно, только криво дамъ, лишнюю версту пройдуся.

Объясненіе было темно и ничего ясно не говорило въ пользу суевѣрія, но Петя молчалъ.

Ознобинъ надѣлъ свое пальтишко и съ помощью ухмыляющейся Мавры закутался въ пледъ. Петя надѣлъ ему на лобъ шапку и уже сталъ провожать его за дверь, какъ вдругъ потянулъ его назадъ.

— Иванъ Несторычъ!.. Голубчикъ! Одну минуту!..

Ознобинъ вернулся въ кухню и, не снимая шапки, вопросительно вытянулъ впередъ свою голову.

— Ознобинъ, ради Бога, найдите мнѣ уроки; я хочу уроки давать.

— Какіе уроки?

— По-латыни, по-гречески, по-нѣмецки, по всѣмъ предме-

тамъ гимназическимъ. Я не шута вамъ говорю; я хочу, слышите, Ознобинъ, я хочу себѣ зарабатывать хоть на сапоги. Непремѣнно, Ознобинъ, непремѣнно!

— Надо публиковать.

— Публикуйте; что хотите дѣлайте, только достаньте мнѣ уроки. Я не шута вамъ это говорю.

И, дѣйствительно, по выраженію глазъ и по тону голоса явно было, что Петя не шутитъ.

— Хорошо, постараюсь, сказалъ Ознобинъ и вышелъ.

Петя вернулся, вычистилъ платье и сталъ одѣваться, чтобъ идти обѣдать къ Померанскимъ.

Мавра стала чистить картофель и, не обращая вниманія на жалобное мяуканье голоднаго Васьки, трясла головой и думала: „Уроки! Учителемъ хочеть быть, ишь ты! Не спросить-ли Орѣхова: такъ и такъ, ваше превосходительство, Клементій Павловичъ, мой баринъ молоденькій хочеть уроки давать, — не хотите-ли?“

— Брысь, брысь! Куда ты?!

Васька, вскочившій на столъ, ткнулся мордой въ картофелину.

Мавра продолжала думать: „Можеть, вамъ и того... почему я знаю... Да только развѣ онъ сѣумѣеть: эдакій дятятокъ, молоко еще на губахъ не обсохло, — давать уроки... Чего, сидя-то, не выдумаешь! И то сказать, какія у него удовольствія! Никакихъ: сидитъ, сидитъ... Были это — коньки, разъ пошелъ, вернулся, чуть было, говорить, ноги не вывихнулъ. Теперь ужъ и ихъ нѣтъ, коньковъ-то этихъ, видно чужіе бралъ.“

— Что ты Васинька, что ты? Или и въ самомъ дѣлѣ голоденъ? Погоди, погоди!.. говорила Мавра и продолжала думать: „Хотѣлъ это спать въ комнатѣ сестры, — отецъ не позволилъ: самому, говорить, мнѣ эта комната нужна. И зачѣмъ она ему нужна?! Идолъ!.. Самъ не знаетъ, чего хочеть... Ишь, запираетъ кабинетъ свой сталъ, думаетъ — обокрадутъ... Знать, есть что... Помилуй Господи!“

Мавра перекрестилась и, доставъ изъ деревянной солонки щепотку соли, сѣла и стала ѣсть варенный картофель. Въ этотъ день она на базаръ не ходила и обѣда не готовила.

Отчего-же Петина комната оставалась весь день неприбранной?

Отъ того, что прибрать его комнату Мавра позабыла, а Петя

объ этомъ ей не напоминалъ. Она была вполнѣ русская натура, все возглавлявшая на авось и не совсѣмъ чистооплотная. Къ тому-же и силъ на многое не хватало: ей было далеко за семьдесятъ.

ГЛАВА XIV.

Что-же это за семейство, куда отправился Петя? Мы уже знаемъ, что обитаетъ оно въ собственномъ домѣ, и если при этомъ скажемъ, что оно обитаетъ въ двѣнадцати комнатахъ, что при домѣ семнадцать квартиръ, большихъ и малыхъ, которыя даютъ около 14,000 чистаго годоваго дохода, и что Померанскіе ѣздятъ въ собственной своей каретѣ, то, думаю, есть полное основаніе вообразить себѣ, что семейство это благоденствуетъ. Но если мы добавимъ, что для семейства Померанскихъ, судя по жизни ихъ, нужно, по крайней мѣрѣ, 40,000 рублей въ годъ, чтобы оно сводило концы съ концами, то что-же мудренаго, если это благоденствующее семейство часто нуждается въ деньгахъ и по временамъ ропщетъ на судьбу свою.

Если Озобинъ смотрѣлъ на судьбу свою, какъ на нѣчто непреложное и, можетъ быть, „какъ турокъ или татаринъ, за все судьбѣ былъ благодаренъ“, то Померанскіе смотрѣли на судьбу не иначе, какъ на капризнаго деспота въ юбкѣ или какъ на такое начальство, которое распредѣляетъ и всѣмъ выдаетъ жалованье, — однимъ гроши, другимъ рубли, третьимъ тысячи и, наконецъ, четвертымъ, своимъ фаворитамъ или любимчикамъ — миліоны или въ годъ сотни тысячъ.

И, разумѣется, ощущая бездну разныхъ неудовлетворенныхъ потребностей, въ особенности-же потребность щедрой рукой разсыпать свои благодѣянія тѣмъ, кому судьба назначила самое маленькое жалованье, семейство Померанскихъ, состоящее изъ семи душъ, было очень недовольно судьбой. И не мудрено: вѣдь на каждую душу приходилось въ годъ не болѣе двухъ тысячъ, тогда какъ каждая изъ этихъ душъ съ большимъ удовольствіемъ могла-бы потратить въ годъ не только весь доходъ — 14,000, но и сто четырнадцать.

Вотъ почему у каждаго члена семьи было на душѣ какое-то затаенное неудовольствіе. Каждый думалъ: „что-жь это такое?“

Нынче есть деньги,—даже много денег,—а завтра, глядь, мама говорить: денег нѣтъ“. Но тотъ, кто, повидимому, долженъ былъ больше всѣхъ беспокоиться, а именно отецъ семейства, Иванъ Семіоновичъ Померанскій,—тотъ ничего не зналъ и меньше всѣхъ беспокоился.

Человѣкъ чиновный и когда-то всѣми уважаемый, Иванъ Семіоновичъ былъ уже такъ лысъ и такъ старъ, что ни жена, ни управляющій домою, ни дѣти его не беспокоили. Въ своей комнатѣ, разгороженной на-двое цвѣтной перегородкой, пользовался онъ самой безмятежной старостью. Ему было 70 лѣтъ, и такъ какъ у него подъ рукой имѣлось все, что ему было нужно, — и постель, и чистое бѣлье, и носовой фуляровый платокъ, и папироски, и письменный столъ, и календарь, и бритвенный ящикъ съ зеркаломъ, и „Московскія Вѣдомости“, и коробочка съ пилюлями, и даже, на всякій случай, горчишники,—то Иванъ Семіоновичъ могъ, сидя у себя въ креслахъ, пить чай, сморкаться, перечитывать старыя письма, сосать папироску или, глубокомысленно по-нуривъ лысую голову, предаваться воспоминаніямъ о молодости. Иногда только бритое лицо у него вытягивалось, и онъ ложился на диванъ брюхомъ къверху, покрывался халатомъ, складывалъ на желудокъ свои пухлыя руки, охалъ и дѣлалъ странныя гримасы; но и это происходило вовсе не отъ безденежья, не отъ судьбы, а отъ боли въ кишкахъ или отъ ревматизма въ ногахъ, или отъ другой какой-нибудь, ни съ чѣмъ несравнимой гадости.

Иванъ Семіоновичъ не даромъ когда-то продалъ свое имѣнье и купилъ себѣ домъ въ Питерѣ: онъ былъ увѣренъ, что нигдѣ покойнѣе и безобиднѣе не проведетъ онъ своей старости, и — не обманулся.

Гороховая улица сдѣлалась для него его отечествомъ, и лѣтній переѣздъ на дачу въ Павловскъ казался ему чѣмъ-то вродѣ заграничнаго путешествія. Смерть Марьи Ивановны Клинь была послѣднимъ событіемъ, которое потрясло его. Онъ вдругъ вообразилъ себѣ, что безъ нея рухнетъ все хозяйство, не будетъ у него ни чаю, ни носовыхъ платковъ, ни пилюль, ни папиросъ, ни туфель. На Марью Ивановну Клинь, когда она, покينувъ мужа, жила у нихъ, онъ глядѣлъ какъ на свою благодѣтельницу и безпрестанно упрашивалъ жену свою—дать ей двадцать пять руб. мѣсячнаго жалованья.

И дѣйствительно, послѣ ея похоронъ старшій Померанскій почувствовалъ, что безпорядокъ, царствующій въ его домѣ, сталъ вторгаться и къ нему въ комнату, такъ-сказать, выглядывая изъ-за порога и показывая кончикъ своего невзрачнаго носа. Но скоро вмѣсто Марьи Ивановны появилась какая-то нѣмочка, — Софья Ивановна, и порядокъ снова воцарился.

Старикъ рѣдко выходилъ въ другія комнаты, развѣ только къ чайному столу, когда были гости. (Это значило, что онъ здорѣвъ и въ духѣ).

Онъ зналъ очень хорошо свою жену, Лизавету Гавриловну, бывшую пятнадцатю годами его моложе, зналъ, что это преузная и предобрая женщина; но давно уже совѣтовалъ ей не хозяйничать самой, а только выдавать деньги, воспитывать дочь, ѣздить въ гости и принимать гостей. И, дѣйствительно, Лизавета Гавриловна, при всемъ умѣ своемъ, была очень безтолкова: то скряжничала, то роскошничала, то проповѣдывала эманципацію, то говорила о розгахъ и жалѣла, что ни разу не высѣкла ни одного изъ сыновей своихъ.

Изъ семьи своей больше всѣхъ любила она, — кто-бы могъ это подумать, — не родныхъ своихъ дѣтей, а пасынка, старшаго сына Ивана Семіоновича, Ивана Иваныча, родившагося лѣтъ двадцать восемь тому назадъ отъ перваго брака. Это, конечно, не мѣшало ей баловать и остальныхъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Володѣ было двадцать лѣтъ, а меньшей дочери, Сонѣ, двѣнадцать.

У Ивана Семіоновича былъ еще родной братъ Григорій Семіоновичъ; но тотъ постоянно жилъ въ своей усадьбѣ, гдѣ-то около Луги, очень рѣдко заѣзжалъ въ Питеръ; но, когда заѣзжалъ, останавливался у брата, и Иванъ Семіоновичъ былъ всегда очень радъ ему...

Это былъ единственный человѣкъ, который читалъ ему наставленія и надъ которымъ онъ подтрунивалъ. Григорій Семіоновичъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ; онъ не выносилъ городского шума и былъ настоящимъ русскимъ сельскимъ хозяиномъ, терпѣть не могъ никакихъ нововведеній или улучшеній и постоянно самолично слѣдилъ за всѣми сельскими работами.

Иванъ Семіоновичъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ московскаго благороднаго пансіона, а Григорій Семіоновичъ не

кончилъ гимназическаго курса и по своему безпамятству никакъ не могъ выдержать экзамена въ Константиновское училище. Иванъ Семіоновичъ былъ когда то чуть не администраторомъ, а Григорій Семіоновичъ, прослуживъ лѣтъ пять провинціальной Оемидѣ, въ бѣломъ кирпичномъ зданіи, подъ черной вывѣскою съ золотой надписью — „Присутственныя мѣста“, все бросилъ, поѣхалъ въ деревню и тамъ на вѣки закабалилъ себя. Иванъ Семіоновичъ былъ когда-то человѣкомъ пылкимъ и любилъ женщинъ — не хуже любого Помпадуря; Григорій-же Семіоновичъ былъ высокъ, худъ, лице имѣлъ какое-то трехугольное, съ длиннымъ носомъ и узенькимъ подбородкомъ; ходилъ, нѣсколько сгорбившись, на длинныхъ сухихъ ногахъ, походилъ на болотную птицу и, говорятъ, съ юныхъ лѣтъ, послѣ какой-то болѣзни, потерявъ всякой вкуса къ женскому полу, сдѣлался угрюмъ, богомоленъ и, когда случилось ему цѣловать у какой-нибудь дамы ручку, онъ прикладывался къ ней, точно къ мошамъ, безъ малѣйшей улыбки. Вообще, усмѣхался онъ очень рѣдко и, по большей части, только въ такихъ случаяхъ, когда ему или за него кого-нибудь сватали. Ему, вѣроятно, нравилась мысль, что его считаютъ способнымъ къ брачной жизни, и онъ раза два въ жизни довольно искусно разыгралъ роль человѣка, который влюбленъ и не прочь посвятаться... Теперь онъ былъ старъ; всякій разъ, уѣзжая отъ брата, говорилъ ему: „прощай; мы, братъ, быть можетъ, уже и не увидимся“, и затѣмъ беззвучно цѣловалъ его въ щеку, точно клевалъ его. Въ Петербургъ онъ пріѣзжалъ обыкновенно затѣмъ, чтобъ побывать въ двухъ-трехъ церквяхъ, послушать пѣвчихъ, купить новую проповѣдь, продать овесъ, справиться о цѣнѣ на ленъ, и при этомъ всегда увозилъ съ собой нѣсколько кардонныхъ листовъ или папокъ, свертки золоченой и цвѣтной бумаги, картинки дѣтскія, клей, краски въ порошкахъ, небольшія зеркальныя стекла, садовые ножи и прочее въ томъ же родѣ. Говорятъ, что Григорій Семіоновичъ все свободное время свое въ деревнѣ, особливо зимой, посвящалъ на то, чтобъ дѣлать ящички, корбочки, рамки и всякаго рода вещицы изъ кардона и цвѣтной бумаги. Кто знаетъ, быть можетъ, въ этомъ ремеслѣ и было его прямое назначеніе, а потому ни латынь, ни алгебра не лѣзли ему въ голову.

Пета, ровно въ пять часовъ позвонившій въ квартиру Поче-

рапскихъ, не засталъ дома ни своей крестной матери, ни ея старшей дочери, Вари, ни ея пасынка, Ивана Иваныча; онъ встрѣтилъ только Софью Ивановну, новую ключницу, которая занимала ту самую комнату, гдѣ жила когда-то мать его, и спросилъ ее, можетъ-ли онъ пройти въ кабинетъ къ самому старику и съ нимъ поздороваться.

Софья Ивановна, вытянувъ въ струнку сухія губы и, оглядѣвъ съ ногъ до головы ястребинымъ взглядомъ, отвѣчала, слегка шепелявя:

— Зачѣмъ вамъ къ нему,—что нужно? У него теперь братъ.

— Григорій Семіоновичъ?

— Ну да, Григорій Семіоновичъ; ступайте-ка въ комнату къ Володѣ; тотъ никакъ дома, тамъ и сидите.

Но прежде чѣмъ войти въ комнату къ Володѣ, Петя прошелъ столовую, гдѣ уже горѣли лампы и прислуга накрывала на столъ, и зашелъ въ залу, освѣщенную одной только свѣчей, тускло горѣвшей на роаля, хотя во всѣхъ комнатахъ по стѣнамъ и въ канделябрахъ были вставлены свѣчи. Въ томъ-же залѣ увидалъ онъ темную, вѣтвистую, еще неубранную елку, которая стояла передъ среднимъ окномъ, водруженная въ какой-то ящикъ, вѣроятно съ пескомъ и обставленная низенькими табуретами. Петя обошелъ ее. Давно уже не видалъ онъ никакой зелени и съ любовью поглядѣлъ на это произведеніе природы. „Что ее украшать; она и такъ хороша!“ подумалъ юноша и черезъ коридоръ прошелъ въ комнату къ Володѣ, съ которымъ онъ когда-то игралъ въ лошадки, и который вотъ уже второй годъ какъ посѣщалъ университетскія лекціи. Петя былъ съ нимъ на „ты“ съ самаго дѣтства, и какъ свой человѣкъ, не церемонился съ нимъ. Съ нѣкоторыхъ поръ между ними пробѣжала какая-то черная кошка; но въ наше время, между всѣми безпрестанно бѣгаютъ какія-то черныя кошки, стало быть, въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго.

ГЛАВА XIV.

Было шесть часовъ; обѣдъ былъ готовъ; но когда сядутъ за столъ Померанскіе, это было извѣстно развѣ только одному Аллаху... Никогда въ этой семьѣ никто не зналъ, когда онъ

ляжетъ спать, когда встанетъ, когда напьется чаю или позавтракаетъ. Щепетильно окуратная, грубая Софья Ивановна не разъ выходила изъ себя и даже ругалась, видя такой безпорядокъ, но и она уgomонилась... Обѣдать только подали Ивану Семіоновичу въ его комнату; Григорій Семіоновичъ сказалъ, что онъ не голоденъ и будетъ ждать. Онъ ходилъ по коврамъ изъ угла въ уголь, какъ длинноногій куликъ, посаженный въ большую елѣтку; только при каждомъ поворотѣ его справа налѣво или слѣва направо поскрипывали сапоги, а онъ искоса поглядывалъ на своего брата, который ѣлъ свой супъ, заткнувши за пазуху конецъ салфетки, и ѣлъ, и бормоталъ, отвѣчая брату... А разговоръ между ними былъ приблизительно слѣдующаго содержанія.

— Ты, Иванъ, совсѣмъ безбожникъ, и чѣмъ больше я на тебя смотрю, тѣмъ больше въ этомъ убѣждаюсь, ты афеистъ, Иванъ, афеистъ!..

— Гм!.. обглядывая куриную лапку, бормоталъ Иванъ. — На какомъ-же это основаніи?

— Ты, Иванъ, я думаю, даже у Исакія ни разу не былъ...

— Былъ, давно это, но былъ... А что я, продолжая обглядываніе куриной лапки, невнятно бурчалъ Иванъ Семіоновичъ;— я давно... это точно, давненько не былъ у обѣдни... такъ я... Гм... Дай мнѣ твои ноги, тогда и спрашивай... Хоть на прокатъ дай, пойду, а то... какъ я могу... помилуй!..

И вотъ что я еще замѣтилъ, продолжая шагать и прикладывая палецъ къ носу, заговорилъ Григорій Семіоновичъ... Ты либераль, Иванъ!

— Хе!.. Ну такъ что-жъ?.. самодовольно улыбнувшись и поднявъ голову, отозвался Иванъ Семіоновичъ. Софья Ивановна, возьмите тарелку, да велите подать мнѣ какого-нибудь винца... знаете, столоваго, медку или лафитцу... Гм... да, братъ, я не хотѣлъ тебѣ отвѣчать при этой нѣмкѣ, а теперь изволь... Да, братъ, либераль... Ну такъ что-жъ?..

— Ты-бы лучше молчалъ, Иванъ... Ужъ если ты пропащая голова, то хоть дѣтей-то, собственныхъ твоихъ дѣтей-то, не заражай... Вѣдь они... о-го-го-го!.. Они уже заражены, Иванъ, и ты за нихъ отвѣтишь, братъ,— передъ Богомъ и передъ царемъ отвѣтишь...

— Хе!.. еще съ большимъ самодовольтвiемъ врякнулъ Иванъ Семiоновичъ... Да кто-же въ нашъ вѣкъ не либераль?.. Ну и я...

— Бога ты, Иванъ, не боишься... Ну, вонъ, наконецъ, жена твоя прiѣхала, слава Богу!.. Съ тобой говорить опасно; да и вообще въ вашемъ Петербургѣ, того гляди, попадешься въ какую-нибудь исторiю.

Въ дверь вошла старуха Лизавета Гавриловна, бросила на диванъ нѣсколько свертковъ и, еще румяная отъ холода, чмокнула мужа въ лысину.

Григорiй Семiоновичъ сгорбился и съ примѣрнымъ равнодушiемъ приложился къ ругѣ ея.

— Завтра, сестрица, я ѣду съ первымъ поѣздомъ.

— Какъ! Въ новый-то годъ!.. Что это... помилуйте!..

— Непремѣнно уѣду; сегодня встрѣчу съ вами новый годъ, поздравляю... и завтра отправляюсь.

— Да вы тутъ ужь не повздорили-ли? спросила она, разомъ окидывая глазами и ухмыляющуюся физиономiю мужа, и меланхолическiй носъ своего *бу-фрера*.

— Да... гм... въ политическихъ убѣжденiяхъ не сошлись, серьезно замѣтилъ Иванъ Семiоновичъ.— Онъ такъ, а я этакъ...

— Ну вотъ еще о чемъ вздумали спорить! Григорiй Семiоновичъ, милый мой, очень я голодна... пожалуйста, если Иванъ Ивановичъ дома, велите подавать обѣдать.

Григорiй Семiоновичъ какъ-то подогнулъ колѣни, точно слегка присѣлъ, потомъ поднялъ носъ и вышелъ.

Лизавета Гавриловна заперла за нимъ двери и стала показывать мужу сперва разные куски матерiй, купленныхъ для людей, затѣмъ подарки и, между прочимъ, подарокъ для Григорiя Семiоновича — пресь-папье — бронзовую собаку на черномъ мраморѣ.

— Хорошо-ли это... а?

— Это не хорошо, другъ мой...

— Чѣмъ-же это не подарокъ? Ты только погляди, вѣдь какъ это сдѣлано! Живая, настоящая живая собака!

— Да зачѣмъ ему это? Ты-бы ему Филарета или Инокентiя сочиненiя купила,—это было-бы...

— Ну ужь извини; ты мнѣ это говорилъ, но, извини... Этого и въ книжныхъ лавкахъ нѣтъ: говорятъ, гдѣ-то въ синадальной...

А гдѣ эта синодальная? Я и такъ опоздала; шлялась, шлялась; толпа такая, что ноги отдавила. Ужась, прохожу нѣтъ!

— Я тебѣ, душенька, говорилъ, — покупай до праздниковъ.

— Ахъ, до праздниковъ! А гдѣ у меня были деньги до праздниковъ? Только вчера получила отъ жильцовъ изъ седьмага номера; да и то твой Завалинъ, управляющій, отдавать не хотѣлъ. Такъ тебѣ не нравится эта собака?..

— Нѣтъ, отчего-же, душенька... Это ничего, это хорошій, дорогой подарокъ; чай рублей двѣнадцать!

— Двадцать восемь, а не двѣнадцать! Гдѣ вы теперь! за двѣнадцать найдете такія вещи! Ты вотъ тутъ сидишь, ничего не знаешь, тебѣ хорошо... А вотъ я-бы тебя послала...

— Ну, ну, не сердись, голубчикъ мой!.. Дари, что хочешь... Твой вкусъ, — твое дѣло.

Въ это время кто-то постучался. Лизавета Гавриловна быстро наврыла бумагой бронзовую собаку, наскоро обмотала ее шнуркомъ и услышала голосъ Софьи Ивановны.

— Что-же это вы не открываете? Я иду съ тарелками. Чего запираетесь?

— Ну, ну... не грубите... Кому-же и запирается, какъ не мужу съ женой.

Софья Ивановна въ струнку вытянула свои сухія губки и поставила на салфетку передъ носомъ старика тарелку съ коклетами и тарелку съ компотомъ,

Пока происходила эта маленькая сцена, Петя сидѣлъ въ комнатѣ Володи.

Володя, закуривая на свѣчѣ папироску, развалился въ широкихъ сафьянныхъ креслахъ въ углу комнаты и, устремивъ каріе глаза свои въ другой уголь, гдѣ сидѣлъ на стулѣ Петя, спростилъ его.

— Отчего ты у насъ давно не былъ?

Петя тоже разлегся и отвѣчалъ.

— Оттого, что я занятъ и живу не близко...

— Нѣтъ, не оттого.

— Отчего-же?

— Я ужъ знаю отчего!..

— Ну, коли знаешь, такъ и не спрашивай.

Володя помолчалъ минуты три и опять спросилъ его:

— А давно тебя билъ твой отецъ? Говорять, онъ бьетъ тебя...

Петя вспыхнулъ, поднялъ голову и отвѣчалъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

— Тебѣ какое дѣло?..

— И ты ему позволяешь?! Стыдись, Петя! Можно быть ретроградомъ, да ужь не до такой степени. — Вонъ, сестра твоя Анна, — та молодецъ! Взяла да и ушла, а ты...

— Сестра ушла съ тѣмъ, чтобъ замужъ выйти; любовь не свой братъ...

— Какъ-будто мы не знаемъ. Не дальше какъ вчера она была у насъ. Любовь! По любви! Какія глупости! Просто — нашла предлогъ, чтобъ избавиться отъ такого родителя... Лучше въ омутъ головой, чѣмъ покоряться тирану... Не въ тебя, знать, огонекъ благородства видно еще не погасъ... А ты даже и у нея не былъ.

— Я у нея два раза былъ; но развѣ она на меня жаловалась?

— Еще-бы не жаловаться! Хорошъ братецъ, нечего сказать: самъ не бываетъ, да еще и отца вооружаетъ противъ нея... Видно губа-то не дура, знаетъ, гдѣ раки-то зимуютъ.

Петя былъ озадаченъ.

— Что ты такое говоришь? Я ничего не понимаю, — какіе раки? Какъ это я вооружаю отца?!

— Пожалуйста, пожалуйста, братъ, не прикидывайся казанскимъ сиротой или воплощенной невинностью. Знаешь, небось, что у папеньки капиталецъ, можно и домъ, и имѣніе купить и за границей пожуировать... И что всего гаже, что всего омерзительнѣе, — ты знаешь, что все это плоды казнокрадства, явное доказательство, что отецъ твой взяточникъ, — знаешь, и очень доволенъ! Да еще стараешься и сестру отстранить отъ отца... Хорошо!..

— Да чортъ! Что ты врешь?! Какое казнокрадство? Какія тутъ тысячи? Что такое!.. вскричалъ Петя, въ бѣшенствѣ вскочивъ со стула и вдругъ смолкъ.

Въ дверяхъ показался носъ Григорія Семіоновича и послышался его нѣсколько свистащій голосъ:

— Обѣдать, обѣдать; васъ ждуть, господа!.. Пойдемте... О чемъ вы тутъ раскричались?

Ни Володя, ни Петя не отвѣчали ему ни слова, только взглянули другъ на друга и вышли вслѣдъ за долговязымъ Григоріемъ Семіоновичемъ.

Я. Полонскій.

(Продолженіе будетъ.)

ИЗЪ „ЗИМНИХЪ ПѢСЕНЬ“.

I.

Прочнѣ, чѣмъ цѣпью желѣзной, тяжелой,
Морозами скована плотно земля.
Уныло и жалко лѣсъ выгладить голый
И мертвы подъ саваномъ бѣлымъ поля.
Въ степи средь тиши гробовой, непробудной
Лишь волки голодные воють... И лучъ
Холоднаго солнца и блѣдный, и скудный
Тусклѣй еще свѣтитъ подъ массою тучъ.
Лежать снѣговые сугробы повсюду,
Мятели и свистить, и реветъ, и гудить...
Бѣда въ эту пору убогому люду, —
Ни сильныхъ, ни слабыхъ зима не щадить.
Но какъ-бы она ни глядѣла сурово,
Устроивши царство покоя и сна,
Наступить конецъ ея власти, — и снова
Обрадуетъ мѣръ чародѣйка-весна.
Въ природѣ начнется вездѣ пробужденье;
Съ веселымъ журчаньемъ польется потокъ, —
Все праздновать станетъ свое возрожденье —
И мелкая пташка, и каждый цвѣтокъ...
А мы, въ эти дни обновленья природы,
Иную жизнь новую также-ль начнемъ?
И сбросимъ-ли старое горе, невзгоды,
Зажгутся-ль сердца наши правды огнемъ?..
Увы, насъ весна не измѣнитъ ни мало,
Ничтожные, жалкіе будемъ мы жить
По прежнему жизнью вполне обветшалою,
И рабски страстямъ недостойнымъ служить!
И глхнуть мы будемъ средь жизни бесплодной,
Какъ чахлая трава въ песчаныхъ мѣстахъ, —
Со злобой въ душѣ лицемѣрной, холодной,
Съ улыбкой и словомъ любви на устахъ...
Во всемъ мы останемся тѣ-же, что были,
Останутся скованы наши сердца
Морозомъ жестокимъ, — и, словно въ могилѣ,
Мы спать будемъ, спать безъ конца...

Петръ Выговъ.

КОМИСІЯ УЛОЖЕНІЯ

и

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДѢЛО ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Созывая депутатовъ, Екатерина приняла всѣ мѣры, чтобы пренія не были слишкомъ оживленными, страстными, и чтобы ораторы не выходили изъ предѣловъ данной ею программы. Депутаты получали извѣстныя привилегіи *), но въ то-же время были поставлены подъ строгій контроль представителей царицы. Она распорядилась даже записывать въ журналъ, если кто изъ депутатовъ пріѣдетъ поздно, уѣдетъ рано или вовсе не явится на засѣданіе: въ первый разъ такому дѣлается замѣчаніе, во второй—штрафъ. Богѣ всего Екатерина опасалась ссоръ между депутатами, даже дракъ, и запретила имъ носить съ собою „шпаги или орудія“. Генераль-прокуроръ и маршалъ комисіи должны были слѣдить, чтобы депутаты не говорили „ничего, противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія содержащемуся“. Для этого „депутатскому маршалу дается трость. Если онъ ударитъ своею тростью, всѣмъ должно замолчать и сѣсть по своимъ мѣстамъ; если же онъ увидитъ, что перваго удара не слушаются, то ударитъ въ другой разъ; если и тутъ не послушаются, то онъ, взявъ свою трость, выйдетъ, и все того дня засѣданіе въ ничто оборотится, а на

*) Депутатъ долженъ быть не моложе 25 л.; ему полагалось отъ казны жалованья въ годъ: дворянскому—400 р., городовому—122, остальнымъ по 37, на всѣхъ-же—200,000. Депутатъ навсегда освобождался отъ тѣлеснаго наказанія, пытки, смертной казни и конфискаціи имѣнія; за оскорбленіе депутата взыскилось вдвое.

другой день онъ предложить, чтобъ начинателя шума наказали, и накажутъ его ста рублями штрафа на первый разъ, въ другой разъ вдвое, а въ третій выгнать вовсе изъ собранія“. Маршалу, генералъ-прокурору и директору дневной записки ведѣно было сидѣть за однимъ столомъ, въ виду того, „что въ комисіи будутъ такія нечаянныя происшествія, для коихъ никакъ не можно предписать правилъ, и для того тремъ сидѣть вмѣстѣ, дабы маршалъ имѣлъ близъ себя людей, съ кѣмъ совѣтовать и чрезъ то получилъ-бы онъ приличный родъ помощи“ (Сб. Ист. Общ. т. X, стр. 228—34). Всѣ эти предосторожности были совершенно излишни, такъ-какъ огромное число депутатовъ пріѣхало въ Москву изъ своихъ захолустныхъ трущобъ, можно сказать, „со страхомъ и трепетомъ“, доходившими до того, что, при общемъ представленіи ихъ государынѣ, одинъ изъ нихъ отъ сильнаго волненія упалъ въ обморокъ и у него сдѣлалась „дѣтская слабость“ („Русск. Стар.“ III, 765). Но, желая сдерживать депутатовъ въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ принципахъ, Екатерина въ то-же время старалась пробудить въ нихъ энтузіазмъ къ дѣлу, для котораго они были собраны, и сама написала рѣчь, которую при открытіи комисіи, 30 іюля 1767 г., говорилъ депутатамъ кн. Голицынъ: „Начинайте сіе великое дѣло и вспомните при всякой строкѣ онаго, что вы имѣете случай себѣ, ближнему вашему и вашимъ потомкамъ оказать, сколь велико было ваше радѣніе объ общемъ добрѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго, и вселенія добравія и человѣколюбія, о тишинѣ, спокойствѣ и блаженствѣ любезнаго отечества. Вы имѣете случай прославить себя и вѣкъ вашъ, пріобрѣсть къ себѣ почтеніе и благодарность будущихъ вѣковъ, отъ васъ ожидаютъ пріятна всѣ подсолнечныя народы; слава ваша въ вашихъ рукахъ и путь къ оной вамъ открытъ; отъ согласія вашего во всѣхъ полезныхъ отечеству дѣлахъ зависѣть будетъ и совершенство оной“ (Сб. Ист. Общ., X, 235.) Торжественная обстановка привела депутатовъ въ умиленіе; при чтеніи Наказа многіе плакали и первымъ ихъ дѣломъ было выраженіе благодарности государынѣ. Подобно тому, какъ помѣщики за „вольность дворянства“ хотѣли воздвигнуть Петру III золотую статую, такъ тѣ-же помѣщики въ своихъ наказахъ предписывали депутатамъ хлопотать прежде всего о воздвиженіи императрицѣ такой статуи, которая по своей цѣнности и прочности не уступала-бы ни одному

изъ иностранныхъ монументовъ (ib., IV, 233, 243, 270; VIII, 494, 500). Неизвѣстно почему, мысль о монументѣ была оставлена; но за то собраніе рѣшило поднести Екатерину титулъ Великой, Премудрой, Матери Отечества. Даже Екатерина такая поспѣшная угодливость показалаь непріятною, и, отклонивъ титулы, она написала маршалу комисіи Вибикову: „Я имъ велѣла сдѣлать російской имперіи законы, а они дѣлаютъ апологіи моимъ качествамъ“ (ib., X, 271). Но даже явная робость большинства депутатовъ и ихъ угодливость не ослабили подозрительности государыни, съ какою она сначала изъ особаго скрытаго помѣщенія слѣдила за засѣданіями комисіи и даже призывала къ себѣ нѣкоторыхъ депутатовъ, дѣлая однимъ внушенія за ихъ рѣчи и благодаря другихъ, какъ она благодарила, напр., енисейскаго депутата Самойлова. Тѣмъ-же немногимъ депутатамъ, которые отличались рѣзкостью даже не мнѣній, а просто рѣчи, она дѣлала черезъ Вибикова внушенія, приказывала подавать въ отставку, требовала, чтобы они „впредь осторожнѣе были въ употребленіи пера, въ противномъ случаѣ они отосланы будутъ къ суду“ (ib.) Такихъ случаевъ, выведившихъ Екатерину изъ себя, было всего три-четыре и она была совершенно довольна мирнымъ настроеніемъ депутатовъ и ихъ восторгами, но не могла быть довольною мнѣніями о комисіи европейцевъ. Правда, Вольтеръ и другіе восхваляли ее, но далеко не въ такой степени, какъ-бы того хотѣлось Екатерину; при этомъ не мало было людей, мнѣнія которыхъ о комисіи были далеко не лестными. Вотъ что писалъ, напр., въ своихъ депешахъ правительству англійскій посланникъ: „Въ настоящую минуту собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и, повидимому, исключаетъ изъ нея кабинета всѣ прочія дѣла. Русскіе не говорятъ и не думаютъ ни о чемъ другомъ и, видя собранныхъ въ своей столицѣ представителей многихъ націй, столь различныхъ по платью, обычаямъ и религіи, какъ-то: самоѣды, казаки, болгары, татары и пр., они способны заключить, что теперь они составляютъ мудрѣйшую, счастливѣйшую и могущественнѣйшую націю во всей вселенной, и было-бы совершенно бесполезно доказывать имъ, что это собраніе не имѣетъ ровно никакого значенія передъ властью ихъ государыни... Но всякій, кто обратитъ вниманіе на ихъ образъ дѣйствій, на то, о чемъ имъ предоставлено разсуждать, и насколько имъ позволено

расширять реформы, и сравнить это съ мѣрами, принятыми въ государствахъ благоустроенныхъ, тотчасъ-же убѣдится, что это ничто иное, какъ извѣстное число людей, присланныхъ изъ каждой провинціи имперіи и отъ каждаго народа, состоящаго подъ покровительствомъ Россіи, для того, чтобы служить въ нѣкоторомъ родѣ совѣтниками императрицы, при опредѣленіи законовъ той страны, (ib., 326—7). При этомъ Ширлей выяснялъ, что „съ помощью этихъ и другихъ подобныхъ мѣръ, блескъ которыхъ ослѣпляетъ глаза русскаго народа, власть усиливается съ каждымъ днемъ“. Другой дипломатъ, лордъ Каскартъ, былъ такового мнѣнія. Предсказанія посла, какъ увидимъ ниже, оправдались во всей точности, а его мнѣнія о депутатахъ были тоже недалеки отъ истины, хотя и нѣсколько односторонни. Какъ истые лорды, исполненные къ тому-же презрѣнія къ варварамъ-москвитамъ, Ширлей и Каскартъ, понимая, что причина полной неудачи комисіи зависитъ отъ самой Екатерины, не видѣли, въ чемъ заключался основной недостатокъ самой комисіи, при отсутствіи котораго она, если-бы и не достигла никакихъ практическихъ результатовъ, то все-таки была-бы не комедіей или мелодрамой, а поучительной трагедіей, которая вскрыла-бы всѣ общественныя болѣзни тогдашней Россіи. Недостатокъ этотъ состоялъ въ томъ, что въ комисію не были допущены депутаты крѣпостныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій и — духовенства, масса котораго, при всѣхъ его недостаткахъ, все-таки была интеллигентнѣе дворянской массы, гораздо ближе ея стояла къ народу и нѣтъ сомнѣнія, вполне сочувственно отнеслась-бы къ освобожденію крестьянъ, что понимала, кажется, и сама Екатерина. Люди, склонные увлекаться комисіей, какъ проф. Сергѣевичъ *), возражать, конечно, что призваніе депутатовъ крѣпостныхъ крестьянъ и даже идея полной отмены крѣпостнаго права были не въ духѣ вѣка и нельзя укорять этотъ вѣкъ съ точки зрѣнія нашего времени. Подобныя возраженія у насъ слышатся постоянно и не только со стороны почетныхъ ученыхъ, вродѣ г. Сергѣевича, но и со стороны многихъ публицистовъ легкаго поведенія, промышляющихъ газетнымъ патріотизмомъ. Не говоря уже о томъ, что съ такими мнѣніями

*) См. его довольно характерную статью о комисіи въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 г.

можно логически прийти даже къ оправданію ужасовъ инквизиціи, которые были тоже въ духѣ своего вѣка, должно замѣтить, что въ упомянутыхъ будто-бы неумѣстныхъ укорахъ и порицаніяхъ заключается, между прочимъ, воспитательное значеніе исторіи. Въ частности-же мнѣніе о томъ, что призваніе крѣпостныхъ депутатовъ и идея освобожденія крестьянъ были чужды вѣку, совершенно ложно. Въ то время къ освобожденію крѣпостныхъ уже готовились приступить и скоро приступили въ Австріи, крѣпостныхъ вовсе не было въ Швеціи, въ Англіи крѣпостное право пало еще въ концѣ XIV вѣка, во Франціи крѣпостныхъ тоже почти уже не было, кромѣ нѣсколькихъ монастырскихъ имѣній, о необходимости освободить которыхъ трезвонилъ на весь міръ Вольтеръ, награждаемый, между прочимъ, и рукоплесканіями Екатерины. Въ самой Россіи о полномъ освобожденіи думали и Екатерина и, такіе люди, какъ Радищевъ, не говоря уже о самомъ народѣ, который только и жилъ надеждой на освобожденіе. При этомъ сторонники постепеннаго освобожденія, напр., нѣкоторые остзейцы и еще ранѣе ихъ Посошковъ предлагали выработать правила его съ обоюднаго соглашенія крестьянъ и помѣщиковъ; для обсужденія же общихъ основаній этого соглашенія, равно какъ для выясненія дѣйствительнаго положенія массы, и слѣдовало призвать депутатовъ отъ крѣпостныхъ крестьянъ и сельскаго духовенства. Понятно, что это возможно было лишь въ томъ случаѣ, еслибы на освобожденіе рѣшились твердо и безповоротно, чего въ дѣйствительности не было, и вслѣдствіе чего комисія очутилась безъ почвы, на которой можно было-бы возводить зданіе реформъ въ духѣ Монтескьё и Беккариа.

Какъ уже замѣчено, созваніе комисіи и „слухи о переимѣнѣ законовъ“ волновали народъ надеждою, а помѣщиковъ — опасеніемъ освобожденія. Это опасеніе ясно высказывалось въ дворянскихъ наказахъ, въ которыхъ одни дворяне требовали, чтобы въ ихъ „права, вольности и преимущества, какъ уже кровію заслуженное награжденіе, остались навсегда въ тѣхъ же предѣлахъ“, другіе выражались яснѣе — „дворянамъ имѣть за собою въ непоколебимомъ владѣніи недвижимыя, какъ жилия съ людьми и крестьянами, такъ и пустыя имѣнія“; третьи просили утвердить права и привилегіи ихъ „въ роды родовъ“. („Сб. И. О. , IV, 368; VIII, 447, 486; XIV, 134, 321.) Какъ истые пред-

ставители міросозерцанія среднихъ вѣковъ, когда законы природы, „естества уставы“, считались измѣнчивыми, а законы человѣческіе, вродѣ римскаго права, неизмѣнными и вѣчными, нѣкоторые дворяне выражали въ наказахъ желаніе, чтобы новое уложеніе, гарантировавъ всѣ ихъ права и вольности, „однажды будучи утверждено, въ вѣчные роды непремѣнно и непоколебимо осталось“ (ib., IX, 271.) Впрочемъ, это стремленіе къ увѣковѣченію выгодныхъ для нихъ законовъ было не чуждо также ни купечеству, ни духовенству, что всегда бываетъ въ обществахъ съ сословнымъ духомъ; даже самъ Наказъ, въ противорѣчіе своимъ основнымъ принципамъ гуманности, свободы и равенства, былъ проникнутъ тѣмъ-же сословнымъ духомъ, заботился о строгомъ раздѣленіи и охраненіи сословій и вводилъ въ русскую жизнь новое совершенно несвойственное ей мѣщанское сословіе, оставшееся мертворожденнымъ. Послѣ этого нисколько неудивительно, что наванунѣ возникновенія въ Америкѣ и Европѣ новѣйшаго безсословнаго государства, депутаты комисіи болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы „всякаго рода людямъ, какъ дворянству, такъ и купечеству, равнымъ образомъ разночинцамъ, пожалованы были генеральныя привилегіи, дабы каждый родъ имѣлъ свои имущества и одинъ въ другаго прерогативы не вступалъ и всякій-бы пользовался тѣмъ, чѣмъ будетъ привилегированъ“ (ib., IV, 460, VIII, 72 и др.) Это стремленіе къ кастальности было тѣмъ неосновательнѣе, что встрѣчало сильный противовѣсъ и въ общемъ безсословномъ характерѣ русской жизни и въ петровской реформѣ, поставившей заслуги государству выше дворянскаго происхожденія и давшей лицамъ всѣхъ сословій возможность достигать дворянства посредствомъ этихъ заслугъ. Мало того, что большинство русскаго дворянства состояло изъ иностранныхъ фамилій, большею частью азіатскихъ, оно, особенно послѣ Петра, постоянно пополнялось множествомъ плебеевъ, занимавшихъ въ рядахъ его первое мѣсто. Меншиковъ былъ изъ пирожниковъ, Орловъ изъ стрѣльцевъ, Ягужинскій — сынъ пономаря, Шафировъ — бѣдный еврей, Строгановы и Демидовы изъ мастеровыхъ, Скавронскій изъ крестьянъ, Завадовскій изъ поповичей, Чоголовъ, Черкасовъ, Шепелевъ — „темнаго происхожденія“, Турчаниновъ — еврей, и проч. Множество дворянъ, кромѣ того, особенно въ западныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ, попадало въ благородное шляхетство посред-

своиѣхъ подложныхъ документовъ, которыхъ въ Могилевѣ и Бердичевѣ фабриковалась такая масса, что они продавались по рублю (Ром. — Славатинскій, 28, 50, 505, 522.) Старое дворянство было крайне недовольно этиѣмъ наплывомъ плебеевъ и заявляло въ комисіи рѣшительный протестъ противъ него. Представители старыхъ дворянскихъ родовъ, отчасти знакомые съ западными теоріями о дворянствѣ, доказывали, что дворянство — душа народа, а его привилегіи, въ томъ числѣ и крѣпостное право, — основа цивилизаціи, „ибо, гдѣ есть дворяне, тамъ есть и ихъ подданные; гдѣ есть дворянскіе подданные, тамъ заводятся земледѣліе, мануфактуры и, слѣдовательно, богатство; а гдѣ есть богатство, тамъ рождаются науки и искусства“ (Сб. И. О., IV, 160.) Забывая то, какими чрезвычайными мѣрами Петръ В. принуждалъ праздное, совсѣмъ невинственное и лежебокое дворянство къ службѣ, тузы-депутаты изображали свой „корпусъ“ красками рыцарской теоріи. „Дворянство отъ чести происходитъ и честью держится“, свое достоинство „дворяне заслужили черезъ многіе вѣка пролитіемъ своей крови для службы государю и отечеству“; это — „родъ, посвятившій себя на жертву отечеству; онъ защищаетъ отечество на войнѣ своею кровію; онъ сохраняетъ покой его во время мира трудами и радѣніемъ“; предки дворянъ получили это званіе потому, что были „совершенно добродѣтельны, въ воинскихъ дѣлахъ искусны, въ статскихъ правосудны и некорытолюбивы, показывали отиѣвную остроту и примѣрное великодушіе“; въ довершеніе всего, тузы доказывали, что „ими же усмирены и внутренніе мятежники“ (ib., 148, 150, 171, 180, 206.) Относительно „пролитія крови“ дворянству отвѣчали, что „во время сраженія рядовые такою-же кровію вѣнчаются, какъ онъ и предводители, но рядовые производятъ и больше дѣйствія“; что если слѣдуетъ награждать только старое дворянство, то „можно подумать, что служба, которую несло все общество, была для прославленія однихъ дворянъ, а не для пользы отечества“. „Одни-ли дворяне защищаютъ отечество, говорилъ терскій депутатъ Мионовъ. Конечно, нѣтъ! Какъ съ предками ихъ, такъ и въ новѣйшее время, въ прусскую войну, не съ ними-ли и другіе вѣнчались тою-же кровію? Также и впредь, если возникнетъ война, одни-ли дворяне будутъ защищать государство? не съ ними-ли будутъ люди всякаго званія? и послѣднихъ будетъ еще больше,

чѣмъ дворянъ“. Депутатъ отъ г. Мензелинска указывалъ на то, что „полки комплектуются изъ солдатскихъ дѣтей, которыя поступаютъ въ службу тотчасъ, какъ скоро придутъ въ состояніе ее нести. Кромя того, есть много и такихъ, которые еще не получили отставки, а дѣти изъ уже подоспѣли къ службѣ и опредѣляются въ нее, какъ годные. Сами же отцы все еще продолжаютъ служить и служатъ усердно, проливаютъ кровь, жертвуютъ жизнью, защищая отечество, и все это исполняютъ до престарѣлыхъ лѣтъ и до послѣдней возможности, не такъ, какъ дворяне, которые, по своей вольности, довольствуются кратковременною службою“ (Сб., т. IV, 216.) На эти вѣскіе доводы, разбивавшіе рыцарскую теорію, тузы отвѣчали только, что „въ храбрости и послушаніи состоятъ долгъ всякаго солдата, побѣды-же, какъ плоды мудраго предводительства, должны быть приписаны предводителю“ (ib., 160, 188, 200, 216, VIII, 373.) Многіе депутаты возражала, что даже самыя древнія фамиліи дворянства произошли отъ людей простыхъ, что „во всякомъ родѣ первые, получившіе дворянское достоинство, были мѣщане или земледѣльцы, люди подлые, но добродѣтельные, заслуженные“ *) (IV, 169.) Эти замѣчанія вызвали въ собраніи цѣлую бурю, особенно со стороны кн. Щербатова: „Весьма удивляюсь, говорилъ онъ, — что г. депутатъ укоряетъ подлымъ началомъ древнія російскія фамиліи, тогда какъ, не только одна Россія, но и вся вселенная можетъ быть свидѣтелемъ противнаго. Къ опроверженію его словъ мнѣ довольно указать на историческія событія. Одни російскіе дворяне имѣютъ свое начало отъ великаго князя Рюрика и потомъ, по нисходящей линіи, отъ великаго князя Владимира; другіе, выѣхавшіе знатные люди, берутъ начало свое отъ коронованныхъ главъ; многія фамиліи, хотя и не ведутъ рода своего отъ владѣтельныхъ особъ, но произошли отъ весьма знатныхъ людей, которые, выѣхавши въ службу къ великимъ князьямъ російскимъ, считаютъ нѣсколько столѣтій своей древности и у насъ украсили себя знаменитыми заслугами отечеству. Какъ можетъ собранная нынѣ въ лицѣ своихъ депутатовъ Россія слышать нареваніе подлости на такіе роды, которые въ непрерывное теченіе многихъ вѣковъ оказали ей свои услуги! Какъ

*) Здѣсь, какъ видно и изъ смысла рѣчи, и изъ слѣдующаго возраженія на нее кн. Щербатова, въ „Сб. Ист. Общ.“ очевидная опечатка вмѣсто *подлымъ*: — „не подлые, но добродѣтельные“.

не вспомнить она пролитую кровь сихъ достойнѣйшихъ мужей! Будь мнѣ свидѣлемъ, дрожащее отечество, въ услугахъ, тебѣ оказанныхъ вѣрными твоими сынами-дворянами древнихъ фамилій. Вы будьте мнѣ свидѣтелями, самыя тѣ мѣста, гдѣ мы, по волѣ нашей монархини, матери отечества, для нашего благополучія собраны! Не вы-ли были во власти хищныхъ рукъ? Вы, божественные храмы, не были-ли посрамлены отъ иновѣрцевъ? Кто-же въ гибели твоей, Россія, подалъ тебѣ руку помощи? То вѣрныя твоя чада, древніе російскіе дворяне! Они, оставя все и жертвуя своею жизнію, — они тебя освободили отъ чуждаго ига, они приобрѣли тебѣ прежнюю вольность“ (IV, 193). Все это, замѣчаетъ протоколъ, „говорилъ онъ и окончилъ съ крайнимъ движеніемъ духа“, хотя собственно для опроверженія мнѣній о „подломъ“ происхожденія дворянства не сказалъ ничего. Желая превратиться въ замкнутую корпорацію, дворянство хлопотало о „шляхетныхъ гербахъ“ и „дипломахъ“ (т. VIII, 458, XIV, 314), заговаривало даже о маюратахъ, но болѣе всего желало захватить въ свои руки всѣ значительныя должности, какъ военныя, такъ и гражданскія, требуя, чтобы дворянское званіе и право владѣть крестьянами не давались разночинцамъ за ихъ заслуги; многіе предлагали не только въ офицеры, но даже въ сержанты производить однихъ только дворянъ. Для этого невѣжественному и чуть не наполовину безграмотному шляхетному корпусу нужно было поучиться, и вотъ малорусскіе дворяне просятъ учредить въ Малой Россіи дворянскій корпусъ, а для высшихъ наукъ университетъ и женское училище (Соловьевъ, XXVII, 51). Дворяне центральныхъ губерній просили открыть въ Москвѣ тоже кадетскій корпусъ и женскій институтъ. Нѣкоторые требовали заведенія училищъ въ каждомъ городѣ, чтобы каждый дворянинъ могъ отдавать въ нихъ своихъ дѣтей для обученія „первое — закону христіанскому, второе — французскаго и нѣмецкаго языковъ, рисовать, фехтовать, арифметики, артилеріи и фортификаціи“. Къ чести тогдашняго дворянства должно отнести, что оно брало содержаніе этихъ шляхетныхъ училищъ на себя, а не взыскивало на остальныхъ сословія, какъ это дѣлаютъ современные земцы (Сб. Ист. Общ. IV, 175, 231, 289, 381, 405, 468; XIV, 327). Впрочемъ, эти собственныя средства на содержаніе дворянскихъ школъ тоже должны были идти изъ кармана крѣпостнаго мужика. Во-

обще, дворянство мечтало стать во главѣ всѣхъ мѣстныхъ и общегосударственныхъ дѣлъ, Желанія его были безпредѣльны.

Оно желало мѣстнаго самоуправленія, очень похорожаго на нынѣшнія земскія учрежденія, но исключительно дворянскаго „внутреннаго въ уѣздѣ земскаго правленія, которое-бы зависѣло отъ учрежденія самихъ дворянъ, по собственному ихъ выбору“; на содержаніе этого управленія предполагалось дѣлать сборъ со всѣхъ земель уѣзда, какъ съ помѣщичьихъ, такъ и съ государственныхъ (Сб. IV, 137, 247, 360; XIV, 243, 249). При этомъ дворянство само желало выбирать воеводъ и товарищей ихъ, такъ какъ дворянинъ не можетъ быть подсуднымъ ни воеводской канцеляріи, никому другому кромѣ дворянъ своего уѣзда (ib., 282, 307, 329, 410; VIII, 484, 522, 559). „Въ городскихъ-же канцеляріяхъ повелѣно-бы было быть за секретаря канцелярису, того ради, когда оныя, за секретаря правящія, не будутъ имѣть оберъ-офицерскихъ чиновъ, то отъ своихъ воеводъ будутъ имѣть больше страха, ибо воевода всегда можетъ такового, неимѣющаго офицерскаго чина, за его по дѣламъ лѣность и неисправность, штрафовать палкою и сажать въ желѣза; и чрезъ то въ дѣлахъ всегда скорѣе успѣхъ быть можетъ, а секретари онаго страха отъ воеводъ не имѣютъ, и чрезъ то болѣе въ дѣлахъ мѣшкотности и остановки бывають“ (т. IV, с. 331). Требуя для себя самоуправления, дворянство хотѣло командовать надъ остальными классами; для этого, кромѣ выборныхъ воеводъ и ихъ товарищей, должны были служить выбираемые дворянствомъ-же и изъ дворянъ чиновники, въ лицѣ которыхъ предполагалось сосредоточить обязанности позднѣйшихъ исправниковъ, становыхъ, мировыхъ судей и акцизныхъ надзирателей; одни хотѣли назвать этихъ чиновниковъ комисарами, другіе ландгерихтами, медиаторами, становыми опекунами, просто опекунами и т. д. Такому комисару должны повиноваться всѣ въ уѣздѣ и ему „надлежитъ во всемъ яко опекуну своего уѣзда быть и оный защищать *)“, Контролировать-же его должно дворянское собраніе (ib., 98, 237, 304, 359; VIII, 464, 546; XIV, 51, 65, 254, 270, 281, 334, 363, 434).

*) Кн. Мещерскій въ своей послѣдней книжонкѣ, очевидно, предвосхитилъ эту идею для своихъ уѣздныхъ опекуновъ.

Нѣкоторые дворяне, поближе прочихъ знакомые съ европейскими порядками, не настаивая на этихъ нелѣпныхъ уѣздныхъ опекунахъ, требовали „земскихъ“ или „мировыхъ“ судей, только изъ дворянъ“, причемъ рославльское дворянство предлагало называть такого судью „словесныхъ дѣлъ экономомъ“ (ib., IV, 95; VIII, 502, 507; XIV, 82, 99, 177, 246, 427). Вообще, дворянство вмѣстѣ съ другими сословіями, какъ увидимъ ниже, энергически хлопотало о судебной реформѣ, но, даже при этомъ, не умѣло отрѣшиться отъ своихъ узкихъ сословныхъ понятій. Оно просило избавить его и принадлежащихъ ему крестьянъ отъ постоянной повинности (ib., IV, 243, 259; XIV, 275, 330, 387); просило не подвергать дворянъ пыткамъ и смертной казни и избавить ихъ навсегда отъ тѣлеснаго наказанія (IV, 259, 289, 463). Особенно сильно хлопотали дворяне объ огражденіи своей чести и просили, „что-бы всемилостивѣйше повелѣно было на обидчиковъ учредить законъ: 1) Если дворянинъ дворянина обезчеститъ словомъ или побьетъ, то такому обидчику, по обличеніи, при собраніи дворянъ, предъ судомъ учинить то-же чрезъ профоса или канцелярскаго сторожа. 2) Если дворянинъ побьетъ священника, или офицерскую честь имѣющаго, то что-бы заплатилъ обидному за безчестье и увѣчье втрое. 3) Если-же кто, неимѣющій священства и офицерской чести, побьетъ дворянина, такому чинить наказаніе кнутомъ, да сверхъ того за безчестье и увѣчье взыскивать втрое“ (ib., IV, 468). Нѣкоторые, доказывая, что „дворянство честь свою съ деньгами равнять не могутъ“, требовали за побои, нанесенные дворянину, одного только уголовного наказанія (т. VIII, 545). Не забывали дворяне и утвержденія своей семейной власти. Они доказывали, что родители „надъ дѣтьми своими данною отъ Бога и ея и. в. властью неоспоримое имѣютъ *обслюдство* *)“; слѣдовательно, раздѣлъ наслѣдства должно вполне предоставить родителямъ, дабы дѣти, „въ ожиданіи къ полученію себѣ достойнаго награжденія, родителямъ своимъ никакихъ противностей не оказывали“ (IV, 227, 369, 370). Просили также объ ограниченіи „непостоянныхъ“ женъ и о лишеніи ихъ права распоразаться судьбою приданныхъ дѣвокъ

*) Т. е. абсолютную власть.

(ib 283, 338). Мало этого, забывая то, что сами же говорили о строгомъ разграниченіи сословій, дворяне требовали, чтобы имъ было дозволено свободно заниматься всякою промышленностью и торговлею, заводить всякія фабрики и богатѣть отъ нихъ на славу отечества, такъ-какъ „государство (лишь) тогда становится прочно, когда оно утверждается на знатныхъ и достаточныхъ фамиліяхъ, какъ на твердыхъ и непоколебимыхъ столбахъ, которые не могли-бы снести тяжести обширнаго зданія, если-бы были слабы“. Дворянство требовало запретить купцамъ имѣть на фабрикахъ крѣпостныхъ рабочихъ, что было равнозначительно присвоенію фабричной монополіи одному дворянству. Нѣкоторые даже прямо просили утвердить за дворянствомъ монополію на все фабричное производство или, по крайней мѣрѣ, на фабрики, *сочиняющіяся* изъ льна и изъ пеньки и изъ прочихъ земляныхъ экономическихъ произращеній“. Они требовали „чтобы всякаго рода хлѣбный промыселъ и все, что земля ни произращаетъ, все то привилегировать одному только дворянству и земледѣльцамъ, а другіе-бы никто не пользовались, а пользовались-бы уже тогда, когда отъ дворянина купить“ (IV, 164, 192, 301, 363, 395, 465; VIII, 57, 90, 106, 136, 483, 562). Нѣкоторыя дворянскія общества просили себѣ еще права на водочный откупъ и соляную продажу (IV, 303, 455; VIII, 559.) Приэтомъ всѣ дворяне чрезвычайно усердно просили о пожалованіи ихъ водочною привилегіею, „вино сидѣть и сдѣланныя изъ онаго водки и настоянныя вина“ употреблять безпрепятственно на всякомъ мѣстѣ. Дворянство горько жаловалось на указъ 1765 г., которымъ ему вино и водку съ собою въ городъ брать и возить запрещено. „Посему дворянство, имѣя штабъ и оберъ-офицерскіе чины, пріѣхавъ въ городъ, за неимѣніемъ при себѣ домовой водки и вина, принуждены бывають покупать водку и вино многимъ съ противными и съ непристойными спеціями и запахомъ, почему дворянство по характерамъ ихъ принуждено видѣть въ томъ себѣ недостатокъ“. Дворяне просили дозволить каждому курить вино и возить его съ собою, „упадая къ высокомонаршимъ стопамъ“, и объясняя, какъ имъ дорога будетъ „сія высокомонаршая и неизрѣченная милость“ (IV, 231, 301, 337, 351, 396; VIII, 516; XIV, 360). За водкою слѣдовали бани. Во избѣжаніе пожаровъ дворяне предлагали запретить имѣть бани всѣмъ, кромѣ людей достаточныхъ, а

рублевный сборъ съ помѣщичьихъ бань сложить (IV, 125, 251; VIII, 474.)

Безграничныя притязанія дворянства встрѣтили энергическое противодѣйствіе со стороны другихъ сословій. Старое дворянство желало превратиться въ касту, освященную родовыми доблестями и кровью, пролитой за отечество; новое дворянство, какъ мы уже видѣли, отстаивало свои права, доказывая, что и оно нѣкоторымъ образомъ проливало кровь. Старое дворянство хотѣло оставить только за собою права владѣть крѣпостными, но тутъ уже не одно новое дворянство, а всѣ сословія, кромѣ крестьянъ, заявили протестъ и депутаты, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ имперіи, отъ которыхъ „ожидали примѣра всея подсолнечныя народы“, потребовали рабовъ себѣ и своимъ избирателямъ! Дворяне просили распродать имъ бывшихъ монастырскихъ крестьянъ по дешевой цѣнѣ, по 30 р. за мужика (т. VIII, 559). Приказные заявили, что „по немѣнью дворовыхъ людей претерпѣваютъ крайнюю нужду въ домашнихъ надобностяхъ“ и просили разрѣшить имъ покупать дворовыхъ, тѣмъ болѣе, что и въ Наказѣ напечатано: „ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно или всему обществу“ (стр. 79.) Купечество жаловалось, что съ наемными слугами и прикащиками ему тоже трудно жить, такъ-какъ они, „зная, что не крѣпостные и потому не имѣя страха, дѣлаютъ всякія своевольства и причиняютъ хозяевамъ много хлопотъ“ (стр. 77.) Купцы просили права имѣть крѣпостныхъ, „ибо изъ этого вреда никому не предусматривается. Ежели имъ не будетъ дозволено имѣть дворовыхъ людей, то они подвергнутся большому затрудненію въ наймѣ работниковъ, а особливо во время проѣзда въ дальнія мѣста съ незнакомыми извозчиками. Часто случается, что извозчикъ, приняты, что у купца есть деньги, оставляетъ его коварнымъ образомъ на дорогѣ; случается, что другихъ и умерщвляютъ. Когда-же купцамъ будетъ разрѣшено имѣть дворовыхъ людей, то они избѣгутъ подобныхъ бѣдственныхъ случаевъ“ (VIII, 87.) Даже казаки донскіе, сибирскіе, терскіе, гребенскіе, уральскіе, азовскіе, волжскіе и саратовскіе просили „по крайней необходимости нуждѣ, за немѣнїемъ собственныхъ служителей для домашнихъ услугъ и работъ, (дозволить имъ) покупать дворовыхъ людей и крестьянъ“ (стр. 229). Даже пахотные солдаты просили о томъ-

же (V, 133.) Эти притязанія купцовъ, чиновниковъ и приваженных встрѣтили живой отпоръ со стороны дворянства, но этотъ отпоръ, понятно, вытекалъ изъ однихъ своекорыстныхъ расчетовъ и во всемъ собраніи нашелся только одинъ человекъ, котораго возмутила эта крѣпостническая похотливость купчинъ, приказныхъ крючковъ и казачьяго чиновничества. То былъ хоперскій казакъ Алейниковъ, который въ прекрасной рѣчи старался выяснить собранію, что награждать за военную службу слѣдуетъ не однихъ командировъ, а и всѣхъ рядовыхъ, и награждать не рабами, а „достаточнымъ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ. Хотя упомянутые господа депутаты и представляютъ, что казачьимъ войсковымъ атаманамъ и полковымъ командирамъ безъ крестьянъ быть предосудительно, но это они показываютъ напрасно; *ибо мы видимъ илью Европу, которая въ крѣпостныхъ крестьянахъ никакой нужды не имѣетъ.* И не большее-ли будетъ предосудженіе всѣмъ господамъ депутатамъ и всему нашему государству передъ другими европейскими странами, когда, по окончаніи сей высочайшей Комисіи, узаконено будетъ покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину, да еще такихъ-же христіанъ, какіе и мы сами?“ (т. VIII, стр. 373.)

Эти притязанія купцовъ, приказныхъ, казаковъ выражали не какія-нибудь новыя требованія, а имѣли въ виду утвердить формальнымъ закономъ тѣ крѣпостныя отношенія, какія уже существовали на дѣлѣ, какъ мы это увидимъ дальше, когда будемъ говорить о положеніи народа при Екатеринѣ, и встрѣтимся съ купцами-помѣщиками и разными видами кабалы. Купцы, казаки, чиновники хлопотали собственно о превращеніи этого экономическаго рабства въ формальную крѣпостную зависимость, въ которой уже состояли рабочіе многихъ купескихъ фабрикъ и заводовъ. Купечество хлопотало только, чтобы всѣмъ купцамъ безъ исключенія дозволено было имѣть заводы и при нихъ крестьянъ, а также держать безданно, безошлинно лавки, амбары, погреба, постоялые дворы, харчевни, дома, сады, бани, винокурни въ награду за то, что купцы „съ великимъ стараніемъ довели до цвѣтущаго состоянія россійскую торговлю“ (ib., 40, 48, 93.) Вмѣстѣ съ тѣмъ купцы, въ видахъ развитія своихъ фабрикъ, желали принять мѣры для подавленія крестьянскихъ кустарныхъ промысловъ, „чтобы крестьянъ не допускать къ руководѣльямъ безъ за-

писки ихъ въ цѣхѣ навѣчно“, такъ-какъ это „будетъ противно регламенту главнаго магистрата“ (т. IV, 122, 135.) Богатныя рыбныя ловли тоже слѣдуетъ отдавать исключительно купцамъ, такъ-какъ „крестьянамъ заниматься рыбною ловлею непристойно“ (стр. 121). „Разночинцамъ въ городахъ лавокъ и харчевень не имѣть, а предоставить этотъ промыселъ бѣднымъ людямъ изъ купечества. Всякихъ ремесленниковъ записывать въ цѣхѣ вѣчно и временно съ платежемъ купечеству“ (т. VIII, 43.) Многія городскія общества ходатайствовали о запрещеніи крестьянамъ заниматься какими бы то ни было ремеслами и о предоставленіи этихъ ремеселъ въ монополію городовъ (IV, 126, 136.) Болѣе же всего купеческіе депутаты, и всѣ поголовно, настаивали на предоставленіи купечеству исключительнаго права на всѣ виды торговли. Торговать крестьянамъ, по мнѣнію купечества, слѣдуетъ запретить ради ихъ-же собственныхъ интересовъ, потому что иначе „они покинутъ хлѣбопашество и домашнее хозяйство и такимъ прогуломъ причинять себѣ гораздо болѣе потери, чѣмъ получаютъ прибыли“! Отъ крестьянской торговли и то уже „значительное количество пашенной земли остается впускъ, а внутри Россіи рождается дороговизна и купечеству подрывъ“. И теперь уже, какъ заявилъ вологодскій депутатъ Блазновъ, „крестьяне, забывъ страхъ божій и государственные законы, торгуютъ какъ сущіе купцы и вагло чинятъ подрывъ комерціи, и купцамъ уже до того дошло, что, оставя свое купечество. они принужены уѣзжать въ чужія страны“! Слѣдуетъ тоже и „дворянству не дозволять торговать и ни у кого, ни подъ какимъ предлогомъ, покупать купеческое право; ибо благородное дворянство имѣетъ свое собственное право, заключающее въ себѣ большія преимущества, и несетъ на себѣ драгоцѣнное имя дворянина. Поэтому входить въ такія комерческія занятія, какъ, на примѣръ, фабричныя, заводскіе и разныя торговые промыслы, дворянамъ, по ихъ званію, несвойственно“ (т. VIII, 41.) Дозволеніе торговать крестьянамъ и помѣщикамъ „будетъ несогласно ни съ законами, ни съ натурою“. „Дворянству нѣтъ слѣда выходить изъ своего званія и мѣшаться въ надлежащее купечеству право, что наипаче запрещаетъ св. Апостолъ Павелъ: „Никто-же бо, воинъ бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ“. Притомъ-же и естественный законъ доказываетъ, что вамъ, дворянству, носящему на себѣ драгоцѣн-

ное имя, совсѣмъ, какъ мнѣ кажется, несподручно входить въ купеческое званіе* (VIII, 154.) Купцы требовали, чтобы крестьяне и помѣщики продавали все купечеству, „подъ опасеніемъ конфискаціи всего ихъ товара, а съ тѣхъ, которые непозволительнымъ образомъ у нихъ, что покупать, брать по 1,000 р. пени и половину оной брать въ казну, а другую отдавать доносителю; тѣхъ же, которые не въ состояніи будутъ платить сію пеню, наказывать плетью*! Вмѣстѣ съ стремленіемъ къ этой общей монополіи многія купеческія общества желали торговать только сами, устраняя всякое соперничество иногороднихъ купцовъ. Такъ енисейцы просили себѣ монополію въ округахъ енисейскомъ и туруханскомъ, а со всякаго иногородняго купца брать штрафъ въ пользу города; просили монополію воднаго сообщенія между Иркутскомъ и Енисейскомъ, монополію винокурения и виноторговли. Енисейскій депутатъ Самойловъ, кажется, не заявлялъ въ комисіи этихъ требованій, но за то, обобщая ихъ, говорилъ: „На будущее время надлежитъ накрѣпко подтвердить о наблюденіи, чтобы купечество другихъ городовъ своею перекупскою и продажею въ розницу товаровъ не приводило въ разореніе сибирскихъ купцовъ. Но ежели-бы кто пожелалъ торговать въ тамошнихъ мѣстахъ, то чтобы они производили торговлю такимъ-же образомъ, какъ ведетъ ее и сибирское купечество въ здѣшнихъ городахъ, то есть, чтобы привезенные свои товары они сдавали оптомъ тамошнему. Сей порядокъ предлагаю я ввести въ каждой губерніи и въ каждомъ городѣ, а особливо въ тѣхъ, въ которыхъ натура производитъ отличные отъ другихъ мѣстъ предметы, или гдѣ уже ведется издревле отиѣнная торговля“ (VIII, 281.) Мнѣніе Самойлова поддержали депутаты нѣкоторыхъ другихъ городовъ (т. IV, 109, 122; VIII, 39, 41, 92, 100, 117, 281.) Притязанія купечества на торговую монополію встрѣтили живое противодѣйствіе со стороны помѣщиковъ, которые, защищая интересы крестьянъ, имѣли прежде всего въ виду свой собственный карманъ. „Начало даннаго намъ Наказа, говорилъ кн. Щербатовъ, научаетъ насъ непремѣнному правилу христіанскаго закона послѣдовать, т. е. взаимно дѣлать другъ другу добро, сколько можно; естественное-же право подтверждаетъ, что мы столько добра другому желать должны, сколько себѣ желаемъ; а можно-ли сказать, чтобы вышесказанное предложеніе сходствовало съ такими святыми

правилами, когда полагаетъ оно неволю на бѣднаго земледѣльца, пріобрѣтшаго чрезъ тяжкую работу и кровавый потъ лица своего нѣкоторое излишество, чтобы и того онъ продать не могъ, какъ ему свободнѣе будетъ“ (IV, 100.) Помѣщики требовали даже запретить купцамъ скупъ крестьянскихъ произведеній на рынкахъ до обѣда и вообще стояли за неограниченное право крестьянъ продавать сельскія произведенія, кому хотять (IV, 100, 309, 392.) Тоже говорили и крестьяне и инородцы и казаки, доказывая, что купеческая монополія окончательнo разорить народъ, который часто „не отъ излишества принужденъ бываетъ что-либо продавать, но по необходимой надобности, какъ наир., для уплаты подушныхъ или другихъ государственныхъ повинностей“ (VIII-56, 81, 113, 142). Кромѣ монополіи купцы просили еще о городскомъ самоуправленіи, которое находилось въ самомъ печальномъ положеніи: „Множество является отъ бѣднаго купчества жалобъ на великія притѣсненія и разоренія отъ богатыхъ купцовъ, особенно когда бѣдные въ своихъ обидахъ подають прошенія въ магистраты и ратуши: тогда, въ силу закона, опредѣляется судъ по формѣ, который продолжается многіе годы, бѣдные должны жить безотлучно въ городѣ до окончанія дѣла, которое однако оканчивается не въ ихъ пользу, потому что сами они не могутъ вести его по незнанію, адвоката-же нанять не на что, а богатые, между тѣмъ, пронырствами своими делятъ дѣло и отводятъ, и бѣдныхъ окончательнo разоряютъ. Но этого еще мало: какъ скоро бѣдный притѣсненіями и обидами выведенъ будетъ изъ терпѣнія и подастъ челобитную, то отвѣтчикъ, надѣясь на знатность свою и пронырство, гдѣ-нибудь поймаетъ его и бьетъ; обиженный вторично долженъ подать прошеніе, вторично ему судъ по формѣ — вторично его бьетъ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ не только бѣдныхъ не защищаютъ, но и сами во многихъ имъ разореніяхъ и обидахъ избличены“. Эти жалобы слышались со всѣхъ сторонъ (Соловьевъ, XXVII, 16, 26, 59, 137; Сб. И. О. VIII, 71; X, 219.) Въ то-же время купцы жаловались на приказчицы плутни и требовали строгихъ мѣръ; но во время преній въ комисіи выяснялось, что мошенничаютъ больше хозяева, чѣмъ приказчицы, которые находятся въ настоящемъ рабствѣ: купцы „держатъ ихъ въ подземельныхъ тюрьмахъ по 8 мѣсяцевъ и болѣе скованными, стращаютъ тѣлеснымъ наказаніемъ, бьютъ плеть-

ми, обсчитываютъ и т. д. „Такимъ образомъ, эти люди, видя на себя такія нападенія и притѣсненія, просятъ на бывшихъ своихъ хозяевъ въ магистратахъ и ратушахъ. Но присутствующіе, такъ-какъ они одного города съ тѣми купцами и при томъ-же почитаютъ ихъ по богатству, имѣя всегда съ ними компанію, вовсе и суда на нихъ не даютъ и самихъ-же приказчиковъ и сидѣльцевъ отдаютъ обратно тѣмъ-же бывшимъ ихъ хозяевамъ, и еще съ наказаніемъ, хотя-бы они были и изъ разночинцевъ. Приказчики и сидѣльцы, не находя себѣ удовлетворенія въ правосудіи, принуждены бывають давать на себя тѣмъ хозяевамъ другія кабалы года на три, и на пять, и на десять лѣтъ, въ чаяніи тотъ напрасный начеть какъ-нибудь зажить. Но хозяева годъ отъ году болѣе насчитываютъ на нихъ въ продажѣ товаровъ, и, такимъ образомъ, если эти приказчики и сидѣльцы изъ крестьянъ, *то хозяева укрѣпляютъ ихъ за собою съ женами и съ дѣтьми.* Приказчики-же и сидѣльцы не только не могутъ получить себѣ какую-нибудь выгоду или завести хозяйство болѣе прежняго, но отдаютъ хозяевамъ и послѣднее свое имѣніе“. Даже среди купцовъ находились люди, которые возмущались этими безобразіями и требовали законной защиты приказчиковъ (Сб. И. О. VIII, 190; XIV, 96, 160.) Но въ то-же время купцы просили объ отдачѣ имъ въ кабалу бѣдныхъ сиротъ и нищихъ до полного совершеннолѣтія ихъ (VIII, 78.) Ходатайствуя о разныхъ льготахъ себѣ, купечество особенно сильно просило „о пожалованіи ему чести“. „Не соблаговолено-ли будетъ фабрикантамъ и купечеству первой гильдіи пожаловать шпаги: нѣмцы, видя русскаго купца безъ шпаги, оказываютъ ему пренебреженіе, а особливо на биржѣ; пожалованіе русскому купечеству чести будетъ имѣть послѣдствіемъ прославленіе государства“. Нѣкоторые требовали именитымъ купцамъ „шляхетства и чиновъ“, другіе-же ограничивались тѣмъ, что просили пожаловать за мордобитіе „1-й гильдіи по 150 р., 2-й— по 100, 3-й— по 50 р., а за увѣчье противъ того вдвое“, но противъ этого возражалъ казачій депутатъ Алейниковъ, доказывая, что такая плата богачу ничего, а бѣдному разореніе. Далѣе депутатъ Алейниковъ, говоря, что денежное взысканіе за безчестіе непристойно для всего государства, предложилъ, что-бы вмѣсто онаго, не токмо купцовъ, но и всѣхъ безъ изыятія за безчестіе подвергать тѣлесному наказанію, а не денежной пенѣ, не-

смотря притомъ ни на какое достоинство. Виѣстъ съ тѣмъ онъ предложилъ, чтобы съ гражданина, употребляющаго матерную брань, брать пеню по рублю на содержаніе богадѣленъ; кто-же будетъ не въ состояніи заплатить этой суммы, того наказывать плетью; хотя-бы въ нарушеніи сего правила изобличенъ былъ и дворянинъ. то и ему не дѣлать въ томъ никакого послабленія; даже и въ шуткахъ ругательную брань не употреблять, ибо отъ сего происходятъ многія дурныя слѣдствія; наконецъ, онъ предложилъ, что-бы купцамъ повелѣно было носить шпаги, только не такія, какія имѣютъ военнoслужашіе“ (Сб. VIII, 122.) Того-же мѣня держались и нѣкоторые другіе депутаты, говоря, „ежели за бой или увѣче можно платить деньги, то капиталистъ и большую сумму поставитъ ни во что и съ пренебреженіемъ отважится бѣдному человѣку наносить побои“. Вообще, вопросъ о мордобитіи сильно занималъ депутатовъ: одни желали хоть чѣмъ-нибудь обезопасить свои фізіономіи, другіе не прочь были отстаивать право кулака; по крайней мѣрѣ, новгородское дворянство просило по дѣламъ безчестья и увѣчья, „виѣсто гражданскаго—воинскаго суда, дабы чрезъ то всякій обидимый скорѣе довольную сатисфакцію свою получить могъ, а особливо нижній характеръ передъ высшимъ почтеніе лучшее имѣть могъ“ (Сб., VIII, 77, 95, 122, 171, 214; IV, 158, 254.) По отсутствію депутатовъ отъ духовенства сословныхъ притязаній съ этой стороны въ комисіи не заявлялось; но когда частная комисія приписала духовенство къ среднему роду людей, синодъ протестовалъ и заявилъ, что духовенство всѣхъ степеней равно дворянству. Частная комисія отвѣчала, что она положила духовныхъ въ одинъ разрядъ съ учеными, какъ учителей народа, но академія наукъ заявила, что и ученые униженно быть въ среднемъ родѣ людей, о которомъ въ сущности никто не имѣлъ опредѣленнаго понятія, начиная съ его изобрѣтательницы, Екатерины. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ о раздѣленіи сословій, было, по предложенію Орлова, рѣшено, что дворянство дѣлится на 4 степени—князь, графъ, баронъ, дворянинъ; средній родъ, или *мѣщанство*, на 8 степеней—бѣлое духовенство, ученые, художники, ремесленники, купцы, приказные, разночинцы, вольные; крестьяне на 2 степени—крѣпостные и свободные (Соловьевъ, XXVII, 125.)

Такимъ образомъ, большинство депутатовъ въ вопросахъ со-

словныхъ обнаружилъ лишь казальную узкость взглядовъ и похотливое стремленіе къ монополіи. Наказъ болѣе всего заботился о гуманизированіи наказаній и о вѣротерпимости, но и по этимъ пунктамъ его идеи встрѣтили отпоръ со стороны большинства депутатовъ. Ни одинъ голосъ не былъ поданъ за смягченіе какого нибудь уголовного закона, даже такого, какъ дѣйствовавшей еще тогда слѣдующій: „буде жена учинить мужу своему смертное убійство или окормить его отравою, и ее за то казнити, живу окопати въ землю, и казнити ее такою казнію безъ пощады“. Приведя этотъ ужасный законъ, усольское дворянство только указало на неполноту его: „а оставшеяся ея имѣніе кому отдать, въ томъ пунктѣ не сказано“ (ib., XIV, 485!) Еще до напечатанія Наказа нѣкоторые изъ совѣтниковъ Екатерины просили ее не отиѣнять пытки (Сб. И. О. X, 79.) Множество депутатовъ тоже просили о восстановленіи по-прежнему пытокъ во всехъ городахъ, о томъ, что бы „умножить истязанія“, „а по пыткамъ чинить экзекуціи, такъ-какъ и прежде бывало, смертныя казни, понеже безъ того никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести невозможно“ (т. IV, 286, 377, 420; VIII, 583, 561, XIV, 189, 279, 291, 480, 394.) Не менѣе грубо отнеслись депутаты въ требованіямъ вѣротерпимости, особенно относительно раскольниковъ, съ которыми тогда продѣлывались сплошь и рядомъ такія вещи. Въ 1750 г. юрьевецкіе раскольники жаловались, что „духовнаго правленія *судящій попъ*“ Сокольскій мучитъ и бьетъ ихъ „плетми смертельно и весьма необычно“. Въ деревнѣ Каменной, напр., „собравъ разныхъ деревень Рыбновской волости крестьянъ для караула тѣхъ раскольниковъ, повелѣлъ въ той деревнѣ раскласть необычныя и великія огни, отъ чего всѣ жители той деревни ужаслися и припили въ крайній страхъ и робость; и ежели-бы-де въ то время могъ быть вѣтръ, то-бы совершенно та деревня Каменная отъ пожарнаго случая не могла спастися. Почему онъ, попъ Сокольскій, тѣми не порядочными и весьма необычными поступками и стрѣляніемъ изъ ружей дворцовымъ крестьянамъ учинилъ великія обиды и изнуреніе. По многимъ-же-де онъ, попъ, въ той деревнѣ Каменной, необычнымъ поступкамъ, взялъ съ собою вышеписанной деревни многомучительски имъ попомъ бѣлаго крестьянина записнаго раскольника Леонтьева и прочихъ незнаемыхъ людей и отвезъ ихъ въ юрьевец-

вое духовное правленіе“. По осмотру нѣкоторыхъ, мученныхъ попомъ, оказалось, что крестьянинъ Леонтьевъ „въ великой и тяжкой болѣзни, отъ которой чаательно онъ и жизни своей лишится“, а на дѣвѣ Васильевой „явилось битыхъ и весьма необычно на спиѣ синихъ и багровыхъ мѣстъ многое число, да на правомъ паху пробита великая рана, отъ которой она и въ жизни своей безнадежна“. Тѣмъ же не менѣе, судящій попомъ вышелъ правымъ и продолжалъ свои варварскіе набѣги на мирныхъ раскольниковъ. („Рус. Архивъ“, 1879, III, 33—35.) Еще до напечатанія Наказа, по поводу закона Петра III о свободѣ вѣроисповѣданія, высшее духовенство заявляло, что „синкретизмъ или допущеніе разныхъ вѣръ въ самодержавное государство отъ всѣхъ умныхъ людей за вредъ оному почитается, чего избѣгая, многіе государи у себя возникшихъ разновѣрцевъ всячески истребляли и истребляютъ“ (Соловьевъ, XXV, 278.) Передъ самымъ собраніемъ комисіи Екатерина писала, что духовенство въ нѣкоторыхъ епархіяхъ проникнуто „духомъ гоненія“ на раскольниковъ („Сб. И. О.“, X, 200.) Тѣмъ же духомъ оказались проникнутыми и депутаты. Одни требовали „наказывать раскольниковъ на торгу“, а потомъ ссылать; другіе, указывая на ихъ сильное размноженіе, вслѣдствіе „богомерзкой раскольнической ереси и тѣлесныхъ слабостей, которыя ихъ ереси въ единомъ состоятъ плотскомъ угоденіи прелюбодѣяніймъ и блудодѣяніймъ“, просили „по изобрѣтенію средствъ оныхъ болопротивныхъ, св. церковь нетерпимыхъ и обществу зломыслившихъ раскольниковъ вовсе истребить“. Въ то же время нѣкоторые депутаты заговаривали объ окончательномъ обращеніи въ православіе всѣхъ живущихъ въ имперіи язычниковъ, хотя съ другой стороны инородческіе депутаты, по выраженію Щербатова, „на безчеловѣчіе и издомство поповъ своихъ жаловались, кои токмо грабятъ и мучить ихъ пріѣзжаютъ“, а сибирскій губернаторъ доносилъ о мисіонерахъ: „Обольстя награжденіемъ, напоя пьяныхъ или напугавши, крестятъ, а какъ при крещеніи дѣйствуютъ, того неизвѣстно. Перекрестя, отѣзжаютъ въ другія мѣста, на лошадахъ и на издержкахъ новокрещенаго, оставивъ ему написанный на бумагѣ символъ вѣры, который этотъ христіанинъ безумно почитаетъ божествомъ, а, что въ немъ написано, не знаетъ. Черезъ годъ и больше проповѣдникъ возвращается для свидѣтель-

ства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости, обвиняютъ въ отступничествѣ отъ вѣры христіанской, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если-же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ-же подводахъ и коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ, а потомъ сами-же и сыскиваютъ. Священники этихъ дѣлъ сами рѣшить не могутъ, отсылаютъ въ высшій судъ, гдѣ происходитъ долголѣтнее разбирательство. Другой способъ къ грабительству: придуть къ новокрещеному и, если узнаютъ, что былъ покойникъ и погребенъ безъ священника или младенецъ не крещенъ, привязываются, зачѣмъ долго некрещенъ, зачѣмъ безъ священника погребенъ? тогда какъ священникъ, по отдаленности, только въ нѣсколько лѣтъ разъ можетъ пріѣхать; точно также и вѣнчаться въ церковь ѣздить не могутъ, вѣнчаются по домамъ, а это служить главнымъ источникомъ взяточничества: привязываются, кричатъ о поруганіи вѣры, и, если кто не откупится, долженъ ѣхать отъ 300 до 400 верстъ. Священникъ пріѣзжаетъ исповѣдывать: отецъ духовный по-инородчески, сынъ духовный по-русски ни слова не знаютъ: одна только пожива священникамъ“. Нѣкоторые русскіе депутаты опровергаютъ жалобы инородцевъ и даже предлагаютъ лишить некрещенныхъ нѣкоторыхъ правъ, напр., права быть свидѣтелями на судѣ (Сб. И. О. IV, 336, 375; XIV, 135; Соловьевъ, XXVII, 159.)

Какъ ни грубы были всѣ эти мѣрныя и требованія, какъ ни разъединены и враждебны одно другому оказались сословія, но депутаты всѣхъ сословій во многихъ случаяхъ высказывали одинаковыя жалобы и предположенія, требовали одинаковыхъ мѣръ, которыя при ихъ практическомъ осуществленіи могли сдѣлаться общими для всего населенія имперіи. Депутаты всѣхъ сословій жаловались, хотя и въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, на взяточничество и всякія насилія чиновниковъ и просили, какъ иркутскій депутатъ Сибиряковъ, „въ городахъ уничтожить полицію, возложивъ сію должность на магистраты и ратуши“ (Сб. И. О., IV, 113, 132; XIV, 133.) Однодворцы, крестьяне и нѣкоторые инородцы, вмѣсто проектированныхъ помѣщиками дворянскихъ комиссаровъ, предлагали опредѣлять „сотниковъ по мірскому выбору“ (ib., IV,

130, XIV, 166, 187.) Въмѣстѣ съ жалобами на полицейскія власти, всѣ жаловались на повсемѣстныя ужасныя насилія со стороны частныхъ лицъ, особенно на постоянныя захваты земель крупными помѣщиками. Даже сами дворяне жаловались, что „сильный владѣлецъ захватываетъ въ лучшихъ мѣстахъ земли, отымая иногда и съ хлѣбомъ посѣяннымъ“. Казаки жаловались, что „полковные командиры завладѣли жалованными войсковымъ обывателямъ землями съ селами, сѣнными покосами и всякими угодьями и на этихъ земляхъ поселили себѣ въ подданство пребольшія слободы“. При этихъ захватахъ и набѣгахъ многіе помѣщики, пользуясь указомъ, по которому помѣщичій крестьянинъ, убившій крестьянина другаго помѣщика, ссылается на каторгу, а взамѣнъ убитаго помѣщикъ выбираетъ себѣ лучшій крестьянскій дворъ изъ имѣнія владѣльца убійцы, — „лѣтается больше получить за убитаго, доводить, что-бы какого, неспособнаго въ работу, на драку подослать, чтобъ онъ былъ убитъ, а за него взять лучшаго“ (ib., IV, 101, 113, 116, 430; VIII, 371; XIX, 73, 99, 451.) Какъ по этимъ, такъ и по всякимъ другимъ судебнымъ дѣламъ, по общему почти мнѣнію всѣхъ депутатовъ, людямъ небогатымъ въ большинствѣ случаевъ невозможно было добиться правды. И это зависѣло не отъ одного ничѣмъ необузданнаго судейскаго взяточничества, виновнаго въ которомъ нѣкоторые предлагали даже „какъ-бы яла взятка ни была, подвергать натуральной смертной казни“. Депутаты жаловались, что на духовныхъ приходится просить у епархіальнаго начальства, на фабрикантовъ въ мануфактуръ-колегіи, на заводчиковъ въ бергъ-колегіи, на купцовъ въ магистратахъ, на ямщиковъ въ ямскомъ приказѣ: не повелѣно ли будетъ всѣмъ судиться равно во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ (Соловьевъ, XXVII, 126.) Благодаря журналистикѣ и централизаціи, напр., сосредоточенію межевыхъ книгъ въ Москвѣ, подчиненію всего кучества одному главному магистрату въ Петербургѣ, отдаленности судовъ отъ многихъ деревень и т. д., — дѣла тянулись по 10, по 20 лѣтъ и все-таки оканчивались ничѣмъ для пострадавшаго (Сб. IV, 349; VIII, 35; XIV, 39.) Многіе жаловались также на тогдашнее безобразное многозаконіе, что „каждое дѣло умножено законами“, но болѣе всего депутаты вооружались противъ язвы ябедничества, какъ они называли адвокатскій промыселъ того времени. Большинство этихъ адвокатовъ состояло изъ

приказныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, отдаваемыхъ владѣльцами въ науку къ приказнымъ спеціально для приготовления ихъ въ „ябедники“, какъ это рассказываетъ С. Аксаковъ о Пантелѣѣ Куролесовѣ. „И память и даръ слова были у него удивительные: года, числа указовъ и самыя законы зналъ онъ наизусть. Онъ постоянно держалъ одного или двухъ учениковъ, которые и жили у него въ особомъ флигельѣ. У него съ утра и до вечера читали и писали“ („Дѣтскіе Годы“, 284, 287.) Многіе депутаты сильно жаловались на чрезвычайное размноженіе этихъ воспитанныхъ помѣщиками крѣпостныхъ адвокатовъ, которые постоянно обманываютъ своихъ довѣрителей, затягиваютъ въ безконечность дѣла, продаются противной сторонѣ. Депутаты усердно ходатайствовали „объ искорененіи ябедниковъ и проклятаго лакомства и продолжительнаго суда“, предлагая преслѣдовать адвокатовъ „тягчайшимъ штрафомъ“, даже „наказаніемъ кнута“ и прося завести присяжныхъ адвокатовъ на европейскій образецъ (Сб. И. О., IV, 269, 331; VIII, 460; XIV, 42, 49, 73, 81, 453.) Въмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сословія ходатайствовали о преобразованіи судовъ, чтобы „въ противоположную сторону уже лакомствомъ и незаконнымъ лихоимствомъ ненавидящихъ родъ человѣческой кривотолковъ завлеченную форму суда совратить“. Дворяне, купцы, крестьяне, пахотные солдаты, иногородцы всѣ въ одинъ голосъ требовали выборныхъ словесныхъ судовъ, а нѣкоторые депутаты возвышались до такого возрѣнія, что предлагали „почтенному собранію учредить, по случаю сочиненія проекта Новаго Уложенія, *одинъ судъ, равный для всѣхъ безъ изыятія* и которому-бы всѣ были покорны безъ всякихъ отговорокъ“ (Улож., IV, 81, 103, 111, 322, 400; VIII, 140, 559; XIV, 67, 101, 107, 115, 124, 139, 165, 182, 203, 212, 221, 432.) Депутаты просили также о возможной децентрализаціи присутственныхъ мѣстъ (IV, 293; VIII, 35; XIV, 39 и др.) Въмѣстѣ съ дворянскими нѣкоторыя городскія общества просили объ открытіи училищъ съ преподаваніемъ въ нихъ арифметики, навигаціи, бухгалтеріи, иностранныхъ языковъ; но большинство купечества объ училищахъ не заботились, а многіе города просили: 1) Объ утвержденіи въ благочестіи христіанской вѣры; о предписаніи въ законъ, какимъ образомъ сохранить Тайны Божіи, когда церковь во время службы внезапно загорится; о нечиненіи въ церкви

Божіей во время службы сматенія. 2) О свободномъ отправленіи службы Божіей другихъ законовъ людямъ. 3) О постриженіи желающихъ въ монашескій чинъ. 4) О штрафѣ съ неисповѣдавшихся. 5) О построеніи церквей Божіихъ и о писаніи на всякія церковныя вещи контрактовъ безъ взятія пошлинъ. 6) О пожалованіи въ построенныя церкви и на иконостасы и на украшенія оныхъ денежной суммы. 7) О содержаніи на пристойномъ основаніи церковнаго причта и объ опредѣленіи тому жалованья“ (Соловьевъ, XXVII, 331).
 Объ открытіи народныхъ школъ ходатайствовали только дворяне ябургскіе, копорскіе и крапивенскіе, въ наказѣ которыхъ говорилось: „Просимъ при всѣхъ церквахъ быть ученымъ священникамъ, на довольномъ денежномъ жалованьи, для проповѣди и утвержденія во исповѣданіи вѣры закона Божія и во отвращеніе злыхъ дѣлъ, тако-же и въ знаніи законовъ В. И. В—ства; а гдѣ есть церковныя земли, то ихъ продать; дьячкамъ и пономарямъ обучать крестьянскихъ мужескаго пола дѣтей отъ семи лѣтъ грамотѣ и писать, на содержаніи отцовъ ихъ, отъ чего впредь уповательно, подлый народъ просвѣщенный разумъ имѣть будетъ“. (Сб. И. О. XIV, 201, 244, 239, Соловьевъ, XXVII, 126, 331.)
 Многіе депутаты просили о заведеніи уѣздныхъ лекарей и аптекъ, причемъ представитель перемышльскаго дворянства Нарышкинъ говорилъ: „Нерѣдко съ крайнею жалостію взиралъ я на русскій народъ низшей степени и чувствовалъ содроганіе сердца, видя его въ непрестанныхъ болѣзняхъ въ младенчествѣ, въ неудачахъ въ совершенномъ возрастѣ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ, оставленнаго безъ всякаго попеченія, какъ въ естественныхъ, такъ и въ прилипчивыхъ. Какое жестокое сердце не тронется, какая не взволнуется кровь, видя женщинъ, рожавшихъ безъ всякой помощи, и даже немѣющихъ никого, кто-бы этимъ, коснѣющимъ въ невѣжествѣ людямъ, захотѣлъ взять на себя трудъ объяснить всю опасность, какою онѣ, часто безъ нужды и только отъ невоздержанія своего, подвергаютъ и себя и невинный ихъ плѣдъ! Посмотримъ на сихъ младенцевъ, подающихъ надежду государству, и мы увидимъ ихъ въ обыкновенныхъ ихъ болѣзняхъ: въ оспѣ, сыпяхъ, въ жару и прочихъ, безъ всякаго присмотра, подверженныхъ суровости времени и пищи. Удивительно-ли послѣ сего, что сія надежда государственная, прежде назначеннаго судьбою времени, косю смер-

ти посѣщается?" (Сб. И. О. VIII, 302—3.) Нарышкинъ предлагалъ уѣздныхъ лекарей и изданіе для народа популярныхъ медицинскихъ книгъ. Депутатъ медицинской коллегіи, баронъ Ашъ, отвѣчалъ на это, что такія книги уже изданы, и при этомъ, какъ гоголевскій лекарь въ „Ревизорѣ“, высказалъ мнѣніе, что простому человѣку лекарства не нужны, потому что „деревенскій житель безъ всякаго лекарства меньше подверженъ припадкамъ разныхъ болѣзней, нежели городской житель“. Онъ предлагалъ только отмѣнить „указъ о наказаніи одержимыхъ венерическою болѣзнію“. Барону Ашу весьма основательно возражалъ оренбургскій депутатъ Самсоновъ (Сб. И. О., IV, 269, 406; VIII, 302, 353, 379, 521; XIV, 244, 305.) По новости дѣла, депутаты еще вѣрили въ дѣйствительность той медицинской помощи для народа, о которой они просили; но и среди ихъ находились уже люди, понимавшіе, какихъ громадныхъ затратъ потребовало-бы учрежденіе надлежащаго числа больницъ и богадѣленъ. Относительно послѣднихъ казанскій депутатъ Есиповъ говорилъ, что „если собрать всѣхъ увѣчныхъ, то не найдется столько богадѣленъ, чтобы всѣхъ ихъ туда помѣстить. На какомъ изживеніи ихъ тамъ содержать; откуда взять для нихъ пищу, одежду, отопленіе и прочія потребности; кто будетъ служить этимъ дряхлымъ и увѣчнымъ, которые не въ состояніи сами собою справиться, а требуютъ людской помощи? Но, если-бы все это и было, то пожелаешь-ли крестьянинъ оставить свой домъ, семью, родину, въ кругу которыхъ онъ былъ всѣмъ доволенъ, гдѣ имѣлъ и пищу, и одежду, и прислугу, и гдѣ, наконецъ, онъ былъ настоящимъ господиномъ своей семьи, имѣя дѣтей, внучатъ, а иные и правнучатъ? Конечно нѣтъ! Сверхъ того, не только нужда и недостатокъ во всемъ, какъ это и ожидать должно въ такихъ богадѣльняхъ, но печаль отъ одной разлуки съ семьей бѣдному старику или несчастному немощному можетъ причинить безвременную смерть“ (т. IV. 126.) Вопросъ о продовольствіи народа во время неурожаевъ и голодovie волновалъ депутатовъ не меньше, чѣмъ нынѣшнихъ земцевъ, но они не довольствовались учрежденіемъ хлѣбныхъ магазиновъ и требовали въ случаѣ неурожая запрещенія вывозить хлѣбъ за границу (IV, 384, 416, 463; VIII, 472, 557; XIV, 307, 316, 372, 388, 411.) Толковали также, и тоже ничѣмъ не хуже нынѣшнихъ земцевъ, о реформѣ налоговъ, о томъ, „чтобы купече-

ство по его преимуществу и въ отличіе отъ земледѣльцевъ, обложить превосходнѣйшею суммою“, о необходимости отменить подушную подать, обложивъ вмѣсто того — „вино, пиво, чай, кофе, табакъ, карты, *духи*, кареты, псовую охоту и другія служація для роскоши обстоятельства, а затѣмъ (совершенно какъ нынѣшніе земцы!) *паспорты вольнымъ работнымъ людямъ и пенку*“ (т. IV, 264; VIII, 163.) Подобно нынѣшнимъ земцамъ, и дворяне, и крестьяне жаловались на разореніе отъ скотскихъ падежей, на чрезвычайную тягость налоговъ и просили уменьшить ихъ съ крестьянъ, хотя нѣкоторые и доказывали, напротивъ, что крестьяне лгутъ, что все это народъ „лѣнивый, *уторопленный* и упорный“, что налоги съ нихъ нужно увеличить до 25% ихъ дохода и это, „не только не произведетъ ни малѣйшаго отягощенія, но и послужитъ къ лучшему и прилежнѣйшему земледѣльству“ (IV, 74, 81, 88, 91, 104, 120, 344; XIV, 344.) Подобно нынѣшнимъ земцамъ, и дворяне, и крестьяне жаловались на разорительность дорожной повинности, прося переложить ее въ денежную (IV, 71, 239; VIII, 444, XIV, 334, 344.) И дворяне, и крестьяне при этомъ ходатайствовали о прекращеніи безобразій чиновныхъ прѣзжающихъ особъ, чтобы онѣ людей „безвинно не били, подводу не брали, не требовали харчей и конскаго корму безденежно“ (IV, 104; XIV, 274, 343, 386.) Словомъ, депутаты комисіи были почти то-же самое, что нынѣшніе земцы и еще сто лѣтъ назадъ могли вести земское дѣло во всякомъ случаѣ не хуже нынѣшняго. Но, съ другой стороны, хотя вовсе не ихъ вина, что комисія не удалась, все-таки одна изъ главныхъ причинъ этой неудачи, какъ увидимъ дальше, заключалась въ самой комисіи.

С. Пашковъ.

МНѢ ЖАЛЬ ТЕБЯ!

Мнѣ жаль тебя! Съ тоскою безотрадной
Гляжу я на твои поблекшія черты;
Развратъ съ вихъ смыль такъ рано, беспощадно
Всю прелесть дѣвственной и чистой красоты.

Пусть фарисей клеймить тебя презрѣньемъ,
Пускай съ проклятьями онъ гонить отъ себя;
Моя душа полна лишь сожалѣньемъ,
Я не влянусь, о нѣтъ! Мнѣ жаль, мнѣ жаль тебя!

Была пора: ты пламенно любила,
Какъ Богу всей душой ты предалась ему;
Ты для него семью, весь міръ забыла;
А онъ, онъ пошлый фатъ... Но продолжать къ чему?..

Давно ужъ всѣмъ извѣстна эта повѣсть,
Къ ней новаго нельзя прибавить ничего; —
Въ комъ грязенъ умъ, въ комъ спитъ гнилая совѣсть,
Что грустно-скорбная та повѣсть для него?

С—скій.

ХАМЕЛЕОНЪ.

ГЛАВА XI.

Пипаонъ, Пипаонъ, началъ дон-Антонію укоризненнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорилъ онъ, когда былъ недоволенъ мной.— Въ послѣднее время ты надѣлалъ столько глупостей, да еще такихъ крупныхъ, что я почти не узнаю тебя. Ты вредишь не только самому себѣ, но и мнѣ.

— Я уже слышалъ, сенъоръ дон-Антонію, отвѣчалъ я кротко,— что вы не одобряете моихъ усилій добиться мѣста совѣтника. Но, увѣряю васъ, что я хлопочу только потому, что теперь это сдѣлалось для меня дѣломъ чести.

— Все это вздоръ. Дѣло не въ томъ, почему ты стараешься добиться этого мѣста, но не хорошо то, что ты съ такимъ не-разрешительнымъ рвеніемъ хлопочешь о немъ. Во-первыхъ, ты рискуешь по этому самому никогда не получить его; во-вторыхъ, тебѣ грозитъ опасность потерять и то, что ты уже приобрѣлъ.

Такъ-какъ я не могъ проникнуть въ таинственный смыслъ этихъ словъ, то молча сталъ ждать, чтобъ великій Антонію разъяснилъ мнѣ ихъ.

— Слышалъ ты, такъ началъ донъ-Антонію,— что моряки отъказываются ѣхать на Кубу, подъ предлогомъ дурного состоянія вупленныхъ мною русскихъ кораблей?

— Слышалъ, отвѣчалъ я.

— А понимаешь ли, что это значитъ?

— Мы теряемъ свои американскія владѣнія. Если это послѣднее усиліе подавить возстаніе не приведетъ ни къ чему...

— Какое тутъ „послѣднее усиліе!“ Попалъ пальцемъ въ небо! Ты думаешь, что войска, назначенныя для высадки, поѣдутъ сражаться за короля? Я былъ недавно въ Кадиксъ и своими глазами видѣлъ, какъ тамъ обстоитъ дѣло. Ты-бы только послушалъ ихъ... Нѣтъ ни одного офицера, который не принадлежалъ бы къ какой-нибудь оппозиціонной партіи, а вѣдь это не шутка. Всѣ громко выражаютъ неудовольствіе, всѣ толкуютъ о конституціи, о демократіи и даже о республикѣ... У меня просто закружилась голова. Подѣзжая къ городу, чувствуешь запахъ революціи, точно такъ же, какъ, подходя къ пожару, ощущаешь запахъ гари.

— Я никогда не довѣрялъ офицерамъ, въ особенности спеціальныхъ частей, отвѣчалъ я, поддаваясь опасеніямъ дон-Антоніо; — но я никогда не думалъ, чтобы дѣло такъ далеко зашло. Близорукость нашего правительства, конечно, образцовая, но и терпѣніе Испаніи—испытанное...

— Видно, что ты витаешь въ облакахъ, любезный Пипаонъ, сказалъ онъ, улыбаясь. — Тайныя общества, масонскія ложи, клубы и т. п. распространяются по всѣмъ угламъ страны. Ты думаешь, что въ масоны поступаетъ только одна дрянь? Вздоръ, милый другъ, чистѣйшій вздоръ! Самые высокопоставленные сановники...

— О, я знаю это и могу даже насчитать съ полдюжины.

— Только! Я тебѣ насчитаю ихъ сотни. Относительно нѣкоторыхъ, я не совсѣмъ увѣренъ, но относительно множества у меня доказательства на лицо. И что за люди, что за имена! Тѣ именно, которыя всего пріятнѣе звучать въ ушахъ абсолютизма, всего чаще произносятся теперь въ масонскихъ ложахъ. Министры, губернаторы, вице-адмиралы, множество генераловъ и членовъ верховнаго совѣта, алькады, чиновники иневизиціи, даже иневизиторы, каноники, даже монахи и тѣ принадлежать къ обществу революціонеровъ.

— Боже мой, да это можно сойти съ ума!

— Что же, развѣ лучше будетъ? Нужно принимать все это спокойно, очень спокойно, какъ фактъ, отвѣчалъ дон-Антоніо съ полнымъ хладнокровіемъ въ голосъ и на лицѣ.

— Но что-же изъ всего этого выйдетъ?

— Богъ знаетъ, — посмотримъ! отвѣчалъ онъ. — Но что-бы ни произошло, другъ Пипаонъ, нужно ко всему приготовиться.

— Но какъ?

— Все зависитъ отъ того, что произойдетъ и какъ произойдетъ, сказалъ дон-Антоніо глубокомысленно. — Что-бы ни ожидало насъ, хотя-бы сама революція, — все зависитъ отъ того, какъ ее поведутъ и будетъ-ли лучше.

— Если не ошибаюсь, сеньоръ дон-Антоніо, я слыхалъ, что рядомъ съ масонскими обществами образовалось другое тайное общество, тоже масонское, но съ цѣлю противодѣйствовать первому и задуть либеральное движеніе въ самомъ зародышѣ.

— Это жалкая комедія, а не общество! отвѣчалъ дон-Антоніо. — Я знаю всѣхъ ея главныхъ дѣятелей. Довольно тебѣ сказать, что всю эту чепуху выдумалъ маркизъ М***. Никогда, никогда, милый Пипаонъ, не связывайся съ дураками. Берегись ихъ пуще огня. Все, что предпринимаетъ этотъ ограниченный абсолютистъ, только доказываетъ, что онъ дальше своего носа ничего не видитъ. Ну, можно-ли бороться противъ всего, или почти всего, что есть самаго способнаго въ королевствѣ, въ войскѣ, въ промышленности, въ литературѣ.

— Неужели! въ ужасѣ воскликнулъ я при видѣ, какъ предъ моими глазами росло съ каждымъ мгновеніемъ привидѣніе масонства, вызванное могучимъ дон-Антоніо.

— Да, таково положеніе дѣлъ, твердо произнесъ онъ. — Вотъ почему твое поведеніе въ послѣднее время крайне безразсудно. Поступивъ на службу къ Лоцано де-Торесъ и сдѣлавшись прихвостнемъ маркиза М***, помогая ему въ его дурацкомъ шпіонствѣ и охотѣ за масонами, ты поступалъ до такой степени глупо, что, узнавъ объ этомъ, я рѣшился спасти тебя, спасти твою будущность и карьеру, которыя ты рѣшительно губишь своимъ близорукимъ поведеніемъ.

Не осмѣливаясь открывать рта, я испуганно смотрѣлъ на дон-Антоніо. Самый важный моментъ въ нашей бесѣдѣ приближался.

— Ты думаешь что-нибудь выиграть своимъ раболѣпиемъ? Ты надѣешься получить мѣсто совѣтника? продолжалъ онъ. — О, какъ жестоко ты ошибаешься! Лоцано и маркизъ М***, несмотря на все свое фанфаронство, какъ они тамъ не смѣяй другъ друга въ

министерствѣ, не болѣе, — какъ тѣни, лишеныя всякой жизни. Ухватись за ихъ фалды и ты провалишься вмѣстѣ съ ними.

— Говоря правду, сеньоръ дон-Антоніо, отвѣчалъ я сконфуженными тономъ, съ тѣхъ поръ, какъ я пересталъ бывать при дворѣ, многое для меня не ясно...

— Оно и замѣтно. У тебя на глазахъ повязка. Ты идешь во мракѣ ощупью и рано или поздно свернешь себѣ шею. Я тоже не бываю при дворѣ и не знаю, что тамъ творится; я потерялъ много очень полезныхъ связей и тоже нѣсколько сбился съ толку, подобно тебѣ. Но съ нѣкотораго времени все для меня стало ясно и изъ всѣхъ своихъ наблюденій я вывелъ, что стараться противодѣйствовать возрастающему могуществу народнаго движенія — безуміе и самоубійство!

Я съ ужасомъ вытаращилъ на него глаза.

— Нѣсколько времени, продолжалъ дон-Антоніо, я наблюдаю это общество, какъ медикъ наблюдаетъ больного. Я прислушался къ его пульсу, посмотрѣлъ ему языкъ, прослѣдилъ внимательно всѣ симптомы его болѣзни и пришелъ къ заключенію, другъ Пипанонъ, что больному не выздоровѣть. Можетъ быть, онъ протянетъ еще нѣсколько лѣтъ, но все-таки не сдобровать ему.

— Такъ велика опасность!

— Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься? Что касается меня, то я не пошевелину пальцемъ, что-бы помогать такимъ ослабъ, какъ наши министры, сказалъ онъ, устремляя глаза въ потолокъ. Я комерсантъ, а не политикъ. Если ошибки правительства повлекутъ за собой народное возстаніе, — пожалуй, пожалуй... это будетъ ему по дѣломъ. Единственно чего я добиваюсь теперь, это одного: что-бы революція, когда она наступитъ — а что она наступитъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь — не причислила меня къ бѣшеннымъ абсолютистамъ. Этого только не доставало! Я всегда проповѣдовалъ умѣренность.

— И я тоже.

— Мой планъ, продолжалъ онъ, — котораго долженъ-бы по настоящему придерживаться всякій добрый испанецъ, — заключается въ томъ, чтобъ не помогать и не противиться естественному теченію, а плыть по водѣ... Я не дамъ ни сантима въ пользу масоновъ, но и не стану ссориться съ цвѣтомъ нашего войска, купечества, интеллигенціи... потому что, повторяю, я не политикъ, а комерсантъ, —

а все лучшее теперь въ средѣ масоновъ, какъ я тебѣ уже сказалъ.

— Ужъ не побывали-ли, вы сеньоръ дон-Антонио, въ какой-нибудь масонской ложѣ, что такъ увѣрены въ этомъ?

— Нѣтъ, ты ошибаешься. Я комерсантъ, а не политикъ. Никогда не пойду я къ масонамъ. Но съ тобой я хочу быть откровеннымъ: если лично я и не желаю имѣть дѣла съ этой партіей, то мнѣ пріятно было бы находиться съ ними въ сношеніяхъ какъ-нибудь иначе.

Я начиналъ кое-что понимать.

— Мысль ваша кажется мнѣ великолѣпной, сеньоръ дон-Антонио, отвѣчалъ я. Никогда не мѣшаетъ поставить свѣчку и черту.

Угарте улыбнулся и развязнымъ тономъ продолжалъ.

— Однимъ словомъ, Пипаонъ, когда мнѣ навертывается какое-нибудь тонкое дѣльце, въ которомъ нужна ловкость, тактъ и большая выдержка, я смотрю во всѣ стороны и никого не нахожу кромѣ тебя.

— Говорите прямо, на-чистоту, чего вы отъ меня хотите?

— Изволь, любезный другъ: поступай въ масоны!

Я не могъ не расхохотаться. Дон-Антонио принялся усердно мнѣ вторить.

— Право, продолжалъ онъ, — это будетъ очень выгодно намъ обоимъ. Сдѣлайся масономъ, конечно, не связывая себя безповоротнымъ обѣтомъ. Не думай, что въ тайныхъ обществахъ все таинственность, мракъ, кровь, ужасы, длинныя бороды, загадочныя слова; ничего подобнаго. Теперешніе масоны — люди самыя вѣжливыя и обходительныя. Поступай. Я постараюсь найти человѣка, который бы тебя ввелъ. Постарайся прослыть самымъ горячимъ. На все говори: аминь; когда кто-нибудь крикнетъ ура оппозиціи, ты крикни четыре раза.

— Разумѣется.

— Впрочемъ, вовсе не необходимо быть неискреннимъ. Можешь сдѣлаться приверженцемъ новыхъ идей совершенно искренно. Это помогаетъ успѣху, сыня мой... Сдѣлаешь?

— Отчего-же!

— Разорвешь связь съ Лоцано-де-Торесъ, маркизомъ М*** и прочими членами достопочтеннаго братства тупоумія.

— Разорву.

— И не станешь больше играть роль шпіона и ищейки.

— Никогда.

— Будешь рассказывать мнѣ все, что увидишь и услышишь, разумѣется?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, сеньоръ дон-Антоніо. Нѣсколькими словами вы открыли мнѣ новый горизонтъ. Что же дальше?

— Самое главное, — ты долженъ прекратить свои сношенія съ врагами оппозиціи, отказаться отъ преслѣдованія друзей свободы и свѣта, потому что это можетъ тебѣ повредить въ настоящемъ и въ высшей степени быть пагубнымъ въ будущемъ.

— Пусть торжествуютъ заговорщики!

— Мало того, другъ Пипаонъ, съ того дня какъ ты вступишь въ ложу, твоей обязанностью будетъ защищать скомпрометированных... Не пугайся. Могу насчитать тебѣ съ дюжину важныхъ сановниковъ, твердѣйшихъ столповъ отечества, покрывавшихъ большинство скомпрометированныхъ по дѣлу Порліе, Ласи и Торихоса. Загулнская сторона всѣхъ этихъ дѣлъ очень интересна... Несчастные Ласи и Порліе были принесены искупительными жертвами правосудію, но за ихъ трупами укрывались многіе, имена которыхъ всегда были въ почетѣ при дворѣ. И такъ ты вступаешь на новый путь?

— Вступаю. Вы дали совершенно новое направленіе моимъ идеямъ. Я живу нѣсколько вдали отъ свѣта и когда васъ нѣтъ въ Мадридѣ, я рѣшительно не знаю, какого теченія держаться.

— О, воскликнулъ онъ съ нѣкоторой грустью, потокъ вздымается и скоро, кажется, выступитъ изъ береговъ!

— Пусть выступаетъ! вскричалъ я съ нѣкоторой запальчивостью.

— Ну теперь прощай. Заходи ко мнѣ почаще, чтобъ подѣлиться своими наблюденіями...

— Буду заходить каждый день. До свиданія, дорогой мой сеньоръ дон-Антоніо, сказалъ я, пожимая его благородную десницу.

— Теперь я уйду спокойно, потому что знаю, что приобрѣлъ сильнаго союзника.

— О, мы друзья до гроба! воскликнулъ я, обнимая его.

— Спасибо, спасибо. Прощай!

Лишь только Угартэ затворилъ за собой дверь, вошелъ слуга и подалъ мнѣ письмо, въ которомъ было слѣдующее:

„Побѣда, другъ Пипаонъ! Побѣда полная! Злодѣй и его сообщники въ рукахъ правосудія. Ни одинъ изъ нихъ не могъ убѣжать. Чтобы отпраздновать такое счастливое событіе, приходи ко мнѣ ужинать... Маркизь М***.

ГЛАВА XII.

Я отвѣчалъ, что, въ сожалѣнію, не могу явиться, потому что чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ. Необходимо было хорошенько подумать.

Вскорѣ послѣ того, какъ стемнѣло, ко мнѣ зашла Генара пригласить меня на ужинъ. Я подалъ ей письмо.

— Вы видите, сказала я, — что правосудіе, когда пожелаетъ, можетъ имѣть соколиные глаза и желѣзную руку.

Молодая женщина не выразила ни малѣйшей радости. Но зато она пришла въ восторгъ, когда узнала, что мнѣ удалось добиться освобожденія Фермины Монсалюдъ. Она не находила словъ для выраженія своей благодарности, увѣряя, что у нея гора свалилась съ плечъ. Ужинъ прошелъ мрачно и торжественно. Говорили о пустякахъ. Когда-же я спросилъ о причинѣ ея грусти, она отвѣтила:

— Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я ничего не получаю отъ Барлоса и начинаю беспокоиться.

— Можетъ быть, ѣдетъ.

— Какъ! Не увѣдомивъ меня! съ удивленіемъ воскликнула она.

Послѣ ужина мы отправились въ комнату сеньора дон-Мигуеля, невыходившаго изъ дома по причинѣ своего ревматизма. Чтобы нѣсколько развеселить его, я сообщилъ ему объ арестѣ его врага.

— Не вѣрю я, отвѣчалъ онъ, — въ строгость этихъ господъ. Кто поручится мнѣ, что злодѣй, арестованный сегодня, не будетъ гулять завтра по улицамъ Мадрида? Я уже говорилъ тебѣ, любезный Пипаонъ, что мечъ правосудія давно перержавѣлъ. Храмъ Фемиды въ настоящее время сталъ точно театромъ маріо-

нетокъ: въ великолѣпныхъ залахъ его засѣдаютъ картонные судьи, копающіеся въ разныхъ кляузахъ. Глупая толпа видитъ это и думаетъ, что здѣсь совершается правосудіе, а между тѣмъ въ стѣнахъ этого храма—цѣлый лабиринтъ коридоровъ, ходовъ и выходовъ, куда преступникъ преспокойно можетъ улизнуть подъ самымъ носомъ своихъ картонныхъ судей. Да, сынъ мой, всѣ правительственныя лица, начиная отъ полицейскихъ до совѣтниковъ и министровъ, все это не болѣе, какъ маріонетки, которыя только издали кажутся живыми. Подойди, присмотрись хорошенько и увидишь, что все это изъ картона: картонный мечъ Фердинанда, картонныя шпаги генераловъ, картонный жезлъ судьи, картонный топоръ палача.

Въ это время ему подали трубку, и онъ замолчалъ.

Нѣсколько времени спустя, когда старикъ уснулъ, мы спустились въ столовую и усѣлись у камина. Генара то бросала работу и бралась за книгу, то закрывала книгу и принималась за работу. Очевидно, въ душѣ ея происходила какая-то борьба, которую она напрасно старалась заглушить перемѣной занятій. Я принялся читать „el Diagio“, газету, гораздо болѣе распространенную въ то время, чѣмъ ея единственная соперница „la Gaceta“. Вдругъ Генара огорошила меня вопросомъ, отъ котораго у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

— Гдѣ теперь казнятъ? спросила она.

— На площади „Севада“, отвѣчалъ я.—Балконы занимаются заранее, какъ во время карнавала.

Генара схватила работу и съ ожесточеніемъ принялась вонзать въ нее иголку.

Я снова погрузился въ чтеніе „Diagio“. Но Генара снова прервала меня замѣчаніемъ:

— Право, Пипаонъ, вы заслуживаете короны за усердіе въ этомъ дѣлѣ.

— Оказать услугу государству и вамъ, сеньора, развѣ это не достаточная награда?

Бросивъ работу, Генара снова обратилась къ книгѣ. Но чтеніе продолжалось не долго.

— Нѣтъ не могу! съ отчаяніемъ воскликнула она. — У меня передъ глазами все мельбаютъ мертвецы...

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ вы храбры, какъ львица, въ дру-

гихъ — робки, какъ голубь. Неужели мысль о смерти злодѣя можетъ возбуждать въ васъ такой ужасъ?

— Нѣтъ, сеньоръ Пипаонъ, меня не пугаетъ мысль о смерти кого-бы то ни было, но мнѣ отвратительна вся эта обстановка... По-моему наказаніе должно было-бы совершаться тотчасъ-же вслѣдъ за преступленіемъ... Что будешь дѣлать? У меня свои воззрѣнія и никакъ не могу выбить ихъ изъ головы.

— Странное это было-бы правосудіе, замѣтилъ я.

— Самое лучшее — быть убитымъ рукою оскорбленнаго. Я не представляю его себѣ иначе. А отъ руки наемщиковъ, одѣтыхъ въ черное платье, желтолицыхъ, почти всегда грязныхъ — отвратительно, невыносимо!

Мнѣ вовсе не хотѣлось продолжать такого разговора и потому я молчалъ, прервавъ свое молчаніе только для того, чтобы отдать кое-какія приказанія моему новому камердинеру, заступившему мѣсто Феранчо...

Хотя было очень поздно, но ни мнѣ, ни Генарѣ не хотѣлось спать. Глухая ночь, тишина, царившая въ заснувшемъ домѣ, замирающій огонекъ камина, все это невольно напоминало мнѣ ту ночь, когда я получилъ, упомянутое выше, угрожающее письмо. Я не могъ подавить въ себѣ невольнаго страха, и нервная дрожь, подобно электрическому току, пробѣжала по моему тѣлу. Но я сдѣлалъ надъ собой усиліе и постарался успокоиться, повторяя про себя: „теперь-то ужъ бояться нечего!“

Вдругъ какой-то странный шумъ раздался внутри дома. Генара вскрикнула, я затрепеталъ.

— Это пустяки, сказалъ я, успокоившись: — гдѣ-нибудь хлопнула незапертая дверь... Неужели вамъ страшно, Генара?

— Мнѣ холодно, отвѣчала она, кутаясь въ платокъ.

— Не пойдти-ли намъ спать?

— Да, пора, отвѣчала она, озираясь по сторонамъ, съ испуганнымъ видомъ человѣка, который ищетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится увидѣть нѣчто непріятное.

Я позвалъ горничную, явившуюся въ ту-же минуту. Проводивъ ихъ обѣихъ до спальни, я пожелалъ Генарѣ спокойной ночи.

— Очень вамъ благодарна, съ грустью отвѣчала она, хотя знаю заранее, что мнѣ предстоитъ томительная, безсонная ночь.

Задумчиво пошелъ я къ себѣ, не совсѣмъ еще успокоившись

отъ испуга. Когда я вошелъ въ свою комнату и свѣтъ спички, которую я держалъ въ рукѣ, освѣтилъ ее, я воскликнулъ и оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Боже праведный! У стола сидѣлъ человекъ!

Да, человекъ, спокойно развалившійся въ моемъ собственномъ креслѣ и пронизывавшій меня своимъ молніеноснымъ и вмѣстѣ ироническимъ взглядомъ.

Мадонна! Это былъ Сальвадоръ Монсалюдъ.

ГЛАВА XIII.

Сальвадоръ Монсалюдъ — собственной особой.

Нѣсколько времени я стоялъ безъ языка, безъ движенія, точно пораженный параличемъ. Я былъ не Пипаонъ, а тѣнь его, олицетворенный страхъ. Умъ мой лишился способности разсуждать, обдумывать, соображать. Ноги подкашивались; голосъ, застрявшій въ горлѣ, не могъ и не умѣлъ призвать на помощь.

Мнѣ казалось, что предо мною привидѣніе. На минуту я до такой степени оглубѣлъ, что сталъ вѣрить въ колдовство, въ вѣдьмъ, въ выходцевъ съ того свѣта, во всю чепуху бабьихъ сказокъ.

Но привидѣніе смѣялось надъ моимъ страхомъ, и, протянувъ мнѣ руку, произнесло:

— Не пугайся, Хуанъ, это я, твой другъ Сальвадоръ.

— Ты Сальвадоръ, Сальвадоринька! воскликнулъ я, прерывающимся отъ страха голосомъ. — Какъ ты ко мнѣ попалъ? Тутъ скрывается какая-нибудь измѣна!

— Постой, постой! воскликнулъ онъ, поднимаясь съ своего мѣста и хватая меня за руку, очевидно, замѣтивъ, что я собирался воспользоваться возвратившимся мнѣ голосомъ, чтобы поднять на ноги весь домъ. — Я пришелъ къ тебѣ, какъ другъ. Не бойся. Поговоримъ кой о чемъ. Но прежде позволь мнѣ поблагодарить тебя.

— Поблагодарить? Меня?

— Да, ты оказалъ мнѣ огромную услугу, которой я никогда не забуду. Садись-ка!

Повелительнымъ жестомъ онъ указалъ мнѣ на стулъ.

Мы усѣлись. Страхъ и что-то непонятное подчиняли меня моему непрошеному посѣтителю.

— Да,—прибавилъ онъ, улыбаясь и дружески кладя мнѣ руку на плечо,—ты оказалъ мнѣ незабвенную услугу. Тебѣ обязанъ я приказомъ освободить мою горемычную мать.

— Мнѣ!.. да, правда, я... бормоталъ я бессознательно, стараясь выжать какую-нибудь мысль изъ ужаснаго хаоса, царившаго въ моей бѣдной головѣ.—Да, я хлопоталъ у министра...

— Уступивъ моей просьбѣ...

— Выраженной въ твоёмъ письмѣ, сказалъ я, начиная понимать кое-что и рѣшившись, по обыкновенію, воспользоваться всѣми выгодами своего положенія.—Твоя просьба показалась мнѣ совершенно справедливой. Но, скажи мнѣ, съ кѣмъ прислалъ ты мнѣ свое грозное письмо?

— Я принесъ его самъ.

— Самъ! Впрочемъ, это можетъ быть, разъ ты теперь здѣсь. Но какъ ты вошелъ?

Монсалуъ расхохотался.

— Неужели не догадываешься? Сквозь замочную скважину.

— Оставь пожалуйста свои шутки, сказалъ я, окончательно придя въ себя. — Вижу, что для масоновъ всѣ двери открыты.

— Для инвизиціи также, отвѣчалъ Монсалуъ. Если я вхожу въ твой домъ, то въ это самое время кто-то входитъ въ мой.

— До этого мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Никогда не былъ я шпиономъ.

— Но ты другъ маркиза М***. Послушай, Хуанъ, сегодня ночью меня хотѣли арестовать. Подозрѣваю, что тутъ дѣло не обошлось безъ тебя...

Мной снова овладѣлъ ужасъ, но я воскликнулъ съ притворнымъ удивленіемъ:

— Арестовать тебя! Но я-то тутъ причемъ?

— Ничего не утверждаю; это только одно предположеніе, сказалъ онъ совершенно серьезно. — Я счелъ тебя виновникомъ благодѣянія и въ то-же время обиды. Мнѣ показалось невозможнымъ, чтобъ ты спасалъ и губилъ меня въ одинъ и тотъ-же день, и вотъ я явился къ тебѣ и взываю къ твоей честности, чтобъ узнать всю правду.

— Услуга—мое дѣло; что-же касается до обиды...

Сальвадоръ устремилъ на меня свои черные глаза, до такой степени пронзительные, что они, казалось, читали на днѣ моей души. Я тоже почти въ упоръ смотрѣлъ на него. Онъ вовсе не показался мнѣ такимъ страшилищемъ, какъ изображала мнѣ его Генара. Напротивъ того, наружность его была привлекательна и я нашелъ, что онъ много выигралъ съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ. Лицо его поражало умомъ и энергіей; глаза оказывали на меня какое-то магнетическое дѣйствіе; во всей его фигурѣ выражалось какое-то самообладаніе и врожденное достоинство. Одѣтъ онъ былъ хорошо.

— Сегодня ночью меня хотѣли арестовать, но приняли при этомъ такое множество предосторожностей, что я догадался, началъ Монсалюдъ. Благодаря преданности одного человѣка, мнѣ удалось убѣжать во время, и сеньоръ маркизъ захватилъ только нѣсколько бѣдныхъ водовозовъ, спавшихъ въ подвалахъ дома. Мнѣ сказали, что какая-то неизвѣстная дама подкупила жену привратника; знаю, что твой другъ маркизъ М*** далъ приказъ арестовать меня, но рѣшительно не могу понять внутренней связи всѣхъ этихъ фактовъ. Ты это знаешь и долженъ рассказать мнѣ.

— Я! Да я ровно ничего не знаю. Все, что ты мнѣ рассказываешь, совершенная для меня новость.

— Говори правду, ты все знаешь! воскликнулъ онъ, сжимая мнѣ руку, не то тебѣ не поздоровится.

— Клянусь тебѣ всѣми святыми, что я ничего не знаю, — отвѣчалъ я, дрожа какъ въ лихорадкѣ, и огорченнымъ голосомъ прибавилъ: — однако хорошо-же ты благодаришь меня за все, что я сдѣлалъ для твоей матери.

— Но вѣдь ты другъ и правая рука маркиза М***, сказалъ Сальвадоръ, смягчаясь.

Я притворился изумленнымъ до послѣдней степени.

— Я? Я другъ этого негодяя? Да ты съума сошелъ! Гдѣ у тебя глаза?

— Развѣ ты не изъ клики Лоцано и Буенавентуры? спросилъ онъ, нѣсколько озадаченный моимъ апломбомъ.

— Ну видно, что ты взаправду съ луны свалился и ничего не знаешь о томъ, что творится у насъ на землѣ... Прошли эти времена, голубчикъ, прошли безвозвратно!

— Какъ, неужели ты переимѣнилъ убѣжденія и друзей?

— Да, другъ мой, я переѣвилъ и убѣжденія, и друзей, и все. Мой разрывъ со всѣми прихвостнями абсолютизма — полный и безусловный. Я выдаюсь съ ними иногда — вотъ и все.

На лицѣ Сальвадора выразилось величайшее изумленіе.

— Послушай, продолжалъ я, все болѣе и болѣе оживляясь, — если-бы это было иначе, то развѣ сталь-бы я хлопотать за твою мать? Развѣ я рискнулъ-бы навлечь на себя подозрѣніе въ по-собничествѣ заговорщикамъ?

— Хуанъ, умоляю тебя, кто-бы ты ни былъ — другъ мнѣ или врагъ, расскажи мнѣ все, что ты знаешь о событіи прошлой ночи.

— Клянусь тебѣ, что я ровно ничего не знаю и не имѣю ни малѣйшаго отношенія къ этому дѣлу, отвѣчалъ я съ такой искренностью, что самъ себѣ повѣрилъ въ эту минуту.

— Чтѣбъ побудить тебя къ откровенности, покажу тебѣ при-ѣрзъ, отвѣчалъ Монсальдо послѣ нѣкоторой паузы. — Слушай хорошенько. Въ моей тревожной жизни, посвященной страсти, медленно пожирающей и сожигающей всѣ силы души, мнѣ не когда было думать о любви. Но въ характерѣ моемъ было столько неудовлетворенныхъ стремленій, которымъ къ тому-же суждено было на-вѣки остаться неудовлетворенными, что любовь явилась сама собой. Но до сихъ поръ, это были только мимолетныя увлеченія. Я прощалъ ихъ себѣ, какъ прощаетъ солдатъ минуты малодушнаго бездѣйствія во время горячей схватки. Теперь-же я полюбилъ женщину съ такой силой, что самъ пришелъ въ ужасъ. Однако, какой-то злой рокъ меня преслѣдуетъ: на мою страстную любовь обожаемая мною женщина скоро стала отвѣчать непонятной мнѣ холодностью. Сперва во мнѣ заговорила ревность, потомъ я началъ подозрѣвать, что она предаетъ меня моимъ врагамъ. Не хочу входить въ бесполезныя подробности. Достаточно сказать, что когда я узналъ, что какая-то дама подкупила жену нашего портъе, мои подозрѣнія еще болѣе усилились. Пораженный въ самое сердце, я пришелъ въ такое бѣшенство, которое невозможно выразить словами. Чуть не сошелъ я съ ума, стараясь припомнить, не было-ли въ прошломъ какихъ-нибудь фактовъ, подтверждающихъ мое подозрѣніе. Какъ полоумный бродилъ я по улицамъ, обдумывая планы мести и убійства, давая себѣ клятву кровью измѣнницы смыть ея предательство.

Мой другъ схватился руками за голову. Его открытое и красивое лицо пылало гнѣвомъ.

— Среди этого хаоса, продолжалъ онъ, мнѣ пришло на умъ, что ты, какъ другъ маркиза М***, можешь разрѣшить мои сомнѣнія.

— Я рѣшительно ничего не знаю. Уже давно я не знакомъ съ чиновниками инквизиціи. Какъ зовутъ твою даму?

— Андреа.

— Ничего не могу объяснить тебѣ, любезный Сальвадоръ.

— Одновременно съ мыслью объ этой подлой измѣнѣ во мнѣ возникло другого рода подозрѣніе, увеличившее еще болѣе мое недоразумѣніе, — подозрѣніе, относительно котораго ты, любезный Хуанъ, навѣрно будешь въ состояніи дать мнѣ лучшія указанія, чѣмъ относительно перваго.

— Посмотримъ.

— Есть еще одна женщина, которую я также считаю способной меня преслѣдовать, — женщина, живущая въ одномъ съ тобой домѣ. Какъ бы скрытна она ни была, ты всегда въ состояніи знать, что она дѣлаетъ.

— Генара?

— Да, Генара. Она имѣетъ причины ненавидѣть меня. И что-бы она ни сдѣлала, я ничему не удивлюсь и ни за что мстить ей не буду.

— Къ сожалѣнію и относительно этого пункта я не могу сказать тебѣ ничего положительнаго, потому что не припомню ни одного, даже ничтожнѣйшаго факта, указывающаго, чтобы Генара...

— И ты говоришь правду?

— Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ на свѣтѣ.

— Такъ значитъ самъ Богъ опредѣлилъ мнѣ горѣть на этомъ ужасномъ огнѣ сомнѣній! съ отчаяніемъ воскликнулъ Сальвадоръ.

Впродолженіи всего нашего разговора, меня отъ времени до времени смущалъ какой-то странный шумъ, похожій то на шелестъ юбокъ, то на женскіе шаги. Меня сильно беспокоила мысль, что насъ подслушиваютъ, но я не хотѣлъ обращать на этотъ предметъ вниманія моего друга и рѣшился тщательно воздержаться отъ всего, что могло-бы быть неприятно особѣ, которая, по моимъ предположеніямъ, одна могла приложить къ двери свое чуткое ухо.

— Полагаю, что ты можешь быть совершенно спокоенъ относительно Генары, сказалъ я Сальвадору.— Она совершенно не способна на гнусную роль предателя.

— И я того же мнѣнія, —отвѣчалъ Монсальдъ.

Тутъ мы оба разинули рты отъ удивленія, потому что дверь тихонько пріотворилась и на порогѣ показалась прелестная фигура—вся въ бѣломъ. Внезапность ея появленія, необыкновенная красота, волненіе, отражавшееся на ея лицѣ, все это дѣлало ее похожей скорѣе на поэтическое видѣніе, чѣмъ на реальное и живое существо.

— Вы ошибаетесь —прерывающимся отъ волненія голосомъ сказала Генара (потому что это была она).

Сальвадоръ всталъ съ нервнѣйшимъ видомъ человѣка, незнающаго, слѣдуетъ-ли ему сердиться или нѣтъ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Пусть Богъ проститъ насъ обоихъ, Генара! На этотъ разъ ты промахнулась.

— Въ другой—буду счастливѣе, отвѣчала она, поворачиваясь къ намъ спиной и затворяя за собою дверь.

— Постой! быстро воскликнулъ Монсальдъ, бросившись за ней.— Въ награду за твою жестокость, хочу сообщить тебѣ скверное извѣстіе.

Генара остановилась.

— Карлосъ, твой мужъ, пріѣдетъ завтра. Такъ-какъ ты давно уже, по его словамъ, перестала любить его, то поэтому считаю это извѣстіе сквернымъ.

Сальвадоръ произнесъ послѣднія слова съ самой язвительной ироніей.

— Но вѣдь онъ ничего не писалъ? сказалъ я, замѣтивъ сильное смущеніе Генары и желая дать ей время оправиться.

Генара молчала. На лицѣ ея, казавшемся нѣсколько минутъ тому назадъ мраморнымъ, выступила легкая краска.

— Онъ ничего не писалъ, отвѣчалъ Монсальдъ, —потому что хочеть нагрязнуть внезапно, какъ всѣ ревнивцы. Вѣдь онъ ревнуетъ тебя, Генара, знаешь-ли ты это?

Губы Генары искривились. Молніей сверкнули ея глаза изъ-подъ надвинутыхъ бровей. Но невозможно было опредѣлить, что происходило въ эту минуту въ ея душѣ, потому что, не го-

вора ни слова, она хлопнула дверью и исчезла, какъ привидѣніе. Я бросился за ней, но она умчалась, какъ раненая газель.

Когда я вернулся къ Монсалюду, онъ улыбался.

ГЛАВА XIV.

— Большую услугу оказала мнѣ твоя гостыя, сказалъ онъ. — Вижу, что не даромъ пришелъ я къ тебѣ.

— Такъ это была она! воскликнулъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

— Она! съ торжествомъ повторилъ Монсалюдъ. — О, другъ Хуанъ, какъ пріятно видѣть, что намъ вредятъ только враги. Подозрѣвать друга, любимаго человѣка—это такое мученіе...

— Кто-бы это могъ подумать, сказалъ я, опасаясь, чтобы онъ какъ-нибудь не заподозрилъ меня во лжи. — Вотъ ужъ никогда-бы не повѣрилъ, чтобы Генара...

— И ты ничего не подозрѣвалъ?

— Рѣшительно ничего.

— И она ничего тебѣ не говорила?

— Мнѣ-то? Да мы съ ней терпѣть не можемъ другъ друга, мы какъ кошка съ собакой. Ахъ, какъ я радъ, что пріѣдетъ, наконецъ, Карлосъ и эта семейка уберется изъ моего дома!

Прежде, чѣмъ произнести послѣднія слова, я хорошенько удостоверился, что подслушиваніе прекратилось. За дверью никого не было. Осмотрѣвъ внимательно всѣ комнаты, я усѣлся рядомъ съ Монсалюдомъ, рѣшившись привести въ исполненіе мой хитро-задуманный планъ.

— Да неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не въ ладахъ съ Баррандой? спросилъ Сальвадоръ нѣсколько недовѣрчивымъ тономъ.

— Терпѣть не можемъ другъ друга, говорю тебѣ. Вѣдь ты знаешь, каковы убѣжденія старика. Это человѣкъ совершенно невыносимый. Что-же касается неумолимой жестокости и мстительности Генары, то объ этомъ и говорить нечего. Впрочемъ, что объ этомъ толковать. Еслибъ только они узнали, что я хлопоталъ за твою несчастную мать, то самъ знаешь... И дѣдъ, и внучка становятся дикими звѣрами, когда съ ними заговоришь только объ этомъ предметѣ.

— Прекратимъ этотъ разговоръ, отвѣчалъ Сальвадоръ, блѣднѣя отъ гнѣва,— иначе я забуду, что я въ чужомъ домѣ и вовсе не въ такомъ положеніи, чтобъ требовать у кого-нибудь отчета... Баронда и Гароте — виновники ареста и мученій моей несчастной матери. Гнусная месть! И все за то, что я ранилъ его въ честной дуэли, вызванный имъ самимъ. Еслибъ ты зналъ, сколько пришлось мнѣ бороться, чтобы добиться освобожденія несчастной мученица. Нѣсколько разъ уже мнѣ удавалось выхлопотывать приказъ объ ея освобожденіи. Но до тѣхъ поръ, пока Карлосъ оставался въ Логронью, все было бесполезно. Ужь не понижаю какъ, но только этотъ извергъ у себя дома всегда оказывался сильнѣе верховнаго совѣта.

— У него много друзей въ Логронской инквизиціи и онъ самъ служить въ ней.

— Мать моя, дѣйствительно, будетъ освобождена на этотъ разъ, потому что Карлосъ уѣхалъ оттуда, и приказанія были энергичнѣе, чѣмъ въ прошлые разы, а также и благодаря тому, что приближается и развязка... Но какъ-бы то ни было, вернется-ли несчастная изъ когтей инквизиціи или нѣтъ, подлость этихъ мстительныхъ и низкихъ людей не останется безнаказанной! Мнѣ просто не вѣрится, что Карлъ Гароте дѣйствительно возвращается въ Мадридъ и я встрѣчусь съ нимъ лицомъ къ лицу!

При этомъ лицо Сальвадора дышало такимъ гнѣвомъ, что я робко посторонился отъ него.

— О, эти люди безжалостны! сказалъ я.— Жду, не дождусь, когда, наконецъ, они выберутся изъ моего дома. Цѣлый день мы только и дѣлаемъ, что грыземся. Сколько разъ бросалъ я имъ въ лицо упрекъ въ ихъ малодушной мести несчастной доньѣ Ферминѣ, за то только, что ничего не могутъ сдѣлать съ ея сыномъ.

— Потому-то тебя и удивляетъ, конечно, что я явился въ этотъ домъ, убѣжище моихъ смертельныхъ враговъ. Долго колебался я прежде, чѣмъ явиться сюда. Но надежда, что ты можешь вывести меня изъ ужаснаго сомнѣнія, заставила меня рѣшиться. Съ одной стороны я подозрѣвалъ, что и ты, какъ другъ маркиза М***, причастенъ къ дѣлу моего преслѣдованія, съ другой — я вспоминалъ, что ты-же выхлопоталъ освобожденіе моей матери. Последнее взяло верхъ и я рѣшился явиться къ тебѣ, не смотря на радикальную противоположность нашихъ убѣжденій.

— Такъ ты считаешь и меня въ числѣ своихъ враговъ? Не оскорбляй меня! Ты самъ знаешь, что я не абсолютистъ. Иначе, ты не посмѣлъ-бы явиться ко мнѣ въ домъ.

— Отчего-же?

— Оттого, что ты побоялся бы, что я задержу тебя и предамъ въ руки инквизиціи.

Монсальдъ расхохотался.

— Развѣ тебѣ было-бы такъ весело въ моемъ присутствіи, сказалъ я, — еслибъ я былъ абсолютистомъ вродѣ Буенавентуръ?

— Ты говоришь это, мой милый, потому, что не знаешь еще, еслибъ ты и былъ абсолютистомъ изъ породы Буенавентуръ, то все-таки въ своемъ собственномъ домѣ ничего не могъ-бы сдѣлать противъ меня.

— Какъ такъ?

— Смотри, прибавилъ онъ, распахиваясь, — я безоруженъ. Это доказываетъ мое довѣріе къ тебѣ.

— Такъ-что еслибъ я захотѣлъ... сказалъ я, смутившись. — Впрочемъ нѣкоторые изъ моихъ слугъ навѣрное продали себя масонамъ.

— Всѣ, всѣ до одного.

— Всѣ! Такъ-что въ моемъ собственномъ домѣ...

— Я гораздо безопаснѣе, чѣмъ былъ-бы сегодня ночью въ моемъ, отвѣчалъ онъ, смѣясь. — Впрочемъ не тревожься — зло не поправимо. Если ты вздумаешь прогнать свою прислугу и взять новую, то-же самое будетъ.

Мной снова овладѣлъ ужасъ. Но я рѣшился твердо слѣдовать разъ начертанному плану и потому съ величайшей любезностью сказалъ:

— Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ, предательство моей прислуги вещь совершенно бесполезная, потому что я не только неспособенъ выдать тебя, но даже готовъ скрыть и защитить въ случаѣ, если-бы стали преслѣдовать тебя негодяи изъ инквизиціи.

— Полно, отвѣчалъ онъ, дружески улыбаясь, — я уже и такъ достаточно сбился съ толку: не сбивай меня еще больше. Скажи, что ты былъ моимъ другомъ, что сохранилъ часть той привязанности, которая когда-то насъ связывала, и я повѣрю тебѣ, не только потому, что сердце мое довѣрчиво въ вопросахъ дружбы,

но также и потому, что ты доказалъ мнѣ свое расположеніе, выхлопатавъ свободу моей матери. Такъ говори же мнѣ это, любезный Хуанъ, говори, что ты добръ, честенъ и благороденъ по отношенію ко мнѣ, но не говори, что ты не врагъ мнѣ по убѣжденіямъ, не абсолютистъ до конца ногтей твоихъ, иначе я расхожусь до истерики.

— А я все-таки повторяю это! Полно, я право разсержусь, если ты станешь настаивать на такой нелѣпости.

— Ты? Другъ и правая рука Угарте и прихвостень министровъ?

— Я, я-то? повторялъ я съ ожесточеніемъ. — Хочешь, я докажу тебѣ все это двумя словами? Ну, такъ знай-же, что въ знакъ своего окончательнаго разрыва со всѣмъ этимъ жалкимъ міромъ, я рѣшился... слушай-же хорошенько: я рѣшился сдѣлаться масономъ.

Монсалюдъ вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Сдѣлаться масономъ и затѣмъ сидѣть, сложа руки.

— Нѣтъ, я хочу дѣйствовать! воскликнулъ я, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Но подумай: теперь вѣдь логи и тайныя общества держатъ ухо востро. Когда какое-нибудь высокопоставленное лицо предлагаетъ имъ услуги, что случается теперь каждый день, оно беретъ на себя обязательства, которыхъ уже не можетъ нарушить. Колебанія, раскаяніе, любезный Пипаонъ, обыкновенно обходятся дорого тому, кто вильнетъ хвостомъ.

— О, знаю, знаю, сказалъ я, совершенно развязно, хотя морозъ пробѣжалъ у меня по кожѣ. Строгія испытанія, таинственныя фразы, клятвы, отъ которыхъ кровь стынетъ въ жилахъ. Всякій измѣнникъ наказывается смертью...

— О, ничего этого нѣтъ, отвѣчалъ Монсалюдъ, улыбаясь. — Бѣги людей любящихъ подземелья и театральность. Теперь это ужъ брошено. Когда народы страдаютъ и борятся за свою свободу, они дѣйствуютъ серьезно, и идутъ прямо къ дѣлу, не нуждаясь въ комедіяхъ. Въ настоящее время, другъ Пипаонъ, дѣла приняли такой оборотъ, что приходится работать, не зная ни отдыха, ни усталости. Когда-то господствовали пустыя угрозы и бессмысленные обряды, теперь все это оставлено. Мракъ и таинственность не прикрываютъ больше пустоты и бездѣльничанья. За

всѣмъ этимъ, любезный другъ, я слѣжу съ самаго начала. Я видѣлъ обезьянъ, гришасничавшихъ въ подземельяхъ, между двумя пирушками; теперь же вижу серьезныхъ и умныхъ людей, идущихъ къ цѣли сознательно и прямо. Только въ такія эпохи, когда мѣста нѣтъ серьезной дѣятельности, могутъ существовать тѣ пустыя церемоніи и обряды, о которыхъ говорить толпа. Теперь громадность работы соединяетъ всѣхъ и сами собой падаютъ условныя маски и громкія формулы, служившія больше для развлечения, чѣмъ для пользы. Но ты, вѣроятно, и самъ понимаешь, что Испанія, потерявшая всякое уваженіе въ глазахъ Европы, полу-сгнившая внутри, распатанная во всѣхъ своихъ основахъ, вовсе не въ такомъ положеніи находится, чтобы шутить въ либеральныя фразы и развлекаться разными шутовскими церемоніями масонскихъ ложъ. Она требуетъ дѣятелей и дѣла... Теперь, любезный Пипаонъ, скажи: хочешь-ли ты, доселѣ равностный слуга ка-марильи, — хочешь-ли ты служить оппозиціи?

— Да, хочу, отвѣчалъ я. — Но прежде скажи мнѣ одно: переворотъ совершится или нѣтъ?

— Совершится-ли? Для тебя это непремѣнное условіе, потому что тебѣ дорогъ фактъ, а не идея. Какъ мнѣ отвѣтить тебѣ? Можетъ быть, совершится, можетъ быть, и нѣтъ. Это будетъ зависѣть отъ того, другого, третьяго, отъ меня, отъ нихъ, отъ тебя самого, отъ всѣхъ насъ вмѣстѣ. Если мы будемъ дѣлать глупости, то какъ можетъ онъ совершиться? Мы можемъ погубить себя своимъ поведеніемъ, какъ губить себя теперь правительство.

При словѣ „правительство“ мнѣ тотчасъ вспомнилось, какъ оно отказало мнѣ въ мѣстѣ совѣтника. Кровь закипѣла во мнѣ при мысли объ этой смертельной обидѣ.

— Я думаю, совершится! воскликнулъ я, подстрекаемый ка-кимъ-то духомъ разрушенія. — Я чувствую, я предвижу приближеніе переворота. Онъ носится въ воздухѣ, онъ отражается на лицахъ самихъ придворныхъ. Онъ неизбеженъ, неотвратимъ. Все предвѣщаетъ перемѣны, мой знаменитый другъ.

Я пришелъ въ такой азартъ, что не помнилъ самъ себя.

— Это придастъ тебѣ храбрости и рѣшительности, сказалъ Монсалюдъ, улыбаясь. — Конечно, ты видишь въ перспективѣ не лучшее будущее Испаніи, а свою карьеру... Конечно, твоимъ услугамъ нельзя поэтому придавать большой цѣны, но, разъ ты хо-

чешь перейти въ наши ряды, у насъ правило принимать всякаго, откуда-бы онъ ни пришелъ. Если хочешь, я тебя поведу кое-куда сегодня-же ночью.

— Съ удовольствіемъ! Веди меня, куда хочешь.

ГЛАВА XV.

Весь домъ былъ погруженъ въ глубокій сонъ.

Мы вышли. Дорогой я думалъ о новомъ направленіи, принятомъ моими идеями и о новомъ пути, по которому отнынѣ мнѣ надлежало слѣдовать.

— Необходимо, говорилъ я про себя, — съ первыхъ же шаговъ въ этомъ невѣдомомъ для меня мірѣ разсѣять недовѣріе, которое можетъ возбуждать мое прошлое. Гражданинъ Пипаонъ, ты долженъ прежде всего молчать, какія-бы вещи тебѣ ни пришлось видѣть или слышать. Излишняя горячность и рыаность тоже нехороши. Возьмемъ за образецъ благороднаго друга моего, дон-Антонио Угарте. Нужно занять положеніе среднее. Нужно, чтобъ лицо мое представляло собой артистическое и благородное сочетаніе энтузіазма и достоинства, умѣренности консерватора и энергіи якобинца. Всего приличнѣе для меня роль умѣреннаго республиканца, отвергающаго крайнія мѣры, но вполне убѣжденнаго, что съ такими ослами, какъ маркизь М***, невозможно управлять Испаніей... Впередъ, и маску на лицо! Я увѣренъ, что черезъ нѣсколько недѣль я буду чувствовать себя въ этомъ подземномъ мірѣ также хорошо, какъ во дворцѣ Фердинанда въ пріемные дни; увѣренъ, что своей хитрой работой я переставлю то, что вверху—внизъ, и то, что внизу—вверхъ; увѣренъ, что весьма скоро послѣ моего счастливаго посвященія въ эти тайныя общества, я наплету столько сѣтей и петель, что ко мнѣ попадетъ масса всякой мелкой и крупной рыбы; увѣренъ, однимъ словомъ, что я сумѣю обратить себѣ въ пользу всѣ подземныя работы моихъ новыхъ друзей, господъ либераловъ. О, сумѣю, сумѣю, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: я знаю себя, точно я самъ себя родилъ.

Между тѣмъ мы подошли къ дому, ничѣмъ неотличавшемуся отъ прочихъ.

— Здѣсь! сказалъ Монсальдъ.

Поднявшись по крутой и узкой лѣстницѣ, мы вошли въ одинъ изъ верхнихъ этажей. Монсальдъ нѣсколько разъ стукнулъ какъ-то странно въ одну изъ дверей. Казалось, что онъ не то отбивалъ темпъ какого-то музыкальнаго мотива, не то отправлялъ телеграмму. Очевидно, это былъ условный знакъ, потому что черезъ нѣсколько секундъ какой-то человѣкъ, лица котораго я не могъ разглядѣть въ темнотѣ, отворилъ намъ дверь и ввелъ насъ прямо въ комнату, гдѣ было собраніе.

Это была довольно большая зала, очень хорошо меблированная, но тускло освѣщенная, въ которой находилось около десяти человѣкъ. Тотчасъ-же можно было узнать среди нихъ нѣсколькихъ военныхъ, хотя они и не носили мундира. До нашего прихода, очевидно, велся какой-то очень горячій споръ, когда-же Монсальдъ представилъ меня собранію, перебравъ всѣ мои чины и должности, въ комнатѣ воцарилось вдругъ гробовое молчаніе. Можно было подумать, что имя мое подѣйствовало на присутствовавшихъ, какъ ушатъ холодной воды.

Впрочемъ, нѣкій Цораквинъ, пользовавшійся, повидимому, особымъ почетомъ среди этихъ людей, былъ такъ снисходителенъ, что обратился ко мнѣ съ благосклонной рѣчью.

— Поступленіе къ намъ высокопоставленныхъ особъ, совершающееся ежедневно, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ,—доказываетъ, что отъ стараго порядка отступаютъ самыя преданныя его друзья.

— Дѣла приняли такой оборотъ, отвѣчалъ я,—что переверотъ съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе и болѣе неизбѣжнымъ... Я человѣкъ маленькій... вы дѣлаете мнѣ много чести... несказанно вамъ благодаренъ...

И при этомъ про себя подумалъ я:

„Съ какимъ-бы удовольствіемъ я далъ тебѣ затрещину, мужланъ“!

— Съ этимъ согласно все, что есть мыслящаго въ королевствѣ, замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Я это всегда утверждалъ, господа, сказалъ я. — Всѣмъ извѣстно, какіе совѣты давалъ я его величеству во все время моей службы... Но Фердинанду надѣли повязку на глаза и сор-

вать ее нѣтъ никакой возможности. Дворцовая камарилья не хочетъ понять необходимости уступокъ общественному мнѣнію.

Про себя-же я прибавилъ:

„Какъ-бы я радъ былъ, еслибъ эта близорукая камарилья всѣхъ васъ перевѣшала въ одно прекрасное утро“.

— Но позвольте узнать, какъ васъ зовутъ, сеньоръ? сказалъ нѣкто Лопецъ Пинто, очевидно, секретарь общества.

Я назвалъ свое имя. Лопецъ Пинто тотчасъ-же записалъ его.

— Кто ручается за сеньора Пипаона?

— Я, отвѣчалъ Монсалюдъ.—Но пусть согласно правилу нашего устава, составится бумага и онъ подпишетъ ее.

Проклятый обычай! Я долженъ былъ подписать свое имя подъ масонской деклараціей! Но, вспомнивъ наставленія дона - Антонио Угарте, я любезно вивнулъ головой, въ знакъ своего полного удовольствія.

Въ бумагѣ было написано, что будучи введенъ и принятъ въ общество и раздѣляя вполнѣ его планы и убѣжденія, я обязуюсь всѣми зависящими отъ меня способами содѣйствовать ему въ его дѣятельности. Кромѣ меня, ее подписалъ Монсалюдъ и еще четверо изъ присутствующихъ, въ качествѣ свидѣтелей. Затѣмъ эта бумага была тотчасъ-же унесена въ совершенно безопасное мѣсто и присоединена къ фоліанту такихъ-же бумагъ, уже хранившемуся тамъ.

Въ основномъ параграфѣ этого документа стояла декларація, что эти господа, а съ настоящей минуты и я, обѣщаемъ посвящать всѣ свои силы ниспроверженію абсолютизма и возстановленію кадикской конституціи.

Такимъ-то образомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей и церемоній, я былъ посвященъ въ рыцари масонства. Такая патриархальная простота не могла не поразить меня.

— Не всѣ высокопоставленныя лица имѣютъ мужество являться сюда, сказалъ мнѣ по окончаніи всѣхъ церемоній Цораквинъ. Многіе работаютъ на пользу нашего общества, оставаясь при министерствахъ и даже при дворѣ. Кажется, несомнѣнно, прибавилъ онъ, понижая голосъ,—что Лоцано де-Торесъ—нашъ.

— Я видѣлъ его сегодня утромъ, сказалъ я, и не знаю почему, но мнѣ показалось, что онъ немножко-таки тронуть.

— Извѣстно, что сегодня онъ лишается министерскаго портфеля.

Въ комнату начинало набираться народу и вскорѣ его набилось столько, что духота сдѣлалась невыносимой. Одушевленный разговоръ о самыхъ жгучихъ вопросахъ поддерживалъ высокую нравственную атмосферу. Многіе удивлялись, встрѣчая меня здѣсь; а же съ своей стороны не могъ прійти въ себя отъ удивленія, увидѣвъ въ этомъ мѣстѣ нѣкоторыхъ господъ, знакомыхъ мнѣ.

Собраніе это походило скорѣе на клубъ, куда всѣ пришли, чтобъ излить въ горячихъ разговорахъ все накопившееся у нихъ на душѣ. Слышны были только наиболѣе горластые крикуны; иногда-же всѣ говорили разомъ и тогда никого нельзя было слышать.

Я рѣшилъ, что мнѣ необходимо выдѣлиться изъ толпы въ этотъ-же день, и такъ-какъ меня уже нѣсколько разъ просили сказать что-нибудь, то я всталъ на скамейку и съ академическимъ жестомъ и чувствительной миной началъ:

— Господа! Буду говорить со всей свойственной мнѣ откровенностью, потому что у меня все, что на сердцѣ, то и на языкѣ... Я измѣнилъ-бы своему девизу — чести и прямотѣ, если-бы сталъ увѣрять васъ, что былъ либераломъ всю свою жизнь и постоянно пѣлъ гимны свободѣ и проклиналъ деспотизмъ. Если-бы отъ меня этого потребовали, то я вышелъ-бы черезъ ту-же дверь, черезъ которую пришелъ сюда съ горечью въ сердцѣ, но съ спокойной совѣстью. (Хорошо, хорошо).

„Нѣтъ, я не могу похвастаться услугами дѣлу свободы, не могу также рисоваться и запоздалымъ энтузіазмомъ. Предоставляю это всѣмъ оборачивающимся лицомъ ко всякому новому свѣтилу, обожающимъ успѣхъ, на чьей-бы сторонѣ онъ ни былъ. Отъ меня, господа, вы услышите не то. Я подниму предъ вами, почтенные и благородные господа, свою скромную, но честную голову и скажу: „Господа, я былъ абсолютистомъ; я служилъ ему, имѣлъ честь считаться союзникомъ камарилы, и быть принятымъ во дворцѣ. Скажу больше, я боролся противъ вашего общества; я старался ставить ему всевозможныя преграды всѣми завистливыми отъ меня способами“.

„Господа, такое заявленіе мое не служить-ли достаточнымъ ручательствомъ чести моихъ намѣреній? Не показывается-ли оно прямо и чистоту моихъ убѣжденій? (Да, да)

„Но мнѣ могутъ возразить: „Какимъ образомъ этотъ человѣкъ,

служившій когда-то абсолютизму, является теперь служить оппозиціи? Станутъ упрекать меня въ измѣнѣ, непослѣдовательности, нелогичности. Нѣтъ, господа, это несправедливо! тысячу разъ несправедливо. Я вижу пропасть, въ которую толкаетъ нашу прекрасную, но въ то-же время злополучную родину шайка негодяевъ; вижу ужасныя страданія и страшныя опасности, грозящія ей; я вижу, какъ инквизиція душитъ въ ней своими желѣзными вольцами самыя лучшія человѣческія силы. Что-же дѣлать? Что дѣлать, господа? Скрестить на груди руки и смотрѣть съ холоднымъ равнодушіемъ на гибель и позоръ родной земли? Утонуть въ эгоизмъ, предоставивъ простой случайности будущія судьбы нѣкогда великаго народа? О, нѣтъ, господа, тысячу разъ нѣтъ! Тотъ, чье сердце трепещетъ при сладкомъ имени отечества, тотъ, кому близки всѣ радости и всѣ страданія земли, въ которой онъ родился, тотъ не можетъ поступать такимъ образомъ. Голосъ вѣчнаго упрека будетъ раздаваться въ его сердцѣ и мысль о страданіяхъ родины не дастъ ему спокойно заснуть!

Я долженъ былъ замолчать, потому что голосъ оборвался у меня отъ волненія.

„Извините меня, господа,—продолжалъ я, оправившись и утирая платкомъ глаза; извините меня, если моя рѣчь не вполне отвѣчаетъ торжественности этого собранія. Я поддался невольному чувству и, можетъ быть, показался вамъ смѣшнымъ. (Нѣтъ, пѣтъ; продолжайте). Но я не могу говорить о нѣкоторыхъ предметахъ безъ волненія, не обнаруживая тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя переполняютъ мое сердце“...

„И такъ, господа, я говорилъ, что честный человѣкъ не можетъ оставаться спокойнымъ зрителемъ тѣхъ золъ, которыя намъ всѣмъ хорошо извѣстны. Я, какъ и множество другихъ, устремилъ взглядъ на ваше общество. Я знаю его могущество уже по тому одному, что я прежде боролся съ нимъ. Зачѣмъ скрывать? Никто не осмѣлится утверждать, что идея либерализма сама по себѣ дурна,—никто, никто. Я, боровшійся противъ нея—замѣтьте это хорошенько, господа,—всегда говорилъ, что идея либерализма и даже конституція 12-го года, могутъ быть очень полезны для страны въ извѣстный моментъ. Абсолютизмъ утвердился въ Испаніи, когда его существованіе было необходимо и логично: страна, дезорганизованная вслѣдствіе продолжительной войны, нуждалась

въ сильной центральной власти для объединенія своихъ распатанныхъ частей. Но абсолютизмъ, — обратите вниманіе на эту мысль, всегда составлявшую мой девизъ, — могъ оказать Испаніи лишь временную услугу. Это была переходная ступень. Явились новыя условія жизни, новыя потребности, такъ громко заявляемыя со всѣхъ сторонъ, — и я становлюсь на сторонѣ реформы, я порываю всѣ мои старыя связи съ прошлымъ.

„Теперь я спрашиваю васъ: есть-ли въ изложенныхъ мною передъ вами идеяхъ, составляющихъ руководство всей моей жизни, что-нибудь подобное измѣнѣ, непослѣдовательности, нечестности? (*Нѣтъ, нѣтъ*).

„Повторяю еще разъ; я не стану выдавать себя за крайняго дѣятеля, за необузданнаго якобинца. Я, прежде всего, приверженецъ порядка и спокойствія. Умѣренное и либеральное правительство, разумныя реформы, уваженіе къ королю, порядокъ, прежде всего порядокъ, — вотъ мой идеаль. Если дѣло идетъ о смутахъ, кровавыхъ беспорядкахъ — я уйду, откуда пришелъ, и въ своемъ уединенномъ убѣжищѣ буду оплакивать страданія отечества, заблужденія и слѣпоту моихъ согражданъ (*Очень хорошо*). Не ждите отъ меня горячихъ рѣчей. Буду работать настойчиво и усердно, но не буду стараться доводить всего до крайности, подобно тѣмъ лицемѣрамъ, которые ищутъ въ переворотахъ карьеръ, популярности и отличій. Я не имѣю ихъ въ виду, я не ищу никакихъ выгодъ; я буду первымъ въ работѣ, послѣднимъ — въ наградѣ. Хочу оставаться безвѣстнымъ въ день побѣды и тотъ, кто въ эту счастливую минуту забудетъ о моемъ существованіи, тотъ окажетъ мнѣ величайшую услугу.

„Въ заключеніе прошу всѣхъ присутствующихъ видѣть во мнѣ человека слабого, способнаго ошибаться, и не разъ ошибавшагося на самомъ дѣлѣ, но никогда не высказывавшаго ни одной мысли, ни одного чувства, которыя-бы не выходили прямо изъ глубины его души. Съ той-же откровенностью и прямотушiemъ, съ какими я говорилъ вамъ о своей приверженности абсолютизму, я объявляю теперь, что глубоко вѣрю въ торжество идеи либерализма. Я не притворяюсь, не лукавлю, не надѣваю на себя маски. Я весь передъ вами, со всѣми моими недостатками и достоинствами, если таковыя во мнѣ есть, я не служу ни партіямъ, ни лицамъ, а служу лишь нашей общей матери — обожаемой родинѣ, простирая

руки къ которой восклицаю: юная свобода, привѣтствую тебя!
Я кончилъ “.

ГЛАВА XVI.

Рѣчь моя была покрыта самыми горячими и единодушными похвалами, такъ-что я самъ не могъ не прійти въ восторгъ отъ своихъ ораторскихъ и дипломатическихъ талантовъ. Я не могъ не сознаться, что во мнѣ скрываются замѣчательные дарованія государственнаго дѣльца, думающаго одно, а говорящаго другое, способнаго служить и Богу, и чорту, а главное—способнаго убѣждать другихъ въ томъ, въ чемъ я самъ нисколько не убѣжденъ.

Добродушные слушатели, легкомысленно восторгаясь моими словами, совершенно забывая о моей прошлой жизни, дѣйствовали подъ вліяніемъ наивности и великодушія, составлявшихъ ихъ отличительныя свойства. Большинство ихъ—люди въ высшей степени искренніе—довѣрчиво раскрывали свои объятія всякому, откуда-бы онъ ни явился. Ничего не было легче, какъ ошеломить ихъ громкими словами и убѣдить искусно-сплетенными завѣреніями.

Многіе говорили послѣ меня, но все это были горячія и буйныя рѣчи, совершенно лишеныя той умѣренности и того практическаго взгляда на вещи, той силы и осторожности, которыми отличалась моя рѣчь. Я говорилъ, какъ государственный человѣкъ; они-же—какъ буйные заговорщики. Я стоялъ на почвѣ золотой середины, откуда могъ съ величайшей легкостью повернуться лицомъ въ какую угодно сторону, смотря по обстоятельствамъ. Они-же—безразсудно сожигали свои корабли, объявляя себя якобинцами. Разница весьма существенная. Будущее, очевидно, принадлежало мнѣ, потому что, какъ-бы тамъ ни было, что-бы ни произошло, я всегда могъ выйти сухимъ изъ воды.

Затѣмъ собраніе разбилось на группы, говорившія всѣ разомъ. Я замѣтилъ, что Монсалюдъ, Цораквинъ и нѣсколько другихъ вскорѣ послѣ моего представленія исчезли, не дождавшись даже моей рѣчи. Мнѣ было очень интересно узнать, куда они скрылись, и я спросилъ объ этомъ одного отставнаго чиновника по департаменту выморочныхъ имуществъ.

— Они въ сосѣднемъ залѣ, сказалъ онъ.— Это предводители; они разсуждаютъ тайно о дѣлахъ. Чтобъ попасть туда, нужно долго и много потрудиться для дѣла. Полагаю, что сегодня получились важныя извѣстія. Подождите, разскажутъ. Говорятъ, что завтра утрошъ отправляютъ комисара въ Андалузію.

Одинъ изъ присутствующихъ, повидимому, военный изъ крупныхъ чиновъ, подошелъ къ намъ съ словами:

— Увѣряютъ, что сегодня въ первый разъ явится къ намъ и подпишетъ листъ самъ дон-Хуанъ Лоцано де-Торесъ.

— Какъ! Такъ скоро! воскликнулъ я.

— О, сеньоръ Пинаонъ, пора перестать судить о людяхъ по наружности. Я самъ видѣлъ Лоцано въ масонской ложѣ на улицѣ Трехъ Крестовъ.

— Но вѣдь говорятъ, настоящіе масоны не желаютъ переворота.

— Есть всякіе. Съ этого начинаютъ.

Вдругъ въ комнату вошелъ одинъ придворный чиновникъ и громовымъ голосомъ провозгласилъ.

— Сеньоры, маркизь М*** назначенъ министромъ юстиціи.

— Да здравствуетъ Лоцано де Торесъ! воскликнуло нѣсколько голосовъ.

— Его превосходительство отправляется въ изгнаніе въ свой замокъ Сан-Антонія въ Коруньѣ.

— Такъ и слѣдовало ожидать, замѣтилъ кто-то.

— Ну теперь держи ухо востро! Сеньоръ Буенавентура найдетъ на насъ своихъ ищеекъ. Ни одинъ полицейскій не станетъ больше покровительствовать нашему обществу.

Разговоръ оживился. Раздавались угрозы, обѣты, клятвы и проклятія. Я все время сохранялъ положеніе человека достойнаго, сдержаннаго и умѣреннаго, избѣгающаго всякихъ крайностей, приверженца золотой середины. Воздухъ былъ пропитанъ страстью до такой степени, что мнѣ, съ непривычки, становилось не по себѣ. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось въ этотъ-же вечеръ свести кой-какія знакомства.

Наконецъ вернулись находившіеся въ сосѣдней комнатѣ и Цоравинъ сказалъ:

— Господа, намъ слѣдуетъ разойтись. Вступленіе въ мини-

стерство маркиза М*** дѣлаетъ наше положеніе чрезвычайно опаснымъ. Будьте-же осторожны, господа, и по домамъ!

Медленно, одинъ за другимъ, присутствующіе стали расходиться. Начались нѣжныя прощанія, рукопожатія, взаимныя приглашенія. Все дышало любовью и согласіемъ. Мы съ Монсальдомъ удалились послѣдними.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К О Н Т Р А С Т Ы .

Подъ небомъ лазурнымъ роскошнаго юга
Пусть вѣчно цвѣтущая дышетъ весна:
Мой другъ, мнѣ милѣ родимая вьюга,
Съ душою глубоко сроднилась она.

Подъ жгучими, яркими солнца лучами
Янтарный тамъ зрѣеть пускай виноградъ
И, въ знойномъ томленьи поникнувъ вѣтвями,
Лимоны и мирты пусть льютъ аромать:
Мой другъ, мнѣ милѣ денежъ нашъ морозный;
Я радъ, если солнце, не грѣя, блеститъ;
А снѣгомъ, какъ рисой, одѣтыя сосны
Прекрасны безспорно, хотъ грустенъ ихъ видъ!

Пускай хороводы тамъ звѣздные блещутъ,
Пусть ночь сладострастною нѣгой полна,
И шепчутся листья, и тихо трепещутъ
И бьется о скалы чуть слышно волна:
Мой другъ, мнѣ милѣ родная поляна
Въ часъ ночи, когда на коверъ снѣговой
Глядитъ блѣдный мѣсяцъ сквозь дымку тумана,
И псовъ деревенскихъ доносится вой...

Пусть пѣснь гондольера вся дышетъ любовью;
Пусть, внемля ей, жадно красавица ждетъ,
Въ безумномъ желаньи припавъ къ изголовью,
Когда часъ свиданья условный придетъ:
Ты слышала-ли пѣсень родимые звуки?
Не хитро сложилъ ихъ нашъ бѣдный народъ,
Но пѣсни тѣ полны и горя, и муки,
Бездушный, внимая имъ, слезы прольеть!

С—ский.

ИЗНАНКА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

ДѢТИ ВЪ БОЛЬШИХЪ ГОРОДАХЪ.

(Окончаніе.)

VI.

Если-бы кто нибудь вздумалъ, подобно Ж. Ж. Руссо, восхвалять преимущество дикости надъ просвѣщеніемъ, варварства — надъ гуманностью, то съ какимъ-бы блескомъ онъ ни поддерживалъ свою оригинальную тему, ему въ наше время не выпала-бы на долю слава французскаго чудака-мыслителя, и современнаго софиста просто назвали-бы невѣждой или дикаремъ. — Да, вы настоящій дикарь, сказали-бы ему представители нашей цивилизаціи; только дикарь можетъ сомнѣваться въ тѣхъ великихъ завоеваніяхъ, которыя сдѣланы современной культурой; только дикарь будетъ отвергать ея безчисленныя благодѣянія, ея громадную роль и значеніе въ судьбахъ человѣчества. Взгляните на эти роскошныя столицы, на ихъ грандіозныя зданія и бульвары, на желѣзныя дороги, на телеграфы, на произведенія искусствъ и наукъ и т. п., и сравните все это съ жалкими лачугами дикарей, съ ихъ лотусами, которыми они прикрываютъ свою наготу вмѣсто нашего ліонскаго шелка, съ ихъ беззащитностію и вѣчной заботой подеаравулить и такъ или иначе сожрать своего ближняго. На чьей-же сторонѣ преимущество? Кто изъ нихъ счастливѣе — этотъ варваръ или культурный человѣкъ? — Но, позвольте, отвѣтилъ-бы на это настоящій дикарь, нѣсколько ознако-

ившійся не только съ лицевой стороною нашей блестящей цивилизаціи, но и съ закулиснымъ ея міромъ, — позвольте, сказали-бы онъ:— у насъ, правда, нѣтъ такихъ громаднхъ и роскошнхъ столицъ, но за то нѣтъ и вашихъ столичнхъ вертеповъ, съ ихъ грязнымъ и подавляющимъ развратомъ; у насъ нѣтъ монументальныхъ зданій, но мы не знаемъ и вашихъ смраднхъ, заразителнхъ подваловъ; конечно, мы не знаемъ, что такое эти желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы, но мы не знаемъ также ни вашихъ круповскихъ пушекъ, ни громаднхъ бюджетовъ, ассигнуемхъ на содержаніе пушечнаго мяса, ни вашихъ войнъ, истребляющихъ людей сотнями тысячъ, и т. п. Правда, мы не знакомы съ гастрономическими утонченностями, съ роскошью вашей парадной филантропіи, но у насъ не умирають дѣти съ голода на улицѣ или дорогѣ, и нерѣдко мы могли-бы вамъ, цивилизованнмъ людямъ, дать небезполезный урокъ справедливости и гуманности, которыя обходятся вамъ такъ дорого... Возьмите для примѣра хоть краснокожихъ и вспомните, какъ они поступили съ своими рабами, послѣ освобожденія ихъ въ Америкѣ. Какъ только Линкольнъ провозгласилъ свободу негровъ, краснокожіе, имѣвшіе своихъ рабовъ, немедленно освободили ихъ, безъ всякихъ фразъ и разглагольствованій, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, не разоривъ ни одного города, не убивъ ни одного человѣка, не истративъ на свинець и порохъ ни одного шиллинга. Этотъ гуманный актъ совершился спокойно и добровольно; ему не предшествовало ни краснорѣчивыхъ прокламацій, ни ученыхъ трактатовъ, ни юридическихъ фикцій, ни озлобленія, ни клеветы, ни обмановъ и подлоговъ; онъ совершился просто и тихо, только въ силу здраваго смысла нѣкоторыхъ вождей этого гуманнаго движенія. И краснокожіе рабовъ не только освободили, но они ихъ приняли равноправными членами въ свои общины, надѣлили ихъ землей, отрѣзана отъ своихъ собственныхъ участковъ. Такъ-ли поступили цивилизованные янки съ своими освобожденными рабами? И такіе примѣры встрѣчаются въ дѣйствительности чуть-ли не на каждомъ шагѣ. Въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ англійской „Contemporary Review“, профессоръ Фрэнсисъ Ньюманъ исписываетъ цѣлыя страницы крайне назидательными примѣрами „варварства нашей цивилизаціи“; онъ убѣждаетъ насъ, что просвѣщеннѣйшіе и самоодвольнѣйшіе представители современнаго культурнаго человѣчества

совершаютъ сплошь и рядомъ такіе неблаговидные подвиги, которыхъ устыдился-бы всякій мало-мальски порядочный дикарь.

На предъидущихъ страницахъ мы обратили вниманіе читателей на тотъ многолюдный классъ европейскаго населенія, для котораго изъ всѣхъ розъ нашей цивилизаціи выпали на долю только шипы. Классъ этотъ — городскія дѣти: парижскіе *гамены*, лондонскіе *арабы*, неаполитанскіе „*picciilli*“ и т. п., короче говоря, вся та многочисленная рать маленькихъ оборвышей, въ которыхъ дѣтская впечатлительность и безпомощность соединены съ пороками и похотями всѣхъ возрастовъ; которая дѣтства, въ лучшемъ, истинномъ значеніи этого слова, не знала никогда, но которая до старости сохраняетъ нѣкоторыя, чисто дѣтскія черты: легкомысліе, беззаботность, отвращеніе къ предусмотрительности, къ труду, ненасытную жажду впечатлѣній, ощущеній, развлеченій... До сихъ поръ, въ странахъ наиболѣе передовыхъ и наиболѣе щеголяющихъ гуманнымъ, филантропическимъ строемъ своей цивилизаціи, эти злополучные питомцы большихъ городовъ могутъ только завидовать участи самыхъ дикихъ своихъ сверстниковъ и собратій. Дикость обставляетъ жизнь и взрослыхъ людей, и дѣтей очень разнообразными и очень непривлекательными невзгодами; но она, по крайней мѣрѣ, оставляетъ имъ такія элементарныя блага, какъ просторъ, чистый воздухъ, солнечный свѣтъ и столь необходимую для дѣтей свободу отъ заботъ и тревогъ необезпеченнаго существованія. Городская цивилизація отняла у культурныхъ оборвышей и эти элементарнѣйшія блага, не давъ имъ рѣшительно ничего взамѣнъ. Въ учебникахъ политической экономіи, правда, насъ и до сихъ поръ увѣряютъ еще, будто воздухъ и свѣтъ представляютъ собою образецъ такихъ предметовъ, которыхъ полезность громаднa, но которые все-же не имѣютъ никакой рыночной цѣны, потому что они будто-бы неспособны подлежать апроприаціи. Однако-же практика городской жизни давнымъ давно разрѣшила этотъ вопросъ, казавшійся неразрѣшимымъ апостоламъ капиталистическаго всемогущества. Правда, чистый воздухъ и солнечный свѣтъ не продаются еще на гарнцы или на фунты въ нашихъ лавкахъ и на нашихъ базарахъ; но объ этомъ только приходится пожалѣть, такъ какъ квартиры, заключающія въ себѣ достаточно воздуха и свѣта для того, чтобы въ нихъ могла свободно и нормально развиваться дѣтская жизнь, во всѣхъ промышленныхъ городахъ цѣнятся такъ вы-

соко, что онъ рѣшительно не по карману не однимъ только отпѣтымъ бѣднякамъ, но и большинству счастливецъ рабочаго сословія. Хоть-бы по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ заботливые родители могли прикупать немного свѣжаго воздуха и благодѣтельнаго солнечнаго свѣта для своихъ ребятишекъ! Но увы, въ городахъ съ населеніемъ свыше 20,000 душъ о подобной роскоши и мечтать невозможно! Мы украшаемъ наши улицы монументальными зданіями, величественными памятниками и т. п.; но о снабженіи жителей достаточнымъ количествомъ чистаго воздуха и солнечнаго свѣта не позаботился еще ни одинъ самый просвѣщенный европейскій муниципалитетъ, и только люди достаточные, да и то за послѣднее время, стали понимать, что наши планы большихъ городовъ, бывшіе печальною необходимостью въ средніе вѣка, давно уже сдѣлались совершенной нелѣпостью по отношенію къ намъ самимъ и страшнымъ преступленіемъ по отношенію къ подрастающимъ поколѣніямъ. Новѣйшіе биржевые и промышленные тузы, дѣйствительно, начали окружать лучшія столицы Европы своими отелями, несмаживающими уже на казармы или на человѣческія стойла, но отдѣленными другъ отъ друга просторными садиками или роскошными парками. Но какими-же нужно обладать доходами для того, чтобы нанимать себѣ помѣщеніе въ Парижѣ въ Елисейскихъ Поляхъ или въ Лондонѣ близъ Гайдъ-Парка?

Тамъ, гдѣ природа такъ щедро расточила эти драгоценнѣйшія и столь мало цѣнимыя нами блага—воздухъ и свѣтъ, люди приложили какъ-будто совершенно особое стараніе къ тому, чтобы отнять ихъ у злополучныхъ городскихъ дѣтей. Посмотрите, напримѣръ, какъ живутъ цѣлыя массы рабочаго населенія въ Неаполѣ, который тѣмъ не менѣе нашему эстетическому воображенію рисуется какимъ-то лучезарнымъ пріютомъ нѣги, поэзіи и приволья. Вотъ какими красками рисуетъ извѣстный итальянскій профессоръ Виллари въ своихъ „Lettere meridionali“ эти ужасные притоны, называемыя „fondaci bassi“, въ которыхъ проводитъ свою жизнь значительное большинство южно-итальянскихъ работниковъ:

„Эти „fondaci“, говорятъ Виллари, не имѣютъ дверей; вы входите въ нихъ черезъ отверстіе, остающееся и денно и ночью открытымъ. Пройдя не то дверь, не то сѣни, что-то темное, сырое, холодное, гдѣ за конторкой сидитъ хозяинъ или хозяйка

этого рода притоновъ, вы наконецъ добираетесь, почти въ потьмахъ, до маленькихъ каморокъ, которыя не годились-бы и для царяни. Здѣсь, безъ воздуха, безъ свѣта, копошатся всю свою жизнь безчисленныя человѣкоподобныя существа. Зловоніе царитъ такое въ этихъ ужасныхъ убѣжищахъ, что непривычному посетителю трудно избѣжать тошноты. О какой-нибудь мебели нѣтъ, конечно, и рѣчи. На кучахъ полусгнившей соломы спать въ повалку отцы и матери, братья и сестры, взрослые и дѣти, безъ всякаго различія возрастовъ и половъ“...

Такихъ „fondaci“ по увѣренію Виллари, въ Неаполѣ насчитывается болѣе ста, и въ каждомъ изъ нихъ ютится среднимъ числомъ до ста душъ всякаго возраста и пола. По среднему статистическому расчету мы, слѣдовательно, можемъ уже предположить отъ 2 до 2,500 дѣтей, родившихся и проводившихъ всю свою жизнь въ этихъ странныхъ пріютахъ, по сравненію съ которыми шалашъ ново-зеландца или хижина зулуса можетъ показаться дворцомъ и верхомъ гигиеническаго совершенства. Но еще ниже этихъ „fondaci“ стоятъ такъ-называемыя гроты, обитаемыя въ томъ-же самомъ Неаполѣ цѣлыми артелями, — можно сказать, цѣлыми племенами рабочихъ.

„Вчера я посѣтилъ гротъ, въ которомъ живутъ веревочники, наверху Бранчацьо“, пишетъ профессоръ Валлари. „Снаружи невозможно составить себѣ никакого представленія о томъ, что дѣлается внутри. Это нѣчто вродѣ катакомбъ св. Дженнаро, но мрачное, страшное, даже ужасное въ высшей степени. Среди бѣлаго дня, сюда нельзя проникнуть безъ свѣчи. Воздухъ и свѣтъ проходятъ черезъ нѣсколько крошечныхъ слуховыхъ оконъ, выходящихъ, за исключеніемъ двухъ, на темные, вонючіе дворы. Полъ этихъ гротовъ почти сплошь устланъ грязными тюфяками, на каждомъ изъ которыхъ спитъ вмѣстѣ по нѣскольکو человѣкъ“. Эти возмутительныя логовища приносятъ своимъ владѣльцамъ очень значительные доходы. За наемъ одного тюфяка, въ особенности если онъ близокъ отъ слухового окна, злополучныя рабочіе платятъ до десяти франковъ въ мѣсяць. А между тѣмъ, въ дождливую погоду, они чуть не плаваютъ въ водѣ“.

Напрасно мы стали-бы думать, будто населеніе этихъ ужасныхъ убѣжищъ состоитъ изъ праздныхъ тунеядцевъ, классическихъ ладзарони, питомцевъ нѣги и порока. „Opinione“, — почтенный журналъ,

въ которомъ профессоръ Виллари печаталъ свои крайне интересныя сообщенія, — не отличается особеннымъ благорасположеніемъ къ нищимъ классамъ, однакожъ и по его свидѣтельству оказывается, что, отъ мала до велика, квартиранты этихъ логовищъ проводятъ всю свою жизнь, съ утра до ночи, за очень утомительной, упорной работой. Мужчины, нерѣдко престарѣлые старики, вьютъ веревки; женщины готовятъ для нихъ пеньку, зарабатывая въ лучшемъ случаѣ до полу-франка въ день. Даже дѣти, съ шестилѣтняго возраста, вертятъ колеса станковъ: — работа, которую въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ съ усѣхомъ выполняютъ пуделя. За то-же она и цѣнится всего по пяти сантимовъ въ день, — не много меньше 2 копейки.

„Кетле правъ!“ восклицаетъ Виллари: — мы сами даемъ ножъ въ руки убійцѣ. Если современемъ одинъ изъ тѣхъ мальчишекъ, которыхъ я видѣлъ во время своихъ странствованій по гротамъ и „fondaci“, станетъ злодѣемъ, извѣстнымъ всему Неаполю, то развѣ онъ не вправѣ будетъ сказать: да я убивалъ; но зачѣмъ-же вы съ дѣтства убивали мою совѣсть“?

Когда Виллари обнародовалъ въ 1876 г. эти краснорѣчивые результаты своихъ путешествій въ мѣръ туземныхъ дикарей, гнѣздящихся подъ ногами счастливыхъ жителей роскошнѣйшей итальянской столицы, общественное мнѣніе было глубоко возмущено. Префектъ и муниципальный совѣтъ Неаполя приняли дѣятельныя мѣры къ закрытію, по крайней мѣрѣ, самыхъ гнусныхъ изъ этихъ притонъ. Намѣреніе, очевидно, было хорошее; но исполненіе, какъ всегда, оказалось неудовлетворительнымъ. Извѣстная Вейтъ-Маріо, выпустившая въ свѣтъ замѣчательный томикъ собственныхъ своихъ изслѣдованій нищеты въ Неаполѣ (*La Miseria a Napoli*) уже послѣ того, какъ письма профессора Виллари оказали свое дѣйствіе, находить, что положеніе неаполитанскихъ бѣдняковъ нѣсколько ухудшились вслѣдствіе заботливости о нихъ префекта и муниципальныхъ властей. Цѣны тѣхъ гротовъ и „fondaci“, которые остались открытыми, естественно возросли. Г-жа Вейтъ-Маріо говоритъ, что со стороны правителей Неаполя были приняты дѣятельныя мѣры для того, чтобы отклонить ее отъ своего намѣренія — познакомиться подробно съ этими чертогами. „Только благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ: приказу, выданному министромъ внутреннихъ дѣлъ неаполитан-

скому префекту, рекомендательнымъ письмамъ, которыя я имѣла къ нѣкоторымъ вліятельнымъ членамъ умѣренной партіи, наконецъ моимъ личнымъ связямъ съ очень многими бывшими гарибальдійскими волонтерами *), — мнѣ удалось проникнуть въ эти сокровенные притоны нищеты и порока, куда рѣдко заглядываютъ выходцы цивилизованнаго міра. Префектъ снабдилъ меня приказами къ делегатамъ (т. е. полицейскимъ комисарамъ), которымъ повелѣвалось показать мнѣ все: тюрьмы и ваторгу, богоугодныя заведенія и полицейскія вутузки, даже публичныя дома. Но эти охранители нашихъ нравовъ и благочинія такъ мало приехали къ тому, чтобы непосвященные проникали въ эти ревниво охраняемыя ими тайники, что они на каждомъ шагу смущались, придумывали всякія уловки и препятствія и нерѣдко уступали моей настойчивости только тогда, когда получали по телеграфу изъ Рима министерское подтвержденіе приказа, даннаго префекту "...

Книга г-жи Вэйтъ Маріо исполнена самыхъ интересныхъ и поучительныхъ подробностей. Хотя самыя ужасныя изъ гротовъ, описанныхъ профессоромъ Виллари, были уже въ это время обращены въ стойла для ослицъ, козъ и коровъ, но то, что г-жѣ Маріо привелось видѣть собственными своими глазами, превосходило бы всякое вѣроятіе, если-бы добросовѣстность этой почтенной авторессы не стояла выше всякаго подозрѣнія и если-бы показанія ея не подтверждались во всѣхъ существеннѣйшихъ своихъ чертахъ тѣмъ, что изъ другихъ источниковъ намъ достовѣрно извѣстно объ этихъ вертепахъ. Нѣкоторыя изъ картинъ, которыя она видѣла собственными своими глазами въ притонахъ кварталовъ Порто, Пензино и Меркато, дѣйствительно, ужасны. Здѣсь чуть обтянутый сморщенной кожицею скелетъ младенца истощается въ безплодныхъ усиліяхъ сосать изсохшую грудь матери; тамъ семья, состоящая изъ отца, матери и семи дѣтей разныхъ возрастовъ и половъ живетъ въ смрадной конурѣ, единственную мебель которой составляетъ полусгнившій тюфякъ. Шестилѣтній мальчикъ изъ этой злополучной семьи корчится въ эпилептическихъ конвульсіяхъ на этомъ тюфякѣ, въ то время какъ его братья и сестры, пред-

*) Г-жа Джесси-Вэйтъ-Маріо, урожденная англичанка, сопутствовала Гарибальди во всѣхъ его походахъ въ качествѣ сестры милосердія и директрисы госпиталей.

ставлявшіе несомнѣнные признаки водянки головного мозга, глодали какіе-то неудобоваримые остатки капустнаго кочана. Отець, веровочникъ по ремеслу, долженъ былъ платити девять франковъ въ мѣсяць за свой чуланъ. Затѣмъ, изъ получаемой имъ задѣльной платы у него оставалось всего только по двадцати сантимовъ въ день на прокормленіе и инныя нужды всего семейства.

Въ одномъ изъ этихъ „fondaci“ оказалось жителей до трехсотъ человѣкъ, а по самому умѣренному расчету гигиенистовъ, каждому человѣку необходимо для дыханія никакъ не меньше четырнадцати кубическихъ метровъ чистаго и легко обновляющагося воздуха.

VII.

Г-жу Маріо особенно интересовало знать, куда-же подѣвались бѣдняки, жившіе въ тѣхъ подвалахъ, которые только-что были закрыты по распоряженію городскихъ властей и полиціи. Блюститель общественнаго благочинія, т. е. полицейскій агентъ, сопровождавшій эту отважную путешественницу въ ея экскурсіяхъ, старался увѣрить ее, будто муниципалитетъ снабдилъ этихъ бѣдняковъ работою и присвѣль для нихъ болѣе приличное помѣщеніе въ углахъ загороднаго квартала Corso Vittorio Emanuele.

„Не вѣрьте ему, сеньора, перебилъ его какой-то паралитичскій старикъ, бывшій свидѣтелемъ этого разговора;—новые кварталы для galantuomini, а насъ, ладзарони, туда не пустать“.

Эти слова: galantuomini и ладзарони, на языкѣ неаполитанскихъ трущобныхъ жителей, вовсе не обозначаютъ богатыхъ и бѣдныхъ, патриціевъ или плебеевъ и т. п. „Galantuomini“—это культурные люди; lazzari — тѣ туземные дикари, которые копошатся у нихъ подъ ногами. „И, конечно, заключаетъ г-жа Вѣйтъ-Маріо,—эти двѣ породы не менѣе различны между собою, чѣмъ, наприимѣръ, чистокровные янки и негры въ Соединенныхъ Штатахъ“.

Старикъ рассказалъ провожатому, куда слѣдовало вести сеньору, чтобы она могла удовлетворить свое любопытство.

„Мы спустились по улицѣ, устроенной уступами въ видѣ лѣстницы. Внизу оказалась помойная яма, ничѣмъ неприкрытая и отравлявшая воздухъ самыми отвратительными миазмами. Множе-

ство дѣтей, почти голыхъ, исхудалыхъ до крайняго предѣла, съ непомерно большими головами, играли въ орлянку или просто копошились въ грязи. Многія изъ нихъ были покрыты золотушными ранами; другія представляли разнообразнѣйшія ступени развитія рахитизма. Мой проводникъ повернулъ налѣво, мы очутились въ темношъ и сырошъ подвалѣ со сводами; наши ноги вязли въ липкой грязи. Здѣсь я нашла пятнадцать душъ женщинъ и дѣтей, которыя окружали грязную постель, а въ ней, въ предсмертной агоніи, лежалъ ребенокъ... Губы его почернѣли, обезображенное лицо представляло всѣ признаки тифа въ послѣдней степени“...

Намъ-бы пришлось перевести здѣсь почти цѣликомъ всю книгу, если-бы мы хотѣли передать нашимъ читателямъ все то, что „La Miseria a Napoli“ г-жи Вэйтъ-Маріо представляетъ интереснаго и назидательнаго на нашъ взглядъ. Но мы зашли въ эти южно-итальянскія трущобы только мимоходомъ и не имѣемъ права долго морить читателя въ этихъ смрадныхъ притонахъ. Многіе изъ нихъ представляютъ даже нѣкоторый интересъ въ археологическомъ отношеніи, такъ-какъ они уцѣлѣли еще отъ языческихъ временъ и служили нѣкогда жилищами для рабовъ, тюрьмами и складами разныхъ запасовъ и товаровъ. Какъ ни странно это можетъ показаться, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что эти подвалы и гроты не служатъ убѣжищемъ для тѣхъ слоевъ населенія, которые можно назвать аристократіею неаполитанской нищеты. Живутъ въ нихъ почти исключительно одни только семейные и степенные труженики, имѣющіе до-нельзя скудныхъ, но все-таки правильныхъ средства къ существованію, а потому желающіе быть у себя дома, хоть скверно, хоть подъ землею хоть по уши въ грязи. Они живутъ въ этихъ конурахъ годами, даже десятками лѣтъ. Вѣроятно, очень многіе изъ нихъ родились, прошатались всю свою жизнь и, наконецъ, отошли въ иной лучшій міръ въ одношъ и томъ-же подвалѣ, населивъ его на будущее время болѣе или менѣе многочисленнымъ поколѣніемъ своихъ наслѣдниковъ. Дѣйствительная голытьба, люди, неимѣющіе никакихъ опредѣленныхъ занятій, перебывающіеся изо-дня въ день то случайною честною работою, то воровствомъ, проституціей, нищенствомъ и т. п., не имѣютъ даже и такого убѣжаша. Они ведутъ дѣйствительно кочевую жизнь, которая тѣмъ только и рознится отъ кочевья пастушескихъ народовъ, что эти послѣдніе проводятъ

свое существованіе, по крайней мѣрѣ, среди степнаго раздолья, подъ открытымъ небомъ, тогда какъ городскіе ихъ сверстники, числящіеся по статистическимъ спискамъ гражданами болѣе или менѣе свободныхъ, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ государствъ, какъ ни перекочевываютъ изъ одного угла въ другой, все-же-таки вѣчно не могутъ выбиться изъ подъ душныхъ, смрадныхъ сводовъ, изъ прожглой атмосферы чулановъ, подваловъ и чердаковъ.

Въ Неаполѣ, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, существуетъ для этого кочевого населенія немалое количество такъ-называемыхъ *locande*, т. е. гостиницъ, пріютовъ или просто угловъ, въ которыхъ они могутъ нанять себѣ помѣщеніе на сутки, на одну ночь, иногда на нѣсколько часовъ. За это временное убѣжище бѣднякъ вынужденъ обыкновенно платить очень дорого. Иной уголь въ отвратительнѣйшей грязной локандѣ приноситъ своему хозяину больше дохода въ мѣсяцъ, чѣмъ довольно приличная комнатка въ опрятномъ участкѣ города. Слишкомъ многіе бѣдняки, издерживающіе по два, по три и даже по пяти франковъ въ день, не имѣютъ, однако, возможности нанять себѣ сравнительно даже дешовое мѣсячное помѣщеніе. Слишкомъ многіе другіе вынуждены умышленно избѣгать всякой осѣдлости, такъ-какъ живутъ они непоказанными и непризнанными закономъ средствами. Все ихъ существованіе проходитъ главнымъ образомъ въ вѣчномъ желаніи укрыться отъ глазъ полиціи, что исполнено очень часто самыхъ драматическихъ и романтическихъ перипетій и всегда стоитъ имъ очень дорого. Содержатели этихъ притоновъ—обыкновенно люди, сами прошедшіе огонь, и воду, и мѣдныя трубы, знающіе очень хорошо нравы и обычаи своихъ посѣтителей и пользующіея своимъ знаніемъ жизни единственно для того, чтобы обирать безъ всякой пощады, безъ всякаго зазрѣнія тѣхъ, у кого на поверхностный взглядъ и отнять казалось-бы нечего. Удачниками во всѣхъ сферахъ культурнаго обирательства неизмѣнно оказываются тѣ мудрецы, которые не гоняются за тысячами и сотнями, понимая очень хорошо, что крупные куши обыкновенно плотно прирастаютъ къ кармавамъ ближняго и не всегда могутъ быть изъяты оттуда безъ существенныхъ неудобствъ для самаго предприимчиваго хищника. Грошъ-же, беззащитно болтающійся въ карманѣ бѣдняка, представляетъ легкую и удобную добычу. Немудрено, что въ Неаполѣ, какъ и въ Лондонѣ, въ Парижѣ и

во всѣхъ другихъ большихъ городахъ, хозяева нищенскихъ притоновъ наживаютъ нерѣдко очень крупныя состоянія. Въ Парижѣ владѣльцы нѣкоторыхъ домовъ, представляющихъ собою нерѣдко стотысячный капиталъ, иногда обращаютъ ихъ, отъ подваловъ до чердаковъ, въ притоны для бѣдныхъ, совершенно сходные съ неаполитанскими локандами. Замѣчательно, что эти капиталы обыкновенно сами проводятъ всю свою жизнь въ этихъ-же смрадныхъ трущобахъ, нерѣдко со всею своею семьей. Но какъ быть? Хозяѣнскій взглядъ повсюду нуженъ, особенно-же въ такомъ деликатномъ дѣлѣ какъ-то, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Личныя качества содержателя притона, его знаніе жизни, его умѣнье обходиться съ своими посѣтителями и обходить тайную и явную полицію представляютъ капиталъ, еще болѣе производительный, чѣмъ самыя дома и все его недвижимое имущество.

Въ Италіи, какъ и во всѣхъ просвѣщенныхъ городахъ, эти притоны нищеты, эти гостиницы и ночлежныя пріюты для туземныхъ дикарей, состоятъ подѣ особымъ наблюденіемъ полиціи. Существуетъ цѣлый рядъ правилъ и постановленій, болѣе или менѣе стѣснительныхъ для хозяевъ и посѣтителей и имѣющихъ однимъ изъ ближайшихъ своихъ результатовъ только значительный подъемъ цѣны на эти нечеловѣческія помѣщенія. Полиція, напримѣръ, и муниципальныя власти въ Неаполѣ обязываются слѣдить за тѣмъ, чтобы въ одной комнатѣ не ставилось больше постелей, чѣмъ сколько слѣдуетъ по гигиеническому разсчету. Это, однакожъ, не мѣшаетъ хозяину втолкнуть въ одну конуру столько жильцевъ, сколько ему заблагоразсудится; но только лишніе противъ положенія должны будутъ обойтись безъ всякой постели. Блюстатели порядка и благочинія требуютъ, напримѣръ, чтобы мужчины и женщины имѣли отдѣльныя помѣщенія. Но г-жа Вейтъ-Маріо видала въ Неаполѣ, въ кварталѣ Порто, такія локанды, гдѣ въ крошечной каморѣ помѣщалось до десяти постелей; а на одной постели по трое мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Впрочемъ, полицейскіе агенты сами признавались ей, что они, дѣйствительно, часто заглядываютъ въ эти убѣжища, но только для того, чтобы изловить какого-нибудь преслѣдуемаго ими вора или убійцу. Слѣдить-же за соблюденіемъ въ нихъ гигиеническихъ и полицейскихъ постановленій значило-бы, со стороны городскихъ властей, затѣвать вой-

ну, которая имѣла-бы неизбѣжнымъ концомъ посрамленіе представителя благочинія.

Изъ всѣхъ локандъ, описанныхъ г-жею Вэйтъ-Маріо, для насъ особенно интересна здѣсь одна, которой все населеніе состояло исключительно изъ дѣтей обоюга пола и разныхъ возрастовъ. Кто были родители этихъ дѣтей и были-ли у нихъ какіе-нибудь родители—этого вопроса не въ состояніи рѣшить никакая статистика. Несомнѣнно только, что всѣ жильцы этой локанды, въ которой совершеннолѣтними были только хозяева, жили на собственные свои средства. Каковы эти средства и какими путями добываются они—это тоже, въ большей части случаевъ, остается совершенно непроницаемою загадкою. Нѣкоторые изъ этихъ дѣтей всю свою жизнь проводятъ на улицѣ, въ погонѣ за всякою случайностью, которая такъ или иначе даетъ имъ возможность удовлетворить свой голодъ. Многія изъ нихъ питаются только обѣдами, которые имъ удается подобрать въ сорныхъ кучахъ; они подбираютъ кости, тряпки, сигарные окуривы и т. п. дрянъ, потомъ сбываютъ эту дрянъ взрослымъ промышленникамъ за стебель шпината или салата, за кусокъ хлѣба. Для очень многихъ показное ремесло служить только для отвода глазъ полиціи, въ дѣйствительности же они съ гораздо большимъ успѣхомъ занимаются карманнымъ воровствомъ, а дѣвочки, начиная съ десяти лѣтъ, если не раньше, самою возмутительною проституціею. Нерѣдки примѣры, что какая-нибудь изъ такихъ несовершеннолѣтнихъ развратницъ содержитъ нѣсколькихъ братишекъ и сестреночекъ плодами своего ремесла... Только тотъ, кто спускался въ эти подземные тартары культурнаго міра, знаетъ, сколько перловъ чистѣйшей любви, гуманности и самопожертвованія способно таяться въ сердцахъ существъ, дошедшихъ, повидимому, до крайняго предѣла позора и униженія. Но всего чаще эти локанды для бездомныхъ дѣтей служатъ школами воровства, практикуемаго нерѣдко въ громадныхъ размѣрахъ и съ систематичностью, достойною лучшей участи. Почти каждая такая ватага дѣтей состоитъ подъ вѣдомствомъ какого-нибудь взрослого камориста, который обучаетъ ихъ всякимъ незаконнымъ ремесламъ, конечно, не ради одной только пропаганды, а для того, чтобы нещадно обирать ихъ самихъ. Многія изъ этихъ дѣтей состоятъ уже въ самомъ раннемъ возрастѣ членами каморы, самой грандіозной изъ извѣстныхъ въ настоящее время воровскихъ и мошенническихъ асоціацій. Они на-

зываются *piccirilli* (мальчуганы) и оказываютъ часто взрослымъ своимъ патронамъ самыя разнообразныя и неоцѣненныя услуги. Многимъ изъ нихъ придется, можетъ быть, не разъ обогреть свои руки въ крови, прежде чѣмъ ихъ губы покроются юношескимъ пушкомъ. Тогда общество обратитъ на нихъ поневолѣ свое вниманіе: отправить ихъ въ какую-нибудь болѣе или менѣе ужасную тюрьму, содержаніе которой стоитъ дороже, чѣмъ содержаніе десяти добропорядочныхъ школъ, и въ которой они скоро усовершенствуются въ самыхъ тяжкихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ. Итальянское королевство затрачиваетъ ежегодно на тюрьмы и всякаго рода карательныя учрежденія, судебныя и административныя, около 60 миліоновъ въ годъ; по крайней мѣрѣ бюджетъ министерства юстиціи одинъ поглощаетъ болѣе 31 миліона въ годъ; а мы не знаемъ съ точностью, какую часть 60¹/₂ миліоновъ, асигнуемыхъ ежегодно на министерство внутреннихъ дѣлъ, слѣдуетъ отнести непосредственно на содержаніе тюремъ, кутузовъ, полиціи и т. п. Бюджетъ-же народнаго просвѣщенія изображается въ немъ сравнительно очень скромною цифрою 20¹/₂ миліоновъ въ годъ, т. е. около двадцати копѣекъ съ каждой души народонаселенія, а это составляетъ едва 1% общихъ расходовъ итальянскаго правительства. А между тѣмъ Италія принадлежитъ къ числу тѣхъ государствъ, которыя уже ввели у себя элементарное образованіе, обязательное для дѣтей всѣхъ классовъ и всѣхъ сословій. По статистическому разсчету, въ цѣломъ королевствѣ должно насчитываться 2,635,338 дѣтей въ возрастѣ обязательнаго посѣщенія элементарной школы. Въ яличности-же еще въ прошломъ году дѣйствительная цифра учащихся не превышала 1,064,225, т. е. большая половина итальянскихъ дѣтей, свыше 1¹/₂ миліона, не посѣщаетъ никакихъ училищъ, кромѣ тюремъ или тѣхъ локандѣ, которыя г-жа Вейтъ-Маріо изслѣдовала въ Неаполѣ.

Неаполь, конечно, слишкомъ далекъ отъ того, чтобы изображать собою апогей новѣйшаго просвѣщенія въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Не прошло еще и двадцати лѣтъ, какъ эта страна избавилась отъ самаго варварскаго и дикаго изъ правительствъ, долго и беспощадно душившаго въ своемъ народѣ всякую попытку, всякое стремленіе къ человѣческому существованію. Такія вѣбовныя язвы оставляютъ по себѣ глубокіе слѣды, требующіе долгихъ лѣтъ и

настоячивыхъ преобразованій для окончательнаго своего исцѣленія. А потому легко можетъ быть, что Неаполь вовсе не примѣръ всѣмъ прочимъ или, по крайней мѣрѣ, просвѣщеннѣйшимъ европейскимъ городамъ, что нищета народа вообще, а слѣдовательно, и дѣтей, рисуется здѣсь въ особенно-мрачныхъ краскахъ и образахъ, что она достигаетъ здѣсь размѣровъ, немислимыхъ въ другихъ болѣе цивилизованныхъ столицахъ.

Эти соображенія нелишны, конечно, нѣкотораго основанія; но они по крайней мѣрѣ уравниваются соображеніями совершенно иного рода. Во-первыхъ, мы уже знаемъ, что развитіе промышленности не только не тормозитъ развитія нищеты, но въ значительной степени способствуетъ этому развитію. Отсутствие большихъ фабрикъ, большихъ производительныхъ и промышленныхъ центровъ въ Неаполѣ весьма естественно должно-бы избавлять этотъ городъ отъ непомернаго накопленія народонаселенія въ его стѣнахъ. Воздухъ здѣсь непрокопченъ и неотравленъ, какъ, напримѣръ, въ Манчестерѣ, въ Бирмингамѣ или въ Лондонѣ, дымомъ фабричныхъ трубъ и всякими зловоніями, неразлучными съ мануфактурною дѣятельностью. Каждая квадратная сажень земли и каждый кубическій футъ воздуха не находятъ такого значительнаго количества составителей на ихъ обладаніе, какъ, напр., въ Парижѣ, Лонѣ и другихъ промышленныхъ центрахъ. Щедрая природа съ изобиліемъ вознаграждаетъ всякій трудъ, доставляетъ въ избыткѣ овощи, плоды, морскіе продукты, хлѣбъ. Превосходный климатъ сводитъ насущныя потребности населенія на скромный минимумъ, рѣшительно невозможный въ странахъ съ климатомъ болѣе суровымъ. Но главное, на что мы хотѣли-бы обратить здѣсь вниманіе нашихъ читателей, это то, что Неаполь, классическая страна ладзаронства, невѣжества, религіознаго и политическаго фанатизма, съ поконъ вѣка обладаетъ уже многочисленнѣйшими и едвали не богатѣйшими въ мірѣ благотворительными учрежденіями. По свидѣтельству маркиза Гвантеріо, общественная благотворительность города Неаполя располагаетъ ежегодно правильнымъ доходомъ въ 16 миліоновъ франковъ или итальянскихъ лиръ, не считая добровольныхъ приношеній, къ которымъ очень слонны благочестивые поклонники св. Януарія. Согласитесь, что на такую сумму можно было-бы избавить не мало дѣтей отъ ужасовъ фондаковъ, готовъ

и локандъ. Правда, эта цифра теперь уже значительно устарѣла: иезуиты, въ руки которыхъ бурбонское правительство отдало распоряженіе благотворительными учрежденіями города, по-видимому, не забыли во время своего изгнанія увести съ собою чуть не половину всѣхъ ввѣренныхъ имъ богатствъ. По крайней мѣрѣ, по новѣйшимъ статистическимъ даннымъ, мы уже находимъ въ Неаполѣ 349 благотворительныхъ учреждений всякаго рода съ ежегоднымъ доходомъ всего только въ $7\frac{1}{2}$ миліоновъ итальянскихъ лиръ вмѣсто тѣхъ 16, о которыхъ говорилъ Гвантеріо въ своемъ „Ultimi rivolgimenti d'Italia“. Конечно, цифра эта можетъ показаться довольно скромною въ сравненіи съ тѣми, напримеръ, 4 миліонами фунт. стерлинг., въ которые оцѣниваются издержки частной благотворительности въ Лондонѣ. Но Неаполь — не Лондонъ. Когда мы видимъ, напримеръ, что въ немъ еще въ текущемъ году имѣется „Albergo dei Poveri“ (пріютъ для бѣдныхъ), который при 2,000 питомцевъ располагаетъ ежегоднымъ доходомъ въ 1,235,786 лиръ, то мы естественно должны радоваться и, пожалуй, даже завидовать участи этихъ бѣдняковъ, имѣющихъ возможность истрачивать каждый больше 200 р. с. въ годъ на свое существованіе. Радость и зависть наша значительно поблекнуть, когда мы узнаемъ, напримеръ, изъ сообщеній депутата Ладзаро въ національномъ собраніи, что около 60% всѣхъ доходовъ общественной благотворительности въ Неаполѣ, какъ и во всей остальной Италіи, никогда не доходятъ до своего назначенія, а истрачиваются на издержки своей собственной администраціи, и въ концѣ-концовъ эти нищіе съ официальнымъ доходомъ по 600 франковъ на душу содержатся Albergo dei Poveri такъ возмутительно, что при первой возможности они безъ оглядки бѣгутъ оттуда въ непроглядную тьму и зловоіе своихъ фондаковъ, гротовъ и локандъ... По расчетамъ г-жи Вэйтъ-Маріо, бюджетъ издержекъ неаполитанскаго дѣтскаго пріюта Annunziata, гдѣ ежегодно умираетъ болѣе $82\frac{0}{0}$ всего числа содержащихся въ немъ дѣтей, распредѣляется такъ, что на содержаніе самихъ питомцевъ не остается и 12,000 франковъ въ годъ изъ того $\frac{1}{2}$ миліона, которымъ располагаетъ это благотворительное учрежденіе. Очевидно, одно дѣло общественная благотворительность, говорящая спичи и проповѣди, танцующая и поющая въ пользу бѣдняковъ; другое дѣло — дѣтская безпомощность и нищета, которой

мы собственно и посвящаемъ эти статьи. И до сихъ поръ еще намъ не удалось уловить между той и другой надлежащей точки соприкосновенія.

VIII.

Можно смѣло утверждать, что во всѣхъ отчетахъ путешественниковъ о бытѣ самыхъ отдаленныхъ и самыхъ свирѣпыхъ дикарей мы найдемъ немного такихъ возмутительныхъ, подавляющихъ картинъ, какими переполнена книга г-жи Вейтъ-Маріо. Конечно, дикари тоже имѣютъ свое мальтузіанство, но только оно у нихъ проявляется гораздо проще, безцеремоннѣе, неприкрываясь лоскомъ фарисейскаго лицемерія и садукейскаго мертвящаго буквѣдства, а потому оно и не оставляетъ такого непріятнаго впечатлѣнія. Они попросту избиваютъ тотъ излишекъ своихъ дѣтей, который они не въ состояніи прокормить и воспитать удовлетворительно по своимъ понятіямъ. Но они, по крайней мѣрѣ, не осуждаютъ ихъ на медленную смерть такими лишеніями, которыхъ не знаетъ ни зеландецъ, ни зулусъ. Они не тратятъ труда и усилій на то, чтобы сперва создать въ средѣ своего общества цѣлую рать остервепѣлыхъ человѣкоподобныхъ существъ, а потомъ травить эти самыя существа съ роскошью юридической и криминалистической обстановки.

Однако, допустимъ, что эти *fondaci bassi* и гроты составляютъ мрачную особенность Неаполя, печальное наслѣдство, оставленное этой блаженной странѣ вѣковымъ деспотизмомъ Бурбоновъ. Допустимъ, что книга г-жи Вейтъ-Маріо представляетъ болѣе этнографическій, чѣмъ общій социологическій интересъ и что подобнаго этимъ вертепамъ не отыщется ничего въ лучше устроенныхъ европейскихъ столицахъ. Небольшая книга, „*Сомогга е Mafia*“ *), изданная въ прошломъ году молодымъ итальянскимъ публицистомъ, г. Анжело Умильта, професоромъ нефшательской академіи, однакожь убѣждаетъ насъ, что нищета, которую мы только что видѣли въ Неаполѣ, —хоть она и отличается можетъ-быть какими-нибудь самостоятельными чертами и красками,—въ цѣломъ, тѣмъ

*) Мафією называется воровская асоціація, дѣлающая еще и въ настоящее время много шума въ Сициліи и на нѣкоторыхъ другихъ итальянскихъ островахъ.

не менѣе, гармонируетъ съ общею картиною итальянской труженнической жизни. Работники Милана, Турина, Венеціи, особенно-же дѣти этихъ и многихъ другихъ итальянскихъ городовъ, бѣдствуютъ можетъ быть нѣсколько иначе, но едвали бѣдствуютъ меньше, чѣмъ ихъ неаполитанскіе собратья и сверстники.

Но оставимъ Италію. Страна эта слишкомъ недавно вышла еще изъ своего угнетеннаго политическаго положенія, когда націоналистическая агитація одна поглощала лучшія ея силы, и когда желаніе избавиться во что-бы то ни стало отъ полудюжины мѣстныхъ и чужеземныхъ деспотовъ и тирановъ не оставляло ей ни досуга, ни возможности серьезно заняться разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Очевидно, не здѣсь современная цивилизація сказала свое послѣднее слово, и экономическое положеніе итальянскихъ труженническихъ массъ по праву можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе бѣдственныхныхъ во всей просвѣщенной Европѣ. Это, между прочимъ, очень наглядно явствуетъ изъ нижеслѣдующаго статистическаго разсчета экономиста Боккардо:

Работникъ на 100 единицъ продукта получаетъ	Капиталистъ.	Государство.
въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки	72;	25; 3;
„ Англіи	56;	21; 23;
„ Франціи.	47;	36; 17;
„ Италіи	17;	? ?

Такимъ образомъ, мы съ достаточною опредѣленностью можемъ сказать, что средній итальянскій рабочій обставленъ въ $2\frac{3}{4}$ раза хуже французскаго и почти въ $3\frac{1}{2}$ раза невыгоднѣе англійскаго.

Обратимся теперь къ Франціи и Англіи, гдѣ экономической и политической прогрессъ безспорно достигъ высшаго изъ осуществленныхъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, предѣловъ, гдѣ, слѣдовательно, никакія подобныя соображенія и возраженія не могутъ затенять ясности и убѣдительности тѣхъ выводовъ, которые мы въ состояніи будемъ получить. Но тутъ мы съ первыхъ-же шаговъ встрѣчаемъ довольно существенное затрудненіе. Именно за эти послѣдніе годы, какъ въ Англіи такъ и во Франціи, вопросъ о положеніи обездоленныхъ дѣтей выступилъ на очередь съ неотразимою силою. Лучшіе умы сосредоточиваютъ на немъ свое вниманіе и энергію. Правительства этихъ обѣихъ странъ, чуткія къ голосу общественнаго мнѣнія, оказы-

ваются вынужденными ежегодно принимать множество новых законодательных мѣръ. Благодаря этимъ частнымъ поправкамъ и реформамъ, данныя, полученныя всего какихъ-нибудь пять или шесть лѣтъ тому назадъ, могутъ считаться уже устарѣлыми. Центръ тяжести вопроса оказывается уже переищеннымъ; отношеніе общественнаго мнѣнія къ самой сущности этого рокового вопроса стало совсѣмъ инымъ. Литература не всегда успѣваетъ слѣдить за всѣми перипетіями и измѣненіями, которымъ невольно подвергается этотъ соціальный принципъ. Къ тому же вопросъ о несчастныхъ дѣтяхъ давно уже служитъ здѣсь поприщемъ, на которомъ политическія партіи и разные отгѣвныя религіозныхъ воззрѣній ведутъ между собою ожесточенную борьбу. Дженкинсъ очень удачно осмѣлялъ ее въ своемъ извѣстномъ памфлетѣ „Джинксовъ владенецъ“, но все это мало подвигаетъ впередъ того, кто, не имѣя возможности дѣлать самостоятельныя наблюденія и изслѣдованія, пожелаетъ составить себѣ возможно точное и безпристрастное понятіе о дѣйствительномъ положеніи вещей.

Не надо забывать, что, по крайней мѣрѣ, во Франціи, двери тѣхъ трущобъ, въ которыхъ гнѣздятся и гибнутъ безпомощность и нищета, отворяются далеко не передъ каждымъ непосвященнымъ. Непосредственныя наблюденія надъ этими печальными убожищами и вертепами положительно невозможны, по крайней мѣрѣ, безъ пассивнаго содѣйствія префектуры и полиціи, а парижскія власти съ нѣкоторыхъ поръ (т. е. со времени республиканскаго вѣдѣнія въ нѣкоторыхъ радикальныхъ органахъ крупныхъ полицейскихъ скандаловъ) стали очень разборчивы и строже чѣмъ когда-нибудь держаться поговорки, что „грязное бѣлье нужно перемыть въ своей семьѣ“. Изслѣдователь ненадлежащаго прихода, который бы вздумалъ безъ полицейскаго разрѣшенія затесаться въ эти тайники, напримѣръ, въ Парижѣ, не только не достигъ бы своей цѣли, но даже неизбежно подвергся бы разнообразнымъ и очень существеннымъ непріятностямъ. Здѣсь нельзя не замѣтить кстати, что школа романистовъ псевдо-реалистическаго или, вѣрнѣе, такъ называемаго *натуральнаго* направленія съ своимъ знаменитымъ вождемъ, Эмилемъ Золя, во главѣ не даетъ намъ даже такой картины новѣйшей парижской трущобной жизни, какую въ тридцатыхъ годахъ удалось набросать Евгенію Сю и нѣкоторымъ изъ наиболѣе даровитыхъ его послѣдователей.

Виконтъ д'Оссонвиль, о работахъ котораго мы уже говорили на предъидущихъ страницахъ, принадлежитъ къ числу немногихъ избранниковъ, которыхъ парижская префектура и сама грозная „полиція нравовъ“ сочли достойнымъ своего довѣрія. А потому мы и беремъ его книгу о дѣтствѣ въ Парижѣ (L'Enfance à Paris) въ руководство при замышляемой нами экскурсіи въ область парижскихъ трущобъ. Къ сожалѣнію, почтенный виконтъ, обладающій многими очень похвальными качествами и наблюдателя, и стилиста, далеко не всегда надежный руководитель въ подобномъ дѣлѣ. Непревлонный въ умѣренномъ своемъ легитимизмѣ, онъ еще способенъ отнестись порою безпристрастно къ нѣкоторымъ начинаніямъ второй имперіи, но онъ самъ вполне убѣжденъ и всячески стремится убѣдить своихъ читателей, будто все совершающееся во Франціи за послѣдніе десять лѣтъ есть только продуктъ необузданной анархіи и революціонной крамолы. Кромя того, этотъ авторъ въ сильной степени зараженъ встрѣчающейся только у нѣкоторыхъ французовъ *полициеманією*. Онъ рѣшительно не способенъ признать, что не все полицейское управленіе города Парижа, начиная съ префекта и кончая послѣднимъ городовымъ, состоитъ заурядъ изъ однихъ только героевъ и образцовъ добродѣтели à la Gavogian и что встрѣчаются между ними и простыя смертныя, склонныя порою и солгать, и въ чужой карманъ заглянуть... Эта односторонность, виѣстѣ съ елейнымъ преклоненіемъ передъ фратерами и сестрами всевозможныхъ римско-католическихъ орденовъ, придаетъ всей книгѣ виконта д'Оссонвиля какой-то привкусъ постнаго масла и сальнаго огарка, дѣлающій ее крайне неудобоваримой. „Парижская полиція“, восклицаетъ виконтъ на стр. 218, „не то, что лондонская, которая, за хорошую подачку на водку, готова показать каждому богатому иностранцу всѣ язвы мѣстной нищеты. Вы напрасно стали-бы утруждать ее, если вами руководить одно только праздное любопытство; но зато, если вы дѣйствительно намѣреваетесь предпринять рядъ серьезныхъ изслѣдованій, *которыя полезность она умѣетъ цѣнить*, то она даже даетъ вамъ смѣшленныхъ помощниковъ изъ числа своихъ служителей, которые и на самыхъ низшихъ ступеняхъ не только недоступны подкупу, но и не примутъ отъ васъ никакой подачки“. Намъ однакожь интересуютъ здѣсь не тѣ полицейскіе безсребренники, которыхъ парижская префектура давала въ чичероне и руководители ви-

конту д'Оссонвиллю, а самыя наблюденія, которыя ему удалось сдѣлать подъ ихъ руководствомъ.

Въ Парижѣ, какъ и въ Лондонѣ, какъ и во всѣхъ другихъ благоустроенныхъ городахъ, пріюты для бѣдныхъ, взрослыхъ и дѣтей, состоятъ подъ очень бдительнымъ и иногда довольно сложнымъ надзоромъ; а потому сцены и картины неаполитанскихъ подваловъ и „fondaci bassi“ дѣйствительно не повторяются здѣсь нигдѣ. Зато такъ-называемыя „garnis“, гостиницы и ночлежные пріюты Парижа, повидимому, не далеко ушли отъ тѣхъ неаполитанскихъ локандъ, о которыхъ уже говорено было выше. Въ Парижѣ они имѣютъ два подраздѣленія: „cabinets и chambrées“. Первые должны изображать собою особую комнату, отдаваемую будто бы сполна въ распоряженіе нанимателя и его семейства; а потому они естественно предназначаются для аристократической части посѣтителей этого рода пріютовъ. „Chambrées“ — это общія комнаты, въ которыхъ по нѣскольку посѣтителей живутъ въ повалуку, спать на койкахъ или соломенныхъ тюфякахъ, разложенныхъ на кроватяхъ или просто на полу. Въ дѣйствительности-же, по свидѣтельству д'Оссонвилля, кабинеты эти оказываются крошечными конурами безъ воздуха и свѣта, снабженными однимъ тюремнымъ окномъ, которое въ лучшемъ случаѣ выходитъ на сырой и темный дворъ, вродѣ колодца. Бываетъ и такъ, что окно это выходитъ въ коридоръ или въ общую комнату, такъ что среди бѣла дня въ кабинетахъ этихъ царствуютъ почти полныя потемки. Жильцы тѣмъ не менѣе вынуждены платить за нихъ по 15, по 20 и даже по 25 франковъ въ мѣсяцъ, — непременно впередъ. При малѣйшей просрочкѣ они подвергаются неизбѣжному изгнанію. Днем кабинеты эти совершенно необитаемы; ночью въ нихъ едва-едва можно не задохнуться. „Chambrée“ часто состоитъ изъ довольно большой комнаты, и тогда въ ней помѣщается отъ 15 до 20 кроватей, не считая тюфяковъ, которые въ случаѣ надобности могутъ быть положены въ каждомъ свободномъ уголкѣ для лишнихъ посѣтителей. Но въ старомъ кварталѣ, въ тѣхъ улицахъ, гдѣ ютятся по преимуществу парижскіе санкюлоты, нашему автору случалось видѣть такія „chambrées“, устроенныя на чердакахъ, съ пятью, шестью кроватями, надъ каждой изъ которыхъ не было и одного фута воздуха. Ночлежники тѣмъ не менѣе платятъ по полу-франку за каждую койку. Только въ самыхъ злополучныхъ изъ нихъ можно переноче-

вать за 40 сантимовъ. „Начиная съ 11 час. вечера, говоритъ д'Оссонвиль, атмосфера переполняется какимъ-то острымъ зловоніемъ, отъ котораго у меня воротило съ души даже послѣ того, какъ я успѣлъ освоиться съ такими экскурсіями... Многіе ночлежники спятъ совершенно голые, чтобы сберечь одежду, если на кровати есть какое-нибудь подобіе простыни или одѣяла; другіе же, напротивъ, вовсе не раздѣваются, такъ-какъ постель ихъ состоитъ только изъ соломы и тряпья“.

Законы благочинія не позволяютъ женщинамъ и мужчинамъ ночевать въ одной общей спальнѣ; но это предписаніе не распространяется на „кабинеты“; такъ-какъ въ своей собственной комнатѣ хозяинъ воленъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые сметливые промышленники пользуются этимъ для того, чтобы вовсе обходить это стѣснительное для нихъ постановленіе: стоитъ только, чтобы самъ хозяинъ ночевалъ въ „chambre“, которая тогда слыветъ за его комнату, и онъ можетъ патоловать въ нее столько жильцовъ всѣхъ возрастовъ и половъ, сколько пошлетъ ему ихъ судьба. Въ улицѣ „Аггас“ д'Оссонвиль видѣлъ небольшую комнату, въ которой ночевало девять душъ: хозяинъ съ женою, четверо взрослыхъ жильцовъ и трое дѣтей, въ томъ числѣ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, спавшая на одной постели съ отцомъ. Другое полицейское постановленіе запрещаетъ содѣлателямъ такихъ пріютовъ въ Парижѣ принимать къ себѣ дѣтей, несопровождаемыхъ какими-нибудь взрослыми поручителями и попечителями. Это постановленіе обходится еще проще, чѣмъ первое, такъ-какъ, въ случаѣ надобности, изъ числа обычныхъ носѣтителей всегда окажется кто-нибудь, готовый выдать себя за отца, дядю или опекуна перваго попавшагося ребенка. Тѣмъ не менѣе, д'Оссонвиль утверждаетъ, что такихъ дѣтей въ ночлежныхъ пріютахъ онъ встрѣчалъ немного. Это, вѣроятно, просто объясняется тѣмъ, что парижскій гамень, маленькій бродяга или воришка, предпочтетъ всегда истратить полъ-франка, если они у него есть, на развлеченіе; ночь онъ проведетъ какъ-нибудь, полагаясь на свое образцовое умѣнье обманывать бдительность непримиримыхъ своихъ враговъ, т. е. полицейскихъ агентовъ. Но зато дѣти въ сопровожденіи большихъ играютъ очень значительную роль въ средѣ населенія „chambres“ и „кабинетовъ“. Въ однои пріютѣ, въ улицѣ Lyonnais, д'Оссонвиль видѣлъ въ

маленькой конурѣ, сажени 2 1/2 въ длину и футовъ 5 въ ширину, мать, отца и пятерыхъ дѣтей, размѣстившихся на двухъ койкахъ. Рядомъ съ ними въ сосѣдней каморкѣ ночевало девять душъ разнаго возраста и пола. Всего ужаснѣе жизнь дѣтей трапичниковъ, которые встрѣчаются въ громадной массѣ между нанимателями помѣсячно такихъ кабинетовъ. Крошечные ихъ чуланы постоянно завалены трапками, подобранными въ кучахъ навоза и всякаго сора. Дѣти очень часто проводятъ цѣлые дни, запертыя вмѣстѣ съ этимъ зловоннымъ хламомъ. Всякаго рода предприниматели уличныхъ представлений, шарманщики, разносчики, нищѣ по ремеслу и т. п., наводняютъ тоже эти убѣжища цѣлыми ватагами дѣтей, которыхъ они выдаютъ за своихъ, но которыя очень часто только эксплуатируются ими. Въ улицѣ de la Clef, возлѣ тюрьмы S-te-Pélagie, такъ хорошо извѣстной радикальнымъ французскимъ журналистамъ, д'Оссонвилъ встрѣтилъ цѣлую артель итальянскихъ натурщиковъ и натурщицъ, кутившуюся чуть не въ-повалку въ крошечномъ чуланѣ. Ихъ было всего девять душъ, въ томъ числѣ семеро дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 12 до 16-ти-лѣтняго возраста. Ихъ щеголеватые костюмы были тщательно развѣшаны, ради экономіи, на нарочно растянутыхъ для этого веревкахъ. Самые-же жители щеголяли дома въ несложномъ нарядѣ нашихъ предковъ до грѣхопаденія и даже безъ виноградныхъ и фиговыхъ листьевъ. А между тѣмъ, каждый изъ членовъ этой семьи или артели зарабатываетъ въ день по десяти франковъ отъ художниковъ, пишущихъ или лѣпящихъ съ нихъ своихъ Венеръ, Психей, Амуровъ и т. п.

Разбираемый нами французскій авторъ относится довольно скептически къ тѣмъ слухамъ, которые ходятъ въ парижской публикѣ о систематически-организованной будто-бы эксплуатаціи дѣтей разнаго рода предпринимателями: нищими, бродячими музыкантами, комедиантами и пр. Однакожъ, нѣкоторые факты, сообщаемые имъ самимъ, оправдываютъ скорѣе эти слухи, чѣмъ его скептицизмъ. Такъ, напримеръ, исторія съ маленькими итальянскими музыкантами, которыхъ одинъ парижскій антрепренеръ нарочно выписывалъ изъ Базиликаты, чтобы потомъ разсылать ихъ съ арфами и скрипками не только по парижскимъ улицамъ, но и по различнымъ городамъ Франціи и средней Европы, очевидно, не можетъ быть отнесена къ числу вымысловъ. Правда, она въ нѣсколько

разукрашенномъ видѣ послужила канвою для известнаго романа; но въ то-же самое время вопросъ о торговлѣ итальянскими дѣтьми, сбываемыми по-преимуществу въ Парижѣ, какъ суданскіе невольники и невольницы сбываются на египетскихъ рынкахъ, былъ поднятъ и въ парижской префектурѣ и въ итальянскомъ парламентѣ.

О пресловутыхъ перестройкахъ Парижа наполеоновскимъ префектомъ Гаусманомъ говорятъ очень много. Сомнительно, однакожь, чтобы онѣ оказали существенное и благое вліяніе на снабженіе парижскихъ дѣтей воздухомъ и свѣтомъ. Тѣ логовища, которыя описываетъ д'Оссонвиль, немного выиграли отъ того, что самыя улицы стали нѣсколько свѣтлѣе и просторнѣе. Если какое-нибудь крошечное улучшение отъ этого и произошло, то оно исчезаетъ, какъ капля въ морѣ, въ тѣхъ ухудшеніяхъ, которыя повела за собой дороговизна квартиръ въ реставрированныхъ кварталахъ Парижа. Да едва-ли можетъ быть лестно для самолюбія этой просвѣщеннѣйшей всемірной столицы, что при всѣхъ этихъ перестройкахъ, самыя неотъемлемыя права сотенъ тысячъ парижскихъ дѣтей имѣлись такъ-же мало въ виду, какъ мало думаетъ домохозяинъ объ удобствахъ сверчковъ, крысъ и мышей, когда онъ затѣваетъ передѣлать заново свой домъ.

IX.

Мы сказали выше, что въ Парижѣ, какъ и въ Лондонѣ, убѣжища и гостиницы для бѣдныхъ состоятъ подъ бдительнымъ надзоромъ городскихъ властей. Читатель могъ легко убѣдиться, однакожь, изъ показаній, заимствованныхъ нами у д'Оссонвиля, что надзоръ этотъ все-таки далеко не даетъ тѣхъ благихъ результатовъ, которыхъ мы были-бы въ правѣ отъ него ожидать. Было-бы натяжкой, можетъ быть, приравнивать парижскіе „кабинеты“ и *chambres* къ неаполитанскимъ гrotto и *fondaci bassi*, но отъ „локандъ“, какъ мы уже видѣли, они очень не далеко ушли. Во всякомъ случаѣ, даже самый завзятый оптимистъ не рѣшится выдавать ихъ за убѣжища, сколько-нибудь пригодныя для жизни культурнаго поколѣнія вообще, а въ особенности подросткающаго культурнаго человѣчества. Дарвинизмъ уже давно долженъ-бы былъ

пріучить насъ смотрѣть на человѣка, какъ на продуктъ той нравственной и матеріальной среды, изъ которой онъ черпаетъ элементы для своего развитія. Каковы-же могутъ быть продукты этой прожглой, сирадной, удушающей атмосферы, которую осуждены дышать десятки, а можетъ быть, и сотни тысячъ молодыхъ парижанъ, все равно подъ какою-бы статистическою рубрикою ни числились они въ нашихъ ученыхъ трактатахъ?—Не имѣютъ-ли они полнѣйшаго и законнѣйшаго основанія завидовать самымъ отсталымъ и наиболѣ презираемымъ нами краснокожимъ и чернокожимъ дикарямъ? Не вопіющее-ли варварство цивилизаціи—тратить десятки миліоновъ на сооруженіе какой-нибудь *Nouvel Orega*, когда не оказывается въ запасѣ десятковъ тысячъ на то, чтобы снабдить будущихъ гражданъ самыми необходимыми и элементарными условіями всякаго здороваго развитія?

Здѣсь мы должны пояснить, что надзоръ парижскій и надзоръ англійскій очень существенно разнятся между собою—не въ смыслѣ бдительности, а въ смыслѣ тѣхъ идеаловъ, которыми руководятся въ этомъ дѣлѣ англійское и французское общества. Парижскій надзоръ—чисто-административный, полицейскій. Префектура здѣсь очень настойчиво желаетъ знать имя, званіе и общественное положеніе каждаго изъ ночлежниковъ, временно или постоянно посѣщающаго тотъ или иной пріютъ. Понятно, что такое знаніе очень удобно для сыскной полиціи, когда дѣло идетъ о поимкѣ того или другого преступника, ловко укрывающагося отъ преслѣдованій. Въ этомъ случаѣ полиція, такъ-сказать, борется за свою шкуру, а потому и неудивительно, что этотъ административный надзоръ доведенъ здѣсь почти до невѣроятнаго артистическаго совершенства. Въ каждую данную минуту префектура очень легко и вполне основательно можетъ знать, гдѣ проводилъ свое время тотъ или другой травимый ею бѣднякъ. Горе тому хозяину, который не доставилъ-бы ея агентамъ всѣхъ, требуемыхъ отъ него свѣдѣній. Полиція снабжена достаточною властью, чтобы закрыть тотчасъ-же его заведеніе и лишить его права содержать подобное заведеніе впредь. Въ этомъ, дѣйствительно интересномъ и важномъ для нея, дѣлѣ она не даетъ обмануть себя никакими уловками. Замѣтимъ, что подобнаго надзора въ Лондонѣ не существуетъ или, вѣрнѣе, онъ исходитъ изъ совершенно другого принципа, свойственнаго политической свободѣ и гражданскимъ тра-

дпціямъ этой страны. Бродяга, заплатившій три пенса за койку въ ночлежномъ пріютѣ, считается по англійскимъ законамъ у себя at home, точно такъ-же, какъ и лордъ въ своемъ наслѣдственномъ замкѣ. Полисменъ или detestiv (сыскной агентъ), который вздумалъ-бы приставать къ нему или къ хозяину съ нескромными вопросами, рискнулъ-бы получить бокса или подвергнуться судебному преслѣдованію. Короче говоря, англійской полиціи нѣтъ безусловно никакого дѣла до всего того, чѣмъ однимъ только и интересуются агенты префектуры по сю сторону Ламанша. И наоборотъ: англійскій надзоръ начинается именно тамъ, куда своего носа не суесть французская полиція...

Другой народъ — другіе нравы. Неподкупный французскій агентъ счелъ-бы, вѣроятно, себя даже обиженнымъ, если-бы вы вздумали обратить его вниманіе на то, что въ извѣстномъ пріютѣ (собственно говоря, въ любомъ изъ парижскихъ пріютовъ) не соблюдаются самыя элементарнѣйшія гигиеническія условія, что какая нибудь прилипчивая болѣзнь, случайно занесенная сюда однимъ злополучнымъ ребенкомъ, неизбежно должна распространиться на значительное число его товарищей по „кабинету“ или по chambre, и такъ-какъ эти сонночлежники не преминутъ разбрестись слѣдующимъ-же утромъ по всѣмъ концамъ города, то и ядовитые миазмы будутъ разнесены въ отдаленнѣйшія части столицы. Строгій Видокъ заглядываетъ сюда вовсе не для того, чтобы заботиться объ удобствахъ и комфортѣ этой сволочи. Правда, онъ строгій законникъ, но законъ вовсе не поручалъ ему наблюдать надъ тѣмъ, что подлежитъ вѣдомству комисіи общественнаго здоровья. Сколько коекъ хозяинъ ухитрился помѣстить въ одну крошечную комнату, — до этого въ Парижѣ никому нѣтъ дѣла, потому что поманутая выше комисія, собственно говоря, должна только наблюдать, чтобы при постройкѣ зданій не были нарушаемы извѣстныя гигиеническія требованія. Полиціи поставляется въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы требованія общественной нравственности были исполняемы въ ночлежныхъ пріютахъ, т. е. чтобы женщины не спали въ повалку съ мужчинами, чтобы дѣти не впускались одни, безъ поручителей. Мы уже видѣли, что въ исполненіи этой обязанности, она оказывается гораздо менѣе проницательною и гораздо болѣе покладистою, чѣмъ можно было-бы ждать отъ щепетильнаго Жавера. Это объясняется очень просто: французская по-

лиція сама нисколько не заинтересована соблюденіемъ этихъ предписаній и понимаетъ очень хорошо, что начальство установило этого рода надзоръ только ради соблюденія извѣстной формальности.

Въ послѣднемъ легко убѣдиться, взглянувъ на то, какъ сама парижская префектура обращается съ дѣтьми, ежечасно попадающими въ ея распоряженіе, т. е. съ маленькими бродягами и несовершеннолѣтними преступниками, подбираемыми на улицѣ ея агентами. Дѣтское помѣщеніе въ центральномъ парижскомъ депо арестантовъ едва-ли не хуже самаго неудовлетворительнаго изъ нищенскихъ *garnis* въ гигиеническомъ отношеніи. „Когда устраивалось это депо, планъ Palais de Justice съ его величественнымъ фасадомъ, выходящимъ на улицу Dauphine, былъ уже составленъ; надо было во что-бы то ни стало помѣстить хотя-бы часть этого депо въ пространствѣ подъ лѣстницею. Ради этой необходимости пришлось пожертвовать очень многимъ. Поднимающіеся теперь по этой великолѣпной лѣстницѣ не знаютъ, какое печальное населеніе копошится у нихъ подъ ногами и какъ мало были приняты въ расчетъ существеннѣйшія нужды этого населенія при устройствѣ самаго зданія. Дѣти болѣе другихъ пострадали отъ недостаточности мѣста, отведеннаго подъ депо. По правдѣ говоря, для нихъ здѣсь не имѣется никакого особаго помѣщенія, и ихъ просто разсовали, куда только было можно“ (д’Оссонвиль, стр. 198). До сорока мальчиковъ были запираемы на нѣсколько сутокъ вмѣстѣ, въ тѣсной комнатѣ нижняго этажа съ совершенно недостаточною вентиляціею и съ недостаточнымъ количествомъ коекъ. Доктора дѣтской тюрьмы Petite Roquette, куда нѣкоторая часть этихъ дѣтей поступила потомъ по судебному приговору, были возмущены легко понятными послѣдствіями такого размѣщенія. Центральное депо стало разсадникомъ отвратительныхъ навозныхъ болѣзней: чесотка и короста стали какими-то національными хроническими недугами парижскихъ дѣтей, для которыхъ оказалось необходимымъ устраивать особня убѣжища и больницы. Уступая общественному негодованію, префектура вынуждена была перенести депо арестованныхъ мальчиковъ въ одну изъ немного болѣе просторныхъ залъ бельэтажа. Но въ отношеніи вентиляціи она оказывается еще хуже прежней: крошечныя окна не даютъ ни воздуха, ни свѣта; лѣтомъ жара дѣлается нестерпимою, и бѣд-

ныя дѣти чуть не задыхаются подъ низкими сводами. Что-же касается помѣщенія дѣвочекъ, то оно до того плохо, что мало-мальски сердобольный полицейскій агентъ не рѣшается даже отводить туда маленькихъ арестантовъ скольконибудь приличнаго вида и слабаго сложенія, а сдаетъ ихъ въ больницу.

Нельзя изцѣлять общественныя язвы однѣми законодательными мѣрами, говорятъ намъ на каждомъ шагѣ. Какъ и всѣ ходячія истины, точно также и эта, безспорно, заключаетъ въ себѣ значительную долю правды, но она существенно грѣшитъ тѣмъ, что ее очень удобно можно приплетать ни къ селу, ни къ городу, только для прикрытія общественной косности, равнодушія или лицемерія. Само собою разумѣется, что если законодательныя мѣры навѣвываются какъ бы съ вѣтру, что если между этими законодательными мѣрами и общественнымъ сознаніемъ не существуетъ никакой живой органической связи, то онѣ навсегда останутся мертвою буквой. Мы вовсе не раздѣляемъ оптимистской мечты виконта д'Оссонвиля, полагающаго, будто стоятъ только французскимъ законодателямъ перенять нѣсколько благоразумныхъ мѣръ отъ своихъ за-ламанскихъ сосѣдей, расширить внѣшній полицейскій надзоръ надъ жилищами для бѣдныхъ вообще и для бѣдныхъ дѣтей въ частности, включивъ въ него и тѣ гигиеническія соображенія, которыми только и интересуются полицейскіе наблюдатели въ Лондонѣ, — и что тогда важное дѣло снабженія бѣдныхъ городскихъ дѣтей свѣтомъ, воздухомъ и прочими элементарными условіями органическаго существованія пойдетъ какъ по маслу. Примѣръ Лондона и въ этомъ частномъ случаѣ убѣждаетъ насъ, что законодательныя мѣры могутъ быть очень дѣйствительны и полезны, но только въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ служатъ практически исполнительною обязательною формулою для того, что уже назрѣло въ общественномъ сознаніи. Очень недавно еще было то время, когда лондонскія жилища для бѣдняковъ служили разсадникомъ физической и нравственной заразы не хуже неаполитанскихъ подваловъ. Но энергическіе люди обратили вниманіе англійскаго общественнаго мнѣнія на этотъ печальный вопросъ, и солидныхъ англійскихъ буржуа обуялъ стыдъ и ужасъ, не за тѣхъ дѣтей, которыхъ морили въ этихъ смрадныхъ клоакахъ, а за самихъ себя. Что-же касается отношенія англійскаго законодательства къ этому вопросу, то оно остается и

до сихъ поръ крайне одностороннимъ и эгоистическимъ. Всѣ благія преобразованія, исполненныя за послѣдніе годы при посредствѣ нѣсколькихъ парламентскихъ актовъ и билей, имѣютъ въ виду вовсе не снабженіе городскихъ дѣтей достаточнымъ количествомъ воздуха и свѣта, необходимыхъ для ихъ правильного развитія, а только самосохраненіе порядочныхъ людей, успѣвшихъ понять, что ради собственной своей безопасности и благополучія, они не могутъ больше терпѣть въ своемъ городѣ такихъ безобразныхъ вертеповъ. Въ этихъ размѣрахъ новѣйшее англійское законодательство совершило дѣйствительно чудеса. Нѣкоторыя изъ этихъ чудесъ дались ему очень легко. Такъ, наприимѣръ, непомѣрное развитіе кожныхъ болѣзней между дѣтьми, (составляющее въ Парижѣ и теперь еще одну изъ возмутительныхъ повальныхъ язвъ) было просто приостановлено тѣмъ, что законъ повелѣлъ каждому ребенка, попавшагося въ workhaus или въ арестантское депо тотчасъ же обмывать въ теплой ваннѣ. Другія-же мѣры, напротивъ, потребовали громадныхъ жертвъ и усилій; пришлось брать чуть не приступомъ цѣлый кварталъ: скупать и ломать множество старыхъ домовъ, которые никакими улучшеніями не могли быть обращены въ порядочныя человѣческія жилища. Но законодатели ясно видѣли цѣль, къ которой они шли, и чувствовали за собою всесильную поддержку общественнаго мнѣнія. Неудивительно, что пріюты и помѣщенія для бѣдныхъ въ Лондонѣ совершенно преобразились въ нѣсколько лѣтъ, и теперь даже такой предубѣжденный парижанинъ, какъ виконтъ д'Оссонвилль, долженъ признать ихъ образцовыми...

Въ Парижѣ, въ сороковыхъ годахъ, вопросъ о матеріальныхъ и нравственныхъ подробностяхъ быта тѣхъ столичныхъ бѣдняковъ, которыхъ Евгеній Сю изображалъ въ своихъ „Парижскихъ Тайнахъ“, тоже сильно занималъ и общественное мнѣніе, и законодателей. Тогда было время, когда Франція рѣшительно стояла во главѣ движенія, имѣвшаго цѣлью отрѣшиться нашу цивилизацію отъ самыхъ возмутительныхъ остатковъ варварства, позорящихъ ее въ глазахъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Но парижскій Прюдомъ, очень чуткій и пугливый въ политическомъ отношеніи, заинтересовался этимъ дѣломъ вовсе не съ той стороны, съ какой лондонскій джентльменъ изъ Сити: онъ только понималъ, что у него подъ ногами копошится уродливый, нищенскій міръ, обуръ-

важній б'шенними революціонними страстями, спартанскою местию. Онъ и поспѣшилъ отдать этотъ міръ подъ строжайшій полицейскій надзоръ, обязанный ограждать и предупреждать его, когда наступитъ вѣчно ожидаемый *dies irae*...

Только въ послѣдніе годы немногіе піонеры современной соціальной идеи начинаютъ настойчиво и категорически пояснять намъ, что послѣ вопроса о продолженіи человѣческаго рода, самымъ существеннымъ является вопросъ о сохраненіи его, т. е. о предупрежденіи тѣхъ уродливыхъ вырожденій, о которыхъ такъ краснорѣчиво пишетъ нѣмецкій гигиенистъ Эдуардъ Рейхъ и множество другихъ антропологовъ, публистовъ, криминалистовъ и т. п. Эти-же вырожденія только и могутъ быть предупреждены тѣмъ, что если всякое юное человѣческое существо, безъ различія гражданскихъ и сословныхъ правъ, будетъ снабжено достаточнымъ количествомъ элементовъ, существенно необходимыхъ для всякаго органическаго развитія. Элементы эти многочисленны и многообразны; но изъ нихъ наибольшую полезностью при наименьшей рыночной цѣнѣ обладаютъ два: воздухъ и свѣтъ, неподлежащіе капиталистической пропорціи. Дикая жизнь всегда въ изобиліи снабжаетъ ими своихъ дѣтей. Наша культурная жизнь обязана, по крайней мѣрѣ, поравняться съ ней въ этомъ отношеніи; иначе вся наша блестящая цивилизація можетъ задохнуться въ тѣхъ міазмахъ, гдѣ болѣзненно уродуются и медленно вымирають подростующіе ея борцы.

V.

Мы не видимъ никакой возможности высчитать, хотя-бы приблизительно, число городскихъ дѣтей, осужденныхъ проводить большую часть своей жизни въ этихъ „кабинетахъ“ и *chambres*, которые въ Лондонѣ устроены нѣсколько лучше, чѣмъ въ Парижѣ и стоятъ притомъ, по крайней мѣрѣ, сравнительно, немного дешевле. Средняя цѣна ночлежныхъ пріютовъ, въ Парижѣ взимающихъ отъ 40 до 50 сантимовъ съ своихъ посѣтителей, въ Лондонѣ составляетъ всего только *три пенса*. Не малое количество дѣтской безпомощности и нищеты кроется въ такихъ убѣжищахъ, надъ которыми совершенно невозможенъ какой-бы то ни было над-

зорь и ознакомить съ которыми насъ можетъ только случайность. Многими было уже замѣчено, что тѣ улицы и кварталы нашихъ городовъ, гдѣ мы встрѣчаемъ всего больше дѣтей, безъ дальнѣйшихъ справокъ могутъ быть сочтены за самые нищенскіе кварталы. За послѣднее время не въ однихъ только первоклассныхъ столицахъ Европы, но и во многихъ второстепенныхъ городахъ, истрачиваются значительныя суммы, чтобы хоть отчасти избавить жителей отъ скученности и спертости воздуха, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ. Но на благополучіе дѣтей недостаточныхъ классовъ населенія эти мѣры не оказываютъ почти никакого вліянія. Подвалы и чердаки, въ которыхъ гнѣздится это недостаточное населеніе, не становятся здоровѣе оттого, что сами улицы и площади нѣсколько расширены и что въ болѣе или менѣе отдаленномъ ихъ сосѣдствѣ устроены какой-нибудь щегольскій скверъ или паркъ. Грандіозныя перестройки Парижа, стоившія городу нѣсколькихъ миллиардовъ, имѣли своимъ неожиданнымъ косвеннымъ послѣдствіемъ созданіе на окраинахъ столицы какого-то не то кочевья, не то предмѣстья, имѣющаго нѣкоторое сходство съ стойбищами кочевыхъ киргизовъ. Когда дома старыхъ кварталовъ, осужденные на словъ предприимчивымъ префектомъ второй имперіи, были разрушены, то населявшіе ихъ бѣдняки, не имѣя средствъ, чтобы снять себѣ квартиру въ новыхъ свѣтлыхъ частяхъ города, должны были перебраться на эти окраины, гдѣ прежде не существовало почти никакихъ построекъ, кромѣ хлѣбовъ и конюшенъ, окруженныхъ огромными пустырями. Земля здѣсь цѣнилась дешево, и бѣдняки, обладавшіе хоть какими-нибудь средствами, покупали небольшіе ея вѣлочки; но построить на нихъ что-нибудь похожее на домъ они не имѣли никакой возможности. Съ изобрѣтательностью, изощряемою нуждою, они, однакожь, сумѣли пріобрѣсти нѣсколько старыхъ досокъ, камней, остатковъ разрушенныхъ здавій или товарныхъ желѣзнодорожныхъ вагоновъ, отслужившихъ свой срокъ. Изъ этихъ матеріаловъ они сколотили себѣ конуры и шалаши самага причудливаго вида. Въ населеніи этихъ новыхъ кварталовъ дѣти играютъ рѣшительно преобладающую роль. Можно было-бы предположить, что здѣсь, вдали отъ городской скученности и тѣсноты, они живутъ въ нѣсколько лучшихъ гигиеническихъ условіяхъ. Но на бѣду родители этихъ дѣтей почти всѣ занимаютъ какимъ-нибудь грязнымъ и нездоровымъ

ремесломъ. Большая часть изъ нихъ тряпичники. Шалашъ, въ которомъ они живутъ вмѣстѣ съ многочисленнымъ семействомъ, обыкновенно служитъ и складомъ для собираемаго ими тряпья. Дѣти проводятъ всю свою жизнь въ перебираниі и перемываніи всякихъ отрепьевъ, подобранныхъ въ сорныхъ кучахъ. Уже приближаясь къ этимъ новымъ кварталамъ, вы чувствуете совершенно особенный, отталкивающій и удушливый запахъ.

Дѣтей, вовсе неимѣющихъ никакого убѣжища въ Парижѣ и Лондонѣ, официальные статистики насчитываютъ, сравнительно говоря, очень не много, — всего отъ 1,700 до 3,000 въ годъ. Мы, однако, уже видѣли, какъ мало имѣютъ значенія статистическія цифры вообще въ интересующемъ насъ вопросѣ. Общественное мнѣніе въ руководящихъ интеллигентныхъ кружкахъ самыхъ просвѣщенныхъ столицъ Европы еще не выработало себѣ опредѣленнаго отношенія, прочной и раціональной точки зрѣнія (того, что нѣмцы называютъ Standpunkt) въ этомъ вопросѣ. Статистика не можетъ идти впереди общественнаго сознанія, и рубрики ея по отношенію къ интересующимъ насъ здѣсь дѣтамъ по необходимости сбивчивы, перепутаны, случайны. Каждый наблюдатель, сколько-нибудь интересующійся вопросомъ о бродяжничествѣ или бездомничествѣ дѣтей, не задумается ни на минуту утверждать, что по улицамъ Парижа и Лондона скитаются, по меньшей мѣрѣ, до десяти тысячъ дѣтей, неимѣющихъ никакого пристанища, никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ существованію. По показаніямъ-же официальной статистики, въ Парижѣ цифра маленькихъ бродягъ, вмѣстѣ со всѣми другими несовершеннолѣтними преступниками, колеблется довольно правильно изъ года въ годъ вокругъ 1,800. Въ этой графѣ, однакожь, немало оказывается такихъ дѣтей, которыя бѣжали изъ дома, всего чаще отъ нищеты, но иногда и отъ одного только жестокаго обращенія съ ними сравнительно обезпеченныхъ родителей. Очень многіе изъ маленькихъ бродягъ попадаютъ въ руки полиціи по нѣскольку разъ въ годъ. По расчету 1877 года видно, что изъ 1716 всѣхъ дѣтей ниже шестнадцати-лѣтнаго возраста, прошедшихъ черезъ центральное депо арестантовъ въ Парижѣ, 305 были арестованы во 2 разъ, 151 въ 3-й, 70 въ 4-й и 136 въ 5-й и болѣе. Между ребятишками отъ 12 до 15-ти-лѣтнаго возраста оказывались даже такіе, которые успѣвали побывать въ когтяхъ полиціи по

10 и по 12 разъ и даже неоднократно выступали въ роли подсудимыхъ передъ судомъ исправительной полиціи или передъ уголовнымъ.

Отсутствіе въ общественномъ мнѣніи рациональной, твердо установленной точки зрѣнія по отношенію къ дѣтскому вопросу нигдѣ не обнаруживается въ такой наглядной, въ такой возмутительной формѣ, какъ въ той процедурѣ, которой подвергаются въ Англіи и во Франціи дѣти, обвиняемые въ мелкихъ преступленіяхъ, т. е., главнымъ образомъ въ бродяжничествѣ, прошеніи милостыни на улицахъ и воровствѣ. Совершивъ болѣе тяжкое преступленіе, ребенокъ, самъ того невѣдая, оказалъ своимъ судьямъ и блюстителямъ общественнаго порядка очень существенную услугу: онъ вывелъ ихъ изъ самаго комическаго положенія, въ какомъ только можетъ находиться блюститель правосудія, облеченный въ величественный напудренный парикъ. Его осуждаютъ по закону, смягчивъ слѣдующее ему наказаніе на соотвѣтственное количество ступеней, во вниманіе дѣтской его неопытности и неразумія. И строгая Фемида удовлетворена, и судъ высказалъ снисхожденіе къ дѣтской слабости. Но какъ быть съ крошечнымъ мальчуганомъ или дѣвчонкой, являющимися среди грозной обстановки суда единственно потому, что имъ негдѣ было переночевать, кромѣ какъ на скамейкѣ какого-нибудь общественнаго сада или бульвара?

Извѣстный французскій карикатуристъ Домье, недавно умершій, очень удачно уловилъ въ остроумномъ рисункѣ тотъ комическій контрастъ, который бросается въ глаза при видѣ грозныхъ жандармовъ, судей въ ихъ мантияхъ и допотопныхъ парикахъ и подсудимой востро-глазой и востро-носой дѣвчонки, дѣтъ восьми или десяти, которая вертитъ въ рукахъ конецъ своего изорваннаго передника, лицезѣрно понутивъ голову и обращая на публику взглядъ, полный злой и умной насмѣшки. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что злополучные судьи, конечно, не разъ проклинали въ подобныхъ обстоятельствахъ свою судьбу, если только подъ ихъ торжественною мантиею билось живое человѣческое сердце. Французская юстиція заводитъ своихъ жрецовъ порою въ глухіе переулки, изъ которыхъ выхода съ честью не можетъ существовать. Законъ строго и опредѣлительно говоритъ, что бродяжничество есть проступокъ, наказуемый тюремнымъ заключеніемъ и отдачею виновнаго подъ строгій полицейскій надзоръ, наравнѣ съ

освобожденными каторжниками. Но сердце и житейскій опытъ подсказываютъ, что ребенку не мѣсто въ тюрьмѣ, что даже кратковременное пребываніе въ ней ляжетъ неизгладимымъ клеймомъ на всю его жизнь, что осудить его — значитъ своею рукою вывести на тотъ роковой путь, который пахнетъ кровью и ведетъ къ гильотинѣ. Въ тѣ блаженные сороковые года, когда во Франціи дѣятельно кипѣла мысль и сотни честныхъ душъ, искренно проникнутыхъ горячимъ сочувствіемъ къ горю и страданіямъ ближняго, направляли всю свою энергію на то, чтобы излечить нашу цивилизацію отъ заражающихъ ее остатковъ варварства, много было говорено и не мало было даже сдѣлано для того, чтобы облегчить судьбу осужденныхъ дѣтей, чтобы обратить самую тюрьму въ школу, въ орудіе перерожденія. Великодушныя попытки эти раздѣлили участь всѣхъ благихъ начинаній не съ того конца. Терпѣніе и энергія многихъ отважныхъ бойцовъ разбились о громадность предпринятой ими задачи. Другіе, несдавшіеся до конца, настойчиво шли своею дорогою и сами оказались всѣхъ болѣе удивлены, что она привела ихъ вовсе не въ тотъ лучезарный чертогъ, о которомъ они мечтали... Подоспѣли неблагоприятныя политическія обстоятельства, и дѣло это заглохло само собою. Тюрьма осталась тюрьмой, т. е. орудіемъ наказанія, а не возрожденія, и школою только преступленія и разврата... Взвѣсивъ все это, вспомянувъ, что даже лучшая изъ французскихъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ даетъ громадный процентъ рецидивистовъ и воспитываетъ изъ парижскихъ гаменовъ болѣе воровъ и убійцъ, чѣмъ мирныхъ гражданъ, и судья невольно склоняется къ милосердію и не видитъ сквозь юридическія очки преступленія тамъ, гдѣ его совѣсть усматриваетъ одну безысходную крайность лишенія и нищеты.

Но отпустить маленькаго бродягу или ворышку на свободу — значитъ оставить его беззащитнымъ опять на произволь судьбы, очевидно, оказавшейся уже по отношенію къ нему злобною мачихою, а не нѣжною матерью. Арестъ и болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ центральномъ депо или въ предварительной тюрьмѣ могли во всякомъ случаѣ только уменьшать число вѣроятныхъ шансовъ на благопріятный исходъ борьбы съ искушеніями столицы. Это въ особенности справедливо въ Англіи, гдѣ подлежащія суду дѣти содержатся въ workhouse'axъ или

въ арестантскихъ депо виѣтъ съ самыми тяжкими преступниками... Но какъ-же быть судья? Не можетъ-же въ самомъ дѣлѣ онъ принять въ свою семью каждаго приводимаго къ нему ребенка...

Въ борьбѣ этихъ противоположныхъ соображеній, французскіе судьи, повидимому, чаще всего склоняются къ милосердію. „Неговоря о снисхожденіи, съ которымъ французскіе слѣдователи всегда склонны отнестись къ заблужденіямъ дѣтства (д'Оссонвиль, стр. 205), они боятся, что осужденіе не дастъ полезныхъ результатовъ и только увеличится число дѣлъ, оканчивающихся оправданіемъ подсудимаго... Такимъ образомъ, они выпускаютъ арестованнаго ребенка на свободу до трехъ и даже до четырехъ разъ, не доводя дѣла до суда. Судъ обыкновенно ограничивается на первый разъ приговоромъ къ очень кратковременному заключенію въ какомъ-нибудь исправительномъ заведеніи. Отсидѣвъ свой срокъ, ребенокъ снова долженъ попасться раза два или три прежде, чѣмъ его присудятъ снова. И такъ, до достиженія шестнадцатилѣтняго возраста, многія дѣти бывали уже приговариваемы и отживали въ тюрьмѣ баснословное число разъ. Въ тюрьмѣ Petite Roquette легко встрѣтить дѣтей, которыхъ вся жизнь протекла въ безпрестанныхъ переходахъ изъ тюрьмы на свободу и обратно. Иные, при самомъ искреннемъ желаніи, не въ состояніи отвѣтить на вопросъ: сколько разъ они уже отсидживали въ тюрьмѣ? Они потеряли счетъ“.

И такъ, милосердье-ли окажется слѣдователь и судья, или только справедливъ,— для несчастнаго ребенка, однажды попавшагося въ эти роковыя тиски, путь все-же-таки оказывается одинъ. Намъ крайне интересовало-бы знать, съ какой точки зрѣнія подобная процедура, повторяющаяся сотни разъ въ годъ и втеченіи долгихъ лѣтъ въ одной изъ самыхъ остроумныхъ столицъ Европы, можетъ показаться осмысленною? До сихъ поръ, сколько ни пробовали улучшать ее всякими пальятивными мѣрами, въ результатѣ все-таки получался нуль, получалась отрицательная величина, и цѣлый сонмъ вопіющихъ, неразрѣшимыхъ противорѣчій возникалъ со всѣхъ сторонъ передъ робкими преобразователями.

Пробовали, какъ уже выше было помянуто, самыя тюрьмы преобразовать въ исправительныя заведенія, въ школы. Но такъ-какъ исправлять слѣдовало не одного только провинившагося въ бро-

дѣлничествѣ или проворовавшагося ребенка, а также и тѣ условія, которыя выводятъ его на эту дорогу, то результатъ, разумѣется, получался такой, какой заранѣе можно было предвидѣть. Къ тому-же наши педагоги, часто превосходно умѣющіе обращать школу въ тюрьму, оказываются обыкновенно людьми, неспособными совершать противоположное чудо. Самые почтенные изъ нихъ, — какъ на примѣръ извѣстный г. Демецъ (Demetz), основатель исправительной земледѣльческой колоніи Ламетрѣ (La Mettray), признанной вполне достойною подражанія и англійскими, и бельгійскими филантропами, — увлекаясь одною стороною дѣла, упускали изъ вида множество другихъ, такъ-что увлеченіе, которое имъ на время удавалось возбудить въ публикѣ, скоро смѣнялось разочарованіемъ. Вообще говоря, устроить хорошую школу очень трудно, даже не примѣшивая къ дѣлу никакихъ тюремныхъ соображеній. Когда-же, наконецъ, немногимъ избранникамъ и удавалось поставить свое дѣло на вполне удовлетворительную ногу, въ публикѣ возникало очень основательное сомнѣніе: „да почему-же необходимо, что-бы брошенные дѣти проворовались или провинились, по крайней мѣрѣ, въ бродяжничествѣ для того, чтобы пользоваться благодѣянiami общественнаго призора и сколько-нибудь удовлетворительнаго воспитанія? Не значить-ли это создавать привилегію въ пользу того, что законъ признаетъ за преступленіе или проступокъ?“

Руководимые этимъ сомнѣніемъ, англійскіе суды дошли до нелѣпости, вполне достойной классической эксцентричности фарисействующаго Альбіона. Отдавая провиновшихся дѣтей на воспитаніе въ нѣкоторыя заведенія, пользующіяся порядочною репутациею въ странѣ, они предварительно выдерживаютъ ихъ въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ самыми возмутительными злодѣями. Какъ будто они умышленно заботятся о томъ, чтобы по возможности затруднить и безъ того нелегкое дѣло воспитателей и исправителей порочнаго юношества.

Движеніе, о которомъ мы говоримъ, конечно, не дало блестящихъ результатовъ, ожидавшихся отъ него еще очень немного лѣтъ тому назадъ. Его однакожь далеке нельзя назвать безплоднымъ, такъ-какъ этимъ окольнымъ путемъ общественное мнѣніе передовой Европы подошло, наконецъ, очень близко къ тому возрѣнію на дѣтскій вопросъ, которое должно служить исходною точкою къ его разрѣшенію. Всѣ убѣдились, что изъ вышеупомянутаго

глухого переулка нѣтъ и не можетъ быть свѣтлаго, разумнаго выхода; что, будучи разсматриваемъ въ своей юридической или филантропической односторонности, вопросъ о страданіяхъ безпомощнаго дѣтства неразрѣшимъ. Хорошая тюрьма лучше дурной тюрьмы; объ этомъ спорить не приходится. Но ни хорошія, ни дурныя тюрьмы не въ силахъ излечить наше общество отъ тѣхъ потрясеній и опасностей, которымъ оно подвергается оттого, что огромное большинство будущихъ его дѣятельныхъ членовъ въ дѣтствѣ терпятъ всевозможныя невзгоды и лишения. Оно должно взять этихъ маленькимъ оборвышей подъ свое покровительство, должно усыновить ихъ и обратить на нихъ свою заботливость, не дожидаясь, пока они проштрафятся противъ устава благочинія или провинятся даже противъ уголовныхъ законовъ. Иначе ничего не остается, какъ переморить ихъ въ тюрьмѣ или въ воспитательныхъ домахъ стараго порядка. „Тюрьма или школа“ — эта формула, подсказанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ г-мъ Шарлемъ Роберъ, читавшимъ объ этомъ вопросѣ замѣчательную публичную лекцію въ Парижѣ (изданную потомъ отдѣльною брошюрою), стала теперь во Франціи и въ Англіи, а также и въ другихъ передовыхъ странахъ, руководящимъ лозунгомъ преобразовательнаго движенія въ пользу безпомощнаго дѣтства.

XI.

Англія, долѣше другихъ прогресивныхъ государствъ упорствовавшая въ своемъ мальтузіанскомъ консерватизмѣ, выступила на путь обязательнаго образованія не для однихъ лишь провинившихся дѣтей — только въ 1870 г., благодаря геройскимъ усиліямъ Форстера, котораго билъ о первоначальномъ воспитаніи (Elementary Education et) помѣчаетъ собою многозначительную эпоху въ исторіи англійскаго общественнаго развитія. Быстрые успѣхи, которые уже осуществлены здѣсь въ самой короткій промежутокъ времени, конечно, свидѣтельствуютъ о томъ, что общество отнеслось къ нему съ полною искренностью и сочувствіемъ. Объ успѣхахъ этихъ можно легко судить по нижеслѣдующимъ цифрамъ, въ объясненіе которыхъ однакожь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Англійское законодательство не обязываетъ родителей отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе непременно въ

правительственныя школы (board Shool), но, для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса, воспитанники всѣхъ частныхъ и духовныхъ училищъ Лондона обязаны сдавать экзаменъ передъ школьнымъ управленіемъ (board Shool) столицы. Такихъ-то экзаменующихся по окончаніи элементарнаго курса ученія было въ Лондонѣ:

въ 1876 г.	39,356
„ 1877 „	80,513
„ 1878 „	102,706
„ 1879 „	112,979

Быстрое движеніе этихъ цифръ, которыя почти утроились по истеченіи одного только четырехлѣтія, доказываетъ, конечно, полнѣйшую своевременность этой мѣры, по крайней мѣрѣ, въ столицѣ. Нельзя, однакожь, не замѣтить, что самая эта быстрота возрастанія свидѣтельствуетъ виѣстѣ съ тѣмъ и о томъ по-истинѣ плачевномъ состояніи, въ которомъ это дѣло находилось всего лишь какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ, когда въ Англии, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, всякое образованіе составляло монополію однихъ только обеспеченныхъ классовъ. Быль молодцу не укорь, и мы не стали-бы упоминать здѣсь объ этомъ печальномъ прошломъ, если-бы не видѣли, что слѣды его далеко не изгладились и до сихъ поръ. Люди искренніе въ самой Англии, которые ближе принимаютъ къ сердцу успѣхъ самаго дѣла, чѣмъ удовлетвореніе празднаго національнаго самолюбія, далеко не ослѣплены этими быстрыми успѣхами и утверждаютъ, что лица, руководящія этимъ дѣломъ, еще многое должны будутъ совершить, прежде чѣмъ съ спокойною совѣстью въ правѣ будутъ сказать, что и они честно исполнили долгъ, возложенный на нихъ обществомъ. Достаточно замѣтить, наприимѣръ, что въ одномъ Лондонѣ, гдѣ по официальнымъ спискамъ значится 614,000 дѣтей, которыя въ силу акта, проведеннаго въ парламентѣ Форстеромъ, обязаны посѣщать элементарныя школы. Въ наличности-же, какъ въ частныхъ (Volankary Shools), такъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ, оказывается всего только 465,468 учащихся. Слѣдовательно почти 150,000 дѣтей остаются по-прежнему заброшенными дѣтьми, которымъ по необходимости остается только пополнить собою контингентъ воришекъ или уличныхъ бродягъ, которыхъ рано или поздно придется пріютить въ стѣнахъ тюрьмы или рабочаго дома. Многія изъ дѣтей

остаются въ элементарной школы только потому, что до сихъ поръ ни правительственный School Board, ни частная педагогическая дѣятельность еще не приготовили для нихъ мѣстъ. Мы тѣмъ не менѣ склонны думать, что эти 150,000 дѣтей, остающихся въ Лондонѣ за школьнымъ штатомъ, если не поголовно, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени принадлежать къ тому контингенту дѣтской безпомощности и нищеты, котораго численность мы напрасно старались установить до сихъ поръ на основаніи прямыхъ статистическихъ данныхъ. Родители или опекуны, дѣйствительно заботящіеся о судьбѣ дѣтей, находящихся на ихъ попеченіи, не, преминули, конечно, воспользоваться первою возможностью пристроить своихъ питомцевъ. Если наше предположеніе основательно, то въ цѣлой Англій должно оказаться безъ малаго два миліона дѣтей, предоставленныхъ безъ всякой защиты на жертву необезпеченности, нищеты и всевозможныхъ соблазновъ. По крайней мѣрѣ, въ школьныхъ спискахъ, тамъ значится только 3,154,973 посѣтителей казенныхъ и частныхъ элементарныхъ школъ, тогда какъ всѣхъ дѣтей въ томъ возрастѣ, когда посѣщеніе этихъ школъ считается для нихъ обязательнымъ, насчитывается свыше 5 миліоновъ.

Читателю можетъ показаться, что мы сдѣлали непростительный скачокъ, скромно начавъ съ вопроса о снабженіи дѣтей такими элементарными и сравнительно дешевыми условіями всякаго органическаго развитія, какъ воздухъ и свѣтъ, и затѣмъ вдругъ перешли къ вопросу объ обязательномъ элементарномъ образованіи. Скачокъ тутъ несомнѣнно есть, но виноваты въ этомъ не мы, а европейское общественное мнѣніе, которое почему-то предпочло именно съ этой стороны подойти къ роковому и сложному дѣтскому вопросу. При самомъ глубокомъ уваженіи къ наукѣ и воспитанію вообще, никто не станетъ отрицать, что для ребенка прежде всего необходимо дышать, потомъ питаться и только уже затѣмъ обогащать свой юношескій умъ разными полезными свѣденіями. Принимая на себя обязательство снабжать всѣхъ дѣтей воспитаніемъ на общественный счетъ, мы тѣмъ самымъ обязуемся позаботиться напередъ о ихъ питаніи и дыханіи, иначе все это благонамѣренное движеніе свелось-бы на лицемѣрную комедію. Блаженной памяти схоластическая школа учила насъ, что „сытое брюхо къ ученію глухо“. Вновь зарождающаяся народная школа скоро

изъ опыта убѣдится, что брюхо голодное находится на этотъ счетъ отнюдь не въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Соціальная мысль не идетъ въ рѣшенія своихъ вопросовъ и задачъ въ какомъ-бы то ни было систематическомъ порядкѣ и нерѣдко принимается за нихъ съ наиболѣе сложнаго и запутаннаго ихъ конца. Всякая эпоха оказывается по преимуществу склонна увлекаться въ какую-нибудь одну опредѣленную сторону, а увлеченіе поддерживает ту оживленность, безъ которой не дѣлаются историческія дѣла и общества спятъ въ гниломъ застоѣ... Ближайшимъ результатомъ увлеченія въ сторону обязательнаго образованія является то, что заброшенныя дѣти такъ или иначе выводятся на свѣтъ божій. Хорошо уже и то, что грубая рука будочника или пристава начинаетъ вытаскивать ихъ изъ тѣхъ смрадныхъ и таинственныхъ угловъ, гдѣ множество дѣтей невѣдомо ни для кого гибнетъ еще и до настоящей минуты—что руководители общественнаго мнѣнія ставятъ лицомъ въ лицу съ тѣмъ моремъ дѣтской безпомощности и страданій, мрачную глубину котораго еще никто не могъ измѣрить и провѣрить.

Л. Мечниковъ.

ДОЧЬ ІЕЗАВЕЛИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА VIII.

— Я готовъ держать пари, воскликнулъ Фрицъ, окончивъ чтеніе, — что низкій авторъ этого письма — женщина.

— Почему вы это думаете?

— Потому что всѣ клеветы, ходившія о мистрисъ Фонтенъ въ Вюрцбургѣ, распространялись женщинами. Онѣ питаютъ страшную зависть къ матери Минны. Она превосходитъ ихъ красотою, изяществомъ, умѣньемъ одѣваться и всѣми другими качествами; она блестятъ, какъ звѣзда, среди этихъ грязныхъ, глупыхъ кухарокъ. Вѣдь, неправда-ли, подло безъ всякихъ доказательствъ признавать ее виновной? Она и нарушила довѣріе, питаемое къ ней покойнымъ мужемъ, и взломала замки, и украла ядъ! О, моя бѣдная Мина, какъ ее должна мучить эта гнусная клевета, тѣмъ болѣе, что она не отличается такой силой характера, какъ ея мать! Я тотчасъ отправлюсь въ Вюрцбургъ, чтобы ее успокоить. Пусть отецъ говорить что хочетъ; я не могу оставить безъ защитника этихъ бѣдныхъ, преслѣдуемыхъ всѣми женщинами. Положимъ, что судъ признаетъ вдову виновной, что-же тогда? А почему я знаю, можетъ быть приговоръ уже состоялся. Нѣтъ, это сомнѣніе хуже всякой пытки! Неужели, по вашему, я долженъ слушаться отца, даже въ томъ случаѣ, когда онъ поступаетъ несправедливо и неразумно?

— Тихе, Фрицъ, тихе!

— Я могу, Дэвидъ, доказать правильность моихъ словъ. Только выслушай меня. Мой отецъ никогда не видалъ матери Минны; онъ слѣпо вѣритъ распускаемымъ про нее скандальнымъ слухамъ; онъ увѣряетъ, что сосѣди не станутъ безъ причины ненавидѣть женщину и дурно говорить о ней. Клянусь честью, его противодѣйствіе моему браку съ Миною не имѣетъ другого лучшаго повода. Развѣ справедливо и разумно обвинить женщину, не выслушавъ ея защиты? О, какъ я теперь оплакиваю смерть моей матери! Если-бы она была жива, она заставила-бы отца покраснѣть за свои предразсудки и узкіе взгляды. Я просто съума схожу и не знаю, что мнѣ дѣлать. Если я поѣду въ Вюрцбургъ, то отецъ отречется отъ меня. Если-же я останусь здѣсь, то перерѣжу себѣ горло бритвой.

Я старался уговорить моего новаго друга потерпѣть и не горячиться. Я ему напомнилъ, что извѣстія изъ Вюрцбурга можно было почерпнуть изъ нѣмецкихъ газетъ, которыя получались въ сосѣдней кофейнѣ. Къ тому-же мнѣ приходилось вскорѣ ѣхать во Франкфуртъ съ дѣловыми бумагами къ г. Келеру отъ моей тетки, и я общалъ ему навести справки и даже лично побывалъ въ Вюрцбургѣ, если только онъ общается терпѣливо ждать счастливыхъ дней, которые, конечно, ожидаютъ его въ будущемъ.

Едва я успѣлъ немного успокоить Фрица, какъ мое вниманіе было обращено на болѣе важный вопросъ освобожденія Соломеннаго Джака. Тетка прислала за мною. Я засталъ ее за письменнымъ столомъ, а противъ нея сидѣлъ за конторкой старшій конторщикъ.

Мистеръ Гартрей совершенно раздѣлялъ мнѣніе страпчаго, что не слѣдовало теткѣ вмѣшиваться въ систему леченія съумасшедшихъ. Но онъ ставилъ свой долгъ къ хозяйкѣ выше всѣхъ другихъ соображеній и свято исполнялъ всѣ ея приказанія, хотя почтительно и протестовалъ противъ нихъ. Теперь онъ писалъ по ея указанію необходимыя бумаги для осуществленія задуманнаго плана; а меня она позвала, чтобъ спросить, согласенъ-ли я переписать набѣло составленные имъ документы, такъ-какъ она не желала довѣряться въ подобномъ дѣлѣ обыкновеннымъ писцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я послѣдовалъ примѣру мистера Гартрея и спряталъ въ карманъ мои личныя мнѣнія.

На слѣдующій день она, какъ общала, навѣстила Джакъ и получила отъ него свой ридикюль въ совершенной цѣлости. Это обстоятельство только утвердило ея рѣшимость поставить на своемъ. Съумасшедшій Джакъ не только понималъ, какъ велика взятая ею на себя ответственность, но и оправдывалъ оказываемое ему довѣріе. Смотритель, однако, улыбнулся и сказалъ иронически:

— Я никогда не отрицалъ, что Джакъ очень хитрый малый.

Съ этой минуты смѣлое предпріятіе тетки стало такъ быстро приближаться къ осуществленію, что мы всѣ были очень удивлены.

Прежде всего она обратилась къ другу ея покойнаго мужа, который занималъ важное мѣсто при дворѣ ея высочества, но тутъ она встрѣтила обычныя преграды. Напрасно увѣрала она, что желаетъ только испробовать гуманную систему ея мужа въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ на Соломенномъ Джакѣ, предоставляя дальнѣйшее ея развитіе людямъ, болѣе ея способнымъ бороться съ затрудненіями и опасностями. Единственная уступка, которой она могла добиться, была отсрочка окончательнаго рѣшенія этого вопроса до другаго раза, когда долженъ былъ присутствовать одинъ джентльменъ, совѣтъ котораго въ такомъ дѣлѣ имѣлъ громадное значеніе. Это былъ придворный докторъ, извѣстный своими либеральными воззрѣніями, и мистрисъ Вагнеръ лучше всего поступила-бы, по мнѣнію ея собесѣдника, если-бы приняла къ руководству безпристрастное мнѣніе такого человѣка.

Отправляясь на это второе свиданіе, тетка запаслась, какъ могучимъ орудіемъ, отрывками изъ дневника мужа, въ которыхъ заключались его замѣтки насчетъ лучшаго способа лечить душевныя болѣзни нравственнымъ вліяніемъ.

Согласно ея ожиданію, докторъ, приглашенный въ качествѣ консультанта, предпочелъ прочесть эти замѣтки, чѣмъ слушать ея неполное и неточное изложеніе дѣла. Онъ былъ очень пораженъ новизною и здравымъ смысломъ идей, защищаемыхъ ея мужемъ, и открыто это призналъ. Но онъ тоже протестовалъ противъ попытки со стороны женщины осуществить эту реформу, хотя-бы въ самой скромной формѣ. Взбѣшенная новой преградой, она вышла изъ терпѣнія и стала пламенно, энергично отстаивать свою точку зрѣнія. Споръ ихъ былъ въ самомъ разгарѣ, какъ вдругъ дверь отворилась и въ комнату вошла дама въ великолѣпномъ ко-

стоишь, въ сопровожденіи другихъ двухъ дамъ. Оба собесѣдника моей тетки поспѣшно вскочили, шепнувъ ей:

— Принцеса!

Эта была та высокая особа, которую смотритель сумасшедшаго дома не счелъ въ правѣ назвать прямо дочерью Георга III. Идя изъ своихъ комнатъ въ садъ, она услышала громкіе голоса и имя Джака, произнесенное женщиною. Унаслѣдовавъ отъ своего державнаго отца свойство быть очень любопытной, ея высочество отворила дверь и вошла въ комнату безъ всякой церемоніи.

— О чемъ вы спорите? спросила она. — Кто эта дама?

Мистрисъ Вагнеръ тотчасъ представили принцессѣ, и она счужьла вполне воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ. Принцесса была сначала удивлена теоріей тетки, потомъ заинтересована и, наконецъ, она согласилась съ справедливостью ея взгляда. А главное, это было романтичное происшествіе среди монотонной скуки придворной жизни, и дочь короля могла принять въ немъ участіе. Она сослалась на примѣры Боадіцеи, королевы Елисаветы и Иоанны Д'Аркъ, доказавшихъ, что женщины могутъ быть равными мужчинамъ, и назвала мистрисъ Вагнеръ героиней того-же типа.

— Вы прекрасная женщина, прибавила принцесса, — и можете рассчитывать на мою помощь. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ это-же время и скажите бѣдному Джаку, что я его не забыла.

Вліяніе королевской дочери устранило всѣ преграды, которыми хотѣли помѣшать освобожденію Соломеннаго Джака стряпчие, доктора и смотрителя, тѣмъ болѣе, что по счастливой мысли самой принцессы оказалось, что за бѣднаго сумасшедшаго стояла и буква закона.

— Дѣло это очень просто, милая мистрисъ Вагнеръ, сказала ея высочество: — меня увѣрили, что я нарушила правила, настаивая на принятіи Джака въ больницу. Вашъ покойный мужъ былъ одинъ изъ ея директоровъ, а вы его единственная наследница и душеприкащица. Въ качествѣ его представительницы, заявите протестъ противъ нарушенія правилъ и требуйте исключенія Джака изъ больницы. Онъ занимаетъ мѣсто, которое принадлежитъ болѣе образованному и знатному паціенту. На меня не обращайте вниманія. Я выражу сожалѣніе, что нарушила правила, заявляю согласіе на удаленіе бѣдняка изъ больницы и возьму на

себя отвѣтственность за его дальнѣйшую участь. Вотъ единственный и очень простой выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Поступите такимъ образомъ, и Джекъ будетъ въ вашихъ рукахъ.

Дѣйствительно, спустя три недѣли, „опасный стумасшедшій“ былъ освобожденъ и могъ, по выраженію стряпчаго, „убить мистрисъ Вагнеръ или поджечь ея домъ, когда ему было угодно“.

Какъ былъ приведенъ въ исполненіе смѣлый опытъ тетки, въ чемъ онъ удался и въ чемъ потерпѣлъ неудачу, я не могу рассказать въ качествѣ очевидца, благодаря моему отсутствію въ то время изъ Англіи. Этотъ любопытный эпизодъ будетъ рассказанъ, однако, самимъ Джакомъ на послѣдующихъ страницахъ, а между тѣмъ теченіе событій обязываетъ меня обратиться къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя заставили меня уѣхать во Франкфуртъ.

Пока мистрисъ Вагнеръ находилась во дворцѣ, въ конторѣ было получено письмо отъ Келера, который увѣдомлялъ, что необходимо было увеличить тотчасъ число конторщиковъ во франкфуртскомъ отдѣленіи нашей фирмы. Несмотря на всѣ ея занятія, мистрисъ Вагнеръ все-таки нашла время дать мнѣ подробную инструкцію, о которой она ранѣе говорила мнѣ и стряпчему: насчетъ допущенія и въ нашу нѣмецкую контору женскаго труда.

— Правое дѣло женщинъ не должно страдать изъ за того, что я занята теперь освобожденіемъ Джака, сказала она. — Поѣзжай, Дэвидъ, тотчасъ во Франкфуртъ. Я достаточно написала въ этой инструкціи, чтобы приготовить нашихъ компаньоновъ къ перемѣнѣ въ личномъ составѣ ихъ конторы и побудить ихъ отложить на время предполагаемое увеличеніе числа служащихъ. Остальное ты самъ можешь объяснить имъ, согласно тому, что тебѣ извѣстно о моихъ планахъ. Отправляйся въ путь какъ можно скорѣе и помни, что ты не долженъ брать съ собою Фрица, какъ-бы этого онъ ни желалъ. Онъ не уѣдетъ изъ Лондона безъ дозволенія его отца.

Дѣйствительно, какъ только онъ узналъ о моей поѣздкѣ, то тотчасъ предложилъ сопровождать меня, и я долженъ сознаться, что обстоятельства вполне его оправдывали въ моихъ глазахъ.

Наканунѣ вечеромъ мы прочитали нѣмецкія газеты въ сосѣдней кофейнѣ, и найденныя въ нихъ извѣстія изъ Вюрцбурга совершенно привели въ тупикъ моего впечатлительнаго друга.

Городскія власти, которыя произвели слѣдствіе по поводу взлома замковъ и исчезновенія ящика съ лекарствами, составили себѣ разнорѣчивыя мнѣнія, и въ виду ихъ разногласія окончательное рѣшеніе дѣла приняло самый неудовлетворительный характеръ. Принимъ послѣдствіемъ этого разногласія судей было оставленіе вдовы Фонтенъ въ подозрѣніи. Ее не признали виновной, но ее также не признали и невинной. Чувствуя, что ея положеніе теперь стало невыносимымъ въ Вюрцбургѣ, она выѣхала съ дочерью изъ этого города. Газеты прибавляли, что ихъ отъѣздъ былъ покрытъ мракомъ неизвѣстности и никто не зналъ, куда они отправились.

Если-бы не это послѣднее обстоятельство, я полагаю, что Фрицъ настоялъ-бы на своемъ и поѣхалъ со мной Но, не зная, гдѣ искать Мину и ея мать, онъ согласился предоставить мнѣ навести справки въ Германіи, а самъ хотѣлъ посѣтить всѣ иностранныя гостиницы въ Лондонѣ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, онѣ искали убѣжища на берегахъ Темзы.

На слѣдующее утро я отправился въ путь.

ГЛАВА ІХ.

Прибывъ, наконецъ, во Франкфуртъ, послѣ долгаго и тяжелаго путешествія, я отдалъ свой чемоданъ носильщику и хотѣлъ направиться вмѣстѣ съ нимъ въ домъ г. Келера, какъ вдругъ услышалъ женскій голосъ, спрашивавшій—гдѣ почтовое отдѣленіе для полученія писемъ „до востребованія“.

Голосъ этотъ былъ молодой дѣвушки, нѣжный, и въ немъ слышалась грустная нота, которая придавала ему еще болѣе прелести. Я сдѣлалъ то, что сдѣлалъ-бы на моемъ мѣстѣ всякій юноша,—я обернулся.

Передо мною была очень молодая дѣвушка, скромная и приличная, но блѣдная и печальная, словно жизнь уже развернула передъ ней всѣ свои мрачныя стороны. Лице ея оживлялось мягкими, нѣжными глазами; фигура была стройная, граціозная; одѣта она была просто, но такъ мило, что я усумнился-бы въ ея нѣмецкомъ происхожденіи, если-бы не слышалъ ея чисто-южно-германскаго акцента. На ея вопросъ отвѣчалъ коротко и учтиво почтальонъ дилижанса, въ которомъ я пріѣхалъ. Но въ этотъ часъ дворъ стараго поч-

тамта кишѣль народомъ: одни уѣзжали, другіе пріѣзжали, третьи провожали или встрѣчали друзей, четвертые отправляли письма. Молодая дѣвушка очевидно не привыкла къ толпѣ; сдѣлавъ два шага по указанному ей направленію, она остановилась, взволнованная, смущенная, не зная—что дѣлать и куда идти.

Если-бы я строго исполнялъ свой долгъ, то немедленно направился-бы къ дому г. Келера; но повинуюсь какому-то инстинкту, я предложилъ свои услуги молодой дѣвушкѣ.

— Вы только что спрашивали, гдѣ почтовое отдѣленіе для писемъ до востребованія, сказалъ я;—не позволите-ли мнѣ вамъ указать дорогу.

Она взглянула на меня и видимо колебалась.

— Простите мнѣ за мою смѣлость, продолжалъ я;—если я рѣшился съ вами заговорить, то это только потому, что понимаю, какъ молодой дѣвушкѣ должно быть непріятно очутиться одной въ такой толпѣ.

Она снова посмотрѣла на меня и перемѣнила свое мнѣніе.

— Вы очень добры, сэръ, и я воспользуюсь вашей любезностью.

— Позвольте предложить вамъ мою руку...

— Нѣтъ, благодарю васъ, я пойду за вами.

Я сталъ пробираться въ толпѣ, а прелестная незнакомецка слѣдовала за мною. Достигнувъ почтоваго отдѣленія, я отошелъ немного въ сторону, но наострилъ уши. Не скажетъ-ли она своей фамиліи? Нѣтъ, она подала паспортъ и спросила, нѣтъ-ли письма. Письмо нашлось, но не было оплачено, и чиновникъ потребовалъ двойной пени. Молодая дѣвушка сунула руку въ карманъ и воскликнула съ ужасомъ:

— О, я потеряла кошелекъ! А письмо такое важное!

Я тотчасъ подумалъ, что, вѣроятно, у нея въ толпѣ вытаскивали кошелекъ. Чиновникъ полагалъ тоже, и, взглянувъ на часы, сказалъ:

— Если вы желаете получить письмо сегодня, то поскорѣе сбѣгайте домой, потому что почта закроется черезъ десять минутъ.

Молодая дѣвушка всплеснула руками.

— Я не дойду до дому въ десять минутъ, промолвила она.

Я тотчас подошелъ и предложилъ ей необходимыя на выкупъ письма деньги.

— Это столь незначительная сумма, прибавилъ я,—что, право, вы не должны смотрѣть на это, какъ на одолженіе.

— Вы очень добры, отвѣчала она въ большомъ смущеніи, не зная, прилично-ли обязываться такимъ образомъ незнакомцу;—но я боюсь, что не слѣдуетъ брать взаимныя деньги у человѣка, котораго я не знаю. Даже если-бы я и согласилась, то какъ я...

Она не окончила фразы и застѣнчиво потупила глаза.

— Какъ вы мнѣ возвратите деньги?

— Да.

— О, не стоитъ объ этомъ и говорить; отдайте ихъ первому нищему, котораго вы встрѣтите.

— Нѣтъ, произнесла она, какъ-бы обидѣвшись, — я не могу воспользоваться вашей любезностью, если...

Она снова остановилась въ нерѣшительности.

— Ну, барышня, поскорѣе рѣшайтесь, а то будетъ поздно, сказалъ чиновникъ.

Боязнь не получить письма въ этотъ день заставила ее, наконецъ, сказать прямо:

— Вы мнѣ дадите вашъ адресъ, и я вамъ возвращу деньги сегодня-же.

Я прежде заплатилъ за письмо и потомъ отвѣчалъ:

— Будьте такъ добры, пришлите деньги въ домъ г. Келера, въ...

Прежде чѣмъ я успѣлъ прибавить названіе улицы, она, вспыхнувъ, промолвила:

— О, вы знаете г. Келера?..

Въ головѣ у меня блеснула мысль.

— Да, отвѣчалъ я,—и его сына Фрица.

Она вздрогнула, поблѣднѣла и отвернулась какъ-бы отъ стыда. Не могло быть болѣе сомнѣній. Эта прелестная, скромная молодая дѣвушка была — „дочь Іезавели“.

Чувство уваженія къ ней побѣждало мнѣ скрыть только-что сдѣланное открытіе.

— Я, кажется, имѣю честь говорить съ г-жею Миной Фонтэнъ? сказалъ я.

Она взглянула на меня съ удивленіемъ и недоумѣніемъ.

— Почему вы знаете, кто я? спросила она.

— Это очень легко объяснить. Я Дэвидъ Глени, племянникъ мистрисъ Вагнеръ изъ Лондона. Фрицъ живетъ въ ея домѣ и часто цѣлыми часами говаривалъ мнѣ объ васъ.

Блѣдное лице Мини засіяло счастиемъ.

— О! воскликнула она наивно. Фрицъ меня не забылъ...

Хотя съ тѣхъ поръ прошло много времени, но я теперь какъ-бы вижу передъ собою ея прелестные черные глаза, устремленные жадно на меня, пока я рассказывалъ ей, какъ Фрицъ ее любить, какъ онъ остался ей вѣренъ, какъ ея дорогой образъ не покидаетъ его ни днемъ, ни ночью. Вся ея застѣнчивость вдругъ исчезла, и она протянула мнѣ руку.

— Какъ могу я благодарить небо, которое дозволило намъ встрѣтиться! воскликнула она.—Если-бы мы не были на улицѣ, я, кажется, на колѣняхъ благодарила-бы васъ, г. Дэвидъ, за вашу добрую вѣсть. Вы сдѣлали меня самой счастливой дѣвушкой на свѣтѣ.

Ея голосъ вдругъ задрожалъ, и она быстро опустила вуаль.

— Не смотрите на меня, прибавила она. — Я не могу удержаться отъ слезъ радости.

Но прохожіе останавливались и съ любопытствомъ смотрѣли на насъ. Я предложилъ Минѣ мою руку и просилъ позволенія проводить ее домой.

— Я бы очень этого желала, сказала она съ прелестной откровенностью,—но васъ ждетъ г. Келеръ и вы должны туда поспѣшить.

— Могу я зайти къ вамъ завтра и тѣмъ избавить васъ отъ необходимости присылать мнѣ деньги?

Она подняла вуаль и улыбнулась севозъ слезн.

— Да, отвѣчала она:—приходите завтра, и я васъ представлю моей матери. О, какъ она будетъ рада васъ видѣть, когда я ей расскажу о всемъ случившемся! О, какая я гадкая эгоистка: я такъ терзала ее это послѣднее время, потому что сердце мое терзалось мыслью о Фрицѣ! Но теперь все кончено. Благодарю васъ, благодарю. Вотъ карточка моей матери съ адресомъ. Нѣтъ, мы не прощаемся, а скажемъ: до свиданія, до завтра. Моя мать ждетъ этого письма, а г. Келеръ удивляется, куда вы пропали.

Она крѣпко пожала мнѣ руку и удалилась.

По дорогѣ въ домъ Келера я обдумалъ мою встрѣчу съ Миной и не остался доволенъ своимъ поведеніемъ. Я боялся, что сказалъ слишкомъ много о любви Фрица и возбудилъ въ сердцѣ Минны надежды, которыми, быть можетъ, не суждено было никогда осуществиться.

Г. Келеръ принялъ меня съ чисто нѣмецкимъ радушіемъ. Онъ и его компаньонъ, г. Энгельманъ, — одинъ вдовецъ, а другой старый холостякъ — жили вмѣстѣ въ старомъ домѣ на Майнцовой улицѣ, гдѣ помѣщалась контора.

Эти два джентльмена представляли самый поразительный контрастъ. Г. Келеръ былъ высокаго роста, сухощавый, энергичный, очень способный и образованный, говорившій благоразумно и основательно о каждомъ интересовавшемъ его предметѣ. Г. Энгельманъ, напротивъ, былъ маленькій, толстый человекъ, сидѣвшій въ конторѣ все утро, непрочитавшій ни одной книги во всю свою жизнь и для котораго всѣ удовольствія сосредоточивались въ его садѣ и трубкѣ.

— Въ свободное время, говаривалъ онъ, — дайте мнѣ цвѣты, трубку и спокойствіе; болѣе мнѣ ничего не надо.

Несмотря на такое рѣзкое различіе характеровъ, оба компаньона уважали другъ друга. Энгельманъ считалъ Келера самымъ замѣчательнымъ и образованнымъ человекомъ во всей Германіи, а Келеръ видѣлъ въ Энгельманѣ ангела доброты и образецъ скромнаго, благоразумнаго человека. Энгельманъ слушалъ ученую бесѣду Келера съ восторгомъ невѣжды, а Келеръ, нетерпѣвшій табакъ и непитавшій никакого интереса къ садоводству, выносилъ трубку Энгельмана и проводилъ цѣлыя часы въ его саду, хотя и не зналъ названій девяти десятыхъ находившихся тамъ цвѣтовъ. Подобныхъ людей можно иногда встрѣтить и теперь въ Германіи и даже въ Англіи, но чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ и они становятся рѣже.

Старые друзья ждали меня къ своему раннему нѣмецкому ужину. Столъ былъ убранъ, въ честь моего пріѣзда, лучшими экземплярами цвѣтовъ. Энгельманъ, поздоровавшись со мною, подаль мнѣ прекрасную розу.

— А какъ вы оставили милую г-жу Вагнеръ? спросилъ онъ.

— А какъ поживаетъ мой Фрицъ? спросилъ Келеръ.

Я далъ имъ обонимъ удовлетворительные отвѣты, и мы весело сѣли за столъ. Но когда ужинъ кончился и Энгельманъ закурилъ трубку, а я сигару, Келеръ задалъ мнѣ роговой вопросъ:

— Ну, скажите, Дэвидъ, вы пріѣхали къ намъ по дѣлу или для своего удовольствія?

Мнѣ оставалось только передать ему инструкцію тети и объявить о предстоящемъ наводненіи ихъ конторы женщинами. Это неожиданное извѣстіе подѣйствовало совершенно различно на обоихъ компаньоновъ.

Тихій Энгельманъ вынулъ изо-рта трубку и молча и беспомощно взглянулъ на Келера.

Вспыльчивый Келеръ ударилъ по столу кулакомъ изо всей силы и отвѣчалъ своему компаньону огненнымъ взглядомъ.

— Что я вамъ сказалъ, произнесъ онъ съ жаромъ, — когда мы получили извѣстіе о назначеніи вдовы Вагнера старшимъ компаньомъ въ нашей фирмѣ? Сколько я привелъ мнѣнній великихъ мудрецовъ о физической и умственной неспособности женщинъ, начиная отъ древнихъ египтянъ до нашего сосѣда, доктора Бернастокіуса?

Бѣдный Энгельманъ даже испугался.

— Не сердитесь, добрый другъ, произнесъ онъ мягкимъ тономъ.

— Не сердитесь! повторилъ Келеръ внѣ себя. — Вы никогда такъ не заблуждались во всю вашу жизнь, добрый Энгельманъ, какъ въ эту минуту! Я совершенно доволенъ. Мои предсказанія сбылись. Но не курите; я могу все перенести, кромѣ запаха табаку, въ такую критическую минуту. Бросьте вашу трубку и хоть разъ въ жизни стряхните свою умственную лѣнь. Соберитесь съ мыслями и припомните, что я сказалъ, когда мы впервые узнали о томъ, что во главѣ нашей фирмы будетъ женщина.

— Она была очень хорошенькая, когда я ее видѣлъ въ послѣдній разъ, замѣтилъ Энгельманъ.

— Фуй! воскликнулъ Келеръ.

— Я не хотѣлъ васъ оскорбить, продолжалъ Энгельманъ; — позвольте мнѣ предложить вамъ розу въ знакъ примиренія.

— Неудобно-ли вамъ помолчать и выслушать меня.

— Любезный Келеръ, я всегда радъ васъ слушать. Вы набиваете мою бѣдную голову мыслями, и когда онѣ улетучиваются,

то вы пополняете ихъ новыми, съ непостижимымъ упорствомъ. Право, если я долго проживу, то вы едѣлаете меня умнымъ человекомъ. Позвольте мнѣ вложить эту розу вамъ въ петлицу, и я былъ-бы очень радъ, если-бы вы позволили мнѣ курить.

Келеръ махнулъ рукой и, какъ-бы покоряясь своей судьбѣ, повернулся ко мнѣ.

— Я обращаюсь къ вамъ, Дэвидъ, сказалъ онъ и началъ длинную рѣчь, въ которой излилъ весь свой гнѣвъ и всё свои знанія.

Я только говорилъ — „да“ и „нѣтъ“ въ промежуткахъ, когда Келеръ переводилъ дыханіе; а Энгельманъ, повидимому, совершенно сосредоточилъ свое вниманіе на клубахъ дыма, которыми онъ наполнял атмосферу вокругъ себя. Конечно, я не могу привести цѣлкомъ длинной рѣчи Келера, но, главнымъ образомъ, онъ доказывалъ, что въ организмъ женщины есть два коренныхъ недостатка: она капризна, какъ ребенокъ, и переимчива, какъ обезьяна. Доказавъ это положеніе многочисленными цитатами, Келеръ заключилъ, что моя тетка, какъ женщина, не только не могла слѣдовать пословицѣ, что отъ добра добра не ищутъ, но должна была выразить естественную склонность подражать мужу въ самыхъ пустыхъ, поверхностныхъ и вредныхъ его начертаніяхъ.

— Я предсказывалъ, Дэвидъ, что разстройство дѣлъ нашей старой фирмы было только вопросомъ времени, и вотъ нелѣпая инструкція г-жи Вагнеръ уже начищаетъ осуществлять мое предсказаніе.

Прежде чѣмъ мы разошлись спать въ этотъ день, старые друзья пришли каждый къ самостоятельному заключенію. Келеръ рѣшился написать письмо къ моей теткѣ, съ пламеннымъ протестомъ противъ ея безумной выходки, а Энгельманъ рѣшилъ показать мнѣ свой садъ на слѣдующее утро.

ГЛАВА X.

На другой день послѣ полудня, пока оба компаньона были заняты въ конторѣ, я отправился, согласно обѣщанію, къ Минѣ и ея матери.

Съ перваго взгляда было очевидно, что онѣ находились въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Онѣ жили въ одномъ изъ деше-

внхъ предмѣстій Франкфурта, на лѣвомъ берегу рѣки. Все у нихъ въ квартирѣ было чисто, опрятно и даже мебель разставлена со вкусомъ, но никакое искусство не могло скрыть нищенскаго вида гостиной, куда меня привели. Я не могъ не подумать, съ какою грустью Фрицъ увидалъ-бы эту грустную обстановку, такъ мало гармонировавшую съ его прелестной Миной.

Дверь отворилась, и Іезавель и ея дочь вошли въ комнату.

Во всѣхъ странахъ бываютъ замѣчательныя женщины, которыя наполняютъ ту сферу, гдѣ имъ суждено дѣйствовать, такъ-же всецѣло, какъ великій актеръ сцену, на которой онъ играетъ. Вдова Фонтэнъ принадлежала къ разряду этихъ привилегированныхъ существъ. Нищенская комната, казалось, исчезла въ ту минуту, когда она появилась, и даже хорошенькая Мина ступевалась въ присутствіи своей матери. И однако въ фигурѣ г-жи Фонтэнъ не было ничего необыкновеннаго, а манеры ея не отличались излишней, мозолившей глаза бойкостью. Она была средняго роста, и полнота ея напоминала обычную округленность сорокалѣтней женщины. Благопріятное впечатлѣніе, производимое ею, происходило отъ особенной граціи всѣхъ ея движеній, повелительнаго, спокойнаго выраженія ея лица и невыразимаго очарованія ея манеръ. Ея черные глаза никогда вполнѣ не открывались, полускрытые нависшими вѣками. Ея враги видѣли что-то сладострастное въ странномъ ихъ выраженіи; по моему, въ нихъ скорѣе проглядывало что-то злое, жестокое, исключая тѣхъ минутъ, когда она смотрѣла на свою дочь. Сладострастіе выражается всего болѣе въ развитіи нижней части лица, но у г-жи Фонтэнъ губы были тонкія, а подбородокъ слишкомъ маленькій. Ея роскошныя черныя волосы только-что начинали серебриться. Ея цвѣтъ лица былъ матовый, блѣдный. Но, несмотря на все это, она съ перваго взгляда производила на васъ громадное, даже потрясающее впечатлѣніе. И хотя на ней было самое скромное траурное платье, но я безъ преувеличенія скажу, что ни на одной женщинѣ въ свѣтѣ не сидѣло платье такъ изящно.

Мина хотѣла меня представить своей матери по всѣмъ правиламъ общежитія, но мать шутливо ее оттолкнула и протанула мнѣ обѣ свои длинныя, бѣлыя, могучія руки, словно мы знали другъ друга уже нѣсколько лѣтъ.

— Я обыкновенно подвергаю челоуѣка долгому искусу, преж-

де чѣмъ удостою его своей дружбой, сказала она;—но вы были болѣе чѣмъ добры къ моей дочери, мистеръ Дэвидъ, и вы мой другъ съ первой минуты нашего знакомства.

Кажется, я повторяю буквально ея слова, но я не могу выразить всей прелести ея голоса. И, однако, мнѣ какъ-то было неловко въ ея присутствіи. Я не чувствовалъ къ ней того беззавѣтнаго влеченія, которое я ощущалъ, увидавъ впервые ея дочь. Черные, полускрытые тяжелыми вѣками глаза г-жи Фонтэнъ, казалось, пронизывали мое сердце и угадывали всѣ мои тайныя мысли. Но, нельзя сказать, чтобы я ощутилъ къ ней непріятное недовѣріе, потому что это чувство не допустило-бы меня подчиниться тотчасъ ея вліянію, что однако случилось на самоѣ дѣлѣ. Какимъ путемъ производилось это вліяніе, что именно дѣйствовало на меня— ея глаза, манеры или невидимый „магнетическій токъ“, какъ въ послѣднее время принято выражаться, —я, право, объяснить не могу, но достовѣрно только одно, что она мало-по-малу совершенно подчинила мою волю своей и я сталъ отвѣчать на всѣ самыя коварныя ея вопросы такъ откровенно, какъ-будто она дѣйствительно была моимъ стариннымъ и сердечнымъ другомъ.

— Вы въ первый разъ во Франкфуртѣ? начала она свой допросъ.

— Нѣтъ, сударыня, я былъ во Франкфуртѣ уже два раза.

— Неужели? И вы всегда останавливались въ домѣ г. Келера?

— Да!

Ее, повидимому, очень заинтересовалъ этотъ простой и короткий отвѣтъ.

— Такъ вы съ нимъ находитесь на короткой ногѣ, продолжала она, — т. е. можете представить ему своего друга?

— Я съ нимъ нахожусь на такой короткой ногѣ, на какой можетъ быть конторщикъ съ компаньономъ фирмы, отвѣчалъ я, стараясь, хотя совершенно напрасно, быть осторожнымъ въ своихъ отвѣтахъ.

— Вы конторщикъ г. Келера? Но я думала, что вы живете въ Лондонѣ у вашей тетки.

Тутъ впервые виѣшалась въ разговоръ Мина.

— Вы забываете, мама, сказала она, — что въ фирмѣ три компаньона и на вывѣскѣ надъ дверью въ Майнцовой улицѣ значится:

Вагнеръ, Белеръ и Энгельманъ. Фрицъ однажды мнѣ сказалъ, что здѣшняя контора, только отдѣленіе главной конторы Вагнера въ Лондонѣ. Не такъ-ли, г. Дэвидъ?

— Совершенно такъ, г-жа Мина, но у насъ въ лондонской конторѣ нѣтъ такого сада, какъ у г. Энгельмана. Позвольте мнѣ поднести вамъ букетъ, который онъ позволилъ мнѣ сорвать въ его роскошномъ саду.

Я думалъ этими словами направить разговоръ на болѣе интересные предметы. Но, пока Мина восхищалась цвѣтами, ея мать продолжала допросъ.

— Такъ вы конторщикъ г. Вагнера? повторила она.

— Я былъ конторщикомъ г. Вагнера, но онъ умеръ.

— А! Кто-же теперь завѣдуетъ фирмой?

Право, не знаю почему, что-то удерживало меня отъ бесѣды о теткѣ и ея дѣлахъ. Но глаза вдовы устремились на меня, и въ нихъ ясно выражалась рѣшимость вывѣдать отъ меня все, такъ-что я почувствовалъ себя принужденнымъ удовлетворить ея желанію. Узнавъ-же, что тетка была теперь главою фирмы, она выразила ненасытное любопытство насчетъ всевозможныхъ подробностей о житіи-бытіи мистрисъ Вагнеръ. Этотъ предметъ возбуждалъ неменьшій интересъ и въ Минѣ; но совершенно въ другомъ отношеніи: домъ моей тетки былъ мѣстомъ изгнанія Фрица. Вопросы матери и дочери такъ быстро сыпались на меня, что я не могу теперь всѣхъ ихъ припомнить; только послѣдній вопросъ врѣзался въ мою память, благодаря неожиданному впечатлѣнію, произведенному моимъ отвѣтомъ.

— Ваша тетка, конечно, интересуется положеніемъ дѣлъ у здѣшнихъ своихъ компаньоновъ, сказала вдова Фонтэнъ. — Какъ вы думаете, г. Дэвидъ, можетъ она когда-нибудь пріѣхать во Франкфуртъ?

— По всей вѣроятности, она будетъ по дѣламъ во Франкфуртъ въ настоящемъ году.

Г-жа Фонтэнъ искоса посмотрѣла на дочь, которая такъ-же, какъ и я, не поняла этого взгляда.

— Извините меня, г. Дэвидъ, сказала, обращаясь ко мнѣ, г-жа Фонтэнъ;—я забыла кое-что по хозяйству.

Подойдя къ маленькому столу, на которомъ находились пись-

женныя принадлежности, она написала нѣсколько строчекъ и, не запечатавъ записки, подала ее Минѣ.

— Отдай это нашему доброму другу въ нижнемъ этажѣ и, проходя черезъ кухню, приготовь чай. Вы останетесь у насъ и выпьете съ нами чаю, г. Дэвидъ. Это единственная роскошь, которую мы себѣ позволяемъ, и я всегда готовлю чай сама.

Первой моею мыслью было отказаться отъ этого приглашенія подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Было что-то странное, таинственное въ заботахъ вдовы Фонтэнъ по-своему хозяйству, и мнѣ это не понравилось. Но Мина наивно просила меня остаться, увѣряя, что у нихъ было такъ мало развлеченій. Впрочемъ, я, быть можетъ, противостоялъ-бы и Минѣ, если-бы ея мать, просто, не прибѣгла къ насилію. Она торжественно, съ достоинствомъ императрицы, опустила изъ маленькую полинялую кушетку въ углу комнаты и, пригласивъ меня занять мѣсто рядомъ съ нею, положила свою холодную, мощную ладонь на мою руку. Привосновеніе вдовы наполнило все мое существо полупрїятнымъ, полуотталкивающимъ чувствомъ, и я остался.

— Я хочу сказать вамъ всю правду, начала г-жа Фонтэнъ, когда дочь ея удалилась;—но могу сдѣлать это только въ отсутствіи Мины. Вы, конечно, уже замѣтили, что мы очень бѣдны?

Она нѣжно пожала мнѣ руку, и я отвѣчалъ, что меня это очень огорчило, но нисколько не удивило послѣ всего слышаннаго отъ Фрица.

— Вы любезно помогли вчера Минѣ достать письмо, продолжала она,—но ваша доброта только ускорила мое разочарованіе, хотя, впрочемъ, я къ этому привыкла. Я прїѣхала сюда, чтобы просить помощи у своихъ богатыхъ родственниковъ. Они мнѣ наотрѣзъ отказали. Тогда я написала другимъ родственникамъ, въ Брюссель. Вчерашнее письмо было ихъ отвѣтомъ. Новый отказъ! Хозяйка этого дома добрая, но бѣдная, женщина, и было-бы жестоко и езаплатить ей за квартиру. Вчера я сочла своимъ долгомъ заявить ей о нашемъ отъѣздѣ черезъ недѣлю, а теперь только что отказалась отъ этого заявленія, такъ-какъ вижу лучъ надежды въ будущемъ, и онъ блеснулъ, благодаря вамъ, г. Дэвидъ.

— Какимъ образомъ! спросилъ я съ удивленіемъ.

— Терпѣніе, мой молодой другъ, и вы все узнаете, сказала вдова Фонтэнъ, дружески ударяя меня по рукѣ. — Если-бы мнѣ надо

было думать только о себѣ, то я не безпокоилась-бы. Я завтра-же пошла-бы въ экономки. Да, хотя я выросла среди роскоши и сдѣлала mesalliance, выходя замужъ, но я взяла-бы мѣсто экономки безъ малѣйшаго ропота на судьбу. Несчастье и бѣдность учать благоразумью, Дэвидъ. Могу я васъ называть Дэвидомъ? Поэтому, если вы услышите о мѣстѣ экономки, то, пожалуйста, не забудьте обо мнѣ.

Я не могъ разобратъ, говорила-ли она серьезно или шутя. Она продолжала, недожидаясь отвѣта.

— Но я должна думать о своей дочери, и она, къ увеличенію моихъ заботъ, еще отдала свое сердце сыну г. Келера. Если-бы мнѣ и Минѣ надо было думать только о своихъ интересахъ, мы легко заработали-бы кусокъ хлѣба и мужественно вступили въ борьбу съ жизнью. Но теперь дѣло усложняется третьей личностью: это мой соперникъ въ сердцѣ Минны, и что еще хуже — отецъ запрещаетъ ему жениться на моей дочерѣ. Удивительно-ли, что я чувствую себя безпомощной и безсильной! О, я не преувеличиваю. Я знаю натуру моего ребенка. Она слишкомъ деликатна и впечатлительна для окружающаго ее грубаго міра. Она любитъ всей душой и сердцемъ. Я вижу, какъ она пропадаетъ отъ разлуки съ Фрицемъ. Вы возродили въ ея сердцѣ надежду на время, но все-таки ея будущность покрыта мракомъ. Если она потеряетъ Фрица, она умретъ отъ горя. О, Господи! Она единственное существо, которое я люблю, и я не знаю, какъ ее спасти!

Впервые я услышалъ въ ея голосѣ искреннее чувство. Она отвернулась и закрыла лицо руками въ полномъ отчаяніи.

— Вы можете быть, по крайней мѣрѣ, увѣрены, сказалъ я, стараясь ее успокоить, — что сердце Фрица всецѣло принадлежитъ вашей дочери. Онъ останется вѣрнымъ ей, что-бы ни случилось.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь и не имѣю ничего противъ выбора моей дочери, отвѣчала она грустно. — Фрицъ хорошій человекъ и будетъ вѣренъ моей Минѣ. Но вы забываете его отца. Я презираю г. Келера! воскликнула она, и глаза ея сквозь слезы метали молніи. — Онъ вѣритъ всѣмъ клеветамъ, которыя злые люди распускаютъ о честной женщинѣ; онъ не даетъ ей средства себя защитить и не отвѣчаетъ на ея письма; онъ торжественно объявляетъ, что его сынъ никогда не женится на моей дочери, вѣроятно потому, что мы бѣдны, хотя ссылается прямо на мою дур-

ную репутацію. Развѣ можно уважать такого человѣка? И, однако, отъ этого низкаго, презрѣннаго человѣка зависитъ счастье и самая жизнь моей дочери! Ради нея я должна унизиться до самозащиты, должна добиться случая, чтобъ побѣдить его предразсудки и заставить его уважать меня помимо его воли. Но какъ мнѣ дойти до него? Какъ добиться, чтобы онъ меня выслушалъ? Вы не въ такомъ положеніи, чтобы могли мнѣ въ этомъ помочь. Но, несмотря на это, вы сдѣлали для меня чудеса, и да благодарить васъ Господь.

Она остановилась и поднесла мою руку къ губамъ. Я предвидѣлъ, что будетъ дальше и хотѣлъ ей возразить, но она не дала мнѣ сказать слова и продолжала съ пламеннымъ краснорѣчіемъ:

— Да, вы мой лучшій другъ и мудрый совѣтникъ. Вы указали на особу, внимательство которой можетъ наклонить вѣсы счастья въ нашу сторону. Ваша добрая тетка—глава фирмы, и г. Келеръ долженъ повиноваться своей прелестной компаньонкѣ. Вотъ нашъ единственный лучъ надежды. Я теперь продамъ послѣднія мои драгоценности и стану терпѣливо ждать пріѣзда во Франкфуртъ г-жи Вагнеръ. Вы вздрогнули, Дэвидъ? Чего вы боитесь? Неужели вы думаете, что я употреблю во зло доброту вашей тетки или стану просить у нея такихъ милостей, которыхъ она не захочетъ мнѣ оказать? Она уже и теперь знаетъ черезъ Фрица, въ какомъ мы находимся положеніи. Пусть она только увидитъ мою Мину; я сама даже не покажусь ей на глаза. Моя дочь будетъ говорить за меня, и вы упростите ее устроить мнѣ свиданія съ г. Келеромъ. Вотъ все, чего я желаю. Неужели моя надежда на помощь вашей тетки въ этомъ отношеніи несбыточна?

Желаніе вдовы Фонтэнъ казалось очень скромнымъ, но я все-таки сомнѣвался въ его осуществимости. Уходя изъ дома, я оставилъ Келера за сочиненіемъ протеста противъ допущенія въ ихъ контору женскаго труда, и онъ хотѣлъ отправить его съ вечерней почтой. Зная ихъ обоихъ хорошо, я предвидѣлъ, что за письменной полемикой наступитъ личная ссора. Если г. Келеръ будетъ настаивать на своемъ, то мистръ Вагнеръ покажетъ ему, что и у нея есть своя воля. При такихъ обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о ходатайствѣ тетки за Мину.

Это была одна точка зрѣнія на дѣло, но я долженъ сознаться, что слова г-жи Фонтэнъ произвели на меня двусмысленное впе-

чатлѣніе. Несмотря на ея слова, я заподозрѣлъ, что ея виды на мою тетку были далеко не такъ скромны, какъ она увѣряла, и мнѣ стало досадно, что я такъ откровенно говорилъ съ нею. Я не зналъ, какъ лучше отвѣтить на ея вопросъ, и былъ очень радъ, что голосъ Минны прервалъ нашъ разговоръ.

— Отворите, пожалуйста, дверь, кричала она на лѣстницѣ;— у меня обѣ руки заняты.

Я побѣжалъ къ двери, а г-жа Фонтэнъ приложила палецъ къ своимъ губамъ.

— Ни слова Минѣ, сказала она шепотомъ; — мы понимаемъ другъ друга, не правда-ли?

— Да, конечно, отвѣчалъ я, и нашъ разговоръ уже не возобновлялся впродолженіи всего вечера.

Прелестная Мина вошла въ комнату съ подносомъ въ рукахъ и обратила мое особое вниманіе на кѣкъ, который она сама испекла въ это утро.

— Я умѣю стряпать и шить платья, сказала она; — если Фрицъ женится на мнѣ бѣднымъ человѣкомъ, то мы обойдемся безъ служанки.

Я не помню, о чемъ мы говорили за чаемъ, но мнѣ было очень пріятно. Потомъ Мина спѣла нѣсколько мелодичныхъ нѣмецкихъ романсовъ.

Луна взошла очень рано въ этотъ вечеръ. Наконецъ, посмотрѣвъ на часы, я увидаль, что мнѣ пора идти домой.

— Въ такую ночь стыдно сидѣть дома, сказала Мина, стоя у окна и восхищаяся луной. — Проводите, мама, г. Дэвида до моста, посмотримъ на отраженіе луны въ рѣкѣ.

Г-жа Фонтэнъ согласилась, и мы отправились втроемъ.

Дойдя до моста, мы остановились, чтобы полюбоваться картиной. Но облака показались на небѣ, и луна выходила изъ-за нихъ только на мгновенія. Г-жа Фонтэнъ сказала, что въ воздухѣ пахнетъ дождемъ и, взявъ подъ руку дочь, повернула назадъ. Я предложилъ проводить ихъ до дома, но онѣ отказались, нежелая задерживать меня долѣе, а взяли съ меня слово, что я приду къ нимъ дня черезъ два.

Въ ту самую минуту, какъ мы прощались, луна выплывала на небѣ и серебристые лучи ея прямо освѣщали вдову Фонтэнъ, дочь же ея оставалась немного въ тѣни.

— До свиданія, г. Дэвидъ, сказали онъ и быстро удалились. Я нечаянно обернулся и съ удивленіемъ замѣтилъ, что подлѣ меня стоялъ Энгельманъ съ трубкой во рту и жадно смотрѣлъ въ слѣдъ удалявшимся фигурамъ.

— Кто эта красавица, Дэвидъ? спросилъ онъ, схвативъ меня за руку.

— О которой изъ нихъ вы говорите? спросилъ я не безъ схищства.

— Конечно, о дамѣ въ траурѣ.

— Вамъ понравилась вдова?

— Понравилась, дитя мое, отвѣчалъ Энгельманъ, указывая на свою трубку: — она сдѣлала то, что ни одной женщиной еще не удавалось, — она погасила мою трубку.

ГЛАВА ХІ.

Я не могъ удержаться отъ смѣха при этомъ сопоставленіи красоты г-жи Фонтанъ съ трубкою Энгельмана. Мой добрый старый другъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Ничего нѣтъ смѣшного, если я такъ засмотрѣлся, что трубка погасла, сказалъ онъ серьезно. — Дэвидъ, все мое существо всецѣло было поглощено этой великолѣпной женщиной. Ея образъ до сихъ поръ стоитъ передъ мною, какъ ангелъ, залитый серебрянымъ свѣтомъ луны. Я, кажется, впервые въ жизни сталъ выражаться поэтически. Это было-бы, впрочемъ, неудивительно. Я право не знаю, что со мною. Вы молодой человекъ и можете мнѣ сказать, ужъ не влюбился-ли я?

Но, прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на этотъ неожиданный вопросъ, онъ взялъ меня за руку и со страхомъ прибавилъ:

— Не говорите объ этомъ ни слова другу Белеру. Онъ прекрасный человекъ, но не имѣетъ ни малѣйшей жалости къ грѣшникамъ. А послушайте, Дэвидъ: вы можете меня представить этой красавицѣ?

Тревожимый мыслью, что я говорилъ слишкомъ откровенно съ вдовою Фонтанъ, я рѣшился выказать крайнюю осторожность въ отношеніи Энгельмана.

— Нѣтъ, я не могу васъ представить, отвѣчалъ я: — она живетъ здѣсь въ полнѣйшемъ одиночествѣ и никого не принимаетъ.

— По крайней мѣрѣ, вы можете сказать ея имя, продолжалъ настаивать Энгельманъ; — вы, вѣроятно, упомянули объ этомъ Келеру.

— Нѣтъ, у меня есть причины вовсе не говорить о ней г. Келеру.

— Ну, вы можете вполне довѣрить мнѣ, Дэвидъ, я никому не открою вашей тайны. Я хочу только послать ей цвѣтовъ изъ моего сада. Противъ этого она не можетъ имѣть ничего. Ну, добрый Дэвидъ, скажите, куда мнѣ послать мой букетъ.

Я, вѣроятно, поступилъ дурно и, судя по слѣдующимъ событіямъ, конечно, я поступилъ дурно; но я не могъ взглянуть серьезно на дѣло о букетѣ и назвалъ по имени вдову Фонтенъ. Онъ вздрогнулъ.

— Это не мать-ли той дѣвушки, на которой Фрицъ хочетъ жениться? воскликнулъ онъ.

— Да, это она. Не правда-ли, Фрицъ человекъ со вкусомъ и Мина прелестная дѣвушка!

— Не знаю. Я былъ такъ очарованъ матерью, что никого другого не видѣлъ. Какъ думаете, г-жа Фонтенъ замѣтила меня?

— Да. Она взглянула на васъ.

— Ну, а теперь вы, Дэвидъ, посмотрите на меня. При свѣтѣ луны вы кажетесь гораздо моложавѣе; можетъ быть и я такъ-же. Сколько вы мнѣ теперь дадите: лѣтъ пятьдесятъ или шестьдесятъ?

— Я даль-бы вамъ шестой десятокъ.

Ему было почти семьдесятъ лѣтъ, но кто рѣшился-бы сказать ему это въ подобную минуту?

Мой отвѣтъ показался столь удовлетворительнымъ старику, что онъ завелъ разговоръ о покойномъ мужѣ г-жи Фонтенъ:

— Что, она очень любила? Какой онъ былъ человекъ, Дэвидъ?

Я замѣтилъ, что никогда его не видалъ и, чтобы переимѣнить предметъ нашей бесѣды, спросилъ, опоздаю-ли я къ ужину.

— Дитя мое, ужинъ оконченъ уже съ полчаса, отвѣчалъ онъ; — но я уговорилъ нашу сердитую экономку оставить вамъ что-нибудь горячее. Вы найдете сегодня вечеромъ Келера въ очень дурномъ настроеніи. Онъ уже былъ не въ духѣ отъ необходи-

ности написать протестъ вашей теткѣ, а потомъ ваше отсутствіе его разсердило. — „Онъ принимаетъ нашъ домъ за трактиръ, сказалъ онъ; — но я никому не позволю такъ обходиться съ нами“.

— Онъ до того былъ разсерженъ, что я пошелъ погулять и встрѣтилъ свою судьбу, прибавилъ старикъ такимъ грустнымъ тономъ, какого я никогда не ожидалъ услышать отъ добраго Энгельмана.

Онъ былъ правъ. Меня приняли дома очень холодно.

— Я написалъ прямо вашей теткѣ все, что думаю, сказалъ Келеръ;—и, вѣроятно, съ будущей почтой она отзоветъ васъ Лондонъ. Пока-же прошу васъ, когда вы намѣрены провести вечеръ не дома, потрудиться сказать объ этомъ одному изъ слугъ.

Потомъ набросилась на меня старая воркунья-экономка, известная въ домѣ подъ именемъ тетки Барбары. Она принесла блюдо съ кушаньемъ, которое держала на плитѣ для меня, и поставила его съ такимъ шумомъ на столъ, что оно едва не треснуло.

— Я сдѣлала это разъ, сказала она;—но если вы еще когда-нибудь опоздаете, то можете ужинать гдѣ вамъ угодно.

На слѣдующій день я написалъ теткѣ и Фрицу. Послѣднему я не могъ открыть всей правды, потому что онъ тогда немедленно прилетѣлъ-бы въ Франкфуртъ; но я сообщилъ ему, что нашелъ слѣдъ Мины и ея матери, что въ настоящее время нечего было беспокоиться о нихъ и что даже я могъ переслать Минѣ письмо, еслибы онъ чувствовалъ необходимость ей написать. Послѣднюю уступку я сдѣлалъ изъ желанія столько-же успокоить Фрица, сколько услужить прелестной Минѣ. Я наканунѣ общалъ ей тотчасъ увѣдомить ее, когда напишу ея возлюбленному, а потому, не имѣя никакого занятія въ конторѣ, пока не разрѣшится спорный вопросъ о женскомъ трудѣ, я снесъ на почту свои письма, а оттуда направился къ вдовѣ Фонтэнъ и ея очаровательной дочери.

Мина была приведена въ восторгъ надеждой получить вѣсточку отъ Фрица, а я былъ очень удивленъ, увидавъ на столѣ въ большой старинной фарфоровой чашѣ для пунша, громадный букетъ великолѣпныхъ цвѣтовъ. Каждому, кто зналъ Энгельмана, этотъ букетъ говорилъ многое. Онъ обыкновенно запрещалъ сры-

срывать хоть одинъ цвѣтокъ въ его саду, а теперь собственными руками подвергъ опустошенію свои прекрасныя куртины.

— Какіе чудные цвѣты! сказалъ я. — Самъ г. Энгельманъ позавидовалъ-бы такому букету.

— Неужели вы думаете, что вамъ удастся обойти меня, произнесла г-жа Фонтэнъ, иронически? — Г. Энгельманъ не только прислалъ мнѣ эти цвѣты, но написалъ слишкомъ лестную записку. А я, прибавила она, небрежно взглянувъ на каминъ, на которомъ лежало какое-то письмо, — написала ему отвѣтъ въ обычныхъ выраженіяхъ. Глупо было бы стоять на церемонной ногѣ съ безвреднымъ старымъ джентльменомъ, котораго мы встрѣтили съ вами на мосту. Какой онъ толстый и какая у него странная трубка, почти столь-же толстая, какъ онъ самъ.

Вѣдний Энгельманъ, она говорила о немъ съ такимъ жестокимъ презрѣніемъ!

— Хотя онъ видѣлъ васъ только одну минуту, замѣтилъ я, — но сразу сдѣлался вашимъ пламеннымъ поклонникомъ.

— Неужели? произнесла она и тотчасъ пережѣнила разговоръ. — А писали вы сегодня вашей теткѣ? спросила она.

— Да.

— Вѣроятно, вы писали исключительно о дѣлахъ. Но все-же позвольте спросить, не упомянули-ли вы хоть вскользь о надеждахъ, возлагаемыхъ мною на ея пріѣздъ въ Франкфуртъ?

— Я полагаю, что теперь не время возбуждать этотъ вопросъ, отвѣчалъ я, пользуясь этимъ случаемъ, чтобъ нѣсколько урезонить ее; — между мистрисъ Вагнеръ и г. Келеромъ возникло серьезное столкновеніе по поводу внутренняго порядка въ здѣшней конторѣ. Они оба очень упорны. Келеръ написалъ теткѣ сегодня откровенно свое мнѣніе, и я боюсь, что это возбудитъ непріятную между ними переписку.

Мои слова ее поразили. Она приблизила свое кресло къ моему.

— Думаете вы, что эта переписка отсрочитъ отъѣздъ вашей тетки изъ Лондона? спросила она.

— Напротивъ, она очень рѣшительная женщина, и это можетъ только ускорить ея посѣщеніе Франкфурта. Но я думаю, что всякія дружескія отношенія между ними прекратятся, если

г. Келеръ будетъ вынужденъ подчиниться въ дѣлахъ фирмы волѣ женщины.

— Я понимаю, сказала она едва слышно, откидываясь на спинку кресла.

Въ эту минуту Мина, стоявшая у окна, воскликнула:

— Мама, сынъ хозяйки только-что ушелъ, не крикнуть-ли мнѣ его назадъ?

— Зачѣмъ, дитя мое? спросила разсѣянно г-жа Фонтэнъ.

— Чтобъ снести ваше письмо къ г. Энгельману, отвѣчала молодая дѣвушка, указывая на каминъ.

Г-жа Фонтэнъ взглянула на письмо, подумала съ минуту и потомъ промолвила:

— Нѣтъ, голубушка; пусть мальчикъ идетъ. Это не къ спѣху.

Сказавъ это она обратилась ко мнѣ:

— По счастью, я никогда не теряю надежды, сказала она; — и въ виду вашего добраго намѣренія я буду по-прежнему надеяться на счастливый исходъ. Милая Мина, сыграй намъ что-нибудь.

Пока молодая дѣвушка послушно отрывала фортепиано, она взглянула на букетъ.

— Вы любите цвѣты, Дэвидъ? спросила она; — и понимаете вы что-нибудь въ ботаникѣ? Я только невѣжественно восторгаюсь ихъ красотою и благоуханіемъ. Право, вашъ старый другъ, г. Энгельманъ, очень любезный джентльменъ. Безъ него у меня не было-бы такихъ чудесныхъ цвѣтовъ. А скажите, онъ принимаетъ участіе въ грустныхъ недоразумѣніяхъ между вашей теткой и г. Келеромъ.

Что значило это неожиданное вниманіе вдовы Фонтэнъ къ Энгельману и нежеланіе послать ему написанное уже давно письмо? Тревожимый сомнѣніями, возбуждаемыми этими вопросами, я сдѣлалъ неосторожность и отвѣчалъ слишкомъ сдержанно, что ничего не знаю, но что, вѣроятно, Энгельманъ согласенъ съ мнѣніемъ Келера. Она поняла меня и съ этой цѣлью стала избѣгать разговора объ Энгельманѣ. Даже пѣніе Мины не могло разсѣять моихъ мрачныхъ мыслей и я былъ очень радъ, когда, простившись съ своими новыми друзьями, очутился на улицѣ.

По дорогѣ домой обдумывая все, что я видѣлъ и слышалъ, я сталъ прямо подозрѣвать г-жу Фонтэнъ въ коварномъ желаніи

воспользоваться вліянієм Ангельмана для устройства ей свиданія съ Келеромъ, такъ какъ помощь моеѣ тетки въ этомъ отношеніи была теперъ немыслимой. Очевидно, она хотѣла уничтожить свою холодную записку къ Ангельману и написать другую, очень любезную, съ приглашеніемъ посѣтить ее.

Этимъ подозрѣніямъ суждено было оправдаться въ тотъ же день за ужиномъ. Ангельманъ явился очень нарядно одѣтымъ и былъ въ прекрасномъ расположеніи духа. Келеръ шутя спросилъ его, не женится-ли онъ, а Ангельманъ до того забылся отъ счастья, наполнявшаго его сердце, что позволилъ себѣ затронуть большой вопросъ о женскомъ трудѣ.

— Кто знаетъ, что можетъ случиться, отвѣчалъ онъ;—когда у насъ въ конторѣ будутъ служить молодыя дѣвушки.

Келеръ такъ разсердился, что молчалъ до окончанія ужина.

Когда Ангельманъ вышелъ изъ столовой, я послѣдовалъ за нимъ.

— Вы идете къ г-жѣ Фонтанъ? спросилъ я.

— Съ вечернимъ визитомъ, Дэвидъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкой;—ну, не всегда вамъ, юношамъ, торжествовать. Я получилъ отъ нея очаровательное письмо. Оно у меня на сердцѣ, прибавилъ онъ, ударяя по боковому карману скюртука;—но чувства женщины священны и я не могу вамъ его показать.

Я хотѣлъ-было ему все рассказать, но мысль о Минѣ меня удержала. Желаніе охранить душевное спокойствіе Ангельмана шло прямо на перекорь другому моему желанію — видѣть Мину женою Фрица; къ тому же могли-ли мои слова подѣйствовать на добраго старика, поднавшаго подъ вліяніе опасныхъ чаръ г-жи Фонтанъ. Поэтому я рѣшился предостеречь его въ общихъ выраженіяхъ и выжидать обстоятельствъ.

— Позвольте мнѣ вамъ сказать два слова, произнесъ я:—самыя лучшія женщины имѣютъ свои недостатки. Г-жа Фонтанъ очаровательна, но не думайте, чтобъ она была искренна.

— О, Дэвидъ, произнесъ онъ, сіяя счастіемъ;—вы уже меня ревнуете.

Онъ надѣлъ на бокрень шляпу и, взявъ трость, вышелъ изъ дома.

ГЛАВА XIII.

Прошло два дня и я замѣтилъ другую пережѣву въ Энгельманѣ.

Онъ превратился въ серьезнаго, сдержаннаго человѣка. Не надѣлалъ-ли онъ такихъ глупостей, которыя могли навлечь на него насмѣшки, если-бы онѣ стали извѣстными? Или вдова предупредила его, чтобы онъ не былъ очень откровененъ со мной? Во всякомъ случаѣ, онъ не сказалъ мнѣ ни слова о приѣмѣ его г-жею Фонтэнъ и тайкомъ вышелъ изъ дома, отправляясь къ ней во второй разъ. Не желая встрѣтиться съ нимъ у прекрасной вдовы и чувствуя нѣкоторое безпокойство о будущемъ, я держалъ себя въ сторонѣ и выжидалъ событія.

На третій день я получилъ записку отъ Мины слѣдующаго содержанія:

„Любезный г. Дэвидъ, если вы желаете видѣть маму и меня, то оставьтесь дома сегодня вечеромъ. Добрый г. Энгельманъ обѣщаль показать намъ послѣ закрытія конторы свой интересный старинный домъ“.

Не было ничего необыкновеннаго въ этомъ посѣщеніи „стариннаго дома“. Онъ, дѣйствительно, представлялъ одинъ изъ образцовъ старинной архитектуры, которыми славится Франкфуртъ, и художники всѣхъ націй рисовали его внѣшніе и внутренніе виды. Но замѣчательно было, что въ выбранный Энгельманомъ вечеръ для посѣщенія вдовы, его другъ Келеръ былъ приглашенъ къ какимъ-то пріятелямъ на другой конецъ города.

За нѣсколько времени до назначеннаго вдовой часа, Энгельманъ началъ поглядывать на меня какъ-то неловко и тревожно.

— Развѣ вы, Дэвидъ, сегодня вечеромъ никуда не пойдете? сказалъ онъ, наконецъ.

— А я вамъ мѣшаю? спросилъ я ехидно.

— О, нѣтъ.

— Такъ я останусь дома.

Онъ ничего не отвѣчалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, видимо, недовольный. Вдругъ позвонили. Онъ остановился и взглянулъ на меня.

— Гости? спросилъ я снова.

На этотъ разъ онъ долженъ былъ мнѣ отвѣчать.

— Это мой друзья; они желаютъ посмотрѣть нашъ домъ.

Меня взорвало его упорное желаніе скрыть отъ меня имена таинственныхъ посѣтителей, и я прямо сказала:

— Да, г-жа Фонтэнъ съ дочерью.

Онъ быстро обернулся, чтобъ мнѣ отвѣтить. Но въ ту-же минуту дверь отворилась и старая экономка ввела двухъ изящно одѣтыхъ дамъ, на которыхъ она подозрительно поглядывала.

Если-бы Мина не взяла меня за руку, то я изъ деликатности, вѣроятно, не сопровождалъ-бы ихъ при осмотрѣ дома, но тутъ я долженъ былъ вмѣстѣ съ нею послѣдовать за Энгельманомъ и вдовой.

— Знаете, сказала мнѣ шепотомъ Мина, — обращаясь со мною, какъ съ братомъ, — этотъ добрый джентльменъ и мама такъ сошлись, что они словно давнишніе друзья. Мама, обыкновенно, очень подозрительна къ незнакомымъ людямъ: не правда-ли, что эта неожиданная дружба очень странная? И она ему позволяетъ даже курить въ нашей гостиной. Онъ сидитъ, молча пуская клубы дыма и восхищаясь мамой, а она говоритъ за обоихъ. Заходите къ намъ поскорѣе, кромѣ васъ мнѣ не съ кѣмъ говорить о Фрицѣ. Мама и г. Энгельманъ не обращаютъ на меня никакого вниманія, точно я собаченка или кошка.

Перейдя изъ нижняго этажа во второй, восторгъ г-жи Фонтэнъ все увеличивался съ каждымъ шагомъ. Она, повидимому, основательно знала и высоко цѣнила архитектуру XVII вѣка. Вскорѣ оказалось, что она занималась и живописью-акварелью.

— Я, какъ любительница, работаю не дурно, сказала она Энгельману; — и я очень желала-бы сдѣлать эскизы этихъ великолѣпныхъ старыхъ комнатъ на память о Франкфуртѣ. Но я не прошу у васъ позволенія работать здѣсь, добрый г. Энгельманъ, потому что вы, конечно, не желаете, чтобъ дамы-артистки съ альбомами надѣдали вамъ въ вашемъ холостомъ раю. Я надѣсь, что мы обезпечили г. Келера. Онъ дома?

— Нѣтъ.

Потокъ краснорѣчія г-жи Фонтэнъ вдругъ изсякъ. Она молча поднялась по лѣстницѣ въ третій этажъ, гдѣ находились наши спальни. Комната, въ которой я спалъ, не представляла ничего за-

нѣвательнаго, но въ комнатахъ Келера и Энгельмана были одни изъ лучшихъ образцовъ рѣзбы на деревѣ во всея домѣ.

Уже смеркалось и Энгельманъ зажегъ свѣчи въ своей комнатѣ. Вдова Фонтэнъ взяла одну изъ нихъ и подробно осмотрѣла самыя интересныя предметы въ комнатѣ: шкафъ и туалетъ. Она все еще была не много сосредоточена, но выказала себя знаткомъ въ старинной рѣзбѣ.

— Мой бѣдный мужъ очень любилъ рѣзбу на деревѣ, сказала она смиреннымъ тономъ; — и все, что я знаю объ этомъ предметѣ, я почерпнула у него. Любезный г. Энгельманъ, ваша комната просто картина. Какъ она проста и величественна. А какъ вы думаете, прибавила она, понижая голосъ и какъ-бы смущаясь: мы можемъ взглянуть на комнату г. Келера?

Она говорила о комнатѣ г. Келера, точно это была святая, доступная только немногимъ избраннымъ.

— Гдѣ его комната? спросила она съ неотразимымъ любопытствомъ.

Я указалъ имъ дорогу въ коридоръ и безъ всякой церемоніи отворилъ дверь спальни Келера. Г-жа Фонтэнъ бросила на меня такой взглядъ, словно я виновень былъ въ святотатствѣ.

Энгельманъ послѣдовалъ за нами съ свѣчкой въ рукахъ и тотчасъ зажегъ древнюю мѣдную лампу, висѣвшую съ потолка.

— Мой ученый другъ, сказалъ онъ, — много читаетъ въ спальнѣ и любить, чтобы было свѣтло. Вы хорошо увидите всю комнату, когда лампа разгорится. Большой рѣзной деревянный каминъ считается первымъ произведеніемъ этого рода во Франкфуртѣ.

Вдова подошла къ камину и молча подняла руки въ нѣмомъ восторгѣ. Оправившись отъ этой вспышки, она обняла Мину.

— Я должна тебѣ, голубушка, растолковать всю прелесть этого удивительнаго произведенія, сказала она, и прочитала дочери цѣлую лекцію о достоинствахъ этой художественной работы; — о если-бы я только могла снять съ него эскизъ, прибавила она, окончивъ свою рѣчь: — но нѣтъ, это значило-бы злоупотреблять вашей любезностью.

Потомъ она подробно осмотрѣла все въ комнатѣ; даже маленькій столикъ у постели, съ кружкой и стаканомъ не избѣгли ея вниманія.

— А, это онъ пьетъ ночью? спросила она съ почтительнымъ любопытствомъ:—могу я отвѣдать?

— Это только ячменная вода, отвѣчалъ со смѣхомъ Энгельманъ;—наша старая экономка, страдающая ревматизмомъ, старается какъ можно рѣже ходить по лѣстницѣ, поэтому, убирая комнату вечеромъ, она приготовляетъ и питье на ночь, чтобъ избавить себя отъ второго путешествія на-верхъ.

— Отвѣдай, Мина, сказала ея мать, подавая стаканъ;—какъ хорошо и прохладительно.

Энгельманъ наклонился къ вдовѣ и шепнулъ ей что-то на ухо. Я стоялъ за ними и не могъ не слышать его словъ.

— Я ревную Келера, сказалъ онъ; — вы не пробовали моего ночного питья—пива.

Вдова молча бросила на него такой краснорѣчивый взглядъ, что бѣдный Энгельманъ вздохнулъ отъ счастья. Мина наивно прервала эту сантиментальную сцену.

Она смотрѣла на картины, висѣвшія въ комнатѣ, и просила Энгельмана объяснить нѣкоторыя изъ нихъ. Мнѣ показалось страннымъ, что вдова при ея артистическихъ наклонностяхъ не обратила никакого вниманія на картины. вмѣсто того, чтобъ подойти къ дочери, разсматривавшей картины, она продолжала стоять у кровати, устремивъ глаза на кружку съ ячменной водой, и, казалась, была погружена въ глубокую думу. Вдругъ она вздрогнула, быстро обернулась и замѣтила, что я слѣжу за нею. Въ ея глазахъ блеснулъ гнѣвный, подозрительный взглядъ, но въ одно мгновеніе она приняла на себя свой обычный тонъ.

— Я васъ удивляю, Дэвидъ, сказала она очень нѣжно;— вы думаете, что мнѣ слѣдовало-бы смотрѣть на картины; но, мой другъ, я не могу всегда побороть свои грустныя воспоминанія, которыя часто наполняютъ мою голову при малѣйшемъ благоприятномъ къ тому случаѣ. Добрый г. Энгельманъ меня понимаетъ. Онъ, вѣроятно, также страдалъ въ своей жизни. Могу я свѣтъ на минуту?

Она томно опустилась въ кресло и стала бросать по сторонамъ одобрительные взгляды. Всѣ ея движенія дышали необыкновенной граціей. Энгельманъ, объяснивъ Минѣ, какъ можно короче и скорѣе всѣ картины, и подойдя къ вдовѣ, началъ вмѣстѣ съ нею восхищаться каминомъ.

— Художники увѣряютъ, что онъ всего эффектнѣе при лампахъ, замѣтилъ онъ;—днемъ широкій простѣнокъ между окнами мѣшаетъ солнечнымъ лучамъ проникать въ комнату.

— Я только думала объ этомъ, произнесла г-жа Фонтэнъ;—при ламповомъ освѣщеніи этотъ каминъ—просто прелесть. Какъ жаль, что я не захватила свой альбомъ, я набросила-бы въ немъ хоть нѣсколько эскизовъ во время отсутствія г. Келера.

Говоря это, она пристально посмотрѣла на меня.

— Если вы можете обойтись безъ красокъ, произнесъ я,—то у насъ найдется бумага и карандашъ.

Въ эту минуту въ коридоръ пробили часы. Энгельманъ взглянулъ съ безпокойствомъ на своихъ гостей и всталъ съ кресла, что ясно говорило: время прошло незамѣтно и Келеръ тотчасъ вернется. Мина, повидимому, это поняла, по впервые быстрая смекалка вдовы, казалось, ее покинула. Она продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ, какъ будто была дома.

— Я право не знаю, могла-ли-бы я обойтись безъ красокъ, сказала она задумчиво;—но все-же попробовать не мѣшаетъ.

Но тутъ безпокойство Энгельмана перешло въ неописанный страхъ и Мина, видя происшедшую въ немъ перемену, воскликнула:

— Я боюсь, мама, что теперь уже поздно рисовать. Вѣдь г. Келеръ можетъ теперь каждую минуту вернуться.

— О! Какъ я глупа, что объ этомъ не подумала, отвѣчала г-жа Фонтэнъ;—простите меня, Энгельманъ, я такъ была заинтересована этой прелестью, что забыла о всемъ остальномъ. О, какъ я вамъ благодарна за доставленное мнѣ художественное наслажденіе.

И она направилась къ двери, разсыпаясь въ извиненіяхъ. Энгельманъ совершенно успокоился, посмотрѣлъ на нее съ любовью и предложилъ ей свою руку, чтобъ спуститься съ лѣстницы.

Я съ Миною теперь шелъ впереди. Сойдя во-второй этажъ, мы остановились, поджидая вдову; но она ужасно медлила и, насколько мы могли слышать, съ восторгомъ разсматривала балюстраду лѣстницы. Когда-же она, наконецъ, поравналась съ нами, то двери привлекли ея вниманіе. Снова намъ пришлось ждать ее въ нижнемъ этажѣ. Сѣни были освѣщены другой старинной мѣдной лампой и г-жа Фонтэнъ объявила, что нельзя было пройти

мимо этой прелестной картины, не остановившись, чтобы не полюбоваться ею.

— Я никогда не видывала, чтобы мама поступала такъ странно, сказала мнѣ Мина; — если-бы это было только возможно въ нашемъ положеніи, то я, право, подумала-бы, что она нарочно хочетъ дожидаться здѣсь г. Келера.

Что касается меня, то я въ этомъ былъ вполне убѣжденъ, зная, какъ г-жа Фонтэнъ желала сойтись лицомъ къ лицу съ г. Келеромъ. Дѣйствительно, пока она еще разсматривала лампу, въ замѣкъ наружной двери послышался звонъ ключа, и Келеръ вошелъ въ сѣни.

Увидавъ двухъ незнакомыхъ дамъ, онъ остановился и вопросительно взглянулъ на своего стараго друга. Энгельманъ долженъ былъ такъ или иначе объяснить это происшествіе.

— Это мои знакомыя, сказалъ онъ въ большемъ смущеніи: — я показалъ имъ нашъ домъ.

Келеръ снялъ шляпу и поклонился вдовѣ. Она съ поразившимъ меня спокойствіемъ присѣла и съ граціозной улыбкой объявила свое имя.

— Я вдова Фонтэнъ, сказала она, — а это моя дочь Мина.

ГЛАВА XIII.

Келеръ молча отвернулся, прошелъ мимо вдовы на противоположный конецъ сѣней, открылъ дверь въ сосѣднюю комнату и заперъ ее за собою. Если-бы онъ и захотѣлъ взглянуть на Мину, то онъ не могъ-бы ея разглядѣть. Она спряталась за меня, дрожа всѣмъ тѣломъ. Я взялъ ее за руку и старался успокоить.

— Вы сами видите, что намъ не остается никакой надежды, промолвила она шепотомъ: такого человѣка не уломаешь.

Г-жа Фонтэнъ спокойно слѣдила за удалявшейся фигурой Келера и, какъ только онъ, исчезъ, она сказала:

— Нѣтъ, ты отъ меня такъ не отдѣлаешься!

Какъ-бы побуждаемая невѣдомой силой, она встала и пошла къ двери, за которой исчезъ Келеръ. Я оставался съ Миной и не могъ видѣть выраженія лица ея матери; но Энгельманъ простеръ къ ней руки, стараясь ее остановить и испуганное лицо его ясно говорило: да на что-же это похоже?

— О, г-жа Фонтэнъ! воскликнулъ добрый старикъ;— не смотрите такъ ужасно: у Келера только вспышка дурнаго характера, онъ вскорѣ одумается.

Не отвѣчая и даже несмотря на него, она отвела его руки, словно онъ былъ ребенокъ, и, подойдя къ двери, постучала.

— Кто тамъ? спросилъ голосъ Келера изнутри.

— Г-жа Фонтэнъ, отвѣчала вдова: я хочу съ вами объясниться.

— Я не желаю принять г-жу Фонтэнъ.

— Въ такомъ случаѣ, г. Келеръ, я буду имѣть честь написать вамъ письмо.

— Я не прочту вашего письма.

— Подумайте серьезно объ этомъ сегодня ночью и завтра утромъ перемѣните свое мнѣніе, г. Келеръ.

Она повернулась и, не ожидая отвѣта, возвратилась къ намъ.

— О, милая, добрая мама, сказала Мина, нѣжно цѣлуя ее:— вы все это дѣлаете ради меня. Но мнѣ жаль, что вы такъ бесполезно унижаете себя.

— Мои старанія не будутъ бесполезными, дитя мое, отвѣчала она: если-бы пятьдесятъ Келеровъ мѣшали твоему счастью, то я сумѣла-бы удалить эти пятьдесятъ преградъ на твоёмъ пути, моя голубушка.

Голосъ ея, звучавшій чисто-мужской рѣшимостью, вдругъ оборвался на послѣднемъ ласковомъ словѣ. Она прижала Мину къ своему сердцу и покрыла пламенными поцѣлуями единственное существо, которое она любила на свѣтѣ. Въ эту минуту она показала мнѣ дѣйствительно красавицей. Слезы любви и горя дрожали въ ея глазахъ.

— Прощайте, добрый другъ, сказала она, протягивая руку Энгельману:— мнѣ очень жаль что я была невинной причиной этой непріятной сцены.

Добрый старикъ поднесъ платокъ къ своимъ глазамъ. Никогда въ жизни не былъ онъ такъ перепуганъ и смущенъ.

— Позвольте мнѣ проводить васъ до дома, нѣжно сказалъ онъ, цѣлуя руку вдовы.

— Не сегодня, отвѣчала она.

Онъ началъ было настаивать, но она умѣла его подчинить своей

волѣ однимъ взглядомъ. Онъ безпомощно опустился въ кресло, проивнося шепотомъ:

— Бѣдная, прекрасная женщина.

Прощаясь со мной, г-жа Фонтанъ какъ-бы, пораженная новой мыслью, сказала:

— У меня есть къ вамъ просьба, Дэвидъ. Не проводите-ли вы насъ домой?

Я, конечно, взялъ шляпу и отвѣчалъ, что всегда къ ея услугамъ. Энгельманъ при этомъ вскочилъ и поднялъ руки въ видѣ безмолвнаго протеста.

— Не беспокойтесь, замѣтила г-жа Фонтанъ, обращаясь къ нему съ презрительной улыбкой: Дэвидъ меня не любитъ.

Сказавъ это, она направилась къ двери, а я, прежде чѣмъ послѣдовать за нею и Миной, промолвилъ на ухо Энгельману:

— Она можетъ быть моею матерью, и на этотъ разъ, во всякомъ случаѣ я сказалъ правду.

По дорогѣ мы шли молча. Мина грустно думала о Фрицѣ, а ея мать очевидно хотѣла поговорить со мною наединѣ. Когда мы подошли къ дому, она просила меня не много подождать въ ихъ скромной гостиной, предложивъ мнѣ покурить.

— Простись съ Дэвидомъ, дитя мое, сказала она, обращаясь къ Минѣ:—твое бѣдное сердце очѣнь наболѣло и я уложу тебя спать, какъ маленькаго ребенка. Ахъ, если-бы ты была теперь все еще маленькимъ ребенкомъ, какъ въ прежнее счастливое время!

Послѣ непродолжительнаго отсутствія вдова возвратилась въ комнату съ спокойной улыбкой. Она, казалось, совершенно забыла о свиданіи съ Келеромъ.

— Мы часто слышимъ о родителяхъ, которые исправляютъ своихъ дѣтей; но я полагаю, что дѣти такъ-же часто исправляютъ родителей, сказала она:—я провела нѣсколько счастливыхъ минутъ съ Миной и я уже готова простить Келеру его варварское обращеніе со мною, готова написать ему самое умѣренное, примирительное письмо, которое, я увѣрена, хорошо повліяетъ на него. Но я не хочу задерживать васъ, Дэвидъ, и скажу прямо, въ чемъ заключается моя просьба. Если я передъ вами напишу письмо г. Келеру, возьметесь вы передать его?

Я колебался, что отвѣтить. Ея вопросъ ставилъ меня въ очень неловкое положеніе.

— Я не прошу, чтобъ вы сами передали письмо г. Келеру, продолжала она: мнѣ необходимо только знать, что письмо попало въ его руки. Совершенно будетъ достаточно, если вы положите письмо на его столъ. Вы сдѣлаете это, не правда-ли, не для меня, а ради Минны?

Ради Минны я согласился. Она затѣмъ попросила меня сѣсть къ столу на ея мѣсто.

— Если вы напишите черновую подъ мою диктовку, то мы много выиграемъ во времени, объяснила она:—я всегда диктую свои письма Минѣ. Конечно, я спишу черновую слово въ слово и вамъ покажу прежде чѣмъ запечатать.

Она начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ руки какъ великій Наполеонъ. Подумавъ съ минуту, она продиктовала мнѣ слѣдующее.

„Милостивый государь, я знаю, что скандальные слухи изъ Вюрцбурга возстановили васъ противъ меня. На-сколько мнѣ извѣстно, эти слухи касаются трехъ вопросовъ. Говорятъ, во-первыхъ, что мой мужъ умеръ по-горло въ долгахъ, благодаря моей расточительности; во-вторыхъ, что мои почтенные сосѣди не хотѣли со мною знаться; и, въ третьихъ, что я разставила сѣти вашему Фрицу и заставила его просить руки моей дочери, потому что его отецъ богатый человекъ.

„На первую клевету я отвѣчаю, что долги моего мужа произошли отъ дорогихъ его опытовъ по химіи и что я заплатила всѣмъ кредиторамъ до послѣдняго гроша. Дозвольте мнѣ объяснитьсь съ вами лично и я вамъ укажу имена и адреса этихъ кредиторовъ. Въ отношеніи второй клеветы я могу доказать, что, прибывъ въ Вюрцбургъ послѣ моего замужества, я получила приглашенія отъ всѣхъ знатнѣйшихъ дамъ въ городѣ. Убѣдившись на опытѣ, какое общество въ Вюрцбургѣ, я дѣйствительно отказывалась, хотя очень любезно, отъ всѣхъ дальнѣйшихъ приглашеній и посвятила всю свою жизнь мужу, дочери и литературнымъ или художественнымъ занятіямъ. Силетни и вязаніе чулка признаюсь мнѣ не по вкусу, и хотя я строго исполняю всѣ обязанности хозяйки, но я не признаю ихъ единственной цѣлью жизни каждой женщины. Я виновата только въ томъ, что по своей глупости открыто выражала свои чувства и тѣмъ нажила себѣ множество враговъ. Если эта чистосердечная защита васъ не удовлетворитъ, то на-

значьте мнѣ свиданіе и я готова отвѣтить на какіе вамъ угодно вопросы.

„На третью клевету я могу только возразить, что если-бы вы были принцъ крови, а не купецъ, то и тогда я всячески старалась-бы удалить вашего сына отъ моей дочери, по той простой причинѣ, что мысль о разлукѣ съ нею наполняетъ мое сердце страхомъ и горемъ. Я согласилась на этотъ бракъ, лишь вполнѣ убѣдившись, что счастье моего ребенка зависѣло отъ союза съ вашимъ сыномъ. Только въ виду этого я и пишу къ вамъ, я унижаюсь до просьбы дать мнѣ возможность оправдаться передъ вами въ взведенныхъ на меня клеветахъ. Что-же касается вашего богатства, то повѣрьте, что если-бы вы завтра обанкрутились, то я умоляла-бы васъ согласиться на этотъ бракъ точно такъ-же, какъ умоляю теперь. Бѣдность меня не пугаетъ, пока у меня руки могутъ работать. Но я не могу согласиться, чтобы вся жизнь моей дочери была погублена потому только потому, что вамъ было угодно повѣрять тѣмъ клеветамъ, которыя взведены на меня. Въ третій разъ прошу васъ—примите меня и выслушайте мою защиту“.

Она остановилась и, смотря на бумагу чрезъ мое плечо, промолвила:

— Я думаю, что этого довольно. Находите вы что-либо предосудительное въ этомъ письмѣ?

Что могъ я отвѣтить? Съ начала до конца письмо это было написано очень сдержанно и скромно. Я уступилъ мѣсто у стола вдовѣ Фонтэнъ, которая переписала собственноручно копию моей черновой. Она не сдѣлала ни малѣйшаго измѣненія, только прибавила слѣдующія знаменательныя слова:

„Умоляю васъ, не доводите меня до отчаянія. Мать, отстаивающая жизнь своего ребенка—а тутъ дѣло идетъ о жизни Минны—конечно, исполняетъ свою обязанность. Пусть никто этого не отрицаетъ“.

— Не слишкомъ-ли походятъ эти слова на угрозу? замѣтилъ я.

Она пристально посмотрѣла на меня и потомъ, запечатавъ письмо, подала мнѣ его.

— Пусть эти слова останутся, сказала она: я имѣю на это свои причины.

Возвратясь домой довольно поздно для Франкфурта, я съ изумленіемъ увидѣлъ, что Келеръ меня дожидался.

— Я объяснился съ моимъ компаньономъ, сказалъ онъ: и это объясненіе произвело на насъ обоихъ — я надѣюсь — только на время, очень тяжелое впечатлѣніе. Поэтому я долженъ просить васъ оказать мнѣ услугу вмѣсто г. Энгельмана, который не можетъ завтра покинуть Франкфурта въ виду полученнаго имъ приглашенія.

Очевидно, онъ подразумѣвалъ подъ этимъ посѣщеніе вдовы Фонтенъ. По всей вѣроятности, старые друзья очень крупно считались изъ-за этой женщины и Энгельманъ, несмотря на всю доброту, повидимому, оскорбился поведеніемъ Келера при встрѣчѣ съ г-жею Фонтенъ и ея дочерью.

— Услуга, которую я у васъ прошу, не трудная, продолжалъ онъ: — глава одного коммерческаго дома въ Ганау желаетъ вступить въ сношенія съ нами и сослался на нѣкоторыхъ почтенныхъ особъ въ городѣ и его окрестностяхъ. Все это надо провѣрить. У насъ столько занятія въ конторѣ, что я не могу поѣхать самъ въ Ганау или послать кого-нибудь изъ конторщиковъ. Я уже написалъ необходимую инструкцію, а, какъ вы знаете, Ганау очень недалеко отъ Франкфурта. Имѣете вы что-нибудь противъ этой поѣздки, въ качествѣ представителя нашей фирмы?

Излишне говорить, что я былъ польщенъ такимъ довѣріемъ и желалъ доказать на дѣлѣ, что я его вполне заслуживаю; по этому согласился выѣхать изъ Франкфурта на слѣдующее утро.

Поднимаясь по лѣстницѣ въ наши спальни, Келеръ замѣтилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Я не имѣю права вмѣшиваться въ ваши дѣла, но я достаточно старъ, чтобъ дать вамъ совѣтъ. Не будьте очень дружны, Дэвидъ, съ женщиной, которую я засталъ здѣсь сегодня вечеромъ.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и удалился въ свою комнату. Я былъ теперь убѣжденъ, что онъ не прочтетъ письма вдовы Фонтенъ, но все-таки сдержалъ слово: на слѣдующее утро я положилъ письмо на столъ въ его кабинетъ. Затѣмъ я отправился въ Ганау.

ГЛАВА XIV.

Благодаря данной инструкціи, мнѣ не трудно было исполнить порученіе Келера. Меня представили нѣкоторымъ личностямъ и полученныя отъ нихъ свѣденія я долженъ былъ передать по приѣздѣ Келеру. Вотъ и все.

Купецъ, благонадежность котораго я былъ присланъ провѣрить, гостепріимно удержалъ меня въ обѣду, говоря, что у него, кромя семейства, будетъ только двоюродная сестра его жены съ дочерью, г-жа Мейеръ изъ Вюрцбурга.

Я, конечно, принялъ это приглашеніе, хотя и не ожидалъ большаго удовольствія отъ этого обѣда и не обратилъ никакого вниманія на то, что г-жа Мейеръ была изъ Вюрцбурга. Даже когда меня представили этой почтенной дамѣ, какъ „высокоуважаемаго агента г. Келера изъ Франкфурта“, я не замѣтилъ, чтобы она взглянула на меня съ особымъ интересомъ. Это была толстая, цвѣтушая старуха, навзглядъ очень смышленная и рѣшительная; дочь же ея обѣщала быть современемъ точнымъ портретомъ маменьки. Я былъ очень радъ, что за обѣдомъ меня посадили между женою и старшимъ сыномъ хозяина. Они были въ моихъ глазахъ гораздо привлекательнѣе г-жи Мейеръ.

Послѣ обѣда мы перешли пить кофе въ другую комнату. Хозяинъ съ сыномъ, страстные музыканты, съиграли сонату на фортепьяно и скрипкѣ. Я сидѣлъ передъ столомъ и разсматривалъ прекрасныя гравюры съ картинъ старыхъ художниковъ, какъ вдругъ услыхалъ за собою голосъ:

— Могу я васъ спросить: знаете вы сына г. Келера?

Я оглянулся и увидѣлъ подлѣ себя г-жу Мейеръ.

— Видѣли вы его не давно и можете мнѣ сказать, гдѣ онъ теперь находится? продолжала она, когда я отвѣтилъ, что знакомъ съ Фрицемъ.

Я отвѣчалъ на эти вопросы къ полному удовольствію г-жи Мейеръ.

— Мнѣ хотѣлось-бы съ вами поговорить, сказала она, садясь подлѣ меня и понижая голосъ такъ, чтобы ее не слышали присутствовавшіе въ комнатѣ:—я очень интересуюсь Фрицемъ и до сегодняшняго дня ничего не слышала о немъ со времени его отъ-

ѣзда изъ Вюрцбурга. Онъ однажды ужь очень давно оказывалъ мнѣ услугу и я люблю вспоминать о немъ. Вы, вѣроятно, пользуетесь его довѣріемъ и онъ, конечно, рассказывалъ вамъ, зачѣмъ отецъ взялъ его изъ университета до окончанія курса.

Я отвѣчалъ что-то очень разсѣянно. Въ головѣ моей бродила мысль: гдѣ я слышалъ прежде эти самыя слова: „однажды уже очень давно онъ оказалъ мнѣ услугу“, которыя только-что произнесла эта почтенная особа.

— Его отецъ поступилъ очень благо разумно, различивъ Фрица съ этой женщиной и ея дочерью, продолжала г-жа Мейеръ: — вдова Фонтенъ поймала въ свои сѣти бѣднаго юношу. Но, можетъ быть, вы ея другъ? Въ такомъ случаѣ я молчу и извиняюсь.

— Совершенно напрасно.

— Вы не другъ г-жи Фонтенъ?

Строго говоря, прекрасную вдову можно назвать моей знакомой, но ни въ какомъ случаѣ—другомъ.

Поэтому я впервые отвѣчалъ осторожно:

— Нѣтъ.

— А! произнесла г-жа Мейеръ, свободно переводя дыханіе: — теперь я могу откровенно говорить съ вами ради Фрица. Вы такой-же молодой человѣкъ, какъ онъ; поэтому онъ скорѣе послушается васъ, чѣмъ кого-нибудь изъ насъ. Сдѣлайте все, что возможно для исцѣленія его отъ этого безумія. Я скажу вамъ прямо, что этотъ бракъ его погубить.

— Вы говорите очень рѣшительно. Развѣ вы знаете что-нибудь дурное о молодой дѣвушкѣ?

— Нѣтъ, она самое безвредное, ничего незначущее существо; я знала много дурного объ ея низкой матери.

— Я слышалъ два мнѣнія о ней. Фрицъ убѣжденъ, что на нее клеветаютъ. Онъ увѣряетъ, между прочимъ, что она хорошая мать и пламенно любитъ свою дочь.

— Что-же это значитъ! Женщина такъ-же инстинктивно любить своего ребенка, какъ ѣсть, когда голодна. Хорошая мать! Вотъ важность. Вѣдь и кошка любитъ своихъ котятъ!

— „Вѣдь и кошка любитъ своихъ котятъ“: эта фраза мнѣ также была знакома и вдругъ мнѣ стало весело. Я вспомнилъ анонимное письмо, полученное Фрицемъ. Очевидно, г-жа Мейеръ,

желая меня убѣдить въ справедливости своего мнѣнія, совершенно невольно употребила тѣ самыя слова, которыя она же сама написала Фрицу съ той-же цѣлью. Я даже привскочилъ на креслѣ, убѣдившись, что передо мною авторъ анонимнаго письма.

На-скоро извинившись, я продолжалъ разговоръ, не желая упустить счастливаго случая собрать свѣденія, которыя могли пригодиться Фрицу и даже доброму Энгельману. Я повторилъ слова Фрица о томъ, что вюрцбургскія дамы любятъ сплетничать и что онѣ завидовали блестящему превосходству вдовы Фонтэнъ.

— Бѣдный Фрицъ! произнесла съ презрительной усмѣшкой г-жа Мейеръ:—онъ слишкомъ мягкій юноша, его можно увѣрить во все. Предположеніе, что мы всё возстали на г-жу Фонтэнъ изъ зависти, слишкомъ глупо, чтобъ его опровергать. Подождите, г. Дэвидъ, и вы увидите, что это за женщина. Постарайтесь только съ г. Келеромъ удержать его отъ когтей вдовы еще нѣсколько мѣсяцевъ и онъ самъ прозрѣетъ. Тогда онъ вернется къ намъ съ свободнымъ сердцемъ и будетъ въ состояніи выбрать себѣ на этотъ разъ вполне достойную жену.

Говоря это, она инстинктивно взглянула на дочь, сидѣвшую на противоположномъ концѣ комнаты. Мнѣ стало яснымъ, что она рассчитывала на бракъ Фрица съ своей дочерью. Если г-жа Фонтэнъ и была низкой, опасной женщиной, то не очень почтенной особой была и эта интригантка, писавшая анонимныя письма и поносившая другую женщину изъ личныхъ видовъ.

— Вы очень самоувѣренно предсказываете будущее, замѣтилъ я.

— Это значить, что вы мнѣ не вѣрите? спросила г-жа Мейеръ, покраснѣвъ.

— Не то, чтобъ не вѣрилъ, но нахожу, что надо фактами подтвердить вашъ строгій отзывъ о вдовѣ Фонтэнъ.

— А, вамъ необходимы факты! Хорошо, я вамъ докажу, говорила-ли я на вѣтеръ или съ полнымъ знаніемъ дѣла. Говорилъ вамъ Фрицъ, наприимѣръ, что г-жа Фонтэнъ между прочими добродѣтелями платитъ свои долги? Я вамъ могу рассказать, какъ она платитъ долги, и это послужитъ вамъ гарантіей основательности моихъ словъ. Ваша прекрасная вдова особенно прельщаетъ стариковъ и они, дураки, влюбляются въ нее. Одной изъ такихъ ея жертвъ былъ въ Вюрцбургѣ восьмидесятилѣтній старикъ. Я получила вчера

письмо, что онъ скоростижно умеръ и что его единственнымъ наследникомъ остался молодой племянникъ. По разсмотрѣннн его бумагъ, оказалось, что онъ заплатилъ долги вдовы Фонтэнъ и взялъ съ нея росписку на всю уплаченную сумму. Конечно, онъ уничтожилъ-бы этотъ документъ, если-бы онъ подозрѣвалъ близость своей смерти. Теперь-же росписка—въ рукахъ племянника, который, говорятъ, насчетъ денегъ очень крутой человекъ и онъ непременно представитъ документъ ко взысканію, какъ только наступитъ срокъ. Я не знаю, гдѣ теперь находится г-жа Фонтэнъ, но это все-равно. Ее разыщутъ и ей придется или уплатить деньги, или сѣсть въ тюрьму. Вотъ на какія обстоятельства я разсчитывала, говоря, что Фрицъ прозрѣетъ.

Я смиренно призналъ себя побѣжденнымъ, но сердце мое наполнилось сожалѣніемъ о бѣдной, невинной Минѣ.

— Однако, произнесъ я:—она, можетъ быть, найдетъ деньги.

— Если-бъ я не знала, что г. Келеръ, стойкій, рѣшительный человекъ, то я съ вами согласилась бы, отвѣчала г-жа Мейеръ:—ей только стоитъ дѣйствительно женить Фрица на своей дочери и Келеръ будетъ принужденъ заплатить за нее для чести своего семейства. Но онъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которыхъ ей не удастся обойти. Если-же вы ее когда-нибудь встрѣтите, то беритесь. Она, можетъ быть, найдетъ ваше вліяніе на Фрица преградой на своемъ пути и заставитъ васъ вспомнить, что таинственное исчезновеніе ящика съ ядовитыми веществами послѣ смерти ея мужа до сихъ поръ не разъяснено. Обо всемъ этомъ было напечатано въ газетахъ. Вы знаете, о чемъ я говорю.

— Да, знаю, отвѣчалъ я на это, взбѣшенный слишкомъ самоувѣреннымъ тономъ г-жи Мейеръ, — что на нее не пало ни малѣйшаго подозрѣнія въ кражѣ этого ящика.

— Неужели?

— Да, произнесъ я, вставая.

Минѣ было страшно слушать далѣе обвинительный актъ противъ матери бѣдной, прелестной Минны.

— Одну минуту, сказала г-жа Мейеръ:—въ какой гостинницѣ вы остановились? Я хочу вамъ прислать сегодня вечеромъ кое-что почтатъ на сонъ грядущій.

Я сказалъ ей мой адресъ и мы присоединились съ ней къ остальному обществу. Вскорѣ потомъ я ушелъ домой въ очень

мрачномъ настроеніи. Будущее представлялось мнѣ въ такихъ черныхъ краскахъ, что я даже съ ужасомъ думалъ о возвращеніи на другой день во Франкфуртъ. Одна мысль мнѣ улыбалась — это возвращеніе въ Лондонъ по неожиданному требованію тетки, какъ предсказалъ мнѣ Келеръ.

ГЛАВА XV.

Вскорѣ по возвращеніи домой я получилъ письмо, въ которомъ вложенъ былъ отрывокъ изъ одной нѣмецкой газеты.

„Вы или очень справедливый или очень упрямый молодой человекъ, писала г-жа Мейеръ: — во всякомъ случаѣ вамъ полезно прочесть прилагаемое. Я не такая сплетница и охотница до скандаловъ, какъ вы полагаете. Хотя имена въ газетной статьѣ скрыты, но вы поймете, о комъ идетъ дѣло. Пожалуйста возвратите отрывокъ: онъ принадлежитъ къ коллекціи интересныхъ литературныхъ диковинокъ моего гостепріимнаго хозяина.

Газета, изъ которой отрывокъ лежалъ передо мной, была отъ сентября 1820 г., и я приведу подстрочный переводъ этого отрывка:

„Мы получили подъ строжайшей тайной выписки изъ писемъ одной дамы къ своей подругѣ. Печатаемые нами отрывки перепроверены и мы только вычеркнули въ нихъ имена, названія мѣстностей и числа. Въ виду производящагося нынѣ судебного слѣдствія, интересующаго весь городъ, эти отрывки могутъ бросить нѣкоторый свѣтъ на событія, все еще остающіяся во мракѣ.

„№ 1—1801. Да, милая Жюли, я рискнула и вышла вчера замужъ за доктора. — Посторонняя публика въ церкви была нашими свидѣтелями. Отецъ увѣряетъ, что я опозорила его благородный родъ, отдавъ свою руку простому медику. Онъ запретилъ матери присутствовать при моей свадьбѣ. Бѣдная, наввная душа, она спросила у меня, люблю-ли я моего молодого доктора и, получивъ удовлетворительный отвѣтъ, совершенно успокоилась. Что же касается моего мужа, то у него большія надежды на блестящую карьеру. Я тебѣ уже писала, что онъ французъ, а въ его отечествѣ знаменитые доктора получаютъ титулы. Я во что-бы то ни стало выведу его въ люди, а когда онъ будетъ барономъ, то мы увидимъ, что скажетъ отецъ“.

„№ 2—1802. Мы переѣхали, милая Жюли, въ этотъ отвратительный, скучный нѣмецкій городишка только потому, что здѣшній университетъ славится своимъ медицинскимъ факультетомъ. Мой мужъ объявилъ мнѣ самымъ нѣжнымъ образомъ, что онъ не остановится ни передъ какими жертвами для увеличенія своихъ научныхъ знавй. Еслибъ ты только видѣла, какъ дамы одѣваются въ этой трущобѣ и какъ онъ говоритъ, ты меня пожалѣла-бы. У меня есть одно утѣшеніе, прекрасный ребенокъ—дѣвочка, чистый ангелъ. Я сомнѣваюсь, любила-ли ты такъ своего перваго ребенка, какъ я обожаю свою Мину? Съ той минуты, какъ я ее почувствовала въ своихъ рукахъ, я забыла мужа“.

„№ 3—1805. Я едва имѣю силы тебѣ писать, но я боюсь сдѣлать что-нибудь отчаянное, если не вылью моей наболѣвшей души хоть передъ тобой. Мое послѣднее письмо объяснило тебѣ, какъ я вырвала мужа изъ отвратительнаго университета, по онъ продолжаетъ прозябать въ Германіи, бесѣдуя съ старыми заплѣсневѣвшими докторами, которыхъ онъ называетъ „князьями науки“, вмѣсто того, чтобы вернуться въ Парижъ, поселиться въ роскошномъ домѣ и добиться славы съ моей помощью. Я создана для того, чтобы давать великолепные вечера и вывести въ люди мужа. Но, я или не должна думать объ этомъ или сойду съ ума. Шестъ недѣль тому назадъ, благодаря войнѣ, я не могу не восхищаться удивительнымъ Наполеономъ, хотя онъ и побѣждаетъ мою родину; мы снова вернулись въ этотъ ужасный городишка и ненавистный университетъ, съ которымъ, я надѣялась, мы разстались навсегда. Конечно, мужъ возобновилъ свои научныя работы, а я по-прежнему попала въ среду этихъ глупыхъ сплетницъ. Но это еще ничего. Здѣсь, въ химической лабораторіи завелся новый человекъ, поступившій въ университетъ послѣ нашего отъѣзда въ прошломъ году. Этотъ дьяволъ, нельзя его иначе назвать, совершенно обошелъ мужа и уничтожилъ всѣ мои надежды въ жизни. Это венгерець, маленькаго роста, грязный, худощавый какъ скелеть, съ глазами какъ у дикаго звѣря, и съ самой лицемѣрной улыбкой на устахъ. Никто не знаетъ объ его прошедшей исторіи. Всѣ въ университетѣ считаютъ его первымъ экспериментальнымъ химикомъ нашего времени. Онъ приводитъ въ восторгъ самыхъ знающихъ професоровъ, а студенты называютъ его „новымъ Парацельсомъ“. Я однажды спросила его, надѣется ли онъ найти

средство дѣлать золото. Онъ отвѣчалъ съ ужасной улыбкой: „Да, и бриліанты“. Онъ убѣжденъ, что откроетъ не только философскій камень, но и такой взрывчатый составъ, который, благодаря своей колоссальной, все уничтожающей силѣ, уничтожить войну. Онъ говоритъ, что, благодаря электричеству, онъ уничтожитъ время и пространство, а паръ сдѣлаетъ движущей силой, такъ-что путешественники будутъ летать по всему свѣту со скоростью мили въ минуту. Ты можешь меня спросить: къ чему я занимаю тебя этими безумными бреднями? Дѣло въ томъ, что этотъ прекрасный искатель приключеній забралъ въ руки моего мужа, и совершенно уничтожилъ мое вліяніе на него. Я нисколько не преувеличиваю. Послушай только, чѣмъ все это кончилось. Мужъ положительно отказывается уѣхать отсюда. Онъ говоритъ, что докторская практика ему опротивѣла и что онъ рѣшилъ посвятить всю свою жизнь химическимъ опытамъ и открытіямъ. И за этого человѣка я вышла замужъ въ надеждѣ, что передъ нимъ открыта блестящая карьера! Этотъ презрѣнный человѣкъ, для котораго я всёми пожертвовала, навѣки разсорилъ меня съ отцомъ! Теперь я должна примириться съ мыслью, что я жена профессора, показывающаго опыты мальчишкамъ. А друзья въ Парижѣ, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, только ждутъ нашего пріѣзда, чтобы представить его къ императорскому двору. Никакими словами не объяснить моихъ чувствъ при этомъ уничтоженіи всѣхъ моихъ надеждъ и плановъ. Одна дочь удерживаетъ меня, а то я сейчасъ бросила-бы его и уѣхала отсюда. Итакъ, я должна вѣчно лицемерить и представляться, что люблю и уважаю человѣка, котораго въ сущности я ненавижу отъ всей души. О, если-бы я только имѣла силу дать почувствовать злобу, влокающую въ моему сердцѣ. Проклятіе женщины—ея беспомощность. Я съ каждымъ днемъ, милая Жюли, все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что кончу дурно. Кто знаетъ, на какое зло мы способны, пока роковой случай этого не докажетъ? Однако, я уже слишкомъ разоблачаю передъ тобою мое несчастное, измученное сердце. Лучше я кончу это письмо и пойду играть съ моимъ ребенкомъ“.

№ 4—1811. — Сердечно поздравляю тебя, милая Жюли, съ возвращеніемъ въ Германію послѣ такого долгаго пребыванія въ Соединенныхъ Штатахъ, а еще болѣе съ увеличеніемъ вашего

состоянія, благодаря уму и предприимчивости твоего мужа. О, ты вышла замужъ за человѣка; ты счастливая женщина. А мой мужъ не человѣкъ, а машина. Я всѣ эти годы думала о тебѣ, милая Жюли, но не могла отвѣчать на твои письма, потому что жизнь, которую я здѣсь веду, уничтожила во мнѣ всякую энергію. Часто брала я перо и всегда его бросала. Я слишкомъ несчастна, а, можетъ быть, и слишкомъ горда, чтобы рассказать тебѣ какии страшнымъ ты стала существомъ и какия мысли иногда закрадываются въ мою голову въ безсонныя ночи. Послѣ этого ты, вѣроятно, удивившись, зачѣмъ я теперь тебѣ пишу. Я думаю, что причиной этому побѣдоносная борьба съ моими кредиторами, которыхъ мнѣ удалось успокоить, несмотря на ихъ угрозы преслѣдовать меня судебнымъ порядкомъ. Эта борьба меня не много встряхнула отъ одолѣвшей апатіи и я чувствую себя, какъ прежде. Мнѣ теперь уже мало любить молча своего стараго друга, я ощущаю необходимость открыть ему мое сердце. О, какъ грустно имѣть долги! Ты этого никогда въ жизни не испытала. А сказать тебѣ, сколько мужъ мой зарабатываетъ въ годъ? Нѣтъ, стыдно. Впрочемъ, надо ему отдать справедливость. Моя живая мумія достигла вершины своего самолюбія, онъ профессоръ химіи и совершенно счастливъ. Онъ теперь сталъ почти таковой-же худошавый и грязный, какъ тотъ подлець, который его погубилъ. Ты, вѣрно, помнишь таинственнаго венгерца, котораго мы нашли въ здѣшнемъ университетѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ умеръ такъ-же таинственно, какъ жилъ. Его нашли мертвымъ въ лабораторіи съ странной надписью надъ головой. Онъ написалъ мѣломъ на стѣнѣ: „Послѣ долгаго испытанія я нахожу, что не стоитъ жить на свѣтѣ, и я рѣшился отравить себя ядомъ, который я самъ изобрѣлъ. Всѣ мои химическіе препараты и бумаги я оставляю моему другу, доктору Фонтэну, а тѣло свое я приношу въ даръ анатомическому театру. Пусть цѣлый арсопагъ ученыхъ и докторовъ изслѣдуетъ мои внутренности и пусть найдетъ слѣды принятаго мною яда“. И знаешь, Жюли, всѣ старанія открыть эти слѣды отравленія были тщетны. Я хотѣла-бы знать, оставилъ-ли самоубійца своему другу, доктору Фонтэну, рецептъ принятаго имъ яда. Зачѣмъ мнѣ всѣ эти подробности? можешь ты спросить. Для объясненія, почему я надѣлала столько долговъ. Мой мужъ посвящаетъ все свое свободное отъ профессуры время на продолженіе

химическихъ опытовъ венгерца и, для покрытія необходимыхъ на это расходовъ, онъ сократилъ вдвое сумму, назначенную на туалетъ мой и ребенка. Должна-ли я была тотчасъ уменьшить на половину и расходъ на наши туалеты? Если ты отвѣтишь: да, то я замѣчу, что человѣческое терпѣніе имѣетъ границы. Я могу переносить мученическую жизнь, уничтоженіе всѣхъ моихъ надеждъ, низкую вражду сосѣдей, подлую зависть женщинъ, и хуже всего спокойное хладнокровіе мужа, который никогда не сердится на все, что я говорю ему жестоваго, а любитъ меня и восхищается мною, какъ будто мы женаты только вчера. Но я не могу видѣть моего ребенка въ шерстяномъ платьѣ, когда всѣ другіе въ шелковыхъ. Что же касается моихъ платьевъ, то, несмотря на ихъ крайнюю простоту, онѣ сдѣланы изъ лучшей матеріи, какую только можно найти. Встрѣчаясь въ королевскомъ саду во время прогулки съ женою коменданта, простой поселянкой, но носящей индѣйскія шали и чепчикъ съ брюсельскими кружевами, неужели я рѣшусь быть одѣтой, какъ нищая. Нѣтъ, пока я жива, я не потеряю чувства самоуваженія. Мой мужъ можетъ пасть такъ низко, какъ ему угодно, но я всегда была и всегда буду выше его. Итакъ, у меня много долговъ и кредиторы угрожаютъ мнѣ. Я ихъ на время успокоила небольшими уплатами и большимъ числомъ нѣжныхъ улыбокъ. Я-бы очень желала, чтобъ ты видѣла мою прелестную, маленькую Мину: нѣтъ лучше ея ребенка на свѣтѣ, она моя гордость и мое спасеніе въ минуты отчаянія. Бываютъ дни, когда я хочу поджечь ненавистный университетъ и уничтожить всѣхъ живущихъ въ немъ заплеснѣвшихъ стариковъ, тогда отправляюсь гулять съ Миной, покупаю ей какой-нибудь подарокъ и, видя ея счастье, становлюсь на время доброй женщиной. Вчера ея отецъ... нѣтъ, лучше не говорить о случившемся, а то я опять выйду изъ себя. По обыкновенію, Мина спасла меня. Я потомъ пошла съ нею къ ювелиру и купила ей серьги съ жемчугомъ. Если-бы ты только видѣла, съ какимъ восторгомъ она смотрѣлась въ зеркало, надѣвъ серьги. Но, право, я не знаю, когда заплачу за нихъ. О, Жюли, если-бы я только имѣла такое состояніе, какъ ты, я-бы показала себя въ этомъ проклятомъ городишкѣ. Дерзкія женщины лопнули-бы отъ зависти, я жила бы въ собственномъ домѣ за городомъ, чтобъ не дышать университетской атмосферой. Я-бы... ну, не все-ли равно, что я тогда сдѣлала-бы. Говоря о вла-

сти и силѣ, которыя даетъ богатство, я не могу не вспомнить о судѣ и казни удивительной женщины Анны-Маріи Цванцигеръ *). Ты, вѣроятно, читала объ ней въ газетахъ. Куда-бы она ни прѣвѣжала, ея путь былъ усыянъ трупами отравленныхъ ею людей. Она, повидимому, жила только для того, чтобъ убивать людей, ближнихъ и встрѣтила смерть самымъ мужественнымъ образомъ. Какая жизнь и какой конецъ! Здѣшніе дураки не понимаютъ побудительной причины многихъ изъ ея убійствъ и увѣряютъ, что она была сѹмасшедшая. Но я объясняю это иначе, я понимаю, что она нравственно опьянала себя сознаніемъ роковой силы. Мысль, что она простая смертная и безпомощная женщина, навела ее на рѣшимость тайно распространять вокругъ себя смерть; увидавъ челоуѣка, не нравящагося ей, она говорила себѣ: завтра тебя не будетъ — вотъ, что увлекало Цванцигеръ! Я изложила свой взглядъ здѣшнему коменданту нѣсколько дней тому назадъ; его вульгарная жена отвѣчала за него: „Мы съ мужемъ не раздѣляемъ вашего сочувствія къ отравителямъ“. Вотъ тебѣ хорошій примѣръ вюрцбургскихъ дамъ. Но пора кончить, мое письмо и такъ ужасно длинное“.

На этомъ оканчивался присланный мнѣ отрывокъ изъ нѣмецкой газеты. Конечно, эти письма имѣли большой интересъ для всякаго мыслящаго челоуѣка, какъ картина развращеннаго ума, обреченнаго на борьбу между добромъ и зломъ, и мало-по-малу теряющаго почву подъ влияніемъ страшнаго соблазна. Но я никакъ не могъ вывести изъ этихъ свѣденій, по примѣру г-жи Мейеръ, связь между нечистивостью г-жи Фонтэнъ и исчезновеніемъ ящика съ ядовитыми веществами послѣ смерти ея мужа. Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ сознаться, что какое-то смутное сомнѣніе и недоуверіе вкралось въ мой умъ. Мнѣ казалось страннымъ, неловкимъ продолжать мои прежнія отношенія съ г-жею Фонтэнъ по прѣздѣ во Франкфуртъ и въ то-же время меня очень беспокоилъ результатъ чтенія Келеромъ ея письма. Наконецъ, прибавьте къ этому, что мое братское сочувствіе къ Минѣ еще болѣе увеличилось.

Но, на слѣдующій день вечеромъ я уже былъ снова во Франкфуртъ.

*) Страшная исторія Анны-Маріи Цванцигеръ, приговоренной къ смертной казни въ Бомбергѣ, въ 1811 году, разсказана въ „Уголовныхъ процессахъ Фейербаха“.

ГЛАВА XVI.

Келеръ и Энгельманъ меня ждали и, прочитавъ мой письменный отчетъ о всемъ, что я узналъ въ Ганау, заявили свое полное одобреніе. Все это было хорошо, но я тотчасъ замѣтилъ въ нихъ очень грустную переиъну. Съ перваго взгляда они были такъ же любезны и дружественны между собою, какъ всегда, но при ближайшемъ наблюденіи становилось ясно, что ихъ веселость и добродушіе имѣли въ себѣ что-то неестественное, напряженное. Естественно, что роковое появленіе въ домѣ г-жи Фонтэнъ имѣло грустныя послѣдствія.

Послѣ ужина Келеръ удалился въ свою комнату, чтобы подробно разсмотрѣть мой отчетъ во всѣхъ его частностяхъ, а Энгельманъ, оставшись со мною на-единѣ и закуривъ трубку, обратился ко мнѣ съ прежней дружеской откровенностью, которая существовала въ нашихъ отношеніяхъ до ея встрѣчи на мосту съ очаровательной дамой.

— Скажите мнѣ откровенно, юный другъ мой, вы замѣтили какую-нибудь переиъну въ Келерѣ?

— Да, и не только въ немъ, но и въ васъ; вы не такіе сердечные друзья, какъ прежде, отвѣчалъ я.

— Келеръ сталъ твердъ и холоденъ, какъ камень, продолжалъ Энгельманъ, тяжело вздохнувъ; — я никогда не обращалъ вниманія на его вспыльчивый характеръ, но послѣдніе дни его суровость не знаетъ границъ. Вы знаете, что онъ сдѣлалъ съ письмомъ милой г-жи Фонтэнъ? Онъ дерзко оскорбилъ ее, отославъ письмо назадъ съ надписью: „Я предупреждалъ васъ, что не стану читать ваше письмо и остаюсь при своемъ словѣ“. И такъ жестоко поступить съ матерью, которая только жаждетъ счастья своей дочери! Я не выдержалъ и объяснился съ нимъ.

— Хорошо-ли вы это сдѣлали, г. Энгельманъ?

— Я не сказалъ ему ничего обиднаго, а только спросилъ: зналъ-ли онъ лично что-либо дурное о г-жѣ Фонтэнъ? „Я знаю, что о ней думаютъ въ Вюрцбургѣ, отвѣчалъ онъ, — и я видѣлъ ея лицо на дняхъ, этого для меня довольно, другъ Энгельманъ“. Съ этими рѣзкими словами онъ вышелъ изъ комнаты. Какое непростительное, нехристіанское пристрастіе! Никогда ния г-жи

Фонтэнъ не будетъ болѣе упомянуто между нами и если эта глубоко-оскорбленная женщина посѣтитъ меня еще разъ, то лишь въ моемъ собственномъ домѣ, гдѣ никто не посмѣетъ ее оскорбить.

— Вы хотите разстаться съ г. Келеромъ? спросилъ онъ.

— Не въ настоящую минуту. Я подожду, пока пріѣдетъ ваша тетка и начнетъ вводить новые порядки въ этой старой конторѣ. Тогда произойдутъ, вѣроятно, большія перемѣны и въ числѣ ихъ, можетъ быть, произойдетъ и мой переездъ на отдѣльную квартиру.

Онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я желалъ-бы, чтобы вы, Дэвидъ, тотчасъ пошли со мною къ г-жѣ Фонтэнъ, вдругъ сказалъ онъ, останавливаясь;—она очень жалеетъ васъ видѣть.

Я вовсе не раздѣлялъ этого чувства и хотѣлъ отказать отъ подобнаго посѣщенія, но послѣдующія слова Энгельмана заставили меня перемѣнить свое намѣреніе.

— Бѣдная, милая Мина очень скучаетъ, у нея нѣтъ никого знакомаго ея возраста во Франкфуртѣ, кромѣ васъ, и она часто спрашивала меня, когда вы вернетесь.

Колебаться было нельзя и я послѣдовалъ за Энгельманомъ.

Въ ту самую минуту, какъ мы подошли къ дому, гдѣ жила г-жа Фонтэнъ, наружная дверь отворилась и хозяйка выпустила на улицу страннаго на взглядъ человѣка. Онъ бросилъ на насъ подозрительный взглядъ и поспѣшно удалился. Я подумалъ, что это полицейскій сыщикъ, а Энгельманъ сказалъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Я надѣюсь, что у васъ нѣтъ долговъ; этотъ человѣкъ очень похожъ на судебного пристава.

— Я живу безъ долговъ, хотя это очень трудно, отвѣчала она;— что-же касается этого господина, то, право, я не знаю, кто онъ.

— Для чего-же онъ приходилъ сюда?

— Онъ спрашивалъ, когда переезжаетъ отсюда г-жа Фонтэнъ, я-же отвѣчала, что она мнѣ ничего объ этомъ еще не говорила.

— Почему онъ зналъ, что она живетъ у васъ?

— Онъ этого не объяснилъ, а я не спросила.

— А спросилъ онъ, дома-ли г-жа Фонтэнъ?

— Нѣтъ.

— Очень странно, промолвил Энгельманъ, поднимаясь со мною по лѣстницѣ:— а какъ вы думаете, Дэвидъ, можно объ этомъ сказать вдовѣ?

Я полагалъ, что напрасно пугать ее безъ всякой основательной причины и онъ со мною согласился.

То-же самое странное напряженіе, которое меня поразило въ манерахъ Келера и Энгельмана замѣтно было и въ обращеніи не только г-жи Фонтэнъ, но и Минны. Первая молча пожала мнѣ руку съ грустной улыбкой, а послѣдняя, видимо, изнывала отъ долгаго тщетнаго ожиданія письма отъ Фрица. Еще болѣе меня удивила какая-то холодность въ тонѣ, которымъ прекрасная вдова встрѣтила г. Энгельмана. Неужели это происходило оттого, что она не могла болѣе рассчитывать на его помощь для устройства свиданія съ Келеромъ? Что-же касается добраго старика, то онъ ничего не замѣчалъ и былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, очарованъ вдовой.

Мнѣ не трудно было воскресить надежду въ сердцѣ Минны и, рассчитавъ время, необходимое для почты изъ Лондона въ тѣ времена, когда еще не существовало желѣзныхъ дорогъ, я смѣло предсказалъ, что письмо отъ Фрица придетъ черезъ два или три дня. Молодая дѣвушка тотчасъ просіяла и стала съ любопытствомъ разспрашивать о моей поѣздѣ.

— А вы не ѣздили далѣе Генау? спросила г-жа Фонтэнъ, принимая участіе въ нашемъ разговорѣ.

— Нѣтъ.

— А за обѣдомъ были гости?

— Только родня хозяина.

— Я такъ долго жила въ старомъ, скучномъ Вюрцбургѣ, что не могу не интересоваться имъ. Не говорили-ли чего о нашемъ городѣ?

Я отвѣчалъ на этотъ вопросъ такъ-же осторожно, какъ на первый. Благодаря г-жѣ Мейеръ, я сталъ очень подозрительнымъ въ отношеніи прекрасной вдовы.

Въ эту минуту Энгельманъ далъ нашему разговору совершенно иное направленіе.

— Я сказала Дэвиду, милая г-жа Фонтэнъ, произнесъ онъ, — о грубомъ возвращеніи Келеромъ вашего письма.

— Не говорите такъ рѣзко о немъ, отвѣчала вдова, — я одна

во всемъ виновата. Я была причиною охлажденія между вами и вашими старыми другомъ, и также уничтожила всякую надежду на свиданіе съ г. Келеромъ. Если-бы я не поторопилась назвать свое имя, то ничего-бы этого не случилось.

Все это было разумно и справедливо, но дальнѣйшія ея слова мнѣ понравились гораздо менѣе.

— Пожалуйста поймите, Дэвидъ, что я не чувствую никакой злобы къ г. Келеру за его поступокъ со мною, и если-бы мнѣ представился случай оказать ему услугу, то я съ радостью воспользовалась-бы имъ, чтобы загладить свою ошибку.

Она поднесла платокъ къ своимъ глазамъ. Добрый Энгельманъ сдѣлалъ то-же, а Мина нѣжно взяла руку матери. Одинъ я остался холоденъ. И все это благодаря г-жѣ Мейеръ.

— Я уприсялъ нашего милаго друга не покидать въ отчаяніи Франкфурта, замѣтилъ Энгельманъ дрожащимъ голосомъ. — Хотя я самъ не могу имѣть никакого вліянія на Келера по этому дѣлу, но я жду съ нетерпѣніемъ мистрисъ Вагнеръ. Можетъ быть, мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь черезъ ея посредство. Когда оба его компаньона потребуютъ отъ Келера справедливости къ оскорбленной имъ женщины, то я думаю, что онъ даже сдастся.

Глаза вдовы были все еще скрыты платкомъ. Но нижняя часть лица ея была видна; судя по движенію ея губъ, она нисколько не вѣрила въ предсказаніе Энгельмана. Причина, побуждавшая ее остаться во Франкфуртѣ, очевидно составляла ея тайну. Въ тотъ-же вечеръ, возвратясь домой, я имѣлъ случай убѣдиться, что она задумала какой-то новый планъ устроить столь желанное свиданіе съ Келеромъ.

Позвонивъ для чего-то Іосифа, молодого, очень глупаго, но довольно исправнаго юношу, который вмѣстѣ съ экономкой и судомойкой составлялъ всю прислугу въ домѣ, я съ удивленіемъ замѣтилъ у него въ галстукѣ блестящую малахитовую булавку.

— Что это — подарокъ? спросилъ я; — или вы сами бросаете деньги на такой вздоръ?

— Это подарокъ г-жи Фонтэнъ, отвѣчалъ слуга съ самовольной улыбкой; — я ношу ей почти каждый день цвѣты отъ г. Энгельмана, и раза два исполнилъ ея порученія въ городѣ. Она очень довольна мною и просила принять эту булавку въ знакъ ея благодарности, такъ-какъ извѣстно денегъ у нея не очень много.

Она сама вынула булавку изъ своего великолѣпнаго кружевнаго воротничка и собственноручно подала мнѣ. Не правда-ли, она очень щедрая дама?

— Конечно, особенно въ виду очень незначительныхъ услугъ, которыя вы ей оказали. Ужъ не разчитываетъ-ли она, что вы ей окажете какую-нибудь гораздо большую услугу?

— О, нѣтъ, отвѣчалъ Іосифъ, повраснѣвъ, и послѣшнво вышелъ изъ комнаты.

Какъ объяснила-бы г-жа Мейеръ неожиданное смущеніе Іосифа и щедрость г-жи Фонтэнъ? Меня этотъ вопросъ нисколько не интересовалъ и я вскорѣ заснулъ.

Спустя два дня случились два интересныхъ событія: первое — представленіе оперной труппы, пріѣхавшей на время во Франкфуртъ и полученіе давно ожидаемыхъ писемъ изъ Лондона. Оба компаньона, большіе любители музыки, взяли ложу и пригласили меня. Мы всѣ трое пили кофе передъ тѣмъ, какъ отправиться въ театръ, когда въ комнату вошла старая эконожка и, подавъ письма, только что принесенныя почтальономъ, просила позволенія отлучиться часа на два къ больной дочери.

— Конечно, идите съ Богомъ, отвѣчалъ добрый Энгельманъ; — Іосифъ побережетъ домъ.

Въ числѣ писемъ два были ко мнѣ отъ Фрица и тетки, и одно къ Келеру, также отъ тетки — очевидно, отвѣтъ на его протестъ въ отношеніи женскаго труда.

Ради Минны я распечаталъ прежде всего письмо Фрица и въ него вложены были столь долго ожидаемыя строчки къ молодой дѣвушкѣ; я тотчасъ вышелъ изъ комнаты и отправилъ это письмо къ Минѣ съ Іосифомъ, прося его скорѣе вернуться до ухода эконожки.

Ко мнѣ Фрицъ писалъ въ очень грустномъ настроеніи. Лондонъ безъ меня казался ему невыносимымъ и онъ любилъ Мину все болѣе и болѣе, а потому просилъ немедленно сообщить ему, гдѣ живетъ теперь г-жа Фонтэнъ съ дочерью. Если я не исполню его желанія, то онъ не отвѣчаетъ за себя и, по всей вѣроятности, пріѣдетъ во Франкфуртъ для разысканія Минны.

Письмо тетки было наполнено подробностями о Соломенномъ Джагѣ. Впервыхъ, приводя въ порядокъ бібліотеку мужа, она нашла книгу, которая, очевидно, возбудила въ немъ мысль о реформѣ въ систе-

мѣ ухода за съумасшедшими. Называлась она „Описание убѣжища для съумасшедшихъ квакушъ близъ Йорка“, соч. Самюэлстукъ *). Тетя написала директору убѣжища, получила отъ него неоцѣнную помощь и намѣревалась привезти книгу во Франкфуртъ съ цѣлью перевести ее на нѣмецкій языкъ въ интересахъ всего человечества. Что-же касается ея опытовъ съ Джакомъ, то онъ совершенно удался за исключеніемъ одной очень важной подробности. Пока Джекъ находился у нея на глазахъ, онъ былъ самымъ тихимъ, безобиднымъ и вполнѣ безопаснымъ существомъ, такъ-что даже стряпчій и мистеръ Гартрей признали себя побѣжденными. Но во время ея продолжительнаго отсутствія изъ дома, Джекъ снова выказывалъ неблагопріятные симптомы и ложился на полъ передъ дверью ея комнаты, отказываясь ѣсть, пить, говорить или двигаться съ мѣста до ея возвращенія, которое онъ угадывалъ прежде, чѣмъ она входила въ домъ, и тогда оглашалъ воздухъ совершенно дикими криками радости. Это обстоятельство ее очень тревожило, особливо въ виду предстоявшаго ей путешествія въ Франкфуртъ, которое стало крайне необходимымъ послѣ недѣльнаго протеста г. Келера. Кромѣ „Джака она также не знала, что дѣлать съ Фрицемъ, котораго также нельзя было безопасно оставить въ Лондонѣ во время ея отсутствія. „Впрочемъ, я какъ нибудь устроюсь, прибавляла она: я еще никогда не приходила въ отчаяніе ни отъ чего“.

Возвратясь въ гостиную, я засталъ Келера, выходящаго изъ себя отъ гнѣва, а Энгельмана, спокойно курившаго трубку.

— Прочтите! воскликнулъ Келеръ, подавая мнѣ письмо тетки,— оно недлинное.

Дѣйствительно, въ немъ было всего четыре строчки:

„Я получила вашъ протестъ. Людямъ, столь рѣзко расходившимся въ своихъ мнѣніяхъ, бесполезно переписываться. Подождите отвѣта на ваше письмо до моего пріѣзда во Франкфуртъ“.

— Поѣдте въ театръ, воскликнулъ Келеръ;— авось, музыка меня успокоитъ.

Мы отправились.

Въ концѣ перваго акта, однако, явилась новая причина вол-

*) Лобопытная критика этой книги помѣщена Сиднеемъ Смитомъ въ „Эдинбургскомъ Обозрѣніи“ за 1814 годъ.

ненія для бѣднаго Келера. Онъ былъ близорукъ и забылъ свой бинокль. Конечно, въ антрактъ я отправился домой за биноклемъ, который, по словамъ Келера, лежалъ на столѣ въ его спальнѣ.

Іосифъ отворилъ мнѣ дверь и, повидимому, былъ очень смущенъ моимъ появленіемъ. Онъ послѣдовалъ за мною и что то бормоталъ сквозь зубы; но я такъ торопился, что не обратилъ на него никакого вниманія.

Вбѣжавъ въ спальню Келера, я вдругъ очутился лицомъ къ лицу съ г-жею Фонтэнъ.

Она была одна въ комнатѣ и стояла подлѣ кровати у столика, на которомъ находилось питье, приготовленное на ночь для Келера.

Я такъ былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, что остановился, какъ вкопанный и безсмысленно смотрѣлъ на вдову.

Она также была очень изумлена и смущена моимъ появленіемъ, но счумѣла лучше скрыть свое волненіе. Съ минуту, но только съ минуту, она молчала.

— Вы меня поймали, г. Дэвидъ, сказала она, вынимая изъ-подъ шали альбомъ.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ я.

Она указала книгой на знаменитый каминъ.

— Вы знаете, какъ мнѣ хотѣлось срисовать эту диковину, сказала она; — не будьте жестоки къ бѣдному артисту, который прибѣгаетъ ко всемъ средствамъ, чтобы удовлетворить своей любви къ искусству.

— Какъ вы узнали, что никого нѣтъ дома?

— Благодаря вамъ, мой другъ, отвѣчала она холодно.

— Какъ, благодаря мнѣ?

— Развѣ не вы прислали Минѣ съ слугою письмо Фрица?

Въ эту минуту раздался за мною дрожащій голосъ Іосифа, который боялся потерять свое мѣсто.

— Я, право, невиноватъ. Я только сказалъ, что тороплюсь, потому что вы всѣ въ театрѣ и я одинъ въ домѣ съ судомойкой. Эта добрая госпожа пришла сюда и показала мнѣ альбомъ.

— Довольно, любезный Іосифъ, перебила его г-жа Фонтэнъ, указывая ему рукой, чтобъ онъ удалился: — г. Дэвидъ слишкомъ благоразумевъ, чтобъ обращать вниманіе на мелочи. Ну, ну, сту-

пай. Однако вы очень серьезны, прибавила она, обращаясь ко мнѣ съ веселой улыбкой.

— Эта выходка могла кончиться очень серьезно для васъ, еслибъ г. Келеръ самъ вернулся домой за своимъ биноклемъ.

— А, онъ забылъ бинокль, воскликнула вдова: поищемъ его вдвоемъ. Я кончила свой рисунокъ и вполнѣ къ вашимъ услугамъ. А вотъ и бинокль, возьмите его. А, право, продолжала она, у меня не было другого средства срисовать каминъ. Я не могла просить Энгельмана ввести меня въ домъ послѣ того, что случилось. И я должна вамъ сознаться, что мною руководить не только любовь къ искусству. Вы знаете, какъ мы бѣдны, а содержатель картиннаго магазина на Зеймѣ предложилъ купить у меня нѣсколько копій съ этого эскиза. Онъ легко продаетъ ихъ англійскимъ путешественникамъ, а три, четыре флорина помогутъ прожить недѣлю полуумирающимъ отъ голода двумъ женщинамъ.

Все это было очень уважительно и показалось-бы мнѣ очень вѣроятнымъ въ тѣ невинные дни моей юности, когда я еще не встрѣчался съ г-жею Мейеръ; но теперь я только спросилъ, не могу-ли я взглянуть на рисунокъ вдовы.

— Нѣтъ, это лишь набросокъ, отвѣчала она, пряча альбомъ подъ свою шаль и качая головой:— подождите, когда я его отдѣлаю, то покажу вамъ съ удовольствіемъ. Ну, г. Дэвидъ, я надеюсь, что вы не скажете о моемъ посѣщеніи ни одному изъ старыхъ компаньоновъ? Дая вамъ слово, что я не повторю этой артистической выходки. Подумайте также о бѣдномъ Іосифѣ. Вы, конечно, не захотите, чтобъ его выгнали изъ этого дома. Мы расстаемся друзьями, не правда-ли? Мина непременно просила-бы меня васъ сердечно поблагодарить, еслибъ знала, что я васъ увижу. Прощайте.

И она сбѣжала по лѣстницѣ, напѣвая что-то вполголоса и съ проворствомъ молодой дѣвушки. Я слышалъ, какъ она сказала шопотомъ нѣсколько словъ Іосифу въ сѣняхъ, потомъ наружная дверь хлопнула и г-жа Фонтэнъ исчезла.

Послѣ долгаго размышленія я рѣшилъ сдѣлать строгій выговоръ Іосифу и скрыть, по крайней мѣрѣ, теперь отъ обоихъ компаньоновъ о случившемся. Конечно, они снова разсорились-бы, узнавъ о посѣщеніи вдовы, уже не говоря о томъ, что Келеръ непременно прогналъ-бы Іосифа. Однако я все-же внимательно

осмотрѣлъ компану Келера, прежде чѣмъ вернуться въ театръ, хотя самъ не зная, чего я боялся. Конечно я не нашелъ ничего подозрительнаго. Въ комнатѣ все было въ обычномъ порядкѣ, начиная отъ бритвы и кончая щетками на туалетѣ, да кружки съ питьемъ на ночномъ столикѣ, у кровати.

Наконецъ я вышелъ изъ комнаты. Но отчего у меня на сердцѣ было какъ-то не ловко? Отчего я мысленно произнесъ: „Проклятая женщина! Чертъ-бы ее побралъ“? Отчего великолѣпная музыка Глюка показалась мнѣ скучной, не мелодичной?

Возвратясь домой, старые компаньоны сѣли за ужинъ въ очень веселомъ настроеніи: опера сильно подѣйствовала на нихъ, какъ спасительное развлеченіе въ ихъ монотонной, обычной жизни. Я никогда не видывалъ Келера такимъ веселымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ; онъ положительно съ радостью школьника, ожидалъ праздника и съ восторгомъ говорилъ о слѣдующемъ представленіи. Но всетаки съ своей обычной акуратностью онъ очень мало ѣлъ и пилъ и первый пошелъ спать.

(Продолженіе будетъ.)

ПАУТИНА.

(С ц е н ы.)

(Продолженіе.)

Помимо того, что я слышалъ отъ Кузьмы Терентьевича и Клокачева, въ памяти моей еще съ дѣтства сохранялось много разсказовъ, слышанныхъ отъ людей, близко знакомыхъ съ бытомъ пріисковскихъ рабочихъ, — разсказовъ, въ которыхъ эти люди, подъ условіемъ тяжелыхъ работъ и не менѣ тяжелой надорванной жизни, представляли изъ себя такой своеобразный типъ, подобный которому едва-ли встрѣтится гдѣ-нибудь. Пріисковой рабочей, или „таежникъ“, какъ называютъ ихъ въ Сибири, въ большинствѣ случаевъ олицетворяетъ собою человѣка „отпѣтаго“, какъ выражаются языкомъ народнымъ, которому нечего терять въ жизни и для котораго самая жизнь потеряла свою притягательную силу. Онъ всегда находчивъ и неустрашимо смѣлъ и въ минуты буйнаго разгула, и въ минуты крайней опасности, которыя бывають иногда въ его работѣ. Застигнутый какимъ-нибудь горемъ, онъ все-таки продолжаетъ беззаботно острить и смѣяться, не потому, чтобъ онъ неспособенъ былъ къ душевной боли, причиняемой нравственными страданіями, а просто потому, что вся его бездомная, скитальческая жизнь есть одно только безысходное горе, и никакое другое горе глубоко не поразитъ его; онъ сжился уже со всякимъ горемъ, привыкъ къ нему, какъ привыкаетъ человѣкъ къ смертельной болѣзни, подтачивающей

организмъ его и смотреть на всякое горе, какъ на неизмѣннаго спутника своего странствія въ земной доли. Его не запугаешь никакими карами, и это опять-таки потому, что съ большинствомъ ихъ онъ знакомъ весьма основательно: „Бѣлое тѣло и плети ѣло“! — это любимая поговорка таежника. Не запугаешь его также и никакою властью, ибо большинство присковскихъ рабочихъ имѣло въ своей жизни много столкновеній съ властями и не только привыкло со всякой изъ нихъ приличный разговоръ вести, но своимъ внушительнымъ тономъ даже отстранять ее отъ себя на почтительное разстояніе.

Таежникъ живетъ только настоящей минутой, не помнящая о будущемъ, не сожалѣя о прошломъ. Сегодня у него сотни рублей въ карманѣ, и онъ беззаботно щеголяетъ въ плисѣ и шелковыхъ рубахахъ, поитъ всякаго встрѣчнаго „и ямацкимъ ромомъ“, и другими винами, что почуднѣй и позабористѣй, одѣнетъ въ плисѣ съ ногъ до головы перваго попавшагося ему на глаза человѣка, отдастъ послѣднюю асигнацію бѣдному крестьянину на взносъ податей, на покупку коровы или лошади, нисколько не кичась при этомъ своею тароватостью; а завтра самъ надѣваетъ на плечи какую-нибудь рвань, власть грызетъ поданную ему христарди корку и идетъ на ту-же золотую каторгу, съ которой только-что воротился, нисколько не соболѣзнуя о брошенномъ на вѣтеръ заработкѣ. Въ деревняхъ и селахъ, находящихся вблизи золотыхъ присковъ, много можно услышать разсказовъ о подвигахъ этихъ отпѣтыхъ людей. Обрисовывая картину ихъ дикаго разгула, вамъ разскажутъ, какъ рабочій, вынесшій благодарный заработокъ, купилъ бочку водки и, выкупавшись въ ней посреди улицы, пригласилъ честной людъ распить эту горячую ванну и какъ честной людъ, небрезгливый по натурѣ своей, распилъ ее до дна, за здравіе выкупавшагося. Разскажутъ, какъ другой рабочій, накупивъ ситцу, усталъ имъ всю улицу и, пройдясь по ней, одѣлилъ прекрасный полъ кусками этой дорогой мостовой. Разскажутъ и про то, какъ рабочіе по лѣтнему пути еще катаются по селу на санкахъ, въ которые за приличное вознагражденіе впрягаются, вмѣсто лошадей, дѣвицы и замужнія женщины; да тутъ-же кстати разскажутъ не одну исторію, какъ таежникъ выручилъ изъ бѣды какого-нибудь нищаго крестьянина, отдавъ ему на домообзаводство весь свой заработокъ, или запла-

тилъ за кого-нибудь всю недоимку и тѣмъ выкупилъ несчастнаго изъ контрактной работы. Не мало расскажем вамъ случаевъ, какъ они, самоотверженно жертвуя своею жизнью, спасали другихъ отъ неминуемой смерти; и особенно много расскажем такихъ исторій, какъ эти люди, — про которыхъ установилось мнѣніе, что у нихъ бѣтъ ни Бога, ни совѣсти, — пропивъ до послѣдней копейки свой собственный заработокъ, питаясь милостыней, свято сохраняли зашитыми гдѣ-нибудь въ воротѣ рубахи или полшубка иногда не одну сотню рублей, врученную имъ на храненіе товарищами, и, придя домой, отдавали эти деньги ихъ женамъ, отцамъ и матерямъ. Когда у таяжника украдутъ его собственные деньги, онъ много-много, если вздохнетъ объ нихъ разъ другой; но деньги, врученныя ему на храненіе товарищемъ, у него можно взять только вмѣстѣ съ жизнью. Разъ мнѣ довелось слышать отъ лица, служившаго на прискахъ, рассказъ про таяжника, котораго два раза въ своей жизни судили за убійство, не разъ былъ нещадно битъ плетью и кнутомъ, вынесъ на своихъ плечахъ двадцать лѣтъ каторжной работы, — какъ этотъ нищій, всѣми отвергаемый за позорныя клейма на лицѣ, развѣзжая съ нимъ одинъ на одинъ по глухимъ лѣсамъ и дѣбрямъ, свято сохранялъ врученную ему на сбереженіе сумку съ десятками тысячъ рублей; какъ, оставаясь одинъ въ какомъ-нибудь селѣ безъ всякаго посторонняго надзора, когда довѣрителю его необходимо было отлучиться по дѣламъ въ сосѣднія села и деревни, иногда на разстояніи сотни верстъ, этотъ каторжникъ-нищій не спалъ ночей, охраняя драгоценную сумку и не принималъ потомъ никакой награды за свою услугу, кромя рюмки водки. Мнѣ до сихъ поръ еще памятенъ рассказъ одного молодого человѣка, открытъ фамилію котораго я не имѣю права. Въ 1863 г., по окончаніи курса наукъ въ иркутской семинаріи, онъ отправился изъ Иркутска пѣшкомъ въ петербургскій университетъ. По дорогѣ, не подальше отъ г. Ачинска, его настигла небольшая партія бѣгло-каторжныхъ, и онъ волей-неволей долженъ былъ присоединиться къ нимъ и идти вмѣстѣ съ ними. „Въ первый день пути съ ними, какъ рассказывалъ онъ, я былъ самъ не свой отъ страха и считалъ себя неминуемо погибшимъ, если не спасетъ какой-нибудь случай“. Они отвлекли его отъ дороги въ лѣсъ, изъ опасенія какой-нибудь неблагопріятной для нихъ встрѣчи и, по всей вѣроятности,

опасаясь также отпустить его отъ себя, чтобы по приходѣ въ первую деревню на пути онъ не выдалъ ихъ. Наконецъ, они понемногу разговорились съ нимъ, узнали—кто онъ, куда и зачѣмъ идетъ. Вечеромъ, когда они расположились на ночлегъ въ полѣ, подъ стогомъ сѣна, и онъ разулся, то одинъ изъ каторжныхъ, увидя его изъязвленные отъ ходьбы ноги, снялъ съ себя единственные бывшія у него бродни и отдалъ ему говоря: „пусть-то твой, парень, длинный, сапоги-то свои ты побереги, согдятся еще тебѣ, а теперь иди въ бродняхъ; въ нихъ, братъ, ногъ-то не въ примѣръ легче, не третъ!“ Свои-же ноги онъ обмоталъ онучами и, за неимѣніемъ обуви, подвязалъ къ подошвамъ бывшія у него въ запасъ деревянныя дощечки, въ родѣ сандалій. Когда они примѣтили также, что у него всего одна рубаха, и та уже пропотѣла и загрязнилась, то тотъ-же каторжный, обратившись къ одному изъ своихъ сотоварищей помоложе, сказалъ ему: „Митрій, у тебя въ запасъ есть рубаха; отдай-ка ее пареньку-то!.. Все-жь, братъ, на смѣну ему согдится; а ее-то, Богъ дастъ, подойдемъ уже къ рѣчкѣ,—постираемъ, высушимъ, она у него и пойдетъ про запасъ чистенькой!“ Онъ нѣсколько дней шелъ вмѣстѣ съ ними; они отдавали ему лучшіе куски хлѣба и, какъ замѣтилъ онъ, обдѣляли себя. Когда однажды вечеромъ отъ утомленія съ нимъ сдѣлался лихорздохный припадокъ, то они, рискуя быть открытыми, развели небольшой огонь, сварили въ котелѣ бывшій у кого-то изъ нихъ маленькій кусочекъ кирпичнаго чаю, напоили его и укутали своими сермагами. Родные братья такъ не позаботились-бы обо мнѣ, рассказывалъ онъ,—какъ эти клейменные, отверженные обществомъ люди. Все время пути съ ними мнѣ было стыдно за себя, говорилъ онъ,—за свою болязнь ихъ при первой встрѣчѣ съ ними, за свою гадливость къ ихъ сообществу. Разставаясь съ ними, я не могъ удержаться отъ слезъ,—и что же? — эти несчастные отверженники почти силой навязали мнѣ на разставанья бывшіе у нихъ гроши и копейки, говоря одно: „бери; путинка-то твоя дальняя; каждая копейка еще согдится тебѣ!“ Онъ хранилъ, какъ святыню, эти гроши и копейки. Вотъ какъ отнеслись несчастные отверженники изъ невѣжественнаго класса людей къ человѣку, шедшему учиться, тогда какъ многіе почтенные купцы-миліонеры и чиновники г. Иркутска, къ которымъ онъ рискнулъ обратиться за денежной помощью на

прѣздъ, не только отказали ему въ ней, но даже насмѣшливо отнеслись и къ самому предпріятію его. Кто въ этомъ случаѣ выше по своей нравственности, кто болѣе достоинъ названія человека—предоставляю судить читателю...

Въ указанныхъ мною мѣстностяхъ много можно услышать крайне оригинальныхъ разсказовъ о присковскихъ рабочихъ, ярко характеризующихъ ихъ нравственный уровень. Такъ, наприимѣръ, одинъ рабочій, которому при расчетѣ на прискахъ довелось получить на руки всего только нѣсколько рублей, воспользовался оплошностью своего пріятеля, получившаго на руки около сотни, и укралъ у него всѣ деньги. Тотъ и не подозрѣвалъ настоящаго вора. Вмѣстѣ пришли они въ село, вмѣстѣ съ воромъ онъ кутилъ, не подозрѣвая, что кутить на свои-же деньги, и вмѣстѣ съ нимъ попалъ снова въ работу на тѣ-же приски. Получивъ на другой годъ прибыльный расчетъ, воръ вдругъ обращается къ своему пріятелю: „А вѣдь я, Семенъ, въ должку у тебя; надоть-бы намъ, братъ, сосчитаться!..“ и, разсказавъ ему про свою прѣлку съ нимъ, возвратилъ ему сполна украденную у него сумму. Еще характернѣе разсказъ, какъ присковскій рабочій относится къ деньгамъ, получаемымъ за свой каторжный трудъ. Я слышалъ его отъ человека, долго служившаго на прискахъ и завѣдывавшаго наймомъ рабочихъ. Двое совершенно трезвыхъ крестьянъ, задавшись цѣлью обставить свое хозяйство, нѣсколько лѣтъ работали на прискахъ, пока не скопили по полторы тысячи рублей каждый. Получивъ на руки всѣ свои деньги, они разстались съ прискани, сказавъ на прощаньи лицу, нанявшему ихъ: „Ну, ваше почтеніе, теперь ужъ наши ножки не потопчутъ таежной дорожки; теперь ужъ мы сами хозяевами поживемъ; будетъ, помыкались!“ Они бережно донесли до дому всѣ деньги и принялись за домоустройство, но деньги эти скоро были украдены у нихъ у обоихъ. На слѣдующій годъ, когда наниматель заѣхалъ въ это село, они снова явились къ нему съ просьбой принять ихъ на службу. „О охъ, ваше почтеніе, видать, что ваши деньги Богомъ закланы: только ворамъ онѣ и идутъ въ прокъ!“ съ ироніей отвѣтили они на вопросъ его: что понуждаетъ ихъ снова идти на приски?

Конечно, отъ золотопромышленниковъ и большинства лицъ, составляющихъ присковскую администрацію, рѣдко можно услышать

доброе слово о таяжникахъ, которые, по ихъ мнѣнію, уподобляются звѣрямъ, готовымъ погубить за копейку и лучшаго друга и родного отца. Съ иронической улыбкой они скажутъ каждому, кто-бы вступился за этотъ обездоленный народъ: „Да что вы распинаетесь за нихъ? Да развѣ это люди? Вы прежде присмотритесь къ нимъ, поживите съ ними, да потомъ ужъ и ратуйте за ихъ человѣческое достоинство!..“ И въ подтвержденіе этого мнѣнія приве дуть вамъ тысячи фактовъ, какъ таяжники, несмотря на всѣ благодѣянія, оказываемыя имъ хозяевами, впасть въ неоплатные долги, бѣгутъ съ присковъ и причиняютъ тѣмъ много хлопотъ и присковой администраціи, и земской власти. Любой управляющій прискомъ, иногда даже весьма развитой человѣкъ, не безъ достоинства скажетъ вамъ, что примѣнить къ рабочему гуманное обращеніе такъ-же немислимо, какъ немислимо урезонить словами волка не трогать беззащитной овцы,—что если работы на прискахъ и идутъ успѣшно, то благодаря лишь строгимъ дисциплинарнымъ мѣрамъ, въ которыхъ розга и палка играютъ не послѣднюю роль, что, только благодаря присутствію на прискахъ казаковъ, можно удерживать въ повиновеніи этотъ людъ, неимѣющій ни чести, ни совѣсти, и готовый всегда пустить въ дѣло и хитрость, и ножъ. А въ заключеніе приведетъ, какъ вѣсскій аргументъ, существующія въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ Сибири распоряженія—не впускать въ городъ присковыхъ рабочихъ, возвращающихся осенью по домамъ во избѣжаніе грабежей, поджоговъ, убійствъ иногда цѣлыхъ семействъ и другихъ преступленій, какія совершаются исключительно будто-бы таяжниками. Нельзя не сознаться, что въ этихъ упрекахъ нравственнымъ качествамъ присковыхъ рабочихъ есть доля и правды, что третья часть ихъ, если не половина, состоитъ изъ есылно-поселенцевъ, нравственность которыхъ глубоко расшатана и вліяніемъ острога, и привычкой къ бродячей жизни; но вѣдь подобныя порицанія падаютъ на всѣхъ вообще рабочихъ, не исключая и крестьянъ, идушихъ на этотъ промыселъ для поправленія своихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, а между тѣмъ нравственность этой части таяжниковъ не подточена ни развращающимъ вліяніемъ острога, ни привычкой къ бродячей жизни. Не всѣ-же, наконецъ, и есылно-поселенцы непременно люди съ испорченной нравственностью. Между ними весьма и весьма часто

встрѣчаются лица, достойныя глубокаго уваженія и за свою честность, и за свою трезвую, трудолюбивую жизнь, Порицая безнравственность рабочихъ, ни одинъ золотопромышленникъ и ни одинъ управляющій пріискомъ не оглянется на свои, установившіяся годами, отношенія къ рабочимъ и не потрудится провѣрить: насколько сами хозяева нравственны по отношеніямъ къ тасжникамъ. Ни одинъ изъ нихъ не скажетъ, почему рабочіе впадаютъ въ неоплатные долги и бѣгутъ съ пріисковъ. Ни одинъ не скажетъ, почему онъ, несмотря на свой, повидимому, благодарный заработокъ, едва-ли получаетъ на руки и половину его и остается вѣчнымъ нищимъ. Любопытнаго оказалось-бы много, если-бы только эти золотые тузы хоть разъ въ жизни задумались надъ этими вопросами и отнесли къ нимъ по-совѣсти. Спросите любого изъ этихъ благодѣтелей: почему за всякую ничтожную вещь, стоящую копѣйки, онъ беретъ съ тасжника рубли? Почему онъ за кожанныя бродни, которыя не пронашиваются во время работъ болѣе мѣсяца и стоятъ въ продажѣ не болѣе 1 р. 70 копѣекъ, не стѣняясь онъ беретъ четыре рубля? Почему за готовую рубашку, сшитую изъ гнилаго ситца, которой красная цѣна 15, много 20 копѣекъ, онъ беретъ 1 рубль и рубль 50 копѣекъ и не краснѣетъ, когда черезъ недѣлю рабочій принесетъ ему отъ этой рубахи одни лохмотья?

Народъ бѣденъ, и собенно въ Сибири; онъ всюду ищетъ, для пополненія своего неприхотливаго бюджета, посторонняго заработка, который спасалъ-бы его отъ нищеты и горькой необходимости быть законтрагованнымъ волостью въ работу для уплаты казенныхъ недоимокъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, въ народѣ нѣтъ настолько здраваго смысла, что, находясь въ безвыходномъ положеніи, онъ сталъ-бы избѣгать труда, который такъ благодарно оплачивается, сталъ-бы избѣгать людей, которые относились-бы добросовѣстно къ его труду и по-человѣчески къ нему самому? Нѣтъ, народъ нашъ настолько трудолюбивъ, честенъ и добръ, что онъ никогда не оплатитъ неблагодарностью за добросовѣстныя отношенія къ нему; въ этомъ, вѣроятно, убѣдился всякій, имѣвшій дѣло съ крестьяниномъ, неразвращеннымъ посторонними вліяніями. И этотъ самый народъ, при всей своей безвыходной бѣдности, сплошь и рядомъ говоритъ, что его и казачешъ не заманятъ на пріиски, толпами бѣжить съ нихъ, про-

елиная попечительныхъ объ немъ хозяевъ, предпочитаетъ за-
контрактываться въ какую угодно работу, только не на при-
иски. Почему-же это? Повторяю опять, что любопытнаго раскры-
лось-бы много, если-бы представилась возможность разоблачить
во всей наготѣ существовавшія и существующія даже въ настоя-
щее время отношенія нанимателей къ своимъ рабочимъ.

Меня тянуло неодолимое любопытство присмотрѣться хотя мель-
комъ къ положенію присковаго рабочаго и къ буйному разгулу его
по выходѣ съ присковъ, о которомъ носится по Сибири такъ много
легендъ. Спусти два года послѣ того, какъ я былъ въ Т—ѣ,
мнѣ снова довелось заѣхать въ эту мѣстность въ началѣ октяб-
ря. Стоявшая все время ненастная погода прояснилась, настали
тѣ ясные осенніе дни, когда днемъ еще бываетъ тепло, смѣняе-
мое по вечерамъ и особенно ночью рѣзкимъ холодомъ, такъ-что
по берегамъ рѣчекъ и озеръ появляются плотныя забереги. Село,
въ которомъ я жилъ по дѣламъ службы, лежало отъ Т—я въ
сорока-двухъ верстахъ, и, выбравъ свободный день, я поѣхалъ
въ Т—ѣ, съ цѣлью прожить въ немъ нѣсколько дней, въ ка-
чествѣ частнаго человѣка. Ямщикъ, — на всѣ мои разспросы отвѣ-
чавшій одними точно заученными фразами: „Богъ его вѣдаетъ!“
или „Господь его знаетъ какъ оно!“ — привезъ меня на квартиру
къ какому-то Данилѣ Анфимичу, объяснивъ, что у Кузьмы Те-
рентича теперь самый развалъ и чай иголокъ въ дому негдѣ
упасть! Мы вѣхали въ Т—ѣ вечеромъ. Несмотря на глубокую
темноту, всюду было замѣтно оживленіе: окна домовъ были ярко
освѣщены, по улицамъ сновалъ народъ, слышались говоръ, пѣс-
ни, ругань. Въ темнотѣ, на изгибѣ улицы, лошадей неожиданно
схватили подъ уздцы и осадиди ихъ; послышался обликъ: „кто
вѣдетъ?“

— Чиновникъ! отвѣтилъ ямщикъ.

— Заворачивай оглобли, вези его къ лѣшему, откуда при-
везъ! На што намъ чиновниковъ; мы и безъ нихъ всласть про-
живемъ!“ отвѣтилъ подъ самымъ моимъ ухомъ пьяный голосъ,
сопровождаемый смѣхомъ толпы, обступившей экипажъ.

— Не трожь его, пусти! Поѣзжай, говоримъ, по плакату!
закричали въ толпѣ ямщику. — Здравія желаемъ, ваше благородіе!
насмѣшливо пробасилъ чей-то зычный голосъ, заглушаемый дру-
жнымъ раскатистымъ хохотомъ толпы.

— Ну, и наро-одець! произнесъ ямщикъ, когда приударенные имъ кони помчались по улицѣ. — Никакой у нихъ, братецъ ты мой, палитурн нѣтъ! произнесъ онъ обратившись ко мнѣ.

— Какой это палитурн, объясни мнѣ? спросилъ я.

— А это стало бытъ обращенья, по нашему-то какъ-бы значить — обходительности съ человѣкомъ!.. заикаясь пояснилъ ямщикъ.

Проѣхавъ мимо гостинаго ряда, въ которомъ лавки уже были заперты, мы безъ особенныхъ приключеній завернули въ узенькій переулочъ, тянувшійся на другомъ концѣ села и остановились у воротъ небольшого домика, наружность котораго трудно было рассмотретьъ въ темнотѣ. Почтенный на видъ старикъ, — какъ оказалось, самъ Данило Анфимичъ, — выйдя съ фонаремъ въ рукѣ, привѣтливо встрѣтилъ меня и ввелъ въ небольшую низенькую горенку, уставленную крашеными деревянными стульями и при этомъ заранѣе извинился предо мною за безпокойство, какое, можетъ быть, будутъ причинять мнѣ остановившіеся у него на квартирѣ рабочіе. Онъ самъ принялся и услуживать мнѣ, объяснивъ, что всѣ его домочадцы прислуживаютъ рабочимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ присматриваютъ за ними. Подавъ самоваръ, Данило Анфимичъ сообщилъ мнѣ, какъ новость дня, что у нихъ на селѣ была сегодня крупная драка, что тасжники прибили одного изъ крестьянъ.

— За что? спросилъ я.

— Да подалъ онъ имъ въ обѣдъ щей, началъ онъ. — Ну они и не покажись имъ чего-то: не скусные были што-ль, мяса въ нихъ мало было, аль жиру, — Богъ ихъ вѣдаетъ!.. Ну они и загадали, что коли-де деньги берешь за постой, такъ ужь не жалѣй варева, подавай его вдоволь, што-бъ не токма хлебать, а коль охота придетъ и еупаться можно-бы было! Ему-бы смолчать надоть, а онъ не стерпи и скажи имъ, што кабы они допрежь куражу платили, а не опосля, какъ заживутся, такъ можно-бы потавать имъ было, а то-де вы и за прошлый годъ въ долгу остались, да и нонѣ-то захлебались никакъ свыше достатка. Слово за слово, и пошелъ межъ ними расчетъ. А въ энту пору кто то изъ нихъ не обробѣй, да и махни въ мужикато горячими щами, да какъ исше Господь помиловаль, что въ лицо не угодилъ, а въ грудь да въ плечо... ошпарилъ... Съ эвтого и пошелъ сваль; едва уняли ихъ...

— Чѣмъ-же уняли?..

— Которыхъ поучили слегка да досыта, а иныхъ повязали да въ судъ.

— Въ какой судъ?

— Въ волостнымъ, благо всё теперь здѣсь. Ну тѣ и присудили, чтобъ рабочіе, значить, расплатились и за ѣду, и за поеду, что похряскали объ поль, и за окна, што повывивали, за весь ущербъ выходить. А за то, што помjali кое-кого изъ нашихъ, особливую плату въ вышнемъ размѣрѣ обсудили...

— И тѣ заплатили?

— Заплатили!.. Вѣдь они въ эфтихъ случаяхъ всё другъ за друга платятъ... Акуратно покончили, даже лобзались и крестъ цѣловали...

— А крестъ-то зачѣмъ-же цѣловали?

— Стояли на томъ, чтобъ имъ быть значить съ нашими мужиками въ самой што ни есть пріязни и нинѣ, и завсегда Вина этого и ратафіи никакъ ведерь пять обсушили; а волостнымъ за снисхожденіе рому теперича и шенпанскаго ставили.

— Шампанскаго? спросилъ я, пораженный этимъ открытіемъ.

— Судацкое оно што-ли зовется-то. Здѣсь-то болѣе все шенпанскимъ его вличуть, объяснилъ онъ.—У насъ, вѣдь, сударь, теперича кажинный день судъ да расправа: не то, такъ другое стрясется; даже часу можно сказать въ спокойствіи не пробудешъ; пьяный народъ-то—огульникъ, чуть не доглядѣлъ за нимъ и пошло-о!..

Въ это время дверь растворилась, и молодая женщина, просунувъ свое миловидное лице въ дверь, полушепотомъ произнесла: „Тятенька, подь-ко сюда!“ Данило Анфимычъ поспѣшно вскочилъ, вышелъ, и я болѣе не видалъ его въ тотъ вечеръ.

На другой день, часу въ девятомъ утра, я пошелъ гулять по Т—ю. Ворота во всѣхъ почти домахъ были раскрыты настежь; въ нѣкоторыхъ домахъ, гдѣ, повидимому, болѣе скопилось приставшихъ на квартиру рабочихъ, настежь раскрыты были и окна, несмотря на то, что утро было холодное. Около домовъ, во дворахъ, и по улицѣ, всюду видѣлся народъ. По оживленію, какое встрѣчалъ я на каждомъ шагу, село представляло своимъ видомъ что-то праздничное или, вѣрнѣе, ярмарочное. Попадавшіеся мнѣ рабочіе были щеголевато одѣты: иные въ новыхъ бѣлыхъ зипу-

нахъ, грудь, рукава, и оконечности полъ у которыхъ были узорно расшиты разноцвѣтными шелками, въ новыхъ котиковыхъ шапкахъ на головѣ или въ картузахъ, сшитыхъ изъ треугольниковъ синяго и чернаго сукна. Попадались и щеголи, одѣтые въ красныя и синія рубахи, въ синія или черныя съ золотыми разводами и пуговицами жилетки и въ плисовыя безрукавки. Встрѣлись среди нихъ и люди рѣзко бросавшіеся въ глаза своими убогими сермягами и zipунами, но такіе субъекты сравнительно были рѣдки. Весь попадавшійся мнѣ людъ былъ уже замѣтно навеселѣ; въ рукахъ у большинства были гармоники, балалайки, встрѣчались гитары, а иногда и скрипки. Разряженные молодня женщины и дѣвушки въ голубыхъ и алыхъ косынкахъ на головахъ сновали среди рабочихъ и по улицѣ, суетливо перебѣгая изъ дома въ домъ, провожаемыя шуточками и смѣхомъ молодцоватыхъ щеголей. Порою по улицѣ проносилась, какъ вихрь, лихая тройка, вся убранная лентами, неистово звеня колокольцами и бубенчиками, и въ телѣгѣ, среди разфранченныхъ рабочихъ, въ обнимку съ ними, сидѣли не менѣе разряженные женщины, заливаясь звонкой, хотя и нескладной пѣсней. Встрѣчныя провожали подобныя тройки хохотомъ, свистомъ и криками. Пѣсни звенѣли на каждомъ перекресткѣ. Иногда по улицѣ шла съ пѣсней густая, пестрая толпа рабочихъ, и среди нихъ опять виднѣлись разодѣтыя во всѣ радужныя цвѣта женщины, звонкіе голоса которыхъ рѣзко отличались отъ сильныхъ мужскихъ басовыхъ нотъ. Впереди толпы шелъ непременно какой-нибудь франтъ весь въ плисѣ, окутанный крестъ-на-крестъ шалами, въ поарковой шляпѣ, перевязанной широкою алой или пестрой лентой: это „князь“ со своей свитой. Князьями называются на языкѣ таежниковъ тѣ изъ рабочихъ, которые вынесли слишкомъ крупный заработокъ или которымъ посчастливилось найти золотую самородку и получить плату по вѣсу найденнаго въ ней золота *). Въ рукахъ князя бутылка съ виномъ; бутылка съ

*) Нахожденіе золотыхъ самородковъ во время работъ—не рѣдкость. Если самородка найдена рабочимъ въ обыкновенный рабочій день, тогда онъ не получаетъ никакого вознагражденія за нее. Въ подобныхъ случаяхъ рабочіе, чтобы не потерять своей выгоды, прибѣгаютъ къ хитрости: они зарываютъ самородку, найденную въ будни, въ землю и вырываютъ ее въ воскресенье или въ другой какой-либо праздникъ, въ который не полагается работать, но въ которые они

виномъ въ рукахъ и безотлучно сопровождающихъ его ассистентовъ или, вѣрнѣе, адъютантовъ, безпрекословно исполняющихъ всѣ его приказанія. Каждая пѣсня оканчивается непременно „славой честному князю Маркелу Савичу“ и его спутникамъ, и послѣ каждаго славословія князь и его адъютанты угощаютъ толпу виномъ, пряниками, орѣхами и конфетами. Иногда они одѣляютъ не только сопутствующихъ князю, но и всѣхъ встрѣчныхъ алыми и пестрыми платками, кусками ситца, шалами. Чаще всего князь гуляетъ впереди толпы, обнявшись съ избранною имъ подругой, которая покидаетъ его только съ послѣднимъ рублемъ. Въ этихъ случаяхъ вѣстѣ съ княземъ славословятъ и честную княгиню его.

Около кабаковъ, встрѣчавшихся чуть не на каждомъ шагу, стоялъ гуль, скорѣе похожій на вой приближающейся бури, чѣмъ на человѣческую рѣчь. Народъ толпами, съ пѣснями, свистомъ, переходилъ изъ кабака въ кабакъ. Порою впереди толпы, заливающейся хохотомъ и ревомъ, мчались танцоры, то разстилаясь по землѣ, то выбивая носками и каблукками своихъ глянцевитыхъ сапогъ самыя замысловатя колѣнца. Повода въ воздухъ руками съ платочками, плыли среди нихъ женщины; иногда на-встрѣчу имъ шла такая-же толпа съ танцорами впереди, и тогда образовывался плотный кругъ, въ срединѣ котораго танцоры стремились затмить другъ друга своимъ искусствомъ. Попадались около кабаковъ и такія группы, которыя готовы были ежеминутно вступить въ драку изъ-за самаго ничтожнаго повода. Въ этомъ бушующемъ хаосѣ, среди пестро-наряднаго люда, нерѣдко скользили совершенно нагіе субъекты; это были уже пропившіеся рабочіе, гулявшіе на-счетъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей. Они не поражали своею наготою никого, ни даже женщинъ, какъ видно привыкшихъ ко всевозможнымъ картинамъ. Разбитый носъ или разсѣченная губа, изъ которыхъ лилась кровь на плисовую поддевку или шелковую рубаху, заплывшій въ синей опухлои глазъ—такъ-же проходили незамѣчаемыми, какъ са-

какъ и въ будни выгоняются на работы, съ тою только разницей, что за работу въ праздничные дни, называемую „старательскою“, они получаютъ не обычную, условную плату, а плату за количество добытаго ими золота. Предъявивъ самородку, найденную будто-бы въ праздничный день, рабочій получаетъ вознагражденіе по количеству оказавшагося въ ней золота.

иля обиденныя и даже неминуемыя явленія. Иногда, среди хохота, пѣсенъ и несмолкаемаго гула отъ говора, рѣзко пронеслась тонко дребезжавшій звукъ выбитаго стекла или вылетѣвшей изъ окна рамы, затѣмъ слышался хриплый стонъ или удушливый крикъ „кара-у-у-уль!“, заглушаемый и гоготаньемъ, и глухимъ шлепаньемъ ударовъ, щедро сыпавшихся кругомъ на друга и недруга. Яркое осеннее солнце обливало своими еще грѣющими лучами эту шумную картину, поражавшую пестротой своихъ красокъ, а еще болѣе пестротой содержанія, гдѣ въ каждомъ углу этого широкаго полотна, обрамленнаго роскошною природою и чистымъ лазурнымъ небомъ, безучастно глядѣвшимъ на все, совершались оригинальныя сцены, обрисовывающія нравы этихъ людей, одичавшихъ отъ нищеты и горя, — а теперь и отъ необузданнаго разгула.

На площади, по правую сторону которой тянулись лавки или, правильнѣе, магазины, — такъ-какъ устройство ихъ нисколько не отличалось отъ тѣхъ магазиновъ „съ панскими“ и „бакалейными“ товарами, какіе встрѣчаются въ уѣздныхъ городахъ, — происходила самая оживленная дѣятельность. Здѣсь также пестрѣли толпы рабочихъ и женщинъ, всюду сопровождавшихъ тароватыхъ гостей своихъ. Бойкіе на руки и расторопные на языкъ, владѣльцы магазиновъ кипѣли въ этой сутолокѣ, какъ въ котлѣ, успѣвая отмѣривать куски ситца и въ то-же время нахваливать опояски, шали, поддевки и шаровары, развѣшенныя на жердочкахъ около стѣнъ. Въ одномъ изъ такихъ магазиновъ, тщедушный мужичокъ низенькаго роста, съ вселокоченной бородой и съ совершенно заплывшими въ опухшихъ вѣкахъ глазами, примѣривалъ на себѣ азамъ, тщательно ощупывая заскорузлыми пальцами полы его, широкіе рукава и грудь. Отъ мозолей, похожихъ на тѣ трутные наросты, какіе встрѣчаются на березахъ, пальцы его едва сгибались; по всему было видно, что онъ никакъ не можетъ опредѣлить плотности матеріи и ощупываетъ болѣе для успокоенія совѣсти, чѣмъ для достиженія практическихъ результатовъ.

— Ты отдушины-то во лбу протри лучше пальцами-то, а не азамъ, то-орговецъ, смѣясь крикнулъ ему хозяинъ, плотный, среднихъ лѣтъ человекъ, подвижности глазъ котораго позавидовалъ-бы любой изъ тѣхъ турокъ, какихъ рисуютъ на цифербла-

тахъ стѣнныхъ часовъ.— Вишь, какъ ихъ плотно бутылочнымъ-то туманомъ заволокло у тебя. Давно изъ тайги-то? спросилъ онъ.

— Вчера только свѣтъ увидали, милый! пожаловался мужичокъ.

— А-а, то-то и очи-то затянуло... Съ разу видать, хлебанулъ бѣлаго-то свѣту до сумерекъ, да и бродишь теперь во тьмѣ, голова!.. Замѣсто того, штобъ глазомъ зрѣть, ты пальцемъ скоблишь; а вотъ кабы ты на шелки-то глянулъ, узоръ-то-бы зрѣлъ, такъ какую-бы ты мнѣ цѣну-то далъ, а?.. А теперича вотъ гляди на тебя, да и соболзвнуй!

— Не болѣй! За цѣной я милый не постою.

— Ну, коли не постоишь, такъ чего-жъ щупаешь-то „хе-хе-е“!.. со смѣхомъ протянулъ хозяинъ лавки, пристально осматривъ вошедшихъ въ это время трехъ рабочихъ, одѣтыхъ заново въ бѣлые расшитые шелкомъ азямы и въ шаляхъ, крестъ-на-крестъ повязанныхъ на груди. — Молодцамъ наше што ни есть нижайшее!.. произнесъ онъ, приподнимая картузь.

— А ты нагнись-то пониже, крестца-то не жалѣй! отвѣтилъ одинъ изъ нихъ, гордо окинувъ его своими черными смѣющимися глазами.— Эвихъ-то, какъ мы, покупателей чествуй!

— По кое-же мѣсто честь-то воздать, а?

— По крайности по-пузь.

— Не низко-ли, молодцы, будетъ? Съ экаго-то поклона неравно и восточку свихнешь, хе-хе-е. Ты честь-то примешь, да и былъ таковъ, а я калѣчество лечи, траться: у-убыточно! А картузомъ мы хошь до полу махнемъ и денегъ не спросимъ, смѣясь произнесъ онъ, снимая картузь и кивнувъ головой...

— О-охъ, Иванъ... какъ тебя по-отцу-то крестить? цесви-чемъ штоль?.. ужъ требуется донять тебя, вотъ какъ! потряся въ воздухъ сжатый кулакомъ, произнесъ рабочій и, присѣвъ на скамейку, стоявшую у прилавка, онъ подбодрился и смотря въ упоръ на смѣющагося хозяина, спросилъ:— Понялъ?

— Внятно сказано; какъ не понять!.. За што-же ты меня эвимъ-то гостинцемъ уластить-хошь?

— Отвѣтъ мнѣ: душа въ тебѣ есть?

— Батюшко, отецъ Василій сказываетъ, што имѣется...

— Попу-то ты не шибко вѣрь; это онъ тебѣ за цѣлковный говорить, что въ тебѣ душа есть, а души въ тебѣ на-астолько

вотъ нѣтъ!.. отвѣтилъ рабочій, показавъ ему на конецъ мизинца лѣвой руки.

— Што-жь ты съ азягомъ-то и́шкешь, другъ? Общался не стоять, а самъ все топчешься?! крикнулъ хозяинъ лавки мужичку, продолжавшему оглядывать со всѣхъ сторонъ азягъ, полы котораго волочились по землѣ.—И слава Богу, милый, што нѣтъ души-то, обратился онъ къ сидѣвшему рабочему, поглядывая въ то-же время на двухъ его сотоварищѣй, которые, сидя на приступѣ у лавки, проворно душили ведровые орѣхи. — И слава-Богу, говорю, што нѣтъ; потому, живется-то не въ примѣръ легче, безъ муки будто... Такъ ты съ эстой объявкой только и зашелъ ко мнѣ, а? спросилъ онъ.

— А это што? Какъ по твоему называется?.. спросилъ рабочій, вставъ со скамьи, и, поднявъ при этомъ полу зипуна, онъ показалъ ему на плисовые шаровары, широко треснувшія по срединѣ колѣна.

— Дыра!

— Не у тебя я вчера ихъ купилъ, а? Похвалъ-то твоихъ товару на трехъ возахъ не увезъ-бы: говорилъ, што износу имъ не будетъ, а это што? хлопнувъ рукой по прорванному колѣну, спросилъ онъ. — Вѣдь ты съ меня за все-то про все тридцать рублей сгрѣбъ, а-а?..

— Бываетъ!.. Случается, говорю, и не съ тобой однимъ! хладновровно отвѣтилъ торговецъ.—Обзавелся сударкой то? Аль нешо не успѣлъ? неожиданно спросилъ онъ.

— Зачѣмъ тебѣ это знать понадобилось?

— Понадобилось, значить, коли спрашиваю.

— Ну, а если скажу—завелся.

— И не горюй, коли обзавелся: всякая тварь парамъ живеть... И подь теперича къ ней, штаны-то сними, она тебѣ ихъ въ единый моментъ зашьетъ... Я тебѣ, пожалуй, и ниточекъ дамъ, снеси... Моточекъ-то не Богъ знаетъ чего стоитъ,—всего пяти-алтынный; найдется, чай, у тебя... Ниточки-то и опосля тебѣ пригодятся. Къ вечеру вѣдь дыръ-то поди накопится, што звѣдъ на небѣ.

— А-ахъ... шутъ тебя возьми!.. Ужь такъ, слышь, кулаки чешутся безъ нитки языкъ-то тебѣ пристегнуть...

— Мо-олодъ! Допрежь свой обточай!.. Вѣдь я тебѣ сколько

шальваръ на выборъ-то накидалъ вчера, припомни-ка. Говорилъ тебѣ: возьми венецейскаго плису шальвары, скажешь спасибо; переплатилъ-то всего бы три рубля... Самъ за дешевизной погнался, ну и знай теперь, што дешевое-то гнило, а дорогое-то мило! Венецейскій-то плицъ во всякой драгѣ устоитъ, а энтотъ русскій плицъ—самая пропащая матерія. Вотъ лопанулъ тебя кто ни на есть, онъ и треснулъ!

— Меня-то-бы это лопанули, а? заносчиво спросилъ рабочій.

— Извѣстно, прищемили!.. Въ жизнь не повѣрю, што-бы сама собой матерья лопнула. У меня, братъ, товаръ стоящій, не то, што у другихъ. Ты помнишь-ли, вчера чего съ тобой-то было, а? Кто тебя по скулъ-то погладилъ, што вздулась отъ огорченья што-ль, а?

— А кто, братъ, погладилъ, такъ тотъ теперича по дворажъ шарится, зубы свои собираетъ на посѣвъ къ будущему урожаю, знай!.. хвастливо отвѣтилъ рабочій, проведя рукой по опухшей щекѣ.

— А ты на меня взѣлся, товаръ-де гнилой далъ тебѣ, души-де нѣтъ. Э-эхъ; и въ порѣ ты человекѣ, а все еще разума на настоящую точку не поставилъ. А вотъ я-бы на твоёмъ мѣстѣ теперича, особливо если при деньгахъ еще, за мѣсто укора-то пришелъ-бы да чинно сказалъ: Иванъ Матвѣичъ, за то, што не послушалъ вчера я тебя, дыру на шальварахъ приобрѣлъ, и, искупаючи грѣхъ свой, хочу купить у тебя новня, венецейскаго плиса. Вотъ я-бы и зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло, што ты голова а, и уважилъ-бы тебя, въ такіе-бы шальвары облекъ, што хошь въ три дубины крести тебя, устояли-бъ.

Иванъ Матвѣичъ засмѣялся и рабочій тоже.

— Вонъ молодець-то, какъ не похвалишь за обычай, снова началъ Иванъ Матвѣичъ, указавъ на мужика, который все еще продолжалъ вертѣть въ рукахъ азамъ:—цѣлнй часъ вонъ щелки-то тарашить, азамъ оглядываетъ. Вонъ ужъ у него дыры не заполучится, нѣ-ѣ-ѣтъ; развѣ, благослови Господи, помы не дочтешься; а штобъ дыра—ни-и ни. Што-жь, молодець, покупаешь, што-ль? крикнулъ онъ.

— Вещь-то ровно того-бы. Цѣной-то только ладно-ли будетъ? спросилъ тотъ.

— Иди, присядь, поточимъ языкъ-то! пригласилъ его Иванъ

Матвѣичъ.—Орѣхи-то грызешь, а? спросилъ онъ, когда мужичекъ переступилъ порогъ лавки и, держа въ рукахъ азякъ, присѣлъ на скамеечку рядомъ съ рабочимъ, получившимъ въ наказаніе за предпочтеніе отечественнаго плиса веницейскому дыру на шальвары.

— Ну ихъ къ Богу, отвѣтилъ тотъ,—не охочь!

— Бери, бери! произнесъ Иванъ Матвѣичъ, всыпавъ ему въ колъни горсточку валенныхъ орѣховъ. — Ну, побалуешь кого-нибудь, коли самъ не грызешь... Жена-то есть? съ участіемъ спросилъ онъ.

— Э-э, путнаго-то чего нѣту, а энтимъ... добромъ ранѣ разуна въ головѣ... запасся...

— Гостинцы, чай, понесешь ей, а?..

— Жи-иветь и безъ нихъ; не та пора нонѣ.

— Што-жь такъ? А ты-бы и ее польстилъ!.. Э-ако, братецъ, а? Самъ-то придешь вонъ въ какомъ азякѣ, тринадцать рублей цѣной, а ей ничего... не похваляю! покачавъ головой, замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.—Вѣдь она скучаетъ, чай, по тебѣ; съ радости-то такъ, поди, облапить тебя, что хошь бревномъ будъ и тутъ сучки възграють, а ты съ пустыми руками выйдешь. Не хорошо! Вонъ у меня есть ситчикъ голубой съ малиновыми цвѣточками,—кра-а-са! Вотъ-бы ей-то въ самую-бы пору...

— И себѣ то ужъ покупаю не отъ избытка, другъ: въ экомъ-то рѣшетѣ далеко не уйдешь, тоскливо отвѣтилъ ему мужикъ, показывая на ветхій, сѣраго сукна армякъ.—Холодно; а нонѣ не та пора, штобы деньгами-то баловать, гостинцы-то разносить.

— Мало вынесъ развѣ?

— Налегкѣ.

— А-а; ну, энто другой разговоръ, согласился Иванъ Матвѣичъ. — Ужъ тутъ, извѣстно, до гостинцевъ-ли; пособи Богъ дойти-то! Я, вѣдь, если и пытаю тебя, сердешный, такъ болѣ о бабѣ-то твоей пекусь, потому и она вѣдь живой человекъ, обновки-то всякому хочется. Рублевъ-то двадцать все-же вынесъ поди, а?.. спросилъ онъ.

— Два-а-адцать, хе!.. Я нонѣ, братъ, за всякимъ расходомъ, полагаю про себя-то, што рублевъ сто чистыми до дому донесу. А то двадцать, хе-е-е! Двадцать-то рублевъ по нашему хозяй-

ству все одно, што тѣфу-у. Съ меня вотъ одной подушной болѣ сорока рублевъ въ годъ сходить; а то два-а-адцать... хе!

— Многосемейный, штоль?

— Есть кому жевать-то, только припасай!

— Своедѣльшинка? спросилъ Иванъ Матвѣичъ, подмигнувъ рабочему, молча слушавшему ихъ разговоръ.

— Хе, надоть-бы полагать, што своего завода. Баба у меня, другъ, къ слову сказать, тихая и на энтотъ обиходъ, если взять, степенная. Стоящая баба. Рази одно вотъ: языкъ, почитай што, длиннѣе волоса; а касательно иного прочаго, избави Господи!

— Экую бабу цѣнить, братъ, надо особливо при этихъ качествахъ! внушительно замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Цѣню, цѣню, сердешный! Какъ ты не станешь цѣнить ее? Теперича возьми одно: весь домъ на ея рукахъ, все хозяйство. Я руки-то за лѣто вонъ какъ моволями окуталь, произнесъ онъ, показывая ему свои моволистые пальцы:— замѣсто рукавицъ теперича пойдуть на зиму, да и она, вѣдь, милый, не цвѣла.

— Ужь гдѣ, поди, цвѣла, до цвѣтовъ-ли!

— Не цвѣла, нѣ-ѣ-ѣтъ! Тоже горбъ-то, поди, такъ нагнула, што и за зиму не выправишь, да-а-а!

— Ну, ты-то сразу выправишь: мужикъ чего еще, въ порѣ, особливо, какъ ситчику-то прихватишь ей! Вѣдь бабѣ-то горбъ особливая статья: горемъ его нагнетъ, а лаской выправить... Такъ чего-же, мѣрить, штоль, ситець-то? Къ экой-то бабѣ и ты съ пустыми руками придешь. А цѣню, говоришь; рази это оцѣнка? Да я-бы на твоємъ мѣстѣ экую-то бабу озолотилъ; я-бъ ей цеткма ситцу, а прихватилъ-бы и платъ на голову, и шаль, да не одну-бы: на вотъ, моль, красуйся! Вонъ, вишь, сидитъ человекъ да скучаетъ, што ему дыру на штанахъ навертѣли и надумываетъ новые поплотнѣй покупать;— вотъ и ты-бы заодно съ нимъ, а ужъ я-бы обоихъ уважилъ. Э-эхъ, вотъ закусить-то будто нечего, а то бъ поподчиваль васъ, говорилъ Иванъ Матвѣичъ, шаря рукою въ ящикъ прилавка.— Петюшка! крикнулъ онъ, пріотворивъ заднюю дверь въ чуланчикъ. — Подь-ко, принеси ужъ студня съ хрѣномъ, да хлѣбца прихвати, соли, да проворнѣй бѣгай: одна нога штобъ здѣсь, а другая тамъ, слышь! говорилъ онъ мальчику лѣтъ десяти, съ бѣлокурными вьющимися волосами на головѣ. Большіе сѣрые глаза ребенка, лукаво оглядывавшіе

посѣтителей, заранѣе предрекали, что этотъ молодой отпрыскъ Ивана Матвѣича далеко пойдетъ по стопамъ родителей и въ умѣньи очаровывать, и въ умѣньи обирать.

— А то пока, до закуски-то, ополоснись-ко, произнесъ Иванъ Матвѣичъ, вынимая изъ-за прилавка штофъ и большой граненый стаканъ. — Ну-ко, обиженный, задуй-ко, благословясь, неугасающую-то свѣчу! произнесъ онъ, протянувъ налитый виномъ стаканъ рабочему съ изъяномъ на шальварахъ.

— Это за обманъ ты што-ль угощашь-то? спросилъ тотъ, принимая стаканъ.

— За што почтешь, опосля ужь сосчитамся, а теперича пей, посудину-то зря не задерживай.

— Ну, будь здоровъ, дай тебѣ Господи! отвѣтилъ рабочій и, перекрестившись и подувъ на стаканъ крестъ-на-крестъ, съ маху опорожнилъ его. — А-а... ну и водка! крякнувъ и поморщившись, произнесъ онъ, возвращая стаканъ.

— Промой-ко глаза-то, авось съ-изнова свѣтъ увидишь, хе-хе... какъ, бишь, тебя по имени-то и отчеству? спросилъ Иванъ Матвѣичъ, поднося налитый стаканъ покупателю азяма.

— Евсей, отвѣтилъ онъ, — Макарычемъ буду; Макаромъ отца-то звали.

— О-о!.. Евсей, да еще и Макарычъ! Ну, будь здоровъ! произнесъ Иванъ Матвѣичъ на его пожеланія. — А бабы своей не забывай, грѣ-ѣ-ѣхъ; подругу жизни, такъ сказать, и не дѣнить... Я тебѣ вотъ уже ситчикъ-то покажу. А вы, молодцы, што-жь? Эй, разлюбезные, промочите въ горлышкахъ-то; чай, съ молчанки-то у васъ тамъ закуржавѣло! крикнулъ онъ рабочимъ, сидѣвшимъ на приступкѣ лавки.

Тѣ сначала оглянулись на его зовъ, потомъ встали и, медленно расбавиваясь, вошли въ лавку.

— Угощенье? почти въ голосъ спросили они.

Въ это время Петюшка запыхавшись вбѣжалъ въ лавку, неся большую хлѣбную чашку съ крошенымъ студнемъ, облитымъ хрѣномъ и краснымъ хлѣбнымъ уксусомъ. Нѣсколько деревянныхъ ложекъ лежало поверхъ коровая хлѣба, которыми была покрыта чашка. Иванъ Матвѣичъ и гости его, выпившіе уже по другому стакану, обступили чашку и, вооружившись ложками, быстро опорожнили ее.

— Я, милый, што-жь... я-бы всей душой! говорилъ замѣтно охмѣлѣвшій Евсей Макарычъ. — Неужь я своей бабѣ цѣны не знаю, а?.. Да я то-ись всѣ ея качества постигъ, вотъ вѣдь какъ распинаюсь; да вишь, достатки-то мои... суди!.. Сорокъ цѣлковыхъ вѣдь одной подушной, а-а, шутка-ли... Изъ чего вѣдь и робить-то ходишь. Неужь, кабы што...

— Спра-а-авишься; никто какъ Богъ; а бабу польсти!.. Полюбовниця люди честятъ, а ты законное естество обойдешь... не хвалю! строго отвѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Кто похвалить! произнесъ одинъ изъ рабочихъ, свертывая изъ картузной бумаги папиросу.

— Я, вонъ, Матрешкѣ,—а што она мнѣ, припека,—и тутъ, братъ, шаль-то безъ мала въ сажень выворотилъ; а ужь она-ли не шеура! похвалился рабочій съ изъяномъ на шальварахъ. — А кажи*ко венецейскія-то, вдругъ спохватился онъ.

— Мѣрять, што-ль? Заодно-бы ужь? настойчиво спросилъ Иванъ Матвѣичъ, обратившись къ Евсею Макарычу.

— Мѣрь! крикнули въ голосъ рабочіе. — Самъ послѣ спасибо скажетъ. Вѣдь нашего-то брата на путное-то дѣло въ зашей толкай, на худое-то только—безъ спросу лѣземъ.

— Вѣрно, молодцы, люблю за правду! крякнувъ, одобрилъ ихъ Иванъ Матвѣичъ.

— А-а-ахъ, други вы мои! всплеснувъ руками, произнесъ Евсей Макарычъ, какъ-бы оправдываясь передъ ними. — Достатки-то мои, а-а-а!.. И, махнувъ рукой, онъ отвернулся въ сторону, но чрезъ минуту рѣшительными шагами подошелъ къ прилавку и крикнулъ:—Мѣ-ѣ-ѣрь, штобъ тебя раздуло, за одно ужь! На глазахъ его сверкали слезы.

— Не горюй; баба-то тебя сторицей усладитъ за экій приносъ, утѣшилъ его Иванъ Матвѣичъ, съ непостижимымъ для лѣтъ его проворствомъ сдернувъ съ полки штуку ситца и связку шароваровъ венецейскаго пласа. У Евсея Макарыча и остальныхъ присутствующихъ даже зарябило въ глазахъ отъ быстрого мельканія аршина при отмѣриваніи ситца.—Ситчикѣ, милый, ножемъ не врѣжешь, говорилъ онъ, положивъ на прилавокъ совѣмъ уже свернутый кусокъ его.—Съ другого-бы за этотъ ситецъ я и полтину-то за аршинъ взять подумалъ-бы да и подумалъ, а съ

тебя, по Божьи говоря, единственно снисходя къ твоимъ недостаткамъ, сорокъ копѣекъ владу, вѣрь... А шаль-то возьмешь?

— Ни-и въ жисть, провались ты.

— Ну-у... Экой скупящій вѣдь ты; а-а-ахъ, братецъ, да рази можно этакъ-то?..

— Убей, говорю.

— Пригодишься ишо. А-ахъ ты какой; да ты погляди, вѣдь въ глазахъ-то, чай, съ двухъ стаканчиковъ посвѣтлѣй стало...

— Не блазни; о-ой не блазни.

— Огляди! быстро развернувъ передъ глазами его шаль, пестрѣвшую яркимъ узоромъ и цвѣтами, говорилъ Иванъ Матвѣичъ. — Узоръ-то чего стоитъ! Вѣдь баба-то тебя за экую-то шаль а-ахъ какъ уконтентуетъ, съ искривившимися отъ смѣха глазами говорилъ онъ. Въ потъ ударить отъ ласки-то ея, — помани!

— Не анаема-ль? съ болѣю въ голосѣ произнесъ Евсей Макарычъ, обратившись къ остальнымъ рабочимъ, поглощеннымъ разсматриваніемъ шароваръ. — Говори ужь, сколько съ меня денегъ-то?

— Давно-бы вотъ такъ-то, отвѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, берясь за счеты и проворно побрякивая косточками; — а то убей, да провались, — только и разговору; а все и дѣло-то съ азямомъ вмѣстѣ — двадцать шесть рублей сорокъ копѣекъ стоитъ. Изъ чего только бились... э-эхъ!..

— Бились!.. Хе... какъ побьешься, братъ, за лѣто-то, такъ надъ каждымъ грошемъ вздохнешь, да дважды на него оглянешься, допрежъ чѣмъ изъ рукъ-то выпустить... Побьешься!.. А ты по божьи-ли считалъ-то?

— Саваофа въ свидѣтели позову. Лучче свое передамъ, чѣмъ твоей трудовой копѣйкой обременюсь.

— Трудовая, братъ, она, о-о-охъ, — это ты вѣрно...

— Еще-бъ. Намъ-ли не знать.

— О-охъ!.. Мѣдный вотъ онъ грошъ-то. Кому ихъ зря Богъ-то даетъ, чего онъ ему стоитъ: и званья ему нѣтъ... А для тебя этотъ грошъ — о-о-о... жи-изть одно слово, да-а-а! ударивъ пальцемъ о прилавокъ, говорилъ оживившійся Евсей Макарычъ. — Што вотъ божій свѣтъ въ окнѣ, то и этотъ грошъ въ твоемъ глазу.

— Пособляетъ, точно.

— Да какъ ишо пособляетъ-то! Слезу утреть!

— Утреть; а особливо коли глазъ ненарокомъ подобьютъ, только потри ихъ, грошемъ-то, сейчасъ кровь планируетъ; отъ многого пособляетъ, чего говорить, согласился Иванъ Матвѣичъ. — Ну, такъ покажьсть што, вынимай-ко, полюбуемся, какими тебя граматами-то снабдили!

— Ужь такъ-то, братъ, тошно мнѣ казну-то начинать — а-а-ахъ! произнесъ, вздохнувъ и качая головой, Евсей Макарычъ и, снявъ съ себя старый азамъ свой, воротникъ котораго былъ обшитъ кожей, — до того засаженной, что онъ лоснился, — ошупалъ его, затѣмъ поковырлялъ его своимъ закорузлимымъ пальцемъ и, снова покачавъ головой, вздохнулъ. — Дай-ко, другъ, ножика, обратился онъ къ Ивану Матвѣичу: драгну-то зубомъ не возьмешь! Распоровъ поданнымъ ему ножемъ пространство въ вершкѣ на внутренней сторонѣ воротника, онъ вынулъ изъ-подъ кожи тщательно завернутыя въ бумажку деньги.

— Бережливый ты! замѣтилъ Иванъ Матвѣичъ, пристально наблюдавшій за нимъ.

— Ученъ, братъ! Разъ у меня свистнули ихъ, такъ мало-ли горя-то было!.. Сколько-же тебѣ отсчитывать, а?..

— Давай всѣ, сколько есть.

— О-о-о, всѣ, хе-е... Экъ-то, братъ, разопре-еть...

— Сохраню.

— Мѣсто и мы найдемъ; ничего, учены...

— Учены да невучены... Давай; у меня, покрайности, въ сохранности лежать будутъ, а то вѣдь пойдешь путаться по селу, то долго-ль до грѣха: съизнова свистнуть.

— Свистѣть-то и мы нояѣ ушѣемъ.

— Ой, просвистишься; давай лучше...

— У сердца, во, складу...

— Ну, какъ знашь, твое дѣло. Считаю двадцать шесть рублей сорокъ копѣекъ.

— Многонько чего-то, паренекъ, сдается, а?

— Ну, ну, подавай; мнѣ время-то не терпитъ на пустошъ точилѣ азыкъ вертѣтъ; сторговано и подавай! сурово отвѣтилъ ему Иванъ Матвѣичъ.

Евсей Макарычъ, махнувъ рукой, молча отсчиталъ двадцать

семь рублей и, получивъ сдачу, мѣдныя деньги положилъ въ карманъ, а асигнаціи, снова завернувъ въ бумажку, затолкалъ за кожу воротника. Распростившись любезно со всѣми, заявивъ при этомъ, что онъ вечеромъ пойдетъ въ дальнѣйшій путь, ибо заскучалъ о семьѣ, Евсей Макарычъ вышелъ изъ лавки. Но, по злой ироніи судьбы, его въ тотъ-же вечеръ видѣли гулявшимъ въ толпѣ рабочихъ въ обнимку съ какою-то миловидною женщиной, на плечахъ которой красовалась шаль, купленная имъ для жены. Плохо владѣвшій ногами Евсей Макарычъ одѣтъ былъ въ новый зипунъ, сползавшій съ плечъ его, такъ что полы его тащились по землѣ, покрытыя густымъ слоемъ грязи.

Въ то время, какъ въ лавкѣ Ивана Матвѣича происходила описанная выше сцена, въ небольшой лавочкѣ, сколоченной изъ досокъ и оставленной весьма скудно, толпилось нѣсколько человѣкъ рабочихъ. Хозяинъ лавки, низенькій, но коренастый и полный человѣкъ, стоялъ за прилавкомъ, то-и-дѣло снимая съ головы картузь и обтирая ситцевымъ платкомъ потное лицо, слегка попорченное оспой. Пухлыя губы его постоянно складывались въ привѣтливую улыбку, съ какою онъ встрѣчалъ входившихъ къ нему покупателей. А покупателей у него было много. Съ ранняго утра и до поздняго вечера лавка Семена Петровича Костылева стонала отъ говора стекавшагося къ нему народа. Двое сыновей его, красивыхъ молодыхъ людей съ цвѣтущими фізіономіями, и работникъ, превращенный на это время въ приказчика, едва успѣвали справляться съ аршиномъ, удовлетворяя разнообразныя запросы. Предпочтеніе, оказываемое на этотъ разъ небогатой лавочкѣ Семена Петровича передъ прочими лавками, объяснялось тѣмъ, что онъ объявилъ неслыханную еще въ Т — ѣ „дешевую распродажу товаровъ“. Новость эта произвела сильное впечатлѣніе на его сотоварищей по ремеслу и вызвала со стороны ихъ громкія порицанія его нововведенію.

— Мошенники, объяснялъ теперь Семень Петровичъ тѣснившимся въ лавкѣ покупателямъ, обтирая платкомъ лицо и наблюдая за дѣйствіями сыновей и приказчика, — право мошенники; имъ-бы только теперича обобратъ бѣднаго человѣка, навязать ему за тройную цѣну всякаго гнилья, а вѣтъ того соображенія — какъ-

бы помочь ему! Нѣшто у нихъ дрогнетъ душа, видя теперича, что люди робили-робили за лѣто, нѣто-нѣтъ вынесли какія-то вопѣйки, вышли и наги, и босы,—такъ взять съ него божескую... цѣну, если, къ примѣру, онъ и захотѣлъ-бы придѣться.

— Ужь гдѣ дрогнетъ! отозвался на слова его пожилой крестьянинъ, убого одѣтый и толкавшійся въ лавкѣ чуть не съ утра.— А какъ божеская-то цѣна за рукавички-то эти? спросилъ онъ, указавъ на рядъ кожаныхъ рукавицъ съ шерстяными вязаными варежками, висѣвшихъ на шестѣ, протянутомъ чрезъ всю лавку.

— Рубь восемь гривенъ, милый!..

— Тѣ-экъ, протянулъ крестьянинъ.—Ужь гдѣ дрогнетъ, што ты, снова повторилъ онъ, продолжая начатый ранѣе разговоръ.— Я такъ теперича полагаю, сердешный, што ежели обойти съ конца краю всю вашу деревню, такъ душой-то нигдѣ и не попахнетъ!..

— Не говори этакъ-то! обидчиво отвѣтилъ Семень Петровичъ.

— О-о!.. Ну, статья можетъ, и есть гдѣ заблудшая!

— Не говори; не у всякаго совѣсть съ рѣшетомъ спорить— у кого дыръ болѣ, — нѣ-ѣтъ! Есть, что и Бога помнятъ; да я вотъ первой скажу тебѣ, да и не тебѣ одному, а на весь свѣтъ возвѣщу: ежели теперича, въ случаѣ, по ошибкѣ, я допущу какой фальшь,—ночи не усну, изведусь!.. А ты, Митрій Савичъ, не радись! обратился онъ къ рабочему, торговавшемуся съ однимъ изъ его сыновей: мы безъ запроса товаръ отпускаемъ, по-божески, не какъ другіе... Нѣшто не слышалъ, какъ меня честятъ за то, что радѣю о васъ?..

— Радѣтелю!.. громко произнесъ, подхвативъ послѣднее слово Семена Петровича, молодцовато-вошедшій въ лавку высокій, плечистый рабочій, съ красивыми чертами лица, одѣтый въ поношенный полушубокъ и бродни.— И ты новѣ на купецку ногу живешь? фамиллярно спросилъ онъ.— Говорятъ мнѣ, лавку снарядилъ, торгуешь... А-ахъ ты, думаю, дуй его горой, дай пойду погляжу, каковъ онъ въ купецкомъ-то чинѣ... Узнаешь-ли? спросилъ онъ, остановившись противъ Семена Петровича, отдѣленнаго отъ него только прилавкомъ.

— Признаться... што-то... произнесъ замѣтно смутившійся Семень Петровичъ,—ровно въ первой...

— Говори ужъ: знать не знаешь, вѣдать не вѣдаешь?..

— Похоже, милый, на то, не погнѣви; а ты объявись и перво—кто ты?..

— О-объявись!.. Не признаешь, купецкая душа твоя? Въ первой, небось, видишь! Ну-ко, не знашь-ли ты, пощупамъ, кто это въ лонскомъ году болѣ трехсотъ рублей у меня изъ кармана вытянулъ? спросилъ рабочій, вперивъ въ Семена Петровича свои сѣрые, нѣсколько на выкатѣ глаза.

— А ты, болѣзненный, коли съ вечера угорѣлъ, такъ очнись, нонѣ вѣдь день. Ты кто такой есть? возвышая голосъ, спросилъ его поблѣднѣвшій Семенъ Петровичъ.

— А ты не знашь?..

— Вижу по лапамъ, што гусь, да у каждого вѣдь гуся своя кличка.

— Такъ-таки Финогена Зарубаева ты и не видывалъ никогда-а? говорилъ рабочій, стоя уже въ кругу любопытныхъ, привлеченныхъ ихъ разговоромъ.— А не ты-ли, въ прошломъ-то году, зазвалъ меня къ себѣ въ домъ, угощалъ меня, сулилъ еще мнѣ племянницу свою сватать, всячески улещаль, самъ испо мнѣ и постель стлалъ. Только на утро-то я очнулся подъ заборомъ, безъ копѣйки денегъ, а тебя и слѣдъ простылъ: изъ села убѣгъ.. Не ты?..

— Иди-ко, милый, безъ грѣха отселева, слышь... послушай моего добраго слова... Лексѣй, насмѣшливо обратился Семенъ Петровичъ къ одному изъ сыновей,—подай-ко ему гривенникъ на похмѣлье, авось въ память войдетъ... Хе-хе, изъ того вѣрно и бьешься, милый. Триста рублей я скралъ у него, а-а?! обратился онъ къ окружающимъ. — О-образумься, нечистъ ты экая, возвышая голосъ, заговорилъ онъ;—у тебя-то ни кола, ни двора поди нѣтъ, нагъ и босъ, а я пятьдесятъ три года непороченъ живу на свѣтѣ и сталъ-бы это около тебя пачкаться...

— Въ зашей-бы его, тятенька, а ты разговаривашь! крикнулъ Алексѣй, щеки котораго горѣли отъ волненія.

— За што въ зашей, а?.. Што ты купецъ, такъ ужъ съ тобой и не разговаривай! вступились окружающіе.

— А можетъ, ты и точно скралъ: за вами, братъ, непорочными-то людьми, энта добродѣтель водится! сверкая глазами, заговорилъ одинъ изъ окружающихъ тасжниковъ.— Стой-ка, други, разберемъ дѣло! обратился онъ къ остальнымъ.— Ты, можетъ, на

его-то деньги лавку соорудилъ, да его-же теперь и нищимъ ругаешь, нечестью... Да ты-то кто, а?..

— Съ тобой развѣ я разговариваю? спросилъ значительно понизившимся тономъ Семенъ Петровичъ. — Ты што лѣзешь въ чужой-то горшокъ со своей ложкой?.. Братъ ты ему, али сватъ?..

— Братъ; по Христу вотъ братъ... и по матери горькой долѣ! Ну, можешь ты поносить его, а? наступая на него, горячился неожиданный защитникъ. — Ты вотъ на наши деньги изъ лапотниковъ въ купцы-то выползъ, да мы-же и нечистъ, а-а?..

— Ми-и-илые, ми-и-илые!.. Да што вы, одумайтесь; да нѣшто можно къ слову-то вязаться, што впопыхахъ обронено?!. униженно-ласковымъ тономъ заговорилъ Семенъ Петровичъ, успокаивая ихъ. — Ну, погорячился, што-жь; вѣдь я въ лѣтахъ человѣкъ; легко-ль мнѣ въ ворахъ-то быть, посудите!

— Воръ ты и есть! произнесъ Зарубаевъ.

— Сами вотъ слышите, милые, а?.. Должонъ я вступаться за такое поношенье аль нѣтъ, — рѣшайте...

— Стой, братцы! произнесъ таежникъ, назвавшійся братомъ Зарубаева по общей матери ихъ горькой долѣ. — Говори по совѣсти, смотри безъ фальшу, обратился онъ къ Зарубаеву: какъ дѣло было?

— А было оно, други, сказать теперича, не утаивая, очень даже просто, совѣмъ кабы невзначай... На фатерѣ-то стоялъ я въ прошломъ году у Нефеда Перетолчина... Ладно... И не шибко што-бы пьяный былъ, только это одна и заплѣ мы, братцы, сказать такъ, подъ вечеръ-время, вмѣстѣ съ иными прочими, вотъ къ эфтому самому Лазарю, произнесъ Зарубаевъ, указавъ на Семена Петровича, который усмѣхнулся при этомъ и, отойдя нѣсколько отъ прилавка, шепнулъ что-то работнику своему, быстро скрывшемуся изъ лавки. — Хорошо... Народъ-то это, опосля того-сего, разошелся, продолжалъ Зарубаевъ, и я хотѣлъ по ихъ теперича слѣдажъ идти; а денегъ у меня, братцы, было триста рублей, да мелкими бумажками рублей можетъ двадцать... Онъ и заприимъ, што я изъ денежныхъ...

— Изъ денежныхъ, хе!.. насмѣшливо подхватилъ Семенъ Петровичъ, отирая платкомъ потное лицо.

— Смѣйся... Я-те выведу на свѣжу-то воду...

— Самъ-то не захлебнись оной!

— Всплыве-омъ; чиста-то совѣсть не тонеть, огрызнулся Зарубаевъ.— Запримѣть онъ это, говорю, продолжалъ онъ,— и поведи рѣчь со мной, што въ молодыхъ-де лѣтахъ оченно-бы было пріятно экому молодцу да при хорошей семьѣ быть не изъ послѣднихъ; лучше, говорить, чѣмъ въ каторгѣ-то убиваться!.. Водочки это поддавать мнѣ зачалъ, рюмочку за рюмочкой... пью... Хорошо.. И говорить онъ мнѣ: племянница, говоритъ, у меня есть сирая, дѣвица въ примѣръ-бы прочимъ чистотой; вотъ-бы экому молодцу владѣ... Што-жь, моль, отвѣтствую, у насъ на всякій владѣ руки цѣпки; а тѣмъ временемъ все домой порываюсь... А онъ и говорить: ложись у меня, полюбился ты мнѣ, а за утро, коли-што, еще потолкуемъ. И постель, какъ теперича, братцы, помню, сталъ мнѣ стлать... и свалился я у него, какъ предъ Богомъ, говорю, лопнуть; а очнулся на утро-то, глядь, — подъ заборомъ лежу, на другой сторонѣ улицы... Хватился денегъ, — пусто... Кинулся въ домъ къ нему, — сказываютъ, еще вечеро-съ изъ села уѣхалъ... Я въ волость съ объявкой, а тамъ меня на смѣхъ подняли... Вотъ оно какъ дѣло-то все было, съ дрожью въ голосѣ закончилъ Зарубаевъ. — Не ты, скажешь, а-а? обратился онъ къ Семену Петровичу.— Не ты-ы?

— Сказка складная; ма-астерь, хе... хе!..

— А-а, сказка, расхожая душа твоя, ска-а-азка! повторилъ онъ.— У меня родитель безъ ногъ лежитъ, міромъ кормится, мать по людямъ въ работѣ мыкается; мы на энти-то деньги вѣкъ-бы свой ушастливѣли, кабы ты ихъ не сгрѣбъ. Вотъ чего мнѣ энта сказка-то стоитъ, гра-а-абитель!..

— Придержи языкъ, милый; о-ой, мотри...

— Н-ну... моли ты Бога, вупецъ, что ускользнулъ отъ меня въ прошломъ году, мо-о-оли!..

— А што-жь-бы...

— Ннну... встряхнувъ головой, отвѣтилъ Зарубаевъ.

— Договаривай, што-жь зубы-то сжалъ...

— А видать, почтенный, што у тебя рука коротка, да ноготокъ длинный! вступился названный братъ Зарубаева... Знашь, чего я тебѣ оповѣшу?.. спросилъ онъ.

— Сблаговѣсти, авось и перекрестимся, хе-хе! отвѣчалъ все болѣе и болѣе ободравшійся Семень Петровичъ, съ нетерпѣніемъ выглядывая изъ-за прилавка на улицу, какъ-бы поджидая кого.

— Ты Бога-то хоть маненечко памятуешь?

— Во всю даже мѣру... хе...

— Не ссорся ты съ нами, купецъ, ой-ой не ссорся, слышь: намъ терять нечего... а тебѣ, мо-отри... Понимаешь-ли это слово-то?.. сверкнувъ глазами, спросилъ названный братъ Зарубаева.

— А ты уже до волостныхъ-бы поберегь энти слова-то...

— Не пужай; мы и не такихъ соколовъ за хвостъ инали, да обрывали имъ крылья, а у экой-то вороны пуху-то надергать намъ въ полу-горя... Ты купецъ, а онъ нищій, указывая на Зарубаева, говорилъ оны;—чего на немъ, то и при немъ... Мирись...

— А вотъ, посмотримъ, какъ волостные присудятъ; мы тоже поношенія своей чести даромъ не спускаемъ, да и за похвальные слова у насъ, братъ, платятся: здѣсь вѣдь не тайга...

— Мирись!..

— Семень Петровичъ, вступился и мужичекъ, торговавшій рукавицы,—не ты-ль хвалился, што у тебя совѣсть спорѣй рѣшета? Вѣдь если онъ теперича и поношенье твоей чести оказалъ, такъ вѣдь суди, милый, слезы его говорятъ, слезы... утри ихъ!..

— Рукоотерниковъ-то нѣтъ, не торгуемъ ими. Антону Антипичу наше нижайшее, произнесъ Семень Петровичъ, привѣтствуя сельскаго старосту, вошедшаго въ это время въ лавку въ сопровожденіи сотскихъ, за которыми и бѣгалъ работникъ Семена Петровича.—А у насъ тутъ безчинство; заступись...

— За кого?.. спросилъ староста, оглянувшись кругомъ себя, причемъ нѣкоторые изъ рабочихъ, бывшихъ свидѣтелями всей этой сцены, поспѣшили потихоньку выйти изъ лавки.

— Воромъ, Антонъ Антипичъ, сдѣлался на склонѣ своихъ лѣтъ, да-а! Спроси-ко вотъ молодцовъ-то... указавъ на Зарубаева, названнаго брата его и старика, торговавшаго рукавицы, пожаловался онъ. — Вишь, вотъ триста рублей будто скралъ, а, слыхаль?..

— А теперича... съ процентомъ ихъ требуютъ, штоль?.. "

— Съ лихвой, да еще похваляются.

— Пойдемъ-ко, други, въ волость, разберемся!.. пригласилъ староста.

— Пойдемъ, отвѣтилъ Зарубаевъ.

— Иди-ко. Ты и этихъ, Антонъ Антипичъ, прихвати, произ-

несъ Семенъ Петровичъ, указывая на остальныхъ:—одного поля ягодки-то... Вотъ уже посидишь денька четыре въ темной, да за каждое словечко отвѣтишь рублемъ, и нау-ука будетъ: въ другоредъ сказки-то не станешь сказывать, хе-хе! говорилъ, улыбаясь, Семенъ Петровичъ, когда рабочіе, въ сопровожденіи старосты сотскихъ, пошли изъ лавки.—А я уже слѣдомъ за тобой, Антонъ Антипычъ;—вотъ только поуправлюсь, крикнулъ онъ старостѣ, отирая платкомъ свое смѣющееся и покрытое потомъ лицо.

— Князь! А-а, князь! свѣтлѣющій! кричалъ, стоя въ дверяхъ лавки, высокій, худой старикъ, одѣтый въ мерлучатый бешметъ и сафьянные татарскіе ичиги, проходившему мимо лавки рабочему, украшенному шалами поверхъ халата изъ тонкаго чернаго сукна, опоясаннаго алымъ шолковымъ кушакомъ.—Осчастливъ, загляни; косякъ-то у двери моей высокій; слѣсью-то объ него не треснешься!..

— Зѣчьмъ я тебѣ?.. спросилъ тотъ, остановившись.

— Угощу...

— О-о?.. А чѣмъ-же?

— Чего душа твоя потребуеть, изволь; достатеу-то про экого дорогаго гостя хватить. Вѣдь годъ, поди, не видались. За это время ты, вишь, въ какую сажень выросъ, съизнова въ князя промзошелъ... Любопытно!..

— Вороти, братцы, смѣясь обратился къ своей свитѣ князь, или, вѣрнѣе, рабочій Василій Долгополовъ, называемый болѣе въ своей артели „Васькой Дергачемъ“. Дергачъ былъ старинный рабочій, чуть-ли не попавшій на пріиски еще въ ранней молодости. Онъ перебивалъ почти на всѣхъ пріискахъ Т — ой тайги; его цѣнили вездѣ, какъ опытнаго работника, особенно незамѣнимаго во-время пробныхъ работъ, при развѣдкахъ новыхъ золотоносныхъ площадей; но въ то-же время и не долюбивали за невыносимо заносчивый характеръ, тѣмъ болѣе, что Дергачъ, сознавая свое значеніе, какъ незамѣнимаго въ извѣстныхъ случаяхъ человѣка, любилъ показать всякой пріисковой власти, что ему въ сущности наплевать на нее, что за такого человѣка, какъ онъ, руки всегда будутъ! Дергачъ всякій разъ выносилъ съ пріисковъ хорошій

заработокъ. Онъ не любилъ забирать у хозяевъ вещи въ долгъ; все время работъ на прискахъ отказывалъ себѣ въ самой ничтожной прихоти, но за то уже, при выходѣ съ присковъ, любилъ щегольнуть средствами. Конечно, при томъ разгулѣ, какому обыкновенно предавался Дергачъ, средствъ его хватало всего на нѣсколько дней, но довольный и тѣмъ, что онъ пожилъ „хоть на часъ да вскачъ“, Дергачъ, пропивъ послѣднюю копѣйку, снова отправлялся на приски и работалъ до упаду, поддерживая ослабѣвшія силы мыслью о будущемъ отдыхѣ и разгулѣ. Одѣвшись щеголеватѣе всѣхъ, хотя и припрятавъ свою старую рвань,—ибо зналъ, по опыту многихъ годовъ, что чрезъ нѣсколько дней она снова понадобится ему,—Дергачъ, вынесшій по обыкновенію хорошіе заработокъ, гулялъ въ Т—ѣ уже третій день, не безъ удовольствія выслушивая славословія, какія усердно расточала ему подобранная имъ свита.

— Зазвалъ, такъ угощай! говорилъ Дергачъ, войдя въ лавку въ сопровожденіи своей свиты и, привѣтливо поздоровавшись съ хозяиномъ, важно сѣлъ на поданный ему стулъ, тогда какъ свита его, изъ почтенія къ нему, размѣстилась внѣ лавки, по ступенькамъ высокой панели, обносившей весь гостинный рядъ. — А ты, Микита Онуфричъ, все такой-же сычъ, какъ и былъ: не старѣешь и не молодѣешь! сказалъ онъ, снимая съ головы бобровую шапку и кладя ее на прилавокъ.

— Чего пьешь-то новѣ, скажи ты мнѣ, чѣмъ угощать-то тебя? спросилъ вмѣсто отвѣта Никита Онуфричъ.—Вѣдь простой-то, чай, не потребляешь, санъ не допускаетъ...

— Поддавай чего покрѣпче, штобъ шипѣло на каменкѣ-то...

— Рому?

— Наилучшаго, мотри...

— Извѣстно, при такой бы персонѣ... да конфузиться. Степанъ! обратился Никита Онуфричъ къ парню лѣтъ двадцати, служившему у него, повидимому въ качествѣ прикащика.—Подъка къ Кузьмѣ Терентьичу, возьми у него бутылочки три рому наилучшаго, мотри; лимончиковъ съ пятокъ захвати, пряничковъ съ фунтиковъ, а деньги, скажи, опосля самъ я занесу. Да проворнѣй; скажи, молъ, свѣтлѣющій ждетъ! съ ироніей заключилъ онъ.—Ну, какъ-же ты новѣ, ваше сіятельство, поживаешь, а?..

спросилъ онъ, когда Степанъ пустился бѣгомъ изъ лавки по направлению къ погребку Кузьмы Терентьяча.

— Живу—не тужу, чего пропью—вновь заслужу. Жизнь у меня одна!

— Много новѣ денегъ-то внесъ, а?

— Въ силѣ!..

— Талантливый ты... Это, братецъ ты мой, въ ину пору подумашь: при твоёмъ-бы умѣ, да при твоей-то сноровкѣ ко всякому дѣлу, какъ-бы то-ись можно участливиться-а! А у тебя все прахомъ идетъ! Вотъ тебя теперича княземъ величаютъ; оно, известно, льстить, чего говорить; прирожденный мужикъ да вдругъ теперича въ этакій санъ затесаться, — хошь у кого выиграетъ духъ. Да только, милый, величаютъ-то такъ, поколь у тебя деньги есть...

— А ты какъ-же-бы полагалъ?

— То и говорю, что поколь ты при деньгахъ, ну и князь, а безъ денегъ все та-же грязь!..

— Э-эхъ, Микита, да вѣдь всякая грязь при деньгахъ-то—князь... Нѣшто я одинъ на бѣломъ свѣтѣ экинь-то княземъ выгляну? Неужь ты думаешь, што я и въ самомъ дѣлѣ такъ полагаю про себя, а?.. Вѣдь я мужикъ, какъ есть вотъ мужикъ, съ пята до рыла, а бречать деньги у меня въ карманѣ, ну меня и славословятъ, а я и слушаю, и люблю... Угощу за энто... Я вотъ мужикъ; ну што ты скажешь на это?

— Мужикъ, чего-жъ болѣ сказать-то!..

— Мужикъ!.. А теперича вотъ княземъ меня величаютъ; вишь вонъ при хлебниковъ-то сколь набралось, а? Хе... Э-эй, вы, сиди да не дремли, содержи себя въ струнѣ, потому надъ вами нонѣ око есть! крикнулъ Дергачъ, обратившись къ своей свитѣ и грозя ей кулакомъ. — А за што меня славословятъ? Какія во мнѣ таланы, а?.. За деньги... Одинъ вотъ таланъ, о коемъ всѣ люди скачуютъ и всѣ его честятъ, паче всякой заслуги...

— Вѣрно; чего супротивъ энтото скажешь...

— А какъ .это понимать, ежели теперича въ разумѣ чело-вѣкъ, а?

— Глядя по разуму, Василь Петровичъ... у всякаго вѣдь свой разумъ-то. Это глядя по точкѣ, на какой фундаментъ вы-кладенъ...

— А ты узорныхъ-то словъ не плети, говори по естеству. Я вотъ такъ полагаю: я мужикъ, да если вотъ при деньгахъ, такъ и я въ почетѣ, и я князь, и ты вотъ меня въ гости зазывай, и другой зазовешь, и властенъ я все дѣлать, и все мнѣ съ рукъ сойдесть...

— Ну ужь и все!..

— Все!.. Потому заплачу... И разговоръ я могу держать теперь, какой на душѣ моей зудить... Я вотъ, можетъ, другъ ты мой, крѣплюсь-крѣплюсь за годъ-то, чего только на душѣ-то моей не насаднѣть, какой, говорю, мозоли жить-то не натретъ на ней, — колотя себя кулакомъ въ грудь съ ожесточеніемъ, говорилъ Дергачъ, — крѣплю-юсь!.. Потому власти во мнѣ этой нѣтъ въ тѣ поры разговаривать-то; а деньги, Микита, сила... Это въ ину пору я, братецъ, тоже сумнѣнемъ-то задаюсь: коли бы всякой-то мужикъ да богатъ-бы былъ, а-а... чего бы было...

— Взыграли-бъ!..

— И-и!.. Какъ-бы испо взыграли-то!.. И у птицы-бы, што въ поднебесьи летаетъ, пухъ-то пообщинали-бы!.. Да-а!.. Мужикъ... Ты не почитай, што мужикъ-то дуракъ, и по себѣ суди теперича: вѣдь и ты не вышняго чина человекъ и я не прирожденный князь... Всѣ мы, братецъ, свѣтъ-то божій сквозь бычачій пузырь узрѣли, а вѣдь тоже помышляемъ и всякій разговоръ держать можемъ, и все черезъ деньги... Смѣлость они, милый, придаютъ.

— Чего говорить; безъ денегъ человекъ... и не въ цѣпахъ-бы, кажись, а все путается; все равно скованъ даже и въ помышленіяхъ...

— Скованъ; а раскуй-ко, ободри!..

— Во-озмечтали-бъ!..

— А-а-ахъ-ма-а!.. Гдѣ вотъ Степашко-то твой съ угощеніемъ-то запропалъ? Молодцы, ну-ко сбѣгай кто-нибудь, понудьте-ко парня то пошире шагать! произнесъ Дергачъ, обратившись къ своей свитѣ. — Да-а, раскуй-ко нашего брата золотымъ-то молотомъ... а? снова произнесъ онъ послѣ минутнаго раздумья, обратившись къ Никитѣ Онуфричу. — Э-эхъ Микита, Микита!.. Вотъ ты давѣ укорилъ меня, что все у меня прахомъ идетъ, што при моемъ-бы умѣ да таланѣ я-бы очень могъ участвовать.... И могъ-бы, вотъ-бы какъ могъ!.. Я, братъ, фортуны-то не разъ за

— Отрава это питье, Микита; однимъ только и беретъ, — лютостью! произнесъ онъ. — Ты ужь и молодцовъ-то моихъ по-чествуй, — обнеси!

— Бѣленькимъ, разѣ...

— Ни-ни, ромомъ. Всѣ мы, братецъ, люди, всѣ человѣки, помни. Вознагражу, а молодцовъ моихъ не обидь.

— Эхъ, милый, да разѣ я въ обиду? Вѣдь если я теперича тебя чествую, такъ вѣдь я знаю — кого я чествую. Вѣдь ты умный, понимаешь, что чего стоитъ, а они-то што?

— Люди; и у нихъ, братецъ, понятія есть!

— Всѣ мы люди, — точно, я всѣ по одному покрою, да не изъ одной матерьи, другъ: овный изъ холста, овный изъ ситца, а овный изъ шелковъ сотканъ; поэтому, другъ, каждому и цѣна своя. Кушай-ка во здравіе!

Дергачъ перекрестился и медленно, безъ отдышки опорожнивъ стаканъ, крикнулъ и произнесъ: „ну и пали-и-ить“!

— Плесни-ко еще шаечку на каменку-то, хе хе! смѣясь говорилъ Никита Онуфричъ, наливая второй стаканъ, который Дергачъ опорожнилъ уже съ маху и, выкативъ свои большіе сѣрые глаза, съ минуту бессознательно смотрѣлъ на Никиту Онуфрича.

— И огонь-же питье, а-а-ахъ! произнесъ, наконецъ, онъ. — Ужь я, братъ, лютъ, а энта стихія никакъ ишо лютѣе будетъ! говорилъ онъ, прожовывая откушенную имъ половину лимона.

— Нѣшто ты лютъ? спросилъ его Никита Онуфричъ, передавъ одну бутылку и небольшую рюмку спутникамъ Дергача и одѣливъ каждого изъ нихъ по ряннику.

— У-у, звѣрь.

— Гляди-жь, а мнѣ все казалось, што ты добрый.

— Я-то? Э-а, лютости энтной во мнѣ, Микита, а-а-ахъ, Бо-же мой.

— По-олно; съ чего-бъ?

— Захлебываюсь ею, какъ бѣшенная собака пѣной, вѣрь! Не таюсь. Времени я тихъ, не таю, ну, энтно, милый, тоже забава! Я вѣдь умный!

— Чего умнѣй!

— И ехидства энтного во мнѣ — Бо-оже ты Господи! Ты думаешь, я такъ вотъ ни за што, ни про што и мыкаюсь по

бѣлу свѣту? О-о!.. Хе... я все, братъ, выглядываю, во все про-
никаю, я... я.. дойду до точки.

— О-о? До какой-же?

— Энта точка, другъ, ну! Кто ее скыврнетъ, тому въ царство небесное дорога широ-о окая будетъ, да-а!.. Васька Дер-
гачъ... Хе... и нячко-то вѣдь подобрали, хе, хе...

— Окрестилъ-то тебя кто этимъ-то именемъ, скажи-ко.

— Ишь вотъ въ метрику-то не пишутъ; кто первый взвели-
чать. Извѣстно кто: наша-же братья—перекапи поле—не дадутъ-
ли болѣ. Кто?... А ну-ка плесни исшо мнѣ. Вѣдь это вотъ пагуба,
говорилъ онъ, взявъ въ руки вновь налитый стаканъ, — а вѣдь
вашему брату жить безъ нея не можно, вѣрь! Ты не зри такъ
на меня, я вправду говорю: сколь она этой горести въ тебѣ
тушить, а? Теперича взять меня къ примѣру: што я? Бобыль,
ни кола, ни двора; ну, какая моя жизнь? Годъ ваторги, да
день просвѣта; ты робишь, робишь, жизнь кладешь, и все ты
нищій, а другой за твое здоровье, сложа руки, въ прохладѣ жи-
ветъ. Нѣшто такъ должонъ жить человекъ, а? Въ какомъ за-
конѣ писано, что я вотъ, Васька Дергачъ, стой подъ одной
панидой съ безсловеснымъ твореніемъ, а? Ну, отвѣтствуй!

— Предѣлъ, милый, ужъ это кому какъ.

— Кто его городилъ, предѣлъ-то энтотъ? Объяви!

— А ужъ это, Василь Петровичъ, кѣмъ оно огорожено, —
поумнѣй кого спроси, потому мы грамотой-то, признаться, не
задались, уклончиво отвѣтилъ Никита Онуфричъ.

— Точка, а? Точка вѣдь, хе-хе. Постигъ теперь ее? Ну,
и, внививъ стаканъ, Дергачъ стукнулъ имъ о прилавокъ и, по-
смотрѣвъ пристально въ глаза Никиты Онуфрича своими значи-
тельно посоловѣвшими глазами, засмѣялся, обнаруживъ рядъ бѣлыхъ,
какъ перламутръ, и вѣрѣцкихъ зубовъ. — Ну, постигъ теперь, а?
снова началъ онъ. — Э-эхъ, Микита, Микита, да што тутъ слова-
то терять! А энтихъ талановъ твоихъ мнѣ не надо, ни... ни!
Во-о-оля—вотъ, милый, красота-а-а, и не продамъ я ее ни за
какія тыщи, озолоти! Завсегда я самъ себѣ баринъ: сегодня я
князь, на завтра грязь, а все баринъ. Ну, можешь-ли понять
теперича, што я за человекъ, а-а? За деньги меня честятъ
теперь, и чести,—плевать,—за што ни чести, да чести, а придетъ
точка, ты и за умъ меня почтишь!

— Не въ цѣнѣ оцъ, милый! Съ умомъ-то по понѣшнимъ временамъ плохое житье. При деньгахъ оно ишло въ полу-гора, а умъ безъ денегъ, милый, одно только званье, неособливая статья. А што жъ, Василій Петровичъ, похвалялся ты нонѣ, што тебѣ плевать на деньги-то, а? Вправду это? смѣясь какииъ-то приниженно-заискивающими смѣхомъ, спросилъ Никита Онуфрничъ, ласково заглядывая въ осоловѣвшіе глаза своего гостя.

— Плевать.

— Плюнь-ко, слышь, и въ мою сторону... отъ щедрности, а?

— Изволь! и, харкнувъ, Дѣргачъ плюнулъ ему прямо въ лицо.

— Ну, это ужъ, Василь Петровичъ, не го-го-о-о! растерявшись отъ неожиданности и обтирая полою бешмета лицо, произнесъ побагровѣвшій Никита Онуфрничъ.—Нѣтъ, это ужъ того... уволь, за это вашего брата учать.

— Нашего брата, Микита, за все, про все учать, и сколь ты, милый, ни живи, никакъ, то-ись, изъ этой науки не выйдешь... А што если теперича я супротивъ тебя безчинство сдѣлалъ, такъ ты не серчай; съ твоего-жъ слова, ты-жъ просилъ — плюнь, и я завсегда съ полнымъ даже удовольствіемъ.

— Я не сержусь, успокоилъ его Никита Онуфрничъ;—только въ другорядъ, говорю, Василь Петровичъ, антихъ-то шутокъ остерегись: неровенъ часъ да время!

— О-о, чего-жъ ты грозить-то? Ну, што?

— Не грожу, а предваряю только: стерегись.

— Микита, ты на што меня въ гости-то зазвалъ, а-а?

— Угощать.

— За што ты меня чувствуешь такъ, а? Вишь сколь закусокъ-то накупилъ, а! А, вѣдь, ты скупой, ты Иродъ; ты стакана воды даромъ не дашь, а меня вишь ромомъ уснащиваешь. Ну, за што-же экая милость ко мнѣ, а?

— Стоишь, стало быть, и понимаешь!

— Стою! съ ироніей повторилъ Дѣргачъ. — Еслибъ я и въ тыщи разъ стоющій былъ, да коли-бы денегъ не было, такъ ты бы мнѣ корки хлѣба не винулъ. Пра-ахвость ты, Микита, одно тебѣ званье.

— Спасибо и за это. Хорошо. Ай-да князь!

— А-ахъ, Микита, Микита, насквозь вѣдь я тебя вижу! Я вотъ тебѣ какую хошь пакость сдѣлаю и вторительно въ лицо плюну, — сойдесть, только другой полой оботрешься. Во-отъ онъ магнитъ-то, вишь, хе-хе-е, вынувъ изъ кармана тотъ-же комокъ асягнацій и перекатывая его на ладони лѣвой руки, говорилъ Дергачъ, любуясь имъ. — Си-ила они! За это самое я и люблю ихъ окаянныхъ, хе-хе... Сколь ты ни кощунствуй надъ человѣкомъ, какого-бы чина онъ ни былъ, да только покажи ему эту пшеничку, сейчасъ какъ воробушекъ носикъ протянетъ къ ней, и все тебѣ сойдесть, какъ съ гуся вода. Правда? Отвѣтствуй.

— Статься можетъ, кому вѣдь што! Тебѣ деньги-то зря валять, а намъ они, Василь Петровичъ, до-орого даются.

— Зря-я!.. Хе... Кровью добываемъ ихъ, кровью, слышь ты это? ударивъ себя кулакомъ въ грудь, отвѣтилъ Дергачъ.

— Кровью-бы добылъ, такъ не расточаль-бы.

— Расточаю!.. Я низменный человѣкъ и не хочу быть выше этого званья, а могъ-бы, у меня таланъ, мнѣ во-какъ фортить, а не хочу, знай! Я въ этой долѣ родился, въ этой долѣ и умру, наровнѣ съ иными прочими, и не хочу превыше ихъ быть, не хочу, совѣсть не попускаетъ. Не гляди, што я нищій, а во мнѣ вотъ совѣсть есть, да-а. Понялъ? Я вотъ ихъ, окаянныхъ, кровью добываю, а они мнѣ — тѣфу. А мнѣ жизнь-то, Микита, такъ-же дорога, какъ и тебѣ... Почему?

— Богъ тебя знаетъ, за што ты отъ своего талану отречашься.

— Богъ-то, братъ, все знаетъ и все онъ это зрить, чего межъ людьми дѣется; ну, до поры до времени, милый, не угнѣвили, знать, вдосталь владыку небеснаго, а ужь, э-э-ахъ, сказалъ-бы я тебѣ истю одно словечко.

— Зачѣмъ-же дѣло-то стало? Говори.

— Ужъ такое словцо... дрогнешь!

— Не зябкій я, а особливо отъ словъ-то! смѣясь затѣтилъ Иванъ Матвѣичъ.

— Дро-огнешь...

— О-о, сказывай, што-жь, послушамъ.

— Не по твоимъ ушамъ оно, пра-ахвость ты.

— О-о, это и есть словцо-то?

— Это самое!.. На!.. неожиданно закончилъ онъ, бросивъ на прилавокъ десятирублевую асигнацію.

— За што это?

— За угощенье... А энту, братъ, бутылъ-то я съ собой прихватчу; ну, и лимончики-то тоже сгодятся, говорилъ онъ, опуская въ карманъ остальные деньги и заткнувъ за пазуху халата нераскупоренную бутылку и лимонъ.

— Сиди, куда-жь ты?

— ПоЙду! Горе, братъ, размышивать со своими молодцами... Эй, вы, трогай! крикнулъ онъ свѣтъ, выходя изъ лавки колеблющимися шагами, и черезъ минуту улица огласилась звонкою хоровою пѣсней удалявшейся компаніи.

Подобравъ пряники, Никита Онуфричъ засмѣялся и, разглядивъ скопканную асигнацію, посмотрѣлъ на нее къ свѣту и молча опустилъ въ выручку. Выйдя къ дверямъ лавки, онъ сталъ, опершись о косякъ, въ ожиданіи покупателей, которые замѣтно рѣдѣли, такъ-какъ день клонился уже къ вечеру. Но за то шумѣе и безобразнѣе становился разгулъ на улицахъ села, пока рано сгустившіяся осеннія сумерки не скрыли изъ глазъ всю неприглядную наготу его.

Н. Наумовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ТИПЫ XVIII-ГО ВѢКА.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Сущность общества заключается въ его солидарности, ея лишь отличается дѣйствительное общество отъ скопленія особей. Въ человѣческомъ обществѣ прогрессъ обуславливается ростомъ солидарности и ростомъ сознательности; именно то общество прогрессируетъ, въ которомъ формы, обуславливающія солидарность, позволяютъ расти и развиваться общественному сознанию, а сознание, развиваясь, усиливаетъ солидарность общества. Какъ только эти два элемента находятся въ противорѣчїи или одинъ изъ нихъ ослабляется, общество находится въ ненормальномъ состоянїи. Солидарность, купленная насчетъ ослабленія сознания, понижаетъ человѣческое общество, приближая его къ низшимъ животнымъ общежитіямъ, и кромя того, при борьбѣ между человѣческими обществами, то общество, въ которомъ элементы сознания ниже и слабѣе, не въ состоянїи выдержать столкновенія съ сосѣдями или пришельцами. Члены такого общества рискуютъ подвергнуться судьбѣ низшихъ расъ въ присутствїи расъ болѣе цивилизованныхъ, или, если разница культурныхъ началъ не такъ значительна, общество, гдѣ мысль работаетъ слабѣе, осуждено на отсутствіе самостоятельности въ культурѣ, на подчиненное историческое значеніе и, наконецъ, на потерю своей особиности, какъ общества, и на поглощеніе инымъ, болѣе дѣятельнымъ въ области мысли общественнымъ организмомъ. Съ другой стороны, ростъ сознания въ обществѣ, при ослабленїи солидарности между его членами, есть вѣрный признакъ прибли-

жающихся неурядиць. Внутренній разладъ, борьба интересовъ, борьба влеченій, борьба убѣжденій составляютъ всегда для общества опасный внутренній кризисъ, который, при самомъ выгодномъ исходѣ, не можетъ оставить общество такимъ, какимъ оно было. Общество должно или переработаться на основаніи новыхъ сознанныхъ потребностей въ новый, болѣе солидарный организмъ, или должно распасться на новые общественные элементы. Въ обоихъ случаяхъ прежнее общество должно перестать существовать, потому что ему недостаетъ основныхъ элементовъ общественной прочности и его жизненныя силы борются между собою.

Итакъ, важнѣйшій вопросъ исторіи есть вопросъ о степени солидарности въ обществѣ даннаго періода и о состояніи его сознательности. Всѣ остальные вопросы являются въ этомъ случаѣ подчиненными главному. Для каждаго общественнаго элемента исторіку приходится спросить себя: какую роль онъ игралъ въ укрѣпленіи или въ ослабленіи солидарности между личностями въ обществѣ даннаго періода? Содѣйствовалъ-ли онъ или противодействовалъ росту общественнаго сознанія? Періоды исторіи отличаются одинъ отъ другого тѣмъ, что солидарность опирается въ разное время то на одинъ, то на другой элементъ общежитія и подрывается то тѣмъ, то другимъ требованіемъ, возникающимъ въ обществѣ. Комбинація элементовъ, связывающихъ личности, съ элементами, разъѣдающими старыя связи между ними или образующими новыя, составляетъ главнѣйшую схему исторіи челоуѣчества.

Людей связываютъ привычки, связываютъ интересы, связываютъ аффекты, связываютъ убѣжденія. Съ ростомъ сознанія, привычки получаютъ болѣе слабую роль, а убѣжденія—болѣе значительную; аффекты всегда играютъ роль преходящую, непрочную; всего прочнѣе роль интересовъ, которые, собственно, лежатъ въ глубинѣ и бессознательныхъ привычекъ, и временныхъ аффектовъ, и высокихъ убѣжденій, но, получивъ эти формы, образуютъ самостоятельныя силы, которыя иногда дѣйствуютъ и противъ дѣйствительныхъ интересовъ личностей. Во всякомъ случаѣ, интересы составляютъ элементъ, который приходится разсмотрѣть прежде всѣхъ другихъ въ историческихъ періодахъ жизни народовъ и потомъ уже перейти къ разбору видоизмѣняющаго вліянія традиціонныхъ привычекъ, общественныхъ увлеченій привязанностью или ненавистью,

существующихъ вѣрованій и міросозерцаній. Поэтому экономическая основа исторіи справедливо считается въ наше время самою существенною для истиннаго пониманія общественнаго строя и событій разныхъ періодовъ. Тамъ, гдѣ существуетъ экономическая солидарность интересовъ, общественная связь оказывается самою прочною и на этой почвѣ развиваются привязанности и ненависти, вырабатывается система обычаевъ, развиваются религіозныя и философскія ученія. При отсутствіи экономической солидарности (а, къ сожалѣнію, исторія едва-ли знаетъ эпохи, гдѣ эта солидарность существовала-бы въ весьма значительной степени между всѣми членами общества) получаютъ значеніе тѣ или другіе элементы связи, но и они лишь въ той мѣрѣ, въ которой они хотя призрочно содѣйствуютъ установленію экономической солидарности, и здѣсь ихъ значеніе растетъ или уналяется по мѣрѣ того, какъ они во мнѣніи большинства содѣйствуютъ ей.

Въ жизнь дѣйствительно историческую народы вступаютъ въ формѣ обособленныхъ націй, неизмѣняющихъ между собою ничего связующаго, но стремящихся выработать тѣмъ болѣе тѣсную связь между господствующими классами внутри каждой націи. Это обособленіе націй доходитъ до враждебности, закрѣпленной въ старинномъ изрѣченіи древняго Рима: *adversus hostem aeterna auctoritas* (т. е., какъ обыкновенно толкуютъ это изрѣченіе, „у чужеземца нѣтъ правъ“); обособленіе господствующихъ классовъ отъ подчиненныхъ доходитъ до кастоваго устройства и до полнаго порабощенія; за то связь между людьми господствующаго класса поддерживается глубоко-укоренившимся національнымъ обычаемъ, тѣсно связанною съ обычаемъ и съ закономъ, національною религіею, охватывающею и знаніе ученаго, и міросозерцаніе философа, и предрасудки невѣжественной массы. Всѣ элементы сознанія дѣйствуютъ согласно, чтобы придать обществу крѣпкую связь и вѣчную прочность, главное условіе которыхъ составляетъ въ этомъ случаѣ неизмѣнность культуры во всѣхъ ея частяхъ и строгая обособленность ея отъ другихъ національныхъ культуръ.

Но та самая работа мысли, которая выдвинула нѣкоторыя племена изъ до-историческаго, антропологическаго состоянія въ положеніе народовъ историческихъ, не позволяетъ почти ни одному народу историческому остаться въ положеніи вполне обособленной

національности съ неизмѣнною культурою. Развиваются новыя потребности. Интересы большинства требуютъ сношеній мирныхъ между обособленными національностями точно такъ-же, какъ требуютъ измѣненія и въ культурѣ, освященной обычаями. Возникаютъ ученія универсальныя и идея человѣчества, какъ единого цѣлаго, на которое направляются интересы, аффекты, убѣжденія, ставится нераздѣльною отъ работы мысли развитаго человѣка, отъ жизненнаго процесса историческаго народа.

Дѣло начинается тѣмъ, что въ націи, гдѣ работа мысли наиболѣе сильна, въ меньшинствѣ, которое наилучшимъ образомъ воспользовалось особенностями и качествами культуры этой націи, появляются ученія, которыя прямо опираются на начала, противоположныя національной раздѣльности, неподвижной культурѣ, традиціонному обычаю. Область познающей мысли противопоставляется, какъ высшая и всеобщая, области обычая, раздѣляющаго классы въ обществѣ и націи въ человѣчествѣ. Философскія школы возникаютъ среди индусовъ и грековъ. Неумолимое раздѣленіе кастъ оказывается ничтожнымъ предъ силою познанія, которая освобождаетъ ученика Капилы безъ всякаго обряда отъ трансмиграцій души. Непреступная для чужестранца національность открывается безпрепятственно, когда дѣло идетъ о работѣ мысли, и варварь, скифъ Анахарсисъ, вступаетъ въ число семи греческихъ мудрецовъ. Среди избраннаго народа, потомокъ прозелита, Шеная, можетъ сдѣлаться главою школы и проповѣдывать „ненависть къ гордости учителя“; его ученикъ, Гилель, можетъ учить: „будь другомъ всѣхъ людей“ и оставить школу, которая противопоставляетъ нравственное ученіе обрядности. Но это было только начало. Изъ школъ проповѣдь переходитъ въ народъ, затрагивая самыя живыя интересы массъ. Не касаясь собственно устройства кастъ, не касаясь раздѣленія націй, она ставитъ среди индусовъ ученіе Сакіямуні о спасеніи, чуждое всякой касты, и тѣмъ самымъ подрываетъ тяготящее надъ массами неумолимое заключеніе личности въ предѣлы касты; она несетъ отъ Цейлона до Тибета и до Японіи ученіе о буддахъ, становящихся богами безъ различія расы и племени, и тѣмъ самымъ подрываетъ отчужденность и вражду племенъ и расъ. И на болѣе исторической почвѣ Европы философское братство мудрецовъ, выработанное въ школахъ эллинизма и доступное немногимъ, переходитъ въ

новой проповѣди въ братство вѣрующихъ, предъ которымъ нѣтъ ни элина, ни варвара, ни богатаго, ни бѣднаго, ни раба, ни свободнаго. Эту проповѣдь невольно слушатели переводятъ на языкъ близкихъ имъ мірскихъ интересовъ, и рабъ ждетъ отъ новаго ученія свободы и равенства, нищій видитъ въ церкви хранительницу его богатствъ, ожидаетъ въ наслажденіяхъ тысячелѣтняго царства *своей* доли въ радостяхъ міра, жадно прислушивается къ словамъ іерарховъ, проповѣдующихъ презрѣніе къ мірскому богатству... Провинціалъ и варваръ чувтъ въ организации церковныхъ общинъ, которая завтра сдѣлаетъ епископа сильнѣе императорскаго легата, политическую силу, которая низвергнетъ владычество Рима.

Но и попытка устроить общественную солидарность на почвѣ универсальныхъ ученій не удалась. Разъединяющіе элементы взаимно-враждующихъ, хищническихъ государствъ и новыхъ выработывающихся національностей разрушили неосуществимый идеаль средневѣковыхъ папъ. Изъ созданныхъ ими орденовъ и университетовъ выступили теоретическіе противники ихъ господства въ области средневѣковой мысли. Единство нравственнаго ученія они сами не сумѣли осуществить. Разъединяющіе элементы одержали побѣду.

Новая Европа представила раздвоеніе въ области руководящихъ силъ. До тѣхъ поръ источникъ системы и источникъ власти въ обществѣ былъ одинъ и тотъ-же, или, по крайней мѣрѣ, считался однимъ и тѣмъ-же и реальная связь между органами того и другого была самая тѣсная. Теперь общественный строй измѣнилъ это отношеніе. Методы добыванія истины, область точной науки обособилась отъ общественной дѣятельности и общественныхъ вопросовъ. Наука захватила себѣ безусловное господство въ небольшой области теоретической доктрины и вмѣстѣ съ тѣмъ оставила всю область практической жизни государству.

Итакъ, солидарность людей, которую средніе вѣка поставили какъ цѣль, уже не для отдѣльной національности, но для всего человечества, и которую они имѣли въ виду осуществить путемъ господства религіозныхъ идей въ области обычая, закона, теоретической мысли и практической нравственности, эта солидарность оказалась неосуществленною и неосуществимою. Церковный обрядъ остался въ сторонѣ отъ обычая простонародья,

проникнутаго первобытнымъ язычествомъ, и отъ обычая господствующихъ классовъ, создавшаго новую свѣтскую культуру съ значительнымъ элементомъ того самаго римско-элинскаго язычества, надъ которымъ думали окончательно восторжествовать отцы церкви. Свѣтскіе суды и свѣтскія правительства оставили въ сторонѣ юрисдикцію церкви, пока еще не были въ состояніи совсѣмъ подавить ее. Мысль рвалась повсюду изъ оковъ церковнаго ученія.

Элементы развѣдичающіе одержали неизбѣжно побѣду. Прежде всего явная борьба началась на той самой почвѣ, которую представляли какъ почву солидарности, — на почвѣ религіозныхъ вѣрованій. Ереси и секты пытались преобразовать церковь такъ, чтобы она, очевидно, безсильная въ ея настоящемъ видѣ быть органомъ человѣческой солидарности, получила возможность сдѣлаться этимъ органомъ. Средневѣковные мыслители пытались построить міросозерцаніе, которое поглотило бы въ себя оба непримиримые еще авторитета этого времени: мысль христіанскихъ и мысль античныхъ языческихъ учителей. Но дѣло кончилось такъ, какъ и должно было неизбѣжно кончиться. Произошелъ расколъ въ церкви и солидарность единаго религіознаго исповѣданія оказалась мечтою предъ размноженіемъ самостоятельныхъ сектъ реформаціи. Произошелъ еще болѣе глубокой расколъ въ теоретической мысли, и свѣтская наука и философія природы, свѣтская теорія и практика общественнаго строя заявили свою полную автономію отъ области католическихъ формулъ; солидарность людей въ мысли и въ жизни подъ руководствомъ духовныхъ истолкователей непостижимаго оказалась мечтою предъ міромъ, который развернулся въ своей реальности въ мысли Колумба, Коперника, Галилея, Ньютона; передъ задачами нравственности, какъ онѣ предстали предъ гражданиномъ, патриотомъ, независимымъ мыслителемъ, строителемъ новыхъ общественныхъ единицъ, проповѣдникомъ свѣтской солидарности между людьми. Минуль періодъ попытки создать эту солидарность на почвѣ всеобщихъ религіозныхъ вѣрованій, какъ господствующаго общественнаго элемента, точно также какъ минуль еще прежде періодъ солидарности людей въ обособленныхъ національностяхъ, крѣпко сплоченныхъ каждая единствомъ обычая, закона и вѣрованія.

Въ замѣну элемента, оказавшагося безсильнымъ для установленія общественной солидарности, выступили другіе. Но тутъ

произошло раздѣленіе работъ, которое характеристично для цивилизаціи новаго міра. Въ періодъ объединенныхъ враждебныхъ національностей и въ періодъ универсальныхъ религій не являлась мысль о раздѣленіи господства въ теоретической области отъ господства въ практической. Источникъ истины и источникъ власти въ обществѣ былъ одинъ или, по крайней мѣрѣ, связь между органами того и другого была самая тѣсная. Теперь общественный строй измѣнилъ это отношеніе. Методы добыванія истины, область точной науки, обособилась отъ общественной дѣятельности и отъ общественныхъ вопросовъ.

Наука отказалась отъ гордой задачи рѣшать *все* вопросы и, передавъ все „непознаваемое“ въ руки догматическаго ученія, передавъ всю область обществознанія въ руки практиковъ-юристовъ, финансистовъ, политиковъ, администраторовъ, ограничилась сферою числа, пространства, физическихъ явленій, химическихъ комбинацій и, частью, органическихъ процессовъ и формъ, насколько послѣдніе были чужды фактамъ сознанія и мысли, — фактамъ, оставшимся спорною областью между матеріалистическою наукою, традиціоннымъ догматомъ и метафизикою новой философіи. Область познанія сдузилась сравнительно съ его прежними надеждами и стремленіями, но за то въ этой области права человѣческой мысли были признаны самостоятельными и недоступными ни догмату, ни политической власти. Явилась почва, на которую, по общему сознанію, не могли вліять никакой соборъ и никакой кодексъ королевства или республики. Ученый астрономъ не нуждался въ ссылкѣ на слова какаго-либо писанія и не признавалъ ихъ аргументомъ, заслуживающимъ возраженія. Никакой юристъ не запрещалъ и не позволялъ электрическимъ аппаратамъ вызывать и направлять молнію подъ руководствомъ ученаго физика. Наука перестала быть опорю папской буллы, потому что авторитетъ ея потерялъ свое преобладающее общественное положеніе, и въ отмежеванной ей области точныхъ фактовъ наука взяла на себя задачу универсальнаго догмата: задачу создать систему истинъ, доступныхъ и обязательныхъ для *всѣхъ* людей; истинъ, доступныхъ не во имя верховнаго авторитета римской церкви, или нравъ касты и рода, но во имя равныхъ для всѣхъ правъ человѣческой мысли; истинъ, обязательныхъ не изъ страха отлученія и пытки, но на основаніи внутренней разумности и убѣ-

дительности этихъ истинъ. Захвативъ себѣ это безусловное господство въ небольшой области теоретической мысли, наука вмѣстѣ съ тѣмъ оставила всю область практической жизни государству.

И государство выступило, какъ органъ общественной солидарности. Идеаль общечеловѣческаго гражданства и общечеловѣческаго союза сгузился. Старое раздѣленіе національное и политическое выступило на первый планъ. Среди новыхъ народовъ, прошедшихъ чрезъ традицію общечеловѣческаго единства, явилась попытка установить на почвѣ *патріотизма* ту внутреннюю солидарность раздѣльныхъ человѣческихъ обществъ, которая существовала въ давноинувшей періодъ, когда всѣ элементы жизни каждаго общества одновременно и согласно поддерживали и ихъ вѣшнюю раздѣльность, и ихъ внутреннюю солидарность. Національныя церкви протестантизма явились въ этомъ случаѣ содѣйствующимъ, хотя и подчиненнымъ элементомъ преобладанія политическаго начала надъ религіознымъ. Національныя литературы, отодвинувъ въ сферу знанія и специальныхъ отправленій мертвый языкъ католической церкви и средневѣковыхъ университетовъ, стали другою могущею опорою новаго періода цивилизаціи, и въ быстро-растущей силѣ публицистической прессы явилась почва для развитія объединяющей проповѣди патріотизма и раздѣляющей проповѣди національной вражды. Во имя патріотизма всѣ силы общества были призваны къ содѣйствію для установленія наилучшаго законнаго порядка внутри государства и для доставленія своему отечеству наивысшаго положенія среди сосѣднихъ державъ. Вопросъ объ отношеніи между политическими элементами общества, въ виду наибольшей его прочности и наибольшаго его могущества, сдѣлался насущнымъ вопросомъ общественной солидарности внутри государства. Вѣшняя солидарность между коллективностями, несвязанными теперь между собою никакимъ высшимъ принципомъ, ограничилась вопросомъ о дипломатическихъ обязательствахъ и сношеніяхъ. Политическая литература получила обширное развитіе. Въ законѣ и въ его измѣненіяхъ массы стали искать удовлетворенія своимъ основнымъ потребностямъ экономической обезпеченности и личной безопасности. Государство стало высшимъ принципомъ, а патріотизмъ — высшей добродѣтелью.

Но легко видѣть даже изъ этого весьма поверхностнаго очерка, что затрудненія были велики.

Во-первыхъ, стремленіе къ универсальному союзу осталось официально признаннымъ и государство въ большей части случаевъ не съумѣло ни подчинить себѣ воплотившіеся органы, ни съ ними раздѣляться.

Во-вторыхъ, принципъ государства, опирающійся на патріотизмъ, оставлялъ внѣ себя, какъ совершенно независимую область, область универсальной точной науки, даже покровительствовалъ ей. Правда, представители этой науки въ первое время, отрекшись, какъ отъ области непознаваемого, такъ и отъ области практическихъ идей, были самыми смиренными и ревностными слугами государственной власти и патріотическихъ стремленій. Но область точнаго и независимаго знанія распространялась. Карта его, начерченная Фрэнсисомъ Бэкономъ, показывала завоевательный духъ съ самаго начала. Съ области отвлеченныхъ чиселъ и протяженій требованія знанія перешли съ самаго начала политическаго періода на область явленной мертвой природы и весьма скоро ея конквистадоры стали проникать въ царство живыхъ существъ, въ область процессовъ личной мысли и личнаго чувства, въ сферу явленной коллективной жизни. Фатально долженъ былъ придти моментъ, когда была-бы поставлена задача *науки государства и науки общества*. Можно-ли было ручаться, что въ этомъ случаѣ представители независимаго и самостоятельнаго знанія согласятся сохранить раздѣленіе работъ и господства въ областяхъ теоретической мысли и практической дѣятельности; что они останутся столь-же смиренными и раболѣпными слугами существующей власти и существующихъ государственныхъ и національныхъ формъ, какъ прежде? Можно-ли было ручаться, что они не противопоставятъ въ свое время принципу государства и патріотизма иные принципы? А что произойдетъ, когда разъ растущая сила публицистической прессы сознаетъ или вообразитъ, что она стоитъ на научной почвѣ, автономія которой вошла уже въ традицію? Какая судьба постигнетъ ученія раздѣльности народовъ и государствъ, установившіяся въ практической сферѣ, когда имъ будетъ противопоставлено ученіе, опирающееся на методы, приемы и авторитетъ универсальной науки, ученіе космополитической истины въ практической области, какъ и въ теоретической, ученіе международной солидарности, отрицающей традиционную раздѣльность, какъ случайность? Можно было предпо-

ложить, что тогда ученія о преобладаніи государственнаго принципа и о патріотизмѣ, какъ о высшей добродѣтели, должны были-бы пройти черезъ кризисъ, крайне опасный для нихъ.

Въ третьихъ, только-что упомянутое ученіе заключало само въ себѣ элементъ противорѣчія. Государственная идея заключала въ себѣ значительную долю античной традиціи, безусловной враждебности между политическими единицами и, въ формѣ монархіи ограниченной и неограниченной, въ формѣ республики аристократической или демократической, она стремилась, по самому существу своему, создать всемірное государство, распространяющее свою власть, свою гегемонію или свое дипломатическое вліяніе на все народы. Рядомъ съ этими фактически существовали національности, какъ исторически выработанныя, лингвистически и культурно обособленныя цѣлыя, поддержанныя въ своемъ обособленіи и существованіемъ національныхъ церквей, и существованіемъ національныхъ литературъ; онѣ образовали элементы, которые, опять таки по самому существу своему, стремились противодействовать слітію и нивелировкѣ личностей въ безразличную и равную массу подданныхъ и гражданъ. Столкновеніе между этими элементами было неизбежно, но иронія этого историческаго момента заключалась въ томъ, что обѣ борющіяся стороны писали на своемъ знамени одно и то-же слово: *патріотизмъ*. Ученіе о патріотизмѣ, какъ о высшей добродѣтели, заключало въ самомъ себѣ элементы грознаго раскола, такъ-какъ подъ его знаменемъ стояли двѣ неизбежно враждебныя секты: *патріоты-государственники* и *патріоты-националисты*—люди, которые вѣрили, что солидарность въ обществѣ достигается всего лучше тогда, когда все люди, живущіе на данной юридической территоріи, считаютъ себя братьями во имя единства власти, закона и формъ администраціи, оставляя въ сторонѣ, какъ крайне неважное дѣло, разницу языка, традицій, племени, культуры; и люди, которые такъ же жарко вѣрили, что солидарность возможна лишь при національной общности языка и культуры, и что все политическія формы должны быть разрушены, все законы отиѣнены, которые игнорируютъ или подавляютъ это различіе, какъ формы и законы, идущіе противъ естественныхъ элементовъ общества и потому прямо вредные. Рано или поздно эти два патріотизма должны были вызвать рядъ самыхъ грозныхъ столкновеній, но и впро-

долженіи всего періода господства политическихъ идей сосуществованіе этихъ, по самой своей сущности, враждебныхъ тенденцій должно было имѣть слѣдствіемъ рядъ патологическихъ явленій.

Можно-ли было надѣяться, при существованіи этихъ элементовъ внутренняго раздора, что принципъ государства и чувство патриотизма дадутъ обществамъ ту солидарность, которую не удалось установить предшествующему періоду?

Дѣйствительно, солидарность и на этотъ разъ не установилась.

Элементъ средневѣковаго ученія объ универсальномъ союзѣ человечества, совершенно безсильный для историческаго дѣла объединенія, оказался, вслѣдствіе нерѣшительности свѣтскихъ элементовъ, относительно его, достаточно сильнымъ, чтобы противодѣйствовать всякому прочному объединенію на политической почвѣ, сталъ играть чисто-политическую роль, и, пользуясь всякими обстоятельствами, образовалъ патологическій элементъ, который до сихъ поръ нигдѣ не могли ни выдѣлить, ни вылечить.

Международныя сношенія, несдерживаемыя никакимъ нравственнымъ принципомъ, обратились въ систему взаимнаго обмана и всеобщаго антагонизма, которая была доведена во многихъ отношеніяхъ до художественности, но съ тѣмъ виѣстѣ вызвала безпрестанныя войны, перераспредѣленія территорій, политическое распаденіе объединенныхъ коллективностей, искусственное политическое объединеніе обломковъ различныхъ національностей, механическое сдерживаніе государственнаго цѣлаго, рядъ кровавыхъ попытокъ распространенія гегемоніи одной страны на другую, милитаризмъ, подавляющій экономическія средства народовъ, наконецъ, національный вопросъ, какъ орудіе международной борьбы и взаимнаго ослабленія, безъ всякой возможности когда-либо рѣшить, что именно составляетъ національность, правомѣрную въ политическомъ отношеніи, т. е. какіе элементы, во имя національнаго начала, *должны* соединиться въ одно политическое цѣлое и какіе *должны* обособиться, разложивъ уже существующія политическія цѣлыя.

Работа надъ достиженіемъ внутренней солидарности въ государствахъ дала длинный рядъ административныхъ мѣръ, частныхъ законодательныхъ реформъ, мирныхъ переворотовъ, кровавыхъ революцій, вызвала обширную и замѣчательную политическую „Дѣло“, № 2, 1880 г.

скую литературу, послужила почвою для выработки замѣчательныхъ типовъ королей, министровъ, парламентскихъ ораторовъ, народныхъ агитаторовъ, героевъ патріотическаго дѣла, но результатъ оказался во всѣхъ случаяхъ далеко ниже того, чего можно было-бы ожидать, принимая въ соображеніе способности и энергію дѣятелей и средства, которыми они располагали.

Но самымъ развѣдающимъ началомъ явилась, какъ всегда, работа критической мысли, которой этотъ періодъ господствъ политическихъ идей такъ великодушно съ самаго начала отвелъ хотя и небольшую, но вполне независимую область, охватывавшую математическія отвлеченности и невинныя явленія мертвой природы. Эта скромная критическая мысль начала подбираться къ принципу господства государственнаго начала и къ признанію патріотизма высшей добродѣтелью съ пункта весьма существеннаго. Вооруженная всѣмъ могуществомъ признанной всѣми независимости научныхъ методовъ, она обратилась къ изслѣдованію общественныхъ вопросовъ съ той стороны, которая должна была вызвать немедленно вниманіе большинства — со стороны интересовъ экономическихъ. Частныя экономическія изслѣдованія мало-по-малу перешли въ научную разработку *политической экономіи*, потомъ въ задачу *соціологии*, потомъ въ требованіе научнаго рѣшенія *соціального вопроса*. Принципъ государства оказался лишь подчиненнымъ элементомъ предъ значеніемъ „народнаго богатства“. Публицистика и законодательство, божественное право и право народа, споры тори и виговъ, либераловъ и консерваторовъ, даже „писанный разумъ“ римскаго права и революціонный пафосъ „правъ человѣка“, сдѣлались не болѣе, какъ небольшими рубриками въ громадномъ зданіи „науки общества“, охватывающей всѣ эти *случайные*, преходящіе феномены общественной жизни. Политическія задачи, которыя такъ волновали дипломатовъ и полководцевъ, изъ-за которыхъ было пролито столько крови, вымучено столько народныхъ работковъ, поблѣднѣли предъ постановкою вопроса о „капиталѣ и трудѣ“. Маленькая, смиренная, подчиненная область, въ которой какіе-то смѣшные педанты толковали объ интегралахъ и о соляхъ хлора, о надписяхъ Ахеменидовъ и о текстахъ Гезіода, область, которой гордо покровительствовали вѣнчанне и родовитые меценаты, заказывая ученымъ девизы для фейерверковъ

и рисунки для раболѣпныхъ медалей, неожиданно выросла. Она постепенно выработывала научную философію, которая требовала себѣ господства во всей области теоретической мысли, противопоставляя устарѣлому средневѣковому ученію рядъ столь же универсальныхъ міросозерцаній, но приспособленныхъ къ росту мысли новаго времени. Она обращалась въ своихъ техническихъ и соціологическихъ изслѣдованіяхъ къ жизненнымъ интересамъ всѣхъ классовъ общества. Она подрывала авторитетъ политической мысли, заявляя, что политика бессильна предъ вопросами о благосостояніи народовъ; разрушала авторитетъ патріотизма извнѣ, указывая на космополитическое дѣйствіе экономическихъ законовъ, связывающихъ интересы обществъ независимо отъ границъ территорій и языковъ; разрушала его изнутри, внося научное сознаніе въ общественную борьбу между сословіями, издавна начавшуюся на экономической почвѣ. Во имя интересовъ большинства, какъ во имя приговора высшаго современнаго авторитета—независимой науки, періодъ преобладанія *политическихъ* задачъ повсему сталъ уступать мѣсто періоду преобладанія задачъ *экономическихъ*.

Періодъ преимущественнаго преобладанія политическихъ идей охватываетъ главнымъ образомъ XVII и XVIII столѣтія, тогда какъ до того, вообще говоря, надъ обществомъ господствуютъ средневѣковыя идеи, а въ XIX столѣтіи начинается преобладаніе идей экономическихъ. Конечно, строгое раздѣленіе періодовъ немислимо. Политическія и экономическія задачи играли всегда не маловажную роль, но лишь ихъ *сознательное* преобладаніе въ умахъ общественныхъ дѣятелей и обширныхъ группъ опредѣляетъ ихъ историческое значеніе. И въ этомъ отношеніи возможны многочисленные возраженія, вслѣдствіе того, что въ исторіи скачковъ не происходитъ и никакой растущій въ своемъ значеніи элементъ не достигаетъ разомъ господства, но добывается его рядомъ постепенныхъ завоеваній. Поэтому постепенный ростъ политическихъ идей и свѣтскихъ интересовъ можно прослѣдить глубоко въ даль среднихъ вѣковъ; однако, онѣ большею частью проявляются тогда подъ личиною религиозныхъ интересовъ или ихъ общественное значеніе опредѣляется, въ значительной степени, религиозными взглядами, ролью церковнаго элемента въ столкновеніяхъ его въ свѣтскомъ. Еще въ XVI вѣвѣ проявленія независимой свѣтской науки отрывочны и во многихъ случаяхъ проникнуты элементомъ покло-

ненія вѣдѣнаго авторитету; попытка-же религіознаго возрожденія, вызывающая реформацію и опредѣляющая политическіе союзы или войны, внутреннее законодательство и сословную борьбу, иногда на зло дѣйствительнымъ политическимъ и экономическимъ интересамъ, выказываетъ могущество религіозныхъ идей въ обществѣ. Но уже въ началѣ XVII вѣка создается прочная почва для свѣтской науки природы, а въ половинѣ вѣка вестфальскій договоръ, оканчивающій войну, веденную подъ знаменемъ религіи, заключенъ безъ участія папы, и господство политическаго интереса надъ религіознымъ выказывается положеніемъ, вошедшимъ въ обиходъ, что религія государя опредѣляетъ религію его подданныхъ. Точку раздѣла установить трудно въ непрерывномъ теченіи событій, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ странахъ и въ разныхъ классахъ общества относительное значеніе церковнаго и свѣтскаго элемента могло быть весьма различно, но мнѣ кажется, что всего правильнѣе отнести эту точку въ средину послѣдней четверти XVI вѣка. Точно также ростъ экономическихъ вліаній на политическія дѣла можно открыть чуть не въ продолженіи всей исторіи, особенно-же съ конца XV вѣка, но лишь въ XVII вѣкѣ экономическая идея выступаетъ опредѣленно, какъ задача законодательства; лишь во второй половинѣ XVIII вѣка она формулируется въ систематическое ученіе объ экономической жизни общества; лишь съ началомъ революціоннаго періода, который совпадаетъ съ громаднымъ развитіемъ техники и промышленности, выступаетъ въ исторіи, какъ организованный элементъ, новый господствующій классъ, значеніе котораго есть не политическое, но чисто-экономическое; и лишь тогда, когда цезаризмъ, выросшій изъ революціи, выказалъ своимъ появленіемъ, насколько чисто-политическіе перевороты, даже самыя искренніе и энергическіе, бессильны для установленія общественнаго благоденствія, лишь тогда въ общественное сознаніе начинаетъ проникать мысль о преобладаніи экономическихъ вопросовъ надъ политическими, начинаетъ разрастаться не только ученая, но и публицистическая литература, указывающая это преобладаніе; образуются около мыслителей-утопистовъ конца прежняго періода школы для пракческаго осуществленія вѣрованія въ новый, гармоническій строй общества, на основаніи экономическомъ политическій индифферентизмъ заявляетъ себя открыто и характеристическія черты новаго періода—

господство биржи, космополитическія спекуляціи опредѣляются въполнѣ. Здѣсь еще труднѣе, можетъ быть, установить точку дѣленія, но едва-ли не правильнѣе отнести ее къ послѣднимъ годамъ первой имперіи.

Эпохою полной зрѣлости періода преобладанія политическихъ идей можетъ считаться именно XVIII-ое столѣтіе. Наука создала около себя свѣтскую философскую атмосферу и противопоставила средневѣковымъ „суммамъ“ „Энциклопедію“; но она еще опирается на политическую силу свѣтской власти въ своей борьбѣ съ старымъ культомъ, не думаетъ еще противопоставлять своихъ экономическихъ теорій господству политическихъ приемовъ, напротивъ, разсчитываетъ для всѣхъ своихъ побѣдъ на законодателей, на администраторовъ. Смѣло и искренно производятся самыя разнообразныя опыты на политической почвѣ. Политическіе дѣятели XVII вѣка еще не такъ самоувѣренны и лишь постепенно освобождаются отъ средневѣковыхъ предубѣжденій. Политическіе дѣятели XIX вѣка уже потеряли вѣру въ чисто-политическіе принципы, ростъ ихъ очень уменьшился, и это большею частью или люди случайной сноровки, люди опортюнизма, или дѣятели совсѣмъ иного рода, у которыхъ политическія идеи обогатились экономическими задачами и расширились до общественныхъ вопросовъ. Поэтому писатель, изучающій политическіе вопросы, можетъ и долженъ, какъ я думаю, остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на людяхъ и на событіяхъ XVIII вѣка. Здѣсь онъ можетъ всего удобнѣе изучать, въ какомъ отношеніи стоятъ чисто-политическіе приемы къ вопросу объ общественной солидарности.

Въ слѣдующихъ очеркахъ я имѣю въ виду представить читателямъ рядъ политическихъ типовъ, выработанныхъ XVIII вѣкомъ, и показать, насколько сумѣю, ихъ отношеніе къ задачѣ установленія въ обществѣ солидарности путемъ политическихъ реформъ и переворотовъ, законодательныхъ и административныхъ мѣръ. Мнѣ придется предпослать этому небольшой этюдъ о развитіи политическихъ элементовъ, которые подготовили положеніе дѣлъ въ XVIII столѣтіи. Я постараюсь быть въ этомъ отношеніи настолько краткимъ, насколько возможно безъ вреда для пониманія фактовъ, составляющихъ мою главную задачу. Для удобства читателей я постараюсь, чтобы каждый отдѣльный этюдъ былъ

по возможности законченъ и нуждался какъ можно менѣе въ ссылакахъ на предыдущее.

I.

Подготовленіе типовъ XVIII вѣка.

1. Первобытный политическій строй.—Механическое и органическое государство.—
Античное государство.

Первоначальный союзъ людей представляется намъ, какъ инстинктивное общежитіе, основанное на общихъ интересахъ, и это остается вѣрно, какъ въ томъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ семейство, какъ первоначальную форму общества, такъ и тогда, когда первобытная община или временной союзъ для опредѣленной цѣли намъ кажутся болѣе ранними формами общественнаго союза. Одинъ изъ основныхъ интересовъ, связующихъ общество, есть интересъ *безопасности*. Та форма, которую принимало общество, въ виду инстинктивнаго или сознательнаго удовлетворенія этой основной потребности, была форма *политическая*. Когда, въ какомъ-бы то ни было общественномъ союзѣ, общественныя формы, служившія для удовлетворенія другихъ потребностей, подчинились формамъ, обусловленнымъ интересомъ безопасности, получило начало *государство*.

Споры о первобытной формѣ общественной жизни еще продолжаются, и здѣсь не мѣсто останавливаться на нихъ. Для настоящей цѣли достаточно, я думаю, признать фактъ, что въ до-исторической жизни народовъ былъ періодъ, повидимому, общій всѣмъ племенамъ, когда всѣ потребности, личныя и общественныя, удовлетворялись формою *общинной жизни*, кочующей или осѣдой, но подчинявшей себѣ всѣ остальные элементы, опредѣляющіе формы общежитія. Солидарность личностей обуславливалась преимущественно *общимъ обычаемъ*, охватывавшимъ всѣ сферы жизни и сковывавшимъ всякое проявленіе мысли и дѣятельности. Безопасность членовъ общины, внутренняя и внѣшняя, обуславливалась властью общины надъ личностью. Община распоряжалась общими и частными дѣлами. Личность не имѣла предъ нею никакихъ правъ, а только обязанность, и обязанность исполнять

не произволѣ общины, а то, что казалось общинѣ элементомъ стародавняго, неизмѣннаго обычая. Какъ единственный органъ удовлетворенія всѣхъ личныхъ и общественныхъ потребностей, община была и единственнымъ органомъ политической жизни. Конечно, при нераздѣльности всѣхъ функций, нельзя говорить о подчиненіи другихъ элементовъ общежитія элементу политическому; но такъ-какъ власть общины надъ личностью составляетъ характеристическую черту этого первобытнаго строя, то этотъ міръ господства общиннаго обычая можетъ быть обозначенъ формулою *общины-государства*. Всякая власть находится въ рукахъ общиннаго собранія и оно рѣшаетъ дѣла не большинствомъ, но единогласно, такъ-какъ, по выраженію проф. Сергѣевича, „гдѣ главная исполнительная сила — въ народѣ, тамъ не можетъ быть достаточно простого большинства“. Это собраніе постановляетъ рѣшенія по экономическимъ, политическимъ, семейнымъ, обрядовымъ вопросамъ согласно „древнему обычаю“, толкованіе, развитіе и исполненіе котораго принадлежатъ не исключительнымъ личностямъ, не каждому, но *всѣмъ* въ ихъ совокупности. То же собраніе творитъ судъ и расправу. Оно опредѣляетъ временно функцію каждой личности. Поэтому для личности существуетъ лишь временное пользованіе землею, временной бракъ, временное облеченіе властью предводителя или исполнителя данной общественной функціи. Власть этихъ временныхъ и смѣняемыхъ представителей общиннаго господства весьма ограничена.

Но подъ охраною общиннаго быта развивается личность и давленіе обычая вызываетъ въ ней протестъ, сначала инстинктивный, потомъ сознательный. Первая форма роста сознанія въ личности является, въ сожалѣнію, какъ начало, подрывающее солидарность во имя сознанія. Право *новаго* приѣма мысли и жизни, приѣма индивидуальнаго, противопоставляется царству древняго неизмѣннаго обычая, отождествленнаго съ самымъ существованіемъ общиннаго быта. *Индивидуализмъ* противопоставляется *общинности*, и долгій, очень долгій рядъ вѣковъ долженъ пройти, пока развитіе сознанія дойдетъ до той степени, что индивидуализмъ признаетъ въ общинности (но уже не въ общинности инстинктивной, не въ царствѣ неизмѣннаго обычая, но въ общинности сознательной и сознательно-прогрессивной) лучшее и даже единственное орудіе осуществленія *своихъ* требованій. Пока они

являются враждебными тенденціями, и личность, отстаивая свое право мыслить и дѣйствовать по-своему, прогрессивно начинаетъ борьбу противъ общиннаго начала, пытаясь употребить въ своихъ индивидуальныхъ интересахъ тѣ солидарные элементы общинной жизни, которые дали возможность личности отстоять себя въ борьбѣ за существованіе и развитіе.

Конечно, это могутъ сдѣлать лишь личности, поставленныя въ выгодныя обстоятельства, — личности, которымъ ихъ способности доставили довѣріе общества и которыхъ общественное довѣріе облекло функціями временными и ограниченными, но вліятельными. Это преимущественно предводители во время войны. Ихъ успѣхъ выдѣляетъ ихъ изъ массы большинства и послѣ войны. Имъ легко перенести свое вліяніе и на мирные элементы общественной жизни, продлить свою власть и расширить ее, вліять на истолкованіе обычая, на судъ, на распредѣленіе экономическихъ силъ общины. Они временно распоряжаются всѣми силами и всѣмъ имуществомъ общины и съ помощью этого распоряженія приобрѣтаютъ приверженцевъ личныхъ, кліентовъ, *своихъ* людей. Они содѣйствуютъ *своимъ* людямъ въ противоположеніи индивидуалистическихъ тенденцій общинному обычаю. Въ средѣ единой и нераздѣльной, племенной и экономической общины выдѣляются тамъ и сямъ обособленныя семьи, обособленные элементы собственности, захваченныя съ бою жены невольницы, рабы-плѣнники, угнанный скотъ, военная добыча, потомъ купленная и вымѣненная жена, унаслѣдованный рабъ и воля, затѣмъ уже, гораздо позже, выгороженный участокъ земли. Окончательно племенная община распадается на отдѣльныя семейныя группы, болѣе или менѣе многочисленныя, болѣе или менѣе вліятельныя и богатыя. Конечно, предводители во время войны, сдѣлавшіеся во время мира распорядителями общиннаго имущества и общинныхъ силъ, вліяющіе на судъ, а потомъ и сами отправляющіе судъ, всего удобнѣе могутъ увеличить свои экономическія средства и свое вліяніе. Земля долго остается нераздѣльною и недоступною измѣненію обычая, но скотъ, невольники и члены семьи, безусловно подчиненные своему главѣ — патриарху, составляютъ элементы, ставящіе семейныя группы въ весьма различное экономическое положеніе и выдѣляющіе все болѣе изъ общины начальниковъ, предковъ будущей аристократіи и будущихъ державныхъ дина-

стій. Въ Греціи, въ Римѣ, въ Германіи, у кельтовъ Ирландіи начальникъ есть человѣкъ богатый скотомъ (см Maine: „Early Hist. of Instit.“ 133 и слѣд.) и раздача скота изъ его обширныхъ стадъ становится основой личной зависимости членовъ общины отъ него. У начальника являются пособники, дворъ, дружина, и смѣнить его уже не такъ легко. Власть его укрѣпляется и наслѣдуется вмѣстѣ съ имуществомъ. Власть эта захватываетъ все болѣе элементовъ общинной жизни. Въ доли, составляющей его собственность, какъ въ общинномъ имуществѣ, которымъ онъ распоряжается, являются назначенные имъ чиновники. Незамѣтно, безъ общественной катастрофы, безъ кровавой борьбы, обычай общинный смѣняется обычаемъ *военно-патріархальнымъ*, съ господствомъ частной собственности, семейнаго элемента, болѣе или менѣе подчиненнаго родовому, сословнаго неравенства, противоположенія власти обществу. Царство обычая продолжается, но работа мысли создала уже рядъ вѣрованій, мѣстныхъ религій, освящающихъ новый обычай сверхъестественною санкціею, таинственными мифами и героическими легендами. Кое-гдѣ обычай формулировался въ писанный законъ, наполовину политической, наполовину религіозный, и представляющей обложки прежняго общиннаго быта (всего далѣе въ общинномъ судѣ, въ судѣ выборныхъ) рядомъ съ элементами новой патріархальности и новаго противоположенія власти обществу. Общинный бытъ уступилъ напору индивидуализма; экономическая и политическая солидарность интересовъ распалась; но обычай, усиленный вліаніемъ религіозныхъ вѣрованій, скрѣпляетъ элементы власти, какъ святыни, потому лишь, что она есть власть. Поклоненіе силѣ, составляющее важный элементъ религіознаго культа и религіозныхъ вѣрованій, становится элементомъ формъ практической жизни. Судъ старѣйшинъ и судъ власти составляютъ, повидимому, одно изъ позднѣйшихъ политическихъ завоеваній патріархально-военнаго строя, какъ мифы божественности патріарховъ и сверхъестественнаго происхожденія державныхъ династій составляютъ крайніе продукты работы мысли для освященія новыхъ формъ санкціею религіи. Эпика и лирика, прославляющія военные подвиги, славу военной аристократіи и семейныя добродѣтели покорности и самоотверженія, представляютъ намъ съ глубокой древности до настоящаго времени эстетическую

идеализацію этой ступени политическаго развитія общества. На этой почвѣ въ существенныхъ ея элементахъ совершалось въ значительной мѣрѣ все послѣдующее развитіе политическихъ формъ.

Этотъ процессъ развитія обыкновенно формулируется какъ стремленіе къ „порядку“. Въ сущности, онъ есть одно изъ многочисленныхъ проявленій эволюціи, указанной Спенсеромъ (хотя не столь всеобщей, какъ онъ ее признаетъ) и заключающейся въ процессъ перехода общественныхъ функцій отъ болѣе слитнаго и неопредѣленнаго состоянія въ состояніе болѣе дифференцированное и опредѣленное.

При развитіи индивидуализма въ противоположеніи къ общности, ничто уже не могло сохранить святиню неизмѣннаго обычая. Не только одно наложеніе обычаевъ переходило въ другое, но обычай, какъ обычай, все болѣе терялъ свою святость и обязательность въ глазахъ личностей. Законъ, появившійся сначала, какъ формулировка стародавняго обычая, сталъ мало-по-малу средствомъ воплощенія въ жизни представленія о лучшемъ обществѣ. Изъ слитнаго цѣлага личныхъ и общественныхъ интересовъ, аффектовъ и обычаевъ, которымъ стремился за разъ и цѣлкомъ удовлетворить общинный строй и первоначальный строй военно-патріархальный, обособился *юридическій* элементъ общественной жизни, жизни *по закону*, причѣмъ все непредусмотрѣнное закономъ (и прежде охваченное почти во всѣхъ частностяхъ обычаемъ) предоставлялось произволу расчета, аффекта, вѣрованія или убѣжденія личности. Юридическія добродѣтели честности, законности, гражданской исполнительности смѣнили болѣе неопредѣленныя, но болѣе обширныя, цѣльныя, человѣчныя нравственныя требованія добродѣтели, справедливости, самоотверженной доблести. Такъ-какъ юридическія требованія охватывали лишь часть жизни и не проникали ее всю, то ихъ пришлось санкціонировать *принудительною силою*. Такъ-какъ, по мѣрѣ выработки понятія о противоположеніи области юридической и области личнаго произвола, первая все болѣе ограничивалась сферою дѣйствій, выдѣляя изъ себя сферу аффекта и убѣжденія, то власть и ея органы теряли все болѣе свое нравственное значеніе, обращаясь въ элементъ механической силы. Политическое общество, несвязанное болѣе священнымъ для всѣхъ его членовъ обычаемъ, становилось механическою связью. Государ-

ство дѣлалось государствомъ *механическимъ*. Культура, выработывая въ болѣе опредѣленныя формы юридическія отношенія, подрывала солидарность членовъ общества и дѣлалась, слѣдовательно, орудіемъ общественной непрочности, общественного регресса. Личности, обращаясь въ элементы политическаго механизма, привыкая къ отождествленію нравственныхъ требованій съ требованіями буквы закона, атрофировались въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Самая потребность безопасности для личности и для группы, — потребность, которая одна вызывала существованіе власти и государственнаго строя, — оказывалась весьма недостаточно удовлетворенною механическою связью особей безъ всякой внутренней солидарности и при поступательной нравственной атрофіи этихъ особей. На практикѣ оказывалось вѣрнымъ уже теперь социологическое положеніе, которое должно было слишкомъ часто находить себѣ оправданіе въ человѣческой исторіи, причемъ аргументами служили неисчислимыя страданія народовъ, — положеніе, что *чисто-политическій* союзъ людей, образующійся инстинктивно или сознательно, не имѣетъ въ себѣ элемента солидарности; что интересы безопасности, создающіе болѣею частью извѣстныя историческія формы: военную силу, автономную распорядительность, принудительный законъ и специальный органъ надзора за членами общества (полицію), недостаточны для созданія общественной солидарности между особями; что эти политическіе органы, однажды созданныя и обращенныя въ механическую силу для поддержки цѣлости и прочности государственной связи на территоріи, жители которой не соединены ничѣмъ инымъ, становятся элементами вражды, регресса и общественнаго разложенія, такъ-что всякое *механическое государство*, поддержанное только военною силою, единствомъ власти, карами закона и наблюденіемъ полиціи, есть неизбежно, и при всѣхъ условіяхъ, общество, неимѣющее внутренняго содержанія и прочной солидарности

Механическія государства и пытались всегда обратиться въ *органическія*, т. е. въ такія, которыя, помимо чисто-политической связи, поддерживали-бы общественное единство чѣмъ-либо инымъ. Политическая жизнь всегда искала дѣйствительной солидарности общественныхъ элементовъ не въ себѣ, а внѣ себя, въ иныхъ началахъ.

Всего проще было искать этой солидарности въ *привычкѣ*:

общественные элементы, связанные механически завоеваніемъ или нивелировкой закона, чрезъ нѣкоторое время *привыкали* смотрѣть на свою совокупность, какъ на нѣчто единое. Но это было удобно лишь съ элементами, которые до того жили слабою политическою жизнью, и въ періоды, когда подчиненіе обычаю не давало развиться личной или коллективной инициативѣ и оппозиціи; въ противномъ случаѣ механической союзъ надолго подготовлялъ рядъ революціонныхъ попытокъ и потрясеній, какъ въ сословныхъ элементахъ, привыкшихъ къ большей или меньшей политической самостоятельности и затѣмъ подавленныхъ закономъ центральной власти, такъ и въ обособленныхъ національностяхъ, механически связанныхъ дипломатическимъ актомъ.

Гораздо прочтѣе была органическая связь, возникавшая въ механическомъ государствѣ изъ *интересовъ* господствующихъ классовъ, которые во всякомъ государственномъ объединеніи могли видѣть возможность расширить кругъ вліянія личностей, къ нимъ принадлежащихъ: бояринъ мелкаго князя могъ надѣяться на болѣе сытное „кормленіе“, служа великому князю московскому; провинціальный магнатъ Бери или Дофинэ становился болѣе важною личностью при дворѣ короля Франціи; промышленникъ могъ рассчитывать на болѣе крупныя барыши, когда завоеваніе относило дальше границы таможенъ и охранительныхъ тарифовъ. Но обобщеніе формъ цивилизаціи и космополитизмъ промышленныхъ и дежежныхъ оборотовъ впоследствии значительно ослабили этотъ органической элементъ, который могъ прежде скрѣплять и дѣйствительно скрѣплялъ механическія государственныя совокупности.

Гораздо значительнѣе была роль *убѣжденій*, когда въ возникающемъ политическомъ цѣломъ находили или надѣялись найти воплощеніе болѣе справедливаго, болѣе высокаго общественнаго идеала наиболѣе страждущія или наиболѣе развитыя группы различнаго сословнаго положенія, различныхъ національностей, различныхъ культурныхъ привычекъ: варваръ видѣлъ высшую цивилизацію въ господствѣ римскаго проконсула; оскорбленный горожанинъ видѣлъ равенство передъ закономъ и униженіе феодаловъ въ растущей неограниченности монархій XVII и XVIII вѣковъ; эльзасецъ и бретонецъ, провансаль и фламандецъ видѣ-

ли „свободу, равенство и братство“ въ нивелирующемъ законѣ первой французской республики.

Этотъ элементъ органической связи имѣлъ въ исторіи столь важное значеніе, что его выставляли и выставляютъ на видъ политическіе дѣльцы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сущности всякая нравственная связь между правительствами и обществомъ отсутствуетъ, но когда возможно, помощью призрака солидарности въ убѣжденіяхъ, вызвать временный и фиктивный общественный *аффектъ*. Такова роль фикции *государственного патриотизма* въ политическихъ коллективностяхъ, связанныхъ лишь военною силою, принудительнымъ закономъ и вѣшнымъ порядкомъ. Такова роль *религіознаго единства* въ случаѣ какой-нибудь нелѣпой войны противъ иновѣрцевъ для страны, гдѣ объединяющая религія отсутствуетъ въ высшихъ классахъ и обратилась въ мумію обрядности для низшихъ, тогда какъ духовенство никогда не имѣло общественнаго вліянія. Такова роль *національнаго единства*, когда дѣло идетъ о подавленіи мѣстной независимости въ пользу централистическаго принципа. Такова даже роль *борьбы за цивилизацію*, когда вопросъ собственно идетъ о пріобрѣтеніи голосовъ противъ парламентской оппозиціи, имѣеть-ли эта оппозиція характеръ защитниковъ устарѣлаго клерикализма или сторонниковъ обездоленнаго пролетаріата, трудовая жизнь котораго сдѣлала его мало чувствительнымъ къ изысканому комфорту и къ діалектическимъ тонкостямъ формъ жизни и мысли господствующихъ классовъ. Эта маска нравственной солидарности достигала и достигаетъ гораздо чаще своей цѣли въ исторіи народовъ, чѣмъ это можно было бы ожидать. Но, конечно, аффектъ, вызванный этою игрою въ объединяющіе принципы, ничего не имѣеть общаго съ настоящею общественною солидарностью, доставляющею обществу прочность и возможность развиваться.

Такъ-какъ власть, законъ, войско и полиція, т. е. всѣ существенные и характеристическіе элементы прошлаго и настоящаго политическаго строя, не оказались достаточно сильными орудіями для созданія этой общественной солидарности, то, разувѣрившись въ возможности приложить къ обществу *произвольный* юридическій строй, политическіе мыслители пытались по-

строить теорію *органическаго государства* на другихъ простыхъ при входящихъ элементахъ.

Школа консервативныхъ юристовъ, принявшая названіе *исторической*, указала на тѣсную связь всякаго новаго здороваго законодательства съ прошедшею жизнью общества, для котораго это законодательство становится здоровымъ элементомъ. Для этой школы лишь тотъ юридическій строй представляетъ органическую связь, который является формулированнымъ и разросшимся стариннымъ обычаемъ. Но это политическое ученіе не хочетъ видѣть, что важнѣйшій прогрессъ общественной мысли заключается въ переходѣ отъ привычнаго, традиціоннаго строя къ разумному, осмысленно-построенному, что борьба съ обычаемъ, во имя лучшаго и разумнѣйшаго, составляетъ именно историческую жизнь націй, и что законъ, который можно назвать органическимъ, есть не разросшійся обычай, а перешедшій въ форму закона идеи; элементъ истины въ этомъ ученіи ограничивается тѣмъ, что органическое законодательство націи *не можетъ оторваться* отъ исторической среды, въ которой оно должно дѣйствовать, и что политическій строй, имъ создаваемый, долженъ принять *за точку исхода* эту самую среду.

Гораздо шире въ настоящее время роль того ученія, которое видитъ во всѣхъ политическихъ явленіяхъ лишь результатъ *экономическихъ* процессовъ и въ законодательствахъ лишь воплощеніе экономическихъ отношеній общества. Усвоеніе той несомнѣнной истины, что политическая жизнь общества подчинена его жизни экономической, есть одно изъ важнѣйшихъ теоретическихъ пріобрѣтеній современной науки общества и въ то-же время обѣщаетъ имѣть громадное значеніе для правильнаго хода общественныхъ трансформаций въ будущемъ. На основаніи этой истины немислимо никакое органическое государство, гдѣ законодательство и администрація не проникнуты сознаніемъ преобладающаго значенія экономическихъ интересовъ и гдѣ отсутствуетъ экономическая солидарность между группами личностей. Однако, подчиненіе большинства элементовъ общественнаго экономическимъ отношеніямъ и преобладаніе этихъ отношеній въ процессѣ исторіи и въ вопросѣ о солидарности еще далеко не доказываютъ *исключительнаго* господства экономическаго элемента во всѣхъ случаяхъ. До сихъ поръ самые энергическіе практическіе борцы за

преобладаніе этого элемента находили необходимымъ, рядомъ съ задачами экономической борьбы, выставить нравственное требованіе *справедливости*, доказывая тождество обоихъ стремленій. Въ большинствѣ историческихъ эпизодовъ, когда экономическіе интересы выступали на первый планъ исторіи, они поднимали знамя нравственнаго убѣжденія, и это не былъ только сознательно или безсознательно употребленный тактическій пріемъ въ общественной борьбѣ: это былъ существенный элементъ движенія. Мнѣ кажется, что исторія приводитъ къ слѣдующему результату относительно значенія экономическихъ интересовъ и нравственныхъ убѣжденій въ созданіи и укрѣпленіи общественной солидарности въ формѣ юридическихъ отношеній. Лишь настолько юридическія формы могутъ считаться общественно-здоровыми и обеспечивающими общественную солидарность, насколько въ этихъ формахъ личность не только находитъ экономическое обезпеченіе, но и удовлетвореніе своей нравственной потребности справедливости; а это предполагаетъ, что само экономическое обезпеченіе личностей составляетъ не обособленную область общественной жизни, но нераздѣльно связано съ воплощеніемъ справедливости въ общественныя отношенія. Лишь то государство было - бы государствомъ вполне органическимъ, законодательство котораго было-бы лишь формулировкой реально-существующей гармоніи экономическихъ интересовъ подавляющаго большинства членовъ общества и нравственныхъ убѣжденій всей развитой его части. Но и до сихъ поръ исторія, при выработкѣ идеаловъ органическаго государства и при попыткахъ его осуществленія, была обусловлена какъ экономическими силами, господствовавшими въ обществѣ, такъ и нравственными силами, обѣщавшими развитой его долѣ воплощеніе справедливости въ новыя политическія формы.

Поэтому въ исторіи политической жизни народовъ особенно характеристичны тѣ случаи, когда элементъ традиціоннаго обычая игралъ наименьшую роль, но когда въ политическихъ явленіяхъ особенно ярко могли выразиться современныя имъ экономическія отношенія и выработанныя предшествующимъ развитіемъ мысли представленія о наилучшей формѣ политической жизни. Это случаи сознательнаго созданія новыхъ государствъ, когда ихъ основатели, преимущественно на новой почвѣ, которую завоеваніе, или революція, или поселеніе новаго племени въ значитель-

ной мѣрѣ оторвали отъ старой традиціи, могли примѣнить и свои экономическіе расчеты, и свои идеи наилучшаго строя. Здѣсь происходило примиреніе существующаго издавна политическаго обычая съ новымъ выработаннымъ идеаломъ. Таковыми являются часто государства-колоніи, попытки новыхъ законодательствъ, отбѣняющихъ старый порядокъ, въ меньшихъ размѣрахъ практическія пробы разныхъ общественныхъ организацій, создаваемыхъ на теоретическихъ началахъ. Тутъ важна не фактическая прочность и устойчивость разныхъ подобныхъ попытокъ, такъ - какъ ихъ прочность или быстрое распаденіе могли зависѣть и дѣйствительно зависѣли отъ множества разнообразныхъ причинъ и болѣею частью отъ случайнаго подбора личностей, участвовавшихъ въ опытѣ. Но при этомъ чаще, чѣмъ въ обычномъ ходѣ жизни политическихъ обществъ, можно разглядѣть ростъ общественныхъ идеаловъ.

Исторія античнаго міра и исторія новой Европы представляютъ намъ два примѣра упомянутаго выше перехода изъ слитной неопредѣленности политическихъ органовъ и функцій къ государственному строю болѣе или менѣе дифференцированному и опредѣленному въ своихъ элементахъ.

Монархіи Востока представляютъ намъ еще полное царство обычая, хотя и освященнаго выработанною системою религіозныхъ вѣрованій. Собственно-юридическій элементъ поглощенъ религіознымъ обычаемъ и господствомъ религіознаго ученія. Безусловная власть монарха и болѣе или менѣе строгая выработка кастъ или сословій составляютъ, за немногими исключеніями, общія характеристическія черты всѣхъ обществъ этого строя, но обычай, освященный религіею и одинаково давящій на всѣхъ, представляется смягчающимъ и связующимъ элементомъ. При этомъ само собою разумѣется, что эта общественная солидарность, обусловленная обычаемъ и національнымъ вѣрованіемъ, распространяетъ свои дѣйствія только въ предѣлахъ національности, гдѣ господствуетъ этотъ обычай и это вѣрованіе, т. е. на одну изъ тѣхъ рѣзко-обособленныхъ культурныхъ единицъ, которыя мы встрѣчаемъ въ древнемъ мірѣ. Между тѣмъ характеристическую черту всѣхъ этихъ монархій составляетъ то государственное стремленіе, о которомъ сказано во введеніи, — стремленіе рас-

пространить какъ можно далѣе предѣлы власти, преимущественно въ смыслѣ права на дань; приблизиться, насколько это возможно, къ всемірному государству. Само собою разумѣется, что связь между частями государствъ, состоящихъ изъ племенъ, рѣзко обособленныхъ всѣми элементами культуры, была чисто механическая и притомъ безъ всякой возможности внести со временемъ въ отдѣльныя части привычку смотрѣть на свою государственную совокупность, какъ на единство. Юридическій элементъ, вносящій эту привычку въ разнородный составъ новыхъ государствъ, тогда еще не выработался изъ неопредѣленного обычая. Религія, какъ тѣсно связанная съ національнымъ бытомъ, чуждалась апостольства въ другихъ народностяхъ, какъ оскверненія исключительной святини. Обычай былъ элементомъ раздѣляющимъ. Никакіе матеріальные интересы не связывали племена данниковъ съ центромъ, собирающимъ дань. О какомъ-либо связующемъ политическомъ или нравственномъ идеалѣ не могло быть и рѣчи. Отсюда эти странныя для насъ явленія внезапнаго возникновенія громадныхъ государствъ съ довольно блестящей цивилизаціей и затѣмъ ихъ быстрого распадѣнія, тогда какъ другой, едва замѣтный до тѣхъ поръ центръ столь-же внезапно разростается въ могущественную державу, а старая цивилизація оставляетъ за собою лишь развалины. Въ сущности дѣло было очень просто. Механическая связь общей власти, поддержанной военною силою (и только ею, такъ-какъ юридическій элементъ законодательства, администраціи и полиціи былъ крайне невыработанъ), не выдерживала и легкаго толчка. Первая потерянная битва или воцареніе какого-нибудь неспособнаго царя, истощеннаго излишествами гаремовъ, обращали связь въ ничто. Блескъ цивилизаціи опирался единственно на обширную территорию разноплеменныхъ данниковъ, и какъ только источникъ даней прекращался, культурный элементъ не имѣлъ никакого внутренняго побужденія существовать. Къ тому же безцеремонный завоеватель, обыкновенно, уничтожалъ однимъ ударомъ то небольшое меньшинство націи, которое одно въ сущности пользовалось цивилизаціей и состояло изъ ея представителей. Однихъ избивали, какъ опасныхъ враговъ; другихъ вводили въ новую столицу, какъ украшеніе двора новаго деспота. На мѣстѣ Нипови, Мемфиса продолжали жить лишь тѣ классы населенія, которые оставались

и послѣ завоеванія какъ-разъ тѣмъ, чѣмъ были до него, — безучастными зрителями и темными страдальцами на пользу своей или чужой цивилизаціи. Библіотеки исписанныхъ кирпичей или іероглифическихъ папирусовъ засыпались землею въ одномъ мѣстѣ, чтобы возникнуть въ другомъ подъ руками покорныхъ ученыхъ. Быстро сожигались или потихоньку разваливались дворцы и храмы одной столицы, чтобы такъ-же быстро явиться въ другой подъ руками стада покорныхъ рабовъ, на средства, доставляемныя данью другихъ рабовъ, столь-же покорныхъ силъ. Случайность ряда болѣе или менѣе талантливыхъ и энергическихъ монарховъ, образованіе касты, которая болѣе или менѣе внимательно охраняла источники даней, военного контингента и обязательныхъ рабочихъ, болѣе или менѣе безопасное положеніе государственнаго центра — обусловливали большую или меньшую продолжительность существованія этихъ механическихъ громадъ. Но всѣ онѣ были, по своей сущности, одинаково непрочны, одинаково чужды какой-либо внутренней солидарности и во время своего существованія не дѣлали ни малѣйшихъ усилій, сознательныхъ или бессознательныхъ, чтобы внести солидарность во всѣ элементы и части образованнаго ими цѣлаго.

Иной характеръ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ намъ муниципальный міръ Греціи. Въ ея колоніяхъ, на почвѣ, гдѣ царство обычая не могло быть такъ сильно, возникаетъ работа самостоятельной мысли, попытка разумнаго міросозерцанія въ противоположность традиціонному, попытка внести *органическую* связь въ политическую жизнь. Отъ колоній работа мысли переходитъ въ города элинской родины. Въ ряду законодательныхъ попытокъ и конституціонныхъ реформъ ищутъ лучшихъ, разумнѣйшихъ формъ политическаго общежитія. Политическія партіи представляютъ на своихъ знаменахъ нравственные и политическіе принципы, борясь между собою за интересы. Государственный патріотизмъ мелкихъ центровъ встрѣчается съ національно-культурнымъ патріотизмомъ элинизма. Выработывается объединяющая цивилизація, вызывая новый слой обще-греческаго обычая, обще-греческой литературы и философіи, обще-греческихъ мифовъ и мистерій, причемъ все это сохраняетъ еще-тѣсную связь съ традиціоннымъ народнымъ, даже мѣстнымъ, обычаемъ, и въ универсальныхъ идеяхъ теоретической философіи, и въ универсальныхъ идеалахъ практической

предпріимчивости, эта цивилизація становится способною сдѣлаться началомъ апостольства, началомъ переработки обособленныхъ національностей въ единое человѣчество. Отъ египтянъ, вавилонянъ, финикіянянъ, евреевъ можно было заимствовать технику ремесла и искусства, художественные типы, племенные знаки, мѣру и вѣсъ, отдѣльныя знанія, боговъ и мифы, но ихъ цивилизацію заимствовать было нельзя, потому что это была цивилизація исключительно египетская, вавилонская, финикійская, еврейская. Эллинизмъ распространился отъ глубины Азіи до Атлантическаго океана не въ однѣхъ частностяхъ, но въ основахъ своего содержанія, какъ нѣчто высшее и доступное для всякой низшей древней цивилизаціи, настолько-же, насколько высшее нравственное развитіе доступно для всякаго человѣка, независимо отъ его способностей къ тому или другому ремеслу, искусству или отрасли знанія. Эллинизмъ составлялъ духовное начало солидарности развитыхъ людей и потому могъ создать въ исторіи человѣчества единую Грецію, независимо отъ жалкихъ и возмутительныхъ соперничествъ городовъ между собою, мелкихъ и себялюбивыхъ партій и личностей внутри этихъ городовъ. Во всѣхъ этихъ жалкихъ или возмутительныхъ эпизодахъ политической жизни, во всѣхъ этихъ мелкихъ и себялюбивыхъ политическихъ дѣятеляхъ внимательный наблюдатель видитъ проявленіе стремленія, слѣды котораго до того онъ не встрѣчаетъ нигдѣ,—стремленія создать органическую связь какъ внутри *свободнаго* населенія каждой отдѣльной республики, такъ и между всѣми *развитыми* личностями, приступающими къ греческой цивилизаціи, и между всѣми политическими силами греческихъ городовъ.

Но въ подчеркнутыхъ мною словахъ читатель видитъ тотъ зародышъ болѣзни, который не дозволилъ этимъ стремленіямъ выработать дѣйствительно здоровый политическій организмъ, вызвалъ въ большинствѣ историковъ презрительное отношеніе къ политической жизни Греціи и оставилъ ее лишь поучительнымъ образцомъ безрезультатныхъ попытокъ въ политической области въ то же время, когда эллинская цивилизація вообще врѣзала столь глубокой и неизгладимый слѣдъ во всю послѣдующую исторію человѣчества. Въѣ солидарности *свободнаго* городского населенія оставалось громадное населеніе рабовъ, и *ни одинъ* изъ греческихъ мыслителей, даже изъ тѣхъ, которые понимали и вы-

ражали неестественность рабства, не начертилъ для этого рабскаго населенія плана, съ помощью котораго оно могло-бы свергнуть свое позорное иго и завоевать себѣ равноправное положеніе въ органическомъ союзѣ свободныхъ греческихъ горожанъ; ни одинъ поэтъ или демагогъ не призвалъ греческихъ рабовъ къ возстанію. Рядомъ съ союзомъ господствующихъ *городовъ* оставалось внѣ всякаго участія въ обще-греческой политической и даже культурной жизни населеніе сель, пребывавшее подъ руководствомъ муниципальных центровъ, съ его мѣстными святынями и до-историческими преданіями, внѣ гимназій и академій, внѣ участія въ судѣ, въ правленіи и въ международныхъ сношеніяхъ. И ни одинъ греческій законодатель или политическій реформаторъ не подумалъ ввести сельское населеніе Греціи въ государственный организмъ, распространить на него обще-греческую политическую солидарность; ни одна изъ борющихся партій, оставившихъ слѣдъ въ греческой исторіи, не выставила на своемъ знамени права сель на участіе въ политической жизни Греціи и въ высшихъ результатахъ ея цивилизаціи. Рядомъ съ *развитыми* участниками этой цивилизаціи, которые слушали философовъ, играли роль въ политической борьбѣ за власть, экономически господствовали надъ согражданами и могли считаться представителями греческаго духа, оставалось неразвитое большинство; оно составляло ту толпу, которой брезгливо чуждались уединенные мудрецы, надъ непослѣдовательностью и непониманіемъ которой при политическомъ голосованіи или въ судахъ издѣвались комики и политическіе вожаки, употреблявшіе эту толпу, какъ орудіе своего личнаго честолюбія; оно составляло и другую толпу, жившую внѣ политическихъ центровъ и невѣжество которой нисколько не отличалось отъ невѣжества подданныхъ „варварскихъ“ монархій. Органическая солидарность государства *свободныхъ* не могла быть осуществлена, пока эти свободные были меньшинствомъ, окруженнымъ безправными рабами. Органическое единство страны не могло выработаться, пока оно ограничивалось лишь господствующими *городами*, оставляя внѣ политической жизни большую часть территоріи. Универсальныя стремленія эллинской цивилизаціи должны были оказаться безсильными, пока развитіе, ею обусловленное, оставалось, по самой своей сущности, достояніемъ едва замѣтнаго меньшинства, тогда какъ

большинство, чуждое всѣмъ результатамъ работы греческой мысли, готово было увлечься первой фанатической проповѣдью, которая толковала-бы о чудесахъ тысячелѣтняго царства, о презрѣніи ко всякой мірской мудрости, о блаженствѣ для всѣхъ вѣрующихъ. Когда вопросъ внутренней политики сошелъ на то, кто именно изъ небольшого числа свободныхъ гражданъ будетъ имѣть возможность привлечь на свою сторону большинство лицъ, имѣющихъ право подавать голосъ въ городахъ, и будетъ выдѣляться наиболѣе своимъ исключительнымъ развитіемъ изъ презираемой имъ толпы, тогда совершенно естественно наиболѣе способныя личности стали бороться лишь за власть и эта борьба должна была фатально обратиться въ рядъ жалкихъ и возмутительныхъ интригъ. Затѣмъ презрѣніе къ рабамъ, какъ къ безличному ниществу, и къ большинству согражданъ столь-же неизбежно повело къ идеализаціи аристократіи въ демократическихъ республикахъ, къ идеализаціи деспотизма Кира среди свободной Греціи, къ готовности подчиниться македонскому завоевателю — почитателю Гомера; затѣмъ уже и къ восхваленію всякаго діадоха — повелителя Греціи, къ раболѣпству предъ гордымъ римскимъ проконсуломъ-завоевателемъ, пока, наконецъ, выработалось то жалкое поколѣніе, тѣ *graeculi*, которыхъ такъ ненавидѣлъ Катонъ и надъ которыми такъ смѣялись римскіе сатирики, — поколѣніе риторовъ и прихлебателей, льстецовъ цезарей, интригановъ, буквоѣдовъ Александрій и тауматурговъ; — поколѣніе, изъ котораго, какъ еще дальнѣйшій продуктъ разложенія, долженъ былъ образоваться осадокъ византийской имперіи. И въ это самое время безличный эллинизмъ, сдѣлавшись учителемъ всего античнаго міра, укрѣплялъ традицію науки Гипарха, Галена, Діофанта, воплощался въ изрѣченіяхъ Эпиктета и Марка Аврелія, переходилъ въ ученіе братства всѣхъ людей у раннихъ отцовъ церкви и оставлялъ образцы своего искусства и философіи, какъ предметы удивленія, подражанія и какъ двигатели дальнѣйшаго прогресса, будущей эпохѣ европейскаго возрожденія.

Ни въ одной странѣ древняго міра выработка опредѣленныхъ формъ юридической жизни изъ неопредѣленности первобытнаго царства обычая не пошла такъ далеко, какъ въ мірѣ римскомъ. Эта склонность къ опредѣленности формъ жизни выразилась уже въ самомъ развитіи обычая. Патріархальный строй здѣсь полу-

чилъ свою полѣйшую отдѣлку. Нигдѣ Гай не нашель установленія, которое, въ семьѣ, достигало-бы того безусловнаго главенства отца семьи, той безусловной власти его надъ живнiю и имуществомъ членовъ семьи, которыя выразились въ римской *patria potestas*. Сенатъ старѣйшинъ, главъ семей, сдѣлался въ Римѣ основнымъ государственнымъ учрежденiемъ. Во всѣхъ прочихъ областяхъ цивилизаціи Римъ не только не выработалъ ничего самостоятельнаго, но его историческое значеніе ограничилось тѣмъ, что онъ распространилъ, помощью своихъ завоеваній, начала греческой мысли и греческой жизни до крайнихъ предѣловъ міра, извѣстнаго античнымъ народамъ. Его національные боги, первобытные и неопредѣленные, были поглощены греческимъ Олимпомъ. Его поэты и мыслители были подражателями поэтовъ и мыслителей Греціи. Самые принципы его законодательства легенда относила къ греческимъ источникамъ. Но откуда ни произошли-бы эти принципы, Риму принадлежала спеціальная роль выработать ихъ въ систему права, которой до тѣхъ поръ не зналъ древній міръ, охватить формами права области, которыя прежде оставались безправными, и оставить въ наслѣдство чело-вѣчеству *идею права*, какъ начала, механически-связующаго личности при разнообразіи обычая, и въ то же время начала нравственнаго, въ которомъ должна найти удовлетвореніе политическая мысль, какъ въ своемъ высшемъ идеалѣ. Съ тѣхъ поръ до нашего времени, какъ политическіе мыслители, такъ и политическіе дѣятели старались выработать этотъ идеалъ — *правовое государство*, и ставили предъ народами это представленіе, какъ высшую ступень общественнаго развитія. Римское право привыкли разсматривать, какъ раціональный результатъ всего государственнаго развитія древняго міра, противопоставляя его какъ мелочнымъ интригамъ и вѣчнымъ раздорамъ греческихъ городовъ, такъ и безправному деспотизму азіатскихъ деспотовъ.

Дѣйствительно, древній міръ не далъ до тѣхъ поръ ни одного принципа, который, при различіи обычной жизни, раздѣлявшей народы, и при растущемъ различіи въ развитіи мысли господствующихъ классовъ и простонародья, попытался-бы сдѣлаться связующимъ и объединяющимъ началомъ для всѣхъ классовъ общества и для всѣхъ племенъ, не трогая въ массахъ древней святыни спеціальнаго обычая, не трогая въ глубинѣ души лич-

ностей новой святости разнообразныхъ философскихъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій. Римское право вводило всѣхъ подданныхъ римскаго государства въ отвлеченную область юридическихъ отношеній и требовало отъ своихъ гражданъ лишь подчиненія формѣ этихъ отношеній, независимо отъ смысла, имъ придаваемого. Государство обособлялось отъ обычая, проникавшаго въ сферы жизни; право игнорировало міръ экономическихъ и міръ нравственныхъ потребностей, предоставляя ему погибнуть, если это было необходимо, лишь бы оставалась неприкосновенною форма закона. *Perat mundus, fiat justitia!* Даже справедливость, это высшее нравственное начало, — потому лишь, что для своего воплощенія оно требуетъ, чтобы взяты были въ соображеніе *всѣ* стороны жизни личности, — даже справедливость, въ формѣ римской *equitas*, сдѣлалась отраслью формальнаго права. Оставалось посмотреть, дѣйствительно ли этотъ универсальный элементъ окажется началомъ органической связи между личностями и племенами; удастся ли ему охранить политическую жизнь общества, его экономическіе интересы, умственные и нравственные интересы античной цивилизаціи, какъ ее передала греческая мысль завоевателямъ міра.

Было уже указано выше, что начала политическія сами по себѣ не могутъ быть началами солидарности между людьми, что они нуждаются въ постороннемъ элементѣ привычки, интереса, временнаго аффекта или идеальнаго убѣжденія, чтобы не обратиться въ патологическую общественную форму, въ *механическое государство*. Римъ могъ рассчитывать только на элементъ привычки на-столько, на-сколько экономическіе интересы населеній не были-бы слишкомъ рѣзко нарушены; создать новые экономическіе интересы, которые связали-бы всѣ части громаднаго цѣлаго съ его центромъ, было мыслью вполне чуждою государству формальнаго права. Такъ-какъ это право игнорировало область убѣжденій, то и самая нравственная связь между личностями и племенами отсутствовала. Даже идея *равноправности*, столь близкая, повидимому, къ самому принципу права, не была осуществлена (въ формѣ распространенія римскаго гражданства на все свободное населеніе римскаго міра) до тѣхъ поръ, пока она не отождествилась съ чѣмъ-то похожимъ на *общее безправіе* подъ неограниченнымъ деспотизмомъ худшихъ цезарей. Связующимъ нача-

ложь римскаго міра, виѣ формальнаго права, была лишь усвоенная Римомъ греческая цивилизація, но оставалось посмотреть, будетъ-ли римское правовое государство способно охранить хотя этотъ элементъ солидарности развитаго меньшинства античнаго міра, съ одной стороны, отъ низшаго міросозерцанія массъ, которыми это развитіе осталось недоступнымъ, съ другой стороны, отъ напора варварскихъ племенъ, до которыхъ не коснулась античная цивилизація.

Какъ и слѣдовало ожидать, выработка системы права не поѣшла римской державѣ сдѣлаться государствомъ механическимъ, которое выказало во всѣхъ сферахъ патологическія явленія, окончательно разложившія и римскій политическій конгломератъ, и весь античный міръ. Система римскаго права не только не охранила римскаго общества отъ одной изъ худшихъ политическихъ формъ, отъ формы *цезаризма*, но послужила поддержкою и укрѣпленіемъ для этого политическаго уродства, нашла правовыя формулы для этого организованнаго безправія. Насколько развитіе права было чуждо дѣйствительному развитію политической жизни общества, видно уже изъ того, что процвѣтаніе римскаго права соотвѣтствовало именно времени наибольшаго атрофированія римской политической жизни, эпохѣ полнаго развитія режима цезарей-боговъ. Слишкомъ хорошо извѣстно, что римское право не только не охранило экономическихъ интересовъ населеній, подвластныхъ Риму, но нарушило эти интересы самымъ грубымъ образомъ. Хищничество римской аристократіи уже обратило Италію въ пустыню и, въ эпоху Цицерона, начало распространять процессъ обезлюденія въ Греціи; нестерпимое давленіе императорскаго фиска обезлюдило и обратило въ пустыни цѣлыя провинціи, обратило выборныя должности городовъ въ каторжную службу и заставило бѣжать населеніе массами къ варварамъ. Господство римскаго права обваруживалось во всѣхъ углахъ имперіи полнымъ истощеніемъ и матеріальныхъ, и личныхъ силъ страны. Римское правовое государство не оказалось въ состояніи дать своимъ подданнымъ и того, что составляетъ существенную цѣль всякаго государственнаго строя, именно *безопасности* отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Варварскія орды проходили черезъ всѣ провинціи и самый Римъ не оказался безопаснымъ отъ ихъ нападенія и грабежа. Произволь чиновниковъ имперіи и богатыхъ не имѣлъ предѣла. Государствен-

ный „порядокъ“, этотъ идолъ, которому государство готово принести въ жертву всѣ элементы личнаго достоинства и общественнаго развитія, не былъ осуществленъ ни при господствѣ республиканскаго сената, ни при единомъ цезарѣ-августѣ-богѣ, ни при раздѣленіи имперіи на двѣ, на четыре части. Республиканскіе легіоны рѣзались за господство диктаторовъ и триумвировъ. Провинціальныя легіоны провозглашали императоровъ. Преторіанцы продавали званіе императора съ публичнаго торга. Десятки императоровъ возникали одновременно, чтобы на другой день пасть жертвою возстанія или болѣе ловкаго противника. Владыки цивилизованнаго міра преклонялись предъ предводителями варваровъ. Окончательно сложившіяся варварскія королевства, почти съ разрѣшенія главъ римскаго государства (которые часто облекали этихъ враговъ античнаго міра титулами римскихъ патриціевъ), отмежевывали себѣ доли единой имперіи. Внутри же ея государственный союзъ оказывался фикціей для безопасности и солидарности гражданъ и федерація церковныхъ общинъ оказывалась болѣе жизненною, дѣйствительною и привлекательною связью личностей. Неспособное создать силу, ограждающую безопасность личностей и обществъ, римское правотѣмъ менѣе могло охранить высшее наслѣдство античной жизни,—цивилизацию развитаго меньшинства. Рѣдѣли ряды этого меньшинства подъ развращающимъ давленіемъ цезарскаго деспотизма, подъ развѣдающимъ вліяніемъ атрофіи политической, общинной, умственной жизни, при сгущающемся мракѣ народныхъ предрасудковъ и народнаго невѣжества, всегда существовавшихъ въ громадномъ большинствѣ, но теперь, при волненіяхъ имперіи, при общемъ броженіи всѣхъ подчиненныхъ имперіи племенъ отъ Евфрата до Сены, выказавшихъ безпрепятственно свое численное преобладаніе въ господствующихъ классахъ надъ мыслию учениковъ афинскихъ философовъ и александрійскихъ ученыхъ. Самые лучшіе умы оставляли преданія Демокрита, Аристотеля и Эпикура, чтобы подъ именемъ платониковъ толковать о сношеніи съ духовными силами, чтобы смѣшивать науку съ народными предрасудками. Еще шагъ—и въ царствѣ права, которое было какъ бы отраслью философской мысли, самое понятіе о философіи утрачивается: поднимается проповѣдь противъ человѣческаго разума, противъ науки и философіи. Космологія Козьмы Индикоплева

смѣнять космологію Евклида, Архимеда, Гипарха. Вѣра въ „нелѣпное“ смѣняетъ логику перипатетиковъ. Мечты милекоистовъ и гностиковъ замѣняютъ идеи Платона. Послѣдніе учителя греческой мысли побиваются фанатиками, какъ Гипатія, или понесутъ свое ученіе изъ афинскихъ школъ, закрытыхъ для нихъ во имя права императоровъ, подъ покровительство персидскаго, варварскаго государя. Еще одинъ шагъ, и античная цивилизація рухнетъ и формальное право знаменитыхъ юристовъ не употребитъ никакихъ усилій охранить ее. Она перейдетъ къ новымъ народамъ помимо всѣхъ общественныхъ, юридическихъ, организованныхъ силъ, одною дѣятельностью разсѣянныхъ по глухимъ монастырямъ темныхъ хранителей традиціи критической мысли. Она перейдетъ къ новымъ народамъ при посредствѣ враждебныхъ имперій и ея наследникамъ арабовъ, при посредствѣ гонимыхъ христіанскою имперією евреевъ. Римско-юридическое государство окажется чисто-механическою связью, лишенною всякой дѣйствительной солидарности, и оставитъ будущему лишь механическую традицію всемірной имперіи и всемогущаго абсолютизма.

II. Угрюмовъ.

МОЛИТВА.

(Изъ Драмора.)

Ужь ночь давно, но день наступитъ новый,
И горе постучитъ ко мнѣ въ окно,
Злѣй прежняго, съ угрозою суровой...
Молю, Творецъ,—Ты, кто сломилъ давно
Мою гордыню,—да пройдетъ оно!
Пусть не чернить меня злословья ядъ!
Отколь грозить онъ мнѣ, не знаю;
Пусть скорби волосъ убѣлятъ,
Но пусть надежду я познаю.

Коль Ты судилъ мнѣ новыя страданья
И на добро себѣ униженъ я Тобой,
Теперь хоть сжался, Боже, надо мной;
Паду теперь я жертвой испытанья—
Я сотенъ стрѣлъ могу сносить терзанья,
Мнѣ только нуженъ отдыхъ небольшой!
Покой отрадный, жадно жду тебя!
Творецъ, свершай рѣшенное Тобой,
Но дай мнѣ срокъ, просимый мною,
Хоть разъ еще пусть буду счастливъ я!

Вотъ южный крестъ зажегся надъ водами,
Спать дома тѣ, къмъ я любимъ давно;
Все такъ-же отдано
Мнѣ сердце ихъ, хранимъ я ихъ мольбами.
Ты имъ не внемлешь, Всеблагодь?
Ужель со мной погибель ждетъ и милыхъ?
Пусть ихъ невинность укротитъ мольбой
Порывы бури,—я одинъ не въ силахъ!

Мих. Шелгуновъ.

ДВА БРАТА.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА IV.

Въ молодой дѣвушкѣ Николай едва узнавалъ прежнюю Леночку.

Еще два года тому назадъ, когда онъ видѣлся съ нею въ послѣдній разъ, Леночка, только что окончившая курсъ въ гимназiи, казалась ему застѣнчивой, неулыжей, доброй гимназисткой, скорѣе некрасивой, чѣмъ хорошенькой, съ которой онъ привыкъ обращаться съ снисходительнымъ покровительствомъ старшаго товарища и тѣмъ ласковымъ пренебреженiемъ къ „дѣвчоцѣ“, съ какимъ обыкновенно молодые братья относятся къ молодымъ сестрамъ. Главное дѣло въ томъ, что Николай слишкомъ привыкъ къ Леночкѣ и въ этой близости привычки не замѣчалъ того, что могли бы замѣтить постороннiе. Они были товарищами съ дѣтства. Старики Вязниковы приласкали сиротку-дѣвчоку, лишившуюся матери, и каждое лѣто, съ согласiя ея отца, ближайшаго сосѣда Вязниковыхъ по имѣнiю и исправника, брали Леночку къ себѣ. Маленькая, кругленькая, проворная и привѣтливая дѣвочка скоро сдѣлалась любимицейъ стариковъ и товарищемъ дѣтскихъ игръ Николая. Николай прозвалъ Леночку за ея походку съ перевальцемъ „перепелкой“, держалъ ее въ повиновенiи и привыкъ

считать Леночку своимъ вѣрнымъ и послушнымъ товарищемъ. Съ годами эти товарищескія отношенія продолжались по-прежнему. Когда Леночка сдѣлалась гимназисткой, а Николай студентомъ, молодой студентъ старался развить наивную гимназистку, давалъ читать ей книжки и, довольный, что нашелъ въ ней внимательную и усердную ученицу, съ благоговѣніемъ внимающую каждому слову учителя, иногда даже снисходилъ до спора съ ней и даже распекалъ ее, когда Леночка, по его мнѣнію, не обнаруживала быстрыхъ соображеній и не умѣла толково разсказать ему содержаніе прочитанной книги. вмѣстѣ со всѣми домашними она раздѣляла обожаніе къ молодому человѣку, чуть-чуть побаивалась его, считала его неизмѣримо выше себя по уму и развитію и не рѣдко плакала, когда нетерпѣливый учитель былъ недоволенъ своей усердной ученицей и называлъ ее глупой дѣвчонкой. Но „глупая дѣвчонка“ тотчасъ-же улыбалась счастливой улыбкой, когда Николай, послѣ вспышки, съ своей привлекательной простотой просилъ у Леночки прощенія и называлъ ее умной дѣвушкой. Въ его извиненіяхъ было столько искренности, столько признанія своей вины, что Леночка не могла сердиться и еще усерднѣе занималась книгами, которыя давалъ ей молодой товарищъ и учитель.

Оба они были слишкомъ юны, слишкомъ близкіе товарищи, чтобы между учителемъ и ученицей могло возникнуть что-нибудь похожее на чувство любви. По крайней мѣрѣ, Николай въ этомъ отношеніи не обращалъ никакого вниманія на молодую дѣвушку и въ то время ему никогда не приходило въ голову спросить себя: хороша или дурна Леночка? Въ его глазахъ она по-прежнему оставалась „перепелкой“, славной, доброй дѣвчонкой, которую нужно развить, вотъ и все. И когда кто-то при немъ сказалъ, что Леночка общается быть очень хорошенькой, то Николай даже разсмѣялся и иронически поздравилъ съ этимъ мнѣніемъ Леночку, не замѣчая, какъ въ отвѣтъ на его слова, Леночка поблѣднѣла и отвернулась, чтобъ скрыть наворачнувшія слезы.

Что въ ней хорошаго, въ этой перепелѣ? По мнѣнію Николая бѣдняжку Леночку природа не надѣлила красотой. Она была и мала ростомъ, и слишкомъ румяна, и фигура ея напоминала вбушкку. Она славная, хорошая неглупая эта Леночка, но какая она хорошенькая?

А теперь?

Теперь передъ Николаемъ стояла какъ-будто совсѣмъ другая Леночка, не та почтительная его ученица, которую онъ оставилъ два года тому назадъ.

Хорошо сложенная, стройная, вовсе ненапоминавшая прежнюю перепелочку, дѣвушка сіяла привлекательной красотою, пышно развивавшейся на деревенскомъ привольѣ. Отъ нея словно вѣяло прелестью полевыхъ цвѣтовъ и здоровой свѣжестью ранняго лѣтнаго утра. Что-то бодрое, смѣлое, располагающее было въ этой крѣпкой, ширококостной, энергичной фигурѣ съ маленькой головкой, откинутой немного назадъ. Загорѣлое и румяное лицо съ большими прекрасными лбомъ, чуть-чуть приподнятымъ носомъ, полными щеками съ родинками на нихъ, дышало искренностью, оживляясь привѣтливой улыбкой, скользившей по алымъ губамъ и свѣтившейся въ спокойномъ, твердомъ взглядѣ синихъ прекрасныхъ глазъ. Глядя на Леночку, какъ-то невольно хотѣлось сказать: „что за славная дѣвушка!“ и крѣпко пожать ее маленькую твердую руку. Въ ея свободныхъ простыхъ манерахъ было что-то напоминающее молодыхъ англичанокъ-дѣвушекъ и русскихъ студентокъ.

„Такъ вотъ она Леночка!“ невольно спрашивалъ Николай, любясь бывшей своей подругой дѣтства и чувствуя въ тоже время нѣкоторое досадливое изумленіе, какое часто бываетъ, когда въ прежнемъ ребенкѣ встрѣчаешь взрослого человѣка. Она закидывала его вопросами, а онъ слушалъ, едва поспѣвая отвѣчать, грудной съ низкими нотами голосъ молодой дѣвушки (этотъ голосъ удивительно къ ней шель) и нѣсколько дивился, что она говорить съ нимъ не съ прежней благоговѣйной почтительностью, а какъ равная съ равнымъ; не боится, видно, что онъ станетъ ее по прежнему распекавать и разсуждаетъ, какъ показалось Николаю, „очень ужъ солидно для своихъ лѣтъ“. Въ ея встрѣчѣ ясно проглядывало дружеское расположеніе, но Николай сразу почувствовалъ, что прежняя товарищеская короткость уже невозможна. Въ немъ инстинктивно сказался молодой мужчина, любующійся уже не товарищемъ, а красивой дѣвушкой.

Прежняя Леночка исчезала въ воспоминаніяхъ дѣтства и отрочества.

Николай былъ даже нѣсколько сконфуженъ, при видѣ этой перемѣны. Онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить *такую* Леночку.

— Однако, вы пережвнились-таки, Елена Ивановна, въ эти два года. Васъ и не узнать! невольно воскликнулъ Николай.

— Пережвнилась? Къ лучшему или худшему?

— По праву стараго пріятеля откровенно скажу, что вы удивительно похорошѣли, это во-первыхъ...

— А во-вторыхъ? нетерпѣливо перебила Елена, краснѣя и нахмуривая съ серьезнымъ видомъ брови.

— А во-вторыхъ, какъ погляжу, вы стали совсѣмъ солиднымъ человѣкомъ. Въ эти два года вы, какъ видно, порѣшили всѣ вопросы, надъ которыми—помните?—мы, бывало, оба ломали свои головы?

— И за которые мнѣ доставалось отъ васъ. Какъ не помнить! съ чувствомъ проговорила Елена.

— Кто старое вспомнеть, тому глазъ вонъ! Забыли эту словицу?

— Да вѣдь я это старое добромъ поминаю! горячо возразила молодая дѣвушка.—Я даже удивляюсь вашей добротѣ и терпѣнію, съ которыми вы тогда возились со мной. Только ничего не вышло! добродушно прибавила она.

— Какъ ничего не вышло?

— Да такъ... я хотѣла сказать, что не то вышло, на что, быть можетъ, вы рассчитывали. Помните, я вамъ даже писала объ этомъ.

Николай вспомнилъ, что вскорѣ послѣ разлуки съ Леночкой получилъ въ Петербургѣ нѣсколько писемъ отъ молодой дѣвушки, и теперь ему стало досадно, что онъ не отвѣчалъ на нихъ.

— Вы не сердитесь, что я не отвѣчалъ вамъ?

— Что вы! За что сердиться? И что было отвѣчать? Теперь въ эти два года я стала, какъ вы говорите, солиднымъ человѣкомъ, хоть и не порѣшила всѣхъ вопросовъ. И куда мнѣ рѣшать ихъ! Да и не когда было! На рукахъ хозяйство отца и скоро... вы, конечно, слышали? прибавила тихо Елена.

— Простите. Я и забылъ васъ поздравить! спохватился Николай.—Искренне желаю вамъ всего хорошаго!

Онъ горячо пожалъ руку молодой дѣвушки. А въ то-же время какая-то жалость сжала его сердце при мысли, что Леночка выходитъ замужъ за Лаврентьева. Ему казалось, что этимъ шагомъ она ставитъ точку въ своей жизни. „Дѣти, пеленки, хо-

зайство!" промелькнуло въ его головѣ и онъ съ какимъ-то сожалѣннѣмъ взглянулъ на Леночку.

Елена, казалось, замѣтила этотъ взглядъ и сказала:

— Вы не знакомы съ моимъ женихомъ?

— Нѣтъ. Слышала много, но не знакомъ.

— Такъ я васъ непременно познакомлю. Онъ тоже много о васъ слышалъ.

— Хорошаго или дурнаго?

— И того и другого! смѣясь отвѣчала молодая дѣвушка.

— И превосходно: значить, не разочаруется.

— Какъ вы?.. оброшила Леночка.

— Вотъ тебѣ, Леночка, и другой шаферъ есть! замѣтила Марья Степановна, подходя къ молодымъ людямъ.

— Да, можетъ быть, Николай Ивановичъ не захочетъ?

— Выдумала: не захочетъ! Отчего ему не хотѣтъ?

— Конечно, захочу. Я никогда не бывала шаферомъ.

— Развѣ вы останетесь здѣсь до сентября? съ живостью подхватила Елена.

— Останусь.

— Не соскучитесь?

— Вотъ и мама о томъ-же спрашивала. Мнѣ даже это нѣсколько обидно! Точно я долженъ въ деревнѣ скучать. У меня будетъ работа, буду съ папой на земскихъ собраніяхъ... стану изучать деревню... На этотъ счетъ вашъ женихъ просвѣтитъ меня... И времени для скуки не будетъ! Наконецъ познакомлюсь съ сосѣдями, буду у Смирновыхъ, стану ходить на охоту...

Елена улыбнулась своей добродушной улыбкой и промолвила:

— Люди здѣсь все обыкновенные... Развѣ вотъ Смирновы?

— Да развѣ мнѣ необыкновенные нужны?

— Оригинальные! поправила Елена. Вѣдь вы слишкомъ требовательный... Въ Петербургѣ избаловались людьми, ну а здѣсь... выбирать нечего.

Николай укорительно покачалъ головой и спросилъ:

— А вы, Елена Ивановна, знаете Смирновыхъ?

— Нѣтъ, не знаю. Слышала, что она умная женщина и у нея хорошенькія дочери... Одну я видѣла: дѣйствительно красавица... только мнѣ она не нравится...

— Отчего?

— Да такъ.. не нравится, и все тутъ... Впрочемъ, быть можетъ, я и ошибаюсь. Трудно судить о человѣкѣ съ перваго раза...

— Герцогиню валаетъ! проговорилъ Вася, поднимаясь съ кресла.

— Наконецъ то заговорилъ! засмѣялся Иванъ Андреевичъ... Ты-то ихъ почему знаешь?

— Видѣлъ.

— Видѣть, братъ, не значить знать!— Ну, пойдите-те, господа, обѣдать... Вонъ и Дарья идетъ докладывать, что супъ на столѣ... Пойдемъ-ка Николай! прибавилъ старикъ, обхватывая своего любимица за талью. Давно съ тобой не сидѣли за столомъ, голубчикъ мой!

За обѣдомъ, весьма обильнымъ и вкуснымъ, — Марья Степановна просила повара постараться и нарочно заказала любимыя Николаемъ блюда — Николай говорилъ почти одинъ. Онъ былъ особенно въ ударѣ и говорилъ хорошо. Общее вниманіе и присутствіе Леночки еще болѣе возбуждали его. Онъ рассказывалъ о петербургской жизни, вспоминалъ професоровъ, живо передавалъ, какое впечатлѣніе произвели на него два извѣстные писателя, съ которыми онъ познакомился, благодаря своей статьѣ, обратившей вниманіе, и очаровалъ всѣхъ своей образной рѣчью и иѣтками, полными ума, характеристиками. Когда зашла рѣчь о будущей его дѣятельности, онъ еще болѣе одушевился. Искренностью и горячимъ, бьющимъ ключомъ, чувствомъ звучали его слова, когда онъ говорилъ объ обязанностяхъ честнаго человѣка служить своему народу. Его до глубины сердца возмущала всякая подлость, лицемеріе и неправда. Глаза его въ это время зажигались яркимъ огонькомъ, придавая его привлекательной фізіономіи еще большую привлекательность.

Старикъ слушалъ сына, тихо улыбаясь, умиленный и радостный. „Въ Колѣ положительно ораторскія способности!“ мелькнуло у него въ головѣ. „Онъ такъ превосходно говорить!“ Мать восторженно любовалась сыномъ, сіяя своей кроткой улыбкой. Елена жадно слушала, поднимая по-временамъ глаза на оживленное, открытое лицо молодого человѣка, и даже Вася какъ-то замеръ подъ обаяніемъ горячихъ рѣчей брата.

Обѣдъ тянулся долго. Когда, наконецъ, Дарья принесла бутылку шампанскаго, старикъ самъ откупорилъ ее, разлилъ искри-

ступу влагу по бокаламъ, поднялся и нѣсколько торжественно проговорилъ:

— Ну, господа, поздравимъ нашего дорогого гостя съ окончаніемъ курса! Пожелаемъ ему остаться навсегда вѣрнымъ идеаламъ добра и гуманности, горячимъ, честнымъ бойцомъ за правду. Я надѣюсь, что ему не придется краснѣть передъ собой никогда!

Взволнованный Николай подошелъ къ отцу. Слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ горячо поцѣловалъ старика и проговорилъ.

— Если кто научилъ меня любить правду, такъ это ты, папа!

— Будь-же счастливъ, мой мальчикъ! Будь счастливъ, дорогой мой! повторилъ старикъ, дрожащимъ отъ волненія и чувства голосомъ.

Всѣ горячо поздравляли Николая.

Марья Степановна прослезилась отъ умиленія. Вася подошелъ къ брату, поцѣловался съ нимъ, и какъ-то восторженно, не много конфузясь, прошепталъ тихимъ нѣжнымъ голосомъ:

— Славный, ты, Коля!..

А Леночка не сказала никакого привѣтствія. Она только крѣпко пожала руку молодому человѣку, чокаясь бокалами, и послѣ этого вся притихла.

Счастливый, радостный, умиленный принималъ Николай горячія привѣтствія своихъ близкихъ. Лицо его горѣло сжѣлой увѣренностью молодости. Ему было въ эти минуты такъ хорошо, что хотѣлось всѣхъ обнять и разцѣловать. Всѣ люди казались ему славными и добрыми, а самъ онъ, переполненный надеждъ и вѣры въ себя, чувствовалъ тотъ избытокъ молодой силы, который въ молодости заставляетъ высоко поднимать голову и горячо вѣрить, что для нея въ жизни нѣтъ препятствій, которыхъ нельзя преодолѣть. Стоитъ только захотѣть и можно горы двинуть во имя правды и добра. Въ эту минуту никакой подвигъ не казался ему страшнымъ. Онъ готовъ былъ свершить его тотчасъ же.

— А что-же няни нѣтъ? Надо, чтобы и она выпила! замѣтилъ Николай.

Онъ налилъ бокалъ и пошелъ къ нянѣ.

Старуха сидѣла въ своей крошечной комнаткѣ за чулкомъ, когда вошелъ молодой человѣкъ.

— Няня... выпей... поздравь меня...

— Родной, и меня вспомнил!

Она взяла дрожащей, иссохшей рукой бокаль изъ рукъ Николая, осушила его залпомъ и проговорила:

— Будь здоровъ, Коля. Да хранишь тебя Царица Небесная, моего голубчика!

Молодой человекъ разцѣловалъ старушку. Замѣтивъ въ коридорѣ повара Петра, тоже желавшаго поздравить барина, онъ подошелъ къ нему и, въ отвѣтъ на привѣтствіе Петра, къ нѣкоторому его изумленію, крѣпко пожалъ несовѣтмъ опрятную руку его и возвратился въ столовую.

Чай подали на терасу въ садъ. Всѣ долго сидѣли за чаемъ, не замѣчая, какъ идетъ время...

ГЛАВА V.

Подъ вечеръ пошли гулять.

— Прежде осмотримъ наши владѣнія, Николай. Вѣдь ты два года здѣсь не былъ! проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— Осмотримъ наши владѣнія, папа! Осматривать ихъ, я думаю, не долго. Наши владѣнія не велики!

— Не очень обширны! засмѣялся отецъ.

Николай весело заглянулъ въ пустой амбаръ; побывалъ въ людской, гдѣ старая стряпуха съ слезящимися глазами и сѣдой косицей, вытѣзавшей изъ подъ платка, радушно привѣтствовала господъ; потрепалъ на конюшнѣ стараго „Ваську“, выпилъ стаканъ молока на скотномъ дворѣ и познакомился на мельницѣ съ новымъ мельникомъ. Онъ съ удовольствіемъ осматривалъ знакомые родные уголки, гдѣ протекла большая часть его жизни; все привлекало его, все, какъ-будто, получало новую прелесть. Полной грудью, чувствуя себя необъясненно счастливымъ, вдыхалъ онъ чудный воздухъ деревни и внимательно слушалъ, когда отецъ пустился было объяснять сыну, какъ идетъ хозяйство. Старикъ, впрочемъ, часто путался. Николай очень хорошо видѣлъ, что отецъ за эти два года не измѣнился и такъ-же плохъ по хозяйству, какъ и прежде. Марья Степановна подоспѣла на выручку

и толково объяснила, сколько у нихъ подъ запашкой земли, сколько накашивается сѣна, сколько скота и т. п.

— Мама, по старому, хозяйничаетъ?

— Мама! Она у насъ молодецъ на всѣ руки. Еслибъ не мать, то совсѣмъ-бы скверно. Я, ты знаешь, плохой хозяинъ! проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— Не когда тебѣ этими мелочами заниматься! вставила Марья Степановна.

Старикъ весело подмигнулъ Николаю и засмѣялся.

— Хороши „мелочи“!.. Она у насъ съ зарю на ногахъ. Просто неспособный я для хозяйства человѣкъ... Такъ только по-сматриваю себѣ, а мать, спасибо ей, всю эту обузу на себѣ несетъ!

Оказалось, что дѣла идутъ не важно, не смотря на энергію и старанія Марьи Степановны. Имѣніе не даетъ почти никакого дохода. Приходится трогать дѣсь или проживать небольшой капиталъ, бывшій у Вязниковыхъ.

— Почти весь и прожили! угрюмо проговорилъ Иванъ Андреевичъ.

— У всѣхъ, Коля, плохо дѣла идутъ! какъ-бы оправдывалась мать. Всѣ жалуются. Жизнь дорога.

— Только и хорошо, Коля, тѣмъ, кто совѣсти не знаетъ, прибавилъ Иванъ Андреевичъ.— Оно, пожалуй, можно мужикамъ сдать по хорошей цѣнѣ — мужики дадутъ! усмѣхнулся отецъ.— Вотъ у Кривошейнова доходы большіе!

Николай съ какимъ-то восторгомъ взглядывалъ то на отца, то на мать.

„Какіе они у меня хорошіе!“ думалось ему.

— Ничего проживемъ! весело воскликнулъ Николай.— Теперь и я на ногахъ!

Съ мельницы повернули въ деревню. Деревня была съ виду неказиста. Тѣснымъ рядомъ ютились одна подлѣ другой, почернѣвшія избы по бокамъ широкой улицы. На улицѣ возились въ грязныхъ рубашенкахъ чумазые ребятшки. У заваливъ сидѣли старухи, грѣясь, какъ черепахи, на солнышкѣ. Народъ не возвращался еще съ поля. Иванъ Андреевичъ съ Николаемъ зашли въ одну избу. Ихъ такъ и обдало спертымъ прокислымъ запахомъ. На скамьѣ совсѣмъ ветхой, старикъ плелъ лапотъ. При входѣ

гостей онъ пристально взглянулъ старшии, слезящимися глазами и не сразу узналъ господъ.

— Здорово, Парфень Афанасьичъ!.. проговорилъ Иванъ Андреевичъ. — Вотъ сына старшаго привелъ. Сегодня только приѣхалъ.

Николай подошелъ къ старику и протянулъ ему руку.

— Не узнаешь развѣ, Парфень Афанасьевичъ?

— Какъ не узнать?.. Здравствуй, Николай Ивановичъ, здравствуй! Богъ тебѣ въ помощь. Ничего... парень славный, чистый парень! прошакалъ онъ, присматриваясь къ молодому человѣку.

— Какъ здоровье? спрашивалъ Иванъ Андреевичъ. — Ты, слышалъ я, хворалъ?

— Еще земля носить, Иванъ Андреевичъ, носить еще!.. Ноги вотъ одолѣли... не могу владать ногами, а то слава тебѣ Господи. Спасибо барышня — мазью мажетъ. Бытто и легче. Не забываетъ больного.

Съ минуту они побыли въ избѣ и вышли.

— Бѣдность, какъ посмотрю! проговорилъ Николай.

— Неурожаи все были!

— Плохо живутъ, по старому?..

— Северно.

— И все на Бога надѣются?..

Старикъ промолчалъ.

— Какая это барышня къ старику ходитъ?

— Леночка... Она у насъ тутъ за доктора. Неугомонная!

— Вотъ она какая! протянулъ Николай.

Изъ деревни прошли въ поле. По дорогѣ встрѣчались мужики и бабы, возвращавшіеся съ работы. Всѣ привѣтливо раскланивались съ Вязниковыми. Всѣ мужики и бабы казались Николаю сегодня особенно хорошими. Онъ былъ въ самомъ идиллическомъ настроеніи. Все его восхищало, ко всему онъ относился тепло и сочувственно.

Уже смерклось, когда вся компанія возвращалась домой.

— Елена Ивановна!.. проговорилъ Вася, до того, молча, шедшій рядомъ съ Еленой. — Вы вѣрно забыли. Мнѣ сказывалъ Григорій Николаевичъ, что онъ сегодня зайдетъ къ вамъ!

— Спасибо, Вася, что напомнили! вспыхнула Елена. — Знае-

те-ли, о чемъ я попрошу васъ? Сходите къ намъ и скажите, что я останусь здѣсь!

— Остаетесь? прошепталъ юноша упавшимъ голосомъ.

Еленѣ показалось, что въ голосѣ его дрожала скорбная нотка. Она вспыхнула.

— Да, остаюсь. Что-же тутъ удивительнаго?

Она засмѣялась, но смѣхъ былъ какой-то ненатуральный.

— Вы, Вася, скажите Григорію Николаевичу... Впрочемъ, нѣтъ... ничего не говорите. Просто скажите, что я сегодня не буду дома!

— Я скажу... Я ничего... Я такъ!.. пролепеталъ Вася, смущаясь еще болѣе и какъ-то неловко ступая своими длинными ногами. Вы не сердитесь, Елена Ивановна, пожалуйста!

— За что сердиться съ живостью возразила Леночка. Вы просто глупости говорите.

— Это правильно! добродушно промолвилъ Вася. Глупости! Это вы вѣрно... А мнѣ показалось...

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но слова, видно, не слушались его и засѣли въ гортль. Онъ улыбался кроткой улыбкой и счелъ долгомъ еще разъ повторить: „пожалуйста не сердитесь!“ при чемъ это извиненіе у него выходило такое комичное, что Леночка улыбнулась.

— Я сейчасъ-же иду, Елена Ивановна!

Съ этими словами онъ повернулъ назадъ и быстро зашагалъ по дорогѣ.

— Ты куда это, Вася? окликнулъ Николай.

— Къ Лаврентьеву.

— Приходи скорѣй, Васюкъ!

— Ладно.

— Странный этотъ Вася! невольно вырвалось у Елены.

Ей вдругъ почему-то захотѣлось вернуть его и идти домой, гдѣ ждалъ ея женихъ. Она колебалась, медлила и... тихо двигалась впередъ. Она рѣшила остаться. Съ Лаврентьевымъ она увидится завтра и объяснить ему, почему не пришла. Она такъ долго не видѣла стараго товарища дѣтства. Она такъ давно не слышала горячихъ, волнующихъ рѣчей, полныхъ какой-то неопредѣленной и заманчивой прелести. Среди будничныхъ заботъ эти

рѣчи казались праздничнымъ колоколомъ, зовущимъ куда-то вдалѣ, гдѣ жизнь, мнилось, получала высшій смыслъ и значеніе.

„Какой онъ сталъ красавецъ!“ неожиданно вспомнила Елена и вслѣдъ затѣмъ почувствовала, что краска стыда разлилась по ея лицу, охватила ея шею, охватила все существо. Она старалась отогнать отъ себя эти мысли, но какой-то голосъ шепталъ ей: „красавецъ, красавецъ!“ Все шептало объ этомъ. И тихій вечеръ, спустившійся на землю, и ярко мерцавшія звѣзды, и таинственный шелестъ наливавшихся колосьевъ, и дивный воздухъ, полный благоуханія и прелести.

„Красавецъ, красавецъ!“ Эти слова точно носились въ воздухѣ.

Когда вошли въ столовую, гдѣ на столѣ уже тихо шипѣлъ самоваръ, Николай замѣтилъ, что Леночка вдругъ сдѣлалась необыкновенно серьезна и сдержанна, строго смотрѣли ея синіе глаза и брови сурово сдвинулись; и она такъ сухо отвѣтила на шутивый вопросъ Николая, „отчего такъ задумчива ты?“, что Николай оставилъ ее въ покоѣ и съ аппетитомъ принялся пить чай съ густыми сливками, заѣдая домашней сдобной булкой и похваливая и чай, и булку.

Отецъ съ сыномъ окончили вторую партію въ шахматы, а Марья Степановна уже клевала носомъ. Леночка сложила свою работу и стала прощаться.

Пробило девять часовъ, а Вася не возвращался.

— Куда-же вы одна, Елена Ивановна! Я васъ провожу! сказалъ Николай.

— Не надо. Я и одна дойду — близко.

— Какъ хотите, а то я-бы проводилъ.

— Конечно, проводи, Николай! проговорилъ Вязниковъ. — Нечего вамъ Леночка храбриться. Все лучше, коли проводятъ!

— Да я не боюсь. Николай Ивановичъ вѣрно усталъ съ дороги?

— Еще будетъ время выспаться; а вы, барышня, не перемотесь съ старымъ товарищемъ. Одѣвайте шляпку и пойдите. — А ужь ты, мама, дремлешь?

— Нѣтъ... я не дремлю!.. встрепенулась Марья Степановна, открывая глаза.

— По-старому! засмѣялся Николай, обнимая мать, — Саша

дремлетъ, а говорить, что нѣтъ. Иди-ка, мама, спать. Ты вѣдь рано встаешь. Помнишь, какъ я ребенкомъ все тебя спрашивалъ, хорошій-ли я сонъ увижу, а ты мнѣ всегда говорила, что хорошій... И вѣдь всегда хорошіе сны снились, точно ты умѣла посылать славные сны.

— Еще-бы не помнить!

— Я часто вспоминалъ въ Петербургѣ объ этомъ передъ экзаменами. Какъ нарочно, все худше сны снились и не кому было мнѣ пожелать хорошихъ сновъ. А теперь некого и спрашивать: я знаю, сны будутъ такъ-же хороши, какъ и всѣ вы...

Марья Степановна нѣсколько разъ поцѣловала сына и перекрестила его. А онъ горячо цѣловалъ ея руку и глядѣлъ на нее съ восторгомъ влюбленнаго. Онъ и въ самомъ дѣлѣ влюбленъ былъ въ мать.

— А съ тобой папа еще увидимся?

— Я поздно засыпаю. Зайди, какъ вернешься.

— Пойдемте, Елена Ивановна... Какая чудная ночь! проговорилъ Николай, спускаясь съ терасы. — Мы какой дорогой пойдѣмъ. Ближней — черезъ лѣсъ? Вы не боитесь?

— Чего бояться?

— Мало-ли чего. Хотя-бы своего воображенія. Впрочемъ, вдвоемъ не страшно, да и свѣтло... Ишь луна какая сегодня, точно блѣднолицая красавица. Посмотрите, какъ красивъ теперь садъ. Да куда вы такъ торопитесь, Елена Ивановна? остановилъ Николай, догоняя молодую дѣвушу.

— Я всегда такъ хожу.

— Давайте ка вашу руку, а то вы опять уйдете — догоняй васъ! замѣтилъ Николай тѣмъ товарищески фамиллярнымъ тономъ, какимъ, бывало, говорилъ съ прежней Леночкой.

Елена покорно протянула свою руку.

— Такъ-то лучше! промолвилъ Николай.

Они шли, не спѣша, направляясь къ лѣсу.

Они шли первое время, молча. Елена, казалось, не имѣла намѣренія вступить въ разговоръ. Она шла, опустивъ глаза внизъ, погруженная въ раздумье. Молодой человѣкъ искоса посматривалъ на свою спутницу, любуясь ея красивымъ, строгимъ профилемъ. Теперь, подъ обаяніемъ чудной ночи, при блѣдномъ свѣтѣ луны,

Леночка казалась ему несравненно лучше. Ему стало снова жаль, что она выходитъ замужъ.

Пропадетъ она совсѣмъ, отупѣетъ. „Будетъ нянчить, работать и ѣсть!“ припоминался ему некрасовскій стихъ. Нѣжное чувство закрадывалось ему въ сердце. Положительно ему жаль Леночку. Она такая славная дѣвушка, полная хорошихъ стремлений и — что ее ждетъ?

„Неужели она любить дикаго человѣка? Чѣмъ онъ могъ плѣнить ее?“

Молодой человѣкъ опять взглянулъ на Елену. „Какъ она хороша!“ Взглядъ его скользнулъ по ея роскошному стану и остановился на маленькой ногѣ, мелькнувшей изъ-подъ приподнятаго платья.

— Что-жъ мы молчать будемъ! Два года не видались — какъ жетса, есть о чемъ поговорить?

— Говорите, я буду слушать!

— Я много говорилъ, теперь вашъ чередъ. Расскажите о себѣ: что вы дѣлали, о чемъ думали, что читали, о чемъ мечтали въ эти два года?

— Мнѣ нечего рассказывать. Вы все ужъ знаете. Жизнь моя прошла самымъ обыкновеннымъ образомъ. Кое-что читала, а больше хозяйничала...

— И впереди опять одно хозяйство?

— А то какже... Не сидѣть-же сложа руки!

Они приблизились къ опушкѣ и вошли въ лѣсъ. На нихъ сразу пахнуло свѣжестью и лѣснымъ запахомъ — запахомъ грибовъ и сырости. Луна пробѣгала за облакомъ. Въ лѣсу было совсѣмъ темно и торжественно тихо. Приятно и жутко было среди мрака и тишины. Какой-то таинственный, тихій шорохъ стоялъ среди лѣсной чащи. Откуда-то доносилось журчаніе воды. Протяжно прокуковала кукушка, вслѣдъ за тѣмъ внезапно шарахнулась между деревъ птица. И снова въ лѣсу стало тихо.

Молодые люди дышали полной грудью:

— Какъ хорошо здѣсь! протянулъ Николай.

— Да, хорошо! тихо отвѣтила Елена.

Среди тишины и мрака лѣса невольно говорилось тише. Звуки становились мягче и таинственнѣй, — какъ-будто страшно было разбудить громкимъ голосомъ спящую лѣсную глушь.

Они пошли еще тише, осторожно ступая по песчаной дорогѣ, устѣянной сучьями. Николай придвинулъ себѣ руку и Леночка плотнѣй прижалась къ молодому человѣку.

— Помните, какъ мы съ вами, бывало, боялись ночью этого лѣса? Вы помните?

— Помню.

— А помните, какъ вы однажды заблудились вечеромъ и мы съ Васей нашли васъ?

— Помню.

— Хорошо было тогда... Да и теперь отлично! проговорилъ подъ наплывомъ чувства Николай. — А время-то какъ пролетѣло... Кажется, давно-ли мы съ вами боялись этого лѣса, а вотъ теперь не боимся. Вы вотъ ужъ и замужъ выходите. Скоро ваша свадьба?

— Черезъ полтора мѣсяца!

— Такъ скоро? вырвалось у Николая.

— Да, скоро.

Опять оба замолчали. Елена прибавила шагу.

— Пойдемте поскорѣй! нетерпѣливо произнесла она.

— Куда вы бѣжите? Здѣсь такъ славно, такъ хорошо.

— Тетя будетъ беспокоиться.

— Богъ съ ней, съ тетей! А вы такъ и не хотите рассказать старому товарищу о себѣ.. Занималась хозяйствомъ, буду заниматься... вѣдь этого мало. Развѣ вы только и дѣлали... По скромности вы даже скрыли, что мужиковъ лечите. Видно, докторъ не ѣздитъ?

— Ѣздитъ, но рѣдко.

— А лечите самоучкой?

— Самоучкой.

Николай тихо засмѣялся.

— А еще что дѣлали?

— Да больше ничего, кажется. Теперь иду замужъ! тихо прибавила она.

— Тихая пристань!..

— Къ чему буря? Я человѣкъ мирный, бурь не ищу. Богъ съ ними!

— И счастливы?

— Странный вопросъ! Конечно. Меня никто не неволилъ идти замужъ, да и никто не приневолитъ. Хочу иду, хочу нѣтъ.

— Я не о томъ. Это дѣло вашего сердца.

— О чемъ-же?

— Вы какъ-будто другая стали. Неужели мысль ваша не рвется къ свѣту, на просторъ?

— Значить, не рвется.

— А прежде, помните?

— Мало-ли, что было прежде! рѣзко проговорила Елена.

— Вы ждете, Леночка! воскликнулъ Николай.—Этого не можетъ быть! Въ двадцать два года нельзя подвести итоги. Или вы думаете, что образованіе и развитіе вздоръ... лишняя роскошь, глупости однѣ? Сегодня меня ужь поразили Вася, но Вася странный мальчикъ. Можетъ быть, и женихъ вашъ такъ смотритъ? Ну, тогда поздравляю васъ... поклонниковъ непосредственности...

— Напрасно вы горячитесь. Женихъ мой такъ не смотритъ.

— Но вы-то... вы? Вы хотѣли учиться... Все значить по боку? Можно лечить самоучкой? усмѣхнулся молодой человѣкъ.— Можно думать, что земля на трехъ виткахъ стоитъ. Для домашняго обихода этого довольно?.. Ахъ, Леночка, Леночка... (Николай и не замѣчалъ, что называлъ свою спутницу Леночкой) и для домашняго обихода этого мало.

Николай даже разгорячился. Еслибъ онъ могъ видѣть лицо Елены, то, вѣроятно, не бросилъ-бы ей такихъ упрековъ.

Она не отвѣчала ничего, только прибавила шагъ.

— Вы простите старому пріятелю. Вѣдь я по дружбѣ.

— Я не сержусь!

Она произнесла это „я не сержусь“ такимъ тихимъ поборнымъ голосомъ, что Николаю вдругъ стало невыразимо жаль ее. Они были близки къ выходу изъ лѣса. Луна выглянула изъ облаковъ и обдала ихъ серебристомъ свѣтомъ. Николай взглянулъ на Леночку и сразу понялъ, какъ грубо и безжалостно онъ говорилъ съ ней. Лицо молодой дѣвушки поразило его своимъ страдальческимъ видомъ. Онъ болѣе не начиналъ разговора. Молчала и Леночка подъ обаяніемъ дыханія лѣтней ночи. Потребность любить и быть любимымъ вдругъ охватила все существо молодого человѣка нѣжнымъ, теплымъ чувствомъ. Молодая страсть рвалась наружу. Какое-то неопредѣленное чувство тоски и томленія подступало къ самому сердцу. Онъ забылъ всѣ свои наставленія, забылъ, что Леночкѣ

надо учиться. Онъ чувствовалъ только прелесть ночи, близость молодого красиваго созданія и приливъ страсти. Онъ любовался Леночкой, любовался ея лицомъ, ея станомъ, чувствовалъ, какъ трепетно бьется ея грудь и никакія слова не шли на уста.

Они вышли изъ лѣса. Не вдалькѣ замигали огоньки усадьбы.

Въ это время изъ лѣсу, гдѣ-то близко, доносились звуки пѣсни. Мужской твердый голосъ пѣлъ одну изъ русскихъ пѣсенъ и пѣлъ превосходно. Ширью, страстью и тоской звучала эта пѣсня, разлетаясь по лѣсу. Въ скорбныхъ звукахъ было что-то щемящее, прямо хватающее за душу.

Николай остановился и не замѣтилъ, какъ вздрогнула рука Леночки.

— Какой чудный голосъ! прошепталъ онъ. — Послушаемъ.

— Нѣтъ, пойдѣте. У меня голова болитъ!

Съ этими словами она выдернула руку и быстро пошла впередъ.

— Славно нашъ народъ поетъ! проговорилъ, догоняя Леночку, Николай. — Сколько чувства, сколько выраженія. Такъ пѣтъ, какъ этотъ мужикъ пѣлъ, можетъ только человѣкъ съ душой.

— Это не мужикъ пѣлъ.

— Что вы? Манера мужицкая. Сейчасъ видно.

— Я знаю этотъ голосъ и знаю эту пѣсню.

— Кто-жъ это поетъ?

— Лаврентьевъ пѣлъ! Онъ славно поетъ!

— Женихъ вашъ? Вотъ никакъ не думалъ! проговорилъ Николай, какъ будто нѣсколько разочарованный. — Что жъ онъ по лѣсу бродить?

— Вѣрно меня дожидался, а теперь возвращается домой.

Они пошли къ дому. Большая мохнатая собака бросилась съ лаемъ, къ Леночкѣ.

— Здравствуй, Фингалъ, здравствуй.

Фингалъ замахалъ хвостомъ и потомъ осторожно обнюхалъ Николая.

Николаю было грустно, что прогулка такъ скоро кончилась. Ему хотѣлось еще гулять. Онъ протянулъ руку, крѣпко пожалъ Леночкину руку и вдругъ проговорилъ:

— Простите меня, Леночка. Вы славная дѣвушка и дай вамъ Богъ счастья.

Онъ прикоснулся губамъ къ ея рукѣ и сказалъ:

— Вы любите его. И онъ вѣрно васъ любить. Вы стоите любви!

И снова поцѣловалъ Леночкину руку.

Молодая дѣвушка быстро отдернула руку и скрылась въ дверяхъ, а Николай тихо побрелъ домой, нарочно замедляя шаги.

Николай зашелъ къ отцу — старикъ еще не ложился; онъ сидѣлъ за французской исторической книгой — и протиснулся съ нимъ, замѣтивъ, что усталъ съ дороги. Онъ пришелъ къ себѣ въ комнату — хорошо знакома была ему эта комната! — и сталъ раздѣваться. Онъ заглянулъ было въ комнату брата, но тамъ было темно. Николай окликнулъ Васю. Отвѣта не было.

— Вѣрно спить!

Черезъ минуту онъ уже лежалъ въ чистой, мягкой постели, съ наслажденіемъ потягиваясь и предвкушая сладость сна. Онъ скоро погасилъ свѣчку, повернулся на бокъ и разнообразные отрывки мыслей бродили беспорядочно въ его мозгу. То думалось о Леночкѣ... „Зачѣмъ она замужъ выходитъ!“ И образъ красивой дѣвушки мелькалъ въ его воображеніи. Славная она, хорошая!.. То образъ Леночки смѣнялся другимъ образомъ, молодымъ и тоже красивымъ. Онъ вспомнилъ сестру Вѣжецаго. И та славная! Потомъ мечты забродили о будущемъ. Что будетъ? О, вѣроятно, будетъ хорошо, отлично будетъ. Ему представлялось, какъ онъ будитъ общество своими громкими, горячими статьями. Его всѣ знаютъ, лучшая часть общества его уважаетъ. Онъ знаменитый писатель. Но вдругъ на смѣну является другая картина. Онъ въ судѣ и защищаетъ — даромъ разумѣется — несчастнаго вора. Рѣчь его льется свободно, горячо. Масса публики жадно слушаетъ его. Судьи даже восторженны, а прокуроръ совсѣмъ смущенъ. Онъ кончилъ и ждетъ... Выносить оправдательный приговоръ. Онъ жметъ руку оправданному. Онъ счастливъ и гордъ. Онъ не похожъ на своихъ собратьевъ. Онъ обѣлять не будетъ... Онъ будетъ по совѣсти... Опять новыя картины: то онъ профессоръ, то онъ въ далекомъ захолустьи, послѣ того какъ послужилъ честно дѣлу, но онъ скоро возвращается и всѣ привѣтствуютъ его. Мысли начинали путаться. Приятное ощущеніе дремоты начало охватывать его. Мозгъ ослабѣвалъ. Онъ испытывалъ ощущеніе усталости и безотчетнаго счастья, вспоминая, что онъ дома,

въ родномъ гнѣздѣ, и что у него такіе чудные старики, и что его всё любятъ. Ему послышался чей-то голосъ вблизи, спрашивающій: „ты спишь, братъ?“ Онъ слабо пролепеталъ: „хорошо жить, Вася, хо-ро-шо!“ и чувствовалъ, что языкъ больше не служить. Онъ засыпалъ крѣпкимъ, чуднымъ сномъ молодости, счастливый, добрый и готовый на все хорошее.

Въ то самое время Леночкѣ не спалось. Она пришла въ свою комнату, маленькую, опрятную комнату, хотѣла было раздѣваться, но сняла только платье, подошла къ окну, да такъ и осталась у раствореннаго окна, всматриваясь вдаль сосредоточенно и строго. Она долго стояла, потомъ взмахнула головой, словно желая отогнать неотвязныя мысли, присѣла на кровать, медленно раздѣлась, легла въ постель, но заснуть не могла. Въ ушахъ ея еще стояли слова упрека и скорбная пѣсня въ лѣсу, а передъ ней, какъ живой, носился образъ Николая такой хорошій привлекательный...

Леночка приподняла съ подушки голову. Слезы текли по ея лицу...

„Это... все глупости!“ прошептала она наконецъ, бросаясь на подушки. Изъ отвореннаго окна доносились какіе-то тихіе, жужжащіе звуки ночи и словно дразнили ее... „Глупости повторила она... глупости!“ а сердце сжималось тоскливо.

Вася, вернувшійся позже брата, вошелъ къ нему со свѣчкой въ рукахъ и, увидавъ, что братъ засыпаетъ, прошелъ къ себѣ, досталъ изъ стола тетрадь и по обыкновенію сталъ записывать свои замѣтки и впечатлѣнія. Замѣтки эти были очень странныя и самыя разнообразныя, съ которыми читатель познакомится въ свое время. Онъ долго сидѣлъ; потомъ, окончивши это дѣло, раздѣлся и занялся гимнастикой: присѣдалъ, двигалъ руками, вдыхалъ грудью и все это самымъ серьезнымъ образомъ. Потомъ попробовалъ мускулы на рукахъ и, довольный, что порядочные желваки были крѣпки, когда онъ сгибалъ руку—онъ снялъ тюфякъ съ кровати, легъ на тощій соломенной подстилкѣ, затушилъ свѣчку и долго еще лежалъ съ открытыми глазами, размышляя о словахъ брата.

ГЛАВА VI.

Недѣля пролетѣла незамѣтно. Николай ходилъ на охоту, гулялъ съ братьями — Вася, къ нѣкоторой досадѣ Николая, все еще ему не „открывался“ — спорилъ слегка съ отцомъ, вволю ѣлъ и отсыпался. Онъ принимался, было, за работу, началъ писать статью, исписалъ листа два бумаги и бросилъ — не писалось. Хотѣлось отдохнуть отъ петербургской жизни и полѣниться на деревенскомъ привольѣ. Давно ему не жилось такъ беззаботно, какъ теперь. Однако, черезъ недѣлю онъ началъ скучать. Людей не было, безъ людей скучно.

Леночка нѣсколько дней не показывалась. — „Ужь здорова-ли наша Леночка?“ беспокоилась добрая Марья Степановна. — „Не случилось-ли чего съ ней?“ И Николаю было скучно безъ Леночки. Онъ отправился ее навѣстить.

Черезъ хорошо знакомую калитку вошелъ онъ въ небольшой, молодой садъ, прилегавшій къ небольшому новому сѣрому дому. Онъ прошелъ сквозь рядъ фруктовыхъ деревьевъ и не вдалекѣ отъ терасы увидѣлъ Леночку и тетку за варкой варенья. Солнце жгло невыносимо — было около полудня — и Николай истомился отъ жару. „И какъ это имъ не жарко на припекѣ варить варенье!“ подумалъ онъ, подходя къ нимъ.

Тетка Леночкина, Марья Алексѣевна, родная сестра Леночкина отца, толстая, жирная, рыхлая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, вся раскраснѣвшаяся и истомленная, въ грязномъ капотѣ, слегка вскрикнула при видѣ гостя, обрадовалась и почему-то стала извиняться. Леночка молча поздоровалась съ Николаемъ и продолжала снимать ложкой пѣну съ шипящей жидкости, въ которой подпрыгивали крупныя вишни. Пока Марья Алексѣевна извинялась и звала его въ гостиную, онъ взглянулъ на Леночку и... и сегодня она ему показалась совсѣмъ не такой или, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ такой, какой была тогда при лунномъ освѣщеніи. Сегодня она была какой-то будничной. Одѣта она была слишкомъ ужъ по-домашнему, безъ корсета, руки были запачканы, на пальцахъ ея, замѣтилъ онъ, виднѣлись черненькія точки — слѣды иголки — и ногти ея не отличались чистотой. Лицо ея пылало отъ жара и крупныя капли пота струились по лицу. Повидимому, она

такъ была занята своимъ дѣломъ, что и не обращала вниманія на Николая. Это его кольнуло.

— Пойдемте къ, Николай Ивановичъ, въ гостиную. Эка жарница-то какая здѣсь! Пойдемте... Ишь какой вы молодецъ стали!

Марѳа Алексѣевна, грузно переваливаясь и вздыхая, поплелась въ домъ и Николай за ней.

— А ты, Леночка? Брось варенье и ступай къ намъ, а не то Авсинью позови.

— Сейчасъ, тетя.

Въ гостиной, увѣшанной довольно плохими литографіями, съ обстановкой средней руки, Марѳа Алексѣевна тяжело опустилась на диванъ и, указывая на кресло гостю, проговорила:

— А мы по-прежнему. Братецъ все въ разбѣздахъ. Нынче пошли строгости. Дѣль... дѣль то сколько. Во всѣ глаза гляди. Всѣ нынче бунтовать стали! добродушно прибавила старуха. — О-охъ жарко... Всѣ... Ты думаешь онъ смиренный человѣкъ, а глядишь—бунтовщикъ. Посудите, въ такую-то жару да братцу по узду рыскать! И въ чему бунтовать? Только братцу лишнія хлопоты!..

Она принялась, по обыкновенію, жаловаться на обстоятельства, на дороговизну и все вздыхала, вѣрнѣй отъ жара, чѣмъ отъ плохихъ обстоятельствъ и Николай обрадовался, когда вошла Леночка и тихо присѣла на кресло.

— Спасибо, вотъ Леночка помогаетъ, а то одной... Съ рабочими что горя...

— Ну ужъ вы, тетя, всегда жалуетесь!.. замѣтила Леночка серьезно.

Разговоръ продолжался на эту тему. Гостю предложили чаю. „Какой теперь чай!“ подумалъ онъ — и отказался. Отъ водки тоже.

— А вы насъ совсѣмъ забыли Елена Ивановна. Мама даже беспокоится!

— Хлопотъ было много.

— А вечеромъ!

— По вечерамъ къ ней женихъ ходить. Скоро вылетитъ птичка изъ гнѣздышка! протянула тетка. — О-охъ, какъ-то я тогда управлюсь... У Смирновыхъ, чай, были?

— Нѣтъ еще... Собираюсь.

— Не были? повторила Леночка.

— Не былъ. Вы что такъ спрашиваете?

— Да какъ же... Тамъ интересно должно быть. Я слышала, тамъ гостить знаменитый петербургскій адвокатъ Присухинъ и какой-то молодой ученый изъ Петербурга. Люди все развитые... И барышни тоже развитыя...

Она подчеркнула слово: „развитыя“.

Николай пристально взглянулъ на Леночку. „Смѣется она, что-ли?“ Кажется нѣтъ. Лицо ея совсѣмъ спокойно, только верхняя губа слегка вздрагиваетъ, да въ голосѣ чуть-чуть дрожить.

— Такъ-то вы, Елена Ивановна, прощаете? Не ожидалъ я отъ васъ этого.

— Ну, ну, не сердитесь. Я пошутила, право пошутила! промолвила Леночка и вдругъ вся просіяла.

— О чемъ это вы? прошептала Марфа Алексѣевна.

— Такъ, тетя, споръ былъ у насъ.

Николай посидѣлъ еще немного, поболталъ съ Леночкою; Марфа Алексѣевна все таяла унылую нотку о дороговизнѣ и смутахъ, поповоду которыхъ такъ часто приходилось развѣзжать ея братцу (она съ комичнымъ добродушіемъ смѣшивала и дороговизну, и смуту. Два года тому назадъ, вспомнилъ Николай, она все жаловалась на мужиковъ)—и сталъ прощаться.

— Смотрите-же, Елена Николаевна, не забывайте насъ. Мама безъ васъ скучаетъ. Придете?

— Приду какъ-нибудь.

— Не какъ-нибудь, а поскорѣй приходите. Скоро вѣдь васъ и совсѣмъ рѣдко будешь видѣть.

Леночка проводила Николая до калитки, крѣпко пожала ему руку и долго еще смотрѣла ему вслѣдъ.

Потомъ тихо повернула назадъ и принялась варить варенье.

— Пожалуй... Смирниха окрутить молодца! Ты какъ, Лена, думаешь? замѣтила Марфа Алексѣевна, выходя на терасу. Она жениховъ ищетъ, какъ кошаа мышей...

— Да вы почему знаете?

— Знаю, мать моя. Я все знаю. Миѣ ихняя влючница все говорила. Дѣвки на возрастѣ.

— Охота, вамъ, тетя, всякія снытны слушать. Что Вязниковъ—мальчикъ что-ли?

— Хитры онъ. Старшую-то, какъ выдали... слышала?..

— Не хочу я слушать.

— А ты чего взъѣлась. Ну не хочешь, какъ хочешь! равнодушно отвѣтила Марфа Алексѣевна. Мнѣ что, мнѣ все равно. Женихъ только онъ подходящій. У старика-то деньги припрятаны...

— Вы видѣли?

— Не даромъ опекуномъ былъ десять лѣтъ.

— Тетенька! Я прошу хоть при мнѣ-то гадостей этихъ не говорить. Иванъ Андреевичъ... это такой святой человѣкъ.

Голосъ ея дрожалъ отъ волненія.

— Да что ты въ самомъ дѣлѣ на стѣну лѣзешь? Ишь, какъ расходилась! Ну святой, такъ святой... почему я знаю. Ишь-же хуже! Горячишься, глупая, изъ за пустяковъ. И безъ того жарко. О-о-охъ! Пойти, что ли, полежать передъ обѣдомъ!

Марфа Алексѣевна покачалась въ раздумьѣ и скрылась въ комнату.

— Хороши пустяки! въ волненіи шептала Леночка. — „Не женится онъ ни на одной изъ Смирновыхъ!“ Этого не можетъ быть! подумала она.

Возвращаясь домой, Николай даже усмѣхнулся, припоминая, что сперва онъ возлагалъ такія надежды на Леночку и пробовалъ, было, „разбудить дремавшую мысль“.

Настоящая ея сфера нянчить, работать и ѣсть. И, кажется, ничего другого и не надо ей. А я вообразилъ-было... Прехорошенькая изъ нея будетъ самочка, если только она не распухнетъ совсѣмъ въ диваго человѣка! рѣшилъ Николай.

Ему сначала показалось, что выходъ Леночки замужъ таитъ въ себѣ какую-нибудь драму — онъ очень любилъ драматическія положенія — и все ждалъ, что Леночка отероется своему товарищу. Оказывалось теперь, по его мнѣнію, что никакой драмы нѣтъ. Никто ее не заставляетъ. Понравился барышняѣ дивнй человѣкъ. „Только какъ онъ могъ понравиться?“ — вотъ и все. Николаю сдѣлалось даже обидно, что его труды по развитію Леночки пропали даромъ.

„Не моего она романа!“ повторилъ онъ.

На слѣдующій день отецъ съ сыномъ собрались къ Смирновымъ. Давно уже слѣдовало отдать имъ визитъ, но Вязниковъ день за день откладывалъ, поджидая пріѣзда Николая. Старику хотѣлось похвастать передъ Смирновыми сыномъ. Марья Степановна на-отрѣзъ отказалась ѣхать. Во-первыхъ, не когда и во-вторыхъ, что она будетъ тамъ дѣлать? Она вообще не любила выѣзжать и показываться въ люди, хотя и рада была принимать у себя. „Ужъ поѣзжайте вы одни, да извинитесь за меня, домохозяйству!“

Въ двѣнадцатомъ часу коляска, запряженная тройкой неважныхъ лошадей, уже стояла у крыльца и старый, сухощавый Фома — онъ-же и садовникъ — молодцовато сидѣлъ на козлахъ, облекшись въ старенькій лѣтній армякъ, сидѣвшій, впрочемъ, на Фомѣ довольно неуклюже.

Николай только-что окончилъ туалетъ и вышелъ въ гостиную въ сопровожденіи Васи, который старательно смахивалъ щеткой пылинки съ новой пары брата и, казалось, принималъ большое участіе въ этомъ дѣлѣ, хотя и говорилъ раньше, что нѣтъ ничего любопытнаго у „этихъ трещетокъ“.

Въ новой щегольской парѣ, въ бѣлоснѣжной рубашкѣ, приодѣтый и прифранченный Николай былъ совсѣмъ изящнымъ молодымъ человѣкомъ, который ни въ какомъ обществѣ не ударитъ въ грязь.

Отецъ дожидался сына. Онъ тоже пріодѣлся — расчесалъ свою красивую бороду, пригладилъ сѣдые кудри и натягивалъ перчатки. Любо было глядѣть на отца и сына.

— Смотри, Коля, не сведи ты съума Смирновыхъ? шути проговорила Марья Степановна, восхищаясь своимъ красавцемъ.

— Не беспокойтесь, мама, не сведу и самъ не сойду!

— Хвались, хвались! Барышни очень хорошенькія и не глупыя. Особенно старшая... вдовушка... Ну, та... Богъ съ ней!..

— Сороки! невозмутимо вставилъ Вася, подавая отцу шляпу, которую только-что заботливо вычистилъ.

Невольно всѣ разсмѣялись, глядя на долговязаго юношу.

По мягкой дорогѣ, чуть-чуть подпрыгивая, плавно катилась коляска къ усадьбѣ Смирновыхъ. Надо было ѣхать верстъ съ двадцать. Въ разговорахъ Вязниковы и не замѣтили, какъ прошло время и какъ припекало ихъ солнце. Изъ-за пригорка по-

казался огромный тѣнистый садъ и верхушка церкви. Затѣмъ открылись рядъ хозяйственныхъ построекъ и самая усадьба, — большой старинный помѣщичій каменный двухъ-этажный домъ съ возвышавшимся по срединѣ куполомъ, на которомъ развѣвался флагъ.

— Старинное дворянское гнѣздо!.. Такъ и вѣтъ отъ него стариной! Постройки-то какія! промолвилъ Николай.

— Богатъ былъ отецъ покойнаго Смирнова. Первѣйшій богачъ былъ у насъ, но все промоталъ. Удивительно, какъ еще эти хоромы уцѣлѣли въ общемъ крушеніи. Я помню старика, онъ пріятель батюшки былъ. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

— Самодуръ?

— Людей травилъ собаками, а потомъ награждалъ ихъ поцарски. У него однѣхъ собакъ было сотни три. Пиръ задавалъ какіе!..

— Теперь, я думаю, имѣніе запущено?

— Совершенно. Заложено въ банкѣ и не даетъ никакого дохода или пустяки. Впрочемъ Надежда Петровна думаетъ поправить его. Посмотримъ, что будетъ, какъ поправить...

— Она богата?

— Едва-ли; кажется, пенсія одна послѣ мужа, а впрочемъ не знаю. Живетъ хорошо — увидишь!

Когда коляска приблизилась къ усадьбѣ, то мерзость запустѣнія обнаружилась во всей наготѣ своей. Постройки оказались развалившимися безъ стеколъ и глядѣли мрачно.

Громадный барскій домъ еще былъ въ нѣкоторомъ порядкѣ, но верхнія окна были заколочены наглухо досками. Черезъ широкія ворота, высокой каменной, мѣстами совсѣмъ развалившейся ограды, обнесенной вокругъ всей усадьбы („тоже своего рода „великая стѣна“ подумалъ Николай“), коляска въѣхала на полу-круглый большой лугъ и по окоимленной вѣтками алеѣ, съ шумомъ подкатила къ громадному подъѣзду, который стерегли два большихъ льва съ отломанными носами.

Изъ дверей вышелъ молодой лакей совсѣмъ петербургскаго фасона и на вопросъ: „дома“? отвѣчалъ, утвердительно пропуская гостей въ огромную переднюю съ петербургской выправкой:

— Дома-съ, пожалуйте!

Затѣмъ онъ снялъ съ нихъ пальто и побѣжалъ доложить о гостяхъ.

Вязниковы медленно проходили большую высокую залу, отдѣланную подъ мраморъ — „мраморъ“ совсѣмъ пожелтѣлъ и многочисленныя трещины извивались по немъ извилистыми линиями — украшенную каріатидами, съ расписаннымъ потолокомъ, но отъ старости и пыли фрески представлялись мрачными пятнами съ какими-то фантастическими фигурами вмѣсто амуровъ. Вѣтхіе, съ истертой позолотой и обтрепанной полинялой штофной матеріей, стулья да роаль, стоявшій въ углу, составляли все убранство залы. Отъ этой комнаты вѣяло пустыней и отдавало сыростью.

Николай чуть было не упалъ, попавши ногой въ глубокую дыру на старомъ дубовомъ паркетѣ.

— Эка старина! Хоть бы дыры зачинили! проговорилъ Николай.

— А я, Коля, когда-то здѣсь отплясывалъ! улыбнулся Иванъ Андреевичъ. Тогда дыръ не было!—Это малая зала, а наверху большая есть съ театромъ. У покойнаго старика была трупна крѣпостныхъ артистовъ... Теперь тамъ, вѣрно, крысы поселились. Верхъ заколоченъ! прибавилъ старикъ.

Гостиная, куда вступили изъ залы Вязниковы, представляла совершенную противоположность. Точно они, переступивши порогъ, перенеслись изъ добраго стараго времени въ новое. На нихъ такъ и пахнуло современной жизнью и обстановкой. Они были въ уютной, видимо, жилой, гостиной, напоминавшей петербургскія дачныя гостиныя средней руки, съ свѣтлыми кретоновыми портьерами, занавѣсами, мягкой, новѣйшаго фасона, свѣжей мебелью, обитой тою-же матеріей, съ цвѣтами на растворенныхъ окнахъ, трельяжемъ, нѣсколькими недурными пейзажами по стѣнамъ, облеоннымъ свѣтлыми обоями, съ альбомами, випсеками и книгами въ красивыхъ переплетахъ, разбросанными на столахъ, стоящихъ передъ диванами и диванчиками.

Едва Вязниковы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ противъ нихъ заколыхалась портьера и изъ-за нея торопливо вышла пожилая женщина, одѣтая очень хорошо и по модѣ, и, протягивая обѣ свои длинныя съ красивыми ногтями костлявыя руки, на пальцахъ которыхъ болтались кольца, произнесла привѣтливымъ голосомъ, улыбаясь всѣмъ своимъ лицомъ:

— Какъ я рада васъ видѣть, дорогой и уважаемый Иванъ Андреевичъ! Какъ рада!

Она съ чувствомъ пожала Ивану Андреевичу руки и продолжала:

— Нечего вамъ и представлять вашего сына. Я и такъ бы узнала.

Она протянула Николаю руку, — „Какая костлявая!“ подумалъ онъ, — и замѣтила:

— Я съ вами знакома, Николай Ивановичъ, по вашей прекрасной статьѣ. Еще недавно мы о ней говорили съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Вы, конечно, знаете Присухина? Онъ теперь гоститъ у насъ. Ваша статья намъ всеѣмъ очень понравилась. Мы даже удивились, какъ она прошла. Мы такъ привыкли къ затрудненьямъ, — пожала она плечами и горько усмѣхнулась. — Садитесь, пожалуйста, Иванъ Андреевичъ, сюда на диванъ. Какъ здоровье Марьи Степановны? Она такая домохозяйка — ваша Марья Степановна.

ГЛАВА VII.

Николай разглядывалъ въ это время хозяйку.

Это была высокая, худощавая женщина, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ продолговатымъ лицомъ, острыми носомъ, тонкими губами и пронзительнымъ, умнымъ взглядомъ маленькихъ черныхъ глазъ, которые почти не останавливались на мѣстѣ. Она сразу производила впечатлѣніе умной, бойкой, характерной женщины, знающей толкъ въ людяхъ и умѣющей обойтись съ ними. „Тертая баба!“ подумалъ про нее Николай. — „И вовсе не такъ проста, какъ хочеть казаться!“

Кто въ Петербургѣ не видалъ или не слышалъ о Надеждѣ Петровнѣ, пользовавшейся репутаціей умной и либеральной женщины?! На благотворительныхъ спектакляхъ, на лекціяхъ, на литературныхъ вечерахъ она бывала непрѣмной распорядительницей, показывалась то тамъ, то здѣсь, кого-нибудь устроивающая, о чемъ-нибудь суеятаяся, пожимающая руку то тому, то другому, всегда привѣтливая и любезная. Кажется, нѣтъ ни одного благотворительнаго общества, въ которомъ она не была бы членомъ,

а въ двухъ она состоитъ предсѣдательницей. И вездѣ она поспѣвала, вездѣ пользовалась репутаціей практичной женщины, умѣющей все устроить, все уладить. Она поощряла женскіе высшіе курсы, она съ дочерьми всегда что-нибудь да устраивала; однимъ словомъ, какъ она говорила, всякій „либеральный починъ“ находилъ въ ней горячую поклонницу. Она имѣла большой кругъ знакомства и преимущественно въ интеллигентной средѣ. По четвергамъ у нея собиралось самое интеллигентное общество: профессора, извѣстные адвокаты, извѣстные прокуроры, извѣстные предсѣдатели, извѣстные литераторы; неизвѣстныхъ у нея не было, а если и встрѣчались, то они непременно готовились быть извѣстными. Этотъ молодой человекъ писалъ какое-нибудь изслѣдованіе, другой—собирался предпринять ученое путешествіе въ гобійскую степь, третій—„изучалъ“ специально тюремный вопросъ, четвертый—творенія Шекспира и т. п. Что она была женщина безспорно умная, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія, но какимъ образомъ она сдѣлалась либеральной дамой и почему она именно сдѣлалась либеральной, а не консервативной—этотъ вопросъ задавали себѣ многіе, знавшіе Надежду Петровну еще въ тѣ времена, когда она женскихъ курсовъ не поощряла, съ извѣстными людьми не была знакома, а состоя въ званіи молодой губернаторши, отличалась совсѣмъ противоположными качествами и, какъ говорятъ злые языки, держала бразды правленія такъ туго, что кушцы и чиновники только вздыхали, особенно передъ праздниками.

Дочь незначительнаго губернскаго чиновника, тогда красивая, стройная дѣвушка, съ прекрасными бѣлокурыми волосами и зоркими черными глазками, Надежда Петровна съумѣла составить очень блестящую для нея партію и женила на себѣ—именно женила!—пожилаго уже господина Смирнова, пріѣхавшаго изъ Петербурга по дѣламъ въ С. и влюбившагося въ молодую дѣвушку. Правда, онъ-было колебался сдѣлать предложеніе, но Надежда Петровна сама вывела его изъ колебанія, такъ-что Смирновъ и не успѣлъ одуматься, какъ уже сдѣлался женихомъ и вслѣдъ затѣмъ счастливымъ и покорнымъ супругомъ молодой жены. Она не только прибрала въ руки самого Смирнова, но благоразумно прибрала въ руки и остатки его состоянія, умѣрила широкую натуру мужа—онъ въ этомъ отношеніи походилъ на отца—заставила его воспользоваться связями и серьезно заняться службой—

до этого Смирновъ гдѣ-то числился и билъ баклуши. Супружество ихъ было очень счастливо и обильно дѣтьми. Молодая женщина выказала блистательныя способности и какъ администраторъ и какъ финансистъ. Она сберегла отъ продажи „Васильевку“, управляла губерніей съ достоинствомъ и умомъ и продолжала заботиться о благополучіи семейства съ упорствомъ и энергіей характерной женщины. Когда подоспѣла крестьянская реформа, Надежда Петровна была нѣсколько изумлена и числилась въ числѣ недовольныхъ. Тѣмъ временемъ мужа назначили сенаторомъ и Смирновы переехали въ Петербургъ. Жили они скромно, дочери были въ институтахъ. Не смотря на хлопоты Надежды Петровны, сенаторъ никакого высшаго назначенія не получилъ и въ шестидесятихъ годахъ умеръ, оставивъ на рукахъ вдовы двухъ сыновей; одного офицера, другаго прокурора, и трехъ подроставшихъ барышень, а состояніе хоть и порядочное, но далеко не обезпечивающее семью. Вотъ въ это-то самое время Надежда Петровна и сдѣлалась либеральной дамой. Съ свойственной ей проныцательностью она поняла, что времена переимѣнились, что со смертью мужа связи ея съ аристократическими родными ея мужа должны были прекратиться, что она не въ состояніи была тянуться за ними, не могла играть никакой роли въ этомъ обществѣ и едва-ли пристроить своихъ дочерей. Мало-по малу отстала она отъ этого общества, завязала знакомство въ другихъ кружкахъ и, благодаря природному уму и бойкости, скоро приобрѣла репутацію умной и либеральной женщины, дотого, что въ Петербургѣ всѣ знали Надежду Петровну. Она очень хорошо пристроила старшую дочь, выдавъ ее замужъ за очень богатаго стараго сенатора, онъ тоже не могъ придти въ себя, какъ уже былъ объявленъ женихомъ, но другихъ дочерей пристроить было труднѣй... Извѣстные адвокаты и прокуроры, посѣщавшіе гостиную Надежды Петровны, очень хорошо знали, что приданое у дочерей небольшое и предложеній не дѣлали. Надежда Петровна вѣдила на воды, но и тамъ женихи не давались, и бѣдная мать нерѣдко приходила въ отчаяніе, глядя на своихъ дочерей, неумѣвшихъ устроить своей жизни съ такимъ-же умомъ, какъ сама она и старшая ея дочь.

Состояніе между тѣмъ разстроилось, благодаря старшему сыну. Онъ надѣлалъ долговъ и надо было заложить итѣніе. Оста-

валась пенсія да кое-какіе доходы съ имѣнія. И вотъ Надежда Петровна вмѣсто водъ пріѣхала въ Васильевку, пригласивъ къ себѣ погостить нѣсколькихъ извѣстныхъ холостыхъ, обычныхъ посѣтителей ея гостиной.

— Въ деревнѣ такъ хорошо освѣжиться послѣ Петербурга! говорила она, не безъ основанія разсчитывая, что деревенскій просторъ дастъ и большій просторъ чувствамъ.

— Вы пробудете здѣсь все лѣто, Николай Ивановичъ? обратилась Надежда Петровна, успѣвъ въ свою очередь внимательно оглядѣть молодого человѣка и, повидимому, очень довольная осмотрѣть.

— Все лѣто.

— И отлично. Я разсчитываю на васъ. Вы вѣрно не откажете намъ помочь въ добромъ дѣлѣ... устроить здѣсь на рациональныхъ началахъ школу. Мы все принимаемъ участіе и я надѣюсь...

Николай поклонился.

— Нашъ бѣдный народъ совсѣмъ, совсѣмъ лишень свѣта. Надо всемъ намъ дѣлать, что можно, какъ это ни трудно. Ахъ, Иванъ Андреевичъ, обратилась она къ Вязникову, — каково-то вамъ? Я слышала, какъ вы боретесь въ земскихъ собраніяхъ? Намъ всемъ надо сплотиться. Къ сожалѣнію мы страдаемъ разъединенностью, вотъ почему мы все такъ мало успѣваемъ.

Надежда Петровна уже нѣсколько разъ безпокойно поглядывала на двери и Николай замѣтилъ на лицѣ ея промелькнувшую непріятную улыбку. Впрочемъ, лицо ея тотчасъ-же просвѣтлѣло, когда въ гостинную вошла молодая барышня въ кисейномъ платьѣ, недурная собой, съ неглупымъ, выразительнымъ лицомъ.

Гости встали. Николай тотчасъ-же былъ представленъ.

— Вторая моя дочь Ольга. Николай Ивановичъ Вязниковъ, авторъ той статьи... помнишь?

Ольга сказала, что очень хорошо помнить и что статья ей понравилась. Она пожала руки отцу и сыну и присѣла рядомъ съ Николаемъ. У нихъ завязался разговоръ. Ольга показала Николаю очень неглупой и наметавшейся дѣвушкой, но при этомъ

ему бросилось въ глаза, что она уже черезчуръ часто цитируетъ названія разныхъ авторовъ.

Оказалось, что она теперь изучала Спенсера и осенью готовилась въ близкомъ кружкѣ прочесть рефератъ. Она говорила объ этомъ, впрочемъ, просто, нисколько не рисуясь: „Почему она именно изучаетъ Спенсера?“, подумалъ Николай и хотѣлъ-было спросить, но ничего не спросилъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вошли еще двѣ барышни въ сопровожденіи маленькаго, худощаваго, съ козлиной бородой, рыженькаго господина съ серьезнымъ лицомъ, выступавшаго тоже серьезно и солидно. Онъ что-то объяснилъ двумъ барышнямъ, которые, казалось, его слушали очень внимательно.

Николай опять всталъ и поклонился. „Сколько здѣсь барышень! подумалъ онъ. — Неужто-жъ одна изъ нихъ та самая красавица, о которой говорила Леночка?“

Одна изъ вошедшихъ — брюнетка съ короткими, подвитыми волосами, падавшими локонами на плечи — очень походила на Ольгу, только была повыше ростомъ. Такая же недуренькая, брюнетка барышня, съ неглупымъ симпатичнымъ личикомъ, хорошими манерами, бѣлыми сверкающими зубами и привѣтливымъ взглядомъ. Другая — блондинка, очевидно, была совсѣмъ иной породы. Бѣлокурая, миловидная, пышная, съ румянцемъ на гѣзкой кожѣ лица, съ большими голубыми, красивыми, но глуповатыми глазами, она сразу напомнила Николаю богобоязненныхъ, солидныхъ, застѣчивыхъ барышень изъ приличныхъ семействъ русскихъ нѣмцевъ.

Брюнетка, какъ Николай рѣшилъ про себя, едва только увидалъ ее, была младшая дочь Смирновой — Евгенія, а блондинка — Анна Штейнъ, пріятельница барышень Смирновыхъ, пріѣхавшая изъ Петербурга погостить въ деревнѣ. „Отецъ ея извѣстный, честнѣйшій и знающій финансистъ“ — вставила Надежда Петровна, удливъ минутой.

Что-же касается рыжеватаго молодого человѣка, то и онъ оказался извѣстнымъ молодымъ ученымъ г. Горлицынымъ, химикомъ, собирающимся вскорѣ занять профессорскую кафедру.

Господинъ Горлицынъ молча обмѣнялся рукопожатіями съ Вязниковыми и отошелъ тоу-же солидной, степенной походной къ барышнямъ продолжать прерванную бесѣду. Онъ говорилъ ти-

хо, не спѣша, докторальнымъ тономъ, напоминающимъ тонъ заматорѣлаго учителя, и обѣ барышни слушали его съ большимъ вниманіемъ. Вскорѣ, однако, Евгенія подошла къ Николаю, а г. Горлицынъ съ Анной Штейнъ продолжалъ свою бесѣду уже въ залѣ, откуда доносился тихій авторитетный голосъ молодого ученаго.

„Гдѣ-жь, однако, настоящая красавица, старшая дочь!“ думалъ про себя Николай, которому, признаться, нѣсколько надобло уже бесѣдовать съ барышнями, — Надежда Петровна въ это время заговаривала старика, — хотя одна и изучала Спенсера, а другая, какъ оказалось, занималась съ г. Горлицыннымъ химіей и находила, что это очень интересно и любопытно.

„На какого чорта этой нужна химія, а другой нуженъ Ласкаль? При чемъ тутъ химія?“ вертѣлось въ головѣ Николая. Однако, онъ долженъ былъ признать, что и Евгенія, какъ и Ольга, была неглупая барышня, хотя и пожалѣлъ, что отъ занятій химіей у нея были запачканы тонкія, аристократическія ручки. Вообще обѣ сестры показались ему не особенно интересными и занимательными, хотя обѣ онѣ и выказали себя съ очень хорошей стороны. Обѣ были дѣвушки съ самыми либеральными взглядами, обѣ не безъ презрѣнія относились къ военнымъ и предпочитали интеллигентныхъ людей, обѣ, время отъ времени, слушали лекціи, хотя и пожалѣли, что съ раннихъ лѣтъ не получили систематическаго образованія, обѣ слѣдили за литературой, любили и жалѣли „бѣдную учащуюся молодежь“ (въ домѣ у нихъ, однакожь, „учащаяся молодежь“ не бывала.) Обѣ могли, если-бы понадобилось, толково объяснить несовершенство земскихъ учрежденій и обѣ были знакомы съ Тургеневымъ, Достоевскимъ и многими другими, менѣе извѣстными, писателями.

А все-же Николаю съ ними было скучно. Ему приходилось раньше встрѣчаться съ такой же разновидностью. Онъ вспомнилъ, что встрѣчалъ въ петербургскихъ кружкахъ, въ небогатыхъ, но плодовитыхъ дворянскихъ семействахъ, такіе же экземпляры либеральныхъ барышень, которыя, въ ожиданіи замужества, бросались, разумѣется безъ всякой подготовки, не только на химію или на изученіе тюремнаго вопроса, но даже на высшую математику и отъ скуки ѣздили слушать сельско-хозяйственныя лекціи и потомъ, когда благополучный бракъ увѣнчивалъ ихъ стремленія, прекращая тревогу сердца, они благоразумно откладывали, конечно,

химію въ сторону и дѣлались добрыми супругами, главнымъ образомъ интересующимися производительностью благовѣрныхъ супруговъ въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ. „Химія“ тогда оставалась пріятнымъ воспоминаніемъ дѣвической жизни и служила иногда развѣ подспорьемъ для оживленія какого-нибудь скучнаго журъ-фикса.

Николай посмотрѣлъ на отца и скрылъ улыбку. По унылому, осовѣвшему лицу онъ замѣтилъ, что хозяйка совсѣмъ завладѣла старикомъ. Иванъ Андреевичъ посмотрѣлъ на часы, переглянулся съ сыномъ и хотѣлъ — было подниматься, какъ въ гостиную вошла молодая женщина съ ярко-золотистыми рыжими волосами, пріостановилась, слегка прищуривая глаза съ выраженіемъ не то скуки, не то недоумѣнія, и приблизилась къ обществу.

Николай взглянулъ на нее и какъ бы замеръ отъ удивленія.

Что то ослѣпительно свѣжее, бѣлое, красивое и изящное освѣтило внезапно комнату.

„Красавица!“ шепнулъ онъ, поднимаясь съ кресла и низко кланяясь рыжеволосой молодой дѣвушкѣ, которая привѣтливо здоровалась съ Вязниковымъ отцомъ.

ГЛАВА VIII.

Надежда Петровна назвала Николая и проговорила:

„Старшая моя дочь Нина!“

Молодой человѣкъ еще разъ поклонился, пожимая протянутую ему руку и — спасибо молодому ученому, который подсѣлъ въ это время къ барышнямъ — могъ свободно любоваться Ниной, присѣвшей около отца прямо противъ Николая.

Стройная, высокая, статная, съ роскошно развитыми формами, она была въ свѣтломъ барежевомъ платьѣ съ широкими рукавами, изъ-подъ которыхъ блестѣли — именно блестѣли — ослѣпительной бѣлизны, словно изъ мрамора выточенные, обнаженные руки съ изящными кистями. Также ослѣпительно бѣло было и ея античное художественныхъ очертаній лицо съ нѣжнымъ розоватымъ оттѣнкомъ просачивающейся крови и нѣжными голубыми жилками. Изъ-подъ высокаго молочнаго лба глядѣли черные бархатистые глаза, чуть-чуть улыбаясь какой-то неопредѣленной улыбкой. Такая-же

улыбка скользила и по тонкимъ яркимъ губамъ, скользила незаметно, придавая физиономіи слегка насмѣшливое выраженіе.

Отъ всей этой ослѣпительной фигуры вѣяло спокойнымъ изяществомъ и какой-то силой красоты...

Нина Сергѣевна нѣсколько минутъ проговорила съ Иваномъ Андреевичемъ, вскинула раза два глаза на Николая, поднялась съ кресла и подошла къ сестрамъ, которыя затѣвали уже споръ съ Горлицынымъ.

— Опять умные разговоры ведете? произнесла она, чуть-чуть сквашивая губы и улыбаясь насмѣшливо глазами.

— Ахъ, не жѣшай Нина.

— Какъ вамъ не надоѣсть, господа? — Игнатій Захаровичъ, я не прошу васъ о сестрахъ, но пожалуйте хоть Нюту... Вы бѣдняжку совсѣмъ замучаете... право...

Горлицынъ серьезно взглянулъ на молодую женщину. Обѣ сестры взглянули на Николая, какъ-бы прося извиненія, что у нихъ такая старшая сестра.

— Я сегодня слышала, какъ вы вразумляли ее на-счетъ души... Это ужасно. Пощадите ее хоть до четверговъ зимой... Бѣдная Нюточка теперь сидитъ за книгой и старается изучить, что такое душа... Вѣдь теперь каникулы?..

Молодой ученый начиналъ видимо злиться, а Нина Сергѣевна, видимо, потѣшалась надъ нимъ отъ скуки. Онъ, впрочемъ, старался скрыть свое раздраженіе подъ спокойнымъ тономъ, и медленно проговорилъ:

— Напрасно вы беспокоитесь за Анну Карловну. Для кого какъ... Что для одного скучно, то...

— Это въ мой огородъ? Такъ вѣдь напрасно!.. засмѣялась она, открывая рядъ прекрасныхъ жемчужныхъ зубовъ. Вы хорошо знаете, кажется, что я отстадая. Это вѣдь давно рѣшено и подписано! прибавила она, значительно усмѣхаясь.

— Ты, Нина, вѣчно съ твоими насмѣшками! замѣтила Ольга.

— Они вотъ всѣ не допускаютъ меня въ свою компанію! весело заговорила Нина, обращаясь къ Николаю, и говорить, что я не умѣю вести умныхъ разговоровъ. — Хотите попробуемъ?

— Попробуемъ.

— Впрочемъ, что-же я?.. Вы тоже вѣрно извѣстный литераторъ или адвокатъ или... словомъ ученый человѣкъ?

— Я просто покажѣтъ празднотающійся человѣкъ! отвѣчалъ онъ.

— Николай Ивановичъ написалъ недавно превосходную статью! проговорила одна изъ сестеръ.

— Слышала, но не читала и—извините—не прочту. Значить и вы мнѣ не пара? комично усмѣхнулась она.— Я ничѣмъ не занимаюсь, ничего не изучаю, развѣ только людей! прибавила она, присаживаясь около Николая. По совѣсти предупреждаю васъ!— Давно вы пріѣхали?

— Съ недѣлю.

— И не умерли еще съ тоски?

— Нѣтъ! разсмѣялся Николай.

— А я такъ готова умереть. Гулять да гулять это надо-вѣсть.

Она вскинула на него глаза, обдавая его свѣтомъ, и проговорила:

— Вы до осени?

— До осени.

— Умѣете ѣздить верхомъ?

— Умѣю.

— И прекрасно. Мы будемъ ѣздить съ вами, а то мнѣ не съ кѣмъ!

Она проговорила эти слова тѣмъ капризно-увѣреннымъ тономъ, какъ-будто и не сомнѣвалась въ отказъ молодого человѣка.

— Да вѣдь я живу за двадцать верстъ?..

— Пріѣзжайте чаще къ намъ. Вы знаете Присухина?

— Слышала.

— Будете за обѣдомъ спорить съ нимъ, а вечеромъ будемъ кататься или играть въ карты.

Въ это время Надежда Петровна кашлянула, Нина Сергѣевна незамѣтно взглянула на мать, усмѣхнулась и проговорила:

— А, впрочемъ, какъ хотите. Я и одна люблю ѣздить.— Ну, mesdames, кончили? обратилась она къ сестрамъ.— Пора и вупаться идти.

Она поднялась съ мѣста.

Иванъ Андреевичъ подошелъ къ сыну и спросилъ: не пора-ли ѣхать домой?

— Поѣдемъ! отвѣчалъ Николай.

— Какъ уже и ѣхать? Что вы, Иванъ Андреевичъ? Развѣ вы не пообѣдаете съ нами?

Старикъ извинился, что не можетъ.

— Ну, такъ хоть Николая Ивановича не увозите... Дайте намъ поближе познакомиться съ молодымъ человѣкомъ. Знаете-ли что, оставьте его погостить у насъ нѣсколько дней. Онъ познакомится съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ. Быть можетъ, и не соскучится. Оставайтесь-ка, Николай Ивановичъ. У насъ, какъ видите, здѣсь всеиъ полная свобода. Что хотите, то и дѣлайте.

Николай колебался.

— Оставайтесь! промолвила Нина. — Онъ остается мама! прибавила она.

Николай тотчасъ-же согласился.

Отецъ обѣщалъ ему прислать платье и бѣлье.

— Ты долго пробудешь?.. спрашивалъ онъ у сына, который вышелъ его проводить.

— Нѣтъ дня два, три не болѣе.

— Какъ знаешь! промолвилъ старикъ, пожимаая руку сына и, потомъ тихо шепнулъ: — ты будь, Коля, осторожнѣй съ Ниной Сергѣевной. Она... она. Впрочемъ, ты самъ поймешь, что это за женщина. Прощай, мой мальчикъ!

„Какая она особа?.. Что хотѣлъ сказать отецъ?“ недоумѣвалъ Николай, возвращаясь въ гостиную.

ГЛАВА IX.

Только въ обѣду — у Смирновыхъ обѣдали по городскому, въ пять часовъ, собираясь по звонку — въ столовую вошелъ, нѣсколько переваливаясь и потрясая брюшкомъ, скромно склонивъ чуть-чуть на бокъ голову, средняго роста, лѣтъ за сорокъ, блондинъ, круглый, гладкій и выхолонный, съ мягкимъ бѣлымъ расплывчатымъ, широкимъ лицомъ, сіяющей лысиной и небольшими глазами, ровно глядѣвшими изъ-подъ широкаго черепа. Все въ немъ дышало необыкновеннымъ благообразіемъ, начиная съ лысины и кончая окладистой свѣтло-русой бородой, отъ которой несло благоуханіемъ и пухлыми архіерейскими руками. Въ немъ было что то елеиное, мягкое, располагающее.

Это былъ извѣстный адвокатъ, нажившій большое состояніе, Алексѣй Алексѣвичъ Присухинъ.

Только что онъ вошелъ въ столовую, какъ тотчасъ-же всѣ — исключая Нины — обратились къ Алексѣю Алексѣвичу съ вопросами: хорошо-ли онъ работалъ и не мѣшалъ-ли ему шумъ? Въ почтительности, съ которой всѣ обращались къ нему, легко было увидать, что Присухинъ пользуется у Смирновыхъ большимъ почетомъ и особеннымъ авторитетомъ.

Онъ успокоилъ всѣхъ своей мягкой улыбкой, прежде чѣмъ объяснилъ, что занятія его шли успѣшно и что ничто ему не мѣшало, и взглянулъ на новаго гостя.

— Ахъ, что-же я!.. подхватила Надежда Петровна.

Съ этими словами она взяла молодого человѣка подъ руку и, подводя Николая къ Алексѣю Алексѣвичу, проговорила:

— Николай Ивановичъ Вязниковъ.

Смирнова и не назвала Присухина, полагая, вѣроятно, что не можетъ быть человѣка, который-бы не зналъ его.

— Очень пріятно познакомиться! промолвилъ Присухинъ, пріветливо пожимая молодому человѣку руку.

— Это, Алексѣй Алексѣвичъ, авторъ той статьи, которая...

— Я съ удовольствіемъ читалъ вашу статью, Николай Ивановичъ... Очень пріятно познакомиться!.. повторилъ Присухинъ, поводя глазами на столикъ, гдѣ стояла закуска.

Уже всѣ сѣли за столъ, какъ въ столовую вошло еще новое лицо — господинъ лѣтъ тридцати, высокаго роста, не важно одѣтый, некрасивый, съ большой черной бородой. Онъ слегка поклонился всѣмъ и молча сѣлъ за столъ. Никто не обратилъ на него вниманія, да, казалось, и онъ ни кого не удостоилъ имъ. Николай взглянулъ на черноволосаго господина — его поразило необыкновенно энергичное выраженіе его скулистаго, загорѣлаго лица и недоумѣвалъ, кто могъ быть этотъ господинъ, съ тонкимъ характернымъ и умнымъ лицомъ, въ потертомъ пиджакѣ, сидѣвшій за столомъ среди элегантнаго общества?

„Развѣ учитель? Но, кажется, подростокъ нѣтъ у Смирновыхъ. Бѣдный родственникъ? Этого не можетъ быть. Онъ ни одной черточкой не напоминаетъ бѣднаго родственника?“

Николай внимательно посмотрѣлъ опять на таинственнаго незнакомца и, лицо его показалось ему, какъ будто знакомымъ.

Онъ припоминалъ, что гдѣ-то и при особенныхъ обстоятельствахъ онъ встрѣчалъ эти лица... Онъ вспомнилъ, что это было въ первый годъ его студенчества. Человѣкъ, похожій на этого господина, говорилъ громовую рѣчь, поразившую всѣхъ. Такая-же энергичная физиономія, то-же скуластое лицо.

„Но это невозможно!“ Николай зналъ дальнѣйшую судьбу того господина. Онъ не могъ быть здѣсь.

И черноволосый господинъ мелькомъ взглянулъ на Николая, словно спрашивая: „это еще что за гусь?“ и равнодушно опустилъ глаза на тарелку.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ божокъ? тихо спрашивала Нина, наклоняясь къ Николаю, въ то время, какъ Присухинъ началъ что-то рассказывать и всѣ обратили взоры на него, ловя каждое его слово.

— Онъ очень умный человѣкъ.

— Умный-то умный, только какой-то...

— Какой?

— Да слово смѣшное — иисусистый.

Николай разсмѣялся.

— Это, впрочемъ, не мое слово...

— А ивткое.

Онъ взглянулъ на Присухина. Дѣйствительно, въ немъ было что-то такое, вполне оправдывавшее названіе иисусистаго.

— А кто этотъ черноволосый господинъ, что молча сидитъ? спросилъ въ свою очередь Николай.

— Новый управляющій на заводѣ.

— Имя его?

— Прокофьевъ.

„Я ошибся!“ мелькнуло въ головѣ Николая. „А удивительное сходство!“

— Вѣроятно, студентъ?

— Не знаю. Знаю только, что мама имъ очень довольна.

Онъ васъ интересуетъ?

— Очень. Характерное лицо.

— Да, что-то есть. Только дичится насъ. Мы его оставляемъ въ покоѣ. — Что-же мы, впрочемъ, — Алексѣй Алексѣевичъ разнапаетъ перлы, а мы одни не подбираемъ ихъ!

— Не одни! тихо промолвилъ Николай, окидывая глазами общество. — Посмотрите на Прокофьева.

„Дѣло“, № 2, 1880 г.

— Съ этого не спросится.

— Отчего?.. Онъ не достаточно извѣстенъ?

— Не то. Онъ ужь у насъ такой. Гдѣ ему?—Однако, вниманіе! Вамъ тоже полезнѣй внимать умнымъ рѣчамъ, чѣмъ слушать вздоръ глупой женщины. Вѣдь правда? обронила она, чуть слышно, взглядывая на Николая улыбающимся, загадочнымъ. быстрымъ взоромъ...

Не дожидаясь отвѣта, Нина Сергѣевна повернула голову, слегка вытягивая лебядиную свою шею и стала слушать. Николай взглянулъ на нее и удивлялся, какъ она быстро умѣла мѣнять выраженія. Теперь глаза ея ужь не смѣялись и были устремлены прямо въ лицо Алексѣя Алексѣевича. Взглядъ Присухина скользнулъ по молодой женщинѣ. Николаю показалось, что онъ засіялъ довольной улыбкой.

А рѣчь Алексѣя Алексѣевича текла тихо и плавно, словно журчаніе ручья. Что-то ласкающее слухъ, успокоивающее нервы было въ мягкомъ, нѣжномъ, пріятномъ голосѣ. Онъ говорилъ, по временамъ закрывая глаза, говорилъ замѣчательно хорошо, съ манерой недюжиннаго оратора. Всѣ сидѣли, какъ очарованные, вперивъ взгляды на Алексѣя Алексѣевича, словно боясь проронить одно слово, одинъ звукъ, точно слушая диковинную райскую птицу. Надежда Петровна замерла отъ удовольствія, улыбаясь счастливой улыбкой, изрѣдка поглядывая вокругъ, словно-бы спрашивая; „каково?“ Все въ столовой будто замерло. Даже лакей, влетѣвшій было съ блюдомъ, остановился сзади Надежды Петровны, выжидая паузы, когда можно будетъ обнести разноцвѣтное мороженое, возвышавшееся среди блюда красивымъ обелискомъ.

Николай сталъ слушать.

— Невозможно, неестественно говорю я — продолжалъ между тѣмъ Алексѣй Алексѣевичъ—идти противъ исторіи. Для людей, нечуждыхъ ей, эти явленія объясняются просто и натурально, такъ-же натурально, какъ просто и натурально объясняются физическіе законы. Негодуйте, сердитесь, волнуйтесь, а факты остаются фактами, народъ, масса не только въ бѣдномъ нашемъ отечествѣ, но даже въ болѣе цивилизованныхъ странахъ, похожа на стадо барановъ, бессмысленное стихійное стадо, неимѣющее ни за собой, ни передъ собой ничего. Не отъ него ждать спасенія, не онъ скажетъ слово — онъ никогда ничего не говорилъ, а только — отъ людей цивилизаціи, людей науки, отъ высшихъ организацій. И вотъ почему мнѣ

такъ прискорбно, что у насъ вдругъ заговорили о народѣ, появились какіе-то народники въ литературѣ, въ обществѣ, среди молодежи. Убогаго диваря они хотятъ намъ представить свѣточемъ истины. Это вредное и прискорбное заблужденіе, невѣжественный сентиментализмъ. Исторія двигалась не народомъ — онъ одинаково терпѣлъ и Ивана Грознаго и Робеспьера, а высшими личностями. Сила въ интеллигенціи, а не въ народѣ. Мы одни дѣйствительно являемся нерѣдко страдальцами, а не народъ. Стоитъ посмотреть на этихъ ступѣлыхъ киргизъ-кайсаковъ.

По счастью Алексѣй Алексѣевичъ остановился на секунду и Надежда Петровна, замѣтившая, что мороженое начинаетъ таять, моргнула лакею и онъ сталъ обносить блюдо. Присухинъ взялъ изрядную порцію и продолжалъ на ту-же тему. Николай слушалъ, слушалъ и начиналъ злиться. Безсердечной, сухой и безжалостной показалась ему теорія, проповѣдуемая Присухиннымъ. По его словамъ, выходило какъ-будто такъ, что высшимъ организаціямъ предоставляется право жить разносторонней жизнью, а доля низшихъ — вѣчное ярмо. Онъ почувствовалъ какую-то ненависть къ оратору. Ему припомнились эти киргизъ-кайсаки, среди которыхъ онъ провелъ дѣтство. Въ головѣ его мелькнули теплыми, мягкимъ воспоминаніемъ няня, ветхій мужикъ Парфенъ Афанасьевичъ, поваръ Петръ, Фома... Его обуяло желаніе оборвать Присухина. Что-то влокотало въ его груди. Онъ чувствовалъ — именно чувствовалъ — какую-то фальшь въ словахъ иносистаго.

— Позвольте, однако! воскликнулъ онъ, вдругъ загораясь весь. — Позвольте.

Всѣ посмотрѣли на Николая съ такимъ-же выраженіемъ, съ какимъ смотрятъ на мальчика, рѣшающагося вступить въ споръ съ взрослымъ человекомъ. „И ты милый рѣшаешься?“ казалось, говорили всѣ эти взгляды.

Николай почувствовалъ эти взгляды и это его возбудило еще больше.

А Присухинъ поднялъ на молодого человека свои тихо сіяющіе глаза и, какъ-бы снисходительно поощрялъ молодого человека. „Ничего, ничего попробуй. Послушаемъ, что ты-то скажешь!“

Этотъ взглядъ заставилъ его вспыхнуть до ушей. „Скотина!“ подумалъ Николай. „Подожди!“

— Такъ по вашему-съ выходитъ, что народъ, благодаря второму мы могли получить образованіе, киргизъ-кайсаки, а мы —

соль земли. Для насъ все, а для нихъ ничего. Такъ-съ? вызывающимъ тономъ продолжалъ Николай.

— По-моему-съ ничего не выходитъ; есть научныя положенія, изъ которыхъ слѣдуютъ извѣстные выводы.

— Сами-же вы сейчасъ объясняли, что исторія движется высшими организаціями, а если это такъ, хотя я думаю, что не такъ, то неужели высшія организаціи, соль земли, могутъ спокойно смотрѣть, какъ низшія организаціи остаются во тьмѣ нищеты и невѣжества... Извините меня, эта теорія... безнравственна...

— Теорія не можетъ быть ни нравственной, ни безнравственной. Она можетъ быть научной или ненаучной... Когда...

Но Николай не слушалъ и продолжалъ, не замѣчая, какъ тонко-насмѣшливо улыбаются глаза Алексѣя Алексѣевича.

— Или высшимъ организаціямъ нѣтъ никакого дѣла до этого и они могутъ равнодушно жить съ киргизъ-кайсаками, пользуясь сами всѣми дарами цивилизаціи. Въ такомъ случаѣ, во имя чего-же они двигаютъ исторію... Во имя личныхъ цѣлей?.. Все для себя, а киргизъ-кайсаки, какъ знаютъ?..

— Исторія не знаетъ-съ цѣлей. Она управляется законами.

— Законами хищничества однихъ, индифферентизма другихъ и безсердечія третьихъ. Мы съ вами-съ будемъ наслаждаться, желать свободы, а для большинства—прозбанія. Это-съ не такъ, и исторія, сколько я понимаю, не совсѣмъ шла такъ. Были люди, есть они и будутъ, для которыхъ страданія массъ было единственнымъ двигателемъ ихъ дѣятельности. Они были только выразителями этихъ-же массъ.

Николай продолжалъ развивать свою аргументацію, но онъ не столько развивалъ, сколько увлекался и горячился. Въ словахъ его звучало чувство и отсутствовала доказательность.

Алексѣю Алексѣевичу не стоило большого труда сбить съ позиціи своего молодого противника. Своимъ тихимъ, ровнымъ голосомъ онъ полегоньку, съ видомъ пренебрежительной снисходительности разбивалъ его. Николай чувствовалъ, что правда на его сторонѣ, чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ, что въ доводахъ Присухина, повидимому, основательныхъ, скрывается высокомѣрный эгоизмъ, но видѣлъ, что ему не совладать съ мастерскою діалектикою противника, съ солидностью его эрудиціи. Онъ не могъ не замѣтить, что Присухинъ играетъ съ нимъ, какъ старый опытный

боець. На одно его доказательство, на одну его цитату онъ приводилъ нѣсколько другихъ, причеъ упоминалъ такія сочиненія, о которыхъ Николай и не слыхивалъ.

Но Вязниковъ нападалъ еще съ большею запальчивостью на Присухина и подь конецъ сталъ такъ горячо спорить, что Присухимъ проговорилъ:

— Э, да вы, Николай Ивановичъ, какъ посмотрю, горяченькій въ спорахъ. Впрочемъ, глядя на васъ, я вспоминаю свою молодость... Когда я былъ юнъ, я также былъ горячъ; но уходили коня крутыя горы.

О своей горячности Алексѣй Алексѣевичъ упомянулъ, какъ кажется, ради извиненія молодому человѣку. Самъ онъ едва-ли когда-нибудь горячился.

— Молодость тутъ не причеъ. Есть и молодые, которые проповѣдуютъ ту-же доктрину, хотя и не такъ послѣдовательно. Она крайне удобная... заставляетъ мириться со всѣмъ, глядѣтъ на правыхъ и виновныхъ хладнокровно и главное не стѣсняется.

— Что дѣлать-съ. Наука—не прокуроръ судебной палаты!.. Вы давно изволили кончить курсъ? прибавилъ Алексѣй Алексѣевичъ.

— Въ настоящемъ году! рѣзко отвѣчалъ Николай.

— Въ настоящемъ... По какому факультету?

— По юридическому...

— Значить, мой collega. Къ намъ въ присяжные повѣренные?..

— Еще не знаю-съ.

— Конечно, къ намъ. Когда-нибудь сразимся, значить, и въ судѣ... Съ такимъ противникомъ пріятно спорить, и мы еще, надѣясь, поспоримъ, а теперь... я боюсь, не надоѣли-ли мы дамамъ! прибавилъ Присухинъ, и заговорилъ съ одной изъ барышень.

Николай умолкъ, нѣсколько сконфуженный. „Скотина!“ подумалъ онъ. Ему было обидно и досадно, что онъ не только не оборвалъ этого „исусистаго“, но еще оборвался самъ.

— Однако, и вы любите умные разговоры разговаривать, какъ погляжу! замѣтила Нина.—А я, думала...

Николай еще находился подь вліяніемъ спора и не слышалъ, что говорила ему сосѣдка.

— Я думала... Да, вы, кажется, не слушаете меня?

Николай взглянулъ на молодую женщину. Она такъ весело улыбалась, столько жизни было въ ея глазахъ, такъ ослѣпительно хороша была она, что и самъ онъ улыбнулся и радостно сказалъ:

— Что-же вы думали?

— Что вы не занимаетесь глупостями.

— А чѣмъ-же?

— А просто... просто пользуетесь жизнью! тихо прибавила она, подымаясь.

ГЛАВА VIII.

Николай незамѣтно сошелъ съ терасы въ садъ, возобновляя въ памяти своей споръ съ Присухиннымъ и досадуя, что не сказалъ ему всего, что теперь такъ стройно и логично пронеслось въ его головѣ. Онъ тихо подвигался въ глубь густой алеи.

— И охота вамъ было связываться! произнесъ подъ самымъ ухомъ съ боку чей-то голосъ.

Николай повернулъ голову. На скамейкѣ подъ развѣсистымъ кленомъ сидѣлъ Прокофьевъ.

Вязниковъ подошелъ къ нему и отрекомендовался.

— Я васъ нѣсколько знаю. Отъ Лаврентьева слышалъ и вашу статейку читалъ! произнесъ Прокофьевъ, протягивая руку.— Среди всякой нынѣшней мерзости... Статейка ничего себѣ.

— Ваше лицо мнѣ тоже показалось знакомымъ. Вы не знали студента Мирзоева?

— Нѣтъ.

— Большое сходство.

— Мало-ли схожихъ людей. Моя фамилія Прокофьевъ... Федоръ Степановъ Прокофьевъ.

— Такъ не зачѣмъ было связываться? спросилъ Николай, присаживаясь около.

— Убѣдить что-ли намѣревались эту культурную каналью?

— Да ужъ черезчуръ возмутительно.

— Ого! Изволите еще возмущаться рѣчами Присухина. Въ какой Аркадіи жили?

— Въ Петербургской.

— Такъ-съ... И возмущаетесь еще?

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Вѣдь у него и наука-то вся такая-же іесусистая, какъ онъ самъ. Они съ ней—одного поля ягоды. Она у нихъ повадливая, карманная,—на всѣ руки...

— Какъ повадливая?

— Очень просто. Какіе угодно фокусы они съ ней продѣлываютъ. Вы курсовъ не проходили развѣ? Только онъ васъ, что называется, въ доскъ положилъ...

— Однако.

— Однако не однако, а затравилъ и по дѣломъ!

Николай былъ нѣсколько озадченъ и строго взглянулъ на Прокофьева, но онъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

— И вправду, по дѣломъ! Впередъ не суйтесь. Коли соваться, такъ ужъ надо самому во всей амуниціи—иначе только ихъ же жалкими словами тѣшить. По миѣ это будто чищеннымъ сапогомъ въ грязь ступать. Онъ вамъ и Миля, и Маркса перевернулъ, а вы внимали, а онъ-то хихикалъ въ душѣ...

— Такъ что-же вы не вступились, коли сами вы въ полной амуниціи, какъ вы говорите? замѣтилъ иронически, задѣтый за живое Николай.

— Эту канитель давно бросилъ, отвѣчалъ Прокофьевъ хладнокровно. Да и къ чему? Развѣ ихъ берутъ слова? Или барышень здѣшнихъ, что ли, тѣшить диспутами?..

— Нельзя-же хладнокровно слушать гадости.

— И потому надо поболтать?—Прокофьевъ помолчалъ и, внимательно взглядывая на Николая, прибавилъ:

— Пожалуй вы и на свою публицистику возлагаете надежды? Кого-нибудь убѣдить полагаете насчетъ курицы въ супѣ, а?

— А развѣ нѣтъ?..

— Вѣрите еще?

— А вы не вѣрите развѣ?

— Я?.. Въ россійскую публицистику? Прокофьевъ взглянулъ на Николая.

— Да вы, въ самомъ дѣлѣ, Николай Ивановичъ, вернулись изъ Аркадія, а не изъ Питера.

— Что-жь въ такомъ случаѣ литература...

— По большей части переливаетъ изъ пустого въ порожнее...
Надо-же что-нибудь писать.

— Вотъ какъ... И, слѣдовательно, заниматься ею?

— То-же занятіе, что мухъ хлопать! Это ново для васъ, что-ли? Поживете, тогда другое запоете, если не привыкните, а, впрочемъ, попробуйте-ка изложить на бумагѣ и напечатать то, о чемъ вы такъ горячо за обѣдомъ говорили. Попробуйте-ка! усмѣхнулся ядовито Прокофьевъ.—А мы прочтемъ-съ..!

— Вы какъ-то безнадежно ужь смотрите.

— Не безнадежно, а не обманываюсь. Нѣтъ, батюшка, вашими писаньями не проймешь... Не намъ съ вами чета — люди пробовали. Не проймешь! добавилъ онъ, съ какою-то глубочайшей ненавистью въ голосъ.

Прокофьевъ умолялъ и попыхивалъ папироской. Николай поглядывалъ на него. Любопытство его было возбуждено. „Кто этотъ человекъ, говорящій такъ рѣшительно, съ такой безнадежностью?“ Онъ уже не сердился на Прокофьева. Этотъ человекъ невольно внушалъ къ себѣ уваженіе. Что-то притягивающее было во всей его фигурѣ, въ его пытливыхъ, темныхъ глазахъ, въ его голосѣ, въ манерахъ.

— Вы здѣсь давно? спросилъ Николай.

— Два мѣсяца, — на заводѣ у Смирновой. Обѣдаю у нихъ два раза въ недѣлю, когда имѣю доклады.

— Какіе доклады?

— Да у бабы этой... Она вѣдь министр... Хотя ничего не понимаетъ, а все ты ей докладывай...

— И докладываете?

— Сколько угодно...

— Вы технологъ?

— Маракую не множеко. — А вы въ первый разъ въ этомъ домѣ?

— Въ первый.

— Семейка любопытная, самаго моднаго фасона...

— Кажется, Смирнова умная женщина?

— Сама-то? — Очень даже умная баба. Линію свою ведетъ правильно. Говорятъ, въ Питерѣ, салонъ держать. И барышни умныя — вѣрно ужь знаете? — одна изучаетъ Спенсера, а другая химію... Только все въ дѣвкахъ! разсмѣялся Прокофьевъ... Приданого нѣтъ, а Присухинъ не клячетъ...

— А Горлицынъ?

— Извѣстный молодой ученый... тоже не клячетъ... до той, до бѣлобрысой добирается... У нея, кажется, припасено добра для супружества... только папенька съ маменькой предпочитаютъ вмѣсто химика... какую-нибудь птицу почище... Но держу пари, химикъ пролѣзетъ, даромъ что глупъ, за то апломба у него много, а впрочемъ, кажется, и предметъ свой знаетъ.

— А эта... красавица, старшая дочь?

— Эта-то?.. Ну эта будетъ повыше сортомъ. По крайней

и вѣрѣ, не пыжится, а просто себѣ живетъ, какъ Богъ на душу положить. Ей бы принцесой какойнибудь — настоящее дѣло. Потѣшается надъ всѣми, а больше всего надъ котомъ этимъ — Присухинымъ, а онъ глаза только жмурить. Берегитесь, а то и васъ зацѣпить... Вы вѣрно охотникъ до амуровъ-то?.. — Такъ-то-съ! Однако, я тутъ съ вами болтаю, а мнѣ къ докладу пора! прибавилъ онъ, взглядывая на часы и поднимаясь. — До свиданія. Заходите когда... на заводъ. Побесѣдуемъ. Можетъ, и матеріалу для статейки наберетесь. Матеріалу довольно... народу много!

— Непремѣнно, проговорилъ нѣсколько обиженный за „амуры“ Николай,

— Да, вотъ еще что... Вы когда откуда?..

— Послѣ завтра.

— Такъ скажите брату, чтобы къ Лаврентьеву въ четвергъ заходилъ.

— Вы развѣ Васю знаете?

— Видѣлъ разъ. Хорошій парень вашъ братъ!..

Прокофьевъ ушелъ, а Николай, оставался сидѣть на скамьѣ. „Удивительное сходство съ тѣмъ!..“ подумалъ онъ, глядя вслѣдъ за удалявшимся Прокофьевымъ... „Непремѣнно пойду къ нему!..“

Когда Николай вернулся въ комнаты, всѣ барышни сидѣли въ гостиной вокругъ стола и слушали Горлицына. Николай оставался на порогѣ, оглядывая все общество. Присухина и Нина не было.

А тихій, нѣсколько гнусливый голосъ молодого ученаго отчетливо въ это время читалъ:

„Между поклоненіемъ идоламъ и поклоненіемъ фетишамъ не существуетъ ни малѣйшаго сколько-нибудь рѣзкаго скачка. Въ Африкѣ видимымъ фетишемъ часто служитъ челоуѣкообразная фигура; иногда же эта фигура менѣе похожа на челоуѣка и всего болѣе похожа на воронье пугало“.

„И не только въ Африкѣ, а въ Васильевкѣ тоже!“ мелькнуло въ головѣ Николая, при видѣ барышень, съ нѣмымъ восторгомъ внимающихъ объясненіямъ и коментаріямъ Горлицына.

Онъ вышелъ снова въ садъ. Не хотѣлось ему слушать чтеніе. Вечеръ былъ превосходный, къ тому же онъ рассчитывалъ встрѣтить Нину Сергѣевну.

Николай обошелъ садъ и не встрѣтилъ никого. Ужь онъ хотѣлъ было возвратиться, какъ изъ бесѣдки, обвитой плющомъ, стоявшей въ концѣ сада, раздались голоса... Онъ пошелъ на голоса.

Вдругъ оттуда раздался звонкій, веселый, заразительный хохоть. — Николай обрадовался, узнавъ голосъ Нины — и вслѣдъ затѣмъ насмѣшливыя слова:

— Полноте... полноте, Алексѣй Алексѣевичъ. Это вовсе вамъ не къ лицу.

— Вы по обыкновенію смѣтаетесь, Нина Сергѣевна. Неужели вы не знаете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ.

— Я думаю... отдохнуть...

— Вы знаете... я...

Голосъ Присухина совсѣмъ понизился.

— Вы?... Да развѣ вы можете любить?

И звонкій раскатъ смѣха снова раздался по саду.

Николай повернулъ назадъ, но въ это время изъ бесѣдки вышла Нина, а вслѣдъ за ней и Присухинъ.

— Николай Ивановичъ! воскликнула Нина, — гдѣ это вы пропадали? Я васъ искала! — Пойдемте-ка гулять, сказала она, подходя къ молодому человѣку. А вы, Алексѣй Алексѣевичъ, вѣрно заниматься пойдете? насмѣшливо произнесла молодая женщина.

— Заниматься!.. проговорилъ Присухинъ, удаляясь.

Николай обрадовался, что хоть въ любви бывший его противникъ потерпѣлъ сильное пораженіе и имѣлъ видъ ошпареннаго кипяткомъ kota.

— Гдѣ это вы были все время?

— Съ Прокофьевымъ бесѣдовалъ.

— Онъ васъ удостоилъ... Онъ вамъ понравился?

— Какъ, вамъ сказать... Я совсѣмъ его не знаю.

— Но первое впечатлѣніе?

— Хорошее.

— Я вѣрю въ первое впечатлѣніе. Вы, напримѣръ, произвели первое впечатлѣніе хорошее. И я думаю, что мы будемъ съ вами друзьями... Какъ вы думаете?

Они весело болтали, какъ два школьника и, когда вернулись къ чаю, то Николай былъ совсѣмъ очарованъ Ниной Сергѣевной.

Е. Станюковичъ.

(Продолженіе будетъ.)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГНИЛЫЕ КОРНИ.

(Недавнее.—Въ ожиданіи лучшаго.—Первая борьба.—Баритонъ. — В. Крестовскаго (псевдонимъ).

I.

Авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ уланскаго писака В. Крестовскаго и ничего общаго съ нимъ неимѣющей, давно уже подвизается въ области россійской белетристики, — и подвизается если не съ блестящимъ, то во всякомъ случаѣ всегда съ одинаковымъ, ровнымъ успѣхомъ. О немъ говорятъ мало, почти даже ничего не говорятъ, — но и публика, и журналистика, — притомъ журналистика самыхъ противоположнымъ направленій, — относятся къ нему весьма благосклонно и доброжелательно. Не вызывая ни въ комъ ни особенныхъ восторговъ, — ни злобы и негодованія, не возбуждая своими произведеніями никакого шума и бурь, онъ какъ-то всѣмъ нравится, всѣмъ приходится по душѣ. О талантѣ его не спорить; его не восхваляютъ и не порицаютъ, но какъ-то безмолвно признаютъ. Въ этомъ отношеніи В. Крестовскій занимаетъ, въ средѣ современныхъ белетристовъ, совершенно особенное и если не черезчуръ завидное, то весьма спокойное и прочное положеніе. Публика всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ любитъ читать его романы, — журналы тоже всѣхъ сортовъ и оттѣнковъ съ удовольствіемъ печатаютъ ихъ на своихъ страницахъ; критика одобрительно киваетъ имъ головой; однимъ словомъ, мнѣ кажется, у Крестовскаго-псевдонима, ни въ литературѣ, ни среди читателей нѣтъ ни враговъ и завистниковъ, ни восторженныхъ почитателей и льстивыхъ

хвалителей; но за то у него много искренне симпатизирующих ему друзей. Ему симпатизируют не какъ выдающемуся таланту или полезному литературно-общественному дѣятелю, а просто какъ «хорошему человѣку, съ которымъ пріятно провести время». Вамъ, вѣроятно, читатель, не разъ приходилось встрѣчаться съ такими хорошими людьми, съ которыми пріятно побесѣдовать, что называется, отвести душу? И не правда-ли, въ обществѣ этихъ людей вы почти всегда испытывали какое-то хотя и не совсѣмъ ясное, но пріятное чувство умиротворенія и облегченія. Не то, чтобы они особенно возвышали вашу душу, расширяли горизонтъ вашей мысли, сладостно волновали ваше сердце — нѣтъ: обыкновенный «хорошій человѣкъ» тѣмъ-то именно и хорошъ, что онъ никакихъ чрезвычайныхъ пертурбацій въ вашей духовной жизни не производитъ, да и производить не способенъ; такъ-какъ онъ, въ большинствѣ случаевъ, ни уменъ и не глупъ, ни ангелъ и ни демонъ, и ничего ни изъ ряду вонъ великаго, ни изъ ряду вонъ гнуснаго не творитъ и творить не помышляетъ. Эта посредственность, но посредственность честная, прямая, искренняя, соприкасаясь съ которою, вамъ не зовѣмъ прятать камня за пазухой; она не станетъ завидовать вашей радости и радоваться нашему горю; она не предастъ васъ «лобзаніемъ Іуды», она не нападетъ на васъ врасплохъ, не подставитъ вамъ «ножки» и никогда не посягнетъ ни на ваше «святая-святыхъ» души, ни на ваше движимое и недвижимое имущество, ни на вашу жену и дочь, ни на вашъ носовой платокъ. Вы чувствуете себя съ нею вполне спокойнымъ и безопаснымъ, вы отдыхаете въ ея обществѣ. Вотъ почему всѣмъ намъ, взаимно и непрерывно поѣдающимъ другъ-друга, всѣмъ намъ подневольнымъ, каторжнымъ актерамъ той раздирательной мелодрамы, которая называется «борьбою за существованіе»,—всѣмъ намъ очень пріятно встрѣчаться съ хорошими людьми, вотъ почему мы невольно имъ симпатизируемъ и любимъ ихъ. Миѣ кажется, что Крестовскій-псевдонимъ играетъ въ салонахъ нашей белетристики роль именно такого хорошаго человѣка,—человѣка, который, хотя звѣздъ съ неба не хватаетъ, но за то не хитритъ съ вами и не фальшивитъ, «говоритъ прямо и отъ сердца», просто и безъискусственно, не отуманивая васъ хитросплетенными софизмами, не стараясь предумышленно обѣлить черное и очернить бѣлое. Не производи Крестовскій впечатлѣнія хорошаго человѣка, онъ по всей вѣроятности не завоевалъ-бы себѣ въ литературѣ хотя и скромное, но все-таки довольно прочное и видное мѣсто, которое занимаетъ теперь, и его произведенія не возбуждали-бы ни въ читательскомъ, ни въ журнальномъ мірѣ того интереса и

той симпатіи, которую теперь онъ, повидимому, возбуждаютъ. Я знаю, что такое мое мнѣніе, или, лучше сказать, такое мое объясненіе не блестящаго, но постояннаго успѣха произведеній г. Крестовскаго должно показаться крайне нелѣпнымъ, произвольнымъ и анти-критическимъ всѣмъ господамъ присяжнымъ эстетикамъ и всѣмъ «солиднымъ критикамъ», оплакивающимъ паденіе современной эстетической критики. Мало того, они увидятъ въ этомъ моемъ объясненіи нѣкоторое оправданіе для своихъ слезъ и воздыханій. Въ такомъ дѣлѣ, это-ли не паденіе критики, это-ли не распадъ эстетики? Объяснить успѣхъ (хотя-бы и скромный) какого-бы то ни было беллетристическаго произведенія тѣмъ только, что авторъ производитъ впечатлѣніе хорошаго человѣка, развѣ это не значитъ—рѣшительно ничего не смыслить въ эстетикѣ, и дерзкимъ образомъ издѣваться надъ элементарнѣйшими правилами и приемами литературной критики? Если писатель нравится, если произведенія его читаются не безъ интереса и охотно печатаются на страницахъ любого журнала, то, значитъ, у него есть нѣкоторый художественный талантъ, значитъ, его романы отличаются какими-нибудь эстетическими достоинствами. Дѣло серьезной и солидной критики опредѣлять степень и размѣры этого таланта, выяснить, взвѣсить и проанализировать эти достоинства. Такова прямая задача критики и она не можетъ уклоняться отъ разрѣшенія ея—подъ страхомъ потерять репутацію серьезной и солидной. А между тѣмъ, какъ-же вы-то поступаете? вмѣсто того, чтобы попытаться (хотя и неудачно) оцѣнить, выяснить, взвѣсить и проанализировать эстетическія прелести произведеній романиста, по вашимъ-же словамъ, симпатичнаго для публики, вы голословно объясняете эту симпатію послѣдней къ первому, такъ, ни на чемъ неоснованномъ соображеніи, что будто г. Крестовскій производитъ на читателей впечатлѣніе «хорошаго человѣка». Помилуйте, какая-же это критика! Да это отрицаніе всякой критики! «Нѣтъ, вы прежде выясните, взвѣсьте, и уже потомъ итоги подводите».

Ну, что-же—въ угоду эстетикамъ, плачущимся о паденіи современной критики, я пожалуй и готовъ былъ-бы «выяснить и взвѣшивать», да только, право, рѣшительно нечего, или лучше сказать, у меня рѣшительно не имѣется подъ руками такого эстетическаго аршина, который годился-бы для измѣренія художественнаго таланта г. Крестовскаго и эстетическихъ прелестей его произведеній. Я знаю: эстетическихъ аршиновъ много, и притомъ всякаго сорта; но какой-бы изъ нихъ вы ни взяли, ни одинъ не окажется пригоднымъ для оцѣнки таланта автора «Недавняго», «Большой Медвѣдицы», Альбома», «Баритона» и т. п.

И знаете почему? Мѣря общезвѣстными и общепотребительными эстетическими аршинами этотъ талантъ, вы волей-неволей логически должны будете придти къ тому заключенію, что этотъ талантъ не особенно крупнаго калибра или, говоря точнѣе, онъ равняется микроскопической величинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуйте-ка примѣнить къ критическому анализу произведеній г. Крестовскаго-псевдонима самыя элементарныя требованія какой угодно эстетической школы — классической, романтической, натуралистической или реалистической, — и вы сейчасъ-же убѣдитесь, что онѣ не удовлетворяютъ ни одному изъ нихъ. Вы не найдете въ нихъ ни классической простоты, разсчитанной правильности и систематичности въ постановкѣ, развитіи драмы и въ обрисовкѣ характеровъ, ни романтической идеализаціи, ни натуралистическаго протоколизма, ни реалистическаго обобщенія дѣйствительности. Ихъ невозможно приурочить ни къ одной изъ этихъ школъ. Критикъ-романтикъ, критикъ-классикъ, критикъ-натуралистъ, критикъ-реалистъ признаютъ ихъ въ одинаковой степени, несоотвѣтствующими требованіямъ ихъ школьных эстетическихъ теорій. Мало того, даже критикъ-эстетикъ, сплетающій свои эстетическія воззрѣнія изъ обрывковъ романтическихъ, натуралистическихъ и иныхъ теорій, даже и онъ затруднится выдать одобрителный аттестатъ художественному творчеству г. Крестовскаго. При всемъ своемъ добромъ желаніи и при всемъ своемъ стараніи, онъ не отыщетъ въ нихъ ничего такого, что, по общепринятому мнѣнію, должно составлять художественное достоинство белетристическаго произведенія; ничего такого, что — опять-таки съ точки зрѣнія общепринятыхъ теорій — должно возбуждать въ насъ чувство эстетическаго удовольствія. По теоріи однихъ эстетиковъ художественное воспроизведеніе дѣйствительности должно возбуждать въ насъ чувство эстетическаго удовольствія лишь въ томъ случаѣ, когда эта дѣйствительность воспроизводится въ ея наиболѣе общихъ, типическихъ чертахъ; по теоріи другихъ, напротивъ, эстетическое удовольствіе доставляетъ намъ лишь такое воспроизведеніе дѣйствительности, которое представляетъ намъ ее во всей ея грубой непосредственности, во всей ея детальной конкретности, во всей ея будничной, мелочной обыденности. Но ни того, ни другого воспроизведенія дѣйствительности вы не найдете въ романахъ г. Крестовскаго. Читайте и перечитайте всѣ ихъ отъ начала до конца, и вы не встрѣтите ни одного типическаго характера, ни одного широкаго обобщенія. Отъ перваго и до послѣдняго въ нихъ, въ качествѣ героевъ, фигурируютъ или самыя заурядныя люди, или-же, въ крайнемъ случаѣ, когда требуется отгнѣнить заурядность заурядныхъ людей, искусственно, на живую руку слѣп-

ленные человѣческіе манекены. Образы этихъ героевъ не оставляютъ никакого рѣзкаго слѣда въ вашей памяти, они улетучиваются изъ вашей головы тотчасъ по прочтеніи романа. Вы встрѣчали подобныхъ людей, вамъ знакомы ихъ чувства, ихъ мысли, ихъ выраженія, но какъ въ реальной жизни, такъ и въ романахъ они проходятъ передъ вами, не производя на васъ почти никакого сильнаго впечатлѣнія. Въ нихъ нѣтъ ничего характернаго, выдающагося, ничего такого, что неизгладимо врѣзывается въ нашу память, глубоко западаетъ въ нашу душу. Это «одни изъ многихъ», это частные, единичные случаи—и ничего болѣе. Но, съ другой стороны, эти «частные, единичные случаи, — эти, такъ сказать, индивидуальныя, а не типическія характеры воспроизводятся въ романахъ г. Крестовскаго далеко не съ тою безстрастностью, съ тою холодною и бессмысленною объективностью, съ какою они должны были-бы воспроизводиться по теоріи натуралистической школы. Г. Крестовскій не ограничивается собираніемъ одного сыраго матеріала; онъ его извѣстнымъ образомъ обдѣлываетъ и обчищаетъ, вкладываетъ въ опредѣленные рамки и бросаетъ на него тотъ пли другой свѣтъ. Онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе лишь на тѣхъ свойствахъ воспроизводимаго лица или на тѣхъ особенностяхъ описываемаго случая, которыя имѣютъ какое-нибудь непосредственное отношеніе къ субъективнымъ цѣлямъ и тенденціямъ романа. Свойства-же и особенности, для этихъ цѣлей и тенденцій непригодныя, оставляются имъ въ тѣни или совсѣмъ проходятся молчаніемъ. Такимъ образомъ, если его нельзя упрекнуть или нельзя похвалить за типическое воспроизведеніе дѣйствительности, то точно также нельзя его ни упрекнуть, ни похвалить и за воспроизведеніе дѣйствительности въ ея конкретной непосредственности и единичности.

Наконецъ, съ точки зрѣнія эстетиковъ различныхъ школъ и направленій, эстетическое удовольствіе, возбуждаемое въ насъ белетристическимъ произведеніемъ, обусловливается помимо большей (какъ говорятъ одни) или меньшей (какъ утверждаютъ другіе) типичности воспроизводимой дѣйствительности, разнообразіемъ и широтою творческой фантазіи автора, яркостью, живостью, выдержанностью, продуманностью, пониманіемъ воспроизводимыхъ образовъ и явленій. Удовлетворяють-ли этимъ условіямъ хоть отчасти романы г. Крестовскаго? Я полагаю, что всякій, самый даже снисходительный и благорасположенный къ романисту читатель, не задумавшись, отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Фантазія г. Крестовскаго крайне однообразна и небогата; она никогда не выходитъ за предѣлы обыденнаго и ограниченнаго круга явленій, доступныхъ его наблюдательно-

сти. Даже и въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ она совершенно неспособна создавать какія-нибудь новыя, непосредственнымъ наблюдениемъ обнаруживаемыя комбинаціи. Оттого, даже съ чисто-внѣшней стороны, его романы представляютъ весьма мало интереса и для читателей, любящихъ неожиданности, эффекты, запутанныя завязки и развязки, они должны казаться безцвѣтными и скучными. Ихъ фабула обыкновенна, до крайности проста и несложна; матеріаломъ для нея служатъ самыя заурядныя семейныя и любовныя отношенія; она и начинается, и развивается, и кончается у «домашняго очага»; все ея содержаніе сводится къ изображенію семейно-индивидуальной жизни или, выражаясь точнѣе, къ прозябанію небольшой кучки обезпеченныхъ паразитовъ и празднотцевъ, прозябанію однообразному, монотонному, пошло-скучному, сонливому и безсодержательному, время отъ время прерываемому «тихими бурями» въ стаканѣ воды. Внутренняя, такъ-сказать, психологическая сторона этого прозябанія представляетъ почти такъ-же мало интереса и также мало даетъ пищи фантазіи Крестовскаго, какъ и его внѣшняя, декоративная сторона. Оттого-ли, что такъ уже сложилась жизнь людей, живописуемыхъ романистомъ, или-же, благодаря скудости фантазіи и односторонней наблюдательности самаго романиста, но только внутренней, психической міръ его героевъ выходитъ у него такимъ-же однообразнымъ и несложнымъ, какъ и ихъ жизнь внѣшняя. Въ этомъ однообразномъ и несложномъ мірѣ г. Крестовскій умѣетъ довольно хорошо ориентироваться; но онъ не наблюдаетъ и не воспроизводитъ его во всей его совокупности; главное свое вниманіе онъ сосредоточиваетъ лишь на нѣкоторыхъ его уголкахъ и только эти уголки и обследуетъ и раскапываетъ просто, искренно и обстоятельно. Вслѣдствіе этого его психологическій анализъ, т. е. его пониманіе характеровъ воспроизводимыхъ имъ лицъ отличается нѣкоторою односторонностью, неполнотою и субъективностью,—субъективностью, заставляющею автора нерѣдко совершать самыя непростительныя прегрѣшенія противъ психологической правды. Отсюда само собою понятно, что особенной выдержанности и цѣльности характеровъ отъ него и требовать нельзя. О яркости и блескѣ художественныхъ образовъ—едва-ли и говорить стоитъ. Всякій безпристрастный и даже пристрастный читатель согласится со мною, что чѣмъ другимъ, а уже только этимъ г. Крестовскій не погрѣшилъ ни въ одномъ своемъ романѣ.

Итакъ, вы видите, еслибы я вздумалъ поступать согласно предписаніямъ гг. эстетиковъ, оплакивающихъ современное положеніе отечественной критики, т. е., еслибы я вздумалъ под-

вергать художественныя достоинства романовъ г. Крестовскаго критическому испытанію на пробирномъ камнѣ различныхъ эстетическихъ теорій и кодексовъ, то мнѣ пришлось-бы придти къ выводу, какъ разъ противоположному этому несомнѣнному факту, который я самъ-же установилъ въ началѣ этой статьи. Съ точки зрѣнія эстетическихъ критеріевъ, наиболѣе распространенныхъ и общеизвѣстныхъ, романы г. Крестовскаго оказались-бы весьма слабыми въ художественномъ отношеніи, а потому они и не должны были-бы возбуждать въ читателяхъ никакого эстетическаго удовольствія; иными словами, успѣхъ, которымъ пользуется этотъ романистъ, слѣдовало-бы признать вполне незаслуженнымъ, а симпатіи къ нему какъ публики, такъ и журналистики, неимѣющими никакого разумнаго резона и опирающимися на простое недоразумѣніи. Но, вѣдь, сколько-бы разъ критика съ высоты своего эстетическаго трибунала не лишила г. Крестовскаго правъ на вниманіе симпатіи публики и журналистики, а все-таки отнять у него этихъ правъ она не можетъ, такъ-какъ не она ихъ ему дала, а публика, измѣнять-же симпатіи и вкусы публики она, при всемъ своемъ желаніи, не властна. Она можетъ (всегда, впрочемъ, это и дѣлаетъ) только поддѣлываться подъ нихъ; но такія поддѣлки неизбѣжно должны приводить ее въ безысходное противорѣчіе съ ея собственными теоретическими требованіями, кодексами и теоріями. Поэтому, чтобы не впасть въ самопротиворѣчіе и не ставить себя въ комическое положеніе «гласа вопіющаго въ пустынѣ», самое лучшее подъ чужія эстетическія вкусы и теоріи не поддѣлываться, да и свои вкусы и теоріи не возводить въ санъ высшаго эстетическаго критерія и не дѣлать ихъ ни для кого обязательными. А если эстетическіе вкусы и теоріи господъ-эстетиковъ всѣхъ школъ и направленій ни для кого не обязательны, и должны собственно сохраняться лишь для ихъ личнаго обихода, то не всели равно: и публикѣ, и г. Крестовскому удовлетворяютъ или не удовлетворяютъ произведенія послѣдняго этимъ ихъ вкусамъ и теоріямъ? Полагаю, что рѣшительно все равно, а потому и не вижу надобности тревожить по поводу г. Крестовскаго почтенную, хотя, увы! ни для кого неинтересную эстетику. Богъ съ нею!

II.

И тѣмъ болѣе Богъ съ нею, что она-то именно я не можетъ объяснить намъ, почему романы Крестовскаго читаются

„Дѣло“, № 2, 1880 г.

не безъ удовольствія, почему публика относится къ нему съ большею благосклонностью, почему самъ авторъ занимаетъ хотя и не блестящее, но видное и прочное мѣсто въ пантеонѣ россійской беллетристики? Повидимому, г. Крестовскій имѣетъ всѣ тѣ качества, которыхъ, по мнѣнію строгихъ эстетическихъ доктринъ, истинный художникъ не долженъ-бы имѣть. Но вотъ именно эти-то качества и привлекаютъ къ нему симпатіи читателя. Прежде всего, г. Крестовскій на каждомъ шагу порицаетъ то основное эстетическое правило, которое требуетъ отъ художника вѣрнаго, т. е. по возможности объективнаго воспроизведенія дѣйствительности. Художественный образъ, пѣучаетъ насъ эстетикъ, долженъ говорить самъ за себя: онъ не нуждается въ объясненіяхъ и комментаріяхъ художника; если-же художникъ считаетъ нужнымъ, нарисовавъ собаку, подписывать подъ рисункомъ, «что это собака, а не волкъ» и какое-нибудь другое животное, то, значитъ, изображенная имъ фигура невѣрно воспроизводитъ собачій образъ. Между тѣмъ, г. Крестовскій очень любитъ пускаться въ подобные коментаріи: онъ не ограничивается однимъ лишь воспроизведеніемъ, онъ вступаетъ постоянно въ объясненія: «это собака, и такой-то расы, у ней хорошій нюхъ, она не злая, любитъ хозяина» и т. д., и т. д. Онъ не только никогда не скрываетъ своихъ субъективныхъ взглядовъ на того или другого изъ своихъ героевъ, но онъ даже нерѣдко подгоняетъ, поддѣлываетъ своихъ героевъ подъ эти взгляды. Поэтому иногда герои эти поражаютъ васъ своею неестественностью и неправдоподобіемъ. Возможно-ли, напр., представить себѣ художественный образъ болѣе неестественный, фальшивый, искусственный, дѣланный, чѣмъ образъ, ну хоть героя «Баритона», семинариста Ивановскаго? Возможно-ли представить себѣ воспроизведеніе дѣйствительности въ болѣе ложномъ и невѣрномъ свѣтѣ, чѣмъ воспроизведеніе въ томъ-же самомъ разсказѣ семинарской жизни и семинарскихъ нравовъ? Герои «Альбома» точно также производятъ на васъ впечатлѣніе людей, сочиненныхъ на извѣстную тему: г. Крестовскій употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы освѣтить одну только сторону, характеръ этихъ ренегатовъ, разочарованныхъ и наплевавшихъ на свое прошлое грѣшниковъ и ту именно сторону, которая легче всего можетъ объяснить читателю субъективный взглядъ на нихъ автора. Ихъ изліянія и исповѣди имѣютъ совершенно тажое-же значеніе, какъ и наивная надпись неумѣлаго маляра: «сіе изображаетъ собаку, а не волка». Возьмите и другіе романы г. Крестовскаго, и даже лучшіе изъ нихъ, напр., «Недавнее», и во всѣхъ ихъ вы встрѣчаетесь съ однимъ и тѣмъ-же—анти-художественнымъ (съ точки зрѣнія эстетической

доктрины) способом воспроизведенія характеровъ. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что авторъ или заставляетъ своего героя докладывать вамъ, кто онъ такой и какъ вы должны смотрѣть на него, или онъ самъ (непосредственно или черезъ другихъ дѣйствующихъ лицъ) обязательно разъясняетъ вамъ, что именно человѣкъ сей долженъ собою изображать. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ старается быть по возможности объективнымъ, онъ никакъ не можетъ отказаться отъ проведенія своего субъективнаго взгляда на воспроизводимый характеръ. Напр. въ «Первой борьбѣ», авторъ задается весьма остроумною задачею—представить читателю откровенную исповѣдь пошлаго и глупаго негодяичика, маленькаго червоннаго валетика, вполне убѣжденнаго въ своей честности и порядочности, вполне искренне вѣрующаго въ свое прекраснодушіе, въ чистоту и непорочность своей совѣсти. Исповѣдь ведется отъ лица самаго героя. Конечно, герой долженъ оправдывать всѣ свои пакости и выставлять въ наилучшемъ свѣтѣ всѣ свои мелкія и дрянныя мыслишки и побужденія. И г. Крестовскій дѣлаетъ видъ, будто герой дѣйствительно оправдываетъ себя, но онъ влагаетъ въ его уста такія оправданія, онъ заставляетъ его, безъ всякой надобности, показывать читателю такія стороны своей души и притомъ въ такомъ непривлекательномъ видѣ, что, въ концѣ-концовъ, исповѣдь героя производитъ на васъ впечатлѣніе не защитительной, а обвинительной рѣчи. Объективность, вообще, совершенно несвойственна таланту г. Крестовскаго, и чѣмъ болѣе онъ старается быть объективнымъ, тѣмъ менѣе удается ему обрисовка характеровъ, тѣмъ фальшивѣе и неестественнѣе выходятъ эти характеры. Но за то, когда онъ вполне отдается своему субъективизму, когда онъ вмѣсто того, чтобы воспроизводить характеръ въ его реальной истинности, ограничивается лишь изложеніемъ своихъ отношеній къ этому характеру и оцѣниваетъ его съ точки зрѣнія этихъ отношеній, онъ невольно подкупаетъ ваши симпатіи. Вы чувствуете, что имѣете дѣло съ «хорошимъ человѣкомъ», который не только умѣетъ весьма мѣтко подмѣчать и довольно искусно анализировать нѣкоторыя стороны характеровъ своихъ героевъ но, не стѣсняясь никакими догмами эстетическаго кодекса, не прикрываясь никакимъ щитомъ «объективнаго безпристрастія», откровенно высказываетъ о нихъ свое мнѣніе,—мнѣніе въ большинствѣ случаевъ, если и не особенно глубокомысленное, то всегда искреннее, правдивое, честное, невольно подкупающее въ свою пользу читателя.

Субъективность психологическаго анализа естественно приводитъ нашего автора къ односторонности; односторонность-же

эта выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ, воспроизводи характеры дѣйствующихъ лицъ, заботится не столько о цѣлостности, полнотѣ и обстоятельности воспроизведенія, сколько объ извѣстномъ освѣщеніи ихъ. Онъ освѣщаетъ ихъ тѣмъ свѣтомъ и настолько, какимъ и насколько это нужно какъ для выясненія и оцѣнки извѣстныхъ психическихъ настроеній человека, такъ и для разрѣшенія нѣкоторыхъ нравственныхъ и отчасти общественныхъ вопросовъ. Вслѣдствіе этого дѣйствующія лица играютъ въ его романахъ—роль пѣшекъ и фигуръ въ шахматной игрѣ: они важны и интересны не сами по себѣ, а лишь по тѣмъ комбинаціямъ, въ которыя ихъ ставитъ авторъ, по тѣмъ рѣчамъ, которыя онъ влагаетъ въ ихъ уста, по тѣмъ чувствамъ, которыя онъ заставляетъ ихъ испытывать и т. п. Разумѣется, это не художественно; но за то въ каждомъ произведеніи г. Крестовскаго читатель находитъ нѣкоторую пищу то для ума, то для сердца. Прочти любой изъ его романовъ, читатель не задаетъ себѣ вопроса, который часто ему приходится задавать себѣ по прочтеніи многихъ твореній съ претензіями на художественно-объективное воспроизведенія дѣйствительности: а зачѣмъ и для чего авторъ все это мнѣ рассказывалъ и живописалъ? Красиво-то красиво, и совершенно «съ подлиннымъ» вѣрно, но только для меня-то тутъ нѣтъ ничего ни поучительнаго, ни интереснаго, ни даже достойнаго вниманія. Лучше было-бы и не читать: попусту потерялъ только время, правда, потерялъ его съ нѣкоторымъ эстетическимъ удовольствіемъ, но безъ малѣйшей пользы для ума и сердца. По поводу-же романовъ г. Крестовскаго—этого нельзя сказать. Г. Крестовскій всегда старается (хотя, быть можетъ, его старанія и не всегда увѣнчиваются успѣхомъ) возбудить въ читателѣ какую-нибудь болѣе или менѣе честную и хорошую мысль, расшевелить въ немъ какое-нибудь человѣческое чувство, однимъ словомъ, заинтересовать его не внѣшнею, элегантною формою своихъ «воспроизведеній», а ихъ скрытымъ смысломъ, ихъ внутреннемъ содержаніемъ. И авторъ достигаетъ этого (не всегда, конечно), не при помощи «яркихъ» и живыхъ образовъ, «художественныхъ обобщеній» и т. н. эстетическихъ фокусовъ, а просто при помощи, или лучше сказать, благодаря своей искренности, правдивости и, если можно такъ сказать, своей анти-художественной экспансивности, своему рѣшительному неумѣнью относиться къ воспроизводимой имъ дѣйствительности съ объективнымъ безпристрастіемъ и олимпийскимъ спокойствіемъ «художника-протоколита» или жреца чистаго искусства для искусства.

Вообще, съ точки зрѣнія не только строгаго, но даже и сни-

сходительнаго эстетика, произведенія г. Крестовскаго должны быть признаны въ чисто-художественномъ отношеніи довольно слабыми и неудовлетворительными. Ихъ авторъ далеко не подходитъ подъ то представленіе о художникѣ, которое создали себѣ различныя эстетическія теоріи. Да, онъ не художникъ,— не художникъ-фотографъ, не художникъ-поэтъ, не художникъ, обобщающій явленія реальной дѣйствительности въ яркихъ, живыхъ, конкретныхъ образахъ, проникающій въ сокровенныя тайники человѣческой души, волнующій и потрясающій наши сердца, вносящій новыя идеи въ нашъ умственный обиходъ, не художникъ-реалистъ, не художникъ-идеалистъ, не художникъ-сатирикъ,—нѣтъ, онъ простой, заурядный, хорошій человѣкъ, одаренный наблюдательнымъ умомъ и весьма хорошо знакомый съ нѣкоторыми, хотя и не особенно важными, но все-таки довольно интересными уголками человѣческой и преимущественно женской души. Женская душа, въ ея интимныхъ семейно-домашнихъ проявленіяхъ, это, можно сказать, его спеціальность. Поэтому, по всей вѣроятности, у г. Крестовскаго гораздо больше читательницъ, чѣмъ читателей. Свою опытность по части анализа женской души онъ, обыкновенно, сплошь и рядомъ примѣняетъ и къ анализу мужской души. Вслѣдствіе этого послѣдній выходитъ у него довольно одностороннимъ, и, если можно такъ выразиться, женственнымъ, т. е. онъ вращается главнымъ образомъ около такихъ свойствъ и проявленій мужской души, которыя всего легче, всего искуснѣе подмѣчаются преимущественно женщинами. Такъ-какъ эти «свойства и проявленія» относятся, въ большинствѣ случаевъ, почти всегда къ области семейно-домашней—и да не оскорбится слухъ читательницы—къ области животнo-половой жизни мужчины, то само собою понятно, что почти всѣ дѣйствующія лица мужскаго пола во всѣхъ романахъ г. Крестовскаго разсматриваются авторомъ исключительно съ точки зрѣнія ихъ индивидуально-семейно-половыхъ отношеній. Они фигурируютъ въ нихъ въ роли любовниковъ, мужей, отцовъ, сыновей... и только. Въ послѣднихъ своихъ разсказахъ (Альбомъ) авторъ пытается, правда, представить намъ какіе-то туманные очерки покаявшихся «идеалистовъ», во дни юности увлекавшихся общественными идеалами, и въ зрѣлый возрастъ облекшихся въ прокурорскіе и иные мундиры, но очерки эти отличаются крайнею отрывочностью, скудостью психологическаго анализа и черезчуръ поверхностною наблюдательностью. Они гораздо больше говорятъ о субъективномъ настроеніи авторской души, чѣмъ о душѣ воспроизводимыхъ имъ героевъ. Потому ихъ не слѣдуетъ брать и въ расчетъ.

Нечего и говорить, что если въ романахъ г. Крестовскаго, мужчины фигурируютъ преимущественно лишь въ качествѣ и—опять да извинять меня читательницы за грубое выраженіе—домашнихъ животныхъ, то и женщинамъ приходится тоже фигурировать только въ этомъ-же амплуа, въ амплуа самокъ, женъ, матерей, любовницъ и т. п. Вслѣдствіе этого всѣ романы г. Крестовскаго исключительно вращаются въ сферѣ однихъ лишь индивидуально-семейныхъ отношеній. Индивидуально-семейная жизнь—вотъ та почва, которую онъ неумоимо эксплуатируетъ и отъ которой ни на минуту не отрывается его творческая фантазія. Правда, иногда онъ вводитъ въ свои творческія построенія и нѣкоторые эпизодики и картинки изъ жизни общественной, но эти эпизодики и картинки не имѣютъ никакого существеннаго значенія и играютъ въ этихъ построеніяхъ роль простыхъ украшеній, приплетенныхъ кое-какъ, на живую руку.

Отсюда, повидимому, можно было-бы вывести такое заключеніе, что романы и рассказы г. Крестовскаго, живописующіе исключительно сферу индивидуально-семейныхъ отношеній и чувствъ, не могутъ представлять никакого серьезнаго общественнаго интереса, а потому, съ точки зрѣнія литературной критики, ставящей на первый планъ анализъ и изученіе явленій общественной жизни, они не должны имѣть большаго значенія и едва ли даже заслуживаютъ ея вниманія. Но мнѣ кажется, что заключеніе это не совсѣмъ вѣрно. Индивидуально-семейная жизнь, индивидуально-семейная нравственность слагается подъ постояннымъ давленіемъ и вліяніемъ коренныхъ условій общественнаго быта. И какъ-бы оно ни старалось замкнуться само въ себя, какими-бы китайскими стѣнами оно себя не отгораживало отъ «общественныхъ вліяній», эти «вліянія» со всѣхъ сторонъ осаждаютъ и насильно вторгаются въ ея «святая святыхъ», ломаютъ, передѣлываютъ и перестраиваютъ ее по своему капризу, то освѣжаютъ и очищаютъ, то дѣлаютъ еще болѣе удушливою, тяжелою и замкнутою спертую атмосферу, создаютъ для нея новыя условія, возбуждаютъ новые запросы, поднимаютъ въ ней цѣлыя бури и ураганы, однимъ словомъ, хозяйничаютъ въ ней самымъ деспотическимъ и безцеремоннымъ образомъ. Съ другой стороны и индивидуально-семейная жизнь налагаетъ на нихъ свою печать, опредѣляетъ собою ихъ характеръ. Подъ ея непосредственнымъ давленіемъ, подъ вліяніемъ созданныхъ ею условій и выработанныхъ ею нравственныхъ воззрѣній и идеаловъ вырастаютъ, развиваются и закаляются будущіе общественные дѣятели, будущіе пассивные и активные факторы той сложной машины, которая называется общественною жизнью. Характеръ

и направленіе послѣдней, безспорно, зависитъ отъ характера и направленія первыхъ,—характера и направленія слагающихся, какъ я сказалъ, подъ ближайшимъ и непосредственнымъ вліяніемъ семейныхъ отношеній. Вотъ почему, если изслѣдованія явленій общественной жизни проливаютъ яркій свѣтъ на жизнь индивидуально-семейную, то, съ другой стороны, и матеріалы для изученія послѣдней должны имѣть несомнѣнно важное значеніе для пониманія и знанія первой. Свойства, привычки и понятія, которыя выработались въ людяхъ подъ давленіемъ ихъ семейной обстановки, ихъ домашнихъ отношеній, останутся при нихъ и тогда, когда они переступятъ порогъ своего дома и выступятъ на арену общественной дѣятельности.

Въ виду этихъ, довольно, впрочемъ, банальныхъ и общезвѣстныхъ соображеній, мнѣ кажется, что произведенія г. Крестовскаго хотя и касаются исключительно индивидуально-семейныхъ отношеній, хотя въ нихъ постоянно и неуклонно поется одна и та-же старая пѣсенка «про любовь» и «ея послѣдствія», тѣмъ не менѣе они не чужды нѣкотораго общественнаго значенія, а потому и представляютъ нѣкоторый интересъ для литературной критики,— и этотъ интересъ въ особенности возбуждается и увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть романовъ г. Крестовскаго (и, между прочимъ, всѣ цитированные въ началѣ этой статьи) относятся къ періоду непосредственно предшествующему эрѣ нашего минутнаго возрожденія, — къ періоду «послѣднихъ дней» до-реформенной Россіи, и рисуютъ намъ бытъ среды, игравшей и до сихъ поръ продолжавшей играть въ лицѣ своихъ «отцовъ» и «дѣтей», если не блестящую, то во всякомъ случаѣ нелишнюю нѣкоторой важности роль въ только-что пережитой и переживаемой нами общественной суетлѣ.

III.

Эта среда полу-аристократическая, полу-чиновничья, полу-помѣщичья, полу-образованная, полу-невѣжественная, однимъ словомъ,—среда «среднихъ культурныхъ людей». Изъ нея вышли люди «40-хъ годовъ», дѣятели «60-хъ», отъ нея уже ведутъ свое начало дѣятели 70-хъ и 80-хъ годовъ. По составу своему она довольно разнообразна, а потому она порождаетъ весьма различныя общественныя явленія и вырабатываетъ весьма различные характеры. Однако, не вдаваясь въ запутанныя классификаціонныя тонкости, мы можемъ, не очень погрѣшая противъ дѣйствительности, раздѣлить ее на двѣ неровныя части, на двѣ,

если можно такъ выразиться, подъ-среды. Къ одной принадлежить людъ наименѣ дворянскій, наименѣ чиновный, наименѣ обеспеченный, наиболѣе разоренный и наиболѣе интеллигентный. Къ другой — наименѣ интеллигентный, наименѣ разоренный, наиболѣе чиновный, дворянскій и обеспеченный. Первые составляютъ меньшинство этой среды, вторыя—большинство. Объ «отцахъ» и «дѣтяхъ» меньшинства я уже много разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ моими читателями по поводу нѣкоторыхъ беллетристическихъ твореній многихъ изъ нашихъ важныхъ и неважныхъ беллетристовъ. Отъ какихъ отцовъ произошли эти дѣти, такъ шумно рванувшіеся къ свѣту изъ темной среды, окружавшей ихъ отцовъ, подъ вліяніемъ какихъ условій выработались ихъ характеры, сложились ихъ идеалы и т. д.—объ этомъ уже много было говорено, и вопросъ этотъ, какъ мнѣ кажется, можетъ считаться въ настоящее время достаточно уже разъясненнымъ и обследованнымъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ возможности...

Впрочемъ, если-бы даже онъ и нуждался въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ и обследованіяхъ, то романы г. Крестовскаго не представили бы для этого никакихъ цѣнныхъ матерьяловъ, такъ-какъ въ нихъ фигурируетъ главнымъ образомъ не меньшинство, а большинство культурной среды, тотъ дворянско-чиновничій міръ, который наканунѣ реформъ чувствовалъ еще себя полныхъ хозяиномъ положенія и котораго «это возрожденіе» застало въ состояніи полнѣйшей окаменѣлости. Въ немъ не было и тѣни того броженія, которое началось въ меньшинствѣ задолго еще до кануна реформъ, въ немъ было страстное, искреннее желаніе, чтобы все осталось по-старому и чтобы никого не сгоняли съ насиженного мѣста... Въ самые только послѣдніе дни до-реформеннаго періода нѣкоторое смутное безпокойство и сомнѣніе стало закрадываться въ душу этого міра, но тупое, апатичное довольство и слѣпая увѣренность въ своей силѣ и неприкосновенности заглушали и отгоняли несносные страхи и предчувствія, не позволяя имъ всколыхнуть застоявшіяся «воды жизни», и хоть на минуту потревожить мирное и самодовольное прозябаніе окаменѣлыхъ «послѣдышей». Въ это-то міръ окаменѣлыхъ послѣдышей, цѣпкими руками ухватившихъ всѣ лакомыя куски, жадно набивающихъ ими свои рты, не замѣчая, что лакомая пища давно уже превратилась въ смертоносный ядъ, подтачивающій и разлагающій ихъ организмъ,—въ этотъ міръ самодовольнаго и самоувѣреннаго барства и вводитъ насъ г. Крестовскій. Онъ хорошо знакомъ съ его повседневною, будничною жизнью и, живописуя, день за день, эту сѣренькую жизнь, съ

ея пошленькими интересами, съ ея «бурями въ стаканѣ воды», онъ даетъ намъ весьма поучительные матеріялы для оцѣнки и характеристики той среды, которая въ лицѣ своихъ «дѣтей» играла и до сихъ поръ продолжаетъ играть весьма выдающуюся роль въ только-что пережитыхъ и переживаемыхъ нами перепитяхъ общественной жизни. Иногда въ этотъ мѣръ застоявшагося и разлагающагося барства и чиновничества г. Крестовскій вводитъ выходцевъ изъ родственной ему среды раззореннаго и протестующаго «меньшинства». Но эти выходцы не играютъ вообще въ его романахъ никакой существенной роли. И это понятно, имъ нечего дѣлать въ этомъ мѣрѣ. Они въ немъ «лишніе люди» и имъ ничего болѣе не остается, какъ или бѣжать изъ него куда-нибудь за тридевять земель, въ Америку, напр., подобно Нервѣдкому въ романѣ «Въ ожиданіи лучшаго» или преждевременно «отдавать Богу душу», подобно злополучному Ивановскому въ разсказѣ «Баритонъ».

Спертая, замкнутая въ себѣ до-реформенная среда «культурнаго большинства» благочестиво отрещивалась отъ всякихъ новшествъ и ревниво охраняла свое мирное прозябаніе отъ всякихъ постороннихъ вліяній, способныхъ нарушить ея самодовольное спокойствіе и выбить ее изъ ея рутинной колеи. Чѣмъ же жила эта среда, какіе интересы ее волновали, какія чувства, понятія, какіе характеры она выработывала, какихъ «дѣтей» она вырастила, какихъ дѣятелей она подготовила къ періоду нашего возрожденія?

Вотъ въ высшей степени любопытные вопросы,—вопросы, имѣющіе, безспорно, несомнѣнное общественное значеніе. Если въ романахъ г. Крестовскаго мы и не находимъ обстоятельнаго на нихъ отвѣта, то во всякомъ случаѣ находимъ нѣкоторые весьма поучительные матеріялы для ихъ разрѣшенія. Именно потому-то я считаю не бесполезнымъ останóвить на этихъ романахъ вниманіе читателей. Спустимся вмѣстѣ съ нимъ въ эти мрачныя, душныя катакомбы, въ которыхъ столько вѣковъ прозябали и до сихъ поръ еще продолжаютъ прозябать заживо погребенные живые люди. Не бойтесь, вы не наткнетесь здѣсь ни на какіе ужасы и страсти. Вы не услышите ни криковъ, ни раздирающихъ душу воплей; здѣсь царитъ глубокая, мертвая, могильная тишина; гдѣ-нибудь рѣдко тамъ и сямъ раздаются тихія рыданія и стоны, заглушаемыя дружнымъ громкимъ храпомъ. Все здѣсь погружено въ глубокой летаргической сонъ. Съ перваго взгляда вы даже не повѣрите, чтобы эти апатичныя, сонливыя существа, живущія исключительно животво-растительною жизнью, были доподлинные живые люди. Какъ могли они приспособиться

къ этой удушливой атмосферѣ, какъ могли они привыкнуть къ этому безразсвѣтному мраку, къ этимъ мрачнымъ, глухимъ сводамъ? Повидимому, они должны быть очень несчастны; они должны страшно страдать. Но взгляните въ ихъ ожирѣвшія, опухлыя отъ сна и бездѣйствія лица: они сияютъ довольствомъ и благополучіемъ. Ни малѣйшаго признака внутреннихъ мукъ и страданій. Да, они такъ хорошо обжились въ своей могилѣ, что имъ и на умъ не приходитъ мысль о жизни болѣе удобной, болѣе согласной съ условіями и требованіями человѣческой природы. Они считаютъ свое положеніе вполне нормальнымъ и даже завиднымъ. Ихъ жалкое, безодержательно-пошлое, монотонное прозябаніе, чуждое всякой разумной мысли, глубокаго чувства, и какаго-бы то ни было серьезнаго интереса, выходящаго за предѣлы узко-эгоистическихъ, мелко-личныхъ похотей и влеченій, это прозябаніе представляется имъ счастливѣйшимъ удѣломъ земнаго существованія, великою милостью и благодатью судьбы. Они дорожатъ имъ, какъ однимъ изъ самыхъ драгоценнѣйшихъ своихъ правъ, какъ одною изъ самыхъ заслуженнѣйшихъ своихъ привилегій. Они приходятъ въ ужасъ отъ одного только смутнаго предчувствія возможности когда-либо потерять это право, лишиться этой привилегіи. Мысль о чистомъ воздухѣ и свѣтѣ пугаетъ и раздражаетъ ихъ.

Что это—безумцы, маніаки? Или, въ самомъ дѣлѣ, жить въ темной могилѣ, жить паразитами, не видя никакихъ иныхъ интересовъ, кромѣ чисто-брюшныхъ, не зная, и даже не предчувствуя потребности въ умственной жизни, не волнуясь никакими желаніями и чувствами, несвязанными непосредственно съ удовлетвореніемъ элементарныхъ, хотя въ большинствѣ случаевъ и извращенныхъ потребностей человѣческой природы, жить такъ лучше, удобнѣе и пріятнѣе, чѣмъ жить на вольномъ воздухѣ, работая, борясь, мысля, постоянно расширяя кругъ своихъ интересовъ, однимъ словомъ, жить не животно-растительной, а истинно-человѣческой жизнью?

Если смотрѣть на дѣло съ внѣшней стороны, то какъ это ни странно, а, вѣдь, на этотъ вопросъ придется дать, пожалуй, утвердительный отвѣтъ. Жизнь на вольномъ воздухѣ, жизнь, неограничиваемая однимъ лишь удовлетвореніемъ желудочныхъ и половыхъ потребностей, жизнь осмысленная, ставящая себѣ разумныя цѣли, изолирующая своихъ личныхъ интересовъ отъ интересовъ общечеловѣческихъ, такая жизнь, какъ всѣмъ и каждому извѣстно, никогда не течетъ мирно, тихо и спокойно; она преисполнена, по обыкновенію, всяческими тревогами, волненіями, сомнѣніями, разочарованіями, лишеніями, а иногда невыноси-

мыми муками и страданіями; она требуетъ постоянной борьбы, усиленнаго труда, вѣчнаго напряженія мысли, энергіи, дѣятельности, подчасъ тяжелыхъ жертвъ и геройской самоотверженности; путь ея усыпанъ терніями и шипами, идти по немъ нелегко и, съ точки зрѣнія интересовъ самоохраненія, не совсѣмъ-то безопасно и далеко не пріятно. Напротивъ, жизнь «прозябающихъ въ могилахъ» не налагаетъ на нихъ никакихъ непріятныхъ жертвъ въ видѣ труда, борьбы за существованіе, шевеленія мозгами, сомнѣній, разочарованій, заботъ о благѣ ближняго и т. п. «Прозябающіе въ могилахъ» не сѣютъ, не жнутъ и даже не собираютъ въ житницы, а только жрутъ, а въ антрактахъ между жраньемъ спятъ, отдыхаютъ, развлекаются «невинными» удовольствіями и исполняютъ свои «естественныя надобности». Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ проводятъ время всѣ эти господа и госпожи Мѣстновы, Десятовы, Пехлецовы, Алексинскіе, Мороновы (въ романѣ «Въ ожиданіи лучшаго»), Черемышевы, Боровицкіе, Деневскіе (въ романѣ «Недавнее») и т. п. Мужчины гдѣ-то «числятся», толкуются, по нѣсколькимъ часамъ въ день, въ какихъ-то вѣдомствахъ, канцеляріяхъ, засѣданіяхъ и совѣтахъ, затѣмъ совмѣстно или въ одиночку объѣдаются и засыпаютъ; освѣжившись сномъ, играютъ въ карты, пляшутъ, строятъ куры дамамъ; снова объѣдаются и снова засыпаютъ до слѣдующаго утра. Итакъ проходятъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ дни за днями. Дамы, состоящія при мужьяхъ или еще невышедшія изъ-подъ родительской опеки, ежедневно продѣлываютъ совершенно тоже самое, съ тою только разницею, что «толканіе въ канцеляріяхъ, комісіяхъ и собраніяхъ» у нихъ замѣняется «утренними визитами», объѣздами магазиновъ и бесѣдами съ портнихами и модистками. Повидному, жизнь этихъ людей—жизнь пташекъ небесныхъ: хлѣба готовые, всѣ средства къ удовлетворенію половыхъ и желудочныхъ потребностей подъ руками,—однимъ словомъ, «катаются, какъ сыръ въ маслѣ». Всѣ душевныя волненія у нихъ исчерпываются любовными похождениями, карточными тревогами и мелочными заботами о продленіи дней живота своего въ мірѣ, благополучіи и праздности. Обмѣна мыслей между ними никакого не существуетъ; когда они сходятся вмѣстѣ, имъ рѣшительно не о чемъ говорить, кромѣ какъ о выигрышахъ и проигрышахъ, балахъ, модахъ, любовныхъ, служебныхъ включеніяхъ и тому подобныхъ, единственно интересующихъ ихъ «событіяхъ» ихъ будничной жизни. Они не знаютъ и знать не хотятъ ничего, что лежитъ за предѣлами этой жизни. Въ интересовъ ихъ замкнутаго, изолированнаго прозябанія для нихъ не существуетъ никакихъ другихъ интересовъ. Все, что не при-

надлежить къ ихъ кругу, составляетъ для нихъ совершенно особенный міръ, къ которому они относятся съ невозмутимымъ равнодушіемъ. Они, какъ и княгиня Мѣстнова—одна изъ представительницъ этого міра,—«не считаютъ даже, по словамъ г. Крестовскаго, «остальныхъ людей подобными себѣ, хотя ниже поставленными; нѣтъ, они ихъ считаютъ за существа не своей породы, составляющія отдѣльный міръ, Богъ его знаетъ, какъ устроенный, и съ которымъ они не имѣютъ ничего общаго. Они видѣли и вполне знали, что тѣ, другіе смертные живутъ, трудятся, терпятъ нужды; но вникать въ эту жизнь, прислушиваться къ голосу этой нужды, они сочли-бы, если-бы даже и потрудились объ этомъ подумать, совершенно бесполезнымъ безпокойствомъ». («Въ ожиданіи лучшаго», стр. 19). Благодаря этой абсолютной отрѣшенности отъ всего остальнаго міра, благодаря этой герметической замкнутости въ тѣсномъ кругу своихъ будничныхъ, личныхъ и мелочныхъ интересовъ, они, само собою понятно, вполне гарантированы отъ всякихъ нравственныхъ потрясеній и ихъ умственная жизнь находится въ состояніи полнѣйшаго усыпленія или, лучше сказать, совсѣмъ отсутствуетъ. Женская половина ничего, кромѣ скабрёзныхъ французскихъ романовъ не читаетъ; мужская, если и беретъ иногда за книгу или газету, то только послѣ обѣда и единственно въ интересахъ скорѣйшаго и пріятнѣйшаго усыпленія.

Г. Крестовскій весьма обстоятельно, и иногда даже до утомительности обстоятельно, знакомитъ насъ съ этимъ животнымъ прозябаніемъ своихъ героевъ; но я избавлю читателя отъ выписокъ, такъ-какъ для его характеристики достаточно, я думаю, и того немногаго, что уже сказано. Матеріальная обезпеченность, умственная и нравственная бездѣятельность, крайняя ограниченность потребностей исчерпывающихся одними лишь половыми и желудочными похотями и возможность безпрепятственнаго удовлетворенія этимъ похотямъ, даетъ очевидно болѣе гарантій для такого покойнаго и безмятежнаго съ внѣшней, по крайней мѣрѣ, стороны существованія, чѣмъ тѣ жизненные условія, въ которыхъ бьются, какъ рыбы объ ледъ, люди мыслящаго и трудящагося большинства.

Но взгляните, однако, попристальнѣе, въ эту тишину, въ это спокойствіе и безмятежность, въ это, повидимому, веселое, праздничное, беззаботно-пошлое прозябаніе и вы откроете въ немъ столько мрачныхъ картинъ, столько печалей, скорбей, столько невыносимой тоски, а подчасъ столько глубокаго трагизма, что вамъ становится жалко и больно за этихъ несчастныхъ па-

разитовъ, такъ глупо и такъ бессмысленно устроившихъ свою жизнь!

IV.

Возьмите любую чету, любую семью, любого индивида изъ этого праздно и весело живущаго муравейника, поройтесь немножко въ ихъ интимной жизни, и вы сейчасъ убѣдитесь, какъ незавидна и даже какъ мучительна эта жизнь. Самое почетное, видное и самое блестящее мѣсто въ этомъ муравейникѣ занимаютъ, конечно, люди наиболѣе обеспеченные, обладающіе наибольшимъ количествомъ лакомыхъ кусковъ, стоящіе на высшихъ ступеняхъ общественно-іерархической лѣстницы. Такова, напр., княгиня Аделаида Григорьевна Мѣстнова, богатая московская аристократка *rug-sang*,—одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Въ ожиданіи лучшаго“, или Петръ Ивановичъ Черемышевъ (въ романѣ «Недавнее»), крупный землевладѣлецъ, столбъ и предводитель мѣстнаго дворянства. Княгиня пользовалась въ свѣтѣ большимъ почетомъ, всѣ ей смотрѣли въ глаза, всѣ передъ нею пресмыкались, и всѣ ея прихоти удовлетворялись немедленно и безпрекословно, едва только она успѣвала формулировать ихъ. Она имѣла возможность вести праздную, безпечную жизнь и широко пользовалась этой возможностью. Выростая въ атмосферѣ чопорнаго, барскаго дома, съ дѣтства привыкшая видѣть кругомъ себя однихъ лишь подобострастныхъ слугъ, она ни къ кому не чувствовала ни любви, ни привязанности. Загрубѣлая очерствѣлость сердца гарантировала ее отъ всякихъ нравственныхъ тревоженій и безпокойствъ, по поводу разныхъ «не отъ воли человѣческой» зависящихъ житейскихъ случайностей, вродѣ, напр., смерти близкихъ людей, семейныхъ несприятностей и т. п. Овдовѣла она давно, выросила семью, отдала замужъ двухъ дочерей, женила сына и всѣхъ ихъ похоронила, не сморгнувъ бровью и не обнаруживъ ни малѣйшей печали (кромѣ, конечно, той, которая полагается по кодексу свѣтскихъ приличій). Изъ всей семьи у нея осталась одна замужняя дочь,—которую она выдала за какого-то стараго развратнаго графа и съ которой почти не видалась,—да два внука—отпрыскъ ея рода. Внуковъ она баловала, ни въ чемъ имъ не отказывала, но въ тоже время относилась къ нимъ съ холоднымъ, почти презрительнымъ равнодушіемъ. Она не любила ихъ, но считала необходимымъ, съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій, ни въ чемъ имъ не отказывать и смотрѣть

сквозь пальцы на всѣ ихъ шалопайства и безобразія. Защищенную съ ногъ до головы толстою бронею жестокаго, безсердечнаго узкаго эгоизма, ее, повидимому, не могли уязвить никакія стрѣлы и удары судьбы. Весь міръ кругомъ ея могъ-бы перевернуться вверхъ дномъ, все человѣчество, не принадлежащее, конечно, къ ея кругу, могло-бы вымереть, но это не заставило-бы измѣнить ни на іоту обычный режимъ своего ежедневнаго прозябанія, не заставило-бы ее отказаться ни отъ одной изъ ея привычекъ, ни отъ одной изъ ея прихотей, и ни на минуту не потрясло и не нарушило-бы душевной безмятежности.

Какъ, кажется, человѣку съ такими средствами и съ такими душевными качествами не чувствовать себя довольнымъ и счастливымъ, не быть имъ на самомъ дѣлѣ? Но въ дѣйствительности княгиня была едва-ли не самою несчастнѣйшею изъ несчастнѣйшихъ женщинъ своего круга. По своей виѣшной однообразности, по своей замкнутости и уединенности, жизнь ея мало чѣмъ отличалась отъ томительнаго прозябанія узника, подвергнутаго пожизненному тюремному заключенію. Полнѣйшая атрофія симпатическихъ чувствъ и привычка, выращенная барскимъ воспитаніемъ, видѣть себя постоянно окруженною холопскимъ подобострастіемъ, невольнo отталкивали отъ нея людей ея круга. Она жила одна особнякомъ въ своемъ роскошномъ домѣ, всѣми забытая, ни въ комъ невозбуждающая ни участія, ни тѣни привязанности. Въ ней даже не заискивали, такъ-какъ всѣмъ были извѣстны ея скаредность и безсердечность. Ея гордость и тщеславіе могли найти себѣ лишь весьма слабое удовлетвореніе въ подхалюзничествѣ нѣкой французенки-приживалки, жившей у нея въ качествѣ компаніонки, да нѣкоей московской салопницы, «бѣдной дворянки» Абаровой, навязывавшейся къ ней съ непрошеными услугами, въ надеждѣ попользоваться крохами съ княжескаго стола. По необходимости,—вѣдь не могла-же она сама за прислугой смотрѣть, хозяйствомъ заниматься, по лавкамъ торговаться, на «дешевыя распродажи» ѣздить да и въ карты нельзя было играть самъ-другъ,—по необходимости она должна была терпѣть присутствіе въ своемъ домѣ этихъ двухъ пресмыкающихся, вѣчно другъ съ другомъ враждующихъ и бранящихся прихвостней; но въ душѣ она ихъ глубоко презирала и всячески старалась высказать имъ это презрѣніе. Они, въ свою очередь, платили ей тою-же монетой. Они ненавидѣли ее и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы какъ-нибудь ей нагадить, какъ-нибудь ее обмануть и съэксплуатировать. И эти-то жалкія, призираемыя ею, и призирающія, ненавидящія

ее существа, были ея единственнымъ обществомъ, единственнымъ развлеченіемъ, единственно близкими ей людьми! Внуки, на которыхъ она не жалѣла денегъ, которыхъ она баловала и на которыхъ она смотрѣла, какъ на послѣднихъ представителей своего рода, а потому очень ими дорожила, даже заискивала въ нихъ,—относились къ ней еще хуже приживалокъ. Младшій, 14-ти лѣтній мальчишка, не смотря на свои юные годы, третировалъ ее съ наглою развязностью заправскаго червоннаго вала; лстылъ ей въ глаза, обманывалъ ее за спиною, конспирировалъ противъ нее съ компаніонкою, интриговалъ противъ старшаго внука, не упуская при этомъ удобнаго случая, кста-ти и некстати заявлять передъ нею наслѣдственныя права своихъ родителей на ея имущество. Если-бы онъ былъ увѣренъ, что скаредная, несносная бабка составила завѣщаніе въ пользу его папеньки и маменьки, онъ, чтобы только скорѣе отдѣлаться отъ нея, ни минуты не думая, готовъ-бы былъ и яду ей въ кушанье подсыпать и задушить ее своими дерзкими рученками. Старшій внукъ, считавшій свои права на наслѣдство, болѣе несомнѣнными и неоспоримыми, чѣмъ младшій, не считалъ даже нужнымъ особенно лстыть и пресмыкаться передъ бабкою. Онъ относился къ ней съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, старался избѣгать ее и вспоминалъ о ней лишь тогда, когда ему нужно было выманить у нея денегъ на уплату долговъ. Какъ ни самолюбива и тщеславна была бабка, но все-таки она не могла не видѣть и не понимать, что внукъ смотритъ на нее, какъ на дойную корову и что никто не будетъ такъ радъ ея смерти, какъ онъ. Конечно, не питая къ внуку никакихъ нѣжныхъ чувствъ, она не могла особенно печалиться, видя его разсчетливо-эгоистическое, холодно-враждебное отношеніе къ себѣ, но ея печалило и разстраивало нарушеніе свѣтскаго декорума, общепринятыхъ и священныхъ въ ея глазахъ фамилныхъ приличій: «не люби меня, тяготись мною, но дѣлай видъ, что любишь и считаешь меня»—вотъ чего хотѣла княгиня. Но внукъ и для вида не желалъ стѣснять себя. Бабка, напр., приличій-ли ради или просто потому, что одиночество становилось и ей подчасъ невыносимымъ, что ей, хоть изрѣдка хотѣлось видѣть подлѣ себя близкаго человѣка, настаивала, чтобы внукъ проводилъ нѣкоторое время въ ея деревнѣ, куда она добровольно заточала себя на весь лѣтній сезонъ. Но жестокий внукъ и этого снисхожденія не хотѣлъ ей сдѣлать: пріѣдетъ, повернется, заполучить денежную подачку и назадъ. Одинъ разъ только бабѣ удалось, да и то главнымъ образомъ, благодаря постигшимъ его служебнымъ обстоятельствамъ, удержать его у себя подольше

она была въ восторгѣ и въ благодарность за доставленное ей удовольствіе намѣревалась уже было, не смотря на свою скудность, закрѣпить за нимъ одно изъ своихъ имѣній, но, увы! вначекъ, не дождавшись осуществленія этого намѣренія, небезобразничалъ въ ея домѣ и оскандалил и свою, и ея княжескую репутацію до такой степени, что разгнѣванная бабка сама должна была его прогнать. Княжескія безобразія, обнаружившіяся, благодаря хитростямъ и интригамъ младшаго внука и компаньонки, воочію показали княгинѣ, чего она можетъ ждать отъ окружающихъ ее людей, и какъ много она можетъ полагаться на ихъ холопскую преданность и ихъ льстивыя заискиванія... Правда, и этотъ «фамильный скандалъ», подобно всѣмъ прежнимъ, пережитымъ ею фамильнымъ неприятностямъ, не нарушилъ ея олимпійскаго спокойствія, и, если разстроилъ ея нервы, то очень не надолго; однако, онъ не могъ все-таки пройти для нея совершенно безслѣдно. Онъ долженъ былъ влить новую каплю горечи въ ту и безъ того несладкую чашу жизни, которую судьба осудила ее испивать. Прогнавъ одну приживалку-салопницу, она потеряла вскорѣ и другую приживалку-компаньонку, прогнавъ одного внука, она лишилась и другого, который, наплевавъ на бабушку, бросилъ школу и пріютился у маменьки въ Парижѣ. Княгиня осталась въ абсолютномъ одиночествѣ и, по словамъ автора, «гнѣвается на весь міръ». Какъ ни непроницаема была покрывавшая ее броня эгоизма, но все-же она не могла уберечь ее отъ недовольства, разочарованій и «тяжелыхъ думъ». «Тяжелыя думы посѣщаютъ ее иногда... Это не заботы о внукахъ. Это тяжелыя думы о чѣмъ-то, она сама не знаетъ о чѣмъ» (ib., стр. 446).

«Тяжелыя думы», недовольство, «гнѣваніе на весь міръ» полное одиночество, совершенная изолированность отъ міра живыхъ людей, отсутствіе всякихъ привязанностей, всякихъ умственныхъ интересовъ, однообразно-безсодержательное времяпрепровожденіе, равнодушно-холодное или презрительно-враждебное отношеніе всѣхъ окружающихъ и ко всѣмъ окружающимъ—таковы были неизбѣжныя условія счастливой жизни княгини Мѣстновыхъ и имъ подобныхъ, взысканныхъ милостями судьбы представителей культурнаго до-реформеннаго большинства. Конечно, условія эти значительно видоизмѣнились и разнообразились, смотря по общественному положенію «представителя», по количеству лакомыхъ кусковъ, находящихся въ его обладаніи, и, главное, по его темпераменту; однако, въ общемъ итогѣ онъ всегда давалъ одинъ и тотъ-же результатъ, порождали одно и тоже чувство—смутное иногда сознательное, но все-таки весь-

на реальное и тягостное чувство какой-то неудовлетворенности и пустоты. Это чувство было, разумеется, естественнымъ по слѣдствіемъ неумѣлости устроить свою жизнь хоть сколько-нибудь сноснымъ и разумнымъ образомъ. Наполняя ее то отсутствіемъ всякаго другаго матеріала, разными ничего нестоящими бездѣлками и погремушками, разнымъ соромъ и тряпьемъ, подобраннымъ съ улицы, культурные представители большинства сами ставили себя въ крайне неудобное и непріятное положеніе. Что можетъ быть пріятнаго—весь вѣкъ возиться съ выѣденными яйцами, копаться въ уличномъ сорѣ, забавляться фольговыми погремушками и нескончаемою игрою въ бирюльки? А чѣмъ-же инымъ была жизнь всѣхъ этихъ людей, всѣхъ этихъ Боровицкихъ, Черемышевыхъ, Алексинскихъ, Деневскихъ, Пелецовыхъ, Мороновыхъ и т. п., какъ не вѣчнымъ раскапываніемъ уличнаго мусора, не вѣчною игрою въ погремушки и бирюльки? Какъ вы тамъ ни уродуйте и не извращайте человѣка, а все-таки вамъ никогда не удастся настолько передѣлать его природу, чтобы онъ въ состояніи былъ жить, не думая и не чувствуя. Пока его мозгъ и нервы функционируютъ, онъ всегда будетъ ощущать потребность мыслить, любить, ненавидѣть, увлекаться, страдать, радоваться и т. п., т. е. потребность чувствовать. Но потребность мышленія и чувствованія можетъ находить свое удовлетвореніе въ самыхъ разнообразныхъ объектахъ. Устраните изъ сферы объектовъ, доступныхъ человѣческому мышленію и чувствованію, объекты, по природѣ своей, дѣйствительно, вполне достойные возбуждать мысль и чувство разумнаго существа и эта мысль, и это чувство, по необходимости, должно будетъ обратиться къ объектамъ, совершенно незаслуживающимъ его вниманія. Объектовъ, незаслуживающихъ вниманія разумнаго существа, въ жизни, конечно, гораздо больше, чѣмъ объектовъ заслуживающихъ. Отсюда само собою понятно, что если чувство и мысль человѣка постоянно обращается и оперируетъ подъ объектами перваго рода, то, во-первыхъ, его мыслительныя и чувствительныя способности будутъ расходоваться по мелочамъ, его умственная жизнь разбѣгается на мелкую, почти безцѣнную монету, а во-вторыхъ, онъ станетъ въ положеніе мученика и страдальца пустяковъ ради. А такъ-какъ пустяковъ въ жизни не оберешься, то ему и приходится постоянно и непрерывно, такъ-сказать, горѣть (хотя и не сгорѣть) на медленномъ огнѣ всяческихъ мученій и страданій. И какихъ только мученій и страданій не выдумаетъ себѣ человѣкъ, погрязшій въ жизненные пустяки! Самыя, повидимому, незначущія мелочи волнуютъ его и разстраиваютъ. Вотъ возьмите, напр., хотя это

го глупѣйшаго изъ глупѣйшихъ и довольнѣйшаго изъ довольныхъ представителей до-реформеннаго, многоземельнаго дворянства Петра Ивановича Черемышева. Повидимому, онъ долженъ-бы быть счастливѣйшимъ человѣкомъ своего мірка. Онъ богатъ и, несмотря на свою глупость, пользуется почетомъ и уваженіемъ господъ мѣстныхъ дворянъ, ему смотрятъ въ глаза, передъ нимъ заискиваютъ, его выбираютъ въ предводители; онъ вліятельнѣйшее лицо въ губерніи. У него красивая, нестарая еще жена, находчивая, практичная, свѣтская, вполне умѣющая поддерживать достоинство дома, самая блестящая и модная дама его круга. Она живетъ съ нимъ душа въ душу, и хотя не чувствуетъ къ нему особенной любви, но супружескихъ своихъ обязанностей не нарушаетъ и честь супруга своего соблюдаетъ. Всѣ его весьма, впрочемъ, разнообразныя потребности удовлетворяются вполне, безъ всякихъ, съ его стороны усилій. Онъ ѣстъ вволю, спитъ вволю, карточные партнеры всегда къ его услугамъ, отдыхаетъ сколько хочетъ, ярмомъ службы не связанъ, оброки получаетъ исправно, со всѣми живетъ въ дружбѣ и согласіи, ну, однимъ словомъ, катается какъ сыръ въ маслѣ. Но посмотрите, однако, какъ не много нужно для того, чтобы превратить это масло въ кислый, противный уксусъ. Нѣсколько избирательныхъ шаровъ въ урну противника повергаютъ его въ горе и отчаяніе. Не попади онъ въ предводители, онъ-бы, кажется, считалъ себя совсѣмъ пропащимъ человѣкомъ. На одномъ офиціальномъ обѣдѣ, губернаторъ вмѣсто того, чтобы, послѣ тоста за свое здоровье, провозгласить тостъ за здоровье предводителя, провозгласилъ тостъ за полковника, прибывшаго изъ столицы по дѣламъ рекрутскаго набора, и только послѣ этого тоста стали пить за Черемышева. Это, повидимому, пустячное обстоятельство, немедленно получаетъ въ глазахъ «представителя» культурнаго большинства, значеніе личнаго оскорбленія, кровной, жесточайшей обиды, несмысаемаго позора и безчестія. Несчастный «представитель» совершенно теряетъ голову, онъ разстроенъ, уничтоженъ, затоптанъ въ грязь. Его душитъ злоба, онъ жаждетъ мести, но, по своему тупоумію, рѣшительно не знаетъ, какъ и въ чемъ онъ можетъ ее проявить. Жена его и все благородное дворянство, обѣдавшееся на сытныхъ обѣдахъ предводителя, отнеслись къ этому «неслыханному пасажу» не менѣе трагично, чѣмъ и самъ оскорбленный. Въ городѣ начался чистый переполохъ: одни, наиболѣе независимые, рѣшительно стали за губернатора, другіе—за предводителя, но большинство обывателей, зависящее и отъ того, и отъ другого, совершенно растерялось, смутно предчувствуя, что «быть

бѣдѣ», что «каша заварилась» и что эту кашу придется, въ-концѣ-концовъ, имъ-же скромнымъ обывателемъ расхлебывать. Какъ быть? Что дѣлать? Какъ удержаться между двухъ стульевъ, какъ самому не попасть въ «исторію»? Вотъ неожиданные вопросы, какъ грозныя тучи, нависшія надъ головами «культурныхъ людей», въ одну секунду смутившія ихъ мирное спокойствіе, ихъ самовѣренное довольство, мгновенно повергшія ихъ въ уныніе, тоску и трепетъ. Остаться при двухъ (т. е. не становиться ни на ту, ни на другую сторону), думали зависящіе, мудроно, пойдутъ исторіи—не усидишь. Независимые думали о своихъ свѣтскихъ отношеніяхъ: что дѣлать, какъ себя поставить? «Контра» убивала даже темы простыхъ разговоровъ... «Исторія» сдѣлалась заботой, къ которой ума не приложишь. Въ сумерки между несчастнымъ обѣдомъ (на которомъ посрамленъ былъ предводитель) и предстоящимъ офіціальномъ баломъ (на который посрамленный предводитель въ пику губернатору не желалъ являться) эта забота расхаживала по пустымъ, тихимъ комнатамъ обывательскихъ домовъ, гдѣ все, казалось, предавалось покою въ ожиданіи удовольствія, но покой былъ обманчивый. Отцы семействъ совѣщались съ супругами или кряхтели, не засыпая въ своихъ спальняхъ, между тѣмъ, какъ супруги совѣщались съ взрослыми дочерьми» («Недавнее», стр. 224). Всѣ, однимъ словомъ—были встревожены, всѣ чувствовали себя несчастными. Но, разумѣется, всѣхъ несчастіе долженъ былъ себя чувствовать злополучный предводитель. «Петръ Ивановичъ, говоритъ авторъ,—былъ такъ страшно разгнѣванъ, что одинъ видъ его останавливалъ всякія соображенія, не только разговоры и тѣмъ болѣе вразумленія. Это былъ гнѣвъ спокойный, неподвижный, давящій всей своею массой. Петръ Ивановичъ говорилъ, по обыкновенію, кротко, даже не умножалъ ругательныхъ эпитетовъ, но его губы были сини, а въ голосѣ слышалась хрипота»... Онъ былъ такъ страшенъ, что Боровицкому, явившемуся къ нему за увѣщаніями, насчетъ того, какъ необходимо его присутствіе на балѣ, мелькнула даже мысль: не позвать-ли доктора! (ib., стр. 228.)

И не думайте, читатель, чтобы эта «исторія» изъ выѣденнаго яйца, чтобы этотъ провинціальныи «пустякъ» такъ и кончился пустякомъ. Нѣтъ, «культурные люди» раздули его въ цѣлое событіе, событіе, весьма печально отразившееся на судьбахъ «зависимыхъ» обывателей. Ихъ страхи и безпокойство были не напрасны: многіе изъ нихъ лишились мѣсть, остались безъ куска хлѣба; начался цѣлый рядъ нескончаемыхъ «перереканій», слѣдствій, разслѣдованій, раскрытій злоупотребленій го-

сподъ дворянъ; въ высшія инстанціи посыпались со всѣхъ сторонъ доношенія, объясненія, сообщенія, однимъ словомъ, — загорѣлась настоящая война между представителями правительственной и выборно-дворянской власти. И, разумѣется, первую жертвою этой братоубійственной войны оказался мелкотравчатый, провинціальный людъ, въ мирѣ и спокойствіи прозябавшій до того рокового обѣда, на которомъ за господина предводителя былъ провозглашенъ не второй, а третій тостъ.

Я позволилъ себѣ остановиться на этомъ эпизодѣ, потому что онъ съ поразительною наглядностью показываетъ намъ, въ какой степени безмятежно прозябаніе культурнаго большинства отъ случайныхъ никакого, повидимому, значенія для мыслящаго существа неимѣющихъ пустяковъ. Оберечься и оградиться отъ этихъ пустяковъ не было никакой возможности, такъ-какъ именно они-то составляли главное содержаніе жизни. Они висѣли надъ обывательскими головами, какъ Дамокловъ мечъ, ежесекундно угрожающій разбить въ дребезги и потопить въ пучинахъ горя и слезъ ихъ узкую жизненную ладью. Два высокопоставленные лица повздорили между собою за карточнымъ столомъ, начальство дурно выспалось или страдаетъ несвареніемъ желудка, рыба, заказанная къ званому обѣду, пришла не во время, не повезла карта, портной испортилъ фракъ, не получилось ожидаемое «поощреніе», нарушенъ одинъ изъ тысячи одного пунктовъ правилъ чиновочитанія и т. д., и т. д.—все это пустяки, мелочи, будничныя, повседневныя случайности, а между тѣмъ ради нихъ и по поводу ихъ лились слезы, раздавался скрежетъ зубовой, разыгрывались цѣлыя драмы и трагедіи, разстраивалось семейное спокойствіе, разбивалось въ прахъ личное благополучіе, перевертывалась вверхъ дномъ вся жизнь человѣка. Такова была сила пустяковъ. Кто-же рѣшится утверждать, что жизнь, въ которой они играли такую выдающуюся первостепенную роль, была жизнью завидной, счастливой (или даже хоть только сносною).

Само собою понятно, что чѣмъ большимъ количествомъ пустяковъ была наполнена жизнь дореформеннаго культурнаго человѣка, чѣмъ въ большой зависимости онъ отъ нихъ находился, а слѣдовательно, тѣмъ большею неустойчивостью отличалось и его мирное прозябаніе и его душевное спокойствіе, т. е. тѣмъ онъ былъ несчастнѣе. Какъ ни пуста и безсодержательна была жизнь мужчинъ въ средѣ, живописуемой г. Крестовскимъ, но еще пустѣе и безсодержательнѣе была въ ней жизнь женщинъ. Пустяки, наполнявшіе ихъ существованіе, были несравненно разнообразнѣе и, въ количественномъ отношеніи, значительнѣе пу-

стяковъ, наполнявшихъ жизнь ихъ отцовъ, братій, мужей. Независимо отъ тѣхъ пустяковъ, которыми жила мужская половина, у женской половины были еще и свои собственные прибавочные пустяки, игравшіе въ ея жизни столь-же важную роль (а иногда и болѣе важную) роль, какъ и первые. Отсюда понятно, почему женщины являются въ этой средѣ существомъ болѣе страдательнымъ, чѣмъ мужчины, почему у нихъ, у первыхъ, судя, по крайней мѣрѣ, по романамъ Крестовскаго, возникло чувство протеста противъ ея нелѣпныхъ условій, пробудилось желаніе бороться съ ними и такъ или наче выйдти изъ нихъ. Къ чему привелъ этотъ протестъ, какой онъ имѣлъ характеръ и въ какой формѣ выражался, объ этомъ мы будемъ говорить ниже, теперь-же для насъ достаточно только вскользь упомянуть объ этомъ фактѣ. Если женщина первая почувствовала потребность протеста, значить въ ней болѣе накопилось недовольства своимъ паразитнымъ прозябаніемъ, чѣмъ у мужчинъ, значить это прозябаніе дѣлало ее болѣе несчастною, чѣмъ послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ почтенная и высоко-чтимая въ своемъ кругу, Зинаида Сергѣевна, добродѣтельная половина «столба и предводителя» дворянства (въ романѣ «Недавнее») менѣе мучится и страдаетъ по пустякамъ, чѣмъ ея дражайшій супругъ? Напротивъ, несравненно больше. Мало того, что она такъ-же близко принимаетъ къ сердцу пустяки мужа, какъ и онъ самъ, сколько у нея еще другихъ заботъ, тревогъ и волненій, совершенно невѣдомыхъ и недоступныхъ Петру Ивановичу! Петръ Ивановичъ, вѣроятно, не очень-бы огорчился, если-бы явился въ клубъ въ новомъ фракѣ, сшитомъ по послѣднему петербургскому фасону, увидалъ-бы фракъ подобнаго-же фасона на плечахъ того или другого своего знакомаго. Но Зинаида Сергѣевна на этотъ счетъ очень впечатлительна. Если она замѣчаетъ, что какая-нибудь изъ «дамъ» одновременно съ нею появляется въ платьѣ сшитомъ по фасону, который она первая выписала, или носить головной уборъ—подобный убору, только-что присланному изъ столицы, она выходитъ изъ себя, бѣсится, волнуется, считаетъ себя обиженною, чуть-чуть неопозоренною. Она розыскиваетъ соучастниковъ и пособниковъ «плагіата» и обрушиваетъ на нихъ громы своего гнѣва. Разъ она заподозрила въ этомъ преступленіи почтмейстера и, не стѣсняясь ни мѣстомъ—дѣло происходило на официальномъ балѣ—ни выраженіями, сдѣлала публичный скандалъ его женѣ. (стр. 247.) Петръ Ивановичъ не особенно интересуется знать, что ѣдятъ, пьютъ, какъ одѣваются, какъ живутъ и что дѣлаютъ его сосѣди; для Зинаиды-же

Сергѣевны это дѣло первостепенной важности. Не удовлетворяясь одними своими пустяками, она хватается и за чужіе, и создаетъ себѣ такимъ образомъ новые предлоги для безсодержательныхъ волненій и заботъ. Правда, профессія ищейки и раскрывательницы «подноготныхъ» даетъ нѣкоторую пищу ея уму и разнообразить монотонную скуку ея жизни, но за то, подумайте, съ какими она часто сопряжена неприятностями и разочарованіями и въ какія неловкія положенія она нерѣдко ставитъ «добросовѣстнаго изслѣдователя».

Впрочемъ, благодаря своему богатству, своему чрезмѣрному эгоизму и покладливости своего мужа, безмятежное прозябаніе и душевное спокойствіе предводительши несравненно болѣе гарантированы, чѣмъ душевное спокойствіе и безмятежное прозябаніе большинства женщинъ ея круга. Возьмите, напр., хоть ея злополучную сестру Надежду Сергѣевну. Послушайте, какъ она горько плачетъ и клянетъ свою судьбу по поводу дурно-скроеннаго платья, по поводу старо-модной кареты и старыхъ лошадей, по поводу мужа, который позволяетъ себѣ не только рисовать пейзажи, но даже посылать ихъ на выставку для продажи (стр. 27) и т. п. Посмотрите, чѣмъ обуславливается и отчего зависить ея счастье и несчастье: вечеромъ она собирается ѣхать на балъ и заранѣе волнуется мучительнымъ вопросомъ: поспѣетъ-ли заказанное на этотъ случай платье или нѣтъ? Платье поспѣло, она приходитъ въ дѣтскій восторгъ, хотя за нѣсколько минутъ передъ этимъ считала себя несчастнѣйшею женщиной, потому что «гувернантка ея сестры, подвезя ее къ дому и, высадивъ изъ кареты, укутила, не дождавшись даже, чтобы она вошла на подъѣздъ» (стр. 205.) Однако, восторгъ ея былъ мимолетенъ. Платье оказалось сшитымъ не по мѣркѣ. Надеждой Сергѣевной овладѣваетъ отчаяніе, начинаются оханія, причитанія, толки и соображенія, за которыми уходятъ цѣлыхъ два часа. «Когда послѣ двухъ часовъ толковъ были кончены соображенія и полураспоротое платье сброшено на кушетку, Надежда Сергѣевна, задыхаясь, помертвѣлая упала въ кресло и разразилась рыданіями: ее била лихорадка» (стр. 207.) И изъ подобныхъ-то волненій и потрясеній слагалась вся ея умственная и нравственная жизнь, и не одной ея, а большинства подобныхъ ей, «культурныхъ женщинъ» до-реформенной Россіи. Всѣ ихъ насущные жизненные интересы исключительно и неизмѣнно вращались около нарядовъ, визитовъ, выѣздовъ, баловъ и уловенія жениховъ, любовниковъ или хоть просто поклонниковъ. И сколько хлопотъ и сколько тревоги причиняютъ имъ всѣ эти мелочи. Сколько слезъ проливается изъ-за нихъ, сколько крови портится... осо-

бенно, когда дѣло идетъ объ уловленіи кавалеровъ. Тутъ уже, дѣйствительно, разыгрываются цѣлыя драмы, съ воплями, сто-нами, ломаніями рукъ и разными иными театральными эффектами. Правда, благодаря черствому эгоизму и легкомыслию дѣйствующихъ лицъ, драмы эти въ большинствѣ случаевъ оканчива-ются довольно благополучно, неудавшаяся любовная интрижка скоро забывается для новой, удавшаяся не сопровождается ни-какими серьезными осложненіями, никакими горькими и трагиче-скими столкновеніями и даетъ поводъ лишь къ однимъ сплет-нямъ, болѣе или менѣе невиннаго характера. Печальная раз-вязка имѣетъ мѣсто лишь тогда, когда въ замкнутый мірокъ этихъ прозябающихъ паразитовъ случайно вторгаются люди чуждой имъ среды, вродѣ, напр., мужа г-жи Алексинской (въ романѣ «Въ ожиданіи лучшаго»), или когда героями драмы являются хотя и туземцы этого міра, но туземцы,—вслѣдствіе опять-таки какихъ-нибудь чисто-случайныхъ причинъ, — недостаточно еще приспособившіеся къ его условіямъ и требованіямъ. Такихъ напрасно забившихся, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ про-тестующими,—о нихъ мы будемъ говорить ниже,—въ этой сре-дѣ, судя, по крайней мѣрѣ, по романамъ г. Крестовскаго, попа-далось не много, но все-же они были и ихъ присутствіе не мало способствовало ея разложенію и дезорганизаци. Неумѣнье при-способиться къ средѣ обусловливается обыкновенно или тѣмъ обстоятельствомъ, что человѣкъ, въ силу-ли какого-нибудь ис-ключительнаго воспитанія или какихъ-нибудь наслѣдственныхъ предрасположеній, имѣлъ сердце болѣе впечатлительное, болѣе привязчивое, однимъ словомъ, болѣе сохранившее образъ и по-добіе человѣческаго сердца, чѣмъ окружающіе его люди, или тѣмъ, что въ его голову запали откуда-то со стороны каія-то смутныя идеи представленія, несоотвѣтствующія міросозер-цанію среды, а потому постоянно мѣшающія имъ пробить въ ней себѣ разъ навсегда опредѣленную неизмѣнную колею. Люди, немогшіе приспособиться подъ вліяніемъ первой причины,—это бываютъ обыкновенно женщины,—мучатся и страдаютъ, благо-даря безсердечію людей, къ которымъ привязываются, жертву-ютъ ради нихъ своимъ спокойствіемъ и благополучіемъ, созда-ютъ себѣ по поводу ихъ нелѣпыя иллюзіи, разочаровываются, вѣчно жалуются, что ихъ не понимаютъ и не умѣютъ цѣнить. Жизнь ихъ, безъ преувеличеній говоря, чистая пытка... одни— не выдерживаютъ ее и преждевременно умираютъ отъ чахотки, нервныхъ потрясеній, иногда отъ самоубійства; другіе, напро-тивъ, закаляются въ ней, и такъ хорошо закаляются, что окон-чательно теряютъ тѣ немногія человѣчныя черты, которыя от-

личали ихъ отъ людей ихъ среды, т. е. изъ неприспособленныхъ переходять въ разрядъ приспособленныхъ. Люди, которые не могли приспособиться къ средѣ, — не потому, чтобы ихъ характеръ и ихъ душевныя свойства существенно разнились отъ характера и душевныхъ свойствъ ея зауряднаго большинства, а единственно потому только, что въ ихъ головы запали со стороны идеи, чуждыя міросозерцанію и жизненнымъ потребностямъ этого большинства, играли въ ней (т. е. въ своей средѣ) самую жалкую и несчастную роль, они метались, какъ угорѣлые, нигдѣ не могли найти себѣ мѣста, все путали и портили, и въ-концѣ-концовъ или сливались, или... убѣгали. Несравненно трагичнѣе была роль тѣхъ «неприспособленныхъ», которые не могли примириться съ окружающимъ ихъ міромъ, подъ вліяніемъ обоихъ причинъ, т. е. съ одной стороны своихъ понятій, случайно усвоенныхъ ими отъ людей чуждой имъ среды,—съ другой, своей природы, жаждущей любви не по мѣсту и не по времени, отзывчивой, впечатлительной, немножко даже сентиментальной. Въ романахъ Крестовскаго мы встрѣчаемся если не съ типами, то во всякомъ случаѣ, съ довольно удачно очерченными экземплярами всѣхъ этихъ трехъ сортовъ неприспособленныхъ людей. Мы остановимся на нихъ въ слѣдующей статьѣ, чтобы перейти затѣмъ къ характеристикѣ понятій, нравовъ, душевныхъ качествъ и продуктовъ воспроизводимой нашимъ романистомъ культурной среды.

II. Никитивъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

БѢДНОСТЬ РУССКОЙ МЫСЛИ.

Александръ Андреевичъ Ивановъ. Его жизнь и переписка 1806—1858 гг. Издалъ Михаилъ Боткинъ. Съ факсимиле и 12 гравюрами. Спб., 1880 г.

I.

Матеріаломъ, который заключаетъ въ себѣ книга объ Ивановѣ, мы воспользуемся въ такомъ видѣ: въ первой главѣ дадимъ характеристику Иванова на основаніи приложенныхъ въ концѣ книги «воспоминаній» его панегиристовъ; во второй главѣ будемъ говорить объ Ивановѣ на основаніи его писемъ къ разнымъ лицамъ; а третью главу посвятимъ общей оцѣнкѣ причинъ, помѣшавшихъ Иванову осуществить его реформаціонныя стремленія.

Нынѣшній ректоръ академіи художествъ Ф. П. Гюрданъ, бывшій товарищемъ Иванова по академіи, пишетъ, что онъ живо помнитъ, какъ Ивановъ въ первый разъ пришелъ въ классъ, гдѣ остальные ученики уже рисовали. Ивановъ былъ мальчикъ небольшого роста, коренастый, широкоплечій, съ красиво вьющимися русыми волосами и голубыми глазами, румяный, въ курточкѣ и съ большимъ отложнымъ воротникомъ рубашки, широко лежавшимъ на шеѣ и груди. Онъ рисовалъ уже хорошо и дѣлалъ быстрые успѣхи, нѣсколько несоотвѣтствовавшіе его лѣтамъ, такъ-что академическіе профессора заподозрили, не поправляетъ-ли отецъ ему рисунокъ.

Ивановъ не отличался ни шаловливостью, ни рѣзвостью, никогда не участвовалъ въ проказахъ своихъ товарищей, былъ всегда серьезенъ и сосредоточенъ, хотя въ то-же время ласковъ и

обходителенъ. Его добрая, тихая, симпатичная натура заключала въ себѣ столько привлекательности, что къ нему нельзя было не привязаться, такъ-что, напримѣръ, Иорданъ, ставшій его другомъ чуть-ли не съ перваго знакомства съ нимъ, сохранилъ къ нему привязанность до самой его смерти. По словамъ Тургенева, видѣвшаго его въ концѣ 1857 года, въ Ивановѣ было что-то мистическое и дѣтское, мудрое и забавное, все въ одно и тоже время, что-то чистое, искреннее и скрытное, даже хитрое. «Съ перваго взгляда все существо его казалось проникнуто какою-то недовѣрчивостью, какой-то то суровой, то заискивающей робостью. Но когда онъ привыкалъ къ вамъ — а это происходило довольно скоро, хотя и повторялось, начиналось съизнова при каждомъ свиданіи—его мягкая душа такъ и раскрывалась. Онъ внезапно хохоталъ отъ самой обыкновенной остроты, удивлялся до удивленія самымъ общепринятымъ положеніямъ, пугался каждаго не много рѣзкаго слова». Иванова вездѣ принимали съ радостью; одинъ видъ его лица, съ широкимъ, бѣлымъ лбомъ, усталыми, добрыми глазами, нѣжными какъ у ребенка щеками вырывалъ невольное сочувствіе и привѣтъ въ сердцѣ каждаго. И всѣ, кто зналъ его, кто сталкивался съ нимъ хоть на короткое время, говорятъ о его привлекательности, симпатичности, о его свѣтломъ душевномъ настроеніи. «Какъ-то легко становилось на душѣ въ присутствіи этого чистаго сердцемъ человѣка», говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Гаевскій. «Простота, добродушіе ребенка во всѣхъ приемахъ, во всѣхъ словахъ и типическое русское выраженіе его лица отличали Иванова», говоритъ Г.***

Серьезность и сосредоточенность, замѣченные въ Ивановѣ Иорданомъ, составляли и впослѣдствіи главную черту его характера. Для Иванова, какъ говоритъ Стасовъ, было невыносимо «гусарское» поведеніе нашихъ художниковъ въ Римѣ. Разказы объ ихъ попойкахъ и похожденияхъ «наполняли строгаго, серьезнаго Иванова глубокимъ негодованіемъ и отвращеніемъ. Онъ сторонился отъ большинства русскихъ пенсіонеровъ, какъ отъ людей, можетъ быть, и не безталанныхъ, милыхъ и добрыхъ, но пустыхъ, сильно глуповатыхъ и лишенныхъ всякаго интеллектуальнаго стремленія». Римскіе товарищи Иванова платили ему подобной-же монетой и смотрѣли на него какъ на брызгу. «Скучнымъ пустыннымъ представлялся Ивановъ веселому хору русскихъ порхающихъ художниковъ. Онъ навѣрное крѣпко имъ не нравился. Они должны были непременно провожать своими насмѣшками и подтруниваніемъ этого суроваго, строгаго, сосредоточеннаго въ себѣ аскета». Какъ смотрѣли на Иванова

русскіе художники въ Римѣ, можно видѣть изъ карикатуры, помѣщенной въ альбомѣ Кривцова, инспектора русскихъ художниковъ въ Римѣ. «Ивановъ съ большими глазами, въ очкахъ, нахлобучивъ огромную шляпу, закинувъ на плечо плащъ, изъ-подъ котораго высовывается сюртукъ, обдерганные панталоны и коренастыя ноги въ башмакахъ, идетъ зимой по Риппетъ, опираясь на суковатую палку» (Стасовъ). Однажды, рассказываетъ Тургеневъ, кто-то принесъ къ Иванову тетрадку удачныхъ карикатуръ. Ивановъ ихъ долго разсматривалъ и вдругъ, поднявъ голову, промолвилъ: «Христосъ никогда не смѣялся».

Серьезность и торжественное настроеніе выразились и въ художественной односторонности Иванова, которыя были слѣдствіемъ тѣхъ мистическихъ задачъ, которыя онъ связывалъ съ искусствомъ. «Въ послѣдній разъ въ Парижѣ я видѣлъ Иванова въ суетахъ», говоритъ П. М. Ковалевскій: онъ накопилъ себѣ двѣнадцать манкеновъ (маленькихъ) и подбиралъ къ нимъ драпировки. «Это будутъ двѣнадцать апостоловъ», говорилъ Ивановъ, и глаза его блестяли дѣтской радостью: «я ихъ буду ставить въ группы, съѣзжу въ Палестину и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ...» В. П. Гаевскому и Г... ну Ивановъ въ свой пріѣздъ въ Лондонъ въ 1857 году говорилъ тоже о намѣреніи изобразить главнѣйшія событія изъ жизни Иисуса Христа и просилъ указать какое-либо сочиненіе о Палестинѣ. Онъ собирался изучить мѣстность и природу Палестины, чтобы изобразить точнѣе евангельскія событія святыхъ мѣстъ. О серьезной сосредоточенности Иванова, сочувствовавшего только торжественному и глубоко любящему, В. В. Стасовъ рассказываетъ слѣдующее: Во время посѣщенія Ивановымъ публичной библіотеки въ Петербургѣ (это было въ 1858 году) В. В. Стасовъ показалъ ему «Рейнеке-Фуксъ» Гете. Сначала Ивановъ разсматривалъ рисунки Каульбаха съ удовольствіемъ и признавалъ талантливость въ изображеніи людей подъ видомъ звѣрей. «Но у него совершенно лицо перемѣнилось, когда онъ услышалъ, что тутъ рѣчь идетъ о «карикатурахъ». Это его разсердило, это его привело въ негодованіе». Все, выходящее изъ предѣловъ строгаго, важнаго, серьезнаго, было ему непонятно и враждебно. Шутка, юморъ, комизмъ были ему непріятны и чужды. «Но еще хуже вышло дѣло, когда я (Стасовъ) сталъ говорить о моемъ уваженіи къ тому роду живописи, что называется бытовою». В. В. Стасовъ указывалъ съ восхищеніемъ на Федотова, но оказалось, что Ивановъ не имѣетъ о Федотовѣ ни малѣйшаго понятія. «По слуханному отъ знакомыхъ», говорилъ Ивановъ,—я готовъ вѣрить

его истинному таланту и успѣху, но только это, можетъ быть, исключеніе. Однако, вообще, «жанры» — что это за живопись? Развѣ это живопись! И Ивановъ сталъ хмуриться, съезживаться, уходить въ свою раковину. «Я не зналъ тогда его образа мыслей» говоритъ Стасовъ,—и не могъ подозрѣвать, что такой поворотъ преній можетъ возмущать его».

«Долгое разобщеніе съ людьми, уединенное житіе съ самимъ собою, съ одной и той-же непремѣнной мыслию, наложило на Иванова особенную печать (Тургеневъ)». «Это былъ человѣкъ одичалый, говоритъ объ Ивановѣ П. М. Ковалевскій, — вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ». Въ 1857 году П. М. Ковалевскій опять видѣлъ Иванова, который уже окончилъ «Явленіе Христа народу». Исторгнутый изъ своей кельи, Ивановъ появился въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ, не избѣгая общества и русскихъ художниковъ. «Старая плѣсень затворничества, рассказываетъ П. М. Ковалевскій, — съ него видимо свалилась. Онъ даже глазами глядѣлъ нѣсколько менѣе внизъ и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяць, проведенный въ Интерлакенѣ съ утра до ночи подъ орѣшниками, сыворотка, да къ тому-же беззаботность жизни, разговоры на-распашку и смѣхъ въ дружескомъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ—все сдѣлало изъ него неузнаваемого человѣка. Ивановъ точно начиналъ только теперь жить и что за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество... Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, сказанная кѣмъ-либо глупость—все ему звучало ново, даже назидательно и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книжкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ. «Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня, говорилъ онъ, бывало, вечеромъ и покачивалъ съ довольствомъ головою. Придетъ-ли хоръ альпійскихъ трубачей, или дѣвушки съ Бриенскаго озера затянутъ свои пѣсни съ завываніемъ, говоритъ дальше П. М. Ковалевскій,—Ивановъ ко всему прислушивается жадно, приложить за ухо ладонь и стоитъ около, покуда тѣ не уймутся. «Нравится вамъ, Александръ Андреевичъ», спрашивали его. — «Чрезвычайно любопытно! Весьма много можно почерпнуть», отвѣчалъ онъ и задумывался.

Разъ Ивановъ (это было еще въ 1837 году), все пробовавшій себя на эскизахъ и все нерѣшавшійся приступить къ давно задуманной картинѣ, торжественно объявилъ Иордану, что

у него заказанъ холстъ въ $7\frac{1}{2}$ аршинъ вышины и $10\frac{1}{2}$ ширины. «Но годы шли, а картина Иванова мало подвигалась впередъ, говоритъ Иорданъ.—Онъ слишкомъ былъ нерѣшительнъ, слишкомъ много времени употреблялъ на этюды. Сколько разъ я ему говорилъ: «Какъ это вы можете, Александръ Андреевичъ, терять понапрасну самое дорогое время въ году. Придетъ лѣто — тутъ только-бы и работать; смотришь, а вы какъ-разъ тотчасъ уѣзжаете то въ Венецію, то въ Неаполь, то въ Субиано, то въ Перуджію. Какъ это можно? Этакъ вы и во сто лѣтъ не кончите картину».—«А какъ-же-съ, нельзя-съ такъ! отвѣчаетъ Ивановъ;—этюды, этюды, мнѣ прежде всего-съ нужны этюды съ натуры. Мнѣ безъ нихъ-съ никакъ нельзя съ моею картиной». Что съ нимъ дѣлать? Такъ и отступилъ. Упрямъ и своебытенъ былъ онъ сильно». Но это не было упрямствомъ въ обыкновенномъ смыслѣ. Это была скорѣе раздвоенность мысли. Ивановъ приступилъ къ своей картинѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами, говоритъ Ковалевскій. Онъ не довѣрялъ своимъ силамъ и не былъ самолюбивъ, говоритъ Тургеневъ: но о своемъ трудѣ имѣлъ высокое понятіе: не даромъ-же онъ положилъ въ него всѣ свои силы и надежды». Ивановъ какъ-бы не вѣрилъ въ себя даже и тогда, когда былъ признанъ великимъ мастеромъ. Забыло, тогда еще молодой скульпторъ, приступилъ-было къ нему съ просьбою позволить выльпнить его бюстъ. Ивановъ наотрѣзъ отказалъ, говоря, что «это было-бы несообразно». Когда Ивановъ пріѣхалъ въ Петербургъ и картина его была уже выставлена, онъ пригласилъ В. И. Гаевского посмотрѣть ее. «Не буду описывать моихъ личныхъ впечатлѣній, замѣчаетъ г. Гаевскій: — но не могу умолчать о чертѣ, характеризующей Иванова, о его скромности при оцѣнкѣ своего великаго произведенія. Та-же скромность поразила меня, говоритъ г. Гаевскій, — когда онъ показывалъ свои замѣчательные и въ высшей степени поучительные этюды къ этой картинѣ. Сперва онъ не хотѣлъ даже выставлять ихъ и только весьма немногочисленные его почитатели имѣли въ то время случай любоваться ими въ квартирѣ Боткиныхъ, у которыхъ онъ остановился». Годомъ раньше, но когда картина была уже окончена, Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его «Переписки». «Объ этомъ, да еще о 1848 годѣ Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ. Можетъ быть, ему въ голову приходило, что «вотъ и мою картину, пожалуй, также разбранятъ», говоритъ Тургеневъ. Но рядомъ съ этимъ недовѣріемъ и робостію сказыва-

валось и другое чувство. У Иванова просили письма, писанные къ нему Гоголемъ, чтобы отослать ихъ въ Россію. На замѣчаніе г. Гаевского, что нѣкоторые изъ писемъ слишкомъ близко касаются лично его, Ивановъ отвѣтилъ: «Я полагаю это ничего не значить». — «Черта любопытная въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности», прибавляетъ г. Ковалевскій.

Насколько въ Ивановѣ была развита недовѣрчивость и подозрительность, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ 1846 году пріѣхалъ къ нему въ Римъ братъ его Сергѣй Ивановъ, архитекторъ. Александръ Ивановъ ждалъ своего брата съ крайнимъ нетерпѣніемъ и все-таки, когда Сергѣй Ивановъ пришелъ къ нему въ студию, то нашелъ ее запертою на нѣсколько задвижекъ и на огромный замокъ. Ф. Л. Левицкій, бывшій съ Сергѣемъ Ивановымъ, началъ стучаться и громко кликать хозяина. Отвѣта не было. Стали сильнѣе стучаться и кричать: «Отворите, отворите, Александръ Андреевичъ! Вашъ братъ Сергѣй пріѣхалъ». Тогда въ отверстіи, продѣланномъ въ полу лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, сдѣлалось внезапно темно. Въ дырочку посмотрѣлъ чей-то глазъ, затѣмъ раздались шаги по лѣстницѣ, засовы и замки растворились и въ дверяхъ показалась все еще недовѣряющая фигура Александра Иванова. Оба брата не узнали другъ друга, да и не мудрено: они не видѣлись 16 лѣтъ. Нѣсколько секундъ продолжалось недовѣріе Александра Иванова, онъ разглядывалъ новаго субъекта, выдававшего себя за его брата и, убѣдившись, наконецъ, что тутъ нѣтъ обмана, съ радостными слезами бросился обнимать своего дорогого Сережу. Онъ повелъ его въ студию, показывалъ картину, обнималъ и цѣловалъ его, прерывая ласки безсвязнымъ разговоромъ. «При такомъ недовѣрїи, при такой подозрительности и предосторожности даже къ самому близкому человѣку, каковы же должны были быть у Александра Иванова недовѣріе, подозрительность и предосторожности къ постороннимъ». (Стасовъ.)

Въ послѣднее время въ Ивановѣ явилось ипохондрическое состояніе и ему мерещилось, что у него есть враги, которые покушаются на его жизнь. Тургеневъ рассказываетъ, что разъ съ Боткинымъ они пригласили Иванова обѣдать къ себѣ въ «Hôtel d'Angleterre». «Обѣдать, воскликнулъ Ивановъ и вдругъ поблѣднѣлъ. — Нѣтъ-съ, покорно благодарю, я и вчера едва живъ остался». Его начали уговаривать. «Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ», твердилъ Ивановъ, все болѣе и болѣе теряясь: «я не пойду, тамъ меня отравятъ». — «Какъ отравятъ?» — «Да-съ, отравятъ, яду дадутъ», и лицо Иванова приняло странное выраженіе, глаза его

блуждали. Когда ему замѣтили, что для того, чтобы отравить за табль-д'отомъ, нужно отравить цѣлое блюдо и что никому нѣтъ нужды его губить, Ивановъ отвѣтилъ: «Видно, есть такіе люди-съ, которымъ моя жизнь нужна-съ. А что насчетъ цѣлаго блюда, да онъ мнѣ на тарелку подбросить». — «Кто?» — «Да гарсонъ-съ». И затѣмъ Ивановъ сталъ увѣрять, что его вездѣ отравливали, куда онъ ни ѣздилъ и что въ Римѣ есть только одинъ честный гарсонъ, на котораго можно положиться. «Вотъ что я вамъ предлагаю, Александръ Андреевичъ», сказалъ Боткинъ на все это: «вы приходите завтра къ намъ обѣдать, какъ ни въ чемъ не бывало; а мы всякій разъ, какъ наложимъ тарелки, помѣняемся съ вами...» Ивановъ на это согласился, губы его перестали дрожать и взоръ успокоился. Потомъ Тургеневъ и Боткинъ узнали, что послѣ каждаго слишкомъ сытнаго обѣда Ивановъ бѣжалъ къ себѣ домой, принималъ рвотное или пилъ молоко.

Тургеневъ рассказываетъ, что Ивановъ разъ даже подпрыгнулъ на воздухъ, услышавъ, что такая-то извѣстная писательница — глупа. Приводитъ этотъ фактъ г. Тургеневъ въ числѣ тѣхъ странностей и наивностей, которыя сообщали Иванову что-то дѣтское; но за «удивленіемъ до онѣмѣнія самымъ общепринятымъ положеніямъ» Ивановъ «вдругъ произносилъ слова, исполненныя правды и зрѣлости, свидѣтельствовавшія объ упорной работѣ ума замѣчательнаго. Къ сожалѣнію, онъ получилъ воспитаніе слишкомъ поверхностное, какъ большая часть нашихъ художниковъ. Литература и политика его не занимали, и онъ интересовался вопросами, касавшимися до искусства, до морали, до философіи. Ивановъ былъ хорошо знакомъ съ искусствомъ древняго міра, онъ изучилъ асирійскія древности, библію, а евангеліе зналъ отъ слова до слова. «Онъ охотиѣе слушалъ, чѣмъ говорилъ, замѣчаетъ Тургеневъ, и, несмотря на это, бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ: столько было въ немъ добросовѣстнаго и честнаго желанія истины». Вотъ эту-то истину и искалъ вездѣ Ивановъ. Любопытный фактъ о познаніяхъ и скромности Иванова и объ его исканіи истины сообщаетъ г. Стасовъ. Разъ Ивановъ пришелъ въ петербургскую публичную бібліотеку, чтобы посмотреть старѣйшія, какія только есть, изображенія Христа, которыя обѣщалъ ему приготовить Стасовъ. Все, что можно было найти, всѣ памятники искусства съ изображеніями Христа, изданія съ фресками катакомбъ, церквей, изданія съ рисунками изъ рукописей, — все, не исключая даже «Рейнеке-Лисъ», было предложено Иванову. Онъ всѣмъ интересовался, все рассматривалъ и на многихъ изъ памя-

тниковъ останавливался съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ. «Въ августъ того-же года», говоритъ г. Стасовъ, «М. П. Боткинъ послѣ тысячи моихъ просьбъ, пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ, меня и И. И. Горностаева, посмотрѣть альбомы, привезенные Ивановымъ съ собою изъ Рима и заключавшіе нѣсколько сотъ его рисунковъ на сюжеты изъ библіи и евангелія. «Мы такъ и ахнули съ Горностаевымъ. И этотъ Ивановъ просилъ у насъ посмотрѣть то и другое, типы и костюмы, архитектуру и ландшафты, когда уже давнымъ давно ему было извѣстно все, что только ему было нужно, и Египеть, и Ассирія и Палестина! Да еще какъ извѣстно! Какъ, быть-можетъ, ни одному другому художнику въ цѣлой Европѣ».

Когда Ивановъ окончилъ «Явленіе Христа народу» и открылъ свою студию, Овербекъ нѣсколько часовъ провелъ передъ картиной и нѣсколько разъ произнесъ: «кто могъ-бы подумать, Ивановъ насъ надуль». Самъ Корнелиусъ, пожимая руку Иванову, нѣсколько разъ произнесъ: «Вы большой мастеръ! Вы большой мастеръ!» Тотъ-же Корнелиусъ нѣмецкимъ художникамъ, жившимъ въ Римѣ и думавшимъ угодить ему хулою Иванова, замѣтилъ строго, чтобы они пошли въ его студию, да изучали-бы его. Не такъ отнеслась петербургская образованная публика. «Это не апостолы и вѣрующіе, а просто семейство Ротшильдовъ», повторялъ, гдѣ только могъ, извѣстный поэтъ Тютчевъ. «Что за краски, что за гобленовскій коверъ», твердилъ всѣмъ въ уши одинъ извѣстный петербургскій болтуня, летавшій съ своимъ неутомимымъ жужжаньемъ изъ дома въ домъ» (Стасовъ). Тотъ-же В. В. Стасовъ напоминаетъ при этомъ случаѣ, какъ Петербургъ отнесся къ Глинкѣ и Даргомыжскому. «Я провожалъ за шлагбаумъ Петербурга Глинку, ѣхавшаго въ послѣдній разъ за-границу, и слышалъ, что онъ сказалъ и сдѣлалъ тутъ, разставаясь навсегда съ отечествомъ, принесшимъ ему только горе и боль, и прахъ котораго онъ отряхалъ съ себя въ послѣдній разъ». Но что-же Ивановъ? Съ тѣмъ-же чувствомъ сомнѣвающейся увѣренности въ себѣ и исканія истины онъ говоритъ: «за что-же винить публику? Не лучше-ли взглядѣться хорошенько въ ея слова и мысль? Можетъ быть, она и права? Онъ и самъ теперь видитъ, что иное въ картинѣ не такъ? Будъ онъ моложе, принимайся онъ за эту самую картину теперь, онъ многое исполнилъ-бы совершенно иначе».

II.

Для психолога и романиста Ивановъ представляетъ очень богатый матеріалъ. Это одна изъ тѣхъ типичныхъ формъ, которыя довольно рѣдко случаются въ русской жизни. Изъ такихъ людей легко выработываются фанатики, мученики, общественные дѣтели. Авторы «воспоминаній», кажется, и смотрѣли на Иванова такимъ образомъ и видѣли въ немъ психологическій матеріалъ и пэстрадавагося человѣка. Мы будемъ смотрѣть на Иванова нѣсколько иначе. Онъ для насъ не лицо, а извѣстное явленіе, пожалуй даже общественный дѣтель, которому неудались его задачи и котораго обманули его стремленія и идеалы. Въ этомъ видѣ Ивановъ понимается гораздо легче. Жизнь его есть безконечный рядъ ошибочнаго мышленія, никогда ненашедшаго себѣ поправки. Какъ человѣкъ, Ивановъ весьма рѣдкій случай потрясающаго драматическаго сознанія бесплодно-пропавшихъ силъ. Онъ, какъ художникъ, безпрестанно повторяющійся примѣръ безпочвенной дѣятельности, пытающейся черпать все изъ свободныхъ началъ духа, чуждыхъ общественныхъ идей. Наконецъ, онъ, какъ русскій, еще чаще повторяющійся примѣръ громадной увѣренности въ своихъ личныхъ силахъ, въ титанизмъ своего творческаго я и въ презрительномъ пренебреженіи къ движенію европейской мысли. Для того, чтобы образъ Иванова вышелъ яснѣе и опредѣленнѣе, именно съ этой точки зрѣнія, мы упростимъ наше изложеніе, освободивъ его отъ всѣхъ психологическихъ подробностей, недущихъ къ дѣлу.

Ивановъ, отправляясь за-границу, былъ проникнутъ весьма широкимъ художественнымъ честолюбіемъ и думалъ разрѣшить громадную задачу. Можетъ быть, его честолюбивыя мечты явились и не въ первый день его отъѣзда, но уже въ 1837 году онъ писалъ въ «Общество поощренія художниковъ»: «Россія еще только процвѣтаетъ, художники почти еще ничего не произвели. Если я и сверстники мои не будемъ счастливы, то слѣдующее за нами поколѣніе пробьетъ себѣ непрѣменно столбовую дорогу къ славѣ русской и потомки увидятъ вмѣсто «Чудо Большенскаго», Атиллы, побѣждаемаго благословеніемъ папы» — блестящія эпохи изъ всемірной и отечественной исторія, *исполненныя со всѣми точностями антикварскими, столь нужными въ настоящемъ вѣкѣ* (?). Иванову хотѣлось поднять достоинство русскаго имени и убѣдить европейцевъ, что мы по своимъ способностямъ стоимъ не ниже ихъ. «Споръ съ представителями Европы о способностяхъ русскихъ на самомъ дѣлѣ — вотъ вопросъ, ради ко-

тораго всё́мъ должно было пожертвовать и который не иначе можетъ рѣшиться въ нашу пользу, какъ при самой ревностной дѣятельности». Это писалъ Ивановъ къ своей сестрѣ. Къ отцу, на замѣчаніе насчетъ «безконечности» его картины, Ивановъ пишетъ: «Но что дѣлать, силы мои слишкомъ малы въ сравненіи съ намѣреніемъ заставить согласиться иностранцевъ, что русскіе живописцы не хуже ихъ—дѣло весьма мудреное, ибо всё озлоблены на русскихъ по случаю политики; всё ищутъ въ насъ пятенъ, рады всякимъ рассказамъ и унижаютъ всякое въ насъ достоинство. Слѣдовательно, художественная вещь должна быть втрое лучше ихъ произведеній, чтобы только принудить ихъ уравнивать съ своими». Наконецъ, еще въ одномъ письмѣ къ отцу онъ говоритъ: «моя цѣль быть художникомъ, что-нибудь значущимъ въ чужихъ краяхъ». Это патріотическое честолюбіе, конечно, понятно и источникъ его ясенъ. Но тѣмъ не менѣе, честолюбіе этого рода могло быть удовлетворено лишь насчетъ утраты общаго художественнаго достоинства Иванова, оно унижало тѣ широкія художественныя и просвѣтительныя цѣли, которыхъ думалъ достигнуть Ивановъ своимъ «Явленіемъ Христа».

Какія-же имѣлъ средства Ивановъ для достиженія своей цѣли? Матерьяльныя средства Иванова были совершенно ничтожны. Отецъ Иванова самъ постоянно нуждался и не могъ удѣлить ничего сыну. Ивановъ былъ посланъ за-границу на счетъ Общества поощренія художниковъ, неотличившагося особенной щедростію. Вся переписка его, изданная теперь г. Боткинымъ, наполнена безконечными жалобами на безденежье, на нужду. Повидимому, гордый и независимый Ивановъ долженъ былъ прибѣгать постоянно къ выпрашиванію денегъ; въ его письмахъ и къ частнымъ лицамъ, и въ Обществу на каждомъ шагу встрѣчаются выраженія вродѣ—«покуда еще не истожились на меня благодѣянія ваши», «такъ какъ я не одинъ пользуюсь вашими благодѣяніями», «васъ, высокіе мои благодѣтели, не смѣю утруждать, но за всё́мъ тѣмъ я не вижу другаго источника къ продолженію моего предпріятія, какъ ждать новыхъ вашихъ милостей» и т. п. Въ денежномъ отношеніи положеніе Иванова было дѣйствительно тяжелое. Кромѣ Общества поощренія художниковъ, онъ обращался очень часто къ Государю, къ Наслѣднику, а такъ-какъ картина писалась имъ слишкомъ медленно, то нѣтъ ничего мудренаго, что въ лицахъ, наиболѣе сочувствовавшихъ Иванову, закрадывалось иногда сомнѣніе въ выполненіи ея. Въ 1846 году вице-президентъ академіи, графъ Толстой, восхитившись картиной Иванова, вошелъ въ совѣтъ академіи съ представленіемъ о доставленіи ему приличныхъ способовъ къ окон-

чанію труда. На это совѣтъ академія, за подписью принца Лейхтенбергскаго, отвѣтилъ Иванову такъ: «академія не можетъ ходатайствовать у Государя Императора о назначеніи вамъ содержанія, хотя бы и желала, ибо милости, вамъ много разъ сдѣланныя, давно должны-бы были побудить васъ довершить свое твореніе; но время уходитъ, картина не оканчивается и вы продолжаете обращаться съ просьбами о пособіи какъ человѣкъ, немогущій достать трудомъ достаточной суммы для своего содержанія». Такого рода отказы получать было не легко. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ, Ивановъ говоритъ: «между нами сказать, я начинаю жить милостнымъ подаваніемъ». И въ то же время Ивановъ не желалъ унижать достоинства свободнаго художника, не хотѣлъ рисовать картинъ для продажи! Задавшись честолюбивой мыслью служить Россіи, онъ не чувствовалъ никакого униженія въ обращеніи къ личной и общественной помощи и въ письмѣ къ неизвѣстному писалъ, напримѣръ, слѣдующее: «Если не найдется способовъ говорить съ самимъ Государемъ о моей картинѣ, о суммѣ на ея окончаніе, то будьте на-столько благосклонны — соберите частную помощь еще разъ: можетъ быть, она въ соединеніи съ той, что думаете, что соберется въ Москвѣ, достаточна будетъ, чтобъ увѣнчать окончаніе труда моего». Съ точки зрѣнія Иванова, все это было послѣдовательно.

Умственные средства Иванова были, конечно, слабѣе его честолюбивыхъ замысловъ. Мысль его была неясна и зрѣла очень медленно. Какъ трудно давалась ему мысль, можетъ показать слѣдующая фраза въ письмѣ: «я уѣхалъ изъ Субіано... съ падеждою *высидѣть* какую-нибудь новую мысль къ улучшенію моего сочиненія». И Ивановъ, дѣйствительно, высиживалъ свои мысли, бралъ ихъ упорнымъ трудомъ. «Какая разница писать большую картину или маленькую. Я въ отчаяніи отъ фигуры Христа. *Думаю, думаю*, углубляюсь и въ наблюденія великихъ мастеровъ, и въ природу, и никакого не нахожу пособія». Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «я мало подвинулъ мою картину; я въ отчаяніи сыскать какой-либо глубокомысленный, трогательный эпизодъ для правой стороны, *читаю, читаю* и не знаю, что будетъ». Еще въ письмѣ къ отцу: «какъ трудно придумать эпизодъ для правой стороны въ мою картину, о сию пору совсѣмъ недоволенъ имъ. А когда-же буду доволенъ? Помощи просить едва-ли у кого можно: кто захочетъ для меня такъ глубоко входить во всѣ подробности моего предмета». Говоря о скульпторахъ, для которыхъ «близиться къ древнимъ грекамъ—все условіе», Ивановъ пишетъ: «Но живописецъ—о, живописецъ совсѣмъ иное! Мы, несчастные, тер-

нимъ жестокия революціи и до сихъ поръ не можемъ ни на чемъ остановиться. «Эти жестокия революціи» Ивановъ, какъ кажется, испытывалъ сильнѣе всѣхъ и, конечно, говоря о другихъ, онъ говорилъ о себѣ.

Но какой-же идеей задался онъ, какую мысль хотѣлъ онъ выразить и чѣмъ прославить русское художественное творчество? Ивановъ задумалъ «поэму въ образахъ». Съ этой мыслью, говоритъ онъ: «я занялся отысканіемъ для себя сюжета, прислушивался къ исторіи каждаго народа климата умѣреннаго, прославившаго себя дѣяніями и, наконецъ, что выше евреевъ ни одного народа не существовало, ибо имъ ввѣрено было свыше возродить Мессію, открovenіемъ коего начался день человѣчества, нравственнаго совершенства или, что все равно, познать вѣчно сущаго Бога! Такимъ образомъ, идя вслѣдъ за алканіемъ пророковъ, я остановился на евангеліи Іоанна! Тутъ на первыхъ страницахъ увидѣлъ я сущность всего евангелія — увидѣлъ, что Іоанну Крестителю поручено было Богомъ приуготовить народъ къ принятію ученія Мессіи, а, наконецъ, и лично представить его Богу! Сей-то послѣдній моментъ выбираю я предметомъ картины моей, т. е. когда Іоаннъ, увидѣвъ Христа, идущаго къ нему, говоритъ народу: «Се агнецъ Божій...» предметъ сей никѣмъ еще не дѣланъ и, слѣдовательно, будетъ интересенъ уже по новизнѣ своей».

Медленно шла работа Иванова. Но вотъ проходятъ, наконецъ, эти страшно томительные 28 лѣтъ, картина готова—и вотъ что пишетъ Ивановъ къ «неизвѣстному». «Мой трудъ, большая картина, болѣе и болѣе понижается въ глазахъ моихъ. Далеко ушли мы, живущіе въ 1855 году, въ мысленіяхъ нашихъ,—тѣмъ что передъ послѣдними рѣшеніями учености литературной, основная мысль моей картины совсѣмъ почти теряется и, такимъ образомъ, у меня едва достаетъ духу, чтобы болѣе усовершенствовать ея исполненіе, въ которомъ, однакожъ, хотѣлъ представить итогъ столь долгаго моего пребыванія въ Римѣ. Вы, можетъ быть, меня спросите: что-же я извлекъ изъ послѣднихъ положеній литературной учености? Тутъ я могу едва назваться слабымъ ученикомъ, хотя и сдѣлалъ нѣсколько пробъ, какъ ее приспособить къ живописному дѣлу. Однимъ словомъ, я какъ-бы оставилъ старый бытъ искусства, никакого еще не положилъ твердаго камня новому и въ этомъ отношеніи дѣлаюсь невольнымъ переходнымъ художникомъ. Простите, можетъ быть, навелъ на васъ грусть, почему желалъ-бы скорѣе молчать, чѣмъ въ письмѣ сознаться о моей незрѣлости». Вѣдь ужъ это драма, тутъ въ каждомъ словѣ чувствуется сломившійся человѣкъ, сознающійся

въ своемъ умственномъ безсиліи. Когда картина была привезена въ Петербургъ, когда и дворомъ, и публикой она была принята холодно, Ивановъ совсѣмъ упалъ духомъ: «я жду возврата государя, писать онъ къ брату, — ужъ не въ томъ смыслѣ, чтобы получить окончательно 30,000 серебромъ, а только, чтобы получить окончательно его слово, по которому буду домогаться въ Москвѣ новаго выхода, весьма рискованнаго и неопредѣленнаго». Ивановъ, когда картина его была выставлена для публики, ходилъ между ею, какъ чужой, полупотерянный, подавленный; онъ соглашался, что публика не совсѣмъ неправа, что дѣйствительно многое въ его картинѣ не такъ, и, будь онъ моложе, принимайся онъ за эту картину вновь, онъ многое сдѣлалъ-бы совершенно иначе. Но два раза жизнь не переживается.

III.

Какая-же причина, что надежды Иванова не сбылись, цѣли своей онъ не достигъ и умеръ, «никѣмъ неопѣненный и непопятый».

Ивановъ смотрѣлъ на Европу высокомерно, конечно, только въ одной области искусства, ибо другія области жизни и мысли онъ игнорировалъ. Итальянцевъ онъ считалъ народомъ усталымъ, истощеннымъ, который въ tableaux de genre сталъ искать легкихъ, модныхъ игрушекъ. «Это, конечно, удѣлъ всякой отцвѣтающей націи» замѣчаетъ Ивановъ. Ужъ если онъ ставитъ итальянцевъ такъ низко, понятно, что остальные европейскія націи не могли представить для него какого-нибудь серьезнаго значенія. Единственнымъ свѣтлымъ народомъ, народомъ будущаго, являлись для него мы, русскіе. Мы должны были поднять себя въ глазахъ Европы, показать ей свои силы, пересоздать искусство и сказать гнилому Западу новое, великое слово. Ивановъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы сказать это слово и видѣлъ въ этомъ все приваніе своей жизни. Конечно, нужно было имѣть большую въ себѣ увѣренность, чтобы взяться за выполненіе такой задачи. Скромный, кроткій, богобоязненный, ищущій истины, робкій и теряющійся съ людьми, Ивановъ въ то-же время думалъ очень много о своихъ силахъ. Задавшись мыслию создать новое самобытное русское искусство, Ивановъ проектируетъ планъ зданія, которое должно вмѣстить его образцы. «Изъ кабинета его величества, что у Аничкова моста, удобнѣе всего было-бы сія залы устроить, пишетъ онъ В. И. Григоровичу. — Для сего строенія можно выписать отсюда славнаго на-

шего архитектора Ефимова. Залы сіи должны быть высокія, обширныя и со сверху пущеннымъ свѣтомъ. Въ нихъ будутъ засѣданія общества любителей словесности, любители музыки будутъ давать концерты, тутъ-же будутъ художественныя афиши, въ которыхъ будутъ извѣщать объ успѣхахъ иностранцевъ и нашихъ по всеѣмъ отраслямъ искусствъ». Эта наивная утопія достаточно показывается, насколько Ивановъ не зналъ ни дѣйствительной жизни, ни умственныхъ средствъ Россіи, а еще менѣе своихъ собственныхъ силъ и средствъ. Зданіе, посвященное русскому искусству, Ивановъ называлъ «храмомъ искусства», онъ предлагалъ по окончаніи одного храма извѣстить о томъ публику и если храмъ публикѣ понравится, «то начинать складываться для постройки другого ему подобнаго». Мы не можемъ сложиться, чтобы построить какую-нибудь сторубовую деревенскую школу, а Ивановъ мечтаетъ покрыть всю Россію храмами искусства! Въ первомъ храмѣ у Анничкова моста помѣщались-бы преимущественно произведенія самого Иванова. Мысль Иванова была, какъ пишетъ братъ его Сергѣй Ивановъ, представить въ композиціяхъ жизнь и дѣянія Христа. Проектировалось исполненіе всего живописью на стѣнахъ, въ особо на то посвященномъ зданіи, разумѣется, *не въ церкви*. Это, «не въ церкви» какъ-бы дѣлаетъ указаніе на то, что Ивановъ замышляетъ явиться новаторомъ въ искусствѣ и въ самомъ образѣ Христа дать новую, рациональную христіанскую идею. Дальше мы увидимъ, что даже и эта идея, которой Ивановъ посвятилъ всю свою жизнь, не далась ему. Онъ не понялъ въ ней самага главнаго,—ея реформаціоннаго значенія и ея отрицающей силы, въ которой она, разрушивъ все древнее міровозрѣніе, дала и стремленіямъ новое движеніе, продолжающееся донынѣ. Этихъ-то стремленій и духа новаго вѣянія Ивановъ никогда не понималъ; онъ держалъ себя внѣ ихъ, а потому и понятно, что его реформаціонный замыселъ въ искусствѣ долженъ былъ потерпѣть неудачу.

Ивановъ называлъ свое воспитаніе въ академіи «подлымъ». Этому воспитанію онъ приписывалъ, что «вмѣсто дѣятельности къ ученію и наблюденію природы развилась въ художникахъ природная свара и разгульная жизнь». Ивановъ говоритъ, что «въ академіи художествъ науки были въ совершенномъ разстройствѣ и потому ему, прежде чѣмъ приниматься за дѣло, надо было изучать языки иностранныя и начитаться всего того, что требуетъ просвѣщенный нашъ вѣкъ отъ художника». Но, чего собственно требуетъ нашъ просвѣщенный вѣкъ—на это у Иванова нѣтъ никакихъ указаній. Согласно его пониманію задачъ худо-

жественной дѣятельности, художникъ долженъ быть совершенно свободенъ, никогда ничему не подчиненъ, независимость его должна быть безпредѣльна. «Вѣчно въ наблюденіяхъ природы, вѣчно въ нѣдрахъ тихой умственной жизни онъ долженъ набирать и извлекать новое изъ всего собраннаго, изъ всего видѣннаго. Русскій художникъ непремѣнно долженъ быть въ частомъ путешествіи по Россіи и почти никогда не быть въ Петербургѣ, какъ городѣ, неимѣющемъ ничего характеристическаго». Конечно, такой взглядъ на художника и на искусство достоинъ грандіозныхъ замысловъ человѣка, мечтавшаго обновить искусство, но вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, на-сколько Ивановъ не имѣлъ понятія о силахъ художественнаго творчества и на-сколько онъ игнорировалъ всѣ остальные стороны человѣческой жизни. Нападая на «подлое» воспитаніе, Ивановъ думаетъ, что для живописца достаточно одной искры божіей, чтобы пересоздать человечество, и что просвѣтителями міра призваны быть воспитанники русской академіи художествъ!

Конечно, всѣ благородные и великодушные порывы Иванова вытекали изъ его любящаго сердца, изъ его чистыхъ душевныхъ стремленій. Въ душѣ Иванова, религіозной, наклонной даже къ мистицизму, «билъ родникъ» нѣжныхъ чувствъ. Онъ былъ склоненъ къ обоготворенію не только идеи и своихъ личныхъ чувствъ, но даже къ идолопоклонству передъ человѣкомъ. Въ своей записной книжкѣ подъ 1847 годомъ Ивановъ пишетъ: «Молодая дѣва, знатная происхожденіемъ соотечественница, прелестная, добрая душою, полюбила меня горячо,—простила мнѣ недостатки и увѣрила меня въ своемъ постоянствѣ. Если я не отвѣчу на все это святостью моей жизни, безъ сомнѣнія, буду подлець изъ подлецовъ. Пришедши въ себя, въ раскаяніи я пошелъ домой, чтобы при молитвѣ повергнуть себя ницъ передъ волей Божіей и въ слезахъ нашелъ полное душевное спокойствіе». Уже изъ этихъ немногихъ словъ видно, что Ивановъ принадлежалъ къ числу не особенно сильныхъ людей и хотя нѣкоторые изъ его біографовъ отрицаютъ вліяніе на него Гоголя, но чѣмъ-же объяснить ихъ сближеніе, какъ не общимъ душевнымъ складомъ. Ивановъ весь свой вѣкъ мечталъ о самоусовершенствованіи и при иныхъ условіяхъ онъ могъ-бы, конечно, сдѣлаться подвижникомъ. Гоголь былъ для него образцомъ и руководителемъ. Въ 1841 году Ивановъ пишетъ отцу: «Съ нѣкоторыми пріѣзжими русскими я знакомъ и въ особенности съ лучшимъ нашимъ литераторомъ Н. В. Гоголемъ. Это человѣкъ необыкновенный, имѣющій высокій умъ и вѣрный взглядъ на искусство. Какъ поэтъ, онъ проникаетъ глубоко. Чувства человѣческія онъ изучалъ и наблюдалъ

ихъ. Словомъ, человекъ самый интереснѣйшій, какой-только можетъ представиться для знакомства». И Гоголь дѣйствительно умѣлъ повліять на смиренномудріе Иванова. Въ одномъ письмѣ къ Гоголю Ивановъ пишетъ: «Согласимся, однако, что несчастія намъ даются свыше, дабы мы могли имѣть болѣе способовъ жить въ глубинѣ самихъ себя въ полной покорности волѣ providѣнія». Въ другомъ письмѣ къ тому-же Гоголю Ивановъ говоритъ: «Мы христіане должны въ молчаніи и съ покорностью ждать обѣщаннаго блаженства и заботиться только о томъ, чтобы быть болѣе и болѣе его достойнымъ». Ивановъ писалъ это въ 1851 году, т. е. когда ему было 46 лѣтъ, а въ 1843, или когда ему было 27 лѣтъ, онъ писалъ въ «Общество поощренія художниковъ»: «Мнѣ суждено предвидѣть только славу художниковъ русскихъ, приобрести всеобщую ихъ довѣренность и сказать Творцу моему: нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ. Но нѣтъ, роптать на жребій свой, — значитъ роптать на Бога, роптать на Бога — значитъ себя мучить въ жизни сей». При такомъ душевномъ строѣ Ивановъ долженъ былъ обнаруживать наклонность къ аскетизму, нелюдимству, замкнутости и уединенію. Но такъ-какъ нѣтъ худшаго совѣтника какъ собственное я, то Ивановъ, убѣгавшій и отворачивавшійся отъ людей, кончилъ тѣмъ, что и жизнь и люди отъ него отвернулись. Умственный аскетизмъ и не могъ привести ни къ чему иному.

Говорятъ, что Ивановъ очень много трудился надъ изученіемъ жизни, что онъ честно искалъ истину; но въ чемъ, гдѣ и какъ искалъ онъ ее? Ивановъ зналъ ассирійскія древности и исторію Палестины гораздо лучше, чѣмъ исторію Россіи и Европы. Не было ни одной ассирійской или вавилонской вазы, ни одного еврейскаго хитона, котораго онъ-бы не зналъ въ совершенствѣ. Въ древней Палестинѣ онъ искалъ спасенія и обновленія міра и искусства. Но это обновленіе имѣло для него не жизненный современный смыслъ, а смыслъ мистическій и служило для его личнаго удовлетворенія. Вслѣдствіе этого Ивановъ при всѣхъ своихъ порываніяхъ является глубочайшимъ эгоистомъ, чуждымъ интересамъ современныхъ ему людей. Ученость Иванова была громадная, но она была ученостью не отъ міра сего. Она была средствомъ, которое питало его мечтательный идеализмъ; а что такое, какъ не мечтательность—его стремленіе дать искусству средневѣковое значеніе! Въ этомъ смыслѣ Ивановъ какъ-бы хотѣлъ исполнить задачу Юліана-отступника. Тотъ тоже хотѣлъ обновить старый міръ и возстановить идолопоклонство. Ивановъ, конечно, не бралъ на себя задачи возстановленія идолопоклон-

ства, но онъ не взялъ на себя и прогрессивной задачи, ибо хотѣлъ возстановить то, что уже умерло и чего возстановить невозможно. Поэтому жизнь выскользнула у него изъ-подъ пальцевъ, изученіе людей ему не давалось и; какъ онъ самъ пишетъ Гоголю, онъ мучился бесплодно въ этой «каторжной работѣ». Такой-же каторжной работой было для него и изученіе идеи, которая жила въ немъ лишь въ формѣ смутнаго чувства и въ видѣ художественныхъ неясныхъ образовъ. Реальная жизнь прошла надъ его головою и онъ всегда былъ чуждъ ея интересамъ. Ивановъ родился въ 1806 году, а въ 1815, т. е. девяти лѣтъ, поступилъ въ академію. Академія, какъ онъ и самъ говоритъ, ничему его не научила. Въ декабрьскія событія 1825 года Иванову было 19 лѣтъ, а 24 лѣтъ онъ поѣхалъ за-границу. Все развитіе его заключалось въ той чистой художественности и въ томъ стремленіи къ обновленію искусства, изъ котораго онъ сдѣлалъ цѣль своей жизни. Живопись для него была единственнымъ знаніемъ и интересы живописи—единственными интересами. общественныхъ и политическихъ задачъ, волновавшихъ его современниковъ, для него не существовало. Его болѣзненная фантазія создала ему свой собственный идеальный міръ, въ которомъ дѣйствительной жизни и дѣйствительнымъ людямъ не было мѣста. Это былъ идеализмъ аскета, измученнаго и надорваннаго добровольнымъ отчужденіемъ отъ всего живого. При этомъ Ивановъ жалуется, что получилъ въ академіи дурное образованіе, но кому-же изъ его современниковъ давалось хорошее воспитаніе въ какомъ-бы то ни было заведеніи? Ломоносовъ получилъ еще худшее воспитаніе, но это не помѣшало ему быть Ломоносовымъ. Конечно, было-бы лучше, еслибы Ивановъ зналъ иностранные языки, которыхъ онъ не зналъ, а въ томъ числѣ и нѣмецкаго; еще было-бы лучше, еслибы среда, въ которой онъ росъ, дала ему готовое умственное наслѣдіе, которое избавило-бы его отъ необходимости убивать всю жизнь на неустойчивое отыскиваніе точки опоры для своей художественной идеи. Ивановъ не былъ человекомъ сильныхъ, умственныхъ способностей, и въ этомъ вся его бѣда. Глухая среда, въ которой онъ выросъ, дѣйствовала на него, конечно, гнетущимъ образомъ. Она уводила его въ средніе вѣка и въ застои мысли; а лично у Иванова не достало силъ пробить себѣ самостоятельную дорогу. Недостатокъ умственныхъ силъ былъ въ немъ такъ великъ и вліяніе русской среды на-столько его уже подавило, что, очутившись въ Европѣ, онъ остался тѣмъ-же русскимъ Ивановымъ и замѣтилъ ее и движеніе ея мысли лишь тогда, когда ему пришлось возвращаться опять въ Рос-

сію. Пережитую жизнь нельзя было переживать вновь, и Ивановъ такъ и застылъ въ своемъ неясномъ, неопредѣленномъ и двусмысленномъ стремленіи. Тотъ, кто не сдѣлалъ запаса понятій раньше, тотъ и умираетъ безъ нихъ.

Для Иванова не существовало ни политической жизни, ни политическихъ интересовъ въ эпоху, когда ими все жило и дышало. И то, и другое онъ игнорировалъ, видя въ нихъ помѣху своему искусству. Напримѣръ, подъ 1847 годомъ онъ описываетъ въ своей записной книжкѣ итальянскія событія такимъ образомъ: Въ Ливорно онъ засталъ «весьма важное происшествіе,—испросъ національной гвардіи у правительства. Если не дадутъ намъ національной гвардіи, говорили въ городѣ, то будетъ революція. Мнѣ совѣтовали убираться». Ну, конечно, Ивановъ и убрался. Въ Генуѣ, гдѣ Ивановъ тоже могъ бы увидѣть кое-что, онъ проникся настолько чисто-художественными чувствами, что пишетъ въ своей записной книжкѣ: «Ночью за ужиномъ по лѣстницѣ звонкимъ эхомъ играла мандолина и разбавила горечь жизни угнетаемаго путешественника, преданнаго одному своему дѣлу, проводящаго его черезъ всѣ пакости соприкосновенныхъ ему людей.» Въ Миланѣ угнетаемый путешественникъ, преданный одному своему дѣлу, «сложивъ чемоданъ въ отелѣ», отправляется смотрѣть тайную вечерю и по этому случаю восклицаетъ: «Горестно было смотрѣть на пропадающее удивительное твореніе. Сейчасъ за карандашъ! и восемь дней были употреблены на практическое изслѣдованіе оставшихся красотъ». О Пьемонтѣ Ивановъ говоритъ: «Пьемонтъ—эгоистъ: онъ только мечтаетъ, чтобы ослабить австрійца, да и то, если можно, не двигаясь съ мѣста, чужими руками»... «Въ Луккѣ мы почти на роду не видали, говоритъ дальше Ивановъ:—но трактирный слуга рассказывалъ о лукесцахъ, какъ о герояхъ. Особенной честности мы не замѣтили... Все сдается на царствованіе анархіи, можетъ быть, это черновое только». Относительно римскихъ событій Ивановъ въ письмѣ къ Гоголю высказываетъ такія мысли: «Вотъ уже двѣ недѣли, какъ совершенно все остановилось. Римъ въ осадѣ. Люди, теперь здѣсь во главѣ стоящіе, грозятъ все зажать и погребсти себя подъ пепломъ. При такихъ условіяхъ, конечно, уже невозможно продолжать трудъ, требующій глубоко-сосредоточеннаго спокойствія. Я, однакожъ, вѣрплюсь въ перенесеніи столь великаго несчастія и только-что будетъ возможно, то опять примусь за окончаніе моей картины». Когда Наполеонъ I шелъ на царство польское, то Гофманъ расписывалъ въ Варшавѣ потолокъ для опернаго театра и, поглощенный исключительно театральными интересами, считалъ и Наполеона, и его ве-

ликую армію, и его страшный походъ на Россію, и европейскія событія, создавшія Наполеона—не больше, какъ досадными путыками, мѣшавшими ему расписывать плафонъ и дирижировать оркестромъ. Ивановъ тоже, вродъ Гофмана, находитъ, что все итальянское движеніе не больше, какъ вздоръ, мѣшающій ему рисовать.

Иванову потребовалось пережить десять лѣтъ, чтобы наконецъ понять, что все это не было такимъ вздоромъ, какъ ему казалось. Да, пожалуй, Ивановъ и правъ, когда говоритъ о себѣ, что онъ думаетъ туго и «высиживаетъ» мысли. Черезъ десять лѣтъ, т. е. въ 1857 году, Ивановъ пишетъ къ Г***: «Слѣдя за современными успѣхами я не могу не замѣтить, что мое искусство живописи должно получить новое направленіе, и полагая, что нигдѣ столько не могу зачерпнуть разъясненія мыслей моихъ, какъ въ разговоръ съ вами—надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ этомъ—я рѣшаюсь пріѣхать въ Лондонъ отъ 3-го до 10-го сентября. Въ художникахъ итальянскихъ совсѣмъ не слышно стремленія къ какимъ-нибудь новымъ идеямъ въ искусствѣ. Не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима, они въ 1848—49 годахъ, когда во главѣ стоящая партія грозила до основанія разрушить церкви, думали, какъ-бы получить для церквей новые заказы. Такое протіворѣчіе рождаетъ самый любопытный вопросъ: какъ думаетъ объ этомъ Мадзини? Почему и просилъ-бы васъ покорнѣйше свести меня съ нимъ во время пребыванія моего въ Лондонъ. Но подумавъ, однакожь, не будетъ-ли это свиданіе имѣть пагубныя послѣдствія для меня отъ римскаго правительства, которое, вѣроятно, вслѣдствіе послѣднихъ потрясеній, стоитъ насторожѣ всѣхъ его дѣйствій въ самомъ Лондонѣ. Если, напримѣръ, правительству вздумается вторгнуться въ мою студию въ Римъ для осмотра моихъ книгъ, съ помощью которыхъ я пробую созидать новый путь для моего искусства въ эскизахъ, то они, разумѣется, отберутъ отъ меня и то, и другое, что будетъ моимъ смертельнымъ нравственнымъ ударомъ». Письмо это даетъ самое полное понятіе объ Ивановѣ. Слѣдя за современными успѣхами, онъ замѣчаетъ, что живопись должна получить новое направленіе. Но что онъ называетъ современными успѣхами? Тѣ-ли tableaux de genre, которыя, по его мнѣнію, унижали искусство и служили признакомъ нравственнаго упадка европейскихъ національностей, реализмъ-ли искусства, искавшій сюжетовъ въ настоящемъ, т. е. переменна въ содержаніи искусства, въ новыхъ темахъ для него или что-нибудь другое, имѣющее болѣе техническій характеръ. Въ итальянскихъ художникахъ онъ не замѣчаетъ никакихъ новыхъ идей въ искусствѣ и огорчается, что

партія, грозившая разрушить церкви, въ то-же время желала получить заказы для церквей. Онъ видитъ въ этомъ противорѣчіе и желаетъ получить разъясненіе его отъ Мадзини. Но какое разъясненіе могъ ему дать этотъ неутомимый боецъ за возрожденіе Италіи? Зачѣмъ понадобился Иванову именно Мадзини и неужели въ томъ, чѣмъ возмутилась душа Иванова, заключается какое-нибудь противорѣчіе? Вѣдь партія, которая грозила разрушить римскія церкви, ужъ, конечно, не занималась рисованіемъ образовъ. А если въ Римѣ были художники, которые изъ живописи сдѣлали простое ремесло и рисовали образа точно такъ-же, какъ они-бы стали шить сапоги, неужели это вопросъ, для разъясненія котораго потребовался Мадзини, а самъ Ивановъ разрѣшить его былъ не въ состояніи? И почему Ивановъ, думалъ, что послѣ его разговоровъ съ Мадзини римское правительство вторгнется въ его студию и отберетъ всѣ его эскизы. Римскому правительству, конечно, были очень хорошо извѣстны всѣ его враги, и Ивановъ, прожившій въ Римѣ 27 лѣтъ скромнымъ художникомъ, неоставлявшимъ своей мастерской, былъ на-столько извѣстенъ полиціи Рима, что и послѣ его свиданія съ Мадзини объ немъ едва-ли измѣнилось-бы мнѣніе. Но Иванову рисуются въ его больномъ воображеніи итальянскіе сбиры, которые могутъ конфисковать его эскизы, и простой полицейскій обыскъ представляется ему смертельнымъ нравственнымъ ударомъ, лишаящимъ его умственной, нравственной и физической энергіи! Поѣздка въ Лондонъ не помогла Иванову разрѣшить его сомнѣнія. Мадзини не было, Саффи, котораго онъ видѣлъ, разъясненій никакихъ ему дать не могъ, а независимость сужденій Г*** о произведеніяхъ искусства слишкомъ радикально расходилась, какъ говоритъ г. Гаевскій, со взглядами Иванова и онъ чувствовалъ невозможность соглашенія. Такъ сомнѣнія Иванова и остались сомнѣніями, а вопросы—вопросами п, не найдя отвѣтовъ на нихъ въ самомъ себѣ, онъ, конечно, еще менѣе могъ найти ихъ внѣ себя.

Замкнутый въ самомъ себѣ, въ мірѣ очень узкихъ личныхъ понятій, Ивановъ былъ не въ состояніи разрѣшить той грандіозной задачи, которую ему подсказывало его смутное чувство, разрѣшить которую средствами собственнаго ума и возвести въ грандіозную идею у него не доставало силъ. Это происходило, конечно, отъ слишкомъ слабо развитаго чувства. Ивановъ по своему душевному складу принадлежалъ скорѣе къ людямъ набожнымъ, чѣмъ къ истинно-религіознымъ. Онъ былъ слишкомъ личенъ и вообще принадлежалъ къ тѣмъ робкимъ одиночкамъ, которые на весь міръ смотрятъ черезъ призму своего личнаго я и умаляютъ міръ до размѣра своей собственной особы. Глубочайшій эксцентрикъ Ивановъ

никогда не могъ подняться до высоты той задачи, которую онъ взялъ на себя. Изъ воспоминаній брата его, Сергѣя Иванова, извѣстно, что, задавшись мыслью изобразить въ композиціяхъ жизнь и дѣянія Христа, Ивановъ думалъ въ особомъ зданіи, посвященномъ для этого, на каждой стѣнѣ изобразить въ картинѣ замѣчательнѣйшее происшествіе изъ жизни Христа, а сверху этой главной картины или по бордюру ея представить, но въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, «относящіеся къ этому происшествію или нарощія на него впослѣдствіи преданія или сказанія, или сюжеты на тѣ мѣста «Ветхаго Заветъ», въ которыхъ говорится о Мессіи, и происшествія подобныя, случившіяся въ «Ветхомъ Заветѣ». Изъ этого видно, что Ивановъ даже идею Христа низвелъ и умалилъ до самого себя. Онъ отнялъ отъ этой идеи ея міровое, культурное значеніе и приурочилъ ее къ Палестинѣ, желая, такъ сказать, закрѣпить на полотнѣ рядомъ картинъ преданія о личной жизни Иисуса. Но вѣдь міровое значеніе прішествія Мессіи не заключается только въ преданіи о Силоамской купели, или исцѣленія слѣпца, или чудѣ въ Канѣ Галилейской. Значеніе это шире, глубже и не исчерпывается одними преданіями о личныхъ фактахъ за двѣ тысячи лѣтъ, а продолжается и до-нынѣ. Вотъ этого-то эпоса Ивановъ и не былъ въ состояніи понять. А между тѣмъ онъ началъ хорошо. Первый моментъ появленія Мессіи, какъ Ивановъ изобразилъ его на своей картинѣ, заключается въ себѣ торжественность и что-то таинственное, подготавливающее ожиданія къ чему-то. Въ глубинѣ картины точно изъ какого-то безграничнаго пространства появляется одинокая фигура, съ грустью смотрящая на толпу, ожидающую ея появленія; во главѣ толпы стоитъ Іоаннъ Креститель, предсказавшій людямъ появленіе Искупителя, который долженъ обновить міръ. Чтобы продолжать эту идею, Иванову достаточно было знать всемірно-историческое значеніе христіанства и всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя оно вызвало. Тутъ Ивановъ безъ всякихъ совѣщаній съ Мадзини, или съ Саффи или съ Г*** могъ-бы найти указанія въ исторіи борьбы перваго христіанства съ идеей древняго міра. Эпоха римскихъ императоровъ, Юліанъ - отступникъ, борьба христіанства съ юдаизмомъ, факты нетерпимости, которые обнаруживались въ этой борьбѣ съ той и съ другой стороны, попытка древняго міра сдѣлать христіанство излишнимъ и найти обновленіе въ самомъ себѣ, образованіе христіанской церкви, борьба церкви съ отдѣльной личностью, подчинившей, наконецъ, себѣ индивидуальное вдохновеніе, все это давало безконечный матеріалъ для художественнаго воспродведенія, поражающій своей величавой простотой и силой. Но, какъ вид-

но, Ивановъ былъ совершенно чуждъ подобнаго величаваго представленія идеи христіанства, родившейся изъ одинокой проповѣди и затѣмъ распространенной по міру одинокими проповѣдниками изъ рыбаковъ и простыхъ людей. Величавость этой простоты была совершенно чужда Иванову, тогда-какъ именно въ этомъ и заключается вся глубина и сила того момента возрожденія, изученію котораго посвятилъ себя Ивановъ и все-таки изучить его не успѣлъ. Одинъ догматъ искупленія, созданный христіанствомъ, со всѣми его кровавыми и мрачными послѣдствіями, могъ-бы дать Иванову безконечный матеріалъ для композиціи. Разумѣется, жизни одного человѣка не достало-бы для изображенія всего христіанскаго эпоса, но вѣдь и тутъ Иванову могла-бы помочь его собственная идея, еслибы онъ ею овладѣлъ. И Христосъ началъ одиноко, а между тѣмъ изъ его проповѣди создался цѣлый міръ послѣдовательно развивавшихся идей. Но Ивановъ, сводившій все къ своему личному высокоумію, не былъ и не могъ быть творцомъ школы; а не могъ онъ быть творцемъ школы потому, что во всю свою жизнь не могъ выработать въ себѣ истинной христіанской идеи въ ея глубокомъ соціальномъ значеніи и думалъ найти помощь въ совѣтахъ Мадзини.

По общепринятой терминологіи, Иванова можно-бы назвать послѣднимъ могиканомъ идеализма. И дѣйствительно, величавый реализмъ христіанскихъ событій былъ всегда чуждъ чувствамъ и пониманію Иванова. Ни среда, въ которой онъ развился, ни личныя силы не дозволили ему никогда встать на высоту общественныхъ и политическихъ идей и провѣрить ихъ правильность ходомъ исторической жизни. Онъ думалъ быть художникомъ и считалъ художественность чѣмъ-то подобнымъ откровенію, заключающему само въ себѣ прирожденную и несомнѣнную истину. За эту ошибку мысли Ивановъ заплатилъ неудачами всей жизни и горькимъ разочарованіемъ, которое убило его нравственно. Мученичество Иванова должно-бы послужить урокомъ и не для однихъ живописцевъ. Сторонники художественнаго творчества, воображающіе, что внѣ дѣйствительной жизни можно найти какую-нибудь опредѣленную, неизмѣняющую себѣ идею, должны, наконецъ, убѣдиться, что въ чистой художественности нѣтъ безошибочнаго движенія мысли. Ивановъ началъ смутнымъ чувствомъ любви и какихъ-то неясныхъ стремленій, но когда ему пришлось возвести ихъ къ сознанію и найти провѣрку въ дѣйствительной жизни, то онъ увидѣлъ, что его личная художественность ненужна никому. Оказалось, что люди, о которыхъ онъ никогда не думалъ, тоже перестали думать о немъ и отвернулись отъ него. Человѣкъ прожилъ даромъ жизнь, изстрада-

дался, избился, измучился и, конечно, имѣлъ право негодовать на неблагодарность людей, хотя едва-ли онъ что-нибудь и сдѣлалъ, чтобы вызвать особенную благодарность. Любящій и нѣжный, онъ не умѣлъ любить никого кромѣ себя и, погружившись въ эгоизмъ художественности, жилъ въ немъ однимъ своимъ изолированнымъ личнымъ чувствомъ. Можетъ быть, не совсѣмъ неправы тѣ, кто обвиняетъ художниковъ и, поэтовъ въ бездушшіи и эгоизмъ. Страданія людей они на-столько переживаютъ въ самихъ себѣ и въ образахъ, которые творятъ, что для дѣйствительныхъ людскихъ страданій у нихъ уже не остается ни капли живаго сочувствія.

Н. Шелгуновъ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ СТРАНЫ,

ГДѢ РАКИ ЗИМУЮТЪ.

Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Auf der Veranstaltung des Vereins für die deutsche Nordpolarfahrt in Bremen unternommen mit D-r A. E. Brehm und Karl Graf von Waleburg-Zeil-Trauchburg von D-r O. Finsch. Mit 56 Illustrationen, Uebersichtskarte und 3 Kartenskizzen. 213. Berlin. 1879.—
А. Норденшельдъ. Экспедиція въ устьямъ Енисея, въ 1875 и 1876 гг, Спб. 1880.—
О торговыхъ сношеніяхъ Сибири морскимъ путемъ съ иностранными портами. Спб. 1879.

Знаютъ Латкинъ съ Бенардаки,
Гдѣ зимуютъ раки.

Сибирская пѣсня.

Всякому, даже неполучившему атестата зрѣлости, извѣстно, что раки зимуютъ преимущественно въ Сибири, а также и на сѣверѣ европейской Россіи, куда уже давнымъ давно устремлены похотливые взоры отечественныхъ аферистовъ. Правда, эти взоры устремляются не на одну Сибирь, не на одинъ сѣверъ, а разбѣгаются во всѣ стороны и слѣдятъ за каждымъ лакомымъ кускомъ, гдѣ-бы онъ ни лежалъ, на сѣверѣ или на югѣ, на востокѣ или западѣ. Особенно хорошо на югѣ,

Гдѣ, зная, что зимуютъ раки,
Нашелъ себѣ обилья рогъ
Премудрый эллинъ Бенардаки.

Потомъ уже Бенардаки, наловивъ раковъ на Таганрогѣ, обратился къ Сибири. Вслѣдъ за Бенардаки выдвинулись служившій у него покойный Василій Латкинъ, человекъ ловкій изъ зырянъ, разбогатѣвшій преимущественно приисками, и его тесть, «просвѣщенный мореплаватель» М. К. Сидоровъ, извѣстный своимъ

открытіемъ туруханскаго графита—который, благодаря *польской интригѣ*, не могъ быть доставленъ по контракту въ Англію,—и многими другими патріотическими дѣянiями, напр., пожертвованіемъ 1.000,000 р. на основаніе сибирскаго университета, за что, какъ самъ печатно заявлялъ объ этомъ, былъ преданъ суду. Всѣ эти господа, за которыми тянется длинный хвостъ приказчиковъ, давно уже облюбовали себѣ лучшія мѣста въ Сибири и на крайнемъ сѣверѣ Россіи, особенно на Печорѣ, гдѣ господствуютъ ихъ земляки, ижевскіе зыряне. Они ничѣмъ не брезгаютъ: попалось золото,—подавай золото, семга—подавай и семгу, жерновой камень—бери и камень, но болѣе всего смущаютъ ихъ печорскіе дѣса, которые, если-бы можно было, они годика въ два вырубил-бы безъ остатка и сплавилъ въ Англію. Съ соблазнительными обрубками-образцами этихъ дѣсовъ г. Сидоровъ носился чуть не по плѣдому свѣту, показывая ихъ на выставкахъ въ Москвѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ. Но дѣло не выгорало: не даютъ Печорья въ вѣчное и потомственное владѣніе Сидорову и К^о, да и баста! А все—«польская интрига», какъ подробно объяснялъ г. Сидоровъ въ своей, вышедшей въ 1869 г., книгѣ «Сѣверъ Россіи». Въ этой-же книгѣ г. Сидоровъ повѣдалъ міру о своихъ широкихъ замыслахъ,—о проектѣ компаніи, желавшей захватить въ свои руки весь сѣверъ Россіи. Проектъ этотъ до того грандіозенъ, что стоитъ познакомиться съ нимъ, хотя въ главныхъ его чертахъ.

Проектированная Сидоровымъ компанія будетъ колонизовать сѣверъ, снабжая поселенцевъ. всѣмъ необходимымъ и *обязывая ихъ, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми, исполнять всѣ работы по ея указанію* (стр. 360—368). Это было-бы очень хорошо и въ случаѣ согласія правительства даже легко выполнимо: въ среднихъ губерніяхъ много обездоменнаго народа, который легко увлечъ на сѣверъ разными обѣщаніями и тамъ обратитъ въ рабство, которое предполагалось до того всестороннимъ, что, по проекту «просвѣщеннаго» колонизатора, компанія бралась и производить колонистовъ, и уплачивать за нихъ всѣ подати. Заботливость по-истинѣ отеческая, но за то «поселившіеся, *оставляя себѣ $\frac{1}{3}$ изъ всего промысла, $\frac{2}{3}$ отдають компаніи*. При этомъ, изъ всего промысла отчисляется $\frac{1}{10}$ для улучшенія страны; *затѣмъ $\frac{1}{3}$ товара, принадлежащая рабочимъ, поступаетъ по мѣстнымъ цѣнамъ компаніи, которая, за вычетомъ денегъ, выданныхъ впередъ, или выдаетъ наличныя денги или тѣми потребностями, въ какихъ рабочіе встрѣтятъ надобность*» *). Все

*) „Выдающій рабочимъ потребностями“ г. Сидоровъ порядочно безграмотенъ.

это, какъ видитъ читатель, очень просто и съ поконъ вѣку практикуется. «Утаившій часть промысла (батракъ) или передавшій его въ другія руки судится, какъ за воровство казеннаго имущества.» *Колонистовъ, вошедшихъ въ неоплатныя долги у компаніи, а также рабочихъ, виновныхъ въ воровствѣ, утайкѣ, побѣтъ или неявкѣ въ срокъ, компанія «лишаетъ всѣхъ правъ и преимуществъ, [присвоенныхъ имъ на службу, и отдаетъ въ арестантскія роты, имѣющихъ быть въ полномъ распоряженіи компаніи. Преступникъ долженъ заработать здѣсь втрое больше той суммы, какую считаетъ за нимъ компанія* (стр. 360, 375, 377, 383). До такихъ проектовъ не доходили даже американскіе плантаторы: укралъ рабъ 1,000 рублей, — за это судить его какъ за воровство казеннаго имущества да еще вытянуть изъ него посредствомъ арестантскихъ ротъ не менѣе какъ на 3,000 рублей! Къ сожалѣнію, г. Сидоровъ не объясняетъ, что намѣрена дѣлать компанія съ тѣмъ, у которыхъ нечего будетъ вытянуть даже съ помощію арестантскихъ ротъ. Вѣроятно, компанія и тутъ не останется въ убыткѣ, тѣмъ болѣе, что, имѣя свои арестантскія роты на Новой землѣ, она получаетъ, по проекту, въ свое полное распоряженіе всѣхъ преступниковъ, ссылаемыхъ теперь въ Сибирь, т. е. 12,000 человекъ ежегодно. Подъ это милостивое покровительство компаніи имѣютъ право вступать лица всѣхъ сословій, но, поселяясь на ея территорію, «они вполнѣ подчиняются правиламъ компаніи» (стр. 383). Обязаны-ли они будутъ присягать въ вѣрности компаніи и какъ будутъ судиться за «измѣну», Сидоровъ, къ сожалѣнію, объ этомъ умалчиваетъ. «Мореходствомъ, путями сообщенія, почтою, телеграфами, горнымъ дѣломъ, судомъ, полиціей, хозяйствомъ и комерціей—всѣмъ будетъ управлять одна К^о черезъ своихъ агентовъ» (стр. 367—375)! Само собою понятно, что увеселительныя заведенія всякаго рода и печать будутъ въ ея-же рукахъ, а для завѣдыванія ими подходящіе люди всегда найдутся. Винокурни и кабаки, понятно, тоже будутъ компанейскіе, а управлять ими согласятся даже многіе изъ «литераторовъ и ученыхъ», которымъ не удалось еще открыть своихъ газетъ, въ родѣ «Новаго Времени», или не повезло на журнальномъ поприщѣ. Компанія получаетъ вѣчную привилегію на беспошлинный вывозъ мѣстныхъ продуктовъ и привилегію на 20 лѣтъ на беспошлинный ввозъ всѣхъ иностранныхъ; въ слѣдующіе 20 лѣтъ она будетъ платить за ввозимые иностранныя товары $\frac{1}{4}$, а въ слѣдующіе— $\frac{1}{2}$ таможенныхъ пошлинъ (стр. 385). *Вся морская, рѣчная и лѣсная промышленность по всему сѣверу отъ Норвегіи до Камчатки и устьевъ Амура отдается исключительно К^о* (стр. 388). Всякій

русскій получаетъ безошлинное право на эксплуатацію всѣхъ металовъ и другихъ минераловъ на территоріи компаніи, уплачивая ей $\frac{1}{10}$ добытыхъ имъ цѣнностей. Здѣсь подъ русскими, конечно, разумѣются и зыряне, но отнюдь не евреи, которые даже и зырянъ за поясъ заткнуть и потому не могутъ быть допускаемы къ столь патріотическому предпріятію, какъ проектированное г. Сидоровымъ легальное опустошеніе сѣвера. Наконецъ, компанія «втеченіи 20 лѣтъ безакцивно обрабатываетъ всѣ естественныя произведенія, находящіяся на землѣ, и безошлинно вывозитъ ихъ за-границу» (стр. 388—390).

Конечно, весь этотъ проектъ не болѣе, какъ утопія зырянина, слышавшаго кое-что о привилегіяхъ Остъ-Индской компаніи; но дѣло въ томъ, что въ этой утопіи мы видимъ во всей ея прелести дѣльцевскую душу, такъ-сказать, осязаемъ тотъ духъ, который воодушевляетъ Сидоровыхъ, Латкиныхъ и другихъ дѣятелей «Общества содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Въ этомъ достойномъ учрежденіи вотъ уже сколько лѣтъ толкуютъ въ сущности о томъ-же, о чемъ говоритъ и Сидоровъ въ своемъ проектѣ, о возможно широкой эксплуатаціи сѣвера европейской Россіи и всей Сибири, преимущественно посредствомъ мореходныхъ сношеній по Сѣверному океану. Эти мореходныя сношенія играютъ въ обществѣ точно такую-же роль, какую исполняютъ халаты, продаваемые въ Петербургѣ казанскими татарами. Какъ продажа халатовъ для татарина дѣло второстепенное и онъ торгуетъ большею частію золотомъ, такъ и Сидоровымъ съ Латкиными нужно собственно не морскія сношенія, а эксплуатація сѣвера и всей Сибири. Въ 1878 г. даже въ самомъ «Обществѣ содѣйствія» ихъ документально уличилъ въ этомъ г. Балкашинъ, объяснивъ, «основываясь на выпискахъ изъ официальныхъ документовъ, что предпріятія г. Сидорова направляются преимущественно на бесплатную эксплуатацію казенныхъ лѣсовъ, а не на развитіе пароходства». При этомъ г. Балкашинъ предъявилъ обществу «выписки изъ условія, заключеннаго отъ имени г. Сидорова съ ляпинскими инородцами на польсованіе г. Сидоровымъ и его наслѣдниками казенныхъ лѣсовъ и на пароходство по Сыгвѣ и Сосвѣ, какъ образецъ эксплуатаціи промышленниками сѣверныхъ инородцевъ» («Новое Время», 1878). Сидоровъ, Латкинъ и К^о замолчали, но не на долго, и пренія объ эксплуатаціи Сибири скоро возобновились, при чемъ «Общество содѣйствія» благодарило Сидорова за его безкорыстные подвиги и покровительство наукъ, а Сидоровъ благодарилъ общество за содѣйствіе той-же наукъ.

Какъ у казанскихъ татаръ, торгующихъ золотомъ, мыло слу-

жило добавленіемъ къ халатамъ, такъ и у Сидоровыхъ наука подкрѣпляетъ собою развитіе мореплаванія. В. Латкинъ еще въ 50-хъ годахъ совершилъ «научное» путешествіе по Печорѣ, описаніе котораго было даже издано Географическимъ Обществомъ. Н. Латкинъ до того любилъ науку, что увлекъ даже извѣстнаго финляндскаго ученаго Кастрена, который съ восторгомъ отзывается о немъ въ своемъ путешествіи, и получилъ золотую медаль отъ географическаго общества за топографическое описаніе енисейскихъ пріисковъ, на которыхъ онъ ловить такъ много золотыхъ раковъ. Что-же касается г. Сидорова, то его любовь къ наукѣ еще пламеннѣе: стоитъ вспомнить только 1,000,000 р., пожертвованныхъ имъ на сибирскій университетъ. Правда, этотъ миліонъ былъ такого сорта, что жертвователю угодилъ за него подъ судъ, но все-таки 1,000,000 вѣдь это не шутка! Далѣе г. Сидоровъ описалъ «Сѣверъ Россіи» и, наконецъ, снарядилъ, нѣсколько научныхъ экспедицій, — Крузенштерна, Кушелевскаго и т. д. Онъ—членъ русскаго географическаго общества и копенгагенскаго общества Сѣверныхъ антикваріевъ. Понятно, послѣ этого становится то участіе, какое встрѣчаютъ подобные предприниматели со стороны географическаго общества, жертвующаго десятками тысячъ на такія экспедиціи, какъ Сосновскаго и Пржевальскаго и въ то-же время допускающаго умирать съ голода такихъ путешественниковъ, какъ Миклуха-Маклай. Но Миклуха-Маклай и Потанины раковъ не ищутъ, просвѣщеннымъ мореплавателямъ не служатъ и не обладаютъ той развязностью, какая необходима для полученія дѣйствительнаго, а не мнимаго содѣйствія географическаго общества и покровителей наукъ, вродѣ г. Сидорова. Вспомните, напр., знаменитую экспедицію Сосновскаго: взялся человекъ открыть новой торговый путь въ Китай, получилъ круглую сумму денегъ отъ географическаго общества, да 10,000 р. дали ему тюменскіе купцы, нашумѣлъ о себѣ чуть не на весь свѣтъ, и въ-концѣ-концовъ всѣ его открытія оказались пухомъ. Въ то-же время даровитому, но скромному труженику Потанину съ 4 спутниками, кромѣ козаковъ, которые должны были присоединиться къ путешественнику въ Сибирь, отсыпали на двух-лѣтнее путешествіе въ средней Азіи 3,000 р! Конечно, со стороны географическаго общества не оказывается прямой, сознательной поддержки раковѣденію, но на дѣлѣ-то выходитъ такъ, что многія ученныя предпріятія приносятъ пользу только Сидоровымъ да Латкинскимъ, тоже оказывающимъ съ своей стороны услуги наукъ миліонными пожертвованіями, за которые попадаютъ подъ судъ, да топографическими описаніями пріисковъ. Лучшимъ примѣромъ того, какъ подобные просвѣ-

ценные колонизаторы способны эксплуатировать каждое чистое дѣло, служатъ экспедиціи шведскаго профессора Норденшельда, о которыхъ онъ говоритъ: «Множество важныхъ научныхъ вопросовъ относительно древней исторіи земного шара, животной и растительной жизни на крайнемъ сѣверѣ, животной и растительной географіи, климатологін, рефракціи, сѣвернаго сіянія и проч., рѣшены трудами упомянутыхъ экспедицій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, возникло много новыхъ вопросовъ, часть которыхъ могла быть рѣшена только подробными изслѣдованіями частей полярнаго бассейна, лежащихъ восточнѣе» (стр. 1). Норденшельдъ и его сотрудники говорятъ въ своихъ отчетахъ только о томъ, что они узнали интереснаго въ научномъ отношеніи. Вотъ описаніе пути отъ Тюмени до Томска: «Вода стояла очень высокая, многіе острова были залиты, такъ-что объ ихъ существованіи можно было догадаться только по верхушкамъ деревьевъ, возвышавшихся надъ водой. Такимъ образомъ, отъ времени до времени, по срединѣ рѣки появляся цѣлый лѣсъ ивъ, неуступавшихъ въ своемъ величіи старымъ дубамъ. Мы наслаждались великолѣпною лѣтнею погодой, какую можно себѣ представить; прелестные цвѣты черемухи (*Prunus rodus*) наполняли окрестность своимъ нѣжнымъ ароматомъ; наконецъ, растительность сдѣлалась до-того роскошной, что, право, можно было-бы подумать, будто находишься подъ тропиками». (Стр. 147). Даже когда Норденшельду и его спутникамъ приходится изрѣдка говорить объ экономическихъ отношеніяхъ, то они отъ глубины души возмущаются тою кабалой, въ которой кулаки держатъ мѣстное населеніе. «Въ настоящее время соль, желѣзо, чай, мука и проч., необходимы для большинства самоѣдовъ, которые весьма дорого платятъ за нихъ. Водка, «огненная вода», играетъ здѣсь такую-же гибельную роль, какъ и между сѣверо-американскими краснокожими. Во время моего путешествія вверхъ по Енисею, я бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ однимъ русскимъ, находившимся долгое время въ торговыхъ сношеніяхъ съ самоѣдами, остяками, тунгусами, долганами и проч. Онъ яркими красками описывалъ вредное вліяніе водки, въ особенности при розничной продажѣ ея. Относительно средствъ къ уничтоженію зла, онъ былъ того мнѣнія, что ограниченія, сдѣланныя съ этой цѣлью въ правахъ розничной продажи, имѣли одни только вредныя послѣдствія; такъ-какъ въ этихъ краяхъ существуетъ еще мѣновая торговля, то монополія предоставила всѣхъ дикихъ данной мѣстности въ руки одного лица, имѣющаго право на торговлю этимъ душеспасительнымъ предметомъ: лицо это

можетъ установить любую цѣну на него, и такимъ образомъ становится въ непродолжительномъ времени настоящимъ господиномъ мѣстности» (стр. 33). Объ этой ужасной кабалѣ рассказываетъ и новѣйшій русскій путешественникъ, г. Поляковъ, высчитавшій, что, напр., обскіе рыбопромышленники наживаютъ при помощи ея 200% на затраченный капиталъ.

По поводу этихъ свѣдѣній о кабалѣ, собранныхъ г. Поляковымъ, газета «Сибирь» съ превеликою наивною выразила нѣкоторую надежду на то, не измѣнится-ли къ лучшему для мѣстнаго населенія его экономическія условія съ развитіемъ морской заграничной торговли и съ появленіемъ въ Сибири иностранцевъ, болѣе развитыхъ, а слѣдовательно, и болѣе гуманныхъ, чѣмъ мѣстные кулаки. Какъ видно, плохо еще, господа, васъ учатъ мѣстные дѣльцы, если вы надѣетесь, что люди того же закала, только учившіеся въ англійскихъ и нѣмецкихъ школахъ, будутъ добродѣтельныѣ. Вѣдь все это тѣ-же сибирскіе золотопромышленники, только болѣе развитые, т. е. болѣе ловкіе, чѣмъ ваши. Вѣдь въ сущности вся эта пресловутая исторія съ открытіемъ морскихъ путей въ Сибирь сводится на интернаціональный союзъ доморощенныхъ Разуваевыхъ съ заграничными. Давно-ли Сидоровы на всѣхъ перекресткахъ и устно и печатно кричали, что иностранные антрепренеры болѣе и болѣе расхищаютъ богатства нашего Сѣвера, убиваютъ нашу торговлю и промышленность, которыя такъ или иначе должны сосредоточиваться исключительно въ рукахъ ихъ. Но, увидѣвъ, что этимъ подходомъ ничего не подѣлаешь и Сѣвера не заполучишь, теперь тѣ-же самые дѣльцы во всю силу своихъ легкихъ кричатъ иностраннымъ купцамъ: «земля наша велика и обильна, а живутъ въ ней такіе головоотыпы, что ихъ живо можно обработать; придите-же по морю, яко посуху, торговать съ нами». Едва только профессоръ Норденшельдъ доказалъ, что по Ледовитому морю можно плавать къ устьямъ Оби, Енисея, Лены, какъ въ Обществѣ содѣйствія раковымъ ловлямъ поднялся страшный гвалтъ. «Помигуйте, вопіетъ г. Сидоровъ, громаднѣйшія рѣки Сибири, съ ихъ гигантскими бассейнами, текутъ съ благословеннаго юга, гдѣ пудъ пшеницы стоитъ 15 копѣекъ, а баранина, а рыба, а металы, а графитъ, а лѣса? Только успѣвай братъ да продавать иностранцамъ!» — «Да, вторитъ ему г. Латкинъ, — одна только рѣчная область Оби занимаетъ 85,000 квад. миль, да—Енисей 103,050,—вѣдь это больше всей Европы! Одного только хлѣба по 15 коп. за пудъ можно продавать по 60,000,000 пуд., одна только мука да соль дадутъ занятіе сотнямъ кораблей. Не ме-

нѣе будетъ выгоденъ отпускъ сосноваго и лиственнаго лѣса, превосходнаго и въ настоящее время *почти ничего нестоющаю* *). Далѣе, продуктовъ скотоводства можно продавать за-границу до 5,000,000 пуд. въ годъ. Кромѣ того Западная Сибирь можетъ сбывать нефть, выдѣланныя кожи и спиртъ, не говоря уже о множествѣ цѣнныхъ мѣховъ, мамонтовой кости и оленьихъ шкуръ. О металлическихъ богатствахъ Алтая и говорить нечего, такъ-какъ они достаточно извѣстны. Нашумѣвъ такимъ манеромъ, г. Сидоровъ началъ заключать упомянутые уже контракты съ инородцами, а г. Латкинъ и др. настояли на посылкѣ нѣсколькихъ экспедицій къ устьямъ Оби. Экспедиціи съѣздили и начались новые доклады и отчеты объ открытіи морскихъ путей, о хлѣбѣ по 15 коп. за пудъ, о нуждахъ Сибири и эксплуатаціи богатствъ ея; даже какой-то Никитинъ сочинилъ книжку о богатствахъ Сибири и содержаніи, какое должно быть назначено ему при назначеніи его въ проектированную таможену на устьяхъ Оби. Наконецъ, появились и призванные новымъ Гостомысломъ-Сидоровымъ, варяги: Рюрикъ-Финшъ, Си-неусъ-Бремъ и Труворъ-графъ фонъ-Вальдбургъ-Цейль-Траухбургъ.

Знатные иностранцы всегда путешествовали у насъ при просвѣщенномъ содѣйствіи начальства, радушіе котораго, впрочемъ, иногда ставило ихъ въ очень неловкое положеніе. Когда Гумбольдтъ, во время своего путешествія, посѣтилъ московскій университетъ, все начальство встрѣтило его въ мундирахъ, въ орденахъ, со шпагами, и тѣмъ привело въ немалый конфузъ скромно одѣтаго старика. Въ Омскѣ его угостили еще лучше. Не успѣлъ еще «генералъ» размѣститься въ отведенной ему квартирѣ, какъ къ нему уже былъ приставленъ почетный караулъ, и начали являться солдаты, отрапортовывая: «отъ 1 Сибирскаго линейнаго батальона къ вашему превосходительству на вѣсти посланъ». Понятно, что все это въ высшей степени стѣсняло «генерала» Гумбольдта, но упомянутые знатные иностранцы, прибывшіе съ цѣлью развѣдокъ, гдѣ зимуютъ раки, не стѣсняясь пользовались просвѣщеннымъ содѣйствіемъ начальства въ такой широкой степени, что корреспонденты газеты «Сибирь» чуть не въ каждомъ номерѣ жаловались, что они расплачиваются за все или скупо или вовсе не платятъ, обсчитываютъ ямщиковъ, отнимаютъ чужія лодки, а знаменитый д—ръ Бремъ занимается не столько научными изслѣдованіями, сколько собираніемъ свѣде-

*) См. о контрактѣ на полѣсованіе, заключенномъ Сидоровымъ съ ланнскими инородцами.

ній о цѣнахъ и о томъ, не требуется-ли въ данной мѣстности, и если требуется, то сколько именно, нѣмецкихъ учителей, ремесленниковъ, гувернантокъ, акушеровъ и т. п. Все это путешествіе было, такъ сказать, рекогносцировкой нѣмецкихъ пионеровъ, желавшихъ проложить своимъ соотечественникамъ пути въ страну, гдѣ еще не всѣхъ раковъ выловили извѣстные россияне. Самъ д-ръ Финшъ въ своемъ описаніи этого путешествія до такой степени увлекается просвѣщеннымъ содѣйствіемъ начальства, что невольно подтверждаетъ справедливость упомянутыхъ извѣстій сибирскихъ корреспондентовъ и при этомъ выражается постоянно тономъ нѣмецкаго сапожника, бесѣдующаго съ гофратомъ. Ублажать всячески, кормить до отвала и накачивать всякими напитками знатныхъ иностранцевъ начали съ Перми. Въ Екатеринбургѣ чиновники дали имъ торжественный обѣдъ въ клубѣ. Кушанья были «весьма изысканы: начались черепашымъ супомъ, а кончились кремомъ à la prusse; очень хорошій оркестръ игралъ въ честь насъ «Wacht am Rhein» и другія нѣмецкія пьесы и мы пріятно провели время до поздней ночи». Проспавшись, знатные иностранцы отправились дальше и на границѣ Европы и Азіи «выпили бутылку за благоденствіе Сибири» (стр. 25). На первой сибирской станціи путешественниковъ встрѣтило «множество народа и всѣ почтительнѣйше привѣтствовали насъ. Едва успѣли мы снять шубы и валенки, какъ къ намъ явился въ полной формѣ, съ эполетами, орденами и шпагою бравый господинъ, поздравлявшій насъ со вступленіемъ на сибирскую почву. Это былъ исправникъ, слѣдовательно, весьма значительное служебное лицо.» Для знатныхъ иностранцевъ уже былъ готовъ «роскошный обѣдъ», въ домѣ пароходовладѣльца Игнатова, гдѣ имъ отвели квартиру. «Назавтра утромъ, едва мы успѣли напиться чаю изъ прекрасныхъ стакановъ, поданныхъ въ элегантныхъ серебряныхъ подстаканникахъ, какъ уже былъ готовъ завтракъ изъ жареной птицы, рыбы, говядины. Онъ-бы могъ сдѣлать честь любому обѣду; тѣмъ не менѣе, передъ нимъ, какъ и передъ обѣдомъ, еще закусываютъ («Sakusit»), т. е. идутъ къ буфету, богато снабженному холодными кушаньями, пастетами, окороками, колбасой, икрой, сардинками, швейцарскимъ сыромъ и т. д., равно и напитками, портвейномъ, хересомъ, водками и каждый можетъ получать здѣсь, что ему угодно. У насъ подобную закуску всякій принялъ-бы за завтракъ, и иностранецъ, введенный такимъ образомъ въ заблужденіе, уже не въ силахъ оказать подобающей чести настоящему завтраку». За завтракомъ, понятно, слѣдовалъ еще болѣе роскошный обѣдъ, такъ что знатные иностранцы были улагодворены,

какъ слѣдуетъ, и въ благодарность д-ръ Финшъ напечаталъ въ своей книгѣ настоящее похвальное слово Игнатову, который умѣлъ сдѣлаться богачемъ (стр. 32—36). Нагулявшись вдводемъ, знатные иностранцы поѣхали дальше въ сопровожденіи исправника, который на границѣ своего округа передалъ ихъ ялutorовскому исправнику. Въ Ялutorовскѣ господа охотились, причемъ д-ръ Финшъ замѣчаетъ, что нѣкоторые «честные поселяне *добровольно* предлагали имъ свои услуги». На-завтра послѣ охоты, по случаю Пасхи, знатные иностранцы разговѣлись, какъ слѣдуетъ, потомъ закусили, пообѣдали и поѣхали дальше, тоже въ сопровожденіи исправника (стр. 41—47.) И такъ далѣе, до самого Тюкалинска, гдѣ знатымъ иностранцамъ въ числѣ прочихъ напитковъ подали «*Бисмарковскую горькую*», «которая фабрикуется въ Омскѣ и свидѣтельствуетъ о той любви, какою великій рейхс-канцлеръ пользуется въ отдаленной Сибири, какъ и вездѣ!» Наконецъ, изъ Тюкалы путешественники прибыли въ столицу западной Сибири и тюкалинскій окружной начальникъ помѣстилъ ихъ въ гостинницѣ «Москва» (стр. 48 — 54.) Генераль-губернатора не было, и заботы о знатныхъ иностранцахъ принялъ на себя губернаторъ, который даже сдѣлалъ для нихъ *парадъ*, изображенный на одномъ изъ рисунковъ книги Финша (стр. 55—65.) Изъ Омска путешественники поѣхали, уже предшествуемые верховыми казаками, которые заготовляли на каждой станціи все нужное имъ. Предъ Семипалатинскомъ ихъ встрѣтилъ всадникъ и указалъ, уже приготовленную для нихъ губернаторомъ «въ домѣ помощника полиціймейстера», квартиру, гдѣ ихъ ждала уже готовая закуска съ необходимыми бутылками», а за нею послѣдовали ужинъ у полиціймейстера, обѣдъ у губернатора и т. д., и т. д. Изъ Семипалатинска знатныхъ иностранцевъ поѣхалъ провожать самъ губернаторъ даже съ супругою; «губернатора до рѣки провожали многіе почетнѣйшіе обыватели, а на другомъ берегу его и насъ встрѣтила депутація, пригласивъ въ отличный домъ киргизскаго купца, гдѣ уже были приготовлены чай, всякія сласти и *шампанское*» (стр. 88 — 95.) Губернаторъ вскорѣ свернулъ въ сторону, но вмѣсто его путешественниковъ приняло подъ свое покровительство сергіопольское начальство, послѣ надлежащаго угощенія путешественники отправились въ горы Ала-Тау, и вездѣ, даже въ степныхъ пустыняхъ, находили роскошныя яства и шампанское! «Въ Урджарѣ мы провели пріятный вечеръ съ подполковникомъ Фридериксомъ въ домѣ гостепріемнаго татарина, угощавшаго насъ изъ всѣхъ силъ. Д-ръ Бремъ почувствовалъ себя немного нездоровымъ» (стр. 191.) Далѣе путешественниковъ такимъ-же манеромъ провожалъ слѣдующій окр-

ной начальнигъ. Въ совершенно безлюдной степи д-ръ Финшъ сильно усталъ и пожелалъ выпить *«бутылку шампанскаго!!! И майоръ Тихановъ сумѣлъ даже въ этой пустыни исполнить мое, можетъ быть, глупое желаніе. Съ достойною всякой благодарности заботливостью, онъ тотчасъ командировалъ въ Зайсанъ казака, который, несмотря на 100 верстъ разстоянія въ оба пути, прибылъ благополучно къ утру. После того, какъ бутылка была охлаждена въ снѣгъ, привезенномъ киргизомъ верстъ за 10 изъ какого-то юрнаго ущелья, я выпилъ всю бутылку одинъ»* (стр. 216)!.. Въ Зайсанѣ знатнымъ иностранцамъ давали обѣды, балы, даже какую-то «итальянскую ночь», и они, по свидѣтельству мѣстнаго корреспондента, выпили здѣсь одного только шампанскаго на 300 рублей («Сибирь», 1877 г., № 42), хотя самъ д-ръ Финшъ показываетъ, что «независимо отъ двухъ бутылокъ, выпитыхъ въ Бургусутаѣ, въ Зайсанѣ выпито не болѣе 3-хъ» (стр. 230). Далѣе путешественниковъ опять провожалъ губернаторъ съ семействомъ... Киргизскія депутаціи, закуски, обѣды, шампанское, тосты, рѣчи, музыка, казачьи пляски, поднесеніе хлѣба и соли, дары— въ Алтайской станицѣ, напр., графу Вальдбургу — лисій мѣхъ, Брему — «великолѣпный соболь», Финшу, какъ «Natschalnik'у — громадная даха изъ кабарги» (стр. 282). Въ Барнаулѣ, биткомъ набитомъ нѣмцами, — тоже «гостепріимство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, главнымъ образомъ со стороны главнаго начальника и т. д. За это Финшъ и возвелъ Барнаулъ въ главный центръ умственной жизни Сибири (стр. 315—319)!

Вообще знатные иностранцы шествовали по Сибири не хуже тѣхъ экспедицій XVIII в., прибытіе которыхъ въ извѣстную мѣстность, по выраженію Миддендорфа, было равнозначительно нашествію непріятельской арміи. Такъ, напр., путешествовалъ по Сибири Фишеръ, о которомъ Гмелинъ рассказывалъ, что онъ одному ремесленнику, который исполнилъ для него заказъ, вмѣсто расплаты, надавалъ оплеухъ, говоря, что съ него, Фишера, не слѣдуетъ брать денегъ, потому что онъ *«государевъ человекъ!»* Мяснику не заплатилъ онъ за пять пудовъ мяса. «Наконецъ, прибавляетъ Гмелинъ, здѣсь въ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, который-бы, если имѣлъ съ нимъ дѣло, не жаловался на него»...

«Объ излишествахъ г. школьнаго учителя (такъ называлъ Гмелинъ въ насмѣшку Фишера) ходитъ постоянно множество потѣшныхъ извѣстій. Онъ, кажется, хочетъ своимъ пребываніемъ въ Сибири дать сибирякамъ пищу для толковъ... Изъ Красноярска, вмѣсто семи подводъ, онъ взялъ съ своимъ писцомъ 52 лошади и десять служивыхъ для конвоя; но платилъ вездѣ только половину прогоновъ. Онъ издалъ манифестъ, по которому ям-

щикъ, опрокинувшій въ первый разъ его сани, долженъ быть битъ батогами; во-второй—заплатить штрафу 50 коп., а въ-третьей — наказанъ вѣнцомъ... Солдатъ Ларихинъ, провожавшій Фишера отъ Якутска до Юдомскаго креста, жаловался, что Фишеръ насильно отнималъ у инородцевъ разныя вещи и мѣха, приказывалъ солдатамъ, бывшимъ у него для караула, сидѣть для себя вино, билъ ихъ нещадно за всякую малость и т. под. Вотъ образчикъ одной изъ многихъ продѣлокъ этого путешественника... «Онъ, г. профессоръ, выѣхалъ изъ Якутска на Ярмангу августа около 4 числа и жилъ на Ярмангѣ... а какъ отъ Ярманги онъ, г. профессоръ, отправился, то верхомъ ѣхать на лошади не изволилъ, а велѣлъ сдѣлать колыбель или качку и на ней себя везти; и приказалъ, кромѣ проводниковъ, изъ служивыхъ по человѣку по сторонамъ итти пѣшкомъ и качку его со сторонъ держать, чтобъ не качало; а трость свою съ костылемъ велѣлъ напередъ себя нести, такимъ образомъ, яко-бы какъ передъ архіереємъ носить. А повеже, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, что оная дорога болѣе находится въ великихъ грязяхъ, не токмо чтобъ качку держать, но насилу съ великою нуждою и сами пѣшкомъ пройти могутъ, и за то бьетъ палкою по чемъ ни попало, а выѣхавши изъ грязи, стегаетъ и батожемъ немилостиво»... Не пора-ли предоставить знатнымъ иностранцамъ ѣздить по Россіи безъ просвѣщеннаго содѣйствія начальства и даже оказывать имъ нѣкоторое противодѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они вздумаютъ самодурствовать!

Что-же нашли знатные иностранцы въ Сибири?

Нашли они обиліе всѣхъ благъ земныхъ. На Иртышѣ верблюды стоятъ 20—30 р., корова 15 р., баранъ 2 р. (стр. 80). На Алтаѣ огромная печать изъ желтаго кварца стоитъ 1 р. (стр. 308), говядина въ Барнаулѣ 1 р. пудъ, свинина 2½ р., масло пудъ 4 рубля, рожь 30 к., 1 десятина земли около города 40 коп. (стр. 319). Превосходныя лошади по 30—40 р. и т. д. Словомъ, всего много и все туземное дешево. Зажиточность русскаго населенія Сибири тоже бросалась въ глаза знатнымъ иностранцамъ. «Попадается много деревень на дорогѣ, нѣкоторыя изъ нихъ тянутся по 3, даже по 7 верстѣ, и притомъ здѣшніе дома гораздо удобнѣе и богаче, чѣмъ въ Россіи. На станціяхъ всюду чистота». (стр. 30). Въ Алтаѣ «деревни отличаются прекрасными домами и свидѣтельствуютъ о зажиточности крестьянъ. Внутри домовъ чистота необыкновенная» (стр. 285). Но, при всемъ томъ, культура страны находится на низшей ступени развитія и Финшъ рассказываетъ, что когда онъ изумился отсутствію сыродѣлія въ Сибири, то разговаривавшій съ нимъ томъ-
3*

скій купецъ спросилъ: «а развѣ можно у насъ сырѣ дѣлать»? Купецъ думалъ, что сыродѣліе представляетъ преимущество одной Швейцаріи, благодаря ея альпійской растительности. Когда Финшъ, разъяснивъ ему ошибочность его мнѣнія, спросилъ, почему-это въ Томскѣ пудъ крупчатки стоитъ 2 рубля, а сухари 35 коп. фунтъ, то купецъ отвѣчалъ: «да вѣдь сухари-то мы получаемъ изъ Москвы» (стр. 322). Соленіе рыбы чисто-первобытное, соха напоминаетъ собою «времена свайныхъ построекъ и во всякомъ случаѣ гораздо хуже того плуга, какимъ пахали древніе египтяне»; молотѣба «хуже, чѣмъ у нѣкоторыхъ племенъ негровъ» (стр. 398, 636). Вообще, сибиряки не умѣютъ пользоваться несчетными богатствами своей неизмѣримой страны: «еще много денегъ въ Сибири валяется на улицѣ; но сибирякамъ не достаеетъ развитаго ума и еще болѣе духа предпріимчивости англичанъ, янки и нѣмцевъ» (стр. 322). Вотъ когда нѣмцы заберутся въ Сибирь, то и покажутъ, какъ слѣдуетъ эксплуатировать страну, да и поучать кулаковъ, къ которымъ д-ръ Финшъ относится съ такою нѣжностью и пишетъ имъ панегирики (стр. 33—35 и др.). Онъ вооружается противъ Полякова, уличающаго этихъ кулаковъ въ безчеловѣчной эксплуатаціи и закабаленіи народа, говоря, что кулаки ничѣмъ не хуже европейскихъ эксплуататоровъ, дѣйствующихъ въ малонаселенныхъ странахъ, что недобросовѣстность кулаковъ, о которой разсказываетъ Поляковъ—явленіе исключительное (стр. 396—401, 510.) Иначе, конечно, и нельзя думать тому, кто изслѣдуетъ страны, гдѣ лучше зимуютъ раки. Говоря вообще, весь шумъ, поднятый просвѣщенными мореплавателями, какъ русскими, такъ и иностранными, имѣетъ въ виду одну только подготовку грубѣйшей эксплуатаціи Сибири въ обширныхъ размѣрахъ, о которой уже давно мечтаютъ Сидоровы и Латкины, а теперь начали мечтать разные Финши и Кюпы. И какъ мечтаютъ, — просто захлебываются отъ восторга, какъ Финшъ отъ сибирскихъ угощеній, которыми онъ умѣлъ даже подѣлиться съ своими земляками, пославъ въ Бременъ обозъ съ свѣжей замороженной сибирской рыбой, чтобы «географическое общество могло угостить своихъ членовъ и друзей» настоящимъ сибирскимъ обѣдомъ (стр. 633).

«4 декабря, говоритъ онъ, въ заключеніе своей книги, «Общество полярнаго нѣмецкаго мореплаванія» сдѣлало мнѣ торжественный пріемъ въ почтенномъ помѣщеніи городского виннаго погребка (Stadtweinkellers), гдѣ было осушено не мало стакановъ за будущность и развитіе Сибири, которымъ равно какъ и всѣмъ сибирскимъ друзьямъ, я здѣсь еще разъ отъ всей души желаю счастья и процвѣтанія. Ура!» (стр. 658). А какое

ура рывкнутъ Разуваевы, если удастся вырубить и сбыть за-
границу всѣ дѣса сѣвера, превративъ послѣдній въ тундру!
При развитіи морской торговли и съ помощью тѣхъ контрак-
товъ, о которыхъ говоритъ г. Балкашинъ, это будетъ впол-
нѣ возможно. Офіціальный {экспертъ, командированный на
устаи Оби и Енисея, капитанъ пограничной стражи Никитинъ
въ своемъ отчетѣ приводитъ разные отзывы сибирскихъ куп-
цовъ о морской торговлѣ. Въ Тобольскѣ, Колывани и Кузнец-
кѣ ему говорили: «намъ ничего не надо, у насъ все есть свое»;
въ Бійскѣ тоже ничего не требуется, кромѣ деревяннаго ма-
сла; въ Нарымѣ тоже ничего не нужно, кромѣ соли. Вообще
сибирскіе купцы боятся подрыва себѣ со стороны иностранной
торговли, и капитанъ, вѣроятно, не менѣе д-ра Финша доволь-
ный сибирскимъ гостепріимствомъ, тоже говоритъ, что ввозъ
чая и всякихъ мануфактуръ слѣдуетъ воспретить, чтобы не под-
рывать комерціи сибирскихъ купчинъ и московскихъ фабрикан-
товъ, а вывозить слѣдуетъ все: хлѣбъ, спиртъ, ленъ, коноплю,
салó, шерсть, дѣсъ,—пусть все скупаютъ кулаки и сбываютъ
иностранцамъ, что «принесетъ несомнѣнную выгоду краю».

S. S.

ЕСТЬ-ЛИ О ЧЕМЪ ВСПОМИНАТЬ НАМЪ?

(„Изъ дальнихъ лѣтъ воспоминаній“ Т. П. Пассекъ. Т. II. Слб., 1879.)

О первомъ томѣ воспоминаній г-жи Пассекъ мы уже говорили въ апрѣльской книгѣ нашего журнала за прошлый годъ. Отдавая полную справедливость плодovitости автора и интересу затронутыхъ имъ лицъ и событій, уже давно сошедшихъ со сцены или готовыхъ сойти съ нея, мы, однакожь, не могли не замѣтить, что „добрая половина этихъ воспоминаній наполнена такими подробностями, которыя рѣшительно не имѣютъ никакого общественнаго значенія и могли-бы безъ всякаго ущерба для книги остаться въ портфель автора“. То-же самое, если не больше, намъ приходится сказать и о второмъ томѣ. Нѣтъ сомнѣнйя, что онъ богаче фактами, полнѣе содержаніемъ, что лица, слегка обрисованныя въ первой части, теперь выступаютъ передъ нами болѣе живыми и конкретными, характеры—болѣе законченными, что самый фонъ исторической картины раздвигается и въ ширину, и въ глубину,—однимъ словомъ, семейная хроника переходитъ въ общую бытовую картину, но все-таки г-жа Пассекъ не удержалась въ границахъ мѣры и безъ всякой надобности приплела къ своимъ воспоминаніямъ множество такихъ эпизодовъ, которые могутъ имѣть только личный интересъ для самого автора. Къ чему, наприм., эти длинныя, предлинныя выписки изъ „Путевыхъ Записокъ“ Вадима Пассекъ, этотъ подробный очеркъ путешествія его изъ Одессы въ Крымъ? Не споримъ, что личность Вадима Пассекъ, столь близкая и дорогая автору, имѣетъ для него особенную прелесть и, можетъ быть, серьезное семейное значеніе, но читателю нѣтъ никакого дѣла до этихъ личныхъ симпатій, если только съ ними не соединяется для него представленія объ интересѣ общемъ, о дѣйствительномъ исто-

рическомъ значеніи. Какое мнѣ дѣло до того, что думалъ, чувствовалъ, говорилъ, писалъ, о чемъ мечталъ и къ чему стремился человѣкъ, неуспѣвшій ничего сдѣлать и ничего особеннаго высказать? Какое мнѣ дѣло до его личныхъ превосходныхъ качествъ, когда они остались только при немъ и въ его замкнутой семейной сферѣ? Мало-ли прекрасныхъ и добрыхъ людей, которые такъ дороги ихъ близкимъ и ровно никакого значенія не имѣютъ въ общественномъ смыслѣ, не прибавляютъ и не убавляютъ ни единого штриха, ни одной черточки къ поясненію и освѣщенію своего времени и своего поколѣнія. А между тѣмъ, останавливая читателя на подробной родословной Вадима Пассекъ, на многихъ дружескихъ письмахъ, неимѣющихъ даже простого частнаго интереса, г-жа Пассекъ не удѣлила и нѣсколькихъ страничекъ въ своихъ воспоминаніяхъ такому событію, какъ чума 1837 года, появившаяся въ Одессѣ, или болѣе подробному объясненію разлада, совершившагося въ передовомъ кружкѣ Грановскаго и его друзей. Ужь, конечно, это было-бы и гораздо поучительнѣе, и интереснѣе описанія барской приживалки Дуняши, умѣвшей декламировать баллады Жуковскаго и играть на гитарѣ.

На это г-жа Пассекъ можетъ совершенно резонно возразить намъ: откуда-же ей взять болѣе интересныхъ событій и лицъ, чтобы наполнить ими около 900 страницъ ея „Воспоминаній“, когда самая жизнь не даетъ ихъ? Возраженіе вѣское и вполне уважительное. Въ самомъ дѣлѣ, судя на основаніи хронологическаго порядка „Воспоминаній“, г-жѣ Пассекъ около 70-ти лѣтъ; слѣдовательно, она пережила три поколѣнія и почти три четверти вѣка, и ужь, конечно, имѣла довольно времени для наблюденія и самыхъ разнообразныхъ столкновеній съ людьми. И, дѣйствительно, кругъ литературныхъ и нелитературныхъ знакомствъ ея былъ очень обширный. По убѣжденіямъ и взглядамъ мужа она принадлежала къ извѣстному отгѣву тогдашнихъ славянофильскихъ доктринеровъ, но въ то-же время она не порывала своихъ внѣшнихъ отношеній и съ западниками. Лажечниковъ и Вельтманъ были друзьями Пассековъ, но это не мѣшало имъ поддерживать свои прежнія связи и съ кружкомъ Грановскаго. Обращаясь между двумя противоположными полюсами тогдашняго умственнаго движенія, г-жа Пассекъ имѣла широкое поле для наблюденія и изученія дѣйствующихъ лицъ и событій, волновавшихъ людей 40-хъ годовъ. Она, такъ-сказать, стояла у самого источника жизни, кипѣвшей юношескими порывами и старческими вождѣленіями тогдашняго поколѣнія. А между тѣмъ какая бѣдность фактовъ, какая безцвѣтность воспоминаній, въ которыхъ мелькаютъ какія-то тѣни человеческихъ фигуръ безъ плоти и крови. Мы далеки отъ того, чтобы

обвинять въ этомъ самого автора „Воспоминаній“; нѣтъ, онъ, вѣроятно, сумѣлъ-бы справиться съ болѣе богатымъ матеріаломъ, подняться на болѣе высокій уровень житейскаго драматизма. Но что-же ему было дѣлать, когда его не было въ дѣйствительной жизни, когда на всемъ лежала какая-то подавленность и безличность. Всѣ жили, какъ улитки въ раковинѣ, въ своемъ собственномъ міркѣ, всѣ думали про себя и для себя и говорили почти шопотомъ. Общественной жизни, общественной дѣятельности, общественной мысли и совѣсти какъ-будто не существовало. Высшіе умственные и нравственные интересы сосредоточивались въ небольшомъ кружкѣ московскихъ професоровъ и литераторовъ, съ которыми у общества не было ничего общаго; оно жило чисто-зоологической жизнью и было въ высшей степени самодовольно. Понятно, что такая жизнь не могла представлять ни разнообразія, ни одушевленія; событія были мелки, люди — безцвѣтны, дѣятельность скована такими узкими рамками, что каждому оставалось только мечтать и ничего не дѣлать или дѣлать то, что еще хуже *ничего*. Гдѣ-же тутъ взять мемуаристу яркихъ красокъ для изображенія своего прошлаго и откуда тутъ могли бы явиться сильные характеры и увлекательныя событія? Не могла же г-жа Пассекъ, при всемъ ея искусствѣ, заставить Сахару разцвѣсти и украситься тропическими растениями, которыхъ не производитъ песчаная пустыня.

Съ этимъ возраженіемъ г-жи Пассекъ мы будемъ совершенно согласны, но... но тогда зачѣмъ-же было растягивать воспоминанія на 900 страницъ и набивать ихъ путевыми маршрутами и скучными эпизодами о разныхъ Дуняшахъ и Наташахъ? Эта словоохотливость, это переливаніе изъ пустого въ порожнее у г-жи Пассекъ объясняется отчасти ея старческимъ характеромъ. Проживъ на свѣтѣ до семидесяти лѣтъ, она естественно вся принадлежитъ прошлому; въ немъ — всѣ ея помыслы и всѣ ея утраченныя надежды; съ нимъ она живетъ одной жизнью и, не заглядывая уже впередъ, гдѣ кромѣ могилы ничего не предстоить почтенной старушкѣ, она съ особенной любовью останавливается на пройденномъ ею длинномъ пути. Поэтому ей кажется, что въ этомъ прошломъ все заслуживаетъ вниманія, что въ немъ нѣтъ такой мелочи, которая-бы ни была интересна для насъ столько-же, сколько и для нея самой. Оно для нея дорого лично, и потому она невольно увлекается имъ и рисуетъ розовыми красками то, что на самомъ дѣлѣ не стоитъ и капли чернилъ. Шероховатыя и грубыя черты стерты временемъ съ событій и лицъ, — черты, нѣкогда, можетъ быть, рѣзавшія и ея глазъ, теперь кажутся ей мягкими и симпатичными; при этомъ она смазываетъ ихъ своимъ собствен-

нымъ благоуханнымъ елеемъ и даетъ постоянно чувствовать, что куда какъ это прошлое лучше настоящаго! Еще-бы не такъ! Кто-же изъ семидесятилѣтнихъ сверстницъ г-жи Пассекъ рѣшится бросить камнемъ въ свое прошлое и не созерцать его сквозь свои синія очки? Для этого необходимы громадныя умственные силы, глубокая вѣра въ жизнь и мощная критика; а г-жа Пассекъ едва-ли и сама будетъ претендовать на эти рѣдкія качества, свойственныя только писателямъ высшаго разбора. Пока мы видимъ у нея одно несомнѣнное достоинство—старческую словоохотливость, входящую до птичьаго щебетанья. Она вспоминаетъ о всемъ, что привелось ей самой видѣть, слышать и даже подслушать. Въ этомъ отношеніи она представляетъ живую записную книгу, на которой вмѣсто 70-ти страницъ должны быть выставлены 70 лѣтъ ея жизни, и въ которую вошло все, что только такъ или иначе подвернулось подъ руку автора. Прочитавъ ея „Воспоминанія“ внимательно, вы находитесь подѣ впечатлѣніемъ, подобнымъ тому, какое испытываетъ посѣтитель картинной галереи, которую собиралъ не художникъ, а старьевщикъ, выставивъ рядомъ съ копіей Рафаэля лубочную гравюру Аники-воина, съ портретомъ средневѣковаго рыцаря—эскизъ моднаго денди. Разбирайтесь, молю, сами, какъ знаете, въ этомъ археологическомъ чуланѣ.

Мы уже замѣтили выше, что по убѣжденіямъ своего мужа, съ которымъ она думала одной мыслию и чувствовала однимъ чувствомъ, г-жа Пассекъ принадлежала къ тогдашнему славянофильскому оттѣнку. „Сближеніе Вадима, говоритъ она,—съ кругомъ А. Ф. Вельтмана отчасти разъединяетъ его съ кругомъ, въ который попалъ Александръ (т. е. съ кругомъ западниковъ), но взаимное уваженіе сохранилось“. (Стр. 70—71.) И это разъединеніе шло все дальше и дальше, такъ-что Вадимъ Пассекъ не задолго до своей смерти прекратилъ всякія сношенія съ кружкомъ своихъ прежнихъ друзей и единомышленниковъ. Хотя г-жа Пассекъ и говоритъ, что она, „занятая дѣтьми и домашними заботами, не обращала ни малѣйшаго вниманія на всѣ эти партіи“, но все-же симпатіи ея вполне лежали на сторонѣ тѣхъ, съ кѣмъ сближился и кого облюбовалъ любимый ею мужъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, при всемъ уваженіи къ своимъ прежнимъ друзьямъ, она относилась къ нимъ или индифферентно, или только снисходительно. Со-чувствіе-же ея, всѣ ея нравственныя влеченія вполне принадлежали людямъ одинаковой категоріи съ Вельтманомъ. Въ свою очередь и кружокъ западниковъ сталъ отдаляться отъ Вадима Пассека. Къ концу сороковыхъ годовъ между ними образовалась глубокая пропасть, черезъ которую уже нельзя было перекинуть переходнаго мостика. Для перваго лагеря идеаломъ была до-петровская Русь, не-

тронутая европейскимъ вліаніемъ и окаменѣвшая въ своемъ застоѣ,— Русь, яко-бы самобытная, во всей ея неприкосновенности и цѣлости домостроевскаго склада. Патриотическія стремленія, какъ-то дружно уживавшіяся съ крѣпостными привычками и лакейскими нравами, преобладали въ этомъ лагерѣ. Напротивъ, въ другомъ—Гегель былъ возведенъ на пьедесталь какого-то религіознаго культа и европейская цивилизація была идеаломъ человѣческихъ стремленій. Казалось-бы, что г-жа Пассекъ, применувшая къ первому лагерю, съ которымъ у нея были общіе интересы, общіе друзья и постоянныя сношенія, должна была посвятить свои воспоминанія представителямъ этого направленія, ввести читателей въ этотъ интимный кружокъ и ознакомить насъ съ внѣшней и внутренней жизнью тогдашнихъ анти-западниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она лучше знала и могла ближе наблюдать ихъ, чѣмъ тотъ противоположный лагерь, отъ котораго она отшатнулась и стояла совершенно въ сторонѣ. Такъ это и должно-бы быть, разсуждая логически. Но у г-жи Пассекъ вышло на оборотъ. Западники въ ея воспоминаніяхъ занимаютъ первое мѣсто; они не сходятъ со сцены, имъ посвящены лучшія страницы ея книги, она часто запускаетъ въ нихъ свои деревянныя шпильки, не соглашается съ ними, обличаетъ ихъ мелкіе и крупныя недостатки, но въ то-же время она интересуется преимущественно ими и въ ихъ лучахъ ищетъ искры для собственнаго своего сіянія... въ потомствѣ. Какъ ни странно это, но именно такъ поступила г-жа Пассекъ. А между тѣмъ своимъ настоящимъ друзьямъ она не удѣлила ни одной странички, не обмолвилась ни единымъ словомъ ни объ одномъ изъ представителей того кружка, которому сочувствовала. Упомянувъ мимоходомъ о дружескихъ своихъ отношеніяхъ къ Лажечникову, о сближеніи съ Вельтманомъ, она на томъ и покончила. Вы ожидаете, что вотъ, наконецъ, г-жа Пассекъ заговоритъ о томъ, что составляло для нея всю ея нравственную жизнь, лучшіе дни ея молодости, тѣ надежды и стремленія, которыя волновали сочувственный ей кружокъ, но не тутъ-то было; она начинаетъ снова и снова перемывать кости западниковъ или повѣствовать о своихъ личныхъ похожденияхъ въ Украинѣ и Тавридѣ, о близкихъ отношеніяхъ къ дому М. Н. Каткова, о жандармскомъ полковникѣ и литераторѣ С. С. Грэмекѣ и т. п. И тутъ-же рядомъ, точно въ волшебномъ балаганномъ фонарѣ, мелькаютъ въ глазахъ читателя имена Прудона, Грановскаго, Аксакова и проч. Мы, конечно, не обратили-бы вниманія на эту особенность мемуаровъ г-жи Пассекъ, если-бы были убѣждены, что она отнесется такъ-же къ *чужимъ*, какъ она отнеслась-бы къ *своимъ*, что она пойметъ и оцѣнитъ такъ-же хорошо ту умственную среду, которой она не со-

чувствовала, какъ она поняла-бы ту, въ которой принадлежала душою и тѣломъ... Но г-жа Пассекъ—себѣ на умѣ. Она практически сообразила, что посвятить свои мемуары *своимъ*, сосредоточить всѣ свои воспоминанія около Елагинныхъ, Свербѣевыхъ, Кирѣевскихъ, Шевыревыхъ, Толстыхъ и *tutti quanti*, или украсить фонъ картины во весь ростъ историческими портретами такихъ знаменитостей, какъ г. Катковъ и жандармскій полковникъ и литераторъ Громека, было-бы, пожалуй, не такъ выгодно относительно хорошаго сбыта книги, какъ наполнить ее хотя и всякой всячиной, но о тогдашнемъ кружкѣ западниковъ. Разсчетъ г-жи Пассекъ совершенно вѣрный, но въ безпристрастїи ея мы вправѣ сильно усумниться и искренности ея не вѣрить. Эта неискренность такъ и сквозить между строчками ея „Воспоминанїя“, въ которыхъ, по пословицѣ, ставится и Богу свѣчка и чорту — кочерга. Да и возможно-ли отнестись искренно и безпристрастно къ тому, чему не сочувствуешь, чего не понимаешь, въ чемъ видишь что-то враждебное себѣ. Представьте себѣ, что князю Мещерскому угодно будетъ прожить еще лѣтъ пятьдесятъ и на старости сочинить мемуары, въ которыхъ будетъ реставрировано его время и современное поколѣнїе, со всѣми его достоинствами и недостатками. Не надо быть пророкомъ своего отечества, чтобы угадать, какимъ запахомъ и цвѣтомъ будетъ отдавать отъ этихъ старческихъ сказанїй, въ какомъ свѣтѣ предстанутъ предъ потомствомъ его друзья и недруги. Если-бы Мещерскїй даже употребилъ сверхъестественныя усилїя стать на точку зрѣнїя объективнаго и безпристрастнаго рассказчика, то и тогда ему не удалось-бы сохранить относительно противоположнаго ему лагеря своего безпристрастїа и вѣрной оцѣнки. А между тѣмъ и онъ, какъ г-жа Пассекъ, принужденъ былъ-бы вспоминать не о тѣхъ, кого онъ считаетъ теперь героями дня, а о тѣхъ, у кого съ нимъ нѣтъ ничего общаго,—если только захочетъ придать своимъ мемуарамъ интересъ и, не прибѣгая къ казенной субсидїи, распродать ихъ, а не стноить въ своей издательской кладовой. Что-бы тамъ ни думалъ онъ о *своихъ* герояхъ дня, но, много-много лѣтъ черезъ двадцать, они будутъ такїя маленькія, такїя мелкія существа, что разсмотрѣть ихъ можно будетъ развѣ только въ колоссальный телескопъ Гринвичской обсерваторїи; время тихонько посыплетъ ихъ своимъ сѣренькимъ пепломъ и никому не придетъ въ голову открывать эти забытыя и никому ненужныя развалины, потому что поэтъ повторитъ надъ ними то-же, что вѣкогда Лермонтовъ сказалъ героямъ своего поколѣнїя:

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной,

Ни генїемъ начатаго труда.

И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
 Потомокъ оскорбить презрительнымъ стихомъ,
 Насмѣшкой горькою обманутаго сына
 Надъ промотавшимся отцомъ.

Г-жа Пассекъ, переживъ три поколѣнія, должна хорошо понимать эту истину и можетъ засвидѣтельствовать своимъ собственнымъ опытомъ, что все мертвое обречено на неизбѣжную смерть и только живое и полное будущаго имѣетъ право на вниманіе потомства. Вотъ почему она и предпочла вспоминать не *о своихъ*, а *о чужихъ*, потому что свои безвозвратно умерли и жизнь оказалась на сторонѣ чужихъ.

Но, посмотримъ, какъ она живописуетъ западниковъ своего времени.

„Въ 1826 году кафедра философіи была закрыта, рассказываетъ г-жа Пассекъ, профессоръ Павловъ, читая физику и сельское хозяйство, знакомилъ съ природой, излагалъ ученіе Шеллинга и Окена. Станкевичъ, лучший ученикъ Павлова, одаренный большими способностями, пзучалъ нѣмецкую философію и завершилъ дѣло Павлова Гегелемъ. Онъ былъ первымъ послѣдователемъ его и увлекъ многихъ молодыхъ людей къ изученію любимаго предмета его занятій. Изъ этого круга вышло много людей ученыхъ, литераторовъ, профессоровъ,—изъ этого круга вышелъ и Бѣлинскій“ (Т. II, стр. 69.)

Чтобы имѣть такое обаятельное вліяніе на сформировавшійся кругъ около своего наставника, чтобы руководить молодымъ поколѣніемъ и выдвинуть изъ него „много людей ученыхъ, литераторовъ, профессоровъ и, наконецъ, Бѣлинскаго, надо было обладать значительной нравственной силой. Этого мало; надо было выставить на своемъ знамени такую идею, которая могла-бы увлечь за собой аудиторію Станкевича. Поэтому личность его невольно наводитъ читателя на множество вопросовъ, которые г-жа Пассекъ не въ правѣ была пройти молчаніемъ. Что-же это былъ за кружокъ горячихъ, увлекающихся, страстно-нетерпимыхъ и глубоко-преданныхъ своей идеѣ интеллигентныхъ людей? Какіе умственные интересы преобладали въ этомъ кружкѣ? Въ чемъ заключались его стремленія, надежды и разочарованія? Наконецъ, кто былъ „этотъ властитель современныхъ думъ“, Станкевичъ? Все это хотѣлось-бы знать, хотѣлось-бы послушать, что объ этомъ скажетъ г-жа Пассекъ, стоявшая въ это время такъ близко къ этому кружку? И что-же? Бросивъ мимоходомъ фразу, что „онъ (Станкевичъ) 27 лѣтъ угасалъ въ Италіи“, авторъ „Воспоминаній“ на томъ и покончилъ съ этимъ передовымъ дѣятелемъ и уже на 430-ти послѣдующихъ страницахъ не произнесъ о немъ

ни одинаго словечка, такъ-что мемуаристка удѣлила своего вниманія ровно столько-же Станкевичу, давшему толчекъ интеллектуальному движенію того времени, сколько крѣпостной приживалкѣ Дуняшѣ, умѣвшей играть на гитарѣ и пѣть баллады Жуковскаго. И это на каждомъ шагу у почтенной мемуаристки: едва коснется она какого-нибудь событія или лица, выдающагося по своему общественному или умственному значенію, какъ вдругъ ни съ того, ни съ сего метнетъ въ сторону, и пошла, и пошла... Передъ читателемъ проходить какая-то арлекинская процесія чловѣческихъ подобій, въ которой все кружится, поетъ, кувыркается, то смѣшитъ, то раздражаетъ. Тутъ вы найдете всего по-немножку — и лакейскаго, и аристократическаго мірка, и художниковъ, вродѣ Витберга и Иванова, и иллюминатовъ, вродѣ графа Ф. П. Толстого, и стараго, никогда невыходившаго изъ своего халата помѣщика Ивана Алексѣевича Яковлева, и Тавриду, и Украйну, однимъ словомъ, чего хочешь, того и просишь, и ни одного характера цѣльнаго, вполне обрисованнаго авторомъ, ни одного событія, къ которому-бы разсказчикъ отнесся критически. Все и всё окрашены одинаковымъ сѣренькимъ цвѣтомъ. „Тебѣ Богъ попрыскалъ очи таковой водой, писалъ другъ дѣтства г-жи Пассекъ, Александръ, что ты розы видишь, а шиповъ не можешь видѣть никогда“. Это было сказано г-жѣ Пассекъ по случаю ея смѣлаго намѣренія примирить Каткова съ Александромъ.

Единственное исключеніе сдѣлано въ пользу Грановскаго. Ему посвящено нѣсколько страницъ, на которыхъ воспроизводится эта симпатичная личность нѣсколько живѣе и подробнѣе. Тимофей Николаевичъ Грановскій, молодой, полный силъ и энергіи, только-что возвратившійся изъ-за границы, гдѣ онъ окончилъ свое образованіе, явился на кафедрѣ московскаго университета съ Фихте и Гегелемъ въ одной рукѣ, съ Нибуромъ и Авг. Тъери—въ другой. Почва для его просвѣтительной дѣятельности была подготовлена заранѣе. Въ наукѣ и литературѣ начинался поворотъ къ лучшему; славянофилы и западники все рѣзче и рѣзче расходились между собою—одни направо, другіе — на-лѣво; съ одной стороны полемика переходила въ доносы, а съ другой — критическій тонъ отзывался личными оскорбленіями. „Стихи Языкова, говоритъ Пассекъ, едва не повели къ дуэли Петра Васильевича Кирѣевскаго съ Грановскимъ—послѣ чего разстаться сдѣлалось неизбежно“. Между самими западниками возникали разногласія, въ которыхъ лежало зерно будущаго распаденія. Одни воздвигали себѣ кумиръ изъ Гегеля и дальше его не хотѣли ничего видѣть и слышать; другіе допускали не только возможность, но и необходимость критической оцѣнки *феноменологии духа* и предчувствовали новое реальное направленіе въ

европейскомъ міросозерцаніи. „Меня приняли въ этотъ кругъ (Станкевича, Бѣлинскаго, Ника, и др.), рассказывалъ намъ Саша, пишетъ г-жа Пассекъ, съ почетнымъ снисхожденіемъ, какъ прошедшее, съ требованіемъ безусловнаго принятія феноменологіи духа и логики Гегеля по ихъ изясненію. Объ этомъ толковали напролетъ ночи, отчаянно спорили и расходились на цѣлыя недѣли, не соглашаясь въ опредѣленіяхъ, принимая за обиду разногласіе во мнѣніяхъ. Всѣ сочиненія по философіи, даже самыя ничтожныя, выходившія въ Германіи, выписывались и зачитывались до дыръ. Самый языкъ былъ принятъ условный, къ которому надо было имѣть ключъ, какъ къ шифрованнымъ письмамъ. Къ жизни дѣйствительной относились какъ-то книжно и наивно. Самыя простыя чувства возводили въ отвлеченную *категорію*; даже слезу, блеснувшую на глазахъ, относили къ своему порядку — къ *трагическому въ сердцѣ*. Тоже было и въ искусствѣ: надъ каждымъ акордомъ Бетховена производили философское слѣдствіе; Шуберта уважали за то, что онъ бралъ философскіе мотивы для своихъ напѣвовъ. Моцарта только терпѣли. Итальянская музыка была въ опалѣ; ее дѣлило съ ней все французское и политическое... Вопросы болѣе страстные не замедлили явиться. Первый бой—отчаянный—закипѣлъ между Александромъ и Бѣлинскимъ, когда тотъ прочиталъ ему свою статью по поводу „Бородинской Годовщины“ Ф. Глинки. Они перессорились, размолвка ихъ повліяла на другихъ и кругъ этотъ сталъ распадаться. Бѣлинскій уѣхалъ въ Петербургъ“. (Стр. 70.) Впослѣдствіи этотъ внутренній разладъ сдѣлался еще болѣе глубокимъ. Оставшіеся вѣрными Гегелю такъ и застыли на его философскихъ категоріяхъ, выродившись потомъ въ праздныхъ мечтателей о какомъ-то абсолютномъ идеалѣ, или въ Рудиныхъ, сьумѣвшихъ согласить съ высокими порывами на словахъ низменную дѣйствительность крѣпостного порядка. Немногіе пошли дальше и прибраны были или преждевременной могилой или надломлены житейскимъ гнетомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что солидарность, поддерживаемая чисто-внѣшними отношеніями, не могла сплотить въ одно цѣлое этотъ кружокъ. Искренность и общіе нравственные интересы его были порваны, внутренній союзъ разрушенъ. „Какъ ни старались всѣ маскироваться, говоритъ Пассекъ,—въ костюмъ дружества, какъ ни старались пить круговую чашу и веселиться, во всемъ проглядывала натяжка: каждое слово, каждый шагъ рассчитывался“. (Стр. 381). Какъ, однакожь, ни мелочны были эти разногласія, но они вытекали изъ источника умственной борьбы, и эта борьба придавала жизнь и одушевленіе тому монотонному направленію, которое господствовало въ литературѣ. Многіе находили, что ужъ лучше расходиться и ссориться изъ-за идей и убѣжденій, чѣмъ прозябать и

гнить среди единодушія, лишеннаго всякаго смысла и движенія. Нѣтъ сомнѣнія, что это пробужденіе должно было такъ или иначе отразиться и на общественной мысли. Слишкомъ продолжительная спячка и чисто-растительная жизнь, внѣ всякихъ умственныхъ, общественныхъ и политическихъ интересовъ, стала утомлять своей пошлостію даже тѣхъ, кого прежде вполне удовлетворяли псовыя охоты и крѣпостные гаремы; повидимому, все было обставлено такъ, чтобы не только не искать, но даже не чувствовать потребности въ другой, болѣе осмысленной человѣческой жизни, но потребность эта все-таки начинала чувствоваться. Необходимо было хоть чѣмъ-нибудь возбудить свои нервы и развлечь себя отъ подавляющей скуки. Несмотря на китайскую стѣну, отдѣлявшую русское общество отъ европейскихъ идей, отъ общаго умственнаго движенія, такъ дѣятельно работавшаго въ Германіи, Франціи и Англии, эти идеи все-таки проникали къ намъ, большею частію контрабанднымъ путемъ,—и находили себѣ и гостеприимный пріемъ, и сочувствіе. Вотъ въ это-то время и является Грановскій съ своими лекціями передъ московскою публикой.

„1843 года 23 ноября, пишетъ Пассекъ,—начались публичныя чтенія Т. Н. Грановскаго. Блестящая, многочисленная аудиторія окружила кафедру молодаго доцента, общавшаго передать ей величавую эпопею феодализма, суровую и гордую поэму католицизма и рыцарства, церкви и замка,—этихъ каменныхъ представителей замкнутой въ себѣ и оконченной эпохи. Благороднѣйшіе представители московскаго общества сѣли на скамьяхъ студентовъ.

„Когда объявлены были публичныя лекціи Грановскаго, весь кругъ Александра пришелъ въ сильную ажитацію: какъ примуть? Что будетъ? Всеобщій интересъ, всѣ разговоры сосредоточивались на лекціяхъ, всѣ отрѣшились отъ самихъ себя. Лекціи начались. Всѣ мало-мальски знакомые съ университетскимъ образованіемъ какъ-бы стыдились не бывать на чтеніяхъ Грановскаго. Во время чтенія аудиторія была биткомъ набита. Дамы всѣхъ возрастовъ считались десятками, не только тѣ, которыя принадлежали къ ученому кругу, но и незааявившія никакихъ притязаній на ученость. Профессора, студенты, статскіе, военные наполняли аудиторію.

„Всѣ слушали внимательно, съ интересомъ. Всѣ лица были одушевлены, ни на одномъ не было ни тѣни скуки и утомленія. Появленія Грановскаго на кафедрѣ встрѣчались шумно, рукоплесканіямъ не было конца. Грановскій, впечатлительный и вѣжливый, растрогивался, смущаясь, раскланивался; одной рукой вынималъ изъ кармана платокъ, другой имъ утирался, прокашливался, снова вынималъ платокъ. Когда онъ приходилъ въ себя, все умолкало; всѣ взоры устремлялись на молодого доцента,—онъ тихо, плавно начиналъ читать и,

чѣмъ далѣе читаль, тѣмъ рѣчь его становилась сильнѣе, интереснѣе, — наконецъ, совсѣмъ поглощала вниманіе слушателей. Слушали, задыхаясь отъ восторга. Конецъ лекціи бываль еще шумнѣе начала. Поднимался крикъ, стукъ, такой гамъ, что стекла дребезжали въ окнахъ.

„Послѣ лекціи Грановскій уходилъ въ профессорскую комнату дотого взволнованнымъ, что почти не могъ говорить, на глазахъ у него наворачивались слезы, онъ садился, вставаль, улыбался, снова садился—онъ былъ счастливъ.

„Не многимъ выпадаетъ на долю переживать такія минуты.

„Александръ написалъ статью о первой лекціи, отвезъ ее графу Строганову и просилъ помѣстить въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Графъ принялъ статью съ условіемъ, чтобы въ ней не было рѣчи о Гегелѣ и приказаль напечатать въ 142 № „Московскихъ Вѣдомостей“ 1843 года“. (Стр. 352—353.)

Самъ по себѣ Грановскій вовсе не былъ такимъ феноменальнымъ явленіемъ въ московскомъ университетѣ, чтобы приходить въ неописанный восторгъ отъ его лекцій. Вмѣстѣ съ нимъ были и другіе молодые профессора, не менѣе его талантливые и симпатичные для слушателей; но никто изъ нихъ не произнесъ съ кафедры того, что чувствовалось тогдашней интеллигенціей, никто не далъ такого яснаго и категорическаго отвѣта на вопросы, мучившіе общественное сознание; однимъ словомъ, никто не былъ такимъ горячимъ и искреннимъ выразителемъ европейской мысли, въ которой многіе искали своего обновленія и повѣрки, какъ Грановскій. Этому, и только этому онъ былъ обязанъ своимъ громаднымъ успѣхомъ. Благодаря тому-же, онъ произвелъ переполохъ въ лагерь славянофиловъ, изъ котораго посыпались на него доносы, и онъ принужденъ былъ оправдываться такъ: „Меня обвиняютъ въ пристрастіи къ Западу. Я взялся читать часть его исторіи и не вижу, почему долженъ читать ее съ ненавистью. Западъ кровавымъ потомъ выработаль свою исторію, плоды ея достались намъ почти даромъ; нѣтъ права не любить ее. Если-бы я взялся читать нашу исторію—и въ нее принесъ-бы ту-же любовь. Меня обвиняютъ въ пристрастіи къ системамъ, — я имѣю свои ученія убѣжденія, и только во имя ихъ явился на этой кафедрѣ. Рассказывать рядъ событій и анекдотовъ не входило въ мой планъ“... (Стр. 359.) Московскіе Катковы того времени не унимались и продолжали свои закулисныя и печатныя инсинуаціи на любимаго профессора; онѣ принимались къ свѣденію и ему дано было знать, что его лекціи будутъ прекращены, если манифестаціи стануть продолжаться. Онъ долженъ былъ самъ просить студентовъ не дѣлать ему шумныхъ овацій, воздержаться отъ рукоплесканій и изъявленій ему публичной благодарности. „Я прошу

вась объ этомъ, говорилъ онъ, не потому, чтобы считаль опаснымъ для вась и для себя такія изъявленія вашей симпатіи. Она останется на всю жизнь моимъ лучшимъ воспоминаніемъ. Зачѣмъ наружные знаки? Вы и я принадлежимъ къ молодому поколѣнію. У насъ общее прекрасное дѣло—посвятить наши занятія серьезному изученію, служенію Россіи, вышедшей изъ рукъ Петра I, удаляясь равно и отъ пристрастныхъ клеветъ иноземцевъ, и отъ старческаго, дряхлаго желанія возстановить Русь во всей ея односторонности“ (Стр. 372.) Такимъ образомъ, Грановскій выступилъ горячимъ защитникомъ европейскаго направленія и истолкователемъ тѣхъ неясныхъ порывовъ и стремленій, которыя носились въ обществѣ. Къ нему примкнуло все молодое и рвавшееся къ свѣту, а все дряхлое и отжившее отошло въ сторону славянофиловъ. Граница между этими двумя теченіями тогдашней русской мысли опредѣлилась ясно и борьба осмыслилась. Кто тянулъ назадъ и кто шелъ впередъ—для всѣхъ было очевидно.

Отъ г-жи Пассекъ, казалось-бы, можно было ожидать подробнаго описанія этой эпохи и чего-нибудь новаго объ ея дѣятеляхъ. Но, какъ мы уже замѣтили, она остановилась на Грановскомъ долбѣ, чѣмъ на другихъ, и все-таки не выяснила ни его личности, ни его значенія. И онъ потонулъ въ ея старческой болтовнѣ совершенно безличнымъ грузомъ ея воспоминаній. Она предпочла своему собственному разсказу длинныя перепечатки статей, давно уже извѣстныхъ намъ, и перемываніе домашняго бѣлья друга своего дѣтства, Александра. И это называется у насъ мемуарами. Ужь и въ самомъ дѣлѣ, не бѣдна-ли наша жизнь содержаніемъ до такой степени, что и вспомнить-то изъ нея нечего!

Г В.

НОВЫЯ КНИГИ.

**Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Очеркъ
изъ малороссійской поэзіи. А. Боровиковскаго. Слб. 1879 г.**

За романтизмомъ, теперь всѣми забытымъ, а еще не такъ давно всѣми поносимымъ романтизмомъ, есть, однако, помимо всего другого, одна великая заслуга. Романтизмъ открылъ народъ, этого мало, онъ указалъ на необходимость открыть и изслѣдовать народную душу. И вотъ вначалѣ нашего вѣка въ Шотландіи появились Макферсонъ съ своимъ псевдо-Оссіаномъ и Вальтеръ-Скоттъ съ своими изданіями народныхъ шотландскихъ балладъ, лѣтописей и другихъ памятниковъ, наконецъ съ собственными разсказами въ томъ-же духѣ и направленіи. И, конечно, дѣятельности В.-Скотта, Чэмберса и другихъ народниковъ Англія обязана Дикенсомъ и Текереемъ, а, быть можетъ, и Байрономъ.

Шотландскіе и англійскіе изслѣдователи дали толчекъ тому-же умственному движенію и въ другихъ странахъ, дали толчекъ гораздо позже и въ Россіи, хотя, какъ это ни покажется страннымъ, мы, русскіе, можемъ похвалиться, что обратились къ собранію народныхъ преданій раньше Европы. Мы имѣли сборники народныхъ пѣсней Чулкова еще въ 1770 г., Новикова въ 1780 г. и, наконецъ, Калайдовича изданіе Кириши-Данилова въ 1818 г.

Эта странность объясняется, впрочемъ, довольно просто. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка во всей Европѣ, Шотландія была единственная страна, гдѣ государственная регламентація еще не успѣла подавить народную жизнь, народный духъ. Такое отсутствіе регламентаціи обуславливалось самымъ госу-

дарственнымъ устройствомъ страны, всей ея исторіей. У насъ помогло, конечно, не отсутствіе регламентаціи, а просто независимость ея въ странѣ полудикой, представлявшей хаотическое смѣшеніе всякихъ элементовъ, въ странѣ, гдѣ никому, наконецъ, и въ голову не могли придти всѣ послѣдствія толкавшаго вѣянія къ археологическому, такъ-сказать, изученію народа. За то тѣ-же причины обусловили и полную изолированность нашихъ изслѣдователей старины и ихъ изданій, не только недавшихъ толчка никому другому, подобно шотландцамъ, но оставшихся долго незамѣченными даже у себя дома.

Въ обществѣ полуобразованномъ, усвоившемъ лишь блестяи и мишуру извнѣ принятой цивилизаціи,—въ обществѣ, гдѣ еще не успѣли осѣсть, опредѣлиться и осмыслиться бытовые элементы,—въ такомъ обществѣ кромѣ презрительнаго отношенія къ народу и полнаго индифферентизма къ его идеаламъ, другимъ думамъ и чувствамъ не могло быть и мѣста.

Обращеніе къ народу въ смыслѣ западно-европейскомъ, въ смыслѣ изученія народа, стремленія проникнуть въ его духъ въ такомъ обществѣ было невысказано. Западно-европейскіе идеалы долго еще были ему не по плечу. А между тѣмъ, безъ «народа», т. е. въ сущности, безъ исторіи оставаться было нельзя. Надо было *выдумать* «народъ», выдумать исторію. Карамзинъ, исполнивши это, удовлетворилъ всѣхъ. Среди тогдашней дѣйствительности затрогивать бытовые, экономическія и нравственныя стороны народа было не легко и даже не безопасно, что и испытали на себѣ Новиковъ и Радищевъ; оставалось обмануть эту дѣйствительность, какъ обманулъ ее Карамзинъ, подтасовавши данныя нашей исторіи сообразно требованіямъ и идеаламъ западно-европейской мысли, и сочинивъ такимъ образомъ свой «русскій народъ». Какъ несомнѣнный талантъ, Карамзинъ сдѣлалъ свою подтасовку очень удачно. Не только общество охотно повѣрило обману, охотно приняло «сочиненную» Карамзинымъ исторію за исторію Россіи, но даже и высшіе представители сознанія увлеклись этой декоративною исторіей, какъ, на примѣръ, Пушкинъ, который компилируя Карамзина, погубилъ своего Бориса Годунова, и Бѣлинскій, называвшій тогдашнюю эпоху литературы съ ея выкроенными изъ Карамзина дикими историческими романами и драмами,—эпохою романтически-народною...

Но увлеченіе обманомъ не могло продолжаться долго. Именно въ минуту самыхъ сильныхъ увлеченій, въ минуту юношескихъ вѣрованій въ то, что мы поймали, наконецъ, нашу народность, входимъ съ нею, очищенною, умытою и причесанною,

въ общій кругъ міровой жизни, — въ эту минуту явился человекъ, который, не силой даже дарованія, но силой убѣжденія, разсѣялъ сразу это самообольщеніе.

Это былъ Чаадаевъ—теоретикъ католицизма, стало быть, безжалостный, самый безжалостный, самый послѣдовательный изъ всѣхъ теоретиковъ. Фанатически вѣря въ красоту и значеніе западно-европейскихъ идеаловъ, какъ единственно-человѣческихъ, западныхъ вѣрованій, какъ единственно руководившихъ человѣчествомъ, западныхъ понятій о нравственности, чести, добръ—онъ холодно и спокойно приложилъ свои данныя къ нашей исторіи, къ нашему быту—и отъ перваго прикосновенія этихъ данныхъ разсѣялись, какъ мыльные пузыри, Карамзинскіе воздушные замки... Ясный и обширный умъ Чаадаева, соединенный съ глубоко-правдивой натурой и нашедшій себѣ притомъ твердыя точки опоры въ теоріяхъ, выработанныхъ вѣками, съ разу разгадалъ фальши Карамзинскихъ представленій о нашей народности. Фанатикъ, какъ и всякій неопитъ, онъ имѣлъ смѣлость сказать, что въ насъ самихъ, въ нашей исторіи, въ нашей народности нечего искать идей добра, правды, чести, нравственности, что мы этимъ наслѣдіемъ крайне бѣдны. Силогизмъ его былъ простъ и ясенъ. Единственныя человѣческія формы жизни — формы, выработанныя Европой. Наша жизнь въ эти формы не укладывается, а если и уложится, то фальшиво, какъ у Карамзина. Слѣдовательно...

Это «слѣдовательно» необходимо породило два вывода.

Слѣдовательно, сказали одни, мы не люди, и для того, чтобы стать людьми должны отречься отъ самихъ себя. Отсюда, какъ послѣдняя грань, спокойный «Атеней», пропагандировавшій австрійскаго жандарма, какъ цивилизатора славянскихъ народностей... это, впрочемъ, дѣло уже конченное и едва-ли когда-нибудь воскреснетъ...

Слѣдовательно, сказали другіе, наша жизнь—совсѣмъ другая жизнь, и если Карамзинскій «народъ» фальшь, то вѣдь есть не фальшивый, настоящій русскій народъ... Надо его отыскать и изучить, чтобы не остаться въ пустомъ пространствѣ...

Это послѣднее «слѣдовательно» разбилося на множество направленій, живущихъ и до сего дня. Оно-же и породило въ литературѣ поворотъ къ «народу», новое «вѣяніе», нашедшее себѣ уже готовый матеріалъ, во-первыхъ, въ работахъ забытыхъ изслѣдователей конца прошлаго столѣтія; а во-вторыхъ, что замѣчательно, именно въ Малороссіи, гдѣ, безъ всякой посторонней помощи, появились самые ранніе, какъ увидимъ, сильно повліявшіе на нашу литературу, сборники народной поэзіи. Этихъ сборниковъ было три, одинъ за другимъ слѣдовашіе (1827—34—49г.),—

сборники Максимовича, одного изъ самыхъ раннихъ изслѣдователей народной поэзіи не только въ Россіи, но и въ Европѣ. (Сборника Цертелева, относящагося къ 1819, мы не считаемъ, такъ-какъ онъ, подобно Новиковскому и Чулковскому, по ранневременности остался безъ вліянія.)

Вотъ что писалъ, между прочимъ Максимовичъ въ предисловіи къ своимъ Сборникамъ: «Наступило, кажется, время, когда познають, наконецъ, истинную цѣну народности; начинается уже сбываться желаніе: да создается поэзія истинно-русская! Лучшіе наши поэты уже не въ основу и образецъ поставляютъ произведенія иноплеменниковъ, но только средствомъ къ новѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушена пересадками иностранными, и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась. Въ семъ отношеніи вниманія заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась-бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная...» Эти слова служили выраженіемъ именно того, что начинали думать, къ чему, быть можетъ, еще смутно стремились лучшіе представители тогдашней литературы. Для Пушкина и Гоголя сборники Максимовича, какъ сейчасъ увидимъ, не прошли безслѣдно, и, быть можетъ, отчасти ихъ вліяніемъ объясняется и теперь еще плохо разъясненное превращеніе автора «Кавказскаго плѣнника» и пр. въ автора «Лѣтописей села Горохина» и «Повѣстей Бѣлкина». Объ интересѣ Пушкина къ сборникамъ Максимовича, между прочимъ, рассказываетъ Погодинъ, а въ одномъ изъ писемъ Гоголя находимъ такую фразу: «я похваляюсь имъ (т. е. сборникомъ Максимовича) передъ Пушкинымъ». Наконецъ, самъ Максимовичъ рассказываетъ, что, зайдя однажды къ Пушкину, засталъ его за чтеніемъ своего «Сборника». «А я обираю ваши пѣсни», сказалъ ему Пушкинъ, писавшій въ это время (1829 г.) «Полтаву».

Относительно Гоголя въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ еще болѣе ясныя свидѣтельства. Вотъ что писалъ онъ Максимовичу въ 1833 году: «Теперь я принялся за исторію нашей Украйны. Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Я порадовался, услышавши отъ васъ о богатомъ присовокупленіи къ пѣснямъ (дѣло идетъ о Сборникѣ, изданномъ Максимовичемъ въ 1834 г.) изъ собранія Ходыковскаго. Какъ-бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя—пѣсни! Какъ я

вась люблю! Что всё черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями. Я самъ теперь получаю много новыхъ и какія есть между ними— прелесть! Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Сдѣлайте милость, пришлите этотъ экземпляръ мнѣ. Я не могу жить безъ пѣсенъ. Вы не понимаете, какая это мука. Я знаю, что есть столько пѣсенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не знаю ихъ. Это все равно, если-бы кто передъ женщиной сказалъ, что онъ знаетъ секретъ, и не объяснилъ-бы ей. Велите переписать четвому, красивому писцу въ тетрадь in quarto на мой счетъ. Я не имѣю терпѣнія дожидаться печатнаго, притомъ, я тогда буду знать, какія прислать вамъ пѣсни, чтобы у васъ не было двухъ сходныхъ дублетовъ. *Вы не можете себя представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни даже и неисторическія, даже и... онъ вѣтъ дають по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе...*»

И еще гораздо ранѣе этого очень характернаго письма, мы постоянно встрѣчаемъ въ перепискѣ Гоголя просьбы сообщать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинныя предметы,—«какъ это всегда дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малоросіянъ». Результатомъ всѣхъ этихъ изученій и интересовъ являются «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» *), оцѣненные, какъ извѣстно, прежде всѣхъ Пушкинымъ, и оцѣненные именно со стороны того новаго, неслыханнаго и невиданнаго въ тогдашней литературѣ элемента, — элемента народности. Да еще и вопросъ: одинъ-ли «Вечера» и «Тарасъ Бульба» были результатомъ интересовъ Гоголя къ народной поэзіи? Не повліяло-ли это изученіе и на все его міросозерцаніе и на всѣ его созданія? Вотъ что замѣчаетъ, между прочимъ, одинъ, къ сожалѣнію, какъ-то замолкшій писатель о вліяніи на Гоголя малорусской старинны: «Въ тотъ-же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями, онъ написалъ «Женитьбу», «Ревизора» и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а слѣдовательно не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя, — не поймемъ, что дало силу недоучившемуся провинціалу стать возбуждателемъ критическаго сознанія въ

*) Теперь ужъ это можно утверждать положительно. Стоить только ознакомиться съ малорусскими сказками, изданными не такъ давно г. Рудченко, чтобы убѣдиться, какъ обильно черпалъ Гоголь матеріалы для своихъ произведеній изъ народныхъ преданій и разсказовъ.

русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія «Ревизора» и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, которому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи, — и не оцѣнимъ того контраста, какой представляютъ симпатическіе и грандіозные образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми «мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь», какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности».

Уже изъ того бѣглаго очерка, который могли мы представить въ этой коротенькой замѣткѣ, можно видѣть, какое глубокое и благотворное вліяніе имѣла малорусская народная поэзія на нашу литературу, и какъ относились къ этой поэзіи два великіе наши поэта, создавшіе русскую литературу и до сего времени разрабатывающую ихъ традиціи... Но все-же это лишь одна сторона дѣла. Помимо того, продолжавшіяся и продолжающіяся изысканія въ области малорусской народной поэзіи дали огромные и, можно сказать, неожиданные результаты для исторіи. На основаніи этихъ изысканій разрушено, напрямѣръ, мнѣніе о казачествѣ, какъ о противуобщественномъ элементѣ, многое, до того темное въ исторіи Малороссіи, получило надлежащее освѣщеніе и постановку, а «прозрѣніе» гениальнаго самоучки, выраженное въ вышеприведенныхъ нами словахъ: «вы не можете представить, какъ много помогаютъ мнѣ въ исторіи пѣсни» и т. д. — прозрѣніе первостепенной важности *бытовой* исторіи, сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ, такъ-что, напр., даже покойный С. М. Соловьевъ въ послѣднее время сталъ сильно уклоняться отъ своихъ первоначальныхъ взглядовъ на этотъ вопросъ. Наконецъ, выяснился фактъ, что въ малорусскомъ народѣ и до сихъ поръ не изсякъ источникъ эпическаго творчества. Записано много пѣсенъ, такъ-называемыхъ *кремницкихъ*, относящихся къ столь недавней эпохѣ крѣпостного права; записанъ, наконецъ, цѣлый рядъ пѣсенъ, касающихся еще болѣе близкой эпохи—послѣдняго польскаго возстанія.

Ясно, какой свѣтъ могутъ бросить эти пѣсни на все міросозерцаніе народа, всегда рѣзко и отчетливо проявляющееся именно въ критическія минуты народной жизни. Но всѣ эти работы, приносящія величайшую честь столь незаслуженно оклеветанному однимъ и осмѣянному другимъ такъ-называемому «украинофильскому направленію»—всѣ эти работы лишь сырой матеріалъ недоступный большинству. Вотъ почему, хотя народная поэзія давно играетъ значительную роль въ нашей литературѣ, масса такъ-называемыхъ «образованныхъ людей» имѣетъ самыя смутныя,

такъ-сказать, «гимназическія» понятія о народной поэзіи вообще, и особенно о малорусской.

Въ литературѣ, помимо очень немногихъ блестящихъ статей г. Костомарова, этотъ предметъ тоже почти совсѣмъ игнорировался, хотя «народъ» теперь треплетъ чуть не на всѣхъ перекресткахъ, хотя нѣтъ такого журнальнаго прихвостня, который не счелъ-бы за благо, кстати и некстати, рекламировать свою любовь къ «народу»...

Могутъ указать, что мы упускаемъ изъ виду цѣлый потопъ статей, посвященныхъ изслѣдованію экономическихъ и аграрныхъ вопросовъ, прямо касающихся «народа»...

Мы-бы ничего не имѣли противъ изученія народа и его жизни съ этихъ точекъ зрѣнія и видѣли-бы въ этомъ развѣ только нѣкоторую односторонность, требующую дополненія, если-бы девять десятыхъ этихъ статей не представляли собою лишь журнальнаго баласта, неимѣющаго ни интереса научнаго, ни интереса хорошей и толковой популяризаціи...

Въ виду всего сказаннаго мы, конечно, съ радостью-бы встрѣтили всякую попытку популяризаціи тѣхъ матеріаловъ для изученія народнаго быта, характера и преданій, которые теперь доступны лишь специалистамъ; въ виду сказаннаго мы съ удовольствіемъ встрѣтили-бы и книжку г. Боровиковскаго, если-бы она была составлена хотя немного добросовѣстнѣе и толковѣе.

«Этотъ очеркъ, говоритъ г. Боровиковскій, — объясняя появленіе въ свѣтъ своей книжки, — написанъ 15 лѣтъ тому назадъ и былъ напечатанъ, въ 1867 году, въ редактировавшихся О. М. Бодянскимъ «Чтеніяхъ въ императорскомъ обществѣ исторіи древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ».

«По желанію нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ мнѣ земляковъ, я издаю теперь, *безъ всякихъ исправленій*, этотъ, дорогой для меня лично по воспоминаніямъ, трудъ отдѣльной брошюрой, посвящая ее любителямъ народной поэзіи. Я не рѣшился измѣнить и орфографію малорусскихъ словъ, оставляя ее тою-же, какой придерживался въ «Чтеніяхъ» столь авторитетный знатокъ языка, какъ покойный О. М. Бодянский. Само собою разумѣется, что и въ настоящее время я не придаю этому труду большого значенія, чѣмъ то, какое придавалъ при первоначальномъ изданіи: *это юношескій опытъ привести въ послѣдовательную связь поэтическіе мотивы народныхъ малорусскихъ пѣсенъ про женскую долю*».

Что за странность? Неужели-же «желавшіе земляки» такъ-таки непремѣнно требовали, чтобы авторъ издалъ свой «дорогой ему по воспоминаніямъ трудъ» безъ всякихъ исправленій? Ну, подождемъ, онъ не рѣшился измѣнить орфографію потому, что

тутъ замѣшался Бодянскій; но почему-же понадобилось г. Боровиковскому оставить безъ измѣненій и все остальное. За послѣднiя 15 лѣтъ собрано и издано столько новыхъ матерiаловъ по части малорусской поэзи, что если-бы г. Боровиковскiй не послушался «земляковъ», а поработалъ-бы, какъ слѣдуетъ, то вѣрно нашелъ-бы не мало новаго, относящагося къ предмету его изслѣдованiя. Стоило г. Боровиковскому просмотрѣть хотя-бы сборникъ Антоновича и Драгоманова и тутъ-бы онъ нашелъ многое, относящееся именно къ «женской долѣ». Вотъ нѣсколько заглавiй пѣсенъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ: «Двѣ сестры плѣнницы у турокъ» (заимствована изъ «Чтенiй» 1863 г.); «Три плѣнницы»; «Выкупъ дѣвушки милымъ изъ турецкаго плѣна» (заимст. изъ «Чтенiй» 63 г.); «Выкупъ казака милою изъ турецкой неволи» (заимст. изъ «Записокъ о Юной Россiи Кулиша» 1856 г.); «Сторожа у Чернаго лѣса и плѣнная дѣвушка»; «Дѣвушка будитъ сторожеваго казака» заимст. изъ «Чтенiй» 63 г.); «Покупка братомъ сестры плѣнницы»; «Теща въ плѣну у зятя»; «Братъ продаетъ сестру туркамъ» (заимст. изъ «Чтенiй» 63 г.); «Отецъ продаетъ дочь туркамъ»; «Увозъ дѣвушки турками»; «Дѣвушка топится, чтобы избавиться отъ нелюбимаго жениха»; «Дѣвушка-воинъ». Надѣмся, что все это прямо относится къ «женской долѣ»? Мы указали лишь нѣсколько пѣсенъ изъ перваго вышедшаго тома «Сборника» Антоновича и Драгоманова, гдѣ помѣщены только пѣсни вѣка дружиннаго и казацкаго. Въ слѣдующемъ томѣ (который, впрочемъ, до сихъ поръ неизданъ) должны были явиться: 1) пѣсни гайдамацкiя, 2) пѣсни рекрутскiя и кренацкiя, 3) пѣсни про волю. Новыхъ, нигдѣ еще не помѣщенныхъ пѣсенъ, у составителей было не много; они намѣревались наполнить рубрику своего 2 тома матерiаломъ, разбросаннымъ въ разныхъ сборникахъ, журналахъ и т. п. Кто-бы мѣшалъ воспользоваться г. Боровиковскому тѣмъ-же матерiаломъ, по-скольку онъ годенъ для его изслѣдованiя о «женской долѣ»? А уже самое, только-что приведенное заглавiе рубрикъ показываетъ сколько любопытнаго и важнаго о «женской долѣ» могъ-бы найти г. Боровиковскiй въ этомъ матерiалѣ, хотя-бы, напр., въ пѣсняхъ рекрутскихъ и кренацкихъ... Но этого мало. Я, нарочно приводя заглавiя пѣсенъ изъ «Сборника» Антоновича и Драгоманова, поставилъ въ скобкахъ около тѣхъ, которыя попали въ «Сборникъ» не изъ первыхъ рукъ, откуда онѣ заимствованы. Изъ этихъ указанiй видно, что еще въ 1867 г. когда г. Боровиковскiй составлялъ свою статью для «Чтенiй» онъ могъ-бы воспользоваться этими пѣснями, такъ-какъ онѣ тогда

уже были напечатаны, да еще большею частью въ тѣхъ-же «Чтеніяхъ». Равнымъ образомъ обильный матеріалъ автору книги о «женской долѣ» могли-бы доставить два сборника, опять-таки изданные даже раньше появленія его статьи въ «Чтеніяхъ», а именно: Сборникъ Д. Лавренка—«Пісні украинскаго люду» (въ этомъ Сборникѣ помѣщены исключительно любовныя пѣсни, т. е. уже прямо относящіяся къ предмету изслѣдованія г. Боровиковскаго), и сборникъ г-жи Балиной. Первый изъ нихъ вышелъ въ 64, а второй въ 62 г. Наконецъ, г. Боровиковскій не воспользовался двумя чрезвычайно поэтичными и важными по содержанію пѣснями, какъ нельзя болѣе относящимися къ его предмету, одну изъ которыхъ еще Гоголь приводитъ въ своей статьѣ о «Малорусскихъ пѣсняхъ» (соч. Гоголя, т. II), а другая напечатана въ «Запискахъ» Кулиша». Мы, конечно, указали далеко не все, что пропущено г. Боровиковскимъ; въ краткой журнальной замѣткѣ врядъ-ли возможно было это сдѣлать; мы не могли пересмотрѣть всю массу матеріаловъ, разбросанныхъ по разнымъ изданіямъ; но уже и изъ нашихъ указаній достаточно видно, какъ небрежно отнесся авторъ разбираемой книжки къ этой сторонѣ своей задачи.

Но, быть можетъ, г. Боровиковскій толково обработалъ хотя тотъ матеріалъ, который былъ у него въ распоряженіи? Къ сожалѣнію и въ этомъ отношеніи «юношескій опытъ *привести въ послѣдовательную связь* мотивы народныхъ малорусскихъ пѣсень про женскую долю» оказывается опытомъ далеко неудовлетворительнымъ. Прежде всего г. Боровиковскій приводитъ почему-то лишь обрывки пѣсень, связывая ихъ своимъ собственнымъ пересказомъ. Это приѣмъ, конечно, самый легкій, но совершенно неудачный. Созданія поэзіи, пересказанныя «своими словами», совершенно теряютъ свой смыслъ и авторъ, употребляя такой приѣмъ, врядъ-ли угодилъ «любителямъ народной поэзіи», потому что, именно благодаря этому приѣму, въ книжкѣ никакой поэзіи нѣтъ. «Послѣдовательной связи», даже внѣшней, въ «опытѣ» г. Боровиковскаго тоже нѣтъ, и если авторъ думаетъ, что раздѣливши весь свой матеріалъ на три рубрики: «Коханье», «Замужество», «Мать и дѣти» онъ исчерпалъ все, въ смыслѣ послѣдовательной связи, то это онъ думаетъ довольно легкомысленно. Не менѣе легкомысленно объясняетъ онъ въ предисловіи, что «не пускался въ толкованія», потому что «поэзія въ нихъ не нуждается», хотя именно «толкованія» только и могли-бы установить ту «послѣдовательную связь», которую авторъ обѣщаетъ, но не даетъ. Кромѣ того и вообще это не вѣрно, что поэзія не нуждается въ «толкованіяхъ» (поэзію Пушкина, напр., и по-

няли-то, единственно благодаря «толкованіямъ Бѣлинскаго»), а въ данномъ случаѣ это не вѣрно вдвойнѣ, такъ-какъ народная пѣсня, созданная мужикомъ, выражаетъ ея жизнь, ея взгляды, жпань и взгляды, отъ которыхъ мы, «культурные» люди, ушли далеко, ушли во многомъ къ худшему; жизнь и взгляды, которые безъ «толкованій», пожалуй, останутся для насъ китайской грамотой. А между тѣмъ, именно, въ пѣснѣ выражается та часть духовной сущности народа, которую узнать и понять всего любопытнѣе. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Костомаровъ въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи объ историческомъ значеніи южно-русскаго пѣсеннаго творчества:

«Безспорно, пѣсни составляютъ, рядомъ съ другими произведеніями народнаго слова, драгоцѣнный источникъ для знакомства со всякаго рода проявленіями духовной жизни; но самымъ первоначальнымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, ничѣмъ незамѣнимымъ источникомъ пѣсни представляются со стороны народнаго чувства. Чувство есть основа всякаго проявленія духа, возбудитель мысли и поступковъ, корень нравственнаго бытія. Понять-же чувство человека — значитъ познать его сокровенную природу».

Напрасно стали-бы мы искать въ книжкѣ г. Боровиковскаго хотя-бы намекъ на разработку бывшихъ въ его распоряженіи матеріаловъ въ смыслѣ только-что приведенныхъ словъ г. Костомарова. Г. Боровиковскій даже и не пытается уловить въ пѣснѣ чувство, міросозерцаніе народа. Ему этого и не надо. Онъ врагъ всякихъ «толкованій», а потому просто беретъ на себя роль ярмарочнаго панорамщика, съ невозмутимой олегмой вертищаго свою машинку, приговаривая: а вотъ городъ Парижъ, поѣдешь — угоришь; а вотъ Аршава горитъ, въ ней Паскевичъ сидитъ, ничего не говоритъ» и т. д. до безконечности. А почему въ Парижѣ угоришь, почему Паскевичъ «ничего не говоритъ», когда «Аршава горитъ», — это, по мнѣнію панорамщика, совершенно праздные и, пожалуй, даже нѣсколько неблагонамѣренныя вопросы.

Вотъ, напримѣръ, рядъ пѣсенъ, тракующихъ чрезвычайно разнообразно одну и ту-же тему — ревность. Именно здѣсь, казалось-бы легко уловить, какъ относится ко всему этому разнообразію драматичныхъ положеній самъ, сложившій пѣсни, народъ, что онъ одобряетъ, что порицаетъ, что считаетъ правымъ, что неправымъ. Но г. Боровиковскій «толкованій» не терпитъ. Онъ — знай себѣ — показываетъ свою панораму дальше, благо дѣло не трудное. И вдругъ среди этого выкрикиванія о своей панорамѣ мелькнетъ: «Иногда мужъ уѣзжаетъ отъ жены въ

отчаянія, что жизнь ихъ не идетъ, какъ должно. *Тутъ причиною разлада какая-то роковая недоля*».

И больше хоть-бы слово! Помилуйте, г. Боровиковскій! Да вѣдь тутъ цѣлая трагедія, любопытнѣйшая трагедія, вѣдь тутъ одинъ изъ «проклятыхъ вопросовъ»:

Сколько годовъ надъ нимъ билось,
Сколько онъ муки принесъ...

Тутъ-то бы и интересно узнать—«а что скажетъ народъ? А вы—«роковая недоля». Вѣдь есть-же на эту тему какія-нибудь пѣсни, вѣдь не съ вѣтру-же вы сболтнули. Ну, не терпите «толкованій»—Богъ съ вами, хоть-бы матерьялъ намъ, читателямъ, въ руки дали, мы-бы ужъ какъ-нибудь сами попытались поймать за хвостъ эту «роковую недолю»; но вы и того не даете, а продолжаете выкрикивать.

Такъ выполнено г. Боровиковскимъ справедливо предъявляемое всѣмъ изслѣдователямъ и популяризаторамъ народной поэзіи требованіе, выраженное въ вышеприведенной выпискѣ изъ статьи г. Костомарова. Но г. Костомаровъ не ограничивается этимъ. Въ той-же статьѣ онъ предъявляетъ и другое, не менѣе справедливое, требованіе. Вотъ что говоритъ онъ: «составляя исключительно достояніе простонародья, пѣсни окажутся историкѣ полезными и важными *для уразумѣнія и культурныхъ сферъ общества*, такъ-какъ духовное состояніе простолюдина во многомъ близко къ тому состоянію, въ которомъ находится и весь народъ, изъ котораго выдѣлилось образованное общество, неизбежно, однако, удержавшее въ себѣ коренныя народныя свойства, унаслѣдованныя отъ предковъ, и притомъ-же духовная связь образованнаго общества съ массою простонародья не разрывается, если только первое не усвоитъ чужого языка и чужой народности и не отрѣзывается совершенно отъ своего корня. *У насъ образованное общество при всѣхъ отличіяхъ отъ народа, даже при напускномъ пренебреженіи къ родной рѣчи, гораздо больше заимствовало отъ простаго народа, чѣмъ ему давало*».

Нечего говорить, что г. Боровиковскій и въ этомъ смыслѣ не предпринялъ ничего. По обыкновенію, даже когда намекъ, разъясненіе, аналогія, сами, казалось-бы, навертываются на языкъ—авторъ упорно молчитъ. Изъ многихъ примѣровъ выбираемъ болѣе рѣзкій. Дѣло идетъ о пѣсняхъ, гдѣ трактуется тема измѣны въ любви. Между ними попадаетъ слѣдующая, въ высокой степени замѣчательная:

Деся мій миленькій,
Чернобривенькій.

Зъ иншеку секреты мае.
Коли зъ такую,
Якъ изо мною,—
Поможси ему Боже!

Трудно не замѣтить высоко гуманнаго чувства, проникающаго эту трогательную пѣсенку, — чувства, до котораго немногіе доработались и на самыхъ верхахъ цивилизаціи, а если и доработались, какъ напр., Пушкинъ, въ стихотвореніяхъ, отрывки изъ которыхъ сейчасъ приведемъ, то, можетъ быть, именно благодаря тому, что, какъ говоритъ г. Костомаровъ, «образованное общество гораздо болѣе заимствовало отъ простаго народа, чѣмъ ему давало». Вотъ эти отрывки. И кто не согласится, что по *духу* они совершенно аналогичны съ только-что приведенной пѣсенкой:

...Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть дружимъ...

И слѣдующій:

...Уже-ль не можно мнѣ
 Глазами слѣдовать за ней, и въ тишинѣ
 Благословлять ее на радость и на счастье,
 И сердцемъ ей желать всѣ блага жизни сей:
 Веселья, миръ души, безопасные досуги,
Все, даже счастье того, кто будетъ избранъ ей,
Кто милой днѣтъ дастъ названіе супруги...

И кто рѣшить: поэтъ-ли далъ народу этотъ высоко-гуманный мотивъ, или самъ взялъ его у народа? И не покажется-ли вѣрнѣе послѣднее, если вспомнимъ, что превращеніе пушкинскаго Алеко въ великаго *народнаго* поэта въ сильной степени было результатомъ сказокъ Арины Родіоновны и вліянія народной поэзіи...

На этомъ мы и покончимъ съ книжкой г. Боровиковскаго; но, разъ заговоривши о народѣ, намъ-бы хотѣлось сказать слова два людямъ, которые, мы не сомнѣваемся, искренно любя народъ, какъ-то постоянно и систематически «падаютъ не въ то мѣсто» въ своихъ поискахъ за народными идеалами, думами и чувствами. Одни изъ нихъ просто лгутъ, быть можетъ, по самымъ благороднѣйшимъ побужденіямъ, но все-же лгутъ, какъ напр., г. Златовратскій, «сочиняющій» народъ и его идеалы. Другіе, менѣе способные къ самообману, ища не тамъ и потому не находя искомаго, съ отчаянія становятся въ отрицательное отношеніе къ народу и, сами не замѣчая, играютъ въ руку тѣмъ народо-ненавистникамъ, съ которыми у нихъ нѣтъ ничего общаго.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, поэтъ, обращаясь къ народу, восклицалъ:

Что-же ты любишь, дитя маловѣрное,
Гдѣ-же твой *идолъ* стоналъ?

Это очень характерный *идолъ*... И почему-же ужъ такъ непременно *идолъ*? А и до сихъ поръ-то все народъ допрашиваютъ: гдѣ *идолъ*? Вотъ онъ и показываесть *идола*, который никому не нравится... А если-бы спросили про «идеалъ», можетъ онъ, «идеалъ» - то, и оказался-бы... Какъ знать?.. Все это очень прискорбно, хотя Шекспиръ говорить гдѣ-то, что—

Время

Всегда на то, что происходитъ въ немъ...

Но несомнѣнно также, что

бываютъ времена

Совсѣмъ особеннаго свойства...

Что бываютъ времена безвыходной тьмы, подъемной работы силъ, въ которыя нерѣдко то, что должно было-бы идти рука объ руку,—разъединено, толкаетъ одно другое, враждуетъ одно съ другимъ... Такихъ грустныхъ эпохъ не мало въ исторіи человѣчества...

Чтобы кончить, повторяю: чрезвычайно желательно было-бы увидѣть, какъ можно больше попытокъ толковой обработки тѣхъ сокровищъ народнаго творчества, которыя доступны теперь лишь спеціалистамъ. «Сборникъ, что рудникъ: золота много, но его надо добыть оттуда, а сразу его, пожалуй, и не замѣтишь», говорить г. Боровиковскій, — въ своемъ предисловіи, единственно, кажется, разъ во всей книгѣ, обмолвившись дѣльнымъ словомъ.

Земскій Ежегодникъ за 1877 годъ. Слб. 1879.

Мы говоримъ объ изданіи вольно-экономическаго общества. Общество это, какъ извѣстно, основано въ то время, какъ дворянство получило «вольность» служить и не служить, и экономическое общество, какъ «вольное», тоже имѣетъ право дѣлать что-нибудь или ничего не дѣлать. Оно большею частію ничего не дѣлаесть—и хорошо дѣлаесть, потому что если оно ужъ примется что-нибудь дѣлать, то ужъ сдѣлаесть такъ, что только разводишь руками. Вотъ задумало оно составить сводъ матеріаловъ для исторіи земства. Дѣло это очень трудное уже потому, что для него нужно прочесть нѣсколько тысячъ томовъ земскихъ

изданій, одного только вятскаго земства, напр., томовъ 200, пермскаго 150, херсонскаго 100 и т. д. Вышедшій года два назадъ первый томъ «Земскаго Ежегодника», составленный подъ редакціей професора Андреевскаго, оказался ни на какое употребленіе негоднымъ, даже по признанію газетныхъ рецензентовъ, которые большею частью книгъ не читаютъ и рекламируютъ о нихъ съ чужихъ словъ. О новомъ томѣ въ газетахъ, напр., въ «Новомъ Времени», данъ одобрителный отзывъ, переразирванный изъ предисловія къ книгѣ, въ которой какой-то г. Шмигельскій на цѣлыхъ 6 страницахъ одобряетъ трудъ свой, хотя самъ-же сознается, что въ немъ множество пробъловъ, что вовсе нѣтъ данныхъ «многихъ уѣздныхъ управъ и нѣкоторыхъ губернскихъ» (стр. VI). Сколько-нибудь уважающій себя дѣятель, конечно, потрудился-бы прежде собрать всѣ матеріалы, необходимыя для общаго свода, но вѣдь экономическое общество — вольное, «особая комисія», наблюдающая надъ составленіемъ «Ежегодника» — тоже вольная, и г. Шмигельскій — вольный, слѣдовательно, никакой законъ для нихъ не писанъ, и въ результатъ получается невообразимый сумбуръ. Статистическія таблицы, напр., блещутъ особеннымъ безобразіемъ, и составлены такъ-же, какъ слѣдующая таблица народныхъ школъ псковской губерніи по уѣздамъ

	Школы.				Учащихся. Учащихъ.			
	Содержимыхъ земствомъ.	Городскихъ.	Министерства нар. просв.	Итого.	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Учителей.	Учительницъ.
Новоржевскій	7	3	—	10	557	58	—	—
Островскій	—	—	—	36	1;481	—	—	—
Порховскій	—	—	—	23	—	—	—	—
Псковскій	—	—	—	34	—	—	23	5

Это называется у насъ статистикой! Нѣкоторыя таблицы только и состоятъ изъ однихъ черточекъ: школъ —, учениковъ —, учителей тоже —! Также умно составленъ и самый текстъ книги, тоже неизвѣстно для какого употребленія предназначенный: никакихъ точныхъ, сколько нибудь полныхъ данныхъ, а одинъ только винегретъ изъ канцелярской трухи. Кому, напр., и для чего нужны свѣденія вродѣ слѣдующихъ: «Кременчугское с. поручило управъ соорудить болѣе необходимыя плотины изъ указанныхъ исправникомъ» (стр. 87.) «Богучарское с. постановило закрыть писаревскій врачебный участокъ» (стр. 223.) «Верхнедѣпровское увеличило жалованье двумъ фельдшерамъ и

одной акушеркѣ» (стр. 231.) Подвернется г. Шмигельскому подъ руку росписаніе почтовыхъ дорогъ, онъ и начинаетъ росписывать: «отъ Феодосіи до Керчи 97 в., отъ Парпача до Арабата 14 в.» и т. д. (стр. 91—92)! Хотите вы, напр., узнать сумму недоимокъ, и изъ соответствующаго отдѣла сборника ничего не узнаете. Я хотѣлъ было сосчитать сумму денегъ, издержанныхъ на прокормленіе уѣздовъ, голодавшихъ въ 1877 г., насчиталъ 3,500,000 руб., но это далеко не все, такъ-какъ цифры многихъ пособій вовсе не обозначены. Итакъ, по всѣмъ отдѣламъ, исключая только немногихъ, напр., отдѣла объ отвѣтственности служащихъ по земству лицъ. Оказывается, что въ 32 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, возбуждено въ 1877 г. 13 дѣлъ о злоупотребленіяхъ разныхъ лицъ: въ херсонской губерніи растрата земскихъ денегъ опредѣляется въ 36,000 руб., въ егорьевскомъ уѣздѣ сумма растратъ не обозначена, въ пирятинскомъ уѣздѣ — 8,176 руб., въ кунгурскомъ — 427 руб., въ петрозаводскомъ — сумма не обозначена, въ повѣнецкомъ — тоже, въ княгининскомъ — «кража денежнаго сундука управы», но сумма не обозначена, въ ардатовскомъ — не обозначены злоупотребленія предѣдателя управы кн. Шахаева и члена Федулова, въ варнавинскомъ — «злоупотребленія члена управы Воронина», въ костромскомъ — «присвоеніе суммъ земскаго сбора» членомъ управы Горчаковымъ, въ слободскомъ — искъ земства съ члена управы Загорскихъ 175 р., въ вельскомъ — искъ съ предѣдателя Шумилова и т. д. (стр. 33—35.) Но и эти свѣденія далеко не полны, такъ что въ сущности «Ежегодникъ» не даетъ точныхъ данныхъ ни по одному отдѣлу. Возьмемъ хотя расходы земствъ по поводу войны: по нѣкоторымъ уѣздамъ и губерніямъ суммы эти обозначены, по другимъ нѣтъ и только сказано, что собраніе уполномочило управу, по мѣрѣ надобности, употреблять свободныя суммы или занимать деньги. И этимъ никому ненужнымъ баластомъ занято около 60 страницъ. Народному образованію отведено 100 страницъ, но и этотъ отдѣлъ составленъ безтолково какъ всѣ остальные, такъ-что сосчитать, напр., сколько всѣ земства затратили на народныя школы — нѣтъ никакой возможности; какой процентъ крестьянскихъ дѣтей учится въ гимназіяхъ — неизвѣстно; какая часть расходовъ на образованіе употребляется на мужскія и женскія гимназіи и реальныя школы — тоже неизвѣстно. Кромѣ писарскаго труда, да и то крайне плохаго, редакторы «Ежегодника» ничего не сдѣлали; въ таблицяхъ, напр., имъ лѣнь было даже подводить итоги и они только оставили для нихъ пустыя мѣста! Вообще, изданіе этой книги, стоящей въ добавокъ ко всему необыкновенно дорого (6 рублей за 40 лп-

стовъ) — походить на уморительную насмѣшку надъ здоровымъ смысломъ публики, и только ничего нечитающіе рецензенты гадать легкаго поведенія могутъ одобрить подобныя изданія.

Записки Сибирскаго Немврода. Охотничьи рассказы И. Г. Шведова. Спб. 1880.

Я хотя охотился всего разъ въ жизни, но понимаю, что такое охотничья страсть и какъ она можетъ развиться въ человѣкѣ. Во всякомъ случаѣ, это страсть грубая, животная, отъ которой современемъ люди, конечно, такъ-же отвыкнутъ, какъ они отвыкли отъ людоедства и хожденіе на охоту будетъ явленіемъ столь-же исключительнымъ, какъ теперь хожденіе на бойню. Страстные охотники, въ родѣ Немврода Шведова, конечно, не согласятся со мною, да я не для нихъ и говорю; но они должны согласиться, что охота со временемъ должна если не прекратиться, то въ высшей степени сократиться вслѣдствіе одного уже постепеннаго уничтоженія дичи. Даже въ Сибири, по свидѣтельству г. Шведова, дичь всякаго рода исчезаетъ, особенно козы и «сердце каждаго, мало-мальски понимающаго дѣло охотника обливаема кровью» (с. 409.) И дичь исчезаетъ, несмотря даже на то, что хорошихъ охотниковъ изъ баръ въ Сибири очень мало. «Охотниковъ въ Иркутскѣ много, но вполнѣ дѣльныхъ до крайности мало, за то «хвастуновъ» или, какъ говорятъ сибиряки, «хлопушъ» цѣлые легіоны; послушаешь подобнаго барина, такъ ужасъ разбираетъ: билъ онъ медвѣдей, лосей, фазановъ, словомъ, всякую четвероногую и пернатую тварь, живущую въ Россіи, выигрывалъ призы въ стрѣльбищахъ, а пріѣхалъ сюда,—стрѣляетъ, какъ школьникъ и ни объ одной охотѣ рѣшительно не имѣетъ никакого понятія. Есть не мало и «саженниковъ», у которыхъ ружья бьютъ за версту, а дичь цѣнится не по качеству, а по величинѣ ея. Встрѣчаются также «охотники-фаты», которые убиваютъ въ лѣто десять-двадцать долгоносиковъ, съ презрѣніемъ отзываясь о всѣхъ прочихъ охотахъ» (с. 408.) Тѣмъ не менѣе, барскія охоты устраиваются часто на широкую ногу и, надо полагать, не дешево обходятся населенію. Вотъ, напр., какъ описываетъ г. Шведовъ охоту съ генераломъ (самъ г. Шведовъ заявляетъ, что онъ арендаторъ александровскаго винокуреннаго завода):

«Охотники собрались у Владиміра Петровича, вплотную по-
дѣло», № 2, 1880 г.

обѣдали, запили обѣдъ горячимъ глинтвейномъ и всѣ, въ наилучшемъ настроеніи духа, веселые и довольные, удобно размѣстившись въ трехъ тарантасахъ, покатали на почтовыхъ по гладкой, какъ шоссе, широкой дорогѣ Ялурскаго тракта.

«Въ тоже время, въ обширномъ бурятскомъ улусѣ Шаралдай, раскинутомъ на покатосяхъ открытыхъ полей и отстоящемъ отъ города въ 70-ти верстахъ, шла великая суматоха. Безпрерывный лай взбаломученныхъ псовъ, звонъ колокольчиковъ и грохотъ колесъ возвѣщали о прїѣздѣ и отъѣздѣ земскихъ властей, дѣлающихъ различныя распоряженія по поводу предстоящей охоты. То и дѣло собирались шумные, многочисленныя «сугланы», рѣшавшіе вопросы о загонщикахъ, порядкѣ и мѣстности загоновъ, о лошадяхъ, экипажахъ и проч. Самъ тайша принялъ на себя роль руководителя охоты. Отвели для охотниковъ въ домъ старосты квартиру, состоящую изъ трехъ просторныхъ комнатъ. Когда все было готово, прискакалъ засѣдатель, бойкій малый, изъ числа людей, сколачивающихъ правдами и неправдами копеечку про черный день. Онъ все провѣрилъ, все осмотрѣлъ своимъ всевидящимъ окомъ и, убѣдившись въ томъ, что все въ надлежащемъ порядкѣ, съ спокойнымъ духомъ сталъ ожидать прїѣзда шумной компаніи.

«Часу въ восьмомъ вечера, полное освѣщеніе дома старосты и суетливая бѣготня прислуги заявили о прибытіи охотниковъ.

«Удобно размѣстивши въ просторномъ, чистомъ помѣщеніи свои ружейные чемоданы, сакъ-воляжи, подушки и проч., наши охотники занялись, конечно, неизбѣжнымъ въ подобныхъ случаяхъ, процесомъ чаепитія и вмѣстѣ съ тѣмъ приступили къ подробной разработкѣ проекта предстоящей охоты.

«Пренія, какъ и всегда, не замедлили принять оттѣнокъ какъ-бы ссоры и конгрессъ, по обыкновенію, изобразилъ своимъ примѣрнымъ согласіемъ басню Крылова: Лебедь, ракъ и щука. Споръ на этотъ разъ, однако, далеко не пошелъ, и дѣло, съ помощью тайши и благодаря энергичности и вліятельности Владиміра Петровича, скоро уладилось къ общему, по крайней мѣрѣ, хоть наружному удовольствію. Втайнѣ, внутренно, можетъ, кто былъ и недоволенъ, но объ этомъ исторія умалчиваетъ. Совѣщаніе окончилось. Тайша удалился. Для охлажденія разгорячившихся въ спорѣ охотниковъ, на столъ подана была закуска, состоявшая изъ окорока ветчины, сыра и масла, и выпивка въ видѣ водки, бутылки мадеры и вѣчнаго штритероваго битера. Охотники выпили, пришли въ нормальное со-

стояніе и, благодушно настроившись, завели мирную бесѣду» (стр. 277—278.)

Г. Шведовъ, впрочемъ, успокоиваетъ читателя, увѣряя, что охотники за все «расплатились щедро». Вотъ если-бы г. Шведовъ коснулся этой стороны охоты, то его рассказы, довольно бойкіе, были-бы интересны не для однихъ охотниковъ, у которыхъ «сердце обливается кровью» при видѣ быстрого исчезновенія дичи и приближенія той ужасной эпохи, когда сибирскимъ генералъ и водочнымъ заводчикамъ, пожалуй, придется охотиться только за крысами да тараканами. Впрочемъ, тогда усилится карманная охота, которая, какъ видно изъ словъ г. Шведова, и теперь быстро развивается въ Иркутскѣ. «Въ третьемъ году грязная улица представляла изъ себя рядъ безобразныхъ лачугъ съ миниатюрными вывѣсками надъ жалкими лавченками — нынѣ она превратилась въ подобіе Невскаго проспекта: красуется на ней цѣлая шеренга роскошнѣйшихъ магазиновъ, которые, положимъ, дѣлятся хотя и на шаткихъ подпоркахъ кредита, бронзовыхъ векселей и массы всевозможныхъ хитросплетенныхъ комбинацій (девизомъ которыхъ служитъ мудрое изрѣченіе: «Мы другъ за друга, а Богъ за насъ»), но блестящая обстановка которыхъ и замѣчательное разнообразіе товаровъ способны ослѣпить чьи угодно глаза и отклонить отъ подозрительныхъ предположеній даже величайшаго скептика. Какой-нибудь, недавно еще весьма скромный приказчикъ съ подобострастнымъ видомъ спрашивавшій: «чего прикажите-съ», и бойко отмѣривавшій за прилавкомъ ситецъ, или глубокомысленно соображавшій, какъ-бы изъ «бурды сдѣлать тонкую мадеру», глядишь—летаетъ уже на тысячныхъ рыскахъ, лорнируетъ изъ бенуара очаровательныхъ примадонъ, ведетъ огромную торговлю, кредитуется и кредитуетъ во всѣ стороны, однимъ словомъ, это уже «тузъ, важная особа». Или несчастный золотопромышленникъ, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ стоявшій на краю пропасти, извѣстной въ коммерческомъ учебникѣ подъ формулой «летанія въ трубу», вдругъ заворочалъ миліонами, притянувъ къ себѣ, могущественнымъ магнитомъ, всю нуждающуюся братію, и пожинаетъ теперь лавры» (стр. 257—8.) Вѣдь уже 300 лѣтъ прошло, какъ Ермакъ ворвался съ своею шайкой въ эту страну и указалъ въ нее дорогу русскому народу, за которымъ потянулись и цивилизаторы всѣхъ родовъ и сортовъ. И самъ г. Шведовъ, какъ видно изъ книги, тоже играетъ немаловажную роль въ исторіи этой цивилизаціи, которая теперь переживаетъ золотопромышленно-винокурный періодъ.

Приключенія Гаспара ванъ-деръ-Гоммъ. Тайны Берлина.
 Романъ, соч. Тиссо и Амеро. Изд. редакціи журнала „Библио-
 тека для Чтенія“. Спб. 1880 г.

Одинъ изъ литературныхъ сіамскихъ близнецовъ, представившихъ читателю результатъ своего кооперативнаго труда въ лежащемъ передъ нами романѣ, приобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Мы говоримъ о Тиссо, произведемъ довольно сильный фуроръ своимъ полупоисаніемъ, полу-памфлетомъ «Путешествіе въ страну милліардовъ». Страна милліардовъ, изображенная Тиссо, это Германія вообще и Пруссія въ особенности. Самъ Тиссо—горячій патриотъ, котораго больно укололо въ сердце пораженіе Франціи 1870 г. Не мудрено, что живыя и страстныя замѣтки путешественника-памфлетиста, изображавшаго домашній очагъ своего врага, читались съ интересомъ. Нынѣ Тиссо, подкупленный успѣхомъ своей первой книги, задумалъ еще разъ коснуться Германіи, но принялся за дѣло уже нѣсколько иначе. Во-первыхъ, формъ замѣтокъ путешественника имъ была предпочтена форма романа, обставленнаго главными и побочными героями, завязкой, развязкой и т. д., т. е. всѣми необходимыми условіями романа. Во-вторыхъ, писать принялся авторъ не одинъ, а раздѣлилъ трудъ сочинительства съ нѣкимъ Амеро. Кто кого портилъ—Тиссо-ли Амеро, или Амеро—Тиссо, или оба—другъ друга,—мы не знаемъ, но уже съ первыхъ страницъ намъ стало замѣтно, что «Приключенія Ванъ-деръ-Гоммъ», за исключеніемъ немногихъ страницъ изъ всей толстой книжки, положительно ничѣмъ не выдаются надъ уровнемъ современной французской *рокампольщины*. То-же неправдоподобное сдѣяніе изумительныхъ случайностей, тѣ-же сальто-мортале героевъ, то-же театральное появленіе и исчезновеніе дѣйствующихъ лицъ,—и за всѣмъ этимъ никакой опредѣленности въ характерѣ не только-что побочныхъ, но и главныхъ лицъ романа, никакого намека на внутреннюю сторону героевъ, которая во всякомъ порядочномъ романѣ должна служить если не фундаментомъ, такъ хоть подкладкой внѣшнихъ событій, столкновеній и «приключеній».

Но чѣмъ-же «Приключенія ван-дер-Гоммъ» напоминаютъ «Путешествіе въ страну милліардовъ»? Что-же въ нихъ есть похожаго на памфлетъ, вылившейся изъ-подъ пера французского патриота? Можно-ли видѣть въ «Тайнахъ Берлина» попытку Тиссо снова «коснуться Германіи», какъ сказали мы выше?

Есть-ли въ этихъ «Тайнахъ» хоть какое-нибудь указаніе на социальную атмосферу Германіи, пропитанную вредными испареніями, которыя остались отъ золотого дождя миллиардовъ?»—Есть, читатели, есть. Правда, положеніе Германіи является для г. Тиссо-Амеро не краеугольнымъ камнемъ, на которомъ былъ-бы построенъ романъ, но лишь декораціей, лишь картиной, которая отъ времени до времени напоминаетъ читателю о мѣстѣ кривлянья маріонетокъ, но все-таки, какъ ни какъ, а оно, это положеніе, затрогивается г. сочинителемъ. Специально занимается авторъ этимъ затрогиваніемъ на немногихъ страничкахъ изъ всей книги, — и, говоря по правдѣ, лучшими, болѣе правдоподобными, болѣе жизненными мѣстами «Тайнъ Берлина» являются именно эти немногія страницы. Тутъ передъ вами раскрываются яркія картины глубокой деморализаціи современнаго германскаго общества, которому Бисмаркъ надѣялся придать чисто-внѣшнимъ, сшитымъ на живую нитку объединеніемъ «несокрушимую матеріальную и нравственную силу». Пробѣгая нѣкоторыя страницы «Приключеній», вы постоянно натываетесь на толпу безумныхъ и безчестныхъ ажіотеровъ, спекуляторовъ, рыцарей биржи. Предъ вами—царство наживы, предъ вами—привилегированные классы, «массы мыслителей», распростершіеся ницъ предъ богомъ Плутосомъ и пророкомъ его на землѣ, капиталомъ. Всѣ тѣснятъ другъ друга на полѣ отчаянной конкуренціи, чтобъ испить животворной золотой влаги, всѣ стараются хлебнуть изъ чаши благъ міра сего. А между тѣмъ начинаетъ разыгрываться финалъ этой горячечной драмы. Имя этому финалу: кризисъ. Его предвѣстниками, его ласточками являются и стачки рабочихъ, и возрастающая дороговизна жизненныхъ средствъ, и волненія въ народѣ, и самоубійства прогорѣвшихъ биржевиковъ-спекуляторовъ и т. д.

Мы совѣтуемъ читателю просмотрѣть отъ 230—236 стр. «Тайнъ Берлина», чтобъ взглянуть на страстно и во всякомъ случаѣ, недурно начертанную авторомъ картину «новой эры, охарактеризованной разнузданностью всѣхъ социальныхъ пороковъ, адской охоты безъ остановки и отдыха за золотой дичью, до сихъ поръ незнакомой въ Пруссіи, поднятой во Франціи и загнанной въ бесплодные пески Бранденбурга» (стр. 230.) Но удачныхъ страницъ, въ родѣ указанныхъ, которыя напоминали-бы объ участіи въ составленіи романа Тиссо, какъ прежняго осторожнаго памфлетиста, — такихъ страницъ въ «Приключеніяхъ вандер-Гоммъ» слишкомъ не много. Въ большинствѣ случаевъ памфлетическая струйка автора прорывается только въ видѣ плоскихъ замѣчаній насчетъ, напр., того, что у нѣмокъ рѣдко можно

встрѣтить стройныя ноги и чистыя юбки (стр. 325), или-же въ видѣ шаржированныхъ картинъ, представляющихъ намъ кафешантанную жизнь въ Берлинѣ. Нѣкоторые частные случаи, въ которыхъ проявлялось паденіе «націи мыслителей» (не говоримъ конечно, трудящихся классовъ, народа) возведены, какъ намъ кажется, авторомъ на степень общихъ явленій. Выдернуты, напр., изъ эпохи «адской охоты за золотой дичью» факты, настолько невѣроятные, что автору пришлось ихъ въ нѣкоторомъ родѣ авторизировать, называя ихъ въ примѣчаніи фактами «историческими». Мы полагаемъ, что если эти факты и дѣйствительно историческіе, то все-таки они врядъ-ли могутъ имѣть какое-нибудь серьезное значеніе для характеристики эпохи. Она, во всякомъ случаѣ, достаточно характеризуется не частными фактами, а общими социальными неурядицами общества.

Тутъ вполне будетъ умѣстнымъ поставить автору вопросъ: почему онъ, щепетильный въ отношеніи къ «исторической достовѣрности фактовъ, сообщаемыхъ имъ, допускаетъ очень странный и очень крупный анахронизмъ, выводя на сцену подъ именемъ Макса Родлера извѣстнаго нѣмецкаго политико-эконома и агитатора Лассалья, вводя его въ періодъ 70-хъ годовъ, въ эпоху объединенія Германіи? Вѣдь Лассаль вовсе не представляетъ собою такой личности, изобразить которую можно при помощи внѣшнихъ признаковъ, напр., назвавши его, какъ дѣлаетъ авторъ, «очень замѣчательнымъ человѣкомъ, написавшимъ сочиненіе по социальной экономіи», «политическимъ ораторомъ», «надежнымъ бойцомъ берлинскихъ демократовъ» (стр. 226), или поставивъ его рядомъ съ графиней Герценфельдъ (въ дѣйствительности Гацфельдъ) и приплетя къ его имени пресловутый процессъ о кражѣ шкатулки. Всякому изъ насъ, умѣющему разсуждать, будетъ ясно до очевидности, что Лассаль, оставайся онъ въ живыхъ, дѣйствовалъ-бы въ эпоху семидесятыхъ годовъ иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ въ шестидесятыхъ.

Поэтому, приемъ автора вдвинуть Лассалья, какъ онъ обрисовался въ эпоху шестидесятыхъ годовъ, въ рамку современныхъ событій, конечно, не можетъ вызвать собою ничего иного, кромѣ пожиманія плечъ со стороны серьезнаго читателя. Кромѣ того, авторъ не могъ даже, такъ сказать, гипотетически возсоздать Лассалья семидесятыхъ годовъ, потому что для этого нужно проникнуть нѣсколько глубже, чѣмъ это дѣлаетъ г. Тиссо-Амеро, въ современное положеніе вещей. А насколько нашъ авторъ можетъ похвалиться этимъ проникновеніемъ, видно хоть изъ того, что подъ именемъ «соціалистовъ» онъ разумѣетъ «недовольныхъ», (стр. 231.) Не мудрено, что, несмотря на всѣ внѣшніе

лассалевскіе атрибуты наружности, манеръ, даже нѣкоторыхъ фразъ, сдѣлавшихся историческими, знаменитый агитаторъ подъ перомъ нашего автора превратился въ какого-то авантюриста съ замашками коми-войжера, который, влюбившись въ дочь наѣздницы цирка и получивши отказъ на предложеніе руки, дерется на дуэли съ нѣкимъ графомъ, покровителемъ самой наѣздницы и... и, конечно, умираетъ, какъ и нужно было ожидать.

Въ заключеніе нѣсколько словъ русскимъ издателямъ романа. Принимая во вниманіе: 1) что переводъ отвратителенъ, усѣянъ опечатками, бумага северная—и за все это—2 рубля и 2) что «Тайны Берлина» вовсе не есть отдѣльное изданіе, а просто-напросто оттискъ изъ «Библиотеки для Чтенія»—мы заканчиваемъ рецензію пожеланіемъ редакціи журнала «Библиотека для Чтенія» нѣсколько поделикатяѣе относиться къ карману русскихъ читателей.

Парижскіе нравы. (Жизнь и размышленія Фридриха Томаса Грендоржа). И. Тэна. Переводъ съ французскаго. Москва. 1880 г.

Читатель, напрасно сталъ-бы искать въ «Парижскихъ нравахъ» полнаго изображенія парижской жизни въ ея цѣломъ, напрасно старался-бы познакомиться изъ книги съ соціально-политической и экономической стороною быта Паризжа, этого «очага революцій», какъ называютъ его нѣкоторые. Авторъ не ставитъ вопроса такъ широко. Онъ ограничивается тѣмъ, что со свойственною ему и признанной за нимъ уже многими наблюдательностію, пока послѣдняя не парализуется его узкими политическими возрѣніями, рисуется рядъ вѣрно-схваченныхъ сценокъ изъ жизни парижанъ, принадлежащихъ къ высшему и среднему сословіямъ. Основаніе пышной общественной пирамиды, называемой Парижемъ,—положеніе городскихъ пролетаріевъ и граничащей съ ними мелкой буржуазіи,—не входитъ въ рамку картинъ, рисуемыхъ Тэномъ.

Его произведенія вѣрнѣе всего можно охарактеризовать, назвавши «нравами парижской аристократіи и буржуазіи крупной и средней». Пролетарій-же, этотъ главный виновникъ комфорта и наслажденій парижской жизни, не удостоился чести попасть въ га-

лерею портретовъ современныхъ парижанъ, очерченныхъ перомъ Тэна. *L'homme machine* остается почти всегда въ сторонѣ, почти всегда за кулисами. Во всей объемистой книгѣ о немъ упоминается разъ, много два, и притомъ нехотя, въ нѣсколькихъ строчкахъ. О парижскомъ рабочемъ мосье Тэнъ сообщаетъ, напр., читателю только слѣдующее: «Здѣсь (въ загородномъ кабацкѣ) встрѣчается типъ парижскаго мастераваго. Въ синей блузѣ, съ видомъ смѣлымъ, откинувъ голову назадъ, онъ кружится съ неимовѣрной быстротой. Въ немъ проглядываетъ тщеславіе, а также и удовольствіе нарушить порядокъ, смѣшанное съ шаловливой чувственностью. Голова круглая, бодрая, живая, во взорѣ желаніе выказаться. Изъ него можетъ выйти севастопольскій герой или отчаянный боецъ на барикадахъ» (стр. 41.) Итакъ, видите, какой простой рецептъ, по мнѣнію новаго Фауста, Тэна, нуженъ для составленія *человѣчка*, принадлежащаго къ четвертому сословію. Возьми три драхмы «смѣлаго вида», три драхмы «тщеславія», всыпь въ эту смѣсь порошокъ «шаловливой чувственности», облей все это «удовольствіемъ нарушить порядокъ» и взболтай микстуру съ «неимовѣрной быстротой». *Tout est fini*,—изъ авторской реторты выходитъ въ синей блузѣ представитель парижскаго пролетаріата. Что касается положенія женскаго трудящагося персонала Парижа, подруги пролетарія, то нашъ авторъ не сообщаетъ о немъ ровно ничего. Въдъ не считать-же за попытку автора изобразить парижскую работницу тѣ двѣ строчки, въ которыхъ онъ, увидавъ «ночью», «на мрачной и печальной рѣкѣ» «фонарь прачки», процѣживаетъ сквозь зубы фразу: «бѣдныя женщины, чтобы заработать четыре су, полощатъ бѣлье до полуночи» (стр. 24.) Впрочемъ, если хотите, нельзя не порадоваться по поводу того, что Тэнъ не взялся рисовать нравственные портреты народа парижскихъ рабочихъ.

Понять отношеніе Тэна къ современному обществу не трудно. Подобно всякому порядочному и неглупому буржуа, Тэнъ видитъ вокругъ себя массу нравственныхъ безобразій, которыя рѣжутъ ему глаза, но отъ объявленія которыхъ онъ уклоняется и старается продать читателю товаръ лицомъ т. е. выдать болѣзненные порожденія, присущія современному обществу, за явленія вѣчныя, необходимыя, вытекающія будто-бы изъ столь заѣжженнаго всѣми непослѣдовательными людьми «всегдашняго несовершенства человѣческой природы». Но, придавши явленіямъ временнымъ обликъ вѣчности и незыблемости, авторъ, само собою разумѣется, можетъ метать въ нихъ свои стрѣлы, сколько угодно, не боясь затронуть своихъ излюбленныхъ

интересовъ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, несовершенство человѣческой природы есть тема, очень благодарная для современныхъ моралистовъ, ибо указаніе на такое несовершенство ни къ чему человѣка не обязываетъ и ничего не осуждаетъ. Съ одной стороны вы, значитъ, можете раздражаться перунами противъ «человѣческихъ золъ», съ другой—указывать, тѣмъ не менѣе, на это «зло», какъ на такое, объ уничтоженіи котораго нельзя и мыслить человѣку. Такимъ манеромъ вы убиваете сразу двухъ зайцевъ. Вами и приобретены капиталы мѣщанскаго моралиста, и сохранена невинность человѣка, глубоко вѣрующаго въ прелесть и неизбежность *statu quo*.

Тѣмъ шествуетъ какъ разъ по пути одновременнаго наживанія капиталовъ и сохраненія невинности. Раздвоаясь на буржуазнаго философа и буржуазнаго моралиста, онъ, въ качествѣ перваго, выдаетъ современный антагонизмъ и конкуренцію человѣка съ человѣкомъ за необходимый результатъ естественныхъ законовъ, законовъ природы, а въ качествѣ втораго, — мечетъ стрѣлы морализующей сатиры въ болѣзненные проявленія этого самаго антагонизма и конкуренціи.

Указавши на характеръ отношеній Тэна къ современному обществу, представивъ читателю слабыя стороны его, какъ буржуазнаго мыслителя, мы не желаемъ этимъ самымъ отрицать талантъ, наблюдательность и прочія литературныя качества автора. И талантъ, и наблюдательность—все это у Тэна есть. Попадаются страницы, проникнутыя тонкой и ядовитой струей мѣткой сатиры,—страницы, въ которыхъ Тѣмъ, авторъ «*Origines*», уступаетъ мѣсто Тэну, умному и честному аналитатору современной жизни съ ея мишурными радостями избранныхъ и реальнымъ горемъ массъ, съ ея возгласами на общественной вакханаліи и грохотомъ машинъ на фабрикахъ...

По большей-же части сатира Тэна затрогиваетъ производныя, а не основныя явленія настоящаго общества, хотя затрогиваетъ ихъ подчасъ мѣтко. Лучшими мѣстами этого рода въ «Парижскихъ нравахъ» являются картины, изображающія внутренний міръ аристократической и буржуазной молодежи, какъ «молодыхъ людей» (глав. IX—X), такъ и «молодыхъ дѣвицъ» (гл. VII—VIII). Особенно тонко подмѣчены авторомъ черты характера современныхъ парижанокъ изъ привилегированныхъ классовъ общества. Не мало потрачено остроумныхъ афоризмовъ, чтобы дать понять о внутренней пустотѣ душевнаго содержанія этихъ «предестныхъ созданій парижскаго полу-свѣта». Не въ лучшихъ краскахъ обрисованы авторомъ и типы свѣтскихъ молодыхъ людей, напр., мосье Анатоля Дюрана, племянника г.

Грендоржа, устами котораго (Грендоржа) глаголетъ самъ Тэнъ. Но и эти мѣста въ «Парижскихъ правахъ» — представляютъ рядъ блестящихъ, подчасъ необыкновенно вѣрныхъ афоризмовъ и только. А между тѣмъ сценки хоть-бы, напр., изъ жизни «молодыхъ людей» и «молодыхъ дѣвицъ», могли-бы навести автора на цѣлый рядъ соображеній общаго характера, проникнутыхъ глубоко-поучительнымъ смысломъ. Намѣтимъ вскользь хоть одно изъ такихъ соображеній.

Пусть читатель припомнитъ, какимъ упорнымъ, настойчивымъ трудолюбіемъ, какимъ умомъ, какой лихорадочной политической дѣятельностію третье сословіе добилось себѣ въ новые вѣка того высокаго положенія, которое оно теперь занимаетъ. Серьезное участіе въ ходѣ общественной жизни — вотъ какая характеристичная черта была присуща буржуазіи, когда она выступила на историческую арену, въ качествѣ господствующаго сословія. Взглянемъ теперь, какимъ представляется намъ, по описанію Тэна, молодое поколѣніе крупной буржуазіи (и аристократіи, само собою разумѣется). Начнемъ съ прекраснаго пола. Вотъ передъ вами дѣвица. Какъ она смотритъ на жизнь? А вотъ какъ:

«Наряды, уваженіе, поклоненіе были всегда къ ея услугамъ; она и не вообразитъ когда-нибудь не имѣть ихъ. Развѣ вы думаете, что въ одинъ прекрасный день у васъ не будетъ свѣта и воды? Просыпаясь утромъ, она находитъ возлѣ кровати свѣжій туалетъ; и на что-же можетъ падать свѣтъ, когда отдернуть занавѣсъ, какъ не на свѣжій туалетъ? Подъ рукой у нея всегда звонокъ; развѣ на концѣ звонка не виситъ всегда горничная? Огромный дворъ разстилается передъ окнами; можетъ-ли огромный дворъ обойтись безъ кареты? На экипажахъ-же кучера и лакеи растутъ какъ вишни на деревѣ; что-же касается до важнаго привратника въ новой ливреѣ и съ краснымъ лицомъ, почтительно отворяющаго ворота, то онъ естественное произрастеніе этихъ воротъ. Вотъ парижское опредѣленіе сливокъ: «Небольшіе зеленые шарики, находящіеся обыкновенно въ блюдѣ жареныхъ утокъ» (стр. 138.) Такова дочь парижской буржуазіи.

Посмотримъ на «молодаго человѣка». Это — Анатоль Дюранъ. Сей прекрасный отпрыскъ крушнаго мѣщанства приобрьлъ себѣ привычку опускать постоянно руку въ свой карманъ. «Такъ-какъ онъ всегда тамъ находилъ деньги, то дошелъ, наконецъ, незамѣтно до того убѣжденія, что деньги и карманы панталонъ имѣютъ естественное средство. Все, что онъ видѣлъ кругомъ, убѣждало его въ этомъ превосходномъ правилѣ. Портмоне матери былъ всегда полонъ, а ящики отца еще полнѣе. Для монеты нѣтъ ничего легче, какъ скользнуть

оттуда въ его карманъ; стоитъ только прижать пружинку, или потянуть пуговку — вотъ и все. Но предположить пустоту въ портмоне, или въ ящикѣ—и нелѣпо, и невозможно. Придетъ-ли кому-нибудь въ голову, что завтра воздухъ не будетъ годиться для дыханія, или что солнце не взойдетъ? Тоже самое и для всего остальнаго. Въ лицеѣ и дома столъ обыкновенно былъ накрытъ и кушанье подано въ десять часовъ. Каждый шесть мѣсяцевъ дворникъ являлся и, низко кланяясь, подавалъ квитанцію объ уплатѣ за квартиру. Четыре или пять разъ въ годъ портной приносилъ новое платье, и это было такъ естественно, что если на панталонахъ оказывалась складка, тотъ-же самый портной уходилъ сконѣуженный и спѣшилъ прислать другіе. Все это обращалось такъ-же правильно, какъ звѣзды на небѣ, чудовищнымъ показалось-бы противоположное» (стр. 136—237.)

Этихъ выписокъ довольно. Сообразимъ, теперь, что появленію на историческую сцену третьяго сословія въ качествѣ сословія господствующаго предшествовала неутомимая дѣятельность, необыкновенная жизненность и всего этого сословія, какъ класса, и каждого отдѣльнаго члена въ немъ. Мы придемъ неминуемо, при взглядѣ на вырожденіе молодаго поколѣнія современной буржуазіи, на его безжизненность и бездѣятельность, образчики которой мы представили выше изъ лежащей предъ нами книги,—придемъ къ заключенію, что наступаетъ пора историческаго перелома въ этомъ эгоистическомъ и износившемся мѣщанскомъ быту, что чувствуется и самой Франціей, т. е. тѣмъ поколѣніемъ ея, которое думаетъ о будущихъ судьбахъ страны, такъ дорого заплатившей за свою умственную и нравственную спячку.

Матеріалы для исторіи земской дѣятельности по народному образованію въ Вологодской губерніи. Уѣздъ Вологодскій. Съ приложеніемъ карты грамотности. Составили Н. Полиевковъ и А. Ивановъ. Вологда 1879.

Группируя нѣкоторыя данныя, заключающіяся въ «Матеріалахъ», мы представимъ читателю эти данныя въ видѣ таблицы, наглядно показывающей результаты, полученные населеніемъ вологодскаго уѣзда въ дѣлѣ народнаго образованія, при содѣйствіи земства; но раньше мы скажемъ нѣсколько словъ о положеніи народнаго образованія до введенія здѣсь земскихъ учреж-

деній. Въ отчетѣ уѣздной земской управы за первое трехлѣтіе существованія вологодскаго земства заключаются слѣдующія отрывочныя данныя по народному образованію въ томъ видѣ, въ какомъ оно представилось земству при началѣ его дѣятельности. «При общемъ числѣ дѣтей школьнаго возраста въ 18,985 человекъ одинъ учащійся приходился на 83 неучащихся, что составляетъ 1,2% учащихся дѣтей школьнаго возраста, остальные 98,8% дѣтей лишены были возможности обученія» (стр. 5.) Удивляться такому плохому положенію народнаго образованія въ вологодской губерніи до введенія земства, разумѣется, нечего. Земство застало въ 1870 г. въ вологодскомъ уѣздѣ только *одну* женскую и *четыре* мужскихъ школы, носящихъ болѣе или менѣе характеръ волостныхъ школъ, остальные-же школы были частныя: изъ нихъ одна, мужская, въ селѣ Турундаевѣ была устроена на средства завѣщателя купца Кокина, другая, женская, въ томъ-же селѣ—купца Сорокина. Сверхъ этихъ 2-хъ чисто-частныхъ школъ было еще до 87 школъ церковно-приходскихъ, основанныхъ при церквяхъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія 4-го іюля 1861 г. Обученіе въ этихъ церковно-приходскихъ школахъ шло рутиннымъ образомъ и, кромѣ того, такъ-какъ эти школы почти никогда не контролировались, а учительскія обязанности въ нихъ были возложены на приходскіе причты безъ всякаго вознагражденія за то послѣднихъ, то, по словамъ доклада управы земскому собранію, «существованіе этихъ школъ числилось только на бумагѣ». Съ возникновеніемъ, по почину земства, новыхъ земскихъ волостныхъ школъ,—центральныхъ и побочныхъ (побочныя школы есть въ нѣкоторомъ родѣ независимыя отдѣленія центральныхъ земско-приходскихъ школъ, которыя, однако, содѣржатся на остатки суммъ отъ центральныхъ съ незначительнымъ пособіемъ изъ общей смѣтной суммы на народное образованіе и потому поражаютъ своимъ плохимъ устройствомъ), церковно-приходскія школы начинаютъ быстро закрываться, какъ стоящія слишкомъ на низкомъ уровнѣ сравнительно съ земскими. Но, какъ увидитъ читатель, это уменьшеніе числа приходскихъ школъ окупается вскорѣ умноженіемъ числа земскихъ школъ и учащихся въ нихъ. Мы группируемъ данныя, свидѣтельствующія о дѣятельности земства въ вологодскомъ уѣздѣ въ слѣдующую таблицу:

До введенія земскихъ учреждений:

	Число волостныхъ школъ (съ 1871 г. земскихъ.)	Число учащихся обоего пола въ этихъ школахъ.	Число церковно-при- ходскихъ школъ (и собственно частныхъ.)	Число учащихся въ этихъ школахъ.
Въ 1870 г. было	5	226	89	1,163 (только мальчиковъ; дѣвочекъ не показано).
Въ 1871 г. было	12	563	49	447
» 1872 »	18	840	29	291
» 1873 »	20	1,011	21	253
» 1874 »	25	1,082	20	246
» 1875 »	27	1,297	12	156
» 1876 »	31	1,629	7	126
» 1877 »	36	1,698	4	63
» 1878 »	37	1,889	2	46

До введенія земскихъ учреждений:

Общее число школъ того и другого разряда.	Общее число учащихся во всѣхъ школахъ.	Процентное отношеніе числа учащихся во всѣхъ школахъ къ общему чи- слу дѣтей школьнаго возраста.
94	—	—

Послѣ введенія земскихъ учреждений:

61	1,010	5,3%
47	1,131	6,0%
41	1,264	6,7%
45	1,328	7,0%
39	1,453	8,0%
38	1,755	9,1%
40	1,761	9,3% (собственно, нѣсколько больше)
39	1,935	10,2%

При внимательномъ взглядѣ на представленную нами таблицу, для каждаго становится очевиднымъ постоянное, хотя и тугое, увеличеніе числа земскихъ школъ и учащагося въ нихъ персонала; но на ряду съ этимъ не нужно упускать изъ виду, что число школъ слишкомъ недостаточно не только для возрастанія числа учениковъ въ будущемъ, но даже и для существую-

шаго контингента этихъ учениковъ. Правда, если мы примемъ въ расчетъ только цифры, получающіяся отъ послѣдовательнаго дѣленія числа учащихся въ земскихъ школахъ въ каждомъ году на число этихъ школъ въ томъ-же году, т. е. цифры, выражающія собою количество учениковъ, приходящееся среднимъ числомъ на каждую школу (земскую) въ какомъ-либо году, то, на основаніи только этихъ голыхъ среднихъ арифметическихъ, мы не можемъ придти къ выставленному сейчасъ нами положенію о недостаточности числа школъ для учащихся; но вѣдь вся штука и заключается именно въ томъ, что среднія арифметическія данныя имѣютъ значеніе только въ математикѣ, а при изслѣдованіи всякаго, даже и частнаго общественнаго вопроса, къ нимъ необходимо присоединять указанія на реальный характеръ и обстановку этихъ среднихъ величинъ. За примѣромъ ходитъ далеко нечего: онъ лежитъ какъ разъ въ области этой замѣтки. Дѣйствительно, будемъ отыскивать дѣленіемъ среднее число учениковъ, приходящееся на школу въ каждомъ году; мы получимъ слѣдующій рядъ цифръ. Въ 1871 г. на земскую школу приходилось 47 учениковъ, въ 1872 г.—46, въ 1873—50, въ 1874—43, въ 1875—48, въ 1876—53, въ 1877—47, въ 1878—51. Среднимъ числомъ, на каждый годъ учениковъ въ каждой школѣ было 48 чел. Вотъ вамъ средній арифметическій итогъ. Это разъ. Съ другой стороны, составители лежащихъ предъ нами «Матеріаловъ» упоминаютъ въ одномъ мѣстѣ своего труда, что нормальнымъ числомъ учениковъ на одну школу должна считаться цифра 50. Это два. Стоитъ только какому-нибудь благодушному оптимисту остановиться на этихъ выводахъ, и онъ непременно придетъ къ убѣжденію, что процвѣтаніе народнаго образованія въ вологодскомъ уѣздѣ не подлежитъ сомнѣнію. Помилуйте, это-ли еще не процвѣтаніе, когда средняя наша цифра въ 48 человекъ даже нѣсколько ниже цифры 50, выражающей собою максимальный предѣлъ числа учениковъ на каждую школу,—предѣлъ, который необходимъ для достиженія успѣховъ въ сферѣ народнаго образованія? Иначе будетъ представляться намъ интересующій насъ вопросъ, если мы перейдемъ отъ среднихъ величинъ къ фактическому характеру школъ вологодскаго уѣзда, къ условіямъ обученія народа въ этихъ школахъ. Дѣйствительно, перевернемъ первыя 77 страницъ «Матеріаловъ», на которыхъ заключаются, какъ данныя объ увеличеніи числа земскихъ школъ и учащихся въ нихъ, представленныя уже нами въ видѣ таблицы, такъ и данныя о бюджетѣ на народное образованіе въ вологодскомъ уѣздѣ и параллельное сравненіе хода народнаго образованія въ этой мѣстности Россіи съ нѣкоторыми

другими мѣстностями, а также съ кой-какими иностранными государствами,—перевернемъ эти 77 страницъ, и раскроемъ «Матеріалы» прямо на 78-ой страницѣ. Съ этой страницы начинается второй отдѣлъ «Матеріаловъ», состоящій изъ спеціального описанія педагогическихъ и гигиеническихъ условій каждой изъ земскихъ школъ вологодскаго уѣзда и нѣкоторыхъ частныхъ. Что-же мы узнаемъ изъ этого втораго отдѣла, въ которомъ составители сочли «насколько умѣстнымъ», настолько и интереснымъ познакомиться» насъ «съ истиннымъ состояніемъ уѣздно-земскихъ школъ»? Узнаемъ, что только три-четыре школы во всемъ вологодскомъ уѣздѣ довольно близко подходятъ къ минимуму тѣхъ требованій, которыя можно предъявить обыкновенной, мало-мальски порядочной народной школѣ; въ остальныхъ-же грязь, холодъ, тѣснота, скверный воздухъ, скверныя пособія. При такой обстановкѣ, если и достигаются извѣстные результаты, получаютъ извѣстные успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія,—такъ это главнымъ образомъ, пожалуй, даже исключительнымъ,—благодаря личнымъ, выдающимся качествамъ учителя, которыя могутъ быть и могутъ не быть въ данномъ субъектѣ. Но главный недостатокъ народныхъ школъ—тѣснота помѣщенія, которая дѣлаетъ изъ школы скорѣе арестантскую роту, чѣмъ мѣсто, гдѣ должно совершаться правильное развитіе всѣхъ физическихъ и умственныхъ силъ ребенка. Воздухъ спертый, ученики скучены, у учителя болитъ голова — таковы результаты недостатка помѣщенія, который замѣчается чуть-ли не во всѣхъ школахъ вологодскаго уѣзда, а можно-ли рассчитывать на успѣшный процессъ обученія при такихъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ? Не въ лучшемъ свѣтѣ представляются педагогическія условія школъ. Если неудовлетворительность училищной обстановки констатируется по отношенію къ существующему учащемуся персоналу, то что-же говорить о возможности существованія порядочныхъ школьныхъ условій по отношенію къ будущему числу учениковъ когда будетъ увеличиваться процентное число учащихся по сравненію съ дѣтьми школьнаго возраста? «Средняя» школа вологодскаго уѣзда (какъ вообще и всей Россіи) далеко не представляетъ собой «нормальной» школы; потому-то «среднія» цифры, рассчитанныя на среднюю *нормальную* школу, не имѣютъ ровно никакого значенія по отношенію къ фактическому положенію, если такъ можно выразиться, средней *нормальной* школы. Самая разница, существующая между желательнымъ и современнымъ уровнями народной школы, т. е. недостатокъ въ правильныхъ гигиеническихъ и педагогическихъ условіяхъ школьной обстановки, помѣшаетъ школѣ сдѣлаться истинно-народной, доступной для

всѣхъ крестьянскихъ дѣтей школьнаго возраста. Если теперь является дефицитъ въ этихъ условіяхъ при сравнительно и абсолютно-незначительномъ контингентѣ обучающихся крестьянскихъ дѣтей, то, при увеличеніи контингента, подобный дефицитъ усилится и легко можетъ достигнуть такихъ размѣровъ, что сдѣлаетъ физически-невозможнымъ дальнѣйшее увеличеніе числа обучающихся дѣтей, дальнѣйшее развитіе народнаго образованія. Даже, не принимая въ расчетъ усиленія неблагоприятныхъ школьныхъ условій, при увеличеніи числа учащихся въ школахъ, мы придемъ далеко не къ розовымъ надеждамъ относительно народнаго образованія,—предполагая, разумѣется, что вопросъ о народномъ образованіи будетъ занимать, какъ и нынѣ, невысокое мѣсто въ ряду другихъ общественныхъ вопросовъ, зачастую крайне-неважныхъ и касающихся только «культурныхъ людей». На стр. 128 «Матеріаловъ» мы встрѣчаемся тоже съ особенно-оптимистическимъ взглядомъ по этому поводу самихъ составителей книжки. Принимая теперешній процентъ ежегоднаго прироста числа школъ и учащихся, гг. Подіевцовъ и Ивановъ производятъ вычисленіе и, на основаніи его, приходятъ къ возможности «допустить, что ровно почти чрезъ сто лѣтъ у насъ, въ вологодскомъ уѣздѣ, будетъ такое количество школъ, при которомъ всѣ дѣти школьнаго возраста будутъ имѣть возможность учиться» (стр. 128.) Одной-двумя страницами далѣе они прибавляютъ, что «потребуется еще 105 лѣтъ, или почти *четыре поколѣнія* людей до того времени, когда въ вологодскомъ уѣздѣ всѣ рѣшительно жители, начиная отъ семи лѣтъ, будутъ грамотными» (стр. 130.) Поступательный ходъ народнаго образованія, какъ видите, не поражаетъ особенно утѣшительной быстротой—въ этомъ убѣждены и составители «Матеріаловъ», но это не мѣшаетъ имъ (т. е. гг. составителямъ) закончить свою книгу мужественнымъ заявленіемъ «полной увѣренности въ постоянномъ и прогрессивномъ ходѣ дѣятельности мѣстнаго земства на пути развитія и упроченія въ крестьянской средѣ образованія» (стр. 135.) Чего-же лучше! Вашими-бы устами, да медъ пить, гг. вятскіе земцы. Но... но, отдавая полную справедливость энергіи и заботамъ вятскаго земства о распространеніи народнаго образованія, заботамъ, — на которыя можно смѣло указать, какъ на примѣръ, достойный подражанія для другихъ земствъ,—мы все-таки сомнѣваемся въ осуществимости надеждъ гг. составителей «Матеріаловъ». Вѣроятно, они согласятся съ нами, что однихъ добрыхъ пожеланій и заботъ для прогрессивнаго развитія народнаго образованія еще мало; для этого, конечно, необходимы и матеріальныя средства, которыя должны увеличиваться по мѣрѣ

развитія школъ и ихъ лучшей обстановки. А средства эти ужь, конечно, не упадутъ съ неба на Вятку, а могутъ быть только плодомъ болѣе высокаго экономическаго уровня народа, которому придется оплачивать свое образованіе, — уровня, вполне соотвѣтствующаго возрастающимъ нуждамъ и потребностямъ въ духовной пищѣ вятичей. Но такъ-ли этотъ уровень высокъ, чтобы поддерживать благія ожиданія земцевъ? Прогрессируетъ-ли онъ также быстро, какъ прогрессируетъ развитіе народнаго образованія по предположеніямъ ихъ? Вотъ данныя, взятые нами изъ отчета г. Заволжскаго о недоимкахъ, лежащихъ на слободскомъ уѣздѣ:

Въ 1861 г.	5%
› 1862 ›	13 ›
› 1863 ›	53 ›
› 1864 ›	109 ›
› 1865 ›	153 ›
› 1866 ›	191 ›
› 1867 ›	229 ›
› 1868 ›	257 ›
› 1869 ›	260 ›

Въ 1870 г. недоимокъ за этимъ уѣздомъ было только 664,000 въ 1872 г. 849,000, а въ 1874 г. 900,000. Что-же касается всей губерніи, то въ 1858 году всѣхъ недоимокъ числилось на ней 73,000 р., въ 1864 г.—387,000, а въ 1874 г. — 1,836,000. При такомъ прогрессирующемъ дефицитѣ, можно-ли требовать отъ населенія увеличенія бюджетныхъ смѣтъ и расходовъ на народное образованіе? При самыхъ благихъ пожеланіяхъ земцы, конечно, не потребуютъ-же отъ вятичей, чтобы они прежде всего и въ ущербъ своему голодному желудку несли свою послѣднюю копейку на алтарь своего образованія, какъ ни резонны потребности умственной пищи, но еще резоннѣе и настоятельнѣе потребности—желудка. Въ этомъ теперь не усумнились-бы даже такіе идеалисты, какъ Бурачокъ и Бай-Борода. Повтому розовыя надежды земцевъ на прогрессивное развитіе ихъ образовательной дѣятельности, чтобы не быть праздными иллюзіями, должны хоть нѣсколько сообразоваться съ экономическими условіями населенія.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу выпуска въ свѣтъ «Матеріаловъ». Намѣреніе познакомить читающую публику съ результатами дѣятельности одного изъ земствъ, по одной изъ важныхъ отраслей земской дѣятельности, мы считаемъ намѣреніемъ очень хорошимъ, даже если-бы оно и не было осуществлено вполне удачно.

Что касается того, какъ выполнили гг. Подіевцовъ и Ива-
„Дѣло“, № 2, 1880 г.

новъ свое благое намѣреніе, предавши тисненію составленные ими «Матеріялы», то мы должны сказать, что трудъ ихъ выполненъ болѣе или менѣе добросовѣстно. Есть, правда, нѣкоторые, довольно шаткія данныя, ошибочность которыхъ видна чуть-ли не съ перваго взгляда,—напр., въ одной волости, богатой и промышленной, имѣющей 1,647 грамотныхъ мужчинъ (кубенской волости), составителями не показано ни одной грамотной женщины; но такъ-какъ сами гг. Ивановъ и Поліевковъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ отсылаютъ читателей отъ Повтія къ Пилату, оговариваясь, что данныя извлечены изъ отчетовъ управы, то естественно вину на шаткость такихъ данныхъ мы должны возложить на почтенную управу. Самихъ-же гг. составителей мы просимъ разъяснить намъ слѣдующее недоумѣніе. Число земскихъ школъ въ 1876 г. на стр. 28 текста «Матеріяловъ» показано до 31; въ одной-же изъ таблицъ, приложенныхъ къ концу книги (таблица IV, обозначающая число собственно земскихъ школъ), обозначено цифрою 32. Такъ-какъ въ спискѣ опечатокъ ссылки на это мѣсто мы не нашли, то и остаемся въ недоумѣніи, какая-же изъ двухъ данныхъ цифръ—болѣе точная? Положимъ, ошибиться на единицу—не принадлежить къ числу смертныхъ грѣховъ, а все-таки тамъ, гдѣ школы считаются двумя-тремя десятками, и ошибку на единицу нельзя считать пустяками. Это недостатокъ, замѣченный нами, съ фактической стороны. Къ тексту приложено нѣсколько таблицъ, заключающихъ, между прочимъ, данныя относительно бюджета на народное образованіе и т. п., и карта, выражающая графически «распространеніе грамотности въ сельскомъ населеніи вологодскаго уѣзда»... Искать болѣе или менѣе общихъ выводовъ, имѣющихъ дѣйствительное значеніе, въ лежащихъ предъ нами «Матеріялахъ»—нечего. Эти «Матеріялы», за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, представляющихъ претензію на обобщенія, на самомъ дѣлѣ есть матеріялы сырые, требующіе болѣе тщательной обработки. Послужить для обобщеній они, разумѣется, могутъ, но и то, добавимъ мы, не иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда производствомъ матеріяловъ займется не одно земство, не два, а по меньшей мѣрѣ, десятокъ, въ той полосѣ Россіи, которая приблизительно однообразна по своимъ климатическимъ и экономическимъ условіямъ съ вятскимъ населеніемъ. Во всякомъ случаѣ, желательно было-бы, чтобы съ легкой руки гг. Иванова и Поліевкова и другіе земцы почаще представляли намъ доступные всѣмъ и каждому подобные отчеты.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Наши международныя торговыя отношенія. — Какъ выгодно свершаемъ мы обмѣнъ, и что получаемъ отъ иностранцевъ за наше масло, хлѣбъ, мясо, ленъ, пеньку и другіе предметы первой необходимости. — Какъ иностранцы овладѣли нашими рынками не только со стороны Европы, но и со стороны Китая. — Какъ подавляютъ насъ американцы. — Есть-ли какой-нибудь толкъ для русскаго промышленнаго развитія отъ поѣздокъ русскихъ за границу и отъ посѣщеній Россіи иностранцами?

Давно намъ не случалось говорить о нашей внѣшней торговлѣ, да и нынче мы будемъ говорить о ней не потому, чтобы не было на лицо «жгучихъ» вопросовъ, а потому, что жгучіе вопросы еще не дождались своей очереди. Итакъ, читатель, будемте говорить о внѣшней торговлѣ.

Когда международныя торговыя сношенія расширяются — это, конечно, признакъ усилившагося международнаго производства, усилившагося обмѣна взаимныхъ услугъ и въ-концѣ-концовъ — возрастающаго богатства. Было время, когда наши торговыя сношенія ограничивались только нѣкоторыми мѣстами Европы, а теперь нѣтъ на свѣтѣ почти ни одной страны, съ которой-бы мы ни торговали. Но, конечно, вопросъ не въ томъ, чтобы только торговать, а въ томъ, чтобы торговать взаимно-выгодно и становиться богаче и независимѣе отъ чужихъ рынковъ. Кажется, Россія въ этомъ отношеніи сдѣлала кое-какой успѣхъ и, чтобы опредѣлить размѣръ и качества этого прогресса, мы попросимъ у читателя позволенія посвятить его въ подробности «Обзора внѣшней торговли Россіи на европейской и азійской границахъ за 1878 годъ», — обзора, изданнаго нынче департаментомъ таможенныхъ сборовъ.

За послѣднія десять лѣтъ торговыя сношенія Россіи съ остальнымъ міромъ увеличились болѣе чѣмъ вдвое. Напримѣръ,

по европейской границѣ было вывезено нами товаровъ въ 1869 г. на 247 мил., а въ 1878 году на 596 мил. По азіатской границѣ, за тотъ-же періодъ, вывозъ въ 7 мил. увеличился до 9 мил.. Но такъ-какъ и европейскія государства не предавались праздному досугу и платили намъ за услуги услугами, то и они усилили къ намъ свой ввозъ въ слѣдующемъ размѣрѣ. Въ 1869 году они привезли къ намъ товаровъ на 316 мил., а въ 1878 году на 565 мил. По азіатской границѣ было привезено въ 1869 г. на 17 мил., а въ 1878 году—на 28 мил.

Изъ этихъ цифръ слѣдуетъ заключить о выгодномъ торговомъ балансѣ въ нашу пользу и о несомнѣнномъ увеличеніи нашихъ услугъ по отношенію къ сосѣдямъ. Мы пока воздержимся отъ самодовольной похвалы нашими торговыми успѣхами и отложимъ выводы, а теперь предложимъ читателю болѣе спеціальное указаніе на услуги, которыя мы оказываемъ міру и на тѣ услуги, которыми онѣ намъ отвѣчалъ.

По отношенію къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ, шведамъ и норвежцамъ, мы оказываемся болѣе великодушными, чѣмъ они къ намъ. Въ 1869 году мы отвезли къ нимъ товаровъ почти на 3 мил., а въ 1877 году на 14 мил. Что же касается шведовъ и норвежцевъ, то услуги ихъ во все десятилѣтіе не шли дальше 3 мил. Конечно, это происходитъ оттого, что Швеціи и Норвегіи, какъ странамъ скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ, предложить намъ нечего кромѣ хлѣба и дѣса, котораго у насъ и своего довольно. Съ Пруссіей наши сношенія усилились больше, чѣмъ втрое, и вывозъ съ 42 мил. дошелъ въ 10 лѣтъ до 147 мил. Конечно, и прусаки не сидѣли, сложа руки—они увеличили свой ввозъ съ 122 мил. до 152 мил. Зависимость наша отъ Пруссіи несомнѣнно уменьшилась, но тѣмъ не менѣе прусаки насъ все-таки еще подавляютъ. Еще больше подавляютъ насъ остальные германскія владѣнія. Нашъ вывозъ къ нѣмцамъ, хотя и усилился въ 3 раза и въ 1878 году составилъ 26 мил., но нѣмцы въ это время ухитрились усилить свой ввозъ почти въ 90 разъ и съ 1,4 мил. довели его въ 10 лѣтъ до 93,6 мил. Особенно рѣзкій скачекъ былъ сдѣланъ въ 1872 году, когда, съ 1,8 вывозъ сразу увеличился на 38,8 мил. Съ Великобританіей наши сношенія имѣли подобный-же характеръ. Нашъ вывозъ туда съ 122 мил. увеличился до 191, тогда, какъ англичане, начавшіе съ 97 мил., кончили 161 мил. Если, такимъ образомъ, торговый балансъ съ Англіей и склоняется въ нашу пользу, то энергія поступательности остается на сторонѣ англичанъ и несомнѣнно, что они обнаружили въ ней большую силу, чѣмъ мы. Въ отношеніи къ Франціи на нашей сторонѣ перевѣсъ безусловный. Мы

увеличили свой ввозъ въ эту страну съ 22 до 82 мил., тогда какъ Франція, начавшая послѣднее десятилѣтіе съ 21 мил., кончила его 20 мил. Сношенія съ остальными государствами, кромѣ Голандіи, вывозъ въ которую значительно превышаетъ ввозъ, не представляютъ ничего выдающагося. Но есть двѣ страны, которыя, не допуская никакого торговаго баланса въ нашу пользу, очень энергично усиливаютъ изъ года въ годъ ввозъ къ намъ своихъ товаровъ и взаимно ихъ не берутъ отъ насъ ничего. Эти двѣ страны—Сѣверо-Американскіе Штаты и Южная Америка. Сѣверо-Американскіе Штаты привезли къ намъ въ 1869 году товаровъ на 3,₆ мил., а въ 1878 году на 11,₁ мил. Южная-же Америка съ 2 мил. 1869 года довела въ 1878 году свой ввозъ до 36,₇ мил.

Впрочемъ, едва-ли мы имѣемъ право особенно гордиться выгоднымъ для насъ торговымъ балансомъ. Хотя изъ цифръ таможеннаго отчета и видно, что перевѣсъ баланса въ нашу пользу составляетъ 31 мил., но, кажется, это величина чисто-фактивная. Наши отпускные товары цѣнились по нашему биржевому прейсъ-куранту, иначе сказать, цѣна ихъ слагалась изъ мѣстныхъ рыночныхъ цѣнъ, плюсъ перевозка, разные накладные расходы и барыши посредникамъ. Иностранные-же товары цѣнились тоже по русскому биржевому прейсъ-куранту, т. е. мѣстные рыночныя цѣны товаровъ, плюсъ всѣ остальные расходы, а главное плюсъ фрахтъ. Если къ цѣнѣ русскихъ товаровъ присоединить расходы на перевозку за-границу, или, точнѣе, взявъ цѣну товаровъ по иностраннымъ прейсъ-курантамъ, то весьма сомнительно, чтобы остался какой-нибудь излишекъ въ нашу пользу. Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что усиленіе нашего вывоза не представляетъ постоянной, ровно увеличивающейся прогрессіи, а зависитъ отъ случайностей. Такъ, на примѣръ, вывозъ во Францію составлялъ въ 1877 году 24 мил., а въ 1878 году дѣлаетъ сразу скачокъ на 224⁰/₁₀₀ и достигаетъ 82 мил. Подобный-же скачокъ замѣчается и въ вывозѣ русскихъ товаровъ въ Италію. Въ 1877 году ихъ было отправлено на 2 мил., а въ 1878 на 14 мил., или на 622⁰/₁₀₀ болѣе. Европейскій-же ввозъ къ намъ товаровъ не представляетъ такихъ рѣзкихъ скачковъ. Единственное исключеніе составляетъ южная Америка, вывозъ изъ которой былъ въ 1878 году на 265⁰/₁₀₀ болѣе противъ предыдущаго года. Вообще послѣдніе два года представляютъ годы исключительныя, ибо сербская и турецкая война нарушили правильность всѣхъ торговыхъ сношеній. Если-же мы возьмемъ годы, предшествовавшіе войнѣ, то въ европейскихъ сношеніяхъ съ нами окажется болѣе правильная поступательность, чѣмъ въ на-

шихъ сношеніяхъ съ Европой и причина этого объясняется очень просто. Главный товаръ, который мы отправляемъ за-границу, есть хлѣбъ; количество-же хлѣба, которое мы можемъ отпустить или которое отъ насъ потребуется, зависитъ отъ воли божіей. При неурожаѣ въ Европѣ и при неурожаѣ у насъ, хлѣба въ Европу будетъ, конечно, отправлено меньше, а въ обратныхъ случаяхъ болѣе. Что главная причина колебаній нашихъ международныхъ отношеній зависитъ именно отъ хлѣба, т. е. отъ урожаяевъ и неурожаевъ, убѣждаютъ слѣдующія цифры. Напримѣръ, въ 1869 году было вывезено хлѣба изъ Россіи по европейской границѣ на 86 мил., а въ 1870 году почти вдвое или на 162 мил. Въ 1871 году вывозъ поднялся до 682 мил. и затѣмъ въ 1872 г. упалъ сразу на 50 мил.; потомъ до 1875 г. вывозъ поднимался, а въ 1875 опять упалъ больше, чѣмъ на 30 мил. Европа-же привозитъ къ намъ совсѣмъ иной товаръ. Во-первыхъ, возможность увеличенія запроса на него зависитъ меньше отъ воли божіей, а во-вторыхъ, потребность въ немъ гораздо опредѣленнѣе и точнѣе. Поэтому понятно, что ввозъ къ намъ европейскихъ издѣлій будетъ подвергаться меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ нашъ вывозъ.

Что-же мы вывозимъ, т. е. какимъ собственно потребностямъ европейцевъ мы удовлетворяемъ преимущественно и какимъ русскимъ потребностямъ удовлетворяютъ иностранцы? Разсматривать въ подробности списокъ этихъ предметовъ мы не станемъ, чтобъ не утомить читателя; а обратимъ его вниманіе лишь на то, что можетъ выяснить характеръ нашихъ международныхъ отношеній и степень нашей экономической самостоятельности и производительной независимости. Первымъ въ спискѣ вывоза стоитъ анисъ, котораго мы отправили за-границу на 154 тысячи. Анисъ шелъ преимущественно въ Пруссію, въ Германскія владѣнія и въ Австрію, куда его отправлено на 130 тысячъ. Затѣмъ все остальное количество разбрелось по другимъ государствамъ. Въ Великобританію, напримѣръ, было отправлено аниса всего на 75 рублей, а въ Швецію и Норвегію только на 24 рубля. Такъ-какъ въ Великобританію было отправлено 25 пудовъ аниса, а въ Швецію и Норвегію только 6, то и оказывается, что англичане заплатили намъ по 3 рубля за пудъ, а шведы по 4 р. Почему это такъ случилось и почему англичане купили дешевле даже, чѣмъ пруссаки, которые тоже заплатили по 4 р.? Впрочемъ, самъ по себѣ анисъ не такой важный продуктъ международнаго обмѣна, чтобы стоило посвящать ему особенное вниманіе. Гораздо важнѣе, напримѣръ, слѣдующіе продукты вывоза. За-границу мы отправили 680 пуд.

бульону на 10,216 руб. и главное количество его было доставлено въ Пруссію. Конечно, вывозить скоть въ формѣ бульона гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ видѣ живаго мяса. Между тѣмъ вывозъ живаго скота не только составляетъ одну изъ весьма значительныхъ статей, но статья эта изъ году въ годъ увеличивается. Такъ въ 1869 году было вывезено скота на 7 мил., а въ 1878—на 16 мил. На нашу любезность иностранцы отвѣтили любезностью и ввозили къ намъ скоть тоже не въ видѣ бульона, а въ видѣ живаго мяса, котораго было доставлено на 175 тысячъ. Перевѣсъ баланса, очевидно, въ нашу сторону; но какъ съ другой стороны живое мясо не есть наиболѣе выгодный окончательный продуктъ сельскаго производства, то вывозъ рогатаго скота едва-ли можно считать выгодной спекуляціей. Ужь, конечно, для нашего сельскаго хозяйства было-бы прибыльнѣе, если-бы скоть оставался у насъ или-же шелъ-бы за-границу въ видѣ бульона, оставляя остатки производства на удобрение нашей истощенной земли; а еще лучше совсѣмъ-бы не шелъ за-границу.

Третьей статьёй вывоза были грибы. Ихъ было вывезено на 10 тысячъ. Конечно, это мелочь. Но вопросъ вотъ въ чемъ. Извѣстно, что въ Россіи заготовляются обыкновенные лѣсные грибы, служащіе для нашего народа великопостной пищей. Спрашивается, тѣ-ли грибы были вывезены за-границу, которые никому не понадобились, или тѣ, на которые нашлись-бы охотники и дома? Если это были грибы лишніе, то противъ вывоза ихъ говорить нечего; но такъ-какъ есть основаніе предполагать, что вывезенные грибы могли-бы найти себѣ мѣсто и у насъ, то вывозъ ихъ становится тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что лукавые иностранцы, взявъ отъ нашего народа то, что составляетъ предметъ его продовольствія и взявъ этотъ продуктъ для того, чтобы предложить его своему нуждающемуся народу, взаменъ того привезли къ намъ на 40 тысячъ трюфелей, мушкетеровъ, шампиньоновъ и всякихъ другихъ грибовъ въ укусѣ. Очевидно, что въ этомъ обмѣнѣ не замѣчается солидарности. А, впрочемъ, виновать. Взаменъ нашихъ простыхъ сушеныхъ грибовъ и иностранцы привезли къ намъ тоже грибовъ сушеныхъ, но только отъ насъ они взяли ихъ на 10 тысячъ, а къ намъ привезли на 720 руб. Обмѣнъ, очевидно, не особенно выгодный. Читатель можетъ замѣтить, что грибы—такая мелочь, о которой не стоитъ и говорить, но для насъ важны не грибы собственно, а вся система международнаго обмѣна, которая, начинаясь торговлей грибами, кончается миліонными отпусками хлѣба и во всемъ остается себѣ вѣрной.

Нашъ международный обмѣнъ представляетъ весьма любопытное характеристическое явленіе, очень опредѣленно обрисовывающее моментъ умственного и экономическаго развитія, въ которомъ мы находимся. Напримѣръ, мы вывозимъ за-границу клюкву и бруснику и главнымъ покупателемъ ея оказывается Англія. Изъ 2,785 пудовъ клюквы и брусники, которую мы вывозимъ, англичане покупаютъ 2726 пудовъ, остальные 59 пудовъ берутъ Пруссія и Германскія владѣнія. Что получаемъ мы отъ англичанъ взамѣнъ этого продукта, составляющаго для англійскихъ лордовъ предметъ гастрономическаго наслажденія, изъ «Обзора» опредѣлить нельзя, но есть основаніе предполагать, что солидарность возстановляется не какимъ-нибудь сырьемъ вродѣ клюквы, а скорѣе всего предметами, украшающими петербургскій англійскій магазинъ; собиратели-же клюквы остаются не причемъ.

Масла коровьяго вывезено на полтора миліона и взамѣнъ его получено изъ-за границы масла на 29 тысячъ. Конечно, не отъ изобилія отправили мы свое масло за-границу, ибо даже Петербургъ нуждается въ немъ, не говоря уже про деревню. Масло шло преимущественно въ Пруссію, въ германскія владѣнія, въ Великобританію, во Францію, въ Турцію, наконецъ, въ Грецію и Румынію. Зная бытъ русскаго народа, приходится жалѣть, что у насъ существуетъ подобная статья вывоза, тѣмъ болѣе, что русскій крестьянинъ ѣстъ хлѣбъ безъ масла для того, чтобы доставить англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ крестьянамъ возможность ѣсть хлѣбъ съ масломъ. Самый бѣдный заграничный рабочій не станетъ ѣсть сухаго хлѣба. Ну и Богъ съ нимъ, но зачѣмъ-же долженъ снабжать его масломъ русскій земледѣлецъ, а не тамошній? Изъ «Отчета» не видно, чѣмъ возстановляется солидарность международнаго обмѣна, т. е. что получаетъ русскій земледѣлецъ взамѣнъ масла, котораго онъ лишаетъ себя и свою семью.

Ближайшей статьѣй къ маслу значится мясо. Его мы отпускаемъ за-границу въ сыромъ видѣ на полмиліона въ числѣ 70 тысячъ пудовъ и взамѣнъ его отъ предупредительныхъ иностранцевъ получаемъ мяса соленаго, копченаго, вяленаго и колбасъ на 1458 руб. въ количествѣ 192 пудовъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ готовить солонину, окорока и колбасы такая трудность, что мы должны получать ихъ непременно отъ нѣмцевъ и не въ состояніи изготовить дома? Но вопросъ не въ этомъ одномъ. Ужь, конечно, въ той долѣ обмѣна, которую изображаютъ привезенные изъ-за-границы окорока и колбасы, не заключается ни одного окорока, ни одной колбасы, которая-

бы досталась первому производителю и оказывается, что сырье, отданное русскимъ производителемъ, исчезаетъ для него безповоротно. Мы не возстаемъ особенно сильно противъ колбасъ и окороковъ, предлагаемыхъ петербургскимъ гастрономамъ Пивато, Дюссо или Борелемъ, мы только жалѣемъ петербургскихъ колбасниковъ, у которыхъ иностранцы отбиваютъ хлѣбъ.

Изъ предметовъ пищи, доставляемыхъ нами западной Европѣ, главное мѣсто занимаетъ разныхъ родовъ живность. Такъ, птицъ домашнихъ мы отправили за-границу въ 1878 году 1.046,227 штукъ на 877,390 руб. Главное количество было доставлено въ Пруссію, а именно 999 тысячъ штукъ на 845 т. Затѣмъ остальное пошло въ Австрію, частью въ Германскія владѣнія и въ Голландію. Звѣрей битыхъ мы послали 42,224 штуки на 86 т. руб. И тутъ почти половина ушла въ Пруссію, а остальное въ Англію. Рыбы разной отправлено 112 т. пудовъ на 379 т. р. и главное ея количество ушло въ Австрію, Турцію, Румынію. Быковъ и коровъ отправлено 76 т. штукъ, да борововъ и свиней 745 т. штукъ на 13 мил. Главное количество борововъ и свиней, или точнѣе двѣ трети ихъ, отправлено въ Пруссію, остальное въ Австрію, Турцію и Румынію. Любопытно, что главнымъ потребителемъ всякой русской живности является Пруссія. Очень можетъ быть, что пруссаки покупаютъ все это и не для самихъ себя, а перепродаютъ другимъ народамъ, но также можетъ быть, что они покупаютъ и для себя. И то и другое печально. Въ первомъ случаѣ приходится жалѣть, что мы платимъ даромъ пруссакамъ за ихъ маклерство, вмѣсто того, чтобы самимъ доставить живность тѣмъ, кому она нужна, а во-вторыхъ,—жалъ, что мы являемся поставщиками живности для прусскаго населенія, отдавая ему предметы первой потребности, въ которыхъ нуждаемся сами дома. И мы могли-бы съѣсть свинину въ щазъ, или въ другомъ видѣ съ неменьшимъ аппетитомъ, чѣмъ ее ѣдятъ пруссаки, но по какимъ-то злополучнымъ причинамъ ѣдимъ въ воскресные дни пустые щи, а свинину изъ нихъ отдаемъ своимъ сосѣдямъ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и сосѣди были къ намъ совершенно невнимательны. Они тоже снабжали насъ жизненными припасами, а что эти припасы должны были играть какую-нибудь роль на русскомъ, не особенно богатомъ пире жизни, можно заключить изъ того, что большая часть жизненныхъ припасовъ пропускалась безошлинно. Къ этимъ безошлиннымъ предметамъ принадлежали всякія овощи, свѣжія и сухія, анисъ, тминъ, бадьянъ, коринка, корка лимонная, апельсиновая и помаранцевая, наконецъ, съѣстные припасы, особо непоименован-

ные». Недостаточно проницательный читатель можетъ придти въ недоумѣніе отъ подобнаго страннаго обмѣна, при которомъ взаѣмнѣ живности, домашней птицы, мяса, мы получаемъ коринку, корку лимонную, апельсинную и померанцевую, точно они и не Богъ-вѣсть какъ необходимы для нашего благополучія; но съ другой стороны таможенный отчетъ даетъ слишкомъ мало данныхъ даже для читателя проницательнаго. Изъ цифръ, которыя въ немъ помѣщены, очень трудно вывести какое-нибудь точное заключеніе о подробностяхъ обмѣна. Напримѣръ, овощей и сѣмянъ огородныхъ мы отправили за-границу на 607 т. руб., а получили отъ иностранцевъ на 336 т. руб. Если обмѣнъ этотъ былъ такого рода, что мы отправили къ иностранцамъ огурцы и взаѣмнѣ этого получили тоже огурцы, то, конечно, не стоило и мѣняться; если-же взаѣмнѣ огурцовъ они прислали къ намъ цвѣтную капусту, то вопросъ уже усложняется. Во-первыхъ, очевидно, что мы отправили къ иностранцамъ предметъ первой потребности, а взаѣмнѣ его получили предметъ второй, а, можетъ быть, и третьей потребности. Во-вторыхъ, несомнѣнно, что тотъ, кто ростилъ и отправилъ за-границу огурцы и получилъ взаѣмнѣ ихъ цвѣтную капусту, получилъ ее не для себя, а для кого-нибудь другого. Въ-третьихъ, почему мы для этого другого сами не вырастили цвѣтную капусту, а умѣемъ растить только огурцы. Наконецъ, отчего мы отправляемъ къ иностранцамъ огородныя сѣмена, а они, лукавые люди, не пришлютъ намъ ни одного сѣмечка. Ну, а если именно изъ этихъ сѣмянъ они и выращиваютъ у себя овощи, которыя и присылаютъ къ намъ, то вѣдь это очень стыдно и, конечно, ужъ не иностранцамъ. Если-же этого нѣтъ и мы посылаемъ имъ сѣмена для того, чтобы они росли овощи для самихъ себя, то намъ должно быть и второй разъ стыдно, что мы послали сѣмена, а не готовые овощи. Впрочемъ, очень можетъ быть, что подъ рубрикой «сѣстные припасы, особо непоименованные», кроется что-нибудь такое, что вполне смываетъ нашъ стыдъ, но, къ сожалѣнію, «отчетъ» хранить въ глубокомъ секретѣ, что кроется подъ этой таинственной рубрикой. Мы знаемъ только одно, что таинственныхъ сѣстныхъ припасовъ привезено къ намъ на 650 тыс. руб., и такъ-какъ за эти припасы не взято никакой пошлины, то можно думать, что они составляютъ предметы первой необходимости и вознаграждаютъ насъ за тѣ пустыя щи, свинину изъ которыхъ мы отправляемъ къ нѣмцамъ. Къ сожалѣнію, и за эту успокоительную мысль нельзя, какъ кажется, ухватиться, ибо въ числѣ безошлинныхъ предметовъ оказывается коринка, которой привезено къ намъ 115 т. пудовъ на 382 т. р.

Такимъ-же предметомъ первой необходимости является и корка лимонная, апельсиновая и померанцовая, которой привезено 12 т. пудовъ на 51 т. руб. Очевидно, что продукты эти, назначенные преимущественно для городского потребителя, явились къ нему на-счетъ той свинины и огурцовъ, которые деревенскій потребитель отправилъ за-границу. Чѣмъ-же городской потребитель отблагодарить деревенскаго производителя,—намъ неизвѣстно и изъ «Отчета» не видно.

Назначеніе другихъ жизненныхъ припасовъ, привезенныхъ къ намъ изъ за-границы, гораздо яснѣе, во-первыхъ, потому, что они обложены пошлиной, а во-вторыхъ, потому, что они составляютъ предметы, служащіе для украшенія жизни. Тутъ встрѣчаются «всякія» овощи, свѣжія, соленыя, моченыя, бекмесы, апельсины, лимоны, померанцы, виноградъ, каперцы, оливки, маслины, рожки, орѣхи, миндаль, конфекты, варенье, фрукты въ ликерахъ, пряники, паштеты, разныя печенья, приправы къ кушаньямъ. Конечно, и тутъ можно сдѣлать вопросъ, почему мы получаемъ изъ за-границы патоку, конфекты, варенье, а не дѣлаемъ ихъ у себя дома, зачѣмъ мы не печемъ сами пряниковъ, предполагая, что дѣло это неособенно хитрое. Обстоятельство это тѣмъ болѣе прискорбно, что патоки мы получили отъ иностранцевъ 6½ т. пудовъ, конфектъ, варенья почти 8 т. пудовъ, пряниковъ почти 4 т. пудовъ, а всякихъ приправъ 17 т. пудовъ. Всего-же за это добро мы переплатили болѣе полумиліона рублей. Мы не проповѣдуемъ начала воздержанія и не требуемъ, чтобы русскій человѣкъ отказался отъ пряниковъ, конфектъ, патоки и приправъ для своихъ кушаній, но мы думаемъ, что искусство изготовленія ихъ не превышаетъ русскихъ способностей и что, изготовивъ всѣ эти вещи у себя дома, мы имѣли-бы ихъ за полцѣны.

Но наиболѣе прискорбное обстоятельство, которое обнаруживаетъ отчетъ, заключается въ слѣдующемъ. Взаимнъ разной рыбы, которой мы отправляемъ иностранцамъ на 379 т. руб., мы получаемъ отъ иностранцевъ тоже рыбы на 5½ мил. Ужь, конечно, мы посылаемъ къ иностранцамъ такую рыбу, какой у нихъ нѣтъ, а они къ намъ присылаютъ такую, какая у насъ есть. То, что иностранцы высылаютъ къ намъ на 849 т. руб. 64 т. пудовъ рыбы маринованной, въ маслѣ, форшированной и икры, это, хотя и съ болью въ сердцѣ, но вынести можно. Можно простить иностранцамъ даже и то, что они присылаютъ къ намъ 4½ т. пудовъ на 56 т. руб. соленой и копченой рыбы. Для оправданія этого, почти миліоннаго ввоза, мы даже готовы допустить, что вся эта рыба какая-нибудь особенная и что ее совсѣмъ нѣтъ.

ни въ русскихъ моряхъ, ни въ русскихъ рѣкахъ. Такую уступку мы дѣлаемъ для того, чтобы читатель почувствовалъ глубже огорченіе, которое ему причинить «Отчетъ» нижеслѣдующимъ признаніемъ. Оказывается, что мы, владѣльцы Бѣлаго моря и Ледовитаго Океана, кишащихъ треской и сельдями, получаемъ изъ за-границы болѣе полумиліона пудовъ трески и сухихъ тресковыхъ годовъ, болѣе 4 мил. пудовъ соленыхъ селедокъ, болѣе 30 т. пудовъ селедокъ въ малыхъ боченкахъ и почти 20 т. пудовъ селедокъ норвежскихъ. Треска и сельди—это чисто-народная пища. Или у насъ не развита промышленность этиимъ предметами перваго потребленія, или-же мы не можемъ конкурировать съ иностранцами въ дешевизнѣ? А дешевизна ихъ дѣйствительно поразительная. Напримѣръ, за пудъ трески иностранцы берутъ съ насъ дешевле одного рубля, а за пудъ сельдей соленыхъ 1¼ р. Если причина подавляющаго ввоза заключается только въ этомъ, т. е., что намъ выгоднѣе получать треску и селедки отъ иностранцевъ, чѣмъ ловить и солить ихъ у себя дома, то противъ этого мы ничѣмъ не можемъ возразить. Мы только пожалѣли-бы что коринка и корка лимонная и апельсиновая допускаются къ ввозу безпошлинно, а сельди и треска обложены пошлиной. Причины этого, конечно, ясны и, такъ-сказать, составляютъ первый пунктъ основныхъ правилъ всякаго таможеннаго управленія и не одного русскаго, но тѣмъ не менѣе вовсе не изъ желанія обидѣть потребителей коринки, а только въ интересахъ справедливости, мы желали-бы, чтобы коринка не пользовалась особыми преимуществами передъ селедкой.

Но самый главный предметъ, такъ-сказать, предметъ всѣхъ предметовъ, составляющій основную вывозную статью, на которой зиждется все наше богатство, предметъ нашей гордости, есть хлѣбъ. Въ 1878 г. разныхъ видовъ хлѣба вывезено нами по европейской границѣ на 366 мил., а въ 1869 г. только на 86 мил. Слѣдовательно, въ десять лѣтъ вывозъ хлѣба увеличился болѣе, чѣмъ въ четыре раза. Явленіе, конечно, утѣшительное, хотя, какъ мы увидимъ дальше, свѣтлое чувство радости должно нѣсколько поблекнуть отъ кое-какихъ неудачъ въ развитіи остальныхъ производствъ. Изъ разныхъ видовъ хлѣба, имѣющихъ преимущественный сбытъ, первое мѣсто занимаетъ пшеница, которой было отправлено за-границу 17 мил. четвертей. Главное количество ея пошло въ Англію, затѣмъ въ Пруссію, въ Голандію, Бельгію, въ Австрію и, наконецъ, во Францію. Англія взяла отъ насъ почти треть всего количества вывезенной пшеницы. Ржи вывезено 10 мил. четвертей, но распредѣлилась она уже нѣсколько иначе. Англія, Германскія владѣнія, Швеція и Норве-

гя купили по одинаковому количеству ржи; Пруссія-же взяла почти 3 мил. четвертей. Если вѣрить князю Бисмарку, то Пруссія покупаетъ русскій хлѣбъ не для себя. Она служитъ только транзитомъ для провоза и перепродажи нашего хлѣба другимъ странамъ. Вѣроятно, тоже самое дѣлаетъ и Голландія, а отчасти и Великобританія. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что выгоды хлѣбной торговли недостаются намъ всѣ сполна и что мы не имѣемъ прямыхъ, непосредственныхъ сношеній съ потребителями. Сколько мы теряемъ отъ этой маклерской перепродажи—изъ таможеннаго отчета, конечно, не видно, но, судя по тѣмъ фактамъ, которые были обнаружены барановской комисіей въ желѣзнодорожной неурядицѣ, нужно думать, что наша хлѣбная торговля находится еще въ моментѣ младенчества и далеко не даетъ того, чтобы она могла дать. Это, между прочимъ, можно заключить еще и изъ слѣдующихъ фактовъ. Напримѣръ, мы за-границу отвозимъ пшеницу, рожь, овесъ, гречу и изъ-за границы тоже получаемъ пшеницу, рожь, овесъ, гречу. Положимъ, что это полученіе не особенно велико, всего пол-миліона пудовъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что мы производимъ обмѣнъ на обмѣнъ и что, вѣроятно, по какимъ-нибудь причинамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи оказывается болѣе выгоднымъ покупать иностранный хлѣбъ, чѣмъ русскій. Читатель можетъ подумать, что эти мѣстности лежатъ гдѣ-нибудь на окраинахъ, но изъ отчета оказывается, что больше одной трети ввоза заграничнаго хлѣба дѣлается по Балтійскому морю. Въ одинъ Петербургъ приходитъ заграничнаго хлѣба, т. е. того-же самаго, какой производить и Россія, на 131 т. р. Что этотъ хлѣбъ считается неизбѣжной необходимостью и лишеніе въ немъ было-бы очень чувствительно, видно изъ того, что онъ пропускается беспошлинно. Послѣ этого читателю, конечно, не покажется страннымъ, что мы получаемъ изъ-за границы разныхъ видовъ муку. Ну, конечно, и ея идетъ не особенно много; однако, все-таки въ 1878 году ея было привезено 132 т. пудовъ и опять цѣлая треть ввоза досталась Петербургу. Причину этого обстоятельства, слѣдуетъ искать въ какихъ-нибудь нашихъ внутреннихъ несообразностяхъ; иначе иностранцы были-бы не въ состояніи при теперешней золотой пошлинѣ и при теперешнемъ упадкѣ курса конкурировать съ нами продуктомъ, обложеннымъ таможеннымъ налогомъ.

Мы замѣтили выше, что ввозъ въ Россію, которая считается хлѣбной житницей Европы, обусловливается сравнительной дешевизной его съ нашимъ; это, между прочимъ подтверждается слѣдующимъ фактомъ: въ Парижѣ обыкновенный бѣлый хлѣбъ стоитъ дешевле, чѣмъ у насъ, не смотря на то, что мы гор-

дился производствомъ его. Чѣмъ это объяснить? Тѣмъ-ли, что вся наша хлѣбная торговля сосредоточивается въ рукахъ кулаковъ и спекуляторовъ на человѣческой голодъ, тѣмъ-ли что желѣзнодорожная неурядица, при высококомъ тарифѣ, возвышаетъ его цѣну до непомятаго максимума. Какъ-бы то ни было, но, благодаря этой дороговизнѣ и громаднымъ транспортнымъ средствамъ, Америка въ этомъ отношеніи начинаетъ конкурировать съ нами и вытѣснять насъ съ европейскихъ рынковъ.

Въ остальныхъ предметахъ нашего вывоза фигурируетъ, какъ и до сихъ поръ, преимущественно сырье. Въ числѣ этого сырья нѣкоторые предметы обращаютъ на себя особенное вниманіе. Напримѣръ, мы отправляемъ за-границу болѣе 3 мил. пудовъ пеньки на 15 мил. рублей. Главнымъ скупщикомъ ея является Пруссія, которая беретъ себѣ ровно половину. Лѣну вывозимъ мы почти 10 мил. пудовъ на 56 мил. руб. и опять та-же Пруссія покупаетъ половину. Вторымъ покупателемъ является Англія, которая беретъ одну треть. Лѣснаго товара идетъ отъ насъ за-границу на 30 мил. руб. и опять Пруссія покупаетъ его на 12 мил. и Англія на столько-же. Мы очень хорошо знаемъ, что при правильномъ лѣсномъ хозяйствѣ можно продавать лѣса даже и больше, чѣмъ на 30 мил., но, въ виду общей жалобы на лѣсоистребленіе и на русское лѣсное безхозяйство, 30-ти-миліонные отпуска лѣса за-границу, во всякомъ случаѣ, способны возбудить нѣкоторый вопросъ. Впрочемъ, въ виду другого вопроса, болѣе важнаго, мы лѣснаго вопроса касаться здѣсь не станемъ, а обратимъ вниманіе читателя на слѣдующее:

Лѣна, какъ мы уже говорили, отправлено почти 10 мил. пудовъ на 56½ мил. руб., а пеньки—3 мил. пудовъ на 15 мил. руб. Всего того и другаго товару на 71½ мил. рублей. Это громадное количество сырья, конечно, должно отниматься отъ внутренней его обработки и, слѣдовательно, идти за-границу въ ущербъ нашему производству. слѣдовательно, здѣсь повторяется та-же исторія, что со свиной, которая, отправившись за-границу въ видѣ мяса, возвращается къ намъ въ видѣ колбасы. Конечно, не все количество отправленнаго лѣна и пеньки возвратится къ намъ въ видѣ издѣлій, но достаточно и того, что воротится, ибо это возвратившееся количество представляетъ такія цѣнности: канатовъ, веревокъ и бичевовъ на 504 т. р.; полотна, батиста почти на 2 мил. р.; паруснаго полотна почти на 200 т. р.; мѣшковъ холстинныхъ грубыхъ почти на 6 мил. р.; брезента, воломянки, паруснаго полотна тысячъ на 300, а всего на 9 мил. рублей. Этому обмѣну слѣдуетъ изумиться

тѣмъ болѣе, что, какъ видно изъ «Отчета», мы не только въ состояніи сами дѣлать веревки и канаты, но можемъ готовить шлоотно парусное, фламандское, равентухъ, салфеточное, умѣемъ готовить холстъ, скатерти, салфетки и не только умѣемъ весь этотъ товаръ готовить, но умѣемъ и продавать его за границу. Напримѣръ, веревокъ и канатовъ мы отпустили на 902 т. руб. и въ томъ числѣ одной Пруссіи на 84 т. р., Англіи на 247 т. р. и Германскимъ владѣніямъ на 366 т. р. Холста вывезли мы 3½ мил. аршинъ и одной Англіи продали 3,200 т. аршинъ на 256 т. руб. Значить, ясно, что и остальное количество пеньки у насъ-бы достало искусства обработать въ издѣлія и мы все-таки ихъ не обработали, а отправили въ сыромъ видѣ. Прискорбность этого обстоятельства усиливается еще тѣмъ, что изъ-за границы приходитъ къ намъ хлопчатой бумаги-сырца больше 6 мил. пудовъ на 67,8 мил. руб. Одна газета, впадая въ сентиментальный тонъ, замѣтила, что ввозъ хлопчато-бумажнаго сырца есть посягательство на крестьянскій ленъ и коноплю. Газета хотѣла этимъ сказать, что наши крестьяне сбываютъ ленъ и коноплю, товаръ болѣе цѣнный, по безденежью, потому что находятъ выгоднымъ взаимнъ ихъ приобрѣтать болѣе дешевыя хлопчато-бумажныя издѣлія. Это едва ли такъ. Конечно, при болѣе высокомъ уровнѣ потребностей крестьянинъ носилъ-бы холщевую рубашку и затѣмъ сверху еще какую-нибудь одежду, теперь-же онъ изворачивается рубашкой ситцевой. Но не нужно забывать, что въ народѣ есть чувство щегольства и чувство красоты, которымъ ситецъ льститъ больше, чѣмъ бѣлая льняная рубашка домашняго издѣлія. Ну, конечно, если-бы народъ приносилъ ту жертву, на которую указываетъ газета, его положенію нельзя-бы было не сочувствовать. Поэтому мы гораздо больше скорбимъ за то масло, которое отправляется за границу и которое съѣдятъ съ хлѣбомъ нѣмцы, чѣмъ за ленъ и коноплю, которые продаетъ крестьянинъ, чтобы купить себѣ ситцевую рубашку. Скорбѣть слѣдуетъ не о томъ, что крестьянинъ продаетъ ленъ и обмѣниваетъ его на ситецъ, скорбѣть слѣдуетъ о томъ, что мы отвозимъ этого товара на 70 мил. за границу и ровно на столько-же получимъ бумаги сырца, а русскій ленъ и пеньку превращаютъ въ издѣлія иностранцы. Потеря такой «коммерціи» несомнѣнна и потеря эта не только личная, падающая на перваго производителя, но потеря общенародная, государственная.

Впрочемъ, наша торговля съ иностранцами въ сущности одна безконечная экономическая потеря; но дѣло это въ такомъ видѣ началось не при насъ и кончится тоже не при насъ. Мы

понимаемъ, что можно получать изъ-за границы то, чего у насъ нѣтъ, чего не производитъ природа нашей страны; но тамъ, гдѣ требуется искусство, знаніе и чисто-личныя возможности, тамъ ужь, конечно, приходится скорбѣть за нашу непрекращающуюся отсталость и наше черепашее путешествіе по пути экономическаго прогреса. Мы можемъ простить себѣ, что иностранцы привозятъ къ намъ кофе, какао, ваниль, шафранъ, табакъ, чай, но какъ-же допускать ввозъ хлѣбной водки, меда, портера, чугуна, желѣза, жести, рельсовъ, особенно рельсовъ, которыхъ привезено на 21,8 мил... Еще прискорбиѣе ввозъ обыкновеннаго кирпича, осей, косяковъ, колесныхъ спиць, ножницъ для стрижки овецъ, мебели изъ простаго дерева, нелакированной, неполированной, и вообще столярныхъ издѣлій, для производства которыхъ не требуется никакихъ особенныхъ человѣческихъ способностей. Такой-же обидной статьѣй ввоза являются льняныя, пеньковыя и хлопчато-бумажныя издѣлія. Особенно изумительно, что и до сихъ поръ ткани, окрашенныя въ адрианопольскій цвѣтъ, составляютъ предметъ ввоза, тогда какъ секретъ этой окраски намъ уже давно извѣстенъ. Наконецъ, очень обидную статью ввоза составляетъ готовое платье, котораго въ 1878 году было привезено почти на 3 мил. руб. Не менѣе прискорбенъ ввозъ издѣлій изъ бутылочнаго зеленого стекла, бутылокъ для всякихъ винъ и простыхъ оконныхъ стеколъ. Подумаешь, право, что Россія не Россія, а Ташкентъ. Наконецъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе ввозъ машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ и бумажной пряжи, какъ крашеной, такъ и некрашеной. Машинъ было ввезено почти на 30 мил., а бумажной пряжи почти на 20 мил., а между тѣмъ мы поощряемъ наше бумаго-прядильное и бумажно-ткацкое производство чуть-ли не цѣлое столѣтіе, сочинили для него и запретительный тарифъ, въ обмѣнъ на дешевый хлопокъ отдаемъ болѣе дорогіе ленъ и пеньку, и все-таки не научились изготовлять еще тканей ни изъ нашего дорогаго и цѣннаго сырья, ни изъ-заграничнаго дешеваго. Послѣ того, какъ мы не выучились ткать ситцевъ и изготовлять пряжу, самъ Богъ отпустить намъ, что мы не въ состояніи приготовить машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ и платимъ за нихъ иностранцамъ почти 30 мил. Что-же удивительнаго, что предприимчивые иностранцы, замѣтивъ, что, должно быть, мы никогда не научимся ни строить машинъ, ни прядь пряжу, пріѣдутъ въ Россію, устроятъ фабрики и заводы, наживутъ миліоны и съ этими миліонами уѣдутъ къ себѣ домой; мы же все это время будемъ считать воробьевъ и когда увидимъ, что нѣмецъ увозитъ русскіе миліоны, обрушимся на нѣмцевъ и

начнемъ обвинять ихъ въ политической, общественной и всякой другой къ намъ враждебности. Вотъ ужъ гдѣ будетъ вполнѣ справедливо примѣнить поговорку: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Англичанинъ и нѣмецъ—истинная щука для русскаго карася, но русскій карась по-прежнему пребываетъ въ состояніи непробуднаго сна, и не только щука, но пожалуй и китъ, не заставятъ его проснуться и позаботиться о томъ, чтобы изготовлять самому для себя кирпичъ, бутылки, простыя стекла, мѣшки для хлѣба, веревки и т. д. Даже стеарина мы получили изъ-за границы 13 1/2 тыс. пудовъ на 123 тыс. руб. А вѣдь стеаринъ этотъ былъ приготовленъ нѣмцами изъ русскаго сала.

И въ азіатской торговлѣ мы оказываемся не болѣе счастливыми. Напримѣръ, по азіатской границѣ мы въ 1869 году отправили въ Турцію на 3 мил. товара, а изъ Турціи получили на 7 мил. Въ слѣдующіе годы какъ ввозъ, такъ и вывозъ, постоянно падалъ и въ 1876 году, т. е. въ послѣднемъ передъ запутанными политическими отношеніями, мы вывели по азіатской границѣ на 2 мил., а получили почти на 5. Совершенно также колеблетъ торговый балансъ не въ нашу пользу и Персія. Въ 1869 году мы отвезли въ Персію на 1,3 мил., а получили изъ Персіи на 4,8 мил. Въ 1878 году нашъ вывозъ составилъ 2,6 мил., а ввозъ изъ Персіи—7 мил. Конечно, этотъ усиленный ввозъ возстановилъ только равновѣсіе въ торговлѣ съ Персіей за 1878 годъ, и отчасти за Турціей, ввозъ изъ которой обыкновенными путями былъ затрудненъ. Но больше всего насъ долженъ огорчать Китай. Китайцы гораздо лучше знаютъ свое дѣло, чѣмъ мы русскіе, и въ дѣлѣ торговли могутъ быть нашими учителями. По азіатской границѣ мы отвезли китайцамъ въ 1868 году товару на 3 мил. руб. а получили отъ китайцевъ на 5,6 мил. руб. Затѣмъ нашъ вывозъ, не смотря на частыя колебанія въ сторону повышенія, стоялъ въ сущности на одной точкѣ и въ 1878 году составилъ только 2 мил. руб., между тѣмъ какъ китайцы постоянно изъ года въ годъ ровно и послѣдовательно усиливали свой ввозъ и въ 1878 году довели его до 17,8 мил. Конечно, это не вся цифра ввоза къ намъ китайскихъ товаровъ, ибо одного чая было привезено въ 1878 году сухопутьемъ и морями 741 тыс. пудовъ на 35 мил. руб. Больше всего прошло чая черезъ московскую таможену, а именно на 28,7 мил. Затѣмъ все остальное количество пришло преимущественно при помощи западно-европейскихъ посредниковъ.

Для характеристики нашихъ сношеній съ Китаемъ мы перечислимъ товары, привезенные къ намъ обитателями небесной

имперіи. Обыкновенно принято думать, что китайцы снабжаютъ насъ исключительно чаемъ, а между тѣмъ, оказывается, что изъ Китая идетъ такой товаръ, какой, повидимому, мы можемъ производить успѣшно и у себя дома. Великъ или малъ ввозъ подобныхъ предметовъ, вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что онъ существуетъ. Такъ, китайцы доставили намъ домашній скотъ, лошадей и животныхъ «всякаго рода», доставили кожи невыдѣланныя и шкуры, соленныя и сухія, привезли воскъ, парафинъ, стеаринъ, корзинныхъ издѣлій простыхъ изъ камыша, лыка, простой соломы. Положимъ, что корзинокъ китайцы привезли къ намъ всего на 279 руб., однако, все-таки привезли корзины они къ намъ, а не мы къ нимъ. Мука, картофельный крахмалъ и рисъ такая мелочь, о которой мы не станемъ говорить. Не станемъ мы говорить и о черносливѣ, винныхъ ягодахъ, изюмѣ, о конфетахъ и вареньи, даже о всякихъ приправахъ, лавровомъ листѣ, кофе въ зернахъ; но вотъ, напримѣръ, сахару, рафинада, мелису, китайцы привезли къ намъ 3,125 пудовъ на 33 т. рублей. Въ виду того, что русскій человекъ пьетъ чай въ прикуску, это количество все-таки немалое. Привезли еще китайцы 3,821 бутылку меда, портера, пива, затѣмъ хоть и не въ большомъ количествѣ, а подчасъ даже и ничтожномъ, была ввозима льняная и пеньковая пряжа, шелкъ-сырецъ, шерсть въ сыромъ видѣ, бумажная вата, ярь-мѣдянка, чернила, чернильный порошокъ, вакса, масло оливковое, деревянное, фаянсовыя издѣлія (правда, всего 2 пуда—на 10 руб.), также и издѣлій изъ бѣлаго стекла ничтожное количество. Чтобы не обременять читателя подробностями, я коротко перечислю остальной товаръ, привезенный изъ Китая: чугунные отливки, желѣзныя и кузнечныя работы, жестяныя издѣлія, иглы стальныя, желѣзныя и вязальныя, холодное и огнестрѣльное оружіе, инструменты для художествъ и ремеслъ, локомобили, паровые двигатели, пожарныя или паровыя трубы, мебель изъ простаго дерева, нелакированная и неполированная, гумиластиковыя и каучуковыя издѣлія, конторскія и копировальныя книги и переплетныя работы, матеріи, платки, ленты, шелковыя издѣлія, шерстяныя матеріи, бумажныя ткани (на 57,125 руб.), платье шитое мужское, женское, шляпы пуховыя, полупуховыя, фуражки, бѣлила, румяна, пудра, зубной порошокъ, мелкія, простыя галантерейныя вещи (186,384 руб.), часы, хронометры и, наконецъ, «спичекъ химическихъ зажигательныхъ всякаго рода» 79 пудовъ на 858 руб.

Если-бы читателю не было извѣстно, что всѣ эти товары пришли къ намъ изъ Китая, то, сличивъ списокъ ихъ съ вѣдомостью о ввозѣ иностранныхъ товаровъ, привезенныхъ по

европейской границѣ, онъ могъ-бы подумать, что не вкралась-ли тутъ какая-нибудь ошибка. И дѣйствительно, въ длинномъ списокѣ китайскаго ввоза значится все то-же, что къ намъ идетъ и изъ Европы. Это обстоятельство наводитъ насъ на размышленіе, не особенно лестное для нашей промышленности и торговли. Если европейскій товаръ входитъ въ Россію по европейской границѣ, то это совершенно понятно такъ-же, какъ и то, что дешевизна европейскаго производства не допускаетъ съ нашей стороны конкуренціи. Но если швейцарскіе часы попадаютъ въ Сибирь черезъ Китай, если этимъ-же путемъ идутъ европейскія бумажныя и шерстяныя ткани или англійскій ножевый товаръ, то является вопросъ: во что всѣ эти вещи и многіе предметы первой необходимости должны обходиться сибирякамъ, свершивъ кругосвѣтное путешествіе, и въ какую цѣну должны ихъ ставить китайцы или тотъ народъ, который насъ снабжаетъ ими при обмѣнѣ на наши издѣлія? Извѣстно, что китайцы великіе мастера на мѣновую торговлю и что они отличаются такою стойкостью, какой никакъ не можетъ выдержать наша славянская рознь. Наконецъ, каково-же должно быть положеніе Сибири по отношенію къ русскому производству и къ русскимъ средствамъ сообщенія, если цѣлая часть ея находитъ болѣе выгоднымъ вести обмѣнъ черезъ Китай, чѣмъ пользоваться предметами производства европейской Россіи. Мы очень хорошо знаемъ, что намъ могутъ возразить «специалисты» или чиновники таможеннаго вѣдомства. Но вѣдь въ этомъ возраженіи не будетъ заключаться ничего, кромѣ повторенія тѣхъ-же фактовъ, но лишь въ иной формѣ; сущность-же нашего возраженія останется непоколебимой. А сущность эта въ томъ, что Сибирь, и, въ особенности Восточная, находится въ такой изолированности отъ европейской Россіи, что она тяготеетъ больше къ Китаю и къ Сѣверной Америкѣ и находитъ удовлетвореніе своимъ потребностямъ скорѣе въ этихъ странахъ, чѣмъ въ европейской Россіи, которой она принадлежитъ.

Мы не скажемъ, что въ послѣднія десять лѣтъ промышленность наша не сдѣлала-бы успѣха, но нельзя также не согласиться и съ тѣмъ, чтобы успѣхъ этотъ не зависѣлъ отъ случайностей. Напримѣръ, вывозъ спирта и хлѣбнаго вина съ 350 т. дошелъ до 2 мил. слишкомъ рублей. Конечно, вывозъ хлѣба въ формѣ спирта выгоднѣе вывоза хлѣба въ видѣ сырья. Но рядомъ съ такой прогрессирующей статьёй вывоза, мы видимъ, что ввозъ выжимокъ изъ сѣмянъ съ 322 т. дошелъ до 1,3 мил. Выжимки—такая хорошая пища для скота, что вывозъ ея составляетъ не прогрессивное, а ретроградное явленіе. Извѣстно,

какой жалкой пищей кормится нашъ скоть; чѣмъ раззорять въ кормъ ему каждую весною крыши крестьянскихъ избъ, было-бы лучше кормить его выжимками, которыя мы отдаемъ иностранцамъ. Вывозъ льна, льняной пакли, пеньки усилился тоже отъ 35 до 50⁰. Едва-ли и это можетъ служить доказательствомъ нашего промышленнаго прогреса, хотя торговцы, конечно, и наживаются. Сѣмя льняное вывозится по-прежнему въ громаднѣмъ количествѣ и въ 1878 году его было вывезено на 35 мил. Читателю извѣстно, что ленъ, оставляемый на сѣмя, даетъ болѣе грубую пряжу. Какое-же страшное количество должно быть вырощено грубаго льна, чтобы за сѣмена отъ него получить 35 милл. руб. Что-же удивительнаго, что нашъ грубый ленъ не цѣнится за-границей и что изъ нашихъ сѣмянъ Европа производитъ ленъ лучшаго качества, и заваливаетъ насъ льняными тканями высшаго достоинства, созданными изъ русскихъ сѣмянъ. То-же самое слѣдуетъ замѣтить и относительно тряпья. Бумага становится у насъ изъ году въ годъ дороже и въ книжномъ дѣлѣ составляетъ главный расходъ, а между тѣмъ мы нисколько не сокращаемъ вывоза за-границу нашего тряпья, а, напротивъ, увеличиваемъ его. Въ 1869 году мы вывезли тряпья на 548 т., а въ 1877 году на 818 т. Положимъ, что часть этого тряпья вернется къ намъ въ видѣ заграничныхъ книгъ, вѣстамповъ, газетъ, географическихъ картъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы русскому тряпью слѣдовало идти за-границу въ видѣ тряпья, а не въ видѣ бумаги русскаго изготовленія. Вывозъ овечьей шерсти тоже возросъ съ 7 до 11 мил., тогда-какъ народъ нашъ нуждается въ суконной одеждѣ и до сихъ поръ есть еще мѣстности, гдѣ зимою крестьяне ходятъ въ посконныхъ кафтаняхъ. Вывозъ веревокъ и канатовъ съ 1,3 мил. уменьшился на 902 тыс., а холста съ 1,3 мил. до 283 тыс. Это уменьшеніе вывоза издѣлій изъ пеньки идетъ рядомъ съ увеличившимся вывозомъ сырой пеньки и пеньковой пряжи. Иначе сказать, вмѣсто веревокъ и канатовъ, которые прежде брали отъ насъ иностранцы, они берутъ пеньку, а веревки и канаты изъ нихъ готовятъ сами.

Интересный предметъ ввоза составляютъ издѣлія и сырье, доставляемое къ намъ изъ Америки. Какъ читатель уже знаетъ, американцы отъ насъ не получаютъ ничего, а взаменъ этого «ничего» они снабжаютъ насъ слѣдующимъ: Сѣверо-американцы привозятъ къ намъ известъ и цементъ, хлопчатую бумагу и сырецъ, всякую плотничью работу, оси, косяки, рогожи и цыновки, миндаль, приправы — горчицу, сою, — сельди соленыя, вина виноградныя, шкуры всякія, желѣзо полосовое, сор-

товое, сталь, составные металлы, каанифоль (604 т. пудовъ на 1 мил. руб.), нефть сырую, неочищенную, мази для смазки машинъ (472 т. пудовъ на 1,5 мил. руб.), сурикъ, сѣрную кислоту, желѣзныи купоросъ, костяную сажу, мѣдныи и латуныи издѣлія, ручное огнестрѣльное оружіе (23 т. пудовъ на 1,0 мил. руб.), канаты, веревки и бичевки. Изъ Южной Америки идетъ только хлопчатая бумага и сырецъ. Читатель, конечно, пожелаетъ знать, кто снабжаетъ насъ южно-американскимъ сырьемъ, какъ напр., кофе, ваниль, какао, произрастающими почти исключительно въ Южной Америкѣ и, къ крайнему огорченію читателя, мы ему доложимъ, что предметы эти доставляютъ намъ пруссаки, англичане, нѣмцы изъ германскихъ владѣній и ганзеатическіе города. Сами-же мы не вступаемъ въ прямыи сношенія съ южными американцами, да и они почему-то не считаютъ для себя выгоднымъ снабжать насъ этими предметами изъ первыхъ рукъ.

Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ предыдущаго изложенія, настолько ясенъ читателю, что едва-ли его нужно пояснять. Характеръ нашихъ международныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеній нисколько не измѣнился въ послѣднее время и интеллектуальный перевѣсъ остается на сторонѣ иностранцевъ. Есть предметы, въ производствѣ которыхъ мы болѣе отстаемъ отъ иностранцевъ, чѣмъ прежде. Такъ, на нѣкоторыи новыи внутреннія потребности мы не въ состояніи отвѣтить развитіемъ соотвѣтственныхъ производствъ. Напримѣръ, устройство рельсовыхъ путей не создало соотвѣтственнаго развитія машиннаго и рельсоваго производства. Машинъ и аппаратовъ въ 1869 году было привезено почти на 17 мил., а въ 1878 году на 43 мил. Вагоновъ въ послѣдніе годы десятилѣтія привезено къ намъ значительно менѣе, но это, конечно, потому, что и требовалось ихъ менѣе. Даже ввозъ металовъ необработанныхъ усилился болѣе чѣмъ вдвое, и съ 25 мил. дошелъ до 59, а между тѣмъ мы съ гордостью говоримъ о богатствѣ своихъ желѣзныхъ рудниковъ. Ввозъ земледѣльческихъ орудій усилился въ 5 разъ, или съ 711 т. пудовъ до 3,6 мил. Даже кирпича мы стали получать изъ-за границы вчетверо больше. Въ 1869 году его было привезено на 185 тыс., а въ 1878 году на 711 т. Самую утѣшительную статью ввоза, которой дай Богъ быть еще сильнѣе, составляютъ книги, ноты, карты географическія, которыхъ въ 1869 году было привезено на 961 тыс., а въ 1878 году на 4 мил.

Впрочемъ, европейское вліяніе приходитъ къ намъ и живою струей въ видѣ личныхъ сношеній. Къ «Обзору» приложена очень интересная таблица: «О лицахъ, проѣхавшихъ че-

резъ границу за 1878 годъ. Изъ этой таблицы оказывается, что больше всего посѣтили насъ нѣмцы. Ихъ прїѣзжало въ 1878 году 404 т. человекъ, австрійцевъ посѣтило насъ 119 т. человекъ, англичанъ 3,280 человекъ, французовъ 6,000 человекъ, итальянцевъ 1,800 и румынъ 10 т. Американцевъ было не много, всего 958 человекъ. Личныя сношенія иностранцевъ съ нами за послѣднія 10 лѣтъ значительно усилились. Напримѣръ, германцевъ въ 1869 году прїѣзжало только 234 тыс. человекъ, а нынче ихъ было 404 тыс. Австрійцевъ въ 1878 году прїѣхало почти въ шесть разъ больше, чѣмъ 1869 году, англичанъ— вдвое, французовъ — втрое. Рядомъ съ этимъ шло и увеличеніе поѣздокъ русскихъ за-границу. Въ 1869 году выѣхало русскихъ 136 т., а въ 1878 году — 341 т. Вмѣстѣ съ прїѣхавшими къ намъ иностранцами, предполагая возвратъ и русскихъ, это составляетъ больше 800 т. человекъ, а въ 10 лѣтъ больше 6 мил. Шесть миліоновъ человекъ, если мысли ихъ направлены на дѣло, конечно, въ состояніи принести несомнѣнную культурную пользу и создать успѣхъ дѣлу, съ котрымъ связаны ихъ интересы. Сопоставляя цифры выѣхавшихъ и прїѣхавшихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ съ тѣми успѣхами, которыхъ достигли въ послѣднія десять лѣтъ наша промышленность и торговля, приходится заключить, что интересы всѣхъ этихъ господъ были направлены въ какую-нибудь другую сторону и что, вѣроятно, это были «знатные иностранцы» или туристы, котрымъ до русскаго умственнаго успѣха и до нашей промышленности и торговли не было никакого дѣла. Ясно до очевидности, что путемъ личныхъ сношеній европейскія идеи не входили въ окно, прорубленное въ Европу, и нашъ экономическій ростъ зависѣлъ не отъ внѣшнихъ, а отъ внутреннихъ причинъ, т. е. что въ смыслѣ умственнаго представительства Европа по-прежнему оставалась для насъ terra incognita. А извѣстно, что, какъ только мы начинаемъ полагаться на свои личныя силы и думаемъ закидать Европу шапками, мы немедленно начинаемъ пятиться назадъ и дѣйствительный прогрессъ подмѣнять китайскимъ самоуниженіемъ о себѣ.

Н. Ш.

1855—1880.

19 февраля свершилось двадцатипятилѣтіе нынѣшняго царствованія. Исполненное глубокаго внутренняго значенія, богатое важными событіями, оно составляетъ свѣтлую историческую эпоху въ жизни русскаго народа. Въ вѣнцѣ государя императора Александра II Освобоженіе крестьянъ, Гласный судъ и Земскія учрежденія составляютъ три никогда неуывдаемыхъ лавра. И въ этомъ отношеніи наша эпоха принадлежитъ вполне къ лучшимъ моментамъ русской исторіи.

Петръ I, поставившій Россію въ ряду европейскихъ государствъ, указалъ ей тотъ путь исторически-прогрессивнаго движенія, которымъ совершается мирное развитіе народовъ.

Послѣдующій историческій опытъ оправдалъ геніальную идею Петра. Чѣмъ разностороннѣе и полнѣе она прививалась къ общественному сознанію, такъ-сказать, входила въ нашу плоть и кровь, чѣмъ послѣдовательнѣе мы осуществляли ея европейскіе идеалы въ своей внутренней жизни, тѣмъ славнѣе и блистательнѣе была наша исторія извнѣ и внутри. Логическимъ развитіемъ и завершеніемъ этого великаго момента нашей исторіи было нынѣшнее царствованіе. Оно окончило подготовительную работу полтора вѣковъ, оно осуществило планы и стремленія нѣсколькихъ поколѣній, мечтавшихъ надъ тѣми реформами, которыя исполнились только въ послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Важнѣйшимъ законодательнымъ актомъ и исходной точкой всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія было освобожденіе крестьянъ. Въ томъ видѣ, какъ оно совершилось, оно составляетъ единственный фактъ въ европейской исторіи по важности социально-экономическаго принципа, положеннаго въ его основу. Когда въ общемъ собраніи государственнаго совѣта было при-

ступлено къ разсмотрѣнію проектовъ законоположенія объ освобожденіи крестьянъ, Государь Императоръ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ котораго происходило собраніе, обратившись къ членамъ, произнесъ между прочимъ:

«Предшественники Мои чувствовали все зло крѣпостнаго права и постоянно стремились, если не къ его уничтоженію, то къ постепенному ограниченію помѣщичьей власти. Съ этою цѣлью при императорѣ Павлѣ былъ изданъ законъ о трехдневной барщинѣ; при императорѣ Александрѣ, въ 1803 году, законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ; а при родителѣ Моёмъ, въ 1842 году, указъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Оба послѣдніе закона были основаны на добровольныхъ соглашеніяхъ, но, къ сожалѣнію, не имѣли успѣха. Свободныхъ хлѣбопашцевъ всего немного болѣе 100,000, а обязанныхъ крестьянъ и того менѣе. Многіе изъ васъ, бывшіе членами Совѣта при разсмотрѣніи закона объ обязанныхъ поселянахъ, вѣроятно, припомнятъ тѣ сужденія, которыя происходили въ присутствіи самого Государя. Мысль была благая и если-бы исполненіе закона не было обставлено, можетъ быть, и съ умысломъ, такими формами, которыя останавливали его дѣйствія, то введеніе въ исполненіе этого закона тогда-же во многомъ облегчило-бы настоящее преобразование».

Затѣмъ, перейдя къ изложенію началъ, на которыхъ должно свершиться освобожденіе, Государь сказалъ:

«Мы желали, давая личную свободу крестьянамъ и признавая землю собственностью помѣщиковъ, не сдѣлать изъ крестьянъ людей бездомныхъ и потому вредныхъ какъ для помѣщика, такъ и для государства. Эта мысль служила основаніемъ работъ, представленныхъ теперь Государственному Совѣту главнымъ Комитетомъ. Мы хотѣли избѣгнуть того, что происходило за границею, гдѣ преобразование совершалось почти вездѣ насильственнымъ образомъ; примѣръ этому, весьма дурной, мы видѣли въ Австріи и именно въ Галиціи; безземельное освобожденіе крестьянъ въ остзейскихъ губерніяхъ сдѣлало изъ тамошнихъ крестьянъ населеніе весьма жалкое, и только теперь, послѣ сорока лѣтъ, намъ едва удалось улучшить ихъ бытъ, опредѣливъ правильныя ихъ отношенія къ помѣщикамъ. То-же было и въ царствѣ польскомъ, гдѣ свобода была дана Наполеономъ безъ опредѣленія поземельныхъ отношеній и гдѣ безземельное освобожденіе крестьянъ имѣло послѣдствіемъ, что власть помѣщиковъ сдѣлалась для крестьянъ тяжелѣе, чѣмъ прежде крѣпостное право».

Такимъ образомъ, Высочайшая воля дала юридическую санк-

цію двумъ руководящимъ принципамъ, которые признаны краеугольными камнями соціально-экономическаго быта нашего народа.

Освобожденіе крестьянъ имѣло громадное вліяніе на послѣдующее развитіе русской жизни. Оно поставило народный трудъ въ новыя, небывалыя до того лучшія условія, и породило массу новыхъ экономическихъ, юридическихъ и гражданскихъ отношеній. Усложнившаяся жизнь расширила кругозоръ мысли, а большій просторъ мысли потребовалъ и большей свободы печатнаго слова. Такимъ образомъ, ближайшимъ послѣдствіемъ крепостной реформы было расширение правъ печати, данныхъ закономъ 6 апрѣля 1865 года.

Всей своей предъидущей дѣятельностью печать вполнѣ оправдала довѣріе новаго закона къ ея назначенію; ибо, съ одной стороны, служила лучшей выразительницей преобразовательныхъ идей и предначертаній, а съ другой, — помогала общественному сознанію въ правильномъ пониманіи характера и духа самыхъ реформъ. Въ моментъ освобожденія крестьянъ печать явилась лучшей истолковательницей основныхъ принциповъ освобожденія и вынесла на себѣ главную борьбу съ консервативнымъ общественнымъ мнѣніемъ и съ противниками этого великаго акта, которые или совсѣмъ его не желали, или же желали въ иной формѣ.

Эти двѣ коренныя реформы—освобожденіе крестьянъ и освобожденіе печати отъ цензуры—служатъ главнымъ центромъ, изъ котораго развились всѣ послѣдующія преобразованія, въ числѣ которыхъ земскія учрежденія и судебная реформа имѣютъ особенно серьезное государственно-общественное значеніе. Земское самоуправленіе дало не только сильный толчекъ развитію русской общественной мысли, но и создало нѣкоторые навыки самоуправления въ области земскаго хозяйства. Подобное-же, если только не высшее, воспитательное значеніе имѣла и судебная реформа съ институтомъ присяжныхъ и съ мировымъ институтомъ въ сферѣ юридическихъ отношеній.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти реформы не могли не встрѣтить, на пути своего развитія, уклоненій отъ основныхъ идей реформъ. Жалобы и упреки въ неумѣлости, апатичности, равнодушіи общества къ его собственнымъ дѣламъ, падали и на земство, и на гласный судъ, и на мировыхъ судей, и на мировыхъ посредниковъ. Обвинялась во многомъ и печать; но мы говоримъ не объ этихъ уклоненіяхъ — они были совершенно неизбѣжны при столкновеніи съ противо-

положными интересами; мы говоримъ о принципахъ, положенныхъ въ основу всѣхъ реформъ Высочайшей волей. Великія реформы, которыя совершились въ настоящее двадцати-пятилѣтіе, настолько велики по ихъ основнымъ идеямъ, что ихъ умалить нельзя. Подробности этихъ идей еще недостаточно выяснились для общественнаго сознанія и практическое ихъ осуществленіе не имѣло еще времени сложиться въ законченную систему, и потому на теперешній моментъ нашего соціального, экономическаго и политическаго развитія слѣдуетъ смотрѣть, какъ на основаніе будущаго вполне стройнаго государственнаго зданія. Двадцать пять лѣтъ не больше, какъ одинъ мигъ въ исторической жизни народовъ, а зрѣлость народовъ и государствъ минутой не создается. Мы, современники, переживающіе тотъ періодъ, когда противоположныя идеи комбинируются путемъ борьбы въ новый укладъ жизни, не можемъ быть безпристрастными судьями своего времени—судъ этотъ принадлежитъ исторіи. Насколько-бы онъ ни былъ строгъ къ намъ, современникамъ и участникамъ благотворныхъ реформъ, онъ отведетъ этому двадцатипятилѣтію такую-же свѣтлую страницу въ исторіи, какую отвелъ царствованію Петра I и Екатерины II. Какъ-бы документальнымъ подтвержденіемъ, исторически закрѣпляющимъ торжество *празднованія* двадцатипятилѣтія царствованія императора Александра II, является слѣдующій актъ высшаго государственнаго учрежденія: «Журналъ государственнаго совѣта»:

«Государственный совѣтъ, въ чрезвычайномъ собраніи 19-го февраля 1880 года, въ торжественный день совершившагося двадцатипятилѣтія со дня восшествія Государя Императора на прародительскій престолъ, слѣдуя сердечному влеченію, призналъ священнымъ долгомъ принести къ подножію престола Его Императорскаго Величества вѣрноподданническое поздравленіе вмѣстѣ съ выраженіемъ одушевляющихъ совѣтъ благоговѣйныхъ чувствъ признательности и преданности.

«Государственный совѣтъ, какъ ближайшій участникъ въ осуществленіи предначертаній Государя по законодательству и высшему управленію, былъ постояннымъ свидѣтелемъ трудовъ Монарха по главнымъ отраслямъ державнаго Его дѣла. Совершившіяся въ настоящее царствованіе преобразования и усовершенствованія въ законахъ, обновившія весь строй государства, являются плодами неисчерпаемой любви Его Императорскаго Величества къ Россіи и неусыпной заботливости Его облагъ ввѣреннаго ему Богомъ народа. Совѣтъ имѣлъ высокое счастье быть призваннымъ къ обсужденію и окончательной разработкѣ

законодательныхъ мѣропріятій, память о которыхъ останется неизгладимою въ лѣтописяхъ нашего отечества.

«Наиболѣе важное изъ нихъ—освобожденіе крестьянъ—возымѣло начало отъ лица Самого Государя, развивалось и созрѣло подѣ непосредственнымъ благотворнымъ руководствомъ Его Императорскаго Величества и исполнено успѣшно силою державной воли Его, встрѣченной единодушнымъ сочувствіемъ дворянства, при спокойствіи и довѣріи сельскаго населенія.

«Великое, святое дѣло совершилось. Никому не знать и не счастье, сколько крестныхъ знаменій положено за него миліонами освобожденныхъ людей, сколько теплыхъ молитвъ вознесено къ Богу, сколько горячихъ, радостныхъ слезъ оросило русскую землю. Наименованіе Освободителя, въ благодарной памяти народной неразрывно связанное съ именемъ Александра II-го, будетъ на-всегда краснорѣчивымъ простымъ свидѣтельствомъ того, что прочувствовано русскими сердцами.

«Дарованіе крестьянамъ правъ свободныхъ гражданъ и введеніе затѣмъ суда гласнаго, устнаго и равнаго для всѣхъ подданныхъ, въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, по всѣмъ отраслямъ управленія, узаконеній и улучшеній, указанныхъ отеческою заботливостію Монарха, дали странѣ новую жизнь. Россія возмужала и развилась.

«Не легокъ былъ путь, пройденный Царственнымъ Труженникомъ: не мало разнообразныхъ препонъ дано было Ему побороть. Провидѣнію не угодно было умалить славу Его дѣяній удаленіемъ отъ Него той тяготы, которая по неисповѣдимымъ путямъ Промысла бываетъ неразлучна съ трудомъ созиданія, которая величавѣе проявляетъ духъ избранныхъ Бога и сильнѣе привязываетъ къ нимъ сердца людей. На-ряду съ успѣхами и радостями представлялись трудности и ниспосылались печали. Но онѣ не смущали Его сердца, не ослабляли и не останавливали воли, благодѣющей Россіи.

«Гордое Вѣнценоснымъ своимъ Вождемъ, отечество съ молитвою торжествуетъ нынѣ двадцатипятилѣтіе Его царствованія. Стекающіяся изъ всѣхъ концовъ обширной имперіи отъ всѣхъ сословій и обществъ горячія заявленія о неизмѣнной преданности и благодарности Его Императорскому Величеству, сопровождаемая щедрыми пожертвованіями на богоугодныя цѣли, свидѣтельствуютъ о безпредѣльной любви къ Монарху Его вѣрно-подданныхъ, желающихъ добрыми дѣлами привлечь на Его главу новыя благословенія. Учрежденіе училищъ, облегченіе обремененныхъ и неимущихъ и призрѣніе страждущихъ—вполнѣ достойное чествованіе Царя-Освободителя.

«Богъ всемогущій да сохранитъ Его на многіе годы!

«Исполненный сего упованія, государственный совѣтъ положилъ представиться Государю Императору въ полномъ составѣ совѣта, для принесенія Его Императорскому Величеству, въ настоящій торжественный и радостный для отечества день, вѣрнопоподаническаго поздравленія и для выраженія чувствъ, одушевляющихъ членовъ государственнаго совѣта».

По выслушаніи журнала, Его Императорское Величество изволилъ произнести:

„Благодарю васъ, господа, за выраженіе вашихъ чувствъ. Благодарю васъ также за ваши труды. Къ прискорбію Моему, нѣтъ уже въ живыхъ многихъ изъ тѣхъ, которые участвовали въ главныхъ законодательныхъ работахъ Моего царствованія.

„Благодарю всѣхъ ближайшихъ Моихъ сотрудниковъ“, — затѣмъ, обратясь къ августѣйшему предсѣдателю государственнаго совѣта и поцѣловавъ его, Государь Императоръ изволилъ продолжать: „начиная съ тебя, перваго Моего помощника въ крестьянскомъ дѣлѣ, а также всѣхъ министровъ, бывшихъ и нынѣшнихъ, въ особенности государственнаго канцлера.

„Надѣюсь, что совѣтъ будетъ попрежнему помогать Мнѣ въ предстоящихъ еще трудахъ.

„Уповаю, что Богъ насъ не оставитъ. Молитесь вмѣстѣ со Мною, и Господь выведетъ насъ изъ того тягостнаго положенія, въ которомъ мы теперь находимся. Богъ да хранитъ всѣхъ насъ!“

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

ОЧНАЯ СТАВКА ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

I.

Въ 1295 году магометанской геджры, или, если хотите, въ 1878 году нашей эры, Ширъ-Али еще царствовалъ въ Кабуль. Это былъ, по словамъ нѣкоего автора, «могучій и гордый властитель, обладавшій тѣмъ видомъ достоинства, который почти всегда присущъ человѣку царственной крови, прошедшему черезъ длинный рядъ испытаній и несчастій. Взглядъ его былъ угрюмъ, а обычный отпечатокъ задумчивости на его отиѣченной страстями физиономіи краснорѣчиво говорилъ о тѣхъ неизгладимыхъ слѣдахъ, которые оставили въ его душѣ семейныя горести».

Онъ испыталъ жестокия превратности судьбы; но онъ сумѣлъ обратить свои несчастія въ средства для достиженія побѣды. Когда, послѣ Шайкабайскаго пораженія, казалось, все уже было потеряно, онъ собралъ своихъ приверженцевъ и тѣмъ изъ нихъ, которые отчаявались въ успѣхъ его дѣла, совѣтовалъ перейти на сторону враговъ; что-же касалось его лично, афганистанскаго эмира, онъ намѣренъ былъ бороться до послѣдняго вздоха.

Къ такой неукротимой энергіи въ немъ присоединилось великое сердце и свѣтлый разумъ. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, въ томъ числѣ англійскій и французскій. Онъ любилъ искусства и самъ подчасъ занимался поэзіей. Онъ написалъ нѣсколько любовныхъ и воинственныхъ пѣсенъ. Его сердари, или великіе вассалы, трепетали передъ нимъ. Его народъ, по природѣ своей

независимый и неукротимый, любилъ его за отвагу и мужество. Русскіе и англичане искали его дружбы. Безпокойный сосѣдъ его, киргизъ Давудъ, сильно его побаивался.

Послѣ смерти послѣдняго, Ширъ-Али задумалъ присоединить къ своимъ владѣніямъ его степи. Во время похода онъ встрѣтился съ прелестной вдовой киргиза, Эмине, которая ѣхала на арабскомъ конѣ, одѣтая въ роскошный восточный костюмъ, предшествуемая громомъ барабановъ и окруженная блестящей толпой молодыхъ хановъ въ пестрыхъ и причудливыхъ одеждахъ.

Послѣдовалъ обѣдъ въ юртѣ. На зарѣ слѣдующаго дня обѣ воюющія стороны отправились на охоту. Ужинъ отличался большимъ оживленіемъ, и Ширъ-Али, почерпая вдохновеніе въ прекрасныхъ глазахъ Эмине, которые она почти не сводила съ него, разразился граціозными поэтическими импровизаціями.

Принцесу сопровождала старая *сага*, степная колдунья. Передъ отъѣздомъ она говорила молодой вдовѣ: «Пожалѣй насъ. Бойся чужеземца, бойся англичанъ, бойся русскихъ, бойся и Кабула. Ты хороша собой: выходи замужъ».

«Берегись», говорила колдунья на другой день принцессѣ Эмине, которая, будучи христіанкой, потребовала отъ Шира-Али, чтобы онъ распустилъ свой гаремъ. Но Эмиръ не могъ этого сдѣлать, не вызвавши бунта и неудовольствія своихъ родныхъ.

Послѣ того Эмине стала худать и чахнуть, и кончила тѣмъ, что ушла въ монастырь, отказавши Шир-Али свои степи. Эмиръ, во главѣ своихъ воиновъ, сдѣлалъ набѣгъ на монастырь; онъ возвратился къ себѣ, неся, на остріи меча, великолѣпную, черную съ голубымъ отливомъ косу, косу Эмине. Зная, что эта коса должна пасть подъ ножицами, онъ не хотѣлъ допустить, чтобы ее продали какому-нибудь гератскому парикмахеру. Драгоцѣнный трофей сохранялся въ шкатулкѣ, разукрашенной золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Съ тѣхъ поръ русскіе и англичане другъ за другомъ тщетно надѣялись сблизиться съ грознымъ повелителемъ Кабула. Онъ поклался надъ своей драгоцѣнной шкатулкой въ вѣчной ненависти къ христіанамъ и ихъ дипломатіи.

Такова легенда о Ширъ-Али. Она извѣстна во всей степи и ее рассказываютъ въ юртахъ, подъ усыпляющіе звуки бандуръ, за чашкой кумыса.

Исторія прибавляетъ къ этому, что англичане, недовольные тѣмъ равнодушіемъ, съ которымъ эмиръ относился къ ихъ заискиваньямъ, возстановили противъ него враждебныя ему шайки, которыми онъ и былъ убитъ.

Это значило пустить дружбу слишкомъ далеко. Впрочемъ здѣсь

можетъ служить оправданіемъ то соображеніе, что самая дружба была не совсѣмъ безкорыстна. «Хорошо управляемый Афганистанъ, говорилъ недавно морской министръ г. Смитъ, совершенно необходимъ для безопасности Индіи... Мы искали, мы желали быть въ добрыхъ отношеніяхъ съ властителемъ этой страны... Но, къ несчастію, нѣкоторыя событія въ послѣдніе годы заставили Ширъ-Али усумниться въ честности, довѣрїи и добромъ расположеніи къ нему со стороны правительства Индіи». «Правъ онъ или нѣтъ, присовокупилъ министръ, я не буду разбирать этого. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Ширъ-Али убѣдился въ невыгодности для него всякаго союза съ Англіей. Послѣ этого намъ оставалось или доказать Ширъ-Али, что онъ ошибается, или показать ему наше могущество. Афганистанъ представляетъ собою, въ извѣстномъ направленіи, ворота въ Индію; оставить позади этихъ воротъ неизвѣстную силу, мощь которой не извѣдана, и которая всегда имѣетъ возможность двинуться сквозь проходы, ведущіе въ Индію, это значило-бы создать себѣ весьма серьезныя затрудненія. Намъ пришлось-бы въ такомъ случаѣ, для поддержанія нашего авторитета въ Индіи, прибѣгнуть къ огромной тратѣ крови и денегъ.

То-есть, другими словами: — дружба или смерть. Впрочемъ, возможно-ли положиться на дружбу властелина, царствующаго надъ группою племенъ, фанатизированныхъ общей религіей, гордыхъ своей независимостью, едва признающихъ надъ собою одно общее правительство, представляющихъ собою едва лишь зародышъ государства.

Такимъ образомъ изъ двухъ рѣшеній дилеммы осталось одно. Смерть афганскаго народа была рѣшена!

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, что находилось-бы въ разногласіи съ вѣковыми традиціями цивилизованныхъ народовъ по отношенію къ народамъ варварскимъ. Разрушеніе этого государства, которое по размѣрамъ территоріи не уступаетъ Германіи, произошло-бы, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, безъ всякаго шума, такъ что нечему было-бы и удивляться. Подобныя событія совершаются чуть не каждый день.

Случилось, однакожъ, что этотъ уголокъ земнаго шара, почти неизвѣстный, не смотря на его шестимиліонное населеніе, о которомъ никто, за исключеніемъ географовъ по профессіи, ничего не зналъ кромѣ его варварскаго имени, — этотъ уголокъ, называемый Афганистаномъ вдругъ возымѣлъ дерзость противопоставить силу насилію англичанъ и приковать къ себѣ на нѣкоторое время взгляды всего Запада.

Всѣмъ этимъ онъ обязанъ совершенно особеннымъ, внѣшнимъ обстоятельствамъ.

По волѣ судьбы, европейская политика, которая всегда такъ развязно играетъ свободой и самымъ существованіемъ нѣкоторыхъ народовъ, вдругъ увидѣла себя, въ свою очередь, и по этой именно причинѣ, на краю бездны.

Едва только берлинскому конгрессу удалось съ грѣхомъ пополамъ уладить восточный вопросъ и обезпечить на время европейскій миръ, какъ раздоръ, умиротворенный въ Константинополѣ, готовъ вновь вспыхнуть въ тѣхъ частяхъ средней Азіи, въ которыхъ водворили свое господство двѣ великія державы, Россія и Англія. Столкновеніе двухъ имперій на этой почвѣ, приходящейся между ихъ границами, казалось неизбежнымъ и всѣ не безъ опасенія ожидали этого взрыва, который, захватывая все болѣе и болѣе обширный кругъ, могъ угрожать Европѣ всеобщимъ пожаромъ.

Впрочемъ, на этотъ разъ удалось отдѣлаться одними страхами. Однако опасность только отдалена, а отнюдь не уничтожена. Напротивъ, каждый шагъ впередъ со стороны обѣихъ державъ дѣлаетъ ее все значительнѣе.

Пользуясь роздыхомъ *вооруженнаго* съ головы до ногъ европейскаго *мира*, мы намѣрены бросить взглядъ на англійскую политику въ Афганистанѣ.

II.

Разъ уже, лѣтъ сорокъ тому назадъ, Англія и Афганистанъ помѣрились силами и борьба между ними длилась около трехъ лѣтъ. Борьба была въ высшей степени упорная, кровавая, полная драматическихъ подробностей и потрясающихъ эпизодовъ.

Замѣчательно, что эта борьба въ своихъ перепитіяхъ и по своему происхожденію сильно напоминаетъ нынѣшнюю.

Достъ-Мохамедъ, отецъ Ширъ-Али, захватилъ въ то время власть и выказывалъ весьма мало охоты къ союзу съ Англіей. Этой причины было вполне достаточно для того, чтобы начать первую экспедицію 1839 года. Британское правительство собственной своей властью низложило Достъ-Мохамеда; но это вызвало сильное волненіе. Пришлось то-и-дѣло снаряжать экспедицію для усмиренія возмущавшихся народцевъ; но побѣды англійскихъ войскъ не въ силахъ были возстановить спокойствія даже на самый короткій срокъ,—такъ велика была всеобщая ненависть къ чужестранцамъ.

Наконецъ, въ 1841 году, въ Кабулѣ вспыхнуло возмущеніе. Англійскій посолъ и съ нимъ нѣсколько офицеровъ были убиты. Возмущеніе нашло себѣ грозныхъ пособниковъ въ тѣхъ самыхъ афганскихъ войскахъ, которыя состояли на жалованьи у англичанъ; въ то-же время англійскіе генералы оказались лишенными всякихъ способностей. Англійскія войска принуждены были очистить Афганистанъ. Отступление, происходившее зимой (стоялъ январь 1842 г.), при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, окончилось страшной катастрофой. Всѣ 17,000 человекъ, составившихъ англійское войско, въ числѣ которыхъ было только 5,000 способныхъ къ бою, были истреблены до послѣдняго въ Курдскомъ горномъ проходѣ, гдѣ афганцы устроили засаду. Одинъ только военный врачъ, Брайдонъ, избѣгъ гибели и принесъ вѣсть объ истребленіи войска.

Новая армія «мстительница», подъ начальствомъ генерала Полока, ворвавшись въ Афганистанъ, заставила туземцевъ дорого заплатить за ихъ патріотическое сопротивленіе. Побѣда удалась только тогда, когда главные крѣпости были срыты, а Бала-Гиссаръ, эмирскій дворецъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ цитадель Кабула сожжена.

Спокойствіе было на нѣкоторое время обезпечено. Этому не столько способствовалъ успѣхъ англійскаго оружія, сколько ловкость сэра Джона Лауренса, которому въ 1854 году удалось добиться ратификаціи договора, заключавшаго въ себѣ обѣщанія со стороны Англии и Афганистана о взаимномъ соблюденіи неприкосновенности территоріи обѣихъ сторонъ.

Эта политика невмѣшательства, которой было придано знаменитое опредѣленіе «магистральной пассивности», имѣла тотъ результатъ, что когда, въ 1857 году вспыхнуло въ Индіи возстаніе, Достъ-Мохамедъ остался вѣренъ подписанному имъ договору и не беспокоилъ англичанъ на границѣ.

Ширъ-Али, одинъ изъ двадцати-двухъ сыновей Достъ-Мохамеда, наследовалъ послѣднему въ 1863 году. Прекрасныя качества, о которыхъ мы раньше упомянули, не были единственными, какими обладалъ этотъ замѣчательный властитель. Въ годы изгнанія, проведенные отцомъ его въ Калькутѣ, онъ оставался вѣрнымъ его сотоварищемъ и не покидалъ старика ни на минуту въ эти тяжелые дни. За это время онъ получилъ солидное политическое воспитаніе. Тотчасъ по вступленіи на престолъ Ширъ-Али проявилъ обширныя государственныя способности. Афганская монархія въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до тѣхъ поръ, пока Ширъ-Али не сдѣлался полновластнымъ ея обладателемъ, представляла лишь зачатки государственной орга-

низациі; ее нельзя было считать государствомъ цѣльнымъ, управляемымъ одними законами, но скорѣе пространствомъ, раздробленнымъ на отдѣльныя владѣнія между множествомъ мелкихъ народовцевъ, почти независимыхъ одинъ отъ другаго и имѣвшихъ отдѣльныхъ князей и отдѣльное войско. Многіе изъ нихъ, какъ напримѣръ, племя патаковъ на границѣ Пенджаба, вовсе отказывались признать какого-бы то ни было главу.

Каждое владѣніе разбивалось на множество мелкихъ областей, которыя, въ свою очередь, дробились на безчисленныя общины и колѣна. Между послѣдними повсемѣстно царилъ кровавая вражда и вѣковѣчная родовая распря; такимъ образомъ, по всей странѣ шла непрерывная война, не только между отдѣльными деревнями, но даже между отдѣльными юртами.

И понынѣ во всей странѣ нѣтъ ни одной деревни или города, которые не были-бы обнесены кирпичной стѣной, такъ-что страна кажется сплошь покрытой крѣпостцами и фортами, не считая отдѣльныхъ башенъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ для прикрытія горнаго прохода или дороги въ деревню.

Большая часть земли была раздѣлена между васалами эмира или сердарями, которые, подобно средневѣковымъ европейскимъ баронамъ, обязаны были поставлять эмиру войска, набранныя изъ жителей ихъ клана. Рядомъ съ ними существовали городскіе жители, нѣчто вродѣ нашихъ прежнихъ вольныхъ городовъ, непризнававшіе обыкновенно надъ собою никакой власти; они содержали армію для себя и соединялись между собою подъ начальствомъ избраннаго сообща главы, или дѣйствовали отдѣльными шайками, составленными изъ знакомыхъ другъ съ другомъ сосѣдей.

Таково было политическое состояніе Афганистана въ тотъ моментъ, когда преемникъ Достъ-Мохамеда взялъ въ свои руки власть. Въ этомъ чисто-феодальномъ государствѣ онъ игралъ роль, подобную той, какую игралъ во Франціи король Людовикъ XI; онъ разрушалъ могущество сердарей и стремился, опираясь на полу-дисциплинированную армію, содержащую на свой собственный счетъ, создать крѣпкую и сильную централизацию.

Невѣдомый дотолѣ авторитетъ, которымъ онъ окружилъ себя, далъ ему возможность ввести въ своихъ владѣніяхъ такія учрежденія, которыхъ польза и значеніе для его сосѣдей были очень хорошо имъ оцѣнены. Между прочимъ, онъ много старался надъ тѣмъ, чтобы распространить въ своихъ владѣніяхъ расплату наличными деньгами, вмѣсто господствовавшего въ странѣ способа уплаты землей и продуктами; онъ создалъ также и почту,

которая была самымъ счастливымъ изъ его учреждений. Кромѣ этихъ мѣропріятій, доказывающихъ значительный практическій умъ, онъ проводилъ и другія, не менѣ замѣчательныя по ихъ демократическому характеру. Такъ, на примѣръ, онъ далъ народу право обращаться лично къ нему, установивъ съ этой цѣлью право личной петиціи. Иныя нововведенія отличались сомнительными достоинствами, на примѣръ, запрещеніе кабульскимъ сапожникамъ шить какую-бы то ни было обувь, кромѣ сапоговъ à l'anglais. Онъ до такой степени увлекся англоманіей, что рѣшился замѣнить удобную и просторную одежду своихъ солдатъ узкими мундирами, совершенно неподходящими къ азіатамъ. Мундиръ англійскаго солдата, сшитый изъ полосатой шерстяной матеріи, вродѣ тика, слишкомъ короткіе панталоны, перевязъ изъ сыромятной кожи, на головѣ огромные и весьма комичные колпаки, называемые *кула*, на вершинѣ которыхъ были укрѣплены ружейныя пули, — все это вмѣстѣ представляло довольно уморительный доспѣхъ, въ которомъ и Россія имѣла своихъ представителей, въ видѣ пуговиць, завезенныхъ изъ Ташкента кабульскими купцами.

Эта эпоха была апогеемъ мирнаго вліянія Англіи въ Афганистанѣ.

Въ 1869 году эмиръ отправился въ Индію, гдѣ ему былъ оказанъ самый блестящій пріемъ. Однако результатъ оказался совершенно противоположнымъ тому, какого ожидали. Проницательность эмира дала ему возможность разсмотрѣть подъ цвѣтами ловушку. Онъ понялъ, что въ союзѣ, который ему обѣщали, было гораздо больше лицемерія, чѣмъ дѣйствительнаго ручательства за хорошія взаимныя отношенія.

Внушительное величіе англійскаго могущества, вихрь празднествъ и удовольствій, въ которыя онъ былъ погруженъ, могли на минуту ослѣпить его или отвлечь его вниманіе, но не могли помѣшать ему убѣдиться въ томъ, что ему отказываютъ въ самомъ главномъ, о чемъ онъ просилъ прежде всего—въ серьезной поддержкѣ, въ гарантіи его правъ. Эмиръ унесъ съ собою обратно, въ свои горы, убѣжденіе, что ему нечего ждать отъ Англіи и что даже денежная помощь, которую ему предлагали, могла быть приобрѣтена не иначе, какъ цѣною какихъ-нибудь привилегій и болѣе или менѣ значительныхъ посягательствъ на его собственную независимость.

На одномъ только пунктѣ эмиръ настаивалъ съ особенной силой. Онъ требовалъ, чтобы ни одинъ англійскій солдатъ не имѣлъ права переступить его границы, подъ предлогомъ усмиренія его афганскихъ подданныхъ, и чтобы ему дали обязатель-

ство не назначать европейскихъ офицеровъ, въ качествѣ резидентовъ въ афганскіе города. Ширъ-Али помнилъ слова, сказанныя въ 1856 году отцомъ его Достъ-Мохамедомъ лорду Лауренсу: «Если вы хотите, говорилъ онъ, чтобы мы остались добрыми друзьями, не навязывайте мнѣ англійскихъ офицеровъ».

Вице-король далъ съ своей стороны формальное согласіе на это желаніе афганскаго повелителя.

Однако-жъ, въ 1873 году, послѣ занятія Хивы русскими, британское правительство пожелало послать своего офицера для осмотра сѣверной границы Афганистана. Эмиръ отказалъ, и сосѣди его не замедлили усмотрѣть въ этомъ отказѣ признакъ сближенія съ Россіей.

Уже нѣсколько лѣтъ Англія внимательнымъ взоромъ слѣдила за непрерывными успѣхами Россіи въ средней Азій. Владѣнія обѣихъ державъ оказывались отдѣленными одни отъ другихъ только Афганистаномъ. Это неизбежно повлекло за собою борьбу изъ-за вліянія на царствующаго въ Кабулѣ государя.

Англійская дружба становилась все болѣе и болѣе требовательной, а эмиръ все менѣе и менѣе уступчивъ. Когда послѣдній оказалъ неуваженіе своимъ отказомъ воспользоваться денежной суммой, предоставленной въ его распоряженіе въ обмѣнъ на нѣкоторыя двусмысленныя предложенія, индійское правительство дало почувствовать, что оно сильно обижено. Отношенія сдѣлались натянутыми и положеніе вещей угрожало значительнымъ ухудшеніемъ.

Стало яснымъ, что съ политикой невмѣшательства дѣло кончено. Мирная система лорда Лауренса подвергалась ѣдкой критикѣ и надоѣла всѣмъ. То, что прежде называли «магистральной пассивностью», было переименовано въ «роковую пассивность». Вѣтеръ рѣшительно перемѣнилъ направленіе и англійская политика на востокъ вступила въ свою обычную колею.

III.

Когда лѣтомъ 1878 г. британское правительство узнало объ отправленномъ туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ посольствѣ, оно тотчасъ-же рѣшило отправить посольство и съ своей стороны; эмиръ былъ увѣдомленъ письмомъ вице-короля объ этомъ посольствѣ, во главѣ котораго стоялъ сэръ Невилль Чамберленъ.

Набобъ Голамъ-Хусейнъ-Ханъ, туземецъ, состоявшій на англійской службѣ, которому было поручено отвезти помянутое

письмо, увѣряя, что его приняли хорошо, и вообще изъ его донесеній никакъ нельзя было заключить о рѣшительномъ отказѣ принять посольство. Тѣмъ не менѣе, послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ ожиданіи, индійское правительство рѣшило, что оно не можетъ дозволить, чтобы его посолъ стоялъ на границѣ, пока эмиру не заблагоразсудится дать свой отвѣтъ, и сэръ Невилль Чамберленъ тронулся въ путь, сопровождаемый всѣмъ персоналомъ посольства, которому предшествовали пятьдесятъ копій и котораго эскортировали сто сабель и пятьдесятъ штыковъ.

Остановившись на разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ прохода Киберъ, глава посольства отправилъ туда маіора Каваньяри, давши ему въ проводники начальниковъ сосѣднихъ и киберійскихъ племенъ, уже развращенныхъ англійскимъ золотомъ.

Пройдя нѣсколько верстъ и приблизившись къ форту Али-Муссидъ, маіоръ Каваньяри отправилъ къ Фаизъ-Мохамеду курьера, съ приглашеніемъ явиться для переговоровъ. Онъ выразилъ надежду, что афганскій начальникъ приметъ посольство дружески и дастъ ему свободный пропускъ, а также доставить необходимую провизію. Фаизъ-Мохамедъ отвѣчалъ, намекая на киберійскихъ вождей, перешедшихъ на сторону англичанъ, что подкупъ подданныхъ эмира, съ той цѣлью, чтобы они, вопреки волѣ своего повелителя, пропустили чужеземцевъ чрезъ горный проходъ, никакъ не можетъ быть названъ выраженіемъ дружбы. Онъ предлагалъ подождать нѣсколько дней до подученія отвѣта изъ Кабула и прибавилъ къ этому, что, не имѣя точныхъ инструкцій отъ эмира, онъ не можетъ пропустить посольство и, въ случаѣ крайности, не преминетъ пустить въ ходъ вооруженное сопротивленіе.

Во все время переговоровъ афганскій начальникъ велъ себя совершенно прилично и обѣ стороны разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Въ дѣйствительности-же война была уже объявлена тѣмъ самымъ фактомъ, что вооруженная сила англичанъ вступила на афганскую територію. Эмиръ съ перваго-же момента убѣдился въ затруднительности положенія и въ желаніи со стороны британскаго правительства начать новую борьбу. Онъ поспѣшилъ немедленно созвать на *дурбаръ* или великій совѣтъ главныхъ вождей подчиненныхъ ему племенъ. Предприняты были особенныя приготовленія для того, чтобы придать полную торжественность этому совѣщанію, отъ котораго могла зависѣть дальнѣйшая участь всего афганскаго царства. Были заготовлены многочисленныя палатки для приѣма делегатовъ отъ разныхъ пле-

мень, собравшихся въ числѣ двухсотъ пятидесяти человекъ. Когда все было подготовлено, старый эмиръ въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты, прибылъ на совѣтъ и былъ встрѣченъ съ энтузіазмомъ всѣми присутствовавшими. Совѣту предстояло извѣстить народъ о предстоящей борьбѣ съ «рыжими разбойниками» и обсудить вопросы относительно военнаго бюджета страны, распредѣленія боевыхъ силъ и заготовки провіанта и фуража.

Предложивъ совѣту обсудить, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, всѣ вопросы административнаго свойства и по распредѣленію войскъ, эмиръ указалъ затѣмъ тѣ главныя цѣли, какія слѣдовало предназначать себѣ при этой борьбѣ. Послѣ того онъ прибавилъ твердымъ и звучнымъ голосомъ: «теперь возвратитесь къ вашимъ братьямъ, наточите ваши мечи и копья и осѣдлайте вашихъ коней, чтобы быть готовыми выступить въ походъ немедленно, какъ только я позову васъ на борьбу съ врагами нашей отчизны».

Въ приказѣ по войскамъ, отданномъ въ мѣсяцъ «шаваль» 1295 года геджры (1878), онъ объявилъ, что онъ, эмиръ никогда, безъ законной причины, не нападалъ на сосѣднія земли, какъ это дѣлаютъ теперь англичане; что всѣ воины — дѣти его и потому защищать его — ихъ прямая обязанность; что они должны съ негодованіемъ отнестись ко всякой попыткѣ подкупить ихъ золотомъ, къ которой способны прибѣгнуть ихъ враги.

Собраніе афганскихъ улемовъ обнародовало, съ своей стороны, прокламацію такого содержанія:

«Англичане собираются вторгнуться въ Афганистанъ для того, чтобы отмстить за свои прошлыя неудачи, которыхъ они до сихъ поръ не могутъ забыть. Сражаться съ этими чужеземцами, которые, въ случаѣ побѣды, истребятъ нашихъ женъ и дѣтей, есть священная обязанность всѣхъ, а не однихъ только мусульманъ. Преступно принимать что-бы то ни было отъ невѣрныхъ, которые не приминутъ при настоящихъ обстоятельствахъ прибѣгнуть къ своей излюбленной системѣ подкупа. Кто падетъ въ битвѣ противъ невѣрныхъ, тотъ пойдетъ прямо въ рай; кто останется въ живыхъ, будетъ покрытъ неуваждаемой славой. Трусу, который бѣжитъ, позоръ въ этой жизни и адскія муки въ будущей».

Между тѣмъ, британскія войска вторгались въ Афганистанъ, увѣряя его населеніе, что ея величество, всемилостивѣйшая императрица Индіи, не имѣетъ ничего противъ афганскаго народа, а только противъ одного эмира. Обильно расточаемое англійское золото вводило многихъ въ соблазнъ. Вожди нѣкоторыхъ племенъ вошли

въ переговоры съ врагами и продадимъ свой союзъ за деньги. Въ разныхъ мѣстахъ начались волненія; возстаніе разросталось и мало-по-малу охватило, какъ пожаръ, всю страну. Покинутый войсками, окруженный врагами и измѣнниками, старый эмиръ увидѣлъ себя вынужденнымъ бѣжать въ Туркестанъ, гдѣ и былъ умерщвленъ по проискамъ англичанъ. Послѣ этого великодушный Джонъ Буль для того, безъ сомнѣнія, чтобы представить новое доказательство добраго расположенія правительства королевы къ эмиру, раздавилъ во имя его мятежныя племена и утопилъ въ крови остатки того самаго возмущенія, которое было имъ-же самимъ вызвано.

Тѣмъ временемъ сынъ умершаго эмира, Якубъ-Ханъ, возмущенія котораго Ширъ-Али неоднократно пришлось подавлять и которому передъ тѣмъ только-что удалось бѣжать изъ тюрьмы, успѣлъ соединить около себя нѣсколько племенъ и поспѣшилъ войти въ сношенія съ непріателемъ. 28 февраля особый посланецъ привезъ отъ него въ Джелалабадъ слѣдующее странное письмо:

«Со времени послѣдняго моего письма, у насъ въ Кабулѣ получена вѣсть о смерти моего отца, послѣдовавшей 21 февраля. Такъ-какъ отецъ мой былъ всегда другомъ англійскаго правительства, то я и сообщаю объ этомъ въ доказательство дружбы».

Правительство ея британскаго величества было тронуту такимъ доказательствомъ и, перенеся на этого любезнаго сына тѣ чувства испытанной дружбы, которыя питало къ отцу, оно признало его повелителемъ страны и помогло ему расширить свое вліяніе.

Послѣ этого маіоръ Каваньяри былъ отправленъ къ новому эмиру, чтобы продиктовать ему условія мира.

Англія не требовала ни одной копѣйки контрибуціи и ни одной пяди территоріи. Она домогалась только права занять проходы Киберъ и Мишни, права управленія долинами Курумъ Сиби и Писинъ, съ предоставленіемъ эмиру всего избытка доходовъ съ этихъ мѣстностей за вычетомъ расходовъ по ихъ администраціи; кромѣ того право располагать англійскія войска всюду, гдѣ это признано будетъ нужнымъ. Независимость эмира безусловно признавалась; только онъ обязывался впредь въ своихъ сношеніяхъ съ сосѣдями и пограничными племенами во всемъ согласоваться съ инструкціями британскаго правительства. А для того, чтобы руководить его, какъ правителя, при кабульскомъ дворѣ будетъ имѣть постоянное пребываніе англійскій резидентъ; такихъ-же резидентовъ Англія имѣетъ право держать въ Гератѣ, Кандагарѣ и другихъ городахъ Афганиста-

на. За все это эмиру предлагали ежегодную субсидію въ 120,000 фунтовъ стерлинговъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ соблюдать эти условія. Вотъ, что такое гандамакскій трактатъ.

Трудно рѣшить, чему болѣе удивляться въ этомъ достопамятномъ документѣ:—умѣренности-ли его основъ, или предупредительности, которая, по словамъ англичанъ, имѣла цѣлью избавить афганскаго повелителя отъ тяготы административныхъ, политическихъ и военныхъ заботъ, оставивъ ему всѣ выгоды, въ видѣ постоянныхъ доходовъ, увеличенныхъ еще ежегодной субсидіей, безъ неудобствъ территориальнаго обладанія.

Эмиръ былъ-бы ужъ черезчуръ требователенъ, еслибъ не удовлетворился этимъ. Итакъ договоръ былъ заключенъ и миръ, казалось, обезпеченъ. Тѣсныя, дружественныя отношенія съ союзной націей были восстановлены. Повелитель ея былъ осыпанъ знаками расположенія. Въ столицѣ поселился посолъ съ блестящею свитой. И вдругъ неожиданный случай въ одинъ моментъ опрокидываетъ всѣ планы англичанъ и даетъ дѣлу непредвидѣнный оборотъ. Часть арміи возмущается противъ эмира, нападаетъ на него, осаждаетъ посольство и убиваетъ посла и всю его свиту.

IV.

Когда въ прошломъ сентябрѣ было получено извѣстіе объ убійствѣ, жертвами котораго сдѣлались маіоръ Каваньяри и его свита, раздался общій крикъ негодованія; проклетія посыпались со всѣхъ сторонъ на афганскій народъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто осмѣлится отрицать, что покушеніе на личность посланника представляетъ собою самое кровавое оскорбленіе, призывающее на головы виновныхъ общественное мщеніе?

Однакожь, раздались голоса, между которыми слѣдуетъ упомянуть «Fortnightly Review»,—голоса, поставившіе передъ Англіей слѣдующіе вопросы:—можно-ли разсматривать афганскій народъ, какъ составляющій совершенно устойчивое государство, прочное въ своихъ основахъ и управленіи, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ явились англичане, такъ усердно сѣявшіе вездѣ раздоръ и деморализацію; въ какой мѣрѣ убитый посланникъ въ дѣйствительности представлялъ собой мирнаго, и, въ силу этого, неприкоеновеннаго представителя дружественной націи, при другой независимой націи. Указывали на бывшую передъ тѣмъ войну, на вторженіе въ страну, и на послѣдовавшій за нимъ, ненавистный для всѣхъ трактатъ, согласіе на который было вырвано силою и подкупомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы быть вѣстникомъ дружбы и мира, не явилось-ли англійское посольство скорѣе авангардомъ вторгающейся въ страну арміи, а посолъ—военачальникомъ, которому было поручено предписать условія и утвердить господство, подъ постоянной угрозой этой арміи, все время остававшейся на территоріи? Не проявилось-ли въ этомъ случаѣ традиціоннаго сопротивленія афганцевъ противъ чужеземнаго ига и всякаго вмѣшательства въ ихъ дѣла? Между многочисленными племенами страны можно-ли указать хоть на одно, за исключеніемъ пограничныхъ Белуджій, которое-бы когда-либо признавало англійское господство, или хотя-бы просто пустило къ себѣ хоть одного англичанина, даже съ цѣлью научныхъ изысканій? Такъ ревниво-чувствителенъ этотъ народъ по отношенію къ своей независимости!

Это до такой степени вѣрно, что всѣ свѣденія, какія англичане могли имѣть о странѣ, получены ими, благодаря изысканіямъ отрядовъ военныхъ топографовъ, которые сопровождали армію въ походахъ противъ упомянутыхъ племенъ или чрезъ посредство нѣкоторыхъ офицеровъ, которымъ, изрѣдка въ мирное время, удавалось перейти чрезъ границу. Всевозможныя средства пускались въ ходъ для того, чтобы сломить эту ревнивую скрытность афганцевъ по отношенію къ ихъ сосѣдямъ въ Индіи. Имъ предоставляли совершенно свободно разгуливать по англійской территоріи, позволяли торговать на базарахъ англійскихъ городовъ, ихъ принимали на службу въ туземные полки. Но ничто не помогало. Афганцы не прочь были пользоваться предоставленными льготами и даже поступали на разныя должности, щедро оплачиваемыя правительствомъ ея британскаго величества. Но этимъ и ограничивались всѣ ихъ уступки; они никогда не проявляли полной взаимности и всякій англичанинъ, переступившій чрезъ горную цѣпь, лежащую на границѣ обѣихъ странъ, становился смертельнымъ врагомъ афганскаго населенія.

Какъ только гандамакскій трактатъ сдѣлался извѣстнымъ въ странѣ, всякій кто хоть сколько-нибудь зналъ Афганистанъ, не могъ сомнѣваться относительно его результатовъ. Утверждали, что этотъ трактатъ—мертвая буква, что эмиръ, поддерживаемый Англійей, при всемъ своемъ желаніи и при всей своей власти, какъ-бы велика ни была послѣдняя, не въ силахъ будетъ выполнить условій, навязанныхъ наслѣдственнымъ врагомъ, что народъ низвергнетъ такого эмира вмѣстѣ съ его трактатомъ и, что, наконецъ, общественное мнѣніе заклеитъ его именемъ измѣнника и труса. Заставить труса подписать какой-бы то ни

было позорный договоръ или заставить принять такой-же договоръ гордый и независимый народъ—это двѣ вещи разныя, какъ многіе справедливо замѣчали въ то время.

Посылать, говорили тогда, въ это населеніе, трепещущее подъ игомъ, одушевленное фанатической ненавистью, терзаемое враждой партій, посылать туда, къ этому непрочному властелину, который не можетъ даже вполнѣ положиться на свою дворцовую гвардію, посланника, не болѣе-ли это преступно, чѣмъ смѣшно? И при такихъ условіяхъ выбрать для этой мисіи англійскаго офицера, снабдить его вооруженнымъ эскортомъ, болѣе чѣмъ достаточнымъ для возбужденія страстей, но совершенно недостаточнымъ для защиты жизни посланника, не равносильно-ли это вызову? Невозможно придумать лучшаго предлога для начатія войны.

Съ этой точки зрѣнія были приняты всѣ мѣры. Искупительной жертвой назначили офицера, воинственный характеръ котораго, равно, какъ и его эскорта, былъ хорошо извѣстенъ. Для его мѣстожителства избрали городъ, гдѣ отвращеніе къ европейцамъ живѣе, чѣмъ гдѣ-либо, гдѣ жизнь европейца не можетъ быть гарантирована ни на одинъ часъ и гдѣ авторитетъ самого эмира не можетъ служить надежной защитой.

V.

Такъ высказывались нѣкоторые органы англійской печати, разумѣется, неимѣющіе официальнаго значенія. А правительство королевы продолжало, напротивъ, увѣрять въ чистотѣ и законности своихъ намѣреній. Оно отрекалось отъ всякой мысли о завоеваніяхъ. Нужно было совершить возмездіе за преступленіе. Такъ-какъ глава государства не въ силахъ былъ сдѣлать этого самъ, да притомъ-же и собственная его персона находилась подъ угрозой возмутившихся племень, то добрые друзья его англичане, не могли не придти къ нему на выручку и не предложить ему своего благосклоннаго содѣйствія...

Но такъ-какъ правительство всемиловѣйшей поведительницы не умѣетъ бросать дѣла на половинѣ, то въ пылу великодушія оно и послало одинъ полкъ за другимъ. Весь сѣверо-западъ Индіи былъ лишенъ войскъ и припасовъ въ пользу дружественной націи. Расходовались миліоны за миліонами. Экспедиція, отправленная съ цѣлью подавленія мятежа и восстановленія порядка, начинала принимать характеръ вооруженнаго вторженія и завоеванія. По крайней мѣрѣ, легко было впасть въ

такое заблужденіе и афганцы впади въ него, потому что, по мѣрѣ движенія впередъ англійской арміи, становилось яснымъ, что ей предстоитъ война, едва-ли менѣе ужасная, чѣмъ бывшая сорокъ лѣтъ назадъ. Мятежныя шайки превратились въ правильное войско; онѣ оказали отчаянное сопротивленіе и дѣлали вообще все то, что способна сдѣлать полу-вооруженная и полу-цивилизованная раса горцевъ для защиты своихъ жилищъ и своей свободы.

Войска ея величества быстро подвигались впередъ, когда не приходилось отступать. Онѣ выдержали изрядное количество сраженій, изъ которыхъ офиціальныя телеграммы сдѣлали столько-же и побѣдъ, и учинили еще больше глупостей, чѣмъ побѣдъ. Такъ, однажды генералъ Робертсъ попался, какъ школьникъ, и отрядъ его былъ весь вырѣзанъ; въ другой разъ, вмѣсто прямой и безопасной дороги, онъ избралъ длинный обходъ черезъ враждебныя мѣстности, таща за собой огромный конвой по неизвѣстнымъ дорогамъ, по проходамъ между высокихъ скалъ. Разъ онъ вынужденъ былъ покинуть Бала-Гисаръ и забыть помѣстить въ безопасное мѣсто припасы и деньги; эта неосторожность дала врагу недостававшія ему средства начать новый походъ.

Но въ-концѣ-концовъ, милостію божіею, какъ гласила прокламація Робертса, англійская армія, а въ лицѣ ея европейская цивилизація восторжествовала надъ азіятскимъ варварствомъ. Торжество было освѣщено, вмѣсто бенгалскихъ огней, заревомъ пожаровъ и самыми омерзительными, кровавыми сценами. Съ одной стороны, полу-дикари, защищающіе до послѣдняго издыханія свои жилища и свободу; съ другой — тоже полу-дикари, подъ начальствомъ благородныхъ джентльменовъ, которые исполняютъ въ этой войнѣ скорѣе роль полицейскихъ и палачей, чѣмъ честныхъ солдатъ, которые хладнокровно душатъ плѣнныхъ послѣ битвы, толпами привязываютъ ихъ къ пушкамъ, вѣшаютъ ихъ на первомъ попавшемся деревѣ, разстрѣливаютъ и сбѣгаютъ ихъ сотнями, срываютъ ихъ жилища, доканчиваютъ раненыхъ или, по крайней мѣрѣ, хвастаются этимъ.

Таковы привычки англійскихъ офицеровъ въ войнахъ этого рода. А по начальникамъ уже можно судить о солдатахъ. Армія всемилостивѣйшей повелительницы Индіи состоитъ на двѣ трети изъ туземцевъ. Путемъ самой строгой дисциплины едва удается сдерживать эти дикія натуры. Но на поляхъ битвъ первобытные инстинкты живо вступаютъ въ свои права, и если слова команды вмѣсто того, чтобы сдерживать ихъ, напротивъ, возбуждаютъ ихъ и поощряютъ примѣромъ, то можно себѣ во-

образить, до какихъ геркулесовскихъ столбовъ доходятъ проявленія этихъ звѣрскихъ наклонностей.

Лагорская «Civil and military Gazette» публиковала недавно письмо одного хирурга, состоящаго при кабульскомъ экспедиціонномъ корпусѣ, въ которомъ содержатся скромные намеки на жестокости, совершенныя во время сраженія при Харазьябѣ.

Произведено было слѣдствіе и вотъ что оказалось возможнымъ офиціально обнародовать.

Нѣсколькихъ человѣкъ изъ гуркасовъ видѣли наклонившимися надъ ранеными афганцами, которые лежали на землѣ; нѣсколько минутъ спустя послѣ того на широкихъ одеждахъ афганцевъ появился огонь и подлѣ ихъ обугленныхъ труповъ нашли коробочки изъ-подъ спичекъ. Надо сказать, что гуркасы, происходящіе изъ Непала, знаютъ изъ догматовъ своей собственной религіи, въ какой мѣрѣ магометане опасаются всякой случайности, могущей произойти съ трупомъ умершаго. Какъ и всѣ послѣдователи Магомета, афганцы вѣрятъ, что тѣло должно оставаться цѣлымъ для того, чтобы душа могла достигнуть рая. Значить, гуркасы порѣшили не только истребить ихъ противниковъ въ этомъ мірѣ, но и лишить ихъ будущей жизни. Сжигая ихъ, они загораживали имъ дорогу въ рай.

Фактъ этотъ, возвѣщенный съ трибуны парламента, вызвалъ со стороны министра отвѣтъ, что «они были почти уже мертвы».

Если другіе факты подобнаго рода и не были преданы гласности, то удивляться тутъ нечему, принимая въ расчетъ тѣ стѣсненія, которымъ подвергаются представители прессы на поляхъ битвъ и, благодаря которымъ, посылка корреспонденцій является весьма затруднительной. Никакая новость не можетъ появиться въ публикѣ иначе, какъ пройдя предварительно чрезъ военную цензуру.

Если прибавить къ сказанному, что тотъ полкъ, которымъ было совершено упомянутое варварство, слыветъ за наилучше дисциплинированный во всей англо-индійской арміи, то, разумѣется, публикѣ прійдется ожидать съ часу на часъ еще болѣе странныхъ разоблаченій, по мѣрѣ того, какъ подробности похода будутъ все болѣе и болѣе выясняться.

VI.

Наконецъ, дѣло покончено. Телеграфъ извѣщаетъ насъ, что Кабуль находится въ рукахъ англичанъ и что послѣдніе остатки мятежныхъ шаекъ разбѣяны. Послѣ рѣзни начинаются дѣла

милосердія. Прислушаемся повнимательнѣе къ тому, что говорится въ прокламаціяхъ и приказахъ, исходящихъ изъ главнаго штаба.

«Британское правительство, возвѣщаетъ генераль Робертсъ, имѣть право разрушить Кабуль до основанія. Однакожь, городъ будетъ пощажень; но примѣрное возмездіе неизбѣжно. Въ силу этого, тѣ части города, которыя сопротивлялись занятію Бала-Гисара будутъ немедленно срыты и обложены тяжелой пенею. Кабуль и окрестности его на десять миль кругомъ будутъ объявлены на военномъ положеніи... Такое наказаніе всего города не освобождаетъ отъ отвѣтственности отдѣльныхъ личностей. Оцѣнена голова каждаго, кто сражался противъ англійскихъ войскъ послѣ 3-го сентября». Самыя щедрыя награды предлагались за поимку офицеровъ афганской арміи».

Угрозы не пропали даромъ. По приказу главнокомандующаго введена система преслѣдованій не только въ самомъ Кабулѣ, но и во всей окрестной территоріи; и не только противъ тѣхъ, кто участвовалъ въ нападеніи на англійское посольство, но и тѣхъ, кто принималъ участіе въ защитѣ своей страны.

Донесеніе отъ 29 октября гласило, что «судъ надъ плѣнниками производится ежедневно; всѣ избличенные подвергаются немедленному повѣшенію».

«Всѣ деревни въ окрестностяхъ Кабула враждебны намъ, сказано въ одной телеграммѣ; никакой пощады тому, кого избличаютъ въ сопротивленіи нашимъ войскамъ. Всѣ взятые въ плѣнъ во время сраженій разстрѣливаются».

Тѣхъ, кто участвовалъ въ нападеніи на посольство разстрѣливаютъ, либо вѣшаютъ; тѣхъ, кто стрѣлялъ въ англійскія войска тоже разстрѣливаютъ и вѣшаютъ; вѣшаютъ тѣхъ, кто сражался въ рядахъ непріятели, вѣшаютъ всѣхъ, кто принималъ какое-либо участіе въ защитѣ; вѣшаютъ тѣхъ, кто возбуждалъ къ сопротивленію; вѣшаютъ тѣхъ, кого взяли въ жилищахъ, наравнѣ съ тѣми, кто взятъ на полѣ битвы; вѣшаютъ по доносу, вѣшаютъ по подозрѣнію, вѣшаютъ за каждый проступокъ, подходящій къ законамъ военнаго времени, или вызывающій политическую месть; вѣшаютъ по суду и вѣшаютъ безъ суда; вѣшаютъ людей единственно за то, что имена ихъ находились въ нѣкоторыхъ полковыхъ спискахъ; вѣшаютъ начальниковъ-хотлаховъ (жрецовъ) за проповѣдь религіозной войны и выдачу фанатикамъ священныхъ знаменъ; вѣшаютъ деревенскаго священника, посовѣтовавшаго жителямъ порвать телеграфную проволоку. Котваль тоже повѣшенъ и трупъ его поруганъ за то, что онъ послалъ въ Кабуль прокламацію, съ цѣлью созыва ма-

гометанъ на битву при Хоразьябѣ. Владѣтель, другъ всемило- стивѣйшей повелительницы, держится подъ арестомъ по подо- зрѣнію въ томъ, что онъ не былъ чуждъ нападенію на посоль- ство. Въ ожиданіи суда надъ нимъ, имущество его секвестро- вано, а дворецъ разграбленъ и разрушенъ. И все это происхо- дило въ то время, когда вооруженнаго сопротивленія уже не было.

Однакожь, наступилъ часъ, когда гуманность вступила въ свои права. Провозглашена была амнистія; подумаемъ надъ ея выраженіями. Она касалась «всѣхъ тѣхъ, кто сражался противъ англичанъ послѣ 3 сентября, съ условіемъ, чтобы они выдали свое оружіе британскимъ властямъ. Тѣ, кто воспользуется этими условіями, могутъ спокойно вернуться къ своимъ домамъ». Теперь рассмотримъ изъятія. «Амнистія не распространяется ни на тѣхъ солдатъ, которые обвиняются въ нападеніи на по- сольство, ни на всѣхъ тѣхъ, у кого окажутся какія-либо вещи, принадлежавшія посольству, ни на тѣхъ, которые окажутся ви- новными въ возбужденіи войскъ или толпы противъ англичанъ. Съ такими людьми будетъ поступлено безъ всякой пощады, какъ съ бунтовщиками».

Бунтовщики! Вотъ оно великое слово, которое все объяс- няетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, генералъ Робертсъ весьма кстати вспом- нилъ, что стоитъ только слово «война» замѣнить словами: «возстаніе» или «бунтъ» для того, чтобы придать самымъ кро- вавымъ репрессаліямъ внѣшній видъ законности. Онъ имѣлъ опору въ примѣрахъ многихъ европейскихъ націй, которыя въ случаяхъ внутреннихъ волненій прибѣгали къ этимъ словамъ для того, чтобы прикрыть ими всякія репрессивныя мѣры и оправдать всякое злодѣйство.

Это слово «бунтовщикъ» не имѣетъ себѣ подобнаго; оно превосходитъ даже знаменитое «sans dot» Гарпагона, котораго достаточно было для объясненія столькихъ вещей. Это настоя- щій талисманъ. Оставьте его — и вы опуститесь ниже послѣд- няго краснокожаго. Призовите его на помощь — и вы станете на высоту самой цивилизованной націи. Для того, чтобы вар- варство сдѣлалось гуманностію, чтобы преступленіе обрати- лось въ добродѣтель, а убійство стало правосудіемъ и обратно, достаточно одной прокламаціи главнокомандующаго и въ этой прокламаціи одного слова: «бунтъ».

Бунтовщики противъ кого? Противъ взятаго въ плѣнъ го- сударя, имущество котораго разграблено, а дворецъ разрушенъ и котораго только ради того избавятъ отъ висѣлицы, чтобы

сослать его въ глубину Индіи? Это значило-бы пустить фикцію слишкомъ далеко. Но въ такомъ случаѣ, противъ кого-же? Противъ правительства императрицы-королевы? Но простой здравый смыслъ противится тому, чтобы видѣть въ немъ что-либо иное, кромѣ вторгающагося чеприятеля. Но нужды нѣтъ. Оказывается даже вполне приличнымъ, чтобы тотъ, кто пришелъ и разрушилъ организацію и правительство, существовавшія до этого въ странѣ, сдѣлался-бы самъ законнымъ правительствомъ, а тѣ, которые оказали народное сопротивление вооруженному врагу, кто защищаль свою жизнь и свою родину,—сдѣлались злодѣями и бунтовщиками.

Такъ и будетъ, потому что значеніе и престижъ индійской имперіи требуетъ разрушенія афганскаго государства; потому что афганцамъ можетъ въ одинъ прекрасный день придти фантазія перевалить черезъ горные проходы, ведущіе въ Индію; потому что англійская територія слишкомъ обширна, а териториальныя военныя силы слишкомъ ничтожны, слишкомъ разсѣяны, въ сравненіи съ границей, которую имъ приходится охранять; потому что малочисленность можетъ быть вознаграждена только объемомъ дѣятельности; потому что, другими словами, не имѣя возможности въ дѣйствительности покорить страну, нужно ее терроризировать, разливая повсюду огонь и рѣзню; потому, наконецъ, что цѣль оправдываетъ средства, и такъ-какъ цѣль заключается въ завоеваніи, то и средства не могутъ показаться не хорошими; наконецъ, потому еще, что такова была постоянная политика Англій при всѣхъ ея завоеваніяхъ въ отдаленныхъ странахъ. Да и есть-ли для современной политики другое право, кромѣ права силы. И существуетъ-ли въ настоящее время гдѣ-либо какое-нибудь другое право?

VII.

И въ Англій, и въ Афганистанѣ, въ рядахъ британскихъ войскъ и между мѣстными туземцами, каждый съ боязливымъ беспокойствомъ спрашиваетъ себя: что-же, наконецъ, выйдетъ изъ этой новой кампаніи?

Успокоеніе страны только кажущееся. «Дѣла здѣсь все еще не устроились, извѣщаетъ одна недавняя телеграмма изъ Кабула. Дѣлаютъ всевозможныя усилія для того, чтобы при помощи дружественныхъ сердарей установить въ городѣ мирное правительство и водворить спокойствіе въ провинціяхъ. До настоящаго времени все обстояло благополучно; но невозможно ска-

зять, долго-ли такъ будетъ. Во всякій моментъ можно ожидать вооруженнаго возстанія и можно почти навѣрное утверждать, что оно послѣдуетъ тотчасъ, какъ только растаетъ снѣгъ.

Отсрочка правительственнаго сообщенія о томъ, какой политики намѣрено оно держаться, способствуетъ продолженію безпокойствъ и волненій. Недовольство всеобщее; жалобы слышатся какъ въ рядахъ англичанъ, такъ и между туземнымъ населеніемъ. Сердари парализованы неопредѣленностью положенія и стало въ высшей степени затруднительно найти людей, которые согласились-бы выдвинуться впередъ и начать дѣйствовать за одно съ англичанами, когда имъ хорошо извѣстно, что такимъ образомъ дѣйствій они привлекутъ на себя немедленное мщеніе афганцевъ, вслѣдъ за уходомъ окупационныхъ войскъ.

Индусское населеніе, въ рукахъ котораго находится почти вся торговля Кабула, имѣло до сихъ поръ мало причинъ радоваться новому появленію въ странѣ Англичанъ. Ихъ сообщничество съ врагомъ было наказано грабежомъ и всякими насиліями, послѣ вторичнаго занятія города туземцами. Кромѣ того ими была сдѣлана большая часть доносовъ, служившихъ предлогами къ безчисленнымъ повѣшеніямъ по приказанію генерала Робертса. Стало быть, они должны быть готовы къ такимъ-же приключеніямъ, какимъ были подвергнуты въ 1842 году, послѣ ухода англійской арміи. Ихъ убивали тысячами и послѣ того, какъ страсти улеглись, имъ только путемъ страшныхъ униженій и денежныхъ подачекъ вліятельнымъ сердаріямъ удалось удержаться въ странѣ.

Съ другой стороны военное положеніе продолжаетъ быть злобой дня для главной квартиры.

Магометъ-Янъ очень популяренъ между Афганцами; солдаты его безропотно переносили жестокія страданія и не откажутся отъ этого и впредь, если онъ соединитъ ихъ вокругъ себя. Они не хотятъ признать своей неудачи и увѣряютъ, что они загнали англичанъ въ Ширпуръ и только потому не могли ихъ оттуда вытѣснить, что у нихъ не было пушекъ. Они рассчитываютъ запасться на будущій разъ получше.

Ширпуръ былъ укрѣпленъ; но мѣсто это имѣетъ огромные размѣры и требуетъ для своей защиты значительнаго гарнизона. Оборонительная линія имѣетъ около семи верстъ въ окружности. Семь тысячъ человѣкъ войска, которые тамъ находятся, достаточны для защиты его, но недостаточны для того чтобы выдержать серьезную атаку.

Народцы, кажущіеся наиболѣе рѣшительными, каковы, на-примѣръ, когистанцы, до тѣхъ поръ не успокоятся, пока волне-

нія не начнутся вновь. Въ Лагорѣ и въ Гусни раздраженіе продолжается. Гусни, какъ извѣстно, самая значительная крѣпость во внутренности страны; цитадель ея всегда считалась неприступной, пока англичане не взяли ее въ 1842 году. Магометъ-Янъ направился въ этотъ городъ съ шестью полками регулярнаго войска. Гассанъ-Ханъ, эксъ-губернаторъ Джелалабада, присоединился къ нему съ пушками и сипаями. Эюбъ-ханъ, старшій братъ Якуба, отправился изъ Герата туда-же. Отряды съ юга, изъ страны Гильзаевъ, ежедневно увеличиваютъ собою этотъ контингентъ.

«Civil and military Gazette», утверждаетъ, что 25,000 газии собрались въ пятидесяти миляхъ отъ Кабула, что массы припасовъ слѣдуютъ за ними въ долину Лагоръ; что Магометъ-Янъ писалъ вождю племени Лугмани, собравшему около 20,000 человекъ, чтобы тотъ ждалъ его прибытія въ Кабулъ, что племена Кигьяни согласились помогать атакѣ сообщеній близъ Джелалабада, и что агенты Магометъ-Яна отправились въ округъ Майнрана и въ Туркестанъ.

Женщины проявляютъ не меньше одушевленія. Мать Якубъ-хана отдала свои украшенія и сокровища арміи Магометъ-Яна. Жена Ягья-хана, какъ говорятъ, душа всего движенія. Жрецы проповѣдуютъ священную войну. Моллахъ-Калифъ увлекаетъ за собою фанатическія шайки.

Общее возстаніе является неизбѣжнымъ, и Магометъ-Янъ ждетъ только весны, чтобы двинуться въ походъ.

Необходимость немедленнаго похода противъ Гусни признана въ главной квартирѣ очевидно. Но генералъ Робертсъ находитъ въ настоящее время невозможнымъ вывести изъ Кабула необходимое для этого количество войскъ.

Послѣдняя и предъидущая кампанія въ значительной мѣрѣ ослабили маленькую туземную индійскую армію, и она до сихъ поръ еще не получила подкрѣпленій. Потери въ бою и отъ болѣзней уменьшили дѣйствительную силу полковъ, стоящихъ во главѣ арміи; особенно велики опустошенія, происшедшія въ кавалеріи. Индійскіе полки, занимающіе линію сообщеній, тоже сильно ослаблены.

Военное положеніе, писали изъ Лагора отъ 29 января, ставитъ совѣтъ вице-короля въ крайнее затрудненіе. Нѣкоторые члены совѣта настаиваютъ на томъ, чтобы число батальоновъ было удвоено, а въ каждый индусскій полкъ было прибавлено по 400 человекъ; другіе совѣтуютъ зачислить въ военную службу всѣхъ офицеровъ, занимающихъ гражданскія должности. Но

всѣ соглашаются насчетъ непопулярности войны и трудностей произвести новѣй наборъ въ индійскую армію.

Нравственное настроеніе отрядовъ, совершившихъ кампанію, тоже не очень удовлетворительно. Они совсѣмъ не заботятся объ усиленіи полковъ; единственная вещь, къ которой они стремятся, это возвращеніе въ Индію, и недовольство сильно разрастется между ними, когда они увѣрятся, что ихъ служба имѣетъ быть продолжена на неопредѣленное время.

VIII.

Но чего-же хочетъ авантюристская и реакціонерная политика кабинета Биконсоида отъ Афганистана? Не отвѣтитъ-ли намъ на этотъ вопросъ прокламація, приблизительно слѣдующаго содержанія: «Королева-императрица, девятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, предъ вступленіемъ ея арміи въ Афганистанъ, объявила, что ея величество не имѣетъ ничего противъ афганскаго народа, а вооружилась только противъ эмира Ширъ-Али. Такъ-какъ Ширъ-Али бѣжалъ въ Туркестанъ и тамъ умеръ, то ея величество заключила договоръ съ преемникомъ его Якубъ-Ханомъ и отозвала свои войска изъ Афганистана. Вслѣдствіе безчестнаго нарушенія обычаевъ, общихъ всѣмъ народамъ, гнуснымъ убійствомъ въ Кабулѣ сэра Л. Каванъяри въ прошедшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ, ея величество вынуждена была повелѣть своей арміи двинуться въ Афганистанъ, чтобы отомстить убійцамъ ея посланника. Мщеніе это уже совершено, и войска ея величества получили приказаніе отойти къ Джелалабаду, предоставляя афганцамъ жить подъ управленіемъ государя, какого они заблагоразсудятъ избрать. До тѣхъ поръ, пока этотъ государь не установится твердо, какъ правитель, признанный всею страной, ея величество отказывается отъ права держать посла въ Кабулѣ, которое ей предоставлено гандамакскимъ договоромъ, и всѣ сношенія съ Кабуломъ за это время будутъ производиться чрезъ особаго агента, который будетъ имѣть пребываніе на передовомъ посту арміи или въ иномъ мѣстѣ. Во ожиданіи полнаго успокоенія страны подъ властію избраннаго повелителя, Джелалабадъ и Кандагаръ будутъ заняты войсками ея величества и управляемы афганистанскими чиновниками по ея выбору. Ея величество, уплативши всѣ расходы по окупаціи, отдастъ кабульскому правительству отчетъ въ всѣхъ доходахъ съ обѣихъ провинцій. Наконецъ, отнюдь не желая виѣшиваться въ дѣла Афганистана, ея величество, согласно гандамакскому трактату,

требуетъ, чтобы всѣ сношенія съ иностранными правительствами происходили съ ея одобренія».

Надо признаться, что рѣдко двусмысленность и іезуитская недовѣрчивость бывали пущены въ ходъ съ большей ловкостью, чѣмъ въ этомъ проектированномъ документѣ, и съ исторической, и съ дипломатической точки зрѣнія.

Телеграфъ, очевидно, съ достаточной положительностью приписывалъ происхожденіе этого проекта англійскому правительству. Не менѣе вѣрно и то, что это деликатное блюдо было изготовлено официальной рѣкой. Артистъ кулинарнаго искусства, которому принадлежитъ эта честь, есть никто иной, какъ самъ лордъ Литтонъ, который самолично продиктовалъ его корреспонденту «Times'a». Это былъ пробный аэростатъ, пущенный для того, чтобы ощупать общественное мнѣніе. Смотри по тому, худо или хорошо приметъ проектъ англійская публика, правительство рѣшитъ принять его или отвергнуть.

Послѣ этого, правительство высказало свои намѣренія болѣе открыто, посредствомъ органа перваго лорда адмиралтейства. Г. Смитъ, по поводу афганскаго вопроса, выразился такъ: «Якубъ-ханъ отрекся отъ престола; въ Афганистанѣ нѣтъ болѣе повелителя; но политика правительства ея величества была выражена въ гандамакскомъ договорѣ; это та политика, которой правительство намѣрено слѣдовать, пока будетъ возможно. Мы не добиваемся присоединенія этой страны; наше намѣреніе, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать завоеваній. Вѣроятно, придется занять нѣкоторые пункты, указанные въ гандамакскомъ трактатѣ, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями; но мы полагаемъ, что Афганистанъ можетъ-быть управляемъ и туземцами и что народъ можетъ-быть предоставленъ самому себѣ. Мы полагаемъ, что со стороны афганскаго народа послѣдуетъ возстановленіе вѣрности его сердарямъ и правительству и что мы будемъ пользоваться въ занятыхъ нами, согласно гандамакскому договору, пунктахъ всей желательной безопасностью».

«Политика правительства ея величества не есть политика присоединеній: напротивъ, она направлена къ тому, чтобы воздерживаться отъ всякаго присоединенія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обстоятельства настоятельно къ тому принуждаютъ, не только въ дѣляхъ собственной безопасности, но и въ интересахъ самого народа. Мы желаемъ одного — обезпечить странѣ хорошее управленіе и привлечь къ себѣ довѣріе народа, съ которымъ мы находимся въ непосредственномъ сосѣдствѣ; мы желаемъ мира, безопасности и покоя. Мы не хотимъ выго-

нять изъ-подъ родной кровли тѣхъ, кто желаетъ подъ ней оставаться, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы обезпечить безопасность и довольство Индіи».

Предположивъ, что приведенныя слова министра слѣдуетъ принимать за чистую монету, можно поставить вопросъ: одни-ли только затрудненія, возникшія изъ-за гандамакскаго трактата, были причиной возстанія, подавленнаго генераломъ Робертсомъ? И могутъ-ли проектированныя измѣненія расположить афганцевъ къ болѣе миролюбивому принятію трактата?

Они, вѣроятно, не будутъ имѣть удовольствія прочесть рѣчь перваго лорда адмиралтейства; но манера, съ которой держитъ себя генераль Робертсъ въ Кабулѣ, указала имъ въ достаточной степени, что понимаютъ англичане подъ уваженіемъ ихъ независимости. Для того, чтобы пріобрѣсти довѣріе афганцевъ и дать имъ понять, что, замаявши столицу страны и овладѣвши главными стратегическими пунктами, англичане стараются только о томъ, чтобы возстановить внутреннее спокойствіе и предохранить жителей отъ опасности новыхъ смуть, нужно кое-что другое, а не угрожающія прокламаціи, сопровождаемыя огульными казнями, разстрѣливаніями и повѣшеніями en masse, воспоминанія о которыхъ не такъ легко изгладятся подъ влияніемъ челоуколюбивыхъ фразъ г. Смита.

Эта попытка придать нравственный характеръ афганской войнѣ и способъ умиротворенія, употребленный генераломъ Робертсомъ, едва-ли будутъ имѣть болѣе успѣха въ Англіи или гдѣ-бы то ни было, чѣмъ на Востоку.

Съ точки зрѣнія морализированія Афганистана, можно пока отмѣтить одинъ только результатъ англійскаго вмѣшательства, — это всеобщій ужасъ, возбужденный жестокостью генерала Робертса и поведеніемъ его войскъ, ужасъ этого варварскаго народа передъ европейскою цивилизаціей и сверхъ того полное разстройство организаціи страны.

Ширъ-Али удалось послѣ внутренней борьбы установить и поддерживать родъ союза между политическими и военными силами Афганистана. Онъ долго пользовался дѣйствительною и довольно обширною властью надъ этою страной и даже держалъ въ зависимости Герать. Англійское вмѣшательство разрушило эти зачатки организаціи; оно порвало неокрѣпшую еще связь, которой держались многочисленныя элементы, незадолго передъ тѣмъ разрозненныя и даже враждебныя одинъ другому. Благодаря ему, благодаря системѣ великобританской морализаціи, эти силы, эти элементы возвратились въ свой первоначальный видъ, и страна въ настоящее время погрузилась въ

смуту и анархію еще болѣе глубокую, чѣмъ семнадцать лѣтъ назадъ, когда Ширъ-Али захватилъ въ свои руки власть. Изъ этой анархіи и розни страна, безъ сомнѣнія, когда нибудь выйдетъ. Но чего это будетъ стоить бѣдному Афганистану?

Не мѣшаетъ, для пополненія очерка моральнаго характера англійскаго вмѣшательства, напомнить объ его происхожденіи? Война съ Афганистаномъ, какъ по своему происхожденію и по своимъ результатамъ, такъ и по способу ея веденія, останется навсегда позорнымъ клеймомъ на англійской политикѣ въ Азій. Политика ловушекъ, жестокостей и репрессалій, характеризующихъ эту войну, поправіе всякихъ международныхъ правъ, развившееся въ томъ, что народную оборону приравнивали къ бунту, — это политика, если можно такъ выразиться, *блaговиднаго разбоя*. При малѣйшемъ вызовѣ, при одной тѣни подозрѣнія, британскій кабинетъ говорилъ независимому повелителю Афганистана: «Ты не долженъ имѣть сношеній ни съ кѣмъ, кромѣ меня; ты долженъ или быть моимъ васаломъ, или перестать существовать».

Такое опредѣленіе англійской политики остается неизмѣннымъ и послѣ сдѣланныхъ объясненій. Очищенная отъ своего ложнаго гуманизма и отъ своихъ неприличныхъ двусмысленностей, офиціальная риторика вся исчерпывается двумя приведенными строками. Грубое требованіе, обращенное къ Ширъ-Али, служить послѣднимъ словомъ какъ рѣчи г. Смита, такъ и посланія лорда Литтона.

Англо-индійскія войска въ скоромъ времени очистятъ Кабулъ; афганцы будутъ приглашены къ выбору новаго эмира; пока власть преемника Якубъ-Хана не будетъ установлена на прочныхъ основаніяхъ, Англія отказывается акредитировать новаго посла, но за то займетъ на это время афганскую территорию на сѣверъ до Джелалабада, а на югъ—до Кандагара.

Съ перваго-же взгляда становится яснымъ истинное значеніе комбинаціи, придуманной англійскимъ кабинетомъ. Эта комбинаціи основывается на такой-же подтасовкѣ, какъ и англо-турецкое соглашеніе 4 іюня 1878 г. Въ немъ было включено, что въ тотъ день, когда Россія очиститъ Батумъ и Карсъ, Англія возвратитъ Турціи островъ Кипръ. Эта вставка, казалось, придававшая обладанію Кипромъ условный характеръ, въ дѣйствительности служила только для виду, потому что окончательное обладаніе Батумомъ и Карсомъ было обезпечено за Россіей трактатомъ, скрѣпленнымъ подписями всѣхъ великихъ державъ. Временный отказъ отъ назначенія англійскаго агента при эмирѣ и временное-же занятіе территорій Джелалабада и Кандагара принадлежать, безъ сомнѣнія, къ тому-же типу, какъ и условіе обладанія Кипромъ. Въ сущности

постановка вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, включаетъ въ себя условіе обладанія двумя указанными городами съ окружающею ихъ афганскою территоріей. Такой способъ замаскированнаго завоеванія, скрываемаго подъ ловко придуманнымъ эфемеризмомъ, угрожаетъ сдѣлаться всеобщимъ и обратиться въ привычку. Нужны были цѣлые годы для того, чтобы власть Ширъ-Али «установилась прочно», и даже послѣ того, какъ отецъ Якубъ-Хана побѣдилъ всѣхъ своихъ противниковъ, по временамъ все-таки поднимались еще возмущенія, которыя, строго говоря, давали возможность оспаривать твердость его власти. То-же несомнѣнно будетъ и съ преемникомъ Якуба. И такъ, главная цѣль, лежащая въ основѣ предлагаемаго умиротворенія, заключается въ рѣшительномъ завладѣніи Джелалабадомъ и Кандагаромъ съ окружающею ихъ территоріей и кромѣ того въ рѣшительномъ отказѣ отъ мысли держать постоянно англійское посольство въ Кабулѣ.

Такимъ образомъ, война, которая именно съ той цѣлью и была предпринята, чтобы вынудить эмира принять при своемъ дворѣ представителя англо-индійскаго правительства, привела, послѣ двухъ кровавыхъ кампаній, къ констатированію полной невозможности осуществить это намѣреніе. Это было-бы крайнимъ неблагоразуміемъ и отсутствіемъ всякой предусмотрительности со стороны англійскаго кабинета, если-бы эта невозможность не была извѣстна раньше и если-бы она не служила простымъ предлогомъ для территоріальныхъ приобрѣтеній, что и было главный и единственной цѣлью этой авантюристкой кампаніи.

Съ другой стороны можно замѣтить, до какой степени подобный способъ завоеваній, прикрытыхъ какими-нибудь болѣе или менѣе остроумными эфемеризмами, все болѣе и болѣе распространяется и становится обыкновеннымъ въ современной политикѣ. Вотъ драгоценное изобрѣтеніе, которымъ международное право, разумѣется, не можетъ похвалиться.

IX.

Въ тронной своей рѣчи, всемилостивѣйшая повелительница удовольствовалась наставленіемъ на необходимости дать своей индійской имперіи «сильную границу», не разъяснивши намъ, обладаютъ-ли такимъ качествомъ «научныя» границы гандамак-скаго трактата или-же требуется сдѣлать ихъ еще «научнѣе» посредствомъ прирѣзки какого-нибудь новаго куска территоріи.

Съ своей стороны лордъ Биконсфильдъ, въ рѣчи, которую

онъ произнесъ 6 февраля въ палатѣ лордовъ по поводу преній объ адресѣ, тоже настаивалъ на необходимости «сильныхъ» границъ. Онъ прибавилъ, что правительство не желаетъ «расширенія территории». Это само собою разумѣется. Какое правительство въ наше время будетъ настолько глупо, чтобы покаяться въ этихъ маленькихъ слабостяхъ, стоящихъ такъ дорого его народу? Подобныхъ вещей больше уже не желаютъ, а просто дѣлаютъ ихъ, и дѣлаютъ каждый день. Къ тому-же желанія лорда Биконсфильда надо полагать мало и интересуютъ подданныхъ императрицы-королевы; а что, напротивъ, интересуется ихъ и беспокоитъ въ высшей степени, это ея намѣренія, ея рѣшенія, т. е. какъ разъ тѣ вещи, относительно которыхъ министръ хранить благоразумное молчаніе.

До новаго приказа, мы должны пока довольствоваться тѣмъ, что онъ соизволилъ офиціально передать намъ черезъ органъ своихъ друзей, и намъ придется остаться при тѣхъ размышленіяхъ, которыя они возбуждаютъ.

Къ этимъ размышленіямъ мы прибавимъ только одно слово относительно вопроса о границахъ Индіи, которымъ послѣдовательно придавали самыя разнообразныя эпитеты—«случайныхъ», «научныхъ», «сильныхъ» границъ—и которымъ, безъ сомнѣнія, придадутъ еще разные другіе эпитеты. Мы спрашиваемъ, можно-ли хоть, по крайней мѣрѣ, извлечь какую-нибудь пользу изъ столькихъ жертвъ, принесенныхъ, наперекоръ желаніямъ и человечности, во имя этихъ знаменитыхъ границъ?

Въ виду успѣховъ Россіи въ центральной Азій, военная партія замѣчаетъ, что для упроченія дружбы съ эмиромъ необходимы въ настоящее время болѣе серьезныя гарантіи, чѣмъ тѣ, какими удовлетворялись до сихъ поръ. Вслѣдствіе этого, требовали «научнаго» исправленія линіи, составляющей границу Пенджаба, охарактеризованную лордомъ Биконсфильдомъ эпитетомъ «случайной».

Правда, говорятъ англійскіе стратеги, что граница весьма точно опредѣлена почти по всему ея протяженію цѣпью горъ, вершины которыхъ поднимаются на 20,000 футовъ надъ уровнемъ моря и позади которыхъ, на разстояніи отъ 15 до 80 верстъ, протекаетъ большая рѣка Индъ.

Индъ можно сравнить съ огромнымъ укрѣпленіемъ, а Сулейманскія горы съ его гигантскими стѣнами. Надо только замѣтить, что укрѣпленіе, такимъ образомъ устроенное, не обладаетъ гласисомъ передъ своимъ валомъ и что кромѣ того оно едва-ли даже владѣетъ самымъ валомъ, потому что пограничная линія идетъ не по гребню, а у подножія горъ, которыя та-

кимъ образомъ, оказываются въ британской территоріи. Можно еще замѣтить, что Индъ, который представляетъ какъ-бы ровъ крѣпости течетъ не по ту, а по эту сторону вала. Отсюда слѣдовало, что стѣна Сулейманскихъ горъ скорѣе можетъ защищать Афганистанъ отъ Индіи, чѣмъ Индію отъ Афганистана. И если-бы эта послѣдняя страна была удобопроходимымъ мѣстомъ для большихъ массъ войска, то цѣпь Сулейманскихъ горъ не помѣшала-бы вторгающейся арміи опрокинуться на Индію, преодолевъ неожиданностью нападенія сопротивление войскъ, расположенныхъ у восточнаго конца сулейманскаго прохода для его защиты.

Но на это можно какъ разъ отвѣтить, что Афганистанъ очень мало доступенъ къ проходу, такъ-какъ горы въ этой странѣ составляютъ непрерывный рядъ гребнистыхъ вершинъ, который тянется за Инду-Кохъ и Кохъ-и-Баба и представляетъ систему нескончаемыхъ горныхъ цѣпей, идущихъ на западъ до самаго Каспійскаго моря.

Что касается проходовъ, прорѣзывающихъ Сулейманскія горы, то изъ нихъ около дюжины доступны для регулярныхъ войскъ. Но войска должны быть возможно легче вооружены, и притомъ ни одинъ изъ проходовъ не допускаетъ движенія повозокъ безъ значительныхъ затрудненій. Эти пути пересѣкаютъ гористую мѣстность съ одного конца до другого и каждый изъ нихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ представляетъ особенныя трудности. Вода, фуражъ и дрова тамъ рѣдки, и потому армія, проходящая чрезъ нихъ, должна везти съ собою всѣ припасы, необходимые для людей и животныхъ. Кромѣ того, эти проходы съ западной стороны выходятъ на открытыя равнины, очень удобныя для расположенія арміи, предназначенной для встрѣчи спускающагося съ горъ непріятеля. Съ восточной стороны окончанія проходовъ не такъ рѣзко обозначены и не такъ легко могутъ быть защищаемы.

Было очень легко обезопасить эту границу, такъ богато одаренную самой природой; и естественно было предположить, что первая мысль завоевателей Индіи была, присоединивъ къ себѣ Пенджабъ, организовать хорошую систему защиты своей огромной имперіи въ болѣе уязвимыхъ ея мѣстахъ. Однако ничего этого не было сдѣлано. Это легко можно объяснить прежде всего невозможностью предвидѣть въ 1847 году тѣ успѣхи, которые сдѣлаетъ въ этихъ странахъ менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ единственная европейская держава, являющаяся соперницей Англіи. Но съ тѣхъ поръ, какъ кажется, этимъ болѣе не были заняты. Положеніе вещей осталось почти такое-же, какъ и прежде. Для

улучшенія оборонительныхъ сооруженій было такъ мало сдѣлано, что ни одно изъ этихъ сооруженій не было-бы въ состоянiи выдержать втеченіи 24 часовъ сколько-нибудь серьезнаго натиска. Пути сообщенія оставлены были, по большей части, въ жалкомъ состоянiи. Нѣкоторые изъ нихъ не были вовсе вымощены, другіе представляли собой простыя тропинки. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ англичане сдѣлались болѣе 30 лѣтъ тому назадъ хозяевами провинцій по ту сторону Инда, они не составили даже общаго плана своей обороны; и если граница заслуживала эпитета «случайной», то эпитетъ этотъ въ особенности хорошо характеризовалъ тотъ способъ, которымъ ее устраивали.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ одни полагали, что занятіе Кандагара, Курумской долины, и Джелалабада совершенно необходимо для того, чтобы возможно было надлежащимъ образомъ защищать эту границу; въ то время, какъ другіе увѣряли, что Гинду-Кохъ представляетъ естественную границу Индіи и что пока индустайнская имперія не устроитъ своей сѣверной границы, до тѣхъ поръ ей не достигнутъ полного развитія; — третья, весьма многочисленная, фракція полагала, что современная граница вполне удовлетворительна, хотя необходимо, наконецъ, подумать о томъ, чтобы снабдить ее серьезными средствами обороны.

Это послѣднее мнѣніе было сильно поддерживаемо благоразумными политиками, отвергающими въ принципѣ всякое присоединеніе. Если возможно, говорили они, удовлетворить военнымъ потребностямъ, не прибѣгая къ расширенію нашей территоріи, то самое лучше было-бы, и по политическимъ, и по финансовымъ соображеніямъ, сохранить существующія границы. Нѣкоторые извѣстные англійскіе экономисты обращали по этому поводу вниманіе публики на положеніе финансовъ въ Индіи, которое всѣ они рисовали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Армію разсматривали, какъ самое тяжелое бремя на индійскомъ бюджетѣ; издержки на содержаніе войскъ, въ особенности европейскихъ, пропорцію которыхъ со времени возстанія 1857 года считали благоразумнымъ увеличить, достигли maximum'a, за который не только считалось невозможнымъ переступить, но который напротивъ, слѣдовало по возможности уменьшить. Война привела къ необходимости увеличить на 15,000 человекъ контингентъ туземной арміи; присоединеніе и военная окупація новыхъ территорій могли сдѣлать это увеличеніе недостаточнымъ и повести, такимъ образомъ, къ самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ.

Партія, стоящая за присоединеніе, представляла тотъ доводъ,

что большая часть торговли между Индіей и центральной Азіей была парализована, вслѣдствіе небезопасности пути, ведущаго въ Индустанъ, и что выгоды отъ присоединенія, съ коммерческой точки зрѣнія, могли-бы совершенно вознаградить и даже пре-взойти потери, соединенныя съ военными издержками.

На это военные спеціалисты, въ свою очередь, возражали, что тѣ-же самые результаты были-бы достигнуты постройкой вдоль дорогъ на удачно-выбранныхъ пунктахъ небольшихъ укрѣпленныхъ постовъ и башенъ, подобныхъ тѣмъ, какія, обыкновенно, встрѣчаются здѣсь.

Одного аванпоста, устроеннаго на извѣстномъ разстояніи отъ Кандагара, было-бы достаточно для прикрытія западнаго склона Сулеймана. Тогда для охраненія границы можно было-бы или запретить главные сѣверные проходы въ восточной части постоянными сооруженіями, вродѣ простыхъ блокаузовъ, устроенныхъ для защиты отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ, или учредить въ Пипинской долинѣ отдѣльный укрѣпленный лагерь съ значительными постоянными укрѣпленіями, воздвигнутыми вокругъ Кветта и Дагура.

Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію компетентныхъ людей, не было-бы никакой надобности нарушать существующую границу и вносить огонь и мечъ въ мирную страну.

Другими словами, порѣшенное лордомъ Биконсфилдомъ присоединеніе можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: бесполезное и разрушительное преступленіе.

X.

Какая судьба, при этой комбинаціи, ожидаетъ Герать — эту «жемчужину» Востока, какъ его называетъ древне-восточное преданіе?

Эта «жемчужина» Хорасана расположена въ богатой и плодородной долинѣ. Прежде въ ней было до 100,00 жителей, а въ настоящее время около 45,000. Она имѣетъ внѣшность цвѣтущаго города. Она богата мечетями и караванъ-сараями, богата своей торговлей и промышленностью, владѣетъ фабриками бумажныхъ и шелковыхъ матерій, шалей, ковровъ и т. д. Кроме того это самый жизненный пунктъ въ восточной части страны. Онъ обнесенъ въ видѣ четырех-угольника довольно высокой стѣной, возведенной на искусственно-поднятомъ грунтѣ. Стѣна защищается рвомъ и гласисомъ, построеннымъ самими англичанами въ 1838 году. Шесть воротъ увѣнчанныхъ кирпичными башнями, служатъ входами въ городъ. Цитадель Чигаръ-Багъ,

расположенная на юго-восточномъ углу, довершаетъ его оборонительныя средства.

Герать былъ всегда соблазнительнымъ пунктомъ для его сосѣдей. Персія три раза намѣревалась овладѣть имъ, а въ настоящее время вмѣсто одного претендента на эту жемчужину являются цѣлыхъ три.

Не составляетъ-ли Герать необходимаго дополненія къ «научной» границѣ, изобрѣтенной лордомъ Биконсфильдомъ?

Военная партія открыто требуетъ немедленнаго похода на этотъ городъ. Но положеніе генерала Робертса далеко не такъ блистательно, чтобы усложнять его еще новыми затрудненіями. Не говоря уже о Россіи, которая можетъ воспользоваться обстоятельствами и овладѣть линіей Атрека, подвинуться до Мерва, есть еще и другой претендентъ, готовый вступить въ эту игру, — это Персія.

Персія давно уже домогается обладанія Гератомъ; она очень хорошо помнитъ изрѣченіе, приписываемое Чингисъ-Хану: «Иранъ—мечъ, а Герать рукоятка его». Два года тому назадъ, въ іюнѣ 1878 года, маіоръ Бутлеръ встрѣтилъ на пути своемъ къ югу изъ Туркменіи персидскую армію въ 53,000 человекъ, направлявшуюся на востокъ. Въ главной квартирѣ его увѣрили, что армія идетъ на Мешедъ. Но, разговаривая съ солдатами, онъ отъ всѣхъ слышалъ одинъ и тотъ-же отвѣтъ: «намъ обѣщали отдать Герать на разграбленіе. Если Англія и Россія вступятъ въ войну, то мы пойдѣмъ на Герать». Въ январѣ 1879 года корреспонденты нѣсколько разъ увѣдомляли, что на персидской границѣ группируются войска подъ тѣмъ предлогомъ, что въ провинціи Сеиستانъ угрожаетъ вспыхнуть мятежь.

Въ настоящее время англійская полтика уполномочиваетъ Персію занять Герать, разумѣется, въ качествѣ союзницы Англіи и подъ ея наблюденіемъ. Англія будетъ имѣть исключительное право держать въ Герать своего резидента; резидентъ, въ видахъ личной безопасности, будетъ снабженъ англійскимъ военнымъ отрядомъ; персидскими войсками, занимающими окрестную страну, будутъ командовать англійскіе офицеры; Англія устроитъ въ Герать укрѣпленія, какія признаетъ необходимыми. Кромѣ того она сохранитъ за собой нѣкоторыя торговыя привилегіи. Какъ видите, это все то-же присоединеніе, прикрываемое тѣмъ-же фарисейскимъ доброжелательствомъ непрощенныхъ цивилизаторовъ. Но и тутъ игра не безъ риска.

У туркомановъ есть вѣрованіе, возведенное почти въ религіозный догматъ, что Герать никогда не долженъ принадлежать Персіи. При ихъ врожденной ненависти къ сосѣдямъ-шітамъ,

они предпочли-бы подчиниться кому угодно, лишь-бы не видѣть свою столицу въ рукахъ своихъ непримиримыхъ враговъ—персовъ.

Ненависть эта—наслѣдіе цѣлыхъ вѣковъ; ее поддерживаютъ постоянные разбои персидскихъ губернаторовъ, занимающихъ сѣверныя провинціи, пограничныя съ туркоманами. Извѣстно, что эти губернаторы, неполучающіе жалованья по службѣ, оплачиваютъ самихъ себя произвольными набѣгами. Каждый разъ, когда отъ нихъ требуетъ правительство взноса налоговъ или просто денегъ на какую-нибудь прихоть двора, они организуютъ вооруженныя шайки солдатъ и высылаютъ ихъ для грабежа на туркоманскую территорію. Эти разбоничьи экспедиціи называются *Шспуръ*. Подавляющая масса солдатъ вторгается въ страну, избиваетъ всѣхъ встрѣчныхъ мужчинъ на пути своемъ, уводитъ въ плѣнъ женщинъ, дѣтей и лошадей. Иногда эта добыча, распроданная на персидскихъ рынкахъ, равняется 100,000 фунтамъ стерлинговъ. Главную роль играютъ въ этихъ грабежахъ туркоманскія женщины, отличающіяся замѣчательной красотой и оканчивающія свою невольническую жизнь въ гаремахъ.

Если мы припомнимъ, что у туркомановъ строго соблюдается единоженство и что возвышенные чувства, присущія этому народу, допускаютъ, чтобы женщины появлялись въ публичныхъ мѣстахъ безъ покрывала, что на Востоку представляеть рѣзкую аномалію, то легко понять ихъ отвращеніе къ торговлѣ, практикуемой персидскими губернаторами.

Ненависть туркомановъ къ персамъ не покажется послѣ этого удивительной, и всякій легко пойметъ, что заставило ихъ вождей поклѣсться надъ мечами, вложенными въ коранъ, что они скорѣе согласятся на поголовное истребленіе, чѣмъ позволять видѣть Герать завоеваннымъ Персіей.

Какъ только Англичане удалятся за свою новую границу Персы, уполномоченные занять Герать, увидятъ передъ собой лицомъ къ лицу своихъ исконныхъ враговъ. Изъ этого возникнетъ кровавая и ожесточенная борьба, которою англійская армія воспользуется сначала для того, чтобы спокойно устроить свои дѣла въ Кабулѣ и Кандагарѣ, а потомъ, когда враждующія стороны будутъ истощены и обезсплены, между ними явится посредникомъ та-же англо-индійская армія, которая и не замедлитъ проглотить восточную жемчужину.

Или я очень ошибаюсь, или таковы именно духъ и мораль политическаго принципа, внесеннаго европейскою цивилизаціей въ среду варварскихъ народовъ центральной Азіи.

Ж.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА „ЗНАТНЫХЪ ИНОСТРАНЦЕВЪ“.

ПИСЬМА ЛОРДА РОЗБЕРРИ.

(Переводъ съ англійскаго.)

Письмо пятьдесятъ-пятов.

Дорогая Дженни!

Несмотря на ежедневный моціонъ, который я дѣлаю по предписанію доктора, несмотря на точное распредѣленіе занятій и осторожное употребленіе вина за торжественными завтраками и обѣдами (они не прекращаются здѣсь никогда), я долженъ признаться тебѣ откровенно, что съ нѣкоторыхъ поръ при чтеніи русскихъ газетъ я чувствую нѣчто странное. Я не только не могу уловить руководящей мысли—что, впрочемъ, и прежде случалось — но рѣдко и вовсе не въ состояніи понимать печатныя строки, хотя, какъ тебѣ извѣстно, по-русски, благодаря практикѣ, говорю недурно, — натурально не безъ ошибокъ, — русскіе сами, впрочемъ, рѣдко говорятъ правильно — и, какъ мнѣ казалось, умѣю понимать русскую рѣчь во всѣхъ ея видахъ, и даже въ самомъ упрощенномъ, т. е. когда, во избѣжаніе многословія, говорятъ здѣсь одними междометіями, какъ на примѣръ, при вразумленіи пьяныхъ джентльменовъ въ томъ, что пьянствовать неприлично.

И вообрази себѣ, Дженни, я все-таки не понимаю многого, о чемъ пишутъ въ русскихъ газетахъ, т. е. прочесть могу, а

смыслъ прочитаннаго такъ-же непонятенъ, какъ непонятенъ мнѣ здѣшній обычай на масляницѣ — объѣдаться блинами до рѣзы въ животъ и даже до смерти. Замѣть, обычай такой здѣсь существуетъ.

На основаніи этихъ соображеній, я не стану въ нынѣшнемъ письмѣ говорить отъ себя, — боюсь перепутаю все, — а, вмѣсто этого, посылаю тебѣ въ извлеченіи нѣсколько выдающихся по своему безпристрастію статей изъ русскихъ газетъ.

Для краткости я расположу ихъ по номерамъ. Въ первыхъ номерахъ ты прочтешь передовыя статьи, а во вторыхъ — фельетоны. Называть газеты не буду, такъ-какъ въ настоящее время рѣшительно нѣтъ возможности отличить одну отъ другой: такъ единокудшіе ихъ полно и запахъ одинаковъ! По счастью, ради нѣкотораго разнообразія, конечно, онѣ время отъ времени вступаютъ между собою въ полемику, но если онѣ полемизируютъ, то, вѣроятно, за неимѣніемъ готоваго матеріала (это, какъ говорятъ, тоже случается, хотя, казалось-бы, матеріала въ настоящее время должно быть довольно) и по свойственной русскимъ литераторомъ привычкѣ корить другъ друга въ недостаточной пылкости чувствъ...

И такъ, приступаю къ дѣлу, но впередъ прошу извинить меня, если въ переводъ мой вкрадутся нѣкоторыя неточности. Ты не можешь представить себѣ, Дженни, какъ трудно передать торжественный тонъ русскаго языка, возвышающійся до такихъ нотъ, какія были-бы не подъ силу не только нашему, простому и демократическому языку, но даже китайскому, какъ извѣстно, самому утонченному и аристократическому изъ всѣхъ языковъ. Кромѣ того, есть еще одна особенность у русскихъ газетъ — это постоянное изліяніе чувствъ и совершенное пренебреженіе идеями. Всѣ чувствуютъ, но никто не рассуждаетъ, и потому, читая ихъ, постоянно умиляешься или плачешь, раздражаешься или засыпаешь, но не мыслишь и не думаешь. И такъ къ дѣлу!

№ 1. «Слава Богу... Слава Богу... Слава Богу! Господу Богу слава. Всѣмъ намъ публицистамъ слава. И всѣмъ нашимъ подписчикамъ, которыхъ безъ малаго 20 тысячъ, слава! (Здѣсь всегда начинаютъ съ того, что для бодрости похваиваютъ самихъ себя.)

Отчего мы находимся въ наипрѣятнѣйшемъ расположеніи духа и готовы, говоря по совѣсти, ходить колесомъ (ходить колесомъ, Дженни, здѣсь считается признакомъ порядочнаго воспитанія) и писать ногами, а не руками? Отчего мы плачемъ и въ настоящее время, когда пишемъ эту статью, перемигнули уже три носовыхъ платка и приказали секретарю своему привести

еще три;—надѣмся, этого будетъ достаточно до окончанія статьи! Отчего мы можемъ начисто утереть носъ джентльмену Страстного бульвара и еще разъ сказать, что М. Н. Катковъ, всегда отличавшійся «демоническими» склонностями во всемъ видѣть красные призраки, въ настоящее время скрежещеть зубами?

Оттого мы плачемъ, оттого мы въ хорошемъ настроеніи, оттого мы, несмотря на престарѣлый свой возрастъ и—будемъ откровенны—на эмфизему и астму, готовы тѣмъ не менѣе ходить втеченіи получаса,—а если потребуютъ обстоятельства, то и болѣе,—ходить колесомъ и писать ногами, а не руками? Оттого... оттого, что теперь мы окончательно разсѣяли всѣ недоразумѣнія и съ достаточной ясностью доказали нашимъ противникамъ (см. № 152 наши газеты), что ни нашъ почтенный редакторъ, ни наши сотрудники, ни всѣ наши подписчики (20 тыс.), ни представители суда, администраціи, а равно ни представители земствъ и городовъ нисколько не повадные пзмѣнники и не крамольники, какъ безумно утверждалъ органъ «Страстного бульвара», а самые благонамѣренные граждане, нисколько невиноватые ни въ чемъ, и готовые всегда сочувствовать, содѣйствовать и соревновать, если только это не противно, какъ мы полагаемъ, существующимъ узаконеніямъ.

А было время и давно-ли, что «Страстной бульваръ» воображалъ, будто мы всѣ поголовно «развращены исторіей»? Теперь, послѣ нашихъ статей (см. №№ 153, 154, 155 и т. д.), ясно доказано, что развращены не мы, а «Страстной бульваръ», и вотъ почему въ нашей груди трепещеть то-же сладостное чувство, какъ и въ концѣ декабря передъ подпиской, вотъ почему мы лобызаясь въ редакціи другъ съ другомъ, поздравляемъ другъ друга и словно-бы видимъ друга друга въ обновленномъ видѣ. «Вы не измѣнникъ! Вы не крамольникъ, вы не бунтовщикъ... говоримъ мы другъ другу. — Неужели? О, Господи! Слава Богу, слава Богу! И мы рыдали, не смѣя вѣрить этой новости—такъ напугалъ насъ М. Н. Катковъ. Отнынѣ «Страстной бульваръ» послѣ того, какъ мы неопровержимо доказали (см. №№ 153, 154, 155 и послѣд.), кто мы такіе, не посмѣетъ болѣе говорить (или сгорить отъ позора!), что мы хотимъ обязательнаго уничтоженія латинской грамматики, увеличенія окладовъ и продажи балтійскаго края Бисмарку. Отнынѣ всѣ честные люди видятъ, чего мы хотимъ... Отнынѣ снято пятно съ насъ, а потому мы свободно перейдемъ теперь къ мѣрамъ. Теперь только можемъ сказать нашимъ зояламъ, что нужно всегда дѣйствовать съ невѣроятной въ лѣтописяхъ исторіи быстротой. Что-же касается до подробностей, то о нихъ до-завтра.

Поэтому какъ-же не воскликнуть намъ: «Слава Богу, слава Богу! Отнынѣ отпускаеши раба твоего съ миромъ. Отнынѣ мы снова можемъ идти въ театръ безъ опасности, что какой-нибудь прѣзжій изъ Москвы охотнорядецъ обругаетъ насъ крамольниками!

Слава Богу!

№ 2.

Чтобъ потрафить всѣмъ жильцамъ
 Надо быть и здѣсь и тамъ,
 Трудно справиться одной,
 Ногъ не слышу подъ собой!

Эта характеристичная, хотя и нѣсколько вульгарная пѣсенка, имѣвшая, впрочемъ, громадное распространеніе въ нашей столицѣ, распространеніе не меньшее, чѣмъ «Стрѣлокъ»,—что уже несомнѣнно доказываетъ серьезное культурное значеніе пѣсни,—эта, говоримъ, характеристичная пѣсенка, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ серьезному положенію данной минуты.

Именно трудно справиться въ настоящее время одной газетѣ, очень трудно. Гораздо труднѣе, чѣмъ думаютъ иные читатели, неподозрѣвающіе всей трудности положенія и нашего, и вашего. Мы воистину можемъ сказать, что не только не слышимъ подъ собою ногъ, но даже совсѣмъ съ языка сбились, повторяя одно и то-же все на однѣхъ и тѣхъ-же варіаціи: господа, побольше искренности, поменьше лицемерія, побольше дѣла и поменьше угрозъ, побольше храбрости и поменьше трусости, побольше крѣпости и поменьше дряблости... Будемъ единокорны, станемъ поменьше воровать, станемъ, если мы чиновники, акуратно въ 10 часовъ утра ходить на службу, а не приходиться лишь въ 3 часа,—какъ это дѣлаютъ во многихъ департаментахъ,—и подписывать бумаги съ должною внимательностью. Если мы,—земскіе дѣятели, станемъ относиться съ должнымъ вниманіемъ къ высокой обязанности, на насъ лежащей, изыскивать средства изъ пустаго сундука сдѣлать полный и терпѣливо ждать результатовъ ходатайствъ, памятуя евангельскія слова: «толцые и отверзется»; если мы,—городскіе думскіе самоуправители, перестанемъ говорить по цѣлому часу рѣчи и не уподобимся Михельсону или Домонтовичу, способному говорить по 12 часовъ сряду о пустякахъ, а возьмемъ примѣръ съ оратора Богдановича, который говоритъ всегда такъ, что и ничего не скажетъ, а все-же дрогнетъ сердце русскаго челоука; если мы—адвокаты, перестанемъ взимать гонорары слишкомъ большіе, а станемъ взимать малые... Если мы—литераторы, то будемъ откровенны, главное откровенны, и, благо насъ никто не стѣсняетъ теперь, станемъ говорить, не боясь, что

насъ какіе-нибудь «проходимцы» назовутъ «скоробрешками», лишь-бы мы говорили о томъ, что Богъ положитъ на душу и за то нельзя никакъ лишиться права розничной продажи, а вообще не будемъ мечтать и устремлять свои взоры горъ, въ заоблачныя выси, или съ завистью поглядывать на крѣпкіе караулы у государственнаго банка, — будемъ хорошими отцами и мужьями, не станемъ обманывать своихъ женъ, бросимъ своихъ любовницъ, у кого такія есть, — а у кого такихъ нѣтъ? (У меня, Дженни, честное слово, нѣтъ!) Будемъ справедливы, честны и неподкупны, начиная съ коллежскаго регистратора и кончая... хотя-бы статскимъ совѣтникомъ, а главное, искоренимъ жида, такъ-какъ жидъ вездѣ суетъ свой носъ и намъ пакоститъ, будемъ прежде всего русскими. Теперь-ли мы не русскіе (т. е. мы, русскіе, настоящіе, самые хорошіе русскіе!), а многіе другіе, — и надо думать не наши подписчики, — совсѣмъ не русскіе, а какіе-то иностранцы, націи опредѣлить, однако, не можемъ, рекомендующіе снимать копіи съ иностранныхъ учрежденій. Это было-бы большой бѣдой и повлекло-бы за собой чортъ знаетъ что. Намъ нужно не то, а что намъ нужно, о томъ мы поговоримъ послѣ завтра.

Что-же касается до мѣръ»...

Я тебѣ, Дженни, не перевожу далѣе, такъ-какъ слѣдуетъ перечисленіе, о которомъ я уже сообщалъ тебѣ въ прежнихъ письмахъ.

№ 3. «Окропиши мя уссопомъ и паче снѣга убѣлюся!

Такъ начинаемъ мы псалмомъ Давида нашу передовую статью и начинаемъ такъ потому, что до сихъ поръ, къ глубокому нашему прискорбію, не видѣли того уссоба, который-бы убѣлилъ насъ и заставилъ возрадоваться.

Но наступаетъ весна — вслѣдъ за масляницей, а за весной, смѣемъ думать, наступитъ и лѣто... Всѣмъ хочется надѣяться, любить и радоваться... всѣмъ хочется не то севрюжины, не то... поросенка съ хрѣномъ, даже коты и тѣ быстрѣй забѣгали по крышамъ, наблюдая оттуда, на мѣстахъ-ли всѣ дворники...

Не достааетъ только ласточки... Но вотъ и она, жданная гостя!.. Она прилетѣла, эта вѣстница весны, эта хорошая, милая пташка, скрывавшаяся до того на тепломъ югѣ, подъ благорас-твореннымъ чуднымъ небомъ, гдѣ зрѣютъ лимоны, цвѣтетъ кипарисъ и беззаботно живетъ южный человѣкъ, не читая «Московскихъ Вѣдомостей».

Ластовица... прекрасная ластовица! На тебя, вѣстницу весны, возлагаемъ мы надежды и отъ переполненнаго сердца, восклицаемъ:

Мы тебя любимъ сердечно...

Любимъ и славословимъ тебя, славословимъ и любимъ. Принеси ты исцѣленіе отъ мнози болѣстей нашихъ и пролей ты слезы на язвы души нашей... Стрѣлой ты летаешь, славная ластовица!.. Изъ всѣхъ птицъ ты птицамъ птица. Изъ всѣхъ пернатыхъ ты пернатѣе, изъ всѣхъ красавицъ ты красивѣе... Изъ всѣхъ чадолюбивыхъ ты чадолюбивѣй... Изъ всѣхъ вьющихся гнѣзда ты смышленѣе... Кроткая вѣстница весны...

Мы тебя любимъ сердечно...

«Возрите на птицы небесныя. Онѣ не сѣютъ, не жнутъ и не собираютъ въ житницы и отецъ ихъ небесный питаетъ ихъ... Не вы-ли лучше ихъ есте?»

Уподобимся-же и мы птицамъ... Довольно намъ ворчать себѣ подъ носъ. Воспоемъ отъ полноты сердца: «Тебя Бога хвалимъ» и станемъ ждать весны съ вѣрой и надеждой, по великой милости Твоей и по множеству щедротъ Твоихъ...

Что-же касается до мѣръ»...

Ты, конечно, Дженни, полагаешь, что я не приведу тебѣ мѣръ, найденныхъ мною въ номерѣ 3-мъ, но ты ошибаешься, такъ-какъ мѣры эти на мой взглядъ несомнѣнно отличаются нѣкоторою оригинальностью...

«Что-же касается мѣръ, то слѣдуетъ немедленно дать всѣмъ молодымъ людямъ, нынѣ неимѣющимъ мѣста и потому склоннымъ къ фантазерству, мѣста, съ содержаніемъ не менѣе, какъ въ полторы тысячи холостымъ и въ три тысячи женатымъ; и тогда, повѣрь, благосклонный читатель, прекратятся всякія фантазіи и успокоятся самыя утопическія мечты, потому что всякое недовольство въ человѣчествѣ происходитъ изъ-за недостатка средствъ...

Есть въ карманѣ деньги—человѣкъ спокоенъ, нѣтъ—онъ готовъ на все... Ему терять нечего, ибо въ карманахъ пусто... жизнь ему опротивѣла... Греческія кухмистерскія не удовлетворяютъ... квартиры нѣтъ, прилично обмѣблированной, платья нѣтъ, шляпы нѣтъ и сапоги всѣ въ дырахъ... И вотъ такому отброску общества ничего не остается дѣлать, какъ объявиться недовольнымъ.

Дайте, дайте, говорю вамъ, всѣмъ недовольнымъ приличное жалованье (если возможно, то и квартиру казенную) и все разсѣется, аки дымъ... и...

«О, Господи, внемли нашей молитвѣ!»

№ 4.

Вотъ солдатики идутъ,
Все идутъ, все идутъ,
И зилмеша все несутъ,

Все несутъ, несутъ...

Тра-та-та, тра-та-та!

Но куда они идутъ? Отчего не прямо въ Мервъ, а на плацъ-парадъ? Отчего не въ Мервъ?.. Въ настоящее время, когда Англія замышляетъ интригу въ Персіи, кто намъ мѣшаетъ послать нѣсколько дивизій на границу и сказать Персіи: «Персія, кого ты хочешь: Англію или Россію?» Если она скажетъ: Россію—занять Тегеранъ во имя дружбы, а если скажетъ: Англію... ну тогда не пеняй.

Грошъ побѣды раздавайся...

Подъ вліяніемъ нашихъ внутреннихъ событій, мы кажется совсѣмъ упустимъ Персію...

«Что-же касается мѣръ»...

Я считаю излишнимъ, Дженни, по вышесказаннымъ соображеніямъ, перечислять мѣры, тѣмъ болѣе, что они прямо перепечатаны изъ уложенія о наказаніяхъ.

Теперь нѣсколько обращиковъ фельетоннаго рода.

№ 1. Въ наше время въ обществѣ совсѣмъ перепутались понятія. Еще до сихъ поръ остались нѣкоторые наивные журналисты, которые какъ-будто пугаются слова «доносъ» и, очевидно, не достаточно вдумались въ настоящее значеніе этого слова, придавая ему какой-то постыдный смыслъ.

Я, Петръ Петровъ, «С. П. Вѣдомостей» фельетонистъ, Амigusъ-тожъ, симъ свидѣтельствую, что доносъ не есть поступокъ предосудительный, а, напротивъ, весьма похвальный и подражанія заслуживающій. Путешествуя по многимъ странамъ, честь имѣю засвидѣтельствовать, что всѣ образованные иностранные журналисты, не исключая и покойнаго Вильмесана (я не говорю уже о Менцелѣ) понимаютъ это слово въ истинномъ значеніи его и не стѣсняются нисколько, коли убѣжденіе ихъ въ пользѣ доноса несомнѣнно *)...

Какъ видишь, Дженни, у всѣхъ весеннее настроеніе. Весна чувствуется въ стилѣ, весна чувствуется въ тонѣ, весной дышетъ отъ каждой строчки разныхъ «скоробрешекъ», и я очень радъ съ своей стороны, что теперь никто уже больше не предается меланхоліи. Это — во всякомъ случаѣ отрадный признакъ, свидѣтельствующій о благотворномъ вліяніи весны.

Тѣмъ болѣе обрадовался я, прочитавъ на-дняхъ весьма энергичный и написанный превосходнымъ стилемъ фельетонъ въ од-

*) По долгу переводчика считаю обязанностью засвидѣтельствовать, что выдержка Знатнаго Иностранца не представляетъ буквальныхъ переводовъ.

Примчаніе переводчика.

ной изъ газетъ. По многосторонней эрудиціи, по бойкости языка, по красотѣ прилагательныхъ я сразу узналъ автора — г. Цитовича. Но, вообрази себѣ, Дженни, оказалось, что я ошибся; впрочемъ, какъ увидишь ниже, ошибка моя весьма извинительна.

Авторомъ фельетона, столь мнѣ понравившагося по своей эрудиціи, по глубинѣ знакомства съ предметомъ, о которомъ трактуетъ авторъ, а главное по своей отвагѣ и рѣшительности оказался вовсе не Цитовичъ, а г. Буква, фельетонистъ «Молвы». Признаюсь, я нѣсколько изумился не тому, что г. Буква обнаружилъ такое сходство съ г. Цитовичемъ; я никогда не отказывалъ г. Буквѣ ни въ эрудиціи, ни въ стилѣ, ни въ способности писать на тему «чего изволите», а потому, что печенная газета, доселѣ не дозволявшая, какъ видно, развернуться таланту г. Буквы во всей его полнотѣ, наконецъ-то догадалась снять пеленки съ многообъщающаго литератора и, такимъ образомъ, познакомила публику съ г. Буквой не такимъ, какимъ онъ казался, а такимъ, каковъ онъ былъ всегда и какимъ, вѣроятно, останется навсегда. И впечатлѣніе вышло дѣйствительно поразительное. Всѣ съ восторгомъ привѣтствовали появленіе г. Буквы во всей его неприкосновенной, дѣвственной, можно сказать, прелести, и я, невольно очарованный, сперва подумалъ, что авторъ не онъ, а г. Цитовичъ. Впрочемъ, ошибиться было легко. «Новое Время», отдавая вмѣстѣ со мною дань г. Буквѣ и зная, что высшая хвала и высшее поощреніе для молодого автора нашего времени заключаются въ сопоставленіи его съ знаменитымъ стилистомъ г. Одессы, такъ отозвалось объ авторѣ фельетона:

«Характеристика,—нужно отдать справедливость г. Буквѣ,—сдѣлана очень мѣтко и такимъ стилемъ, которому позавидовалъ бы г. Цитовичъ. Радуетъ, что событія заставили, наконецъ, сблизиться такіе, повидимому, несходные враждующіе лагеря».

«Новое Время» совершенно право. Г. Цитовичъ можетъ не только позавидовать стилю г. Буквы, но еще и поучиться у послѣдняго. Я читалъ и восторгался. Восторгался и читалъ... Въ самомъ дѣлѣ, Дженни, стиль превосходный...

Не знаю, могу-ли я передать тебѣ въ переводѣ все достоинство стиля, но во всякомъ случаѣ попробую сдѣлать нѣсколько выборокъ. Я-бы перевелъ весь фельетонъ, такъ-какъ онъ весь—прелестень, но не смѣю этого сдѣлать, во-первыхъ, изъ боязни заплатить г. Буквѣ вторично гонораръ за переводъ безъ позволенія, а, во-вторыхъ, изъ экономіи по пересылкѣ письма. Потому ограничусь нѣсколькими мѣстами.

Разсказывая о невѣжественныхъ бродячихъ силахъ, возмущающихъ—и, разумѣется, совершенно основательно—высокообразованнаго эрудита (я слышалъ, Дженни, что онъ считается однимъ изъ образованныхъ и знающихъ людей въ Россіи), онъ обнаруживаетъ справедливое негодованіе и, какъ справедливо выразилось «Новое Время», «мѣтко», именно мѣтко, дѣлаетъ характеристику бродячихъ силъ по всей Европѣ:

«Друзья ихъ и учителя жгли библіотеки и общественныя зданія, съ бѣшенствомъ дикарей разрушали памятники старины, достояніе искусствъ, насилывали женщинъ, упивались развратомъ и кровью, двѣ недѣли праздновали неистовую оргію пьянаго скотсва, считали для себя величайшею честью отрѣшиться отъ всѣхъ слѣдовъ и признаковъ цивилизаціи и, валяясь по клоакамъ и канавамъ, зывали къ «новой эрѣ», засаживая пулю въ лобъ всякому, кто не падалъ ничкомъ передъ неистовавшею уличною сводочью. Они, яко-бы проповѣдники «свободы», при первой возможности отличились такимъ азіятскимъ деспотизмомъ, такимъ циничнымъ неуваженіемъ къ правамъ человѣка и гражданина, такими гнусными преслѣдованіями мысли и слова и такими мазурническими захватами безнаказанно рѣзвющихся воришекъ, что первый опытъ ихъ «царствованія» вышелъ черезчуръ блестящимъ и поучительнымъ. Ни нашимъ, ни западнымъ разрушителямъ не вычеркнуть его изъ своихъ волчьихъ паспортовъ. Такіе уроки ни къмъ не забываются. По отношенію къ нимъ не можетъ быть въ средѣ интеллигенціи никакого разногласія. Современныя общества слишкомъ уважаютъ свое достоинство и черезчуръ брезгливы, чтобы допустить въ нѣдрахъ своихъ апостольское главенство разбитыхъ фізіономій изъ панельной черни. Кабакъ никогда не будетъ храмомъ, отребье — жожаками, свальный скопъ — цивилизаціею и кулачное насиліе—законностью. У человѣчества есть свой завѣтный драгоценный складень, на который оно и будетъ вѣка молиться. Царство великихъ, нестарѣющихъ истинъ, свободный полетъ мощнаго крыленнаго духа, чудная способность развитія и совершенствованія, блага гражданской и общественной правоспособности, возвышающее и облагораживающее вліяніе матеріальнаго прогреса не нуждаются въ адвокатахъ и не боятся никакихъ ни явныхъ, ни тайныхъ заговоровъ и агитацій. Наоборотъ, всякая догма, идущая въ разрѣзъ съ этими началами, будетъ низменною, на пескѣ выстроенною и недолговѣчною. А ученіе бродячихъ силъ одновременно подкапывается подъ всѣ историческіе и духовные устои. Мать «новой эры», родивъ на «общественномъ спускѣ» сына отъ брата и, миро-

показавъ младенца петролемъ, должна была-бы развивать и воспитывать его не то въ духѣ Зоологическаго сада, не то во вкусъ съѣзжей камеры, занимающейся «учеными» рефератами. Отцу, положимъ, еще хватило-бы на колбасу и на водку кое-какихъ остатковъ отъ упраздненныхъ казначействъ и банковъ, но юный динамитный гражданинъ вселенной, нося на шеѣ образокъ «Бланки-угодника», уже долженъ былъ-бы думать о свайныхъ постройкахъ и бесплатныхъ канибальскихъ буфетахъ. Внукамъ-же пришлось-бы уже совсѣмъ изъобезьяниться, дабы достигнуть идеала бибелевскаго человѣка».

Что-же касается до литературы бродячихъ силъ Германіи и Франціи, которую нашъ авторъ, какъ видно, изучилъ во всей полнотѣ, то, по словамъ его, она никогда не возвышалась до высоты письменнаго стиля. «Бродячіе теоретики, условные, отвлеченные мечтатели и доктринеры, непризнаваемые ни однимъ, ни другимъ лагеремъ. Литература бродячихъ силъ писалась и пишется на тумбахъ и въ ночлежныхъ норахъ. Это—продуктъ невѣжества, распушенности, неуваженія къ личности и отрицанія закона. Возставая противъ произвола и несправедливостей, она идеализируетъ насиліе, кровавую расправу и огульную ломку, вызываемую и оправдываемую инстинктами дикаря. Она разрушаетъ, ничего не созидая. Все въ ней подтасовано, передернуто, преувеличено и несбыточно. Она пикантна для незрѣлыхъ умовъ только своими цинизмами и парадоксами. Это — поэзія бездѣльничающаго и нахальнаго лѣнтяя-оборвыша. Она игнорируетъ общество, но и обществу нѣтъ до нея ни малѣйшаго дѣла. Эти паралели никогда не встрѣтятся».

Всѣ высказанныя мысли, надѣюсь, прольютъ, наконецъ, свѣтъ на сущность вопроса, и, смѣю думать, чело молодого фельетониста освѣтится блескомъ славы, вполнѣ имъ заслуженной. Онъ вникъ глубоко въ корень, онъ изучилъ, можно сказать, до тонкости европейскую науку и можетъ по-совѣсти сказать:

«Отнынѣ я знаменитъ!»

Ахъ, Дженни, Дженни, но какія-же могутъ быть трагикомическія послѣдствія! Вечеромъ того самого дня, когда зародилась слава г. Буквы, я былъ въ одномъ балаганѣ — нынче масляница—и, выходя оттуда, былъ пораженъ слѣдующими словами, вылетавшими изъ устъ подгулявшаго мелочнаго торговца. Онъ говорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Студенты заграничные, значить, вырѣзаютъ у бабъ груди и жрутъ, а послѣ внутренности вынимаютъ и тоже жрутъ, а

какъ насытятся, то кидаютъ останки собакамъ. Вотъ кто студенты въ заграницы...

— Врешь?

— Честное слово... Сегодня въ газетѣ читаль... Буква писала!..

— Онъ не говорилъ этого... Онъ не говорилъ этого! воскликнулъ я, видя, какъ здоровыя мысли, переходя изъ паркетнаго кабинета въ «панельную чернь»—извращаются. — Онъ не говорилъ этого... Студенты...

— Господинъ... потише!.. прервалъ меня старичекъ, сидѣвшій у кассы.

— А что?

— Не ругайтесь!!

Я и забылъ объ этомъ, Дженни. И спасибо старикъ напомнилъ. Въ самомъ дѣлѣ, эти слова многими здѣсь считаются ругательными.

Ты познакомилась, Дженни, съ весной въ русскихъ газетахъ. Въ слѣдующемъ письмѣ поговорю о веснѣ въ полтавской губерніи. До слѣдующаго письма.

Твой Джонни.

Письмо пятьдесятъ-шестов.

Дорогая Дженни!

«Оставивъ въ сторонѣ подробности», побесѣдую съ тобой о предметахъ, быть можетъ, и менѣе важныхъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ говорятъ теперь газеты, но, во всякомъ случаѣ, поучительныхъ и для джентлеменовъ деревни имѣющихъ весьма существенное значеніе.

Во-первыхъ, во многихъ мѣстностяхъ Россіи неурожай, а, во-вторыхъ, въ полтавской губерніи и въ нѣсколькихъ смежныхъ губерніяхъ свирѣпствуетъ дифтеритъ, и свирѣпствуетъ съ такой силой, что воображеніе англичанина отказывается вѣрить сообщаемымъ цифрамъ смертности. По обычаю, корень котораго, нажется, въ тѣхъ временахъ, когда еще царствовалъ въ Россіи царь Горохъ (русскіе, впрочемъ, говорятъ, что это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ правителей), русскіе не всегда успѣваютъ, — несмотря, конечно, на желаніе, — принимать мѣры своевременно и къ тому-же терпящіе о неурожаѣ по свойственной русскому человѣку безпритязательности не сообщаютъ о томъ по начальству, такъ-что начальство имѣетъ возможность дога-

даться иногда слишкомъ поздно. Вотъ почему и мѣры не всегда успѣваютъ, несмотря на все желаніе.

«Голодь—вотъ слово, сообщаетъ корреспондентъ «Голоса»,— которое теперь у всѣхъ на языкѣ, начиная отъ Каспійскаго моря до Чернаго и границъ Азіатской Турціи. Принимаются самыя радикальныя мѣры: мѣстные власти не щадятъ никакихъ средствъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, чтобъ умѣрить бѣдствія края; общество, въ свою очередь, занято мыслями о развитіи благотворительности въ широкихъ размѣрахъ. Но все, что уже сдѣлано или придется впредь сдѣлать, не можетъ уже принести и десятой доли тѣхъ плодовъ, какіе могли-бы быть пожаты, если-бы тѣ-же самыя мѣры были приняты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ—къ сожалѣнію, никто не хотѣлъ вѣрить этому! Прошло съ тѣхъ поръ три мѣсяца, и вотъ, среди бѣлаго дня, въ городѣ Нахичевани, эриванской губерніи, зарѣзался отецъ семейства, нѣкто Гассанъ, сознавшисъ врачу и нотаріусу въ предсмертныхъ судорогахъ, что ему тяжело было видѣть муки своего семейства отъ неминуемой голодной смерти и потому онъ рѣшился покончить разомъ съ собою.

Сообщаю вамъ еще объ одномъ вопіющемъ фактѣ, свидѣтелемъ котораго былъ пишущій эти строки. Нѣкто Хаджи изъ деревни Умри, за 20 пудовъ пшеницы продалъ своихъ двухъ семи и десятилѣтнихъ малютокъ—сына и дочь! Всего ужаснѣе то, что голодь разыгрался не только по всей окраинѣ Закавказскаго края, но и далеко за предѣлами ея, въ пограничныхъ персидскихъ и турецкихъ провинціяхъ, такъ-что неоткуда и помочь голодающимъ. На Кавказѣ нигдѣ нѣтъ излишка даже у скупщиковъ, а изъ Россіи и за-границы подвозъ закрытъ по случаю жестокой зимы и заваловъ. Вотъ перечень тѣхъ провинцій, гдѣ нынѣ ощущается настоящій голодь:

Въ Вастураканѣ, въ Ванской области, турецкой Арменіи, невозможно удовлетворить жителей собственными ихъ средствами. Было-бы величайшимъ благомъ, если-бы русскіе армяне пожалѣли своихъ несчастныхъ братьевъ и оказали имъ помощь. Въ Ванѣ были случаи смерти отъ голода. Въ Лорійской области, самой южной и жаркой по климату полосы Закавказскаго края, выпалъ снѣгъ глубиною въ аршинъ. Небывалый примѣръ! Голодь страшный—пудъ пшеницы 4 р. Въ Нухѣ, еще мѣсяць назадъ, въ виду наступающаго голода, образовалось товарищество, составившее капиталъ въ 151,150 руб. для закупки хлѣба, чтобы снабжать имъ городъ по возможно умѣренной цѣнѣ; но это благое дѣло оказалось каплею въ морѣ. Въ Батумской области хлѣбъ сильно вздорожалъ; къ веснѣ угрожаетъ настоя-

щій голодъ. Въ уздахъ Даралагезскомъ, Александропольскомъ, Эчмиадзинскомъ давно наступила голодная пора. Въ Ордуборъ пудъ пшеницы 3 руб. 40 коп.

Въ Тифлисѣ образовалась правительственная комисія, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Пещурова, для обезпеченія народнаго продовольствія въ краѣ. Одновременно съ этимъ, его императорское высочество намѣстникъ кавказскій вошелъ съ представленіемъ въ кавказскій комитетъ объ исходатайствованіи разрѣшенія кредита въ 1,000,000 рублей для помощи голодающимъ.

Независимо отъ этого, въ случаяхъ неотлагательныхъ, уже оказаны пособія. По тифлисской губерніи отпущено изъ мѣстныхъ интендантскихъ складовъ 14,500 пудовъ. По елисаветпольской губерніи отпущено въ распоряженіе губернатора 35,000 р.; по бакинской губерніи 28,000 р.; по зриванской губерніи 39,000 р. и 7,100 пудовъ пшеницы.

И изъ другихъ мѣстъ появляются не вполне благопріятныя свѣденія. По словамъ газетъ «нужда крестьянъ» и недоимки растутъ. По официальнымъ даннымъ къ 1 января 1878 года окладъ выкупныхъ платежей по имперіи составляли 41 миліонъ, а недоимки по нимъ 16½ миліоновъ, (около 40%). Въ подушной подати, составляющей 74 миліона въ годъ, недоимка составляетъ 11½ миліоновъ (21%) и нѣтъ возможности взыскать, при всемъ желаніи, эти недоимки.

По словамъ «Голоса»:

«Министерству финансовъ, на его запросы казеннымъ палатамъ, губернаторамъ, земствамъ, пришлось выслушать, что во многихъ мѣстахъ своего хлѣба крестьянамъ не хватаетъ далѣе «заговѣнья» (15-го ноября) и даже далѣе Покрова (1-го октября), а спеціальныя комисіи, отправленныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для изслѣдованія уѣздовъ суражскаго и мглинскаго, доносили, что тамъ «хлѣбъ почти не доступенъ для крестьянъ», что онъ служитъ не средствомъ питанія, а только «избавленіемъ отъ голодной смерти».

«Крестьяне употребляютъ хлѣбъ съ примѣсью сорныхъ травъ и конопляныхъ выжимокъ въ количествѣ иногда до половины и даже до 2/3. Есть селенія, въ которыхъ крестьяне не видятъ и такого хлѣба и по два, по три дня питаются щавелемъ, свареннымъ въ водѣ».

«Несмотря на все это, крестьяне еще кое-что платятъ, очевидно, «на счетъ своего питанія»; за то, «вслѣдствіе смертности отъ неблагопріятныхъ условій жизни», въ нѣкоторыхъ обще-

ствахъ (въ 50-ти изъ уѣзда) населеніе не только не увеличилось, даже уменьшилось!»

Разумѣется, русскія принимаютъ мѣры; но мѣры при всемъ добромъ желаніи, не достигаютъ цѣли, такъ-какъ мѣры эти имѣютъ характеръ поліативнаго леченія; иначе говоря, платежная тяжесть остается нетронутой...

Съ другой стороны и дѣло слишкомъ серьезно, что легко можешь, Дженни, видѣть хотя-бы на вопросѣ о дифтеритѣ, поднятѣмъ, благодаря тому, что во многихъ уѣздахъ полтавской губерніи, какъ свидѣтельствуяютъ официальные свѣденія, вымерло значительное число дѣтскаго населенія. Прочти эти строки и не ужасайся: «Я видѣлъ одного полтавскаго помѣщика—сообщаетъ докторъ Зеленскій—подтверждающаго, что въ одномъ изъ мѣстныхъ селеній въ 12,000 жителей, всѣ дѣти вымерли».

Да хранитъ Господь Богъ нашихъ дѣтей. Но снова повторю, не ужасайся и не удивляйся, что и я перестаю ужасаться.

Глядя, какъ русскіе хладнокровно читаютъ о такихъ вещахъ, я и самъ пріучился говорить о многомъ хладнокровно; впрочемъ надо сказать правду—русскіе, какъ видно, не особенно дорожатъ жизнью, такъ что въ этомъ отношеніи похожи на китайцевъ. Имъ все тринь-трава, какъ здѣсь выражаются, хотя-бы процентъ смертности, какъ напримѣръ, въ Петербургѣ и достигалъ значительной высоты.

Если вѣрить доктору Зеленскому, напечатавшему весьма интересную статью о дифтеритѣ въ Россіи, то русскаго человѣка мало волнуютъ общественныя бѣдствія. Его глаза присмотрѣлись ко всякой бѣдѣ, его нервы ко всему притерпѣлись. Эта безучастность къ общему дѣлу воспиталась и укрѣпилась въ русскомъ народѣ,—исключая нѣсколько свѣтлыхъ моментовъ,—всею его историческою жизнью. Забота объ общемъ благѣ никогда не касалась массы личностей, какъ части цѣлаго, и потому всякій членъ общества искони привыкъ сосредоточивать исключительно всѣ помыслы и дѣянія въ своей единичной, чисто эгоистической сферѣ. Все, что совершалось внѣ ея, мало его трогало или вовсе было ему чуждо. Изъ всего цивилизованнаго міра, имъ больше всего приличенъ девизъ: «всякій за себя и Богъ за всѣхъ». Но, тѣмъ не менѣе, бываютъ случаи, когда эта общественная апатія невольнo возмущаетъ душу».

Почему русскаго человѣка мало волнуютъ общественныя бѣдствія и почему онъ впадаетъ въ апатію объ этомъ я не стану распространяться; разумѣется, можно «невольнo» и «вольнo» возмущаться, а все-таки апатія будетъ, пока русскіе только «возмущаются».

По словамъ доктора, эпидемія этого рода не стоитъ на одномъ мѣстѣ. «Она съ каждымъ днемъ распространяется все на большія территоріи. Сумма въ десятки тысячъ жертвъ, скоро вырастетъ въ сотни тысячъ. Изъ нихъ главный контингентъ принадлежитъ дѣтскому возрасту. Не только этотъ повальный моръ ужасенъ самъ по себѣ, но самый родъ смерти отъ дифтерита еще глубже долженъ потрясти человѣческую душу. Большая часть несчастныхъ малютокъ умираетъ отъ пораженія дыхательнаго горла. Это не мгновенное задушеніе, а продолжающееся нѣсколько безконечныхъ дней и ночей. Жестокая боль душитъ свою жертву каждое мгновеніе, останавливаясь каждый разъ на порогѣ смерти, давъ ребенку вздохнуть для того только, чтобъ снова начать свою ужасную работу. Невыразимо мучительно покупаютъ эти несчастныя малютки свой преждевременный могильный покой. Душевная боль, вызываемая этою картиною, еще больше обостряется сознаниемъ, что, даже при нынѣшнемъ состояніи науки, многія тысячи жертвъ могли-бы быть несомнѣнно спасены не только отъ заразы, но и отъ развившейся уже болѣзни. Безконечная продолжительность эпидеміи въ однихъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ, ужасная отъ нея смертность свидѣтельствуя о средневѣковомъ состояніи нашей цивилизаціи. По Эртелю, цифра смертности въ различныхъ эпидеміяхъ колеблется между 30 и 40%; у насъ-же между 60 и 85%! Причина этой продолжительности и смертности эпидеміи, большею частью, безъ всякаго сомнѣнія, зависитъ отъ апатіи общества, отъ игнорированія того, что успѣла выработать наука въ этомъ отношеніи».

«Что сдѣлало мѣстное общество и земство въ продолженіи всего существованія эпидеміи для борьбы съ нею? Невыразимо стыдно за него, но нужно сознаться, что оно почти ничего не сдѣлало. Какъ видно изъ брошюры г. Ахшарумова, только послѣ трехлѣтняго свирѣпствованія эпидеміи полтавское земство постановило: выдавать каждому уѣзду по 500 руб. на принятіе мѣръ къ прекращенію дифтерита. Для борьбы съ эпидеміей въ каждомъ уѣздѣ до того имѣлись не болѣе одного или двухъ врачей; только въ половинѣ 1879 года въ уѣздѣ уже находилось пять врачей и около 20-ти фельдшеровъ. Что можетъ сдѣлать даже и этотъ увеличенный медицинскій персоналъ съ 5,000 больными, изъ которыхъ каждаго необходимо изслѣдовать, спринговать и т. п. по нѣскольку разъ въ день, пойметъ всякій».

Когда уже смертность сдѣлалась ужасающая, тогда поднялся вопросъ и, какъ извѣстно, Красный Крестъ послалъ отрядъ, а земство асигновало 100,000. Но эпидемія была уже запущена.

Какъ и всегда, когда здѣсь бѣдствіе является уже слишкомъ гласнымъ, собираются комисіи и рѣшаются вопросы: отчего, почему, какъ, гдѣ и т. п... И тогда-то всѣ въ одинъ голосъ отвѣчаютъ, что нищета служить лучшимъ проводникомъ всевозможныхъ эпидемій.

Но пройдетъ яркая картина, пронесется смертный бичъ и снова комисіи упраздняются и снова рускіе по легкомыслію забываютъ выводъ комисіи, снова тѣ-же условія прикапливаютъ матеріалъ для новой эпидеміи и снова, когда эпидемія достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ, собираются новыя ученныя комисіи, констатируютъ факты, изслѣдуютъ причины, произносятся опять слова: «невѣжество, нищета» посылаютъ врачей и... и понимаютъ, что ставятъ заплатку, т. е. врачи не могутъ-же ни поднять благосостоянія, ни дать хлѣба, ни дать молока.

Вотъ какъ докторъ Зеленскій описываетъ причины трудностей борьбы съ дифтеритомъ и самую болѣзнь, при которой съ ужаснѣйшими мученіями умираютъ жертвы:

«Съ самаго ранняго начала жизни человѣчества, между всѣми его союзами, самый тѣсный союзъ былъ всегда между паразитизмомъ и нуждою человѣчества. Несмотря на то, что югъ Россіи есть самый плодородный и богато одаренъ природою въ климатическомъ и другихъ отношеніяхъ, питаніе мѣстныхъ жителей ужасно, жилища—клоаки и разсадники заразительныхъ болѣзней. Большую половину года, вслѣдствіе постовъ, дѣти совершенно лишаются употребленія молока и необходимыхъ для ихъ развитія жировъ. Каша, невозможныя голушки, дурно испеченный хлѣбъ и картофель составляютъ пищу зажиточныхъ крестьянъ. О бѣдныхъ и говорить страшно. Пища производителей этихъ дѣтей не лучшаго качества. Истощающій мышечный трудъ взрослыхъ, при самой ничтожной мыслевой дѣятельности, заставляетъ искать ихъ въ водкѣ средство искусственнаго возбужденія фантазіи, какъ сурогата мысли и средство возвышенія низкаго уровня дѣятельности нервной системы. Этимъ искусственнымъ стимуломъ, оставляющимъ послѣ своего возбужденія еще большій упадокъ дѣятельности нервной системы, еще болѣе разшатывается сила ея устоя противъ внѣшнихъ вредныхъ вліяній на организмъ. Это даетъ себя знать путемъ наслѣдства въ дѣтяхъ. Смертность между ними и безъ дифтерита ужасна.

«Жилые этихъ людей, несмотря на привлекательную бѣлизну стѣнъ, не находятъ себѣ ничего подобнаго во всей Европѣ въ отношеніи гигиеническаго безобразія. Бокъ о бокъ съ хатою или въ ихъ сѣняхъ находится помѣщеніе для домашнихъ животныхъ,

гдѣ гниетъ все ими извергаемое. Въ самой хатѣ маленькія окна, почти всегда на-глухо задѣланныя; но ужаснѣе всего голый земляной полъ. Малороссы боятся холода. Дѣти и бабы, особенно, почти во всю зиму безвыходно остаются въ хатѣ. Любимое мѣсто пребыванія въ хатѣ—натопленная печь. Кромѣ тѣсноты и вони въ хатѣ отъ людей, тамъ очень часто находятся и испражняются мелкія животныя и птицы. Вслѣдствіе опасенія холода, двери всегда зимою тщательно запираются. Независимо отъ ужасной испорченности воздуха, которымъ дышутъ обитатели такой хаты, весь вредъ его дѣлается еще понятнѣе, когда мы вспомнимъ, что стѣны этихъ хатъ выбѣлены мѣломъ — веществомъ очень гигроскопическимъ и потому обильно поглощающимъ испаренія и газы. Сверхъ того, хаты, строющіяся безъ фундамента, имѣютъ полъ непосредственно на почвѣ, голый, и потому имъ очень легко всасываются всѣ нечистоты, изливающіяся на него сверху, а снизу черезъ него входятъ въ хату всѣ грунтовыя вредныя испаренія и міазмы. Эти условія, по нашему мнѣнію, очень легко объясняютъ констатированный фактъ, что дифтеритъ въ деревняхъ, въ большомъ воздушномъ просторѣ, несравненно болѣе уноситъ жертвъ, нежели въ городахъ, несмотря на то, что города тоже находятся въ очень плачевныхъ условіяхъ».

Кригеръ, изслѣдовавшій причины заболѣванія дифтеритомъ въ семействахъ рабочихъ, говоритъ: «Дѣти, остающіяся болѣе дома зимою, спящія въ мѣстахъ комнатъ, болѣе приближенныхъ къ печи, впродолженіи зимы отъ накопляющагося вліянія искусственнаго комнатнаго климата болѣе расположены и легче заболѣваютъ дифтеритомъ». Гейгель, разсматривая причины разстройства общественнаго здоровья, говоритъ слѣдующее: «Что почва въ большомъ видѣ, то полъ жилья въ маломъ, при соотвѣтственныхъ условіяхъ. Какъ въ глубинѣ земли, такъ-же въ отверстіи пола и щели между его досками или въ разрыхленномъ пескѣ и глинѣ могутъ развиваться условія зарожденія тифозной эпидеміи отъ разложенія и гніенія органическихъ веществъ, также какъ въ глубинѣ земли». У насъ-же, гдѣ весь полъ есть голая земля, о щеляхъ и рѣчи быть не можетъ. Всѣ живущіе въ хатѣ, не только окружены ими самими испорченною атмосферою, вредно измѣняющею кровь и питаніе организма, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находятся постоянно подъ вліяніемъ вредныхъ испареній отъ стѣнъ и всей поверхности пола жилья. Если мы къ этому прибавимъ нерасположеніе малороссіянь къ банямъ, причемъ, кромѣ мѣстныхъ обмовеній, общія производятся только лѣтомъ въ

мѣстныхъ рѣчкахъ и прудахъ, только тамъ, гдѣ они имѣются, то получится полная картина.

«Вредное вліяніе продолжительнаго пребыванія въ дурно вентилированномъ жильѣ» — говоритъ Гейгель — неизмѣримо увеличится, когда къ вдыханію испорченнаго, можетъ быть, и съ примѣсью міазматическихъ веществъ, воздуха, вызывающаго болѣзненное кровообразованіе, еще присоединяются неправильности въ отправленияхъ кожи». Тѣснота помѣщенія и непониманіе условій заразы вообще, со стороны родителей, способствуютъ инокуляціи и большему развитію круга зараженія».

Вотъ съ какимъ врагомъ приходится, Дженни, бороться. А между тѣмъ врагъ силенъ, а русскіе слабы, больше чѣмъ слабы, какъ видишь, почти беззащитны.

Но что еще страннѣе, Дженни, такъ это то — если вѣрить доктору Зеленскому — что при этой-то беззащитности люди, на которыхъ возложено было руководство дѣломъ, оказываются далеко не на высотѣ науки. Такъ докторъ Зеленскій, разбирая составленное професоромъ Быстровымъ «Наставленіе всѣмъ грамотнымъ людямъ» и разосланное по всѣмъ волостямъ и деревнямъ, приходитъ къ неутѣшительному результату, объясняя, что совѣты професора совсѣмъ не научны, а блещутъ шарлатанствомъ...

Не смѣя судить, кто правъ, я все-таки не могъ не согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями доктора...

Что тебѣ еще сказать, Дженни?.. Остается поставить точку.

Твой другъ Джонни.

Знатный Иностранецъ.

Съ подлиннымъ вѣрно.

Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИЖКИ.

Крутыя горы. Романъ. (Часть I. Гл. VIII—.)	<i>Я. П. Полонскаго.</i>
Изъ „зимнихъ пѣсень“. Стихотвореніе.	<i>Н. В. Быкова.</i>
Комисія уложенія и крестьянское дѣло при Екатеринѣ II. (Статья вторая.)	<i>С. С. Пашкова.</i>
Мнѣ жаль тебя! Стихотвореніе.	<i>С—каго.</i>
Хамелеонъ. Историческій романъ (Гл. XI—XVI.) Перев. съ испанскаго.	<i>Переса Гальдоса.</i>
Контрасты. Стихотвореніе	<i>С—каго.</i>
Дочь Іезавели. Романъ. (Часть I. Гл. VIII—XVI.) Пер. съ англійскаго.	<i>Уильки Колинза.</i>
Изнанка цивилизаціи. Дѣти въ большихъ городахъ. (Окончаніе.)	<i>Л. И. Мечникова.</i>
Паутина. Сцены. (Продолженіе.)!	<i>Н. И. Наумова.</i>
Политическіе типы XVIII вѣка.	<i>П. Урюмова.</i>
Молитва. Стихотвореніе. (Изъ Дранмора.)	<i>М. Н. Шелунова.</i>
Два брата. Романъ. (Часть I. Гл. IV—X.)	<i>К. М. Станюковича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Гнилые корни. (Ст. первая.)	<i>П. Никитина.</i>
Бѣдность русской мысли.	<i>Н. В. Шелунова.</i>
Исслѣдованія страны, гдѣ раки зимуютъ	<i>S. S.</i>
Есть-ли о чемъ вспоминать намъ?	<i>Г. Б.</i>
Новыя книги.	
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. Ш.</i>
1855—1880 годъ	
Политическая и общественная хроника.	<i>Ж.</i>
Бартянки общественной жизни. Письма „знатныхъ иностранцевъ“.	
Письма лорда Розберри	<i>Откровеннаго Писателя.</i>

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ., подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое. 1878 г. Съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 руб.; съ пересылкой 2 руб. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологій. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. Н. Пасарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій въ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современныя политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Риклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньёво. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки).

ны Китая.—Какъ подавляютъ насъ американцы.—Есть-ли казой-нибудь толкъ для русскаго промышленнаго развитія отъ поѣздокъ русскнхъ за- границу и отъ посѣщеній Россіи иностранцами?

19. 1855—1880 ГОДЪ
20. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕН-
НАЯ ХРОНИКА. Д.
21. КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ЖИЗНИ. Письма „знатныхъ ино-
странцевъ“. Письма лорда Розберри. . ОТКРОВЕННОГО ПИСАТЕЛЯ.
22. ОБЪЯВЛЕНЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“
ВЪ 1880 ГОДУ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И НА-ДНЯХЪ ВЫЙДЕТЬ

ИДИОТИЗМЪ И ТУПОУМІЕ,

Соч. УИЛЬЯМА АЙРЛАНДА.

Перев. съ англійскаго, съ рисунками и съ предисловіемъ проф.
И. П. Мержеевского. Ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 р.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

четвертое изданіе книги:

ПОПУЛЯРНАЯ ГИГИЕНА,

Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ
средѣ народа.

Соч. КАРЛА РЕКЛАМА (професора медицины въ Лейпцигѣ)
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ВОЕННОЙ ГИГИЕНЫ.

Соч. Д-ра ВЕЙМАНА.

(Швейцарскаго гигиениста.)

Изданіе редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этомъ № помѣщены объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ
1880 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала „Дѣло“.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1880 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу, во всеѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „

Для слушащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначенныхъ.

Издатель Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

За редактора П. ВЫКОВЪ.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

STAMP
CANCELLED BY
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 302 550